

5 | КАРТЕР БРАУН

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР
БРАУН

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР БРАУН

ТОМ 5

Баку
Концертн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

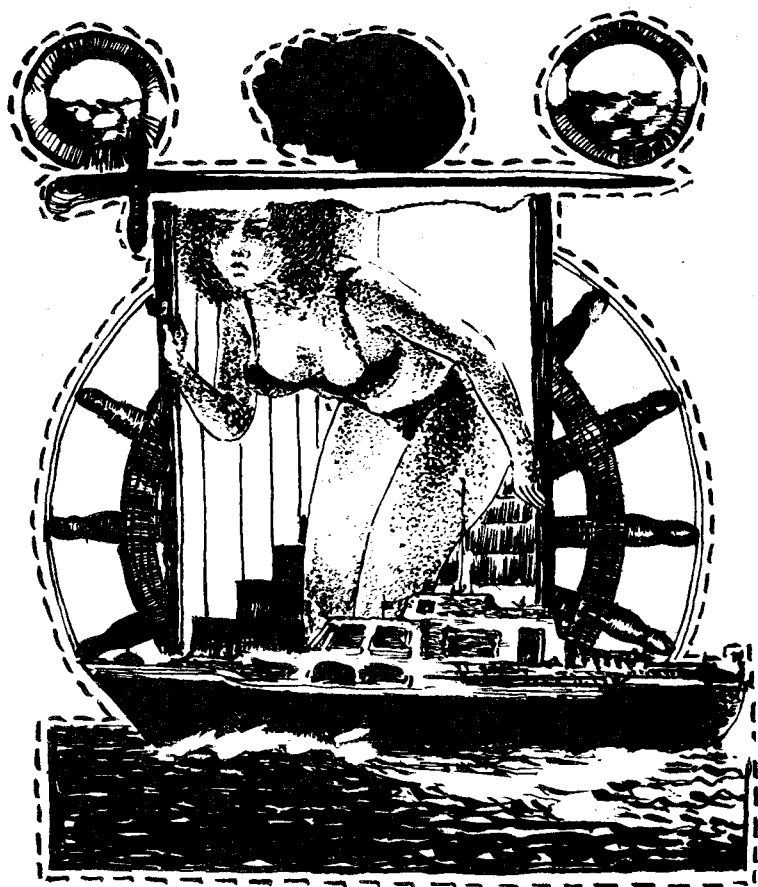
«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

Б 4703040100 0.32
93 без обьема.

ISBN 5-87860-029-3

(*) Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

**ЭТОТ МИЛЫЙ,
СТАРЫЙ БЛЮЗ**

Глава I

— Если вы не можете снять художественный фильм в срок, то вам нужно работать не на телевидении, — прорычал Гугенхаммер в телефон. — Вот как, она не смогла этого сделать! Мы выбрасываем каждую неделю тысячи долларов ради этого маскарада, только лишь для того, чтобы устранить всякие неожиданности.

Он помолчал, выслушал собеседника, а потом серьезно сказал:

— Сделайте все крупным планом, начиная с шеи, и дальше вниз. Вы что, думаете, что зритель идет в кино исключительно для того, чтобы посмотреть на ее физиономию?

Он бросил трубку на рычаг и уставился на меня.

— Что вы хотите, Бойд?

— Абсолютно ничего, — сказал я. — Это вы от меня что-то хотите.

— Да, правильно. — Он наморщил лоб. — А что, черт возьми, я от вас хотел?

— Видимо, вы хотели видеть меня, Денни Бойда из фирмы «Бойд Энтерпрайз», — терпеливо ответил я. — Вы заставили меня приехать сюда из Нью-Йорка, то есть с одного конца страны на другой, и потратить на это большие деньги. А сейчас вы не можете даже вспомнить, для чего...

Дверь внезапно открылась, и в кабинет вплыла красавица-блондинка в бюстгалтере с серебристыми звездочками и в брюках в обтяжку с серебристыми полосками. Когда я повернулся в ее сторону, блондинка показалась мне немного грустной и обиженной.

— Гугги! — возопила она в отчаянии.

— Что, дорогая? — осторожно спросил продюссер.

— Он требует от меня, чтобы я залезла в клетку с настоящим львом!

— Не беспокойся, дорогая! — Он сальными глазами ощупал ее. — У них там не львица, а лев. Все, что тебе надо сделать, это потрепать его немного по носу, и он будет есть из твоих рук, как и все остальные твои приятели. — Он сделал движение рукой, будто давал понять, что разговор закончен.

— Будет есть из моих рук? — запричитала она. — О Боже! Да он сразу оттяпает мне руку по локоть!

— Тогда ты должна взять кого-нибудь на эту роль, — серьезно сказал Гугенхаммер. — Ведь, в конце концов, это цирковой фильм, не так ли? Так чего ты хочешь, черт возьми? Кучу дрессированных блох? Если ты не хочешь брать эту роль, ты уволена, дорогая. А теперь исчезни с моих глаз, да призадумайся над тем, как тебе быть дальше. — Громко выражая свой протест голосовыми связками, блондинка вышла из кабинета. Гугенхаммер зажег одну из своих огромных сигар и снова посмотрел на меня.

— Так на чем мы остановились?

— Вы как раз собирались вспомнить, зачем вы меня вызвали сюда, — услужливо ответил я.

— Правильно! — Он выпустил облако густого дыма в моем направлении. — Теперь я вспомнил. Речь идет об этой Ван Равен.

— Глории Ван Равен? — спросил я. — Вы мне говорите о той даме, которая даже в профиль не умещается на широком экране?

— Она от меня убежала, — задумчиво сказал он. — От меня, который вывел ее в люди и превратил из ничего в звезду. А что я за это имею? Ничего, если не считать одной крошечной уступки.

— Мне трудно судить об этом, — вежливо заметил я. — Но в чем, собственно, дело? Какие-нибудь трудности с договором?

— Не с договором, а с парнем, у которого голубая кровь и яхта, — Гугенхаммер глубоко вздохнул. — И беспокоит меня не сама Глория. Но каждый раз, когда я снимаю фильм с ее участием, она мне обходится не меньше, чем в три миллиона долларов. Так что речь не о девчонке, поймите меня, Бойд! Не о девчонке, а о деньгах!

— Значит, я должен вернуть ее к вам, — констатировал я.

Он кивнул в знак согласия.

— Сегодня среда, если мой настольный календарь меня не обманывает, и если я не ошибаюсь, то ее чертова секретарша собирается сегодня поехать к ней. Съемки

начинаются в следующий вторник. За это время вы должны вернуть мне ее целой и невредимой.

— Где ее видели последний раз? — спросил я.

— Свяжитесь с ее секретаршей, — коротко ответил он. — Это милая девочка.

— Здесь, в Голливуде? — Я с недоверием посмотрел на него. — Вы шутите.

— Для этого у меня есть шутники, Бойд. Мое бюро выдаст вам адрес. Я имею в виду адрес ее секретарши. Если кто-нибудь и знает, куда исчезла эта рыжая, то только она.

— О'кей, — сказал я. — Теперь у меня еще один маленький пункт, мистер Гугенхаммер.

— Правильно, — перебил он меня. — Две тысячи, если вы доставите ее в срок, к съемкам. И жирный ноль, если вы этого не сделаете.

— С вашим талантом так ясно и выразительно высказывать свои мысли... Вам нужно делать карьеру в политике, а не в целлулоидной промышленности, — сказал я с почтением.

Его лицо покраснело.

— Вы называете художественные фильмы целлулоидной промышленностью? — прогремел он. — Черт бы вас побрал, Бойд, это еще хуже, чем плевать на ковер.

— Значит, будет все в порядке, если я сейчас плюну на ковер, не так ли? — холодно спросил я. Он запустил руки в свои густые волосы, словно там завелась какая-то живность.

— Так вот вы какой, Денни Бойд? — буркнул он. — Прошедший огонь и воду, предприниматель с восточного побережья, который урегулирует все дела — за деньги. О'кей. Но хорошие манеры ничего не будут стоить, вас ждет прекрасное будущее и другие мои поручения, — если вы вовремя вернете мне Глорию.

— Меня радуют ваши слова, мистер Гугенхаммер, — вежливо ответил я. — И я всегда буду о них вспоминать, когда по телевизору будут прокручивать старую целлулоидную ленту.

— Вон!

Я пошел в его бюро, и там мне сказали, что секретаршу Глории зовут Эприл Мауэр. Я ни на секунду не поверил в это, так как в Голливуде только такие имена, как Смит и Джонс могут быть подлинными. Во всяком случае, эта Эприл жила на вилле Глории Ван Равен за городом в Беверли-Хилл, поэтому я сел за руль своего кабриолета и,

покинув место стоянки, поехал в направлении бульвара Сенсат.

Стоял погожий солнечный день, и я откинул верх своей машины, чтобы прохожие могли полюбоваться профилем Бойда. Когда я этим утром покидал Манхеттен, шел дождь, и моя секретарша мисс Джордан, с огненными волосами и холодными зелеными глазами, с довольно хмурым видом сунула мне в руки билет на самолет. Эта куколка не умеет бороться с трудностями жизни: она не может ни поддерживать огонь в семейном очаге, ни достать такси в дождливую погоду.

Жилище Ван Равен имело такой же фронтон, как и ее обительница: он тоже не поместился бы на широком экране. Я провел машину по извилистой подъездной дороге и остановился рядом с темно-синим «континенталем», который выглядел очень уныло, так как его покрышки были заляпаны грязью.

На мой звонок появилась голубоглазая блондинка. На ней был белый купальник с короткой юбочкой, обшитой кружевами, которая позволяла видеть загорелые ноги выше колен. Юбка была чрезвычайно узкая, но ее хозяйка могла принимать в ней любую позу, подчеркивая прелести своей фигуры.

— Вы что-нибудь хотите? — спросила она холодным и спокойным голосом.

— Меня зовут Денни Бойд, — сказал я медленно и дал ей кучу времени на то, чтобы она могла полюбоваться моим потрясающим профилем. — Со студии, — добавил я.

— Кажется, так оно и есть, — сказала она приветливо. — Только актер может говорить, глядя в сторону, чтобы быть уверенным, что его профиль не оставят без внимания. А как посмотрится ваш профиль с левой стороны? Я думаю, тоже удивительно.

— Судя по всему, вы Эприл Мауэр, — сказал я. — А как вас звали раньше? Может быть, Шмальд?

— Если речь идет только о том, чтобы нанести мне оскорбление, то почему же студия не ограничилась тем, что прислала бы сюда какого-нибудь писаря? — с любопытством спросила она.

— Гугенхаммер хочет, чтобы прелестный кусок плоти вернулся к нему до вторника, то есть своевременно, чтобы он мог начать съемки фильма, — фыркнул я. — И он сказал, чтобы я спросил вас, где ее можно найти?

Она неопределенно кивнула и ответила: — Может быть, будет все-таки лучше, если вы войдете?

Дом был меблирован таким образом, словно в нем никто не собирался задерживаться на долгое время. Эприл Мауэр провела меня к хорошо освещенному бару, который находился перед патио, выложенным белыми плитками. К нему примыкал плавательный бассейн, выдержанный в голубых тонах.

— Давайте что-нибудь выпьем, мистер Бойд,— сказала Эприл и показала на бар.— В такой день всегда приятно выпить.

— Благодарю. Меня зовут Денни.

— Совсем не обязательно было упоминать об этом, мистер Бойд,— ответила она и мило улыбнулась.— Ведь я вас об этом не спрашивала.

— Могу я приготовить для вас напиток? Может быть, «Санифлеш» с содовой,— недовольно пробурчал я.

— Я не пью.

— Чем же вы тогда занимаетесь, мисс Мауэр? — заинтересовался я.— Пишете неприличные слова на стенах? Ведь какой-то порок вы должны иметь.

— Мне довольно и того, что я сижу в этой комнате и смотрю на вас,— ответила она.— Может, мне со временем и удастся увидеть ваш сногсшибательный профиль.

Я наполнил бокал кубиками льда и щедро залил их бурбоном. Эприл Мауэр сидела, закинув ногу на ногу на одном из табуретов бара, показывая при этом кусочек своих трусиков, вылезающих из-под короткой юбочки ее купального костюма. Я сказал себе, что это не Нью-Йорк и, наверное, месяца через три я перестану обращать на это внимание.

— Так где я могу найти Глорию Ван Равен? — спросил я.

— Не знаю,— деловым тоном ответила она.— Но думаю, что где-нибудь на побережье.

— А точнее вы не могли бы сказать,— попросил я.— Хотя бы на каком из: Западном или Восточном?

— На Восточном? — переспросила она с сомнением.— В этом я не совсем уверена, мистер Бойд.

— Может, мне сразу начать с Аляски, проехав одно побережье вниз, а затем подняться по другому на север?

На какое-то мгновение я обратил внимание на ее руки. Они были тщательно ухожены, и ногти покрыты золотистым лаком.

— Это довольно сложно,— объяснила она.

— Как говорится, любовь в каноэ, не так ли?

— Попали прямо в яблочко,— она поморгала своими большими голубыми глазами.

— Ну, в таком случае мне очень жаль каноэ,— сказал я.

— Как в классике — Глория и Эдвард!

— Эдвард?

— Эдвард Вулрих Второй,— ответила она.— Это жар души Глории. Правда, до последнего времени он был небольшой, но грозит вырасти в настоящее пламя. В лесной пожар. Собственно, вы должны были слышать об Эдварде.

— Нет, не слышал,— ответил я.— А почему должен был?

Она мягко улыбнулась.

— Потому что он крупный зверь с Уолл-стрит. Так он говорит.

— А что Уолл-стрит говорит о нем? — спросил я.

— Я об этом не спрашивала.

Кубики льда стукнулись о мои зубы, когда я отпил изрядный глоток бурбона. Вот такие дела! В прекрасный летний день я должен искать даму, по всей вероятности, весьма несамостоятельную.

— Так они только вдвоем? — спросил я безучастным голосом.

— Нет,— она энергично затрясла своими светлыми и густыми локонами.— Мускат Муллис тоже отправился с ними. Вы его наверняка знаете.

— Трубач? — Я кивнул.— Я знаю некоторые из его вещей.

— И потом еще Эллен Фицрой,— добавила Эприл.

— Можно подумать, что Глория забрала с собой весь свой цирк,— простонал я.— Кто, черт возьми, эта Эллен Фицрой?

— Исполнительница блюзов из Чикаго. Поет в современном стиле. Они с Глорией или учились вместе, или занимались чем-то другим, не знаю.— Эприл пожала своими круглыми плечиками.— Во всяком случае, Эллен — старая ее подруга.

— Представьте мне и остальное общество,— сонным голосом попросил я.— И можете не торопиться. Для меня на данный момент слышать ваш голос — истинное наслаждение.

— Их было только четверо, когда они уезжали, мистер Бойд,— бодро ответила она.— Но, возможно, что по дороге

они кого-нибудь и прихватили. Вы знаете, как это бывает, когда человек пьян и тому подобное...

— По дороге куда?

— По дороге к яхте Эдварда.— Она удивленно подняла брови.— Вы что, не знаете, что у него есть яхта?

— Кажется, что-то доводилось слышать,— проскрипел я.— А теперь напрягите свою память, Эприл, и скажите, где находится эта яхта в настоящее время?

— Мне кажется, что они мне этого не сказали, потому что я их об этом не спрашивала.— Она наморщила лобик.— Но я почти уверена, что она находится на Восточном побережье.

Я допил свой бурбон и заметил, что кубики льда выглядят так, будто хотят снова быть залитыми алкоголем, да и я в этот момент здорово нуждался в дополнительной порции.

— Когда они уехали? — спросил я.

— Два дня тому назад, приблизительно в четыре утра, когда выпили все виски в доме.

— А вы знаете других: этого Вулриха, Муллиса и эту даму по имени Эллен? — спросил я с внезапной надеждой.

— Я была им представлена,— призналась она дипломатично.— Но я бы не назвала их личными друзьями, хотя этот Муллис и пытался заигрывать со мной. Я считаю, что его руки стали такими корявыми из-за игры на трубе. А вы как считаете, мистер Бойд?

— Я все время спрашиваю себя: имеются ли у вас какие-нибудь планы, начиная с сегодняшнего дня и до вторника?

— Вы хотите сделать мне какое-нибудь предложение, мистер Бойд? — В ее улыбке было что-то материнское.— Как наивно. Буквально до удивления. Я люблю таких простых людей.

— Восточное побережье очень большое, а у меня только пять дней, чтобы прочесать его,— пробурчал я.— Поэтому я подумал, что вы могли бы мне помочь. Тогда шанс найти Глорию стал бы один к четырем, так как вы знаете, как выглядят остальные, а я этого не знаю.

— Я бы с удовольствием помогла вам, мистер Бойд. Действительно с удовольствием,— сказала она дружелюбно.— Но пять дней наедине с вами — это уже слишком. Я устану от борьбы.

Где-то в доме настойчиво зазвонил телефон. Эприл какое-то время прислушивалась к звонкам, а потом скользнула со своего табурета и прошла к другому концу бара, где

находились какие-то соединительные устройства цвета слоновой кости. Она нажала на одну из кнопок, находящихся на цоколе аппарата, и сняла трубку. Я допил вторую порцию бурбона и закурил сигарету, в то время как Эприл бросала в трубку какие-то незначительные замечания. Наконец, она повесила трубку и самодовольно посмотрела на меня.

— Звонила Глория,— сказала она.

— Тогда скажите, черт возьми, где она находится,— прогремел я.— Иначе у меня лопнут вены.

— О, крови не надо,— с наигранным страхом сказала она.— Она не будет гармонировать с мебелью. Глория в настоящий момент находится в форте Лаудердел.

— А где находится этот форт? — спросил я с дрожью в голосе.

— Во Флориде, мистер Бойд. Точнее, в море напротив Флориды.

— Значит, она на борту яхты Вулриха?

— Местечко называется Бахия-Мар, а они, как говорит Глория, остановились в роскошной гавани для яхты,— добавила Эприл.— Это похоже на Эдварда. Я никогда не считала его таким парнем, который рискнет плавать по всему свету.

— Благодарю вас, Эприл,— сказал я, направляясь к двери.— Я бы не сказал, что роскошно поразвлекался с вами, так как это не соответствует действительности, но в конце концов, мы кое о чем поговорили и пришли к общему знаменателю. Мне остается только добавить, что вы великолепно выглядите в этом купальном костюме. Только один вопрос: он имеет вшитый бюстгальтер?

— Конечно, нет,— честно ответила она.

— Значит, это все подлинное? — спросил я с изумлением.— Да, но почему, черт возьми, Глория не могла остаться дома? Тогда бы мы поразвлекались эти пять дней, делая вид, что ищем ее.

Я как раз дошел до передней веранды, когда меня остановил голос Эприл:

— Мистер Бойд!

Она вышла на веранду, не торопясь, ибо чертовски хорошо знала, что я буду ее ждать.

— Это ваше предложение, которое вы сделали...— Она сдержанно улыбнулась.— Я ведь могу поймать вас на слове.

— Правда?

Мысль о том, что я могу провести целых пять дней

с этой светловолосой красавицей, которой даже не нужен бюстгальтер, меня так взволновала, что я непроизвольно показал ей обе стороны моего профиля, сперва правую, потом левую.

— Глория хотела, чтобы я приехала в Бахия-Мар и привезла ее одежду, которую она забыла, — сказала она с улыбкой. — Так что вы можете помочь мне нести чемоданы.

Глава 2

Весь полет с Эприл Мауэр сопровождался блестящим диалогом. Сразу после старта она сказала «нет», когда я спросил ее, заказать ли ей коктейль, и, незадолго до посадки она спросила: — Что за бюстгальтер? — Это когда я спросил ее, кто виноват: фигура или бюстгальтер, в том что она выглядит, как выжатый лимон. Между этими двумя репликами было полное молчание, которое действовало мне на нервы.

Наш дальнейший — водный путь — предназначался, очевидно, для такого рода пиратов, которые лучше ориентируются по картам шоссеиных дорог.

Он простирался от залива до Нью-Джерси и, если кому-нибудь становилось скучно, то не было проблемой сойти на берег и просто пересесть на автобус, предоставив свою судьбу Господу Богу.

Бахия-Мар на первый взгляд казалась самой фантастической гаванью, которую вы только могли себе представить. За исключением, разве что, рекламных щитов, на которых расхваливали ароматизированные сигареты с фильтром.

Здесь было все, что нужно для обладателей яхт: и дамское обслуживание, и молчаливые портье, и выставка мод по утрам в роскошном зале ресторана.

К этому времени я знал Эприл Мауэр уже двадцать четыре часа, но за исключением тех слов в самолете, мы ни о чем больше не говорили. Меня это немного угнетало. Совсем не к лицу было ездить с таким скучающим видом — ведь путешествовала она ни с кем-нибудь, а с Денни Бойдом.

Мы отыскиали яхту Вулриха, пятидесятифутовый крейсер, который выглядел очень внушительно, элегантно и дорого, и поднялись по трапу на палубу. Я тащил два тяжелых чемодана, о которые уже успел сбить все ноги.

Откуда-то с нижней палубы до нашего слуха донеслись

приглушенные звуки трубы. Это была одна из вариаций блюза «Я не могу начать», и играли ее так хорошо, что у меня даже мурашки забегали по спине.

— Наверное, Мускат Муллис,— сказала Эприл.— А вы как думаете?

— Кто же еще? Может быть, архангел Гавриил? — ответил я кисло.— Глупый вопрос. Нет больше ни одного человека в мире, который играет в таком стиле.

— Вы съели что-нибудь недоброкачественное? Или во всем виноват полет? — спросила она без особого интереса.

Я как раз собирался огрызнуться в ответ, когда мое внимание привлекла девушка, внезапно появившаяся из рубки. Должно быть, она там сидела на одном из стульев, но я ее раньше не заметил, хотя верхняя часть рубки была застеклена, а сама девушка — достойна внимания.

Это была высокая брюнетка, одетая в бикини из белого шелка с черными точками на самых интересных местах. С ленивой чувственностью она подошла к нам, и ее округлости под крошечными клочками шелка так и играли при каждом движении.

— Вы кого-нибудь ищите? — Она улыбнулась, и я констатировал, что ее крупные белоснежные зубы чудесно контрастировали с сильно загорелой кожей. Я ничего не ответил, потому что у меня перехватило дыхание.

— Мы ищем Глорию Ван Равен,— сказала Эприл брюнетке.— Вы не помните меня, мисс Фицрой? Я — Эприл Мауэр.

Никто не мог об этом забыть, но мисс Фицрой, тем не менее, забыла.

— Секретарша Глории?

Брюнетка сделала вид, что вспоминает, но это, конечно, не соответствовало действительности.

— А это мистер Бойд,— продолжала Эприл.— Его послала к ней студия, чтобы он усовестил Глорию или сделал что-нибудь еще.

— Хелло! — Брюнетка улыбнулась мне мило и многозначительно. Под ее жарким взглядом я мгновенно вспотел.

— Я — Эллен Фицрой,— представилась она без всякой необходимости, так как я уже знал ее имя.

— Денни,— прохрипел я.— Денни Бойд. Но все мои друзья называют меня просто Денни.

— После того, как он выпрыгнул от хирурга, сделавшего ему пластическую операцию, он считает, что является

мечтой для любой девчонки,— заметила Эприл довольно холодно.

Когда откуда-то снизу донеслись резкие диссонирующие звуки трубы, я громко шмякнул оба чемодана о настил.

— Эти звуки издает Мускат Муллис,— объяснила Элен Фицрой.— Он опять напился. Глория и Эдвард отправились куда-то на сушу, насколько я понимаю, по каким-то делам. Но они должны скоро вернуться. Хотите что-нибудь выпить?

— Конечно, хотим,— быстро ответил я, хотя с ее стороны это было чистой воды любезностью.

— Я думаю, лучше сперва распаковать чемоданы Глории,— сказала Эприл.— Где находится ее каюта?

— Идите вперед, на нос, мимо камбуза. Потом спуститесь по лестнице, которая ведет к каютам. Ее каюта первая на левой стороне.

— Спасибо,— ответила Эприл и повернулась ко мне.— Денни? — при этом она недвусмысленно посмотрела на тяжелые чемоданы, которые стояли возле моих ног.

— Теперь ваша очередь, мисс,— небрежно бросил я.— Когда мои ноги попадают на палубу, я полностью расслабляюсь. Мне сказали, что это единственная возможность получить что-то за свои деньги. И, поскольку я вежливый человек, не буду вам мешать.— Я отступил от чемоданов, чтобы не стоять у нее на дороге.

Эприл удивленно посмотрела на меня и терпеливо улыбнулась. Наконец, она подняла оба чемодана и направилась в сторону носа, бормоча про себя разные морские проклятья.

Брюнетка посмотрела на меня такими глазами, словно ее впечатлил мой профиль, и у меня появилось чувство, что мою физиономию щадили в драках только ради нее.

— Отыщите себе в рубке свой типаж, Денни.

— Я бы с удовольствием, но мой типаж — брюнетка в белом бикини,— быстро ответил я.

Минуты через две после того, как мой ответ дошел до ее милой, но пустой головки,— правда, это была последняя часть ее тела, которая меня интересовала,— мы уже сидели в рубке и прислушивались к немузыкальным, но успокаивающим звукам, которые издавали кубики льда в наших стаканах с виски.

Внезапно из трубы, находящейся под палубой, донеслись какие-то дисгармоничные звуки, а потом смолкли.

Непосредственно после этого раздался пронзительный

женский крик, а пять секунд спустя снова заиграла труба. Это были первые аккорды увертюры к «Вильгельму Теллю». Я вопросительно посмотрел на Эллен Фицрой.

— Это Мускат,— сказала она.— Возможно, я должна была вас предупредить. Если вблизи этого трубача появляется женщина, то у нее есть только одна возможность ускользнуть от него, а именно, разможить ему черепную коробку графином или бутылкой.

— И как много бутылок вы уже разбили об его голову?

— Ни одной,— ответила она.— Но однажды я его ударила: мы стояли у перил, и он упал в воду. Прошло порядочно времени, прежде чем я поняла, что он не умеет плавать и поэтому чуть не утонул. Но с тех пор он ни разу не пытался приставать ко мне, Денни. Может быть, потому, что наглотался слишком много воды, пока его не вытащил Эдвард.

— Вы всегда так бурно реагируете, если паренек пытается приблизиться к вам? — спросил я испуганно.

— Все зависит от обстоятельств,— ответила она, пожав плечами.— И еще кое от чего...

— В зависимости от того, кто? — пробормотал я несколько секунд спустя.

Она покачала головой.

— В зависимости от настроения, Денни. Девушка должна иметь для этого определенное настроение. Но я думаю, что вы это хорошо знаете.

С разговором о настроении для меня открылась интересная и неисследованная область, и я уже готов был избрать роль исследователя, когда внезапно появилась Эприл, и она показалась мне такой же желанной, как чиновник из налогового управления. Ее нежные щеки были немного краснее чем обычно, да и дышала она более учащенно.

— Клянусь, что согну в бараний рог это шестирукое чудовище! — вырвалось у нее.— Что с ним, собственно, происходит?

— Он считает, что все это у него из-за музыки,— Эллен хихикнула.— Как насчет того, чтобы выпить?

Эприл энергично покачала головой.

— Спасибо, я не пью.

Брюнетка посмотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— Это уже второе, чего вы не делаете,— сказала она.

Эприл помешал ответить звук тяжелых шагов, слышавшийся на палубе. Двери резко распахнулись, и вошли

двое мужчин, которые относились к Бахия-Мар не больше, чем я к руководству общества любителей изобразительного искусства.

Один из них оказался массивным, солидным и неуклюжим.

Другой был маленького роста и такой же кривоногий, как бывший жокей, которого уволили за то, что лошади отказывались видеть его ноги. Они молча остановились и стояли так долго, что я даже спросил себя, а не начнут ли они бросать в нас земляные орехи.

— Если вы ищете помойное ведро, — сказал я им, — то его уже вынесли. А самый короткий путь с яхты — через перила.

Высокий внимательно посмотрел на меня и незаметно сделал разминочное упражнение.

— В голове — солома, — поставил он, наконец, свой диагноз тихим, угрожающим голосом.

— Птичка певчая, — вторило ему резким голосом карманное издание человека.

— Парень, которому совершенно безразлично, останутся ли у него целы зубы или нет, — сказал мускулистый, не спуская с меня глаз.

— Послушайте, вы, Пат и Паташон, — вмешалась Эллен, — что вы, собственно, хотите? Что-нибудь определенное? Или просто так кочуете по стране?

Высокий уважительно склонил голову на бок.

— Какие округлости, — сказал он. — И при этом она даже может разговаривать.

— Эта леди тебя кое о чем спросила, и ты должен ответить, — пропищал экс-жокей. — Так скажи же что-нибудь, ты, чурбан!

— Угу! — По великану было видно, что он напрягает свой мозг. — Мы разыскиваем одного лентяя по имени Вулрих. Это ему принадлежит яхта, не так ли?

— Ему, — ответила Эллен, — но в настоящее время его здесь нет. Он находится где-то на суше, и я не знаю, когда он вернется.

Мускулистый наморщил лоб и принял свое великое решение.

— Мы его подождем, — просто сказал он.

— И выпьем по рюмочке, — добавил его кривоногий спутник. — Вы как раз этим занимались, да?

Черт возьми, это была не моя яхта и, возможно, оба парня были друзьями Вулриха или, что более вероятно, продавцами яхт, которые хотели отобрать у него судно за

то, что он не заплатил очередные взносы. Меня это, во всяком случае, не касалось, так как я приехал сюда, чтобы вызволить Глорию.

Музыка доносилась до моих ушей и становилась все громче. Одинокие звуки трубы, исполняющей блюз, становились все мощнее, пока сама труба не появилась в рубке, таща за собой трубача.

Мускат Муллис тщательно закрыл за собой дверь и оторвал трубу от губ. После этого он в изнеможении опустил веки.

— Я постоянно растворяюсь,— заявил он гробовым голосом.— Понятно? Я чувствую, что гробовщики трут мою спину о могильную решетку,— иначе говоря, мне необходимо выпить.

— Я приготовлю тебе напиток,— покорно сказала Эллен.— Или, может, лучше дать тебе сразу всю бутылку?

— Дайте ему в рюмке, леди,— поспешно вставил экс-жокей.— Не забывайте, что у вас здесь есть еще люди, испытывающие жажду.

Мускат покачнулся, ударившись о двери, его густые волосы упали ему на лоб и закрыли один глаз. Под глазами у него были большие синие круги, а кожа на скулах была так натянута, что выглядела, как старый пергамент. Мягко говоря, у него был такой вид, словно он вот-вот отдаст концы.

Эллен раздала напитки. Мускат выпил одним глотком и, не раздумывая, тут же протянул рюмку, чтобы ее снова наполнили. Когда в нее до краев был налит чистый бурбон, к Эллен протянулись еще две пустые рюмки.

После второй рюмки трубач уже смог открыть глаза и обозреть тех, кто пил с ним вместе.

— Представь меня, куколка,— еле ворочая языком, сказал Муллис Эллен.

— С Эприл Мауэр ты уже знаком, так сказать,— серьезно начала Эллен, и лишь какое-то подобие улыбки промелькнуло на ее губах.

— Если «так сказать», то мы не знакомились, и я не собираюсь знакомиться с ней ближе.

— А это — Денни Бойд, со студии Глории,— продолжала она.

— Вот этот? — Мускат одним движением своей трубы как бы смыл мое присутствие.— Этого выброшенного из стада кастрированного лягавого я и знать не хочу,— тактично добавил он.

— А эти два джентльмена пришли сюда, чтобы вырыть

могилу, да так и застряли здесь,— быстро сказала Эллен и показала на Пата и Паташона.

Высокий кашлянул.

— Меня зовут Мэрфи,— выдавил он,— но чаще меня называют «Кусок мяса».

— А это — Фингерс Меллой. Нам надо поговорить по делу с этим Вулрихом.

Кусок мяса — точное определение для этой мускулистой гориллы, но Фингерс? Это не давало мне покоя.

— Как он получил имя Фингерс? — спросил я.

Малыш вытащил из кармана кошелек с деньгами и сунул его Мускату под нос.

— Вы уже его видели где-нибудь? — спросил он своим детским голосом.

Муллису в его состоянии стоило большого труда сконцентрироваться на предмете, но через какое-то время ему это все же удалось.

— Черт возьми,— фыркнул он,— да ведь это мой проклятый кошелек!

— Правильно,— заметил Фингерс и ухмыльнулся в мой адрес.— Теперь вы знаете, почему меня так зовут?

— Вам надо еще выпить, Денни,— сладко сказала Эллен.— Сегодня, кажется, не лучший ваш день?

В течение следующего часа я выпил огромное количество, другие от меня не отставали, за исключением Эприл Мауэр. Потом Мускат снова начал импровизировать на своей трубе. Сперва мелодии показались мне знакомыми, но затем он перешел на свои собственные, и я уже больше не мог разобраться в его импровизациях. Но кого это, собственно, беспокоило, пока он играл? В перерыве он тоже пил, и кто смотрел на него при этом, мог со спокойной душой подумать, что он празднует свое воскрешение из мертвых.

Никто не обратил внимания на вновь пришедшего, пока с треском не захлопнулась на замок дверь рубки. Потом стало внезапно тихо и все, кроме Муската, устались на него.

Это был высокий, атлетического сложения человек лет сорока пяти, с ухоженными усами и той атмосферой авторитетности вокруг себя, которую ощущаешь только при встречах с миллионерами второго поколения и старшими официантами.

На нем был чудесный, хорошего покроя серый костюм и гармонировавшая с ним серая шляпа. Пока он так стоял, в нем чувствовался класс, настоящий класс, как у человека,

который больше не покупает «роллс-ройсы», с тех пор, как фирма начала их авансировать.

— Добрый вечер,— сказал он вежливо.— Я ищу мистера Вулриха. Точнее говоря, Эдварда Вулриха Второго.

— Его сейчас здесь нет,— ответил Мэрфи по прозвищу «Кусок мяса».— Но его виски еще не кончилось. Выпей рюмочку.

— Благодарю.— В его речи чувствовался тон культурного человека, но было в нем еще нечто, чего я не мог определить, и это меня немного разозлило.

— А я как раз та девушка, которая смешает вам коктейль,— с энтузиазмом сказала Эллен Фицрой.— В моей таблице мужчин, составленной на эту неделю, вы сразу становитесь на первое место. Вы просто неотразимы.

— Благодарю,— ответил тот серьезно.— Я бы предпочел «Олдфишионед».

Он пристально посмотрел на нее.

— А вы, наверное, Эллен Фицрой, которая поет в Самба-клубе?

— О, значит, вы один из моих почитателей!

Она бросила на него жаркий взгляд и одновременно глубоко вздохнула. На какое-то время у меня появилась надежда, что ее бюстгальтер и бикини не выдержат давления и лопнут, и она предстанет перед нами в своем первозданном виде, но они, к сожалению, выдержали, черт бы их побрал.

— Вы часто заходите в Самба-клуб? — спросила она приветливым тоном.

Он покачал головой.

— Редко,— ответил он,— но я владелец, понимаете?

— Вы владелец клуба? — Эллен удивленно посмотрела на него.— Но ведь он принадлежит Эдварду Вулриху?

— Принадлежал. До трех часов вчерашнего дня,— ответил человек высокой культуры тоном сожаления.— Он был заложен на мое имя, и вчера я предъявил свои полномочия. К сожалению, мистер Вулрих остался мне еще должен. Очень много должен.

— Как вас зовут? — спросила Эллен почти шепотом.

— Бейли. Грег Бейли... Я...

— Ты не единственный, кто хочет получить от него деньги,— обиженно заметил Кусок мяса.— Мой босс должен получить от него целую кучу. Ведет себя за игральным столом так, словно казино принадлежит ему, а потом испаряется, как облако, с двадцатью тысячами долларов! Вот мы и пришли с Фингерсом, чтобы получить эти деньги.

— Очень жаль,— заметил Бейли дружеским тоном.— Опасаюсь, что у вас шансов не больше, чем у меня. Откровенно говоря, Эдвард Вулрих неплатежеспособен.

— Ты думаешь, у него нет денег? — испуганно спросил Кусок мяса.

— Ни цента,— ответил Бейли.— У него ничего нет, кроме долгов, и на этот момент они приблизительно равняются двумстам тысячам долларов. Передайте вашему боссу, что он не получит от Вулриха и двадцати центов. И не получит никогда. Пока тот жив.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Фингерс своим плаксивым детским голоском и встал на цыпочки, чтобы дотянуться Бейли хотя бы до груди.

— Он хорошо застрахован,— ответил Бейли.— Мертвый он стоит не меньше, чем четверть миллиона.— Покорная улыбка появилась у него в уголках рта.— Но у Эдварда, конечно, отличное здоровье, и поэтому чистый абсурд, что мы получим когда-нибудь от него свои деньги.

— Отличное здоровье! — презрительно фыркнул Кусок мяса.— Здоровье — это такая вещь, которую очень легко потерять.— И он прищелкнул пальцами.

— Мы можемдохнуть, как мухи, в расцвете наших лет,— возвестил Фингерс Меллой торжественным сопрано.— Кусок мяса, я думаю, что нам нужно немедленно переговорить с боссом.

— А кто ваш босс? — спросил я.

— Луи Барон,— уважительно ответил Кусок мяса; у меня сложилось впечатление, что если бы у него на голове была шляпа, он бы съел ее, прежде чем упомянуть имя босса.— Ты уже слышал о нем?

Это имя заставило зазвенеть колокольчики в моей памяти.

— Невада? — спросил я наугад.

— Вегас,— презрительно ответил Кусок мяса.— Я еще никогда не слышал о городе с названием Невада.

— Луи придерживается мнения, что если клиент выигрывает, то казино обязано платить,— объяснил Фингерс.— Поэтому он считает, что если клиент проигрывает, то тоже обязан платить. И если он этого не делает, это плохо для бизнеса, а если он скрывается, то это еще хуже.

— Это, кажется, плохо для здоровья Эдварда, не так ли? — Бейли широко улыбнулся.

— У нас еще достаточно времени, чтобы позвонить боссу,— решил Кусок мяса.— Давай, сперва еще выпьем по рюмочке, Фингерс. Тут чертовски хорошее виски.

Мускат поднял свою трубу и начал играть медленную и тягучую версию «Билл-стрит-блюз». Элли Фицрой безучастно уставилась перед собой, а Кусок мяса с Фингерсом приготовили себе напиток, сразу по две порции, на тот случай, если зима окажется суровой.

Я закурил сигарету и в этот момент почувствовал легкое нажатие на свою руку.

— Я не хочу вам мешать, мистер Бойд,— сказала Эприл Мауэр тихо,— но вы что, уже отказались от поисков Глории?

— Вас беспокоит только это? — холодно спросил я.— В остальном вы чувствуете себя нормально? А как вы думаете, кто здесь разыскивается?

— Именно этот вопрос я и задаю себе,— ответила она спокойно.— Если Эдвард Вулрих действительно обанкротился, как сказал этот мистер Бейли, то я не думаю, что он здесь задержится больше, чем надо. Мне кажется, что он используется первым самолетом или автобусом, чтобы исчезнуть отсюда так быстро, как только сможет.— Она улыбнулась.— Ну, а теперь отгадайте, кого он возьмет с собой в это длительное путешествие, чтобы не скучать в одиночестве?

— Глорию,— прохрипел я.

— Если вы не поспешите, мистер Бойд,— продолжала она,— то мы можем не успеть с ними попрощаться.

Глава 3

Я слетел по трапу обратно на землю с такой скоростью, словно пробыл около года на ветхом паруснике, огибавшем мыс Горн, а потом мне вдруг пришло в голову, что на свете еще есть девушки. Надо мной светились в ночи окна ресторана, а до моего слуха доносились звуки тихой танцевальной музыки. Войдя в ресторан, я увидел, что там довольно многолюдно; шум стоял такой, что у меня заболели барабанные перепонки. Я протиснулся к бару и сделал знак старшему официанту.

— Добрый вечер, сэр,— вежливо сказал он.— Что желаете?

— Я ищу двух моих хороших друзей,— сказал я.— Мисс Глорию Ван Равен и мистера Эдварда Вулриха. Они сказали мне, что я могу найти их здесь.

— Очень сожалею, сэр,— он медленно и сокрушенно пожал плечами. Тем не менее, его следовало все-таки

пощупать. Его сомнения можно было развеять, освежив память парой «зелененьких». Я вытащил бумажник и достал пять долларов. Он бросил беглый взгляд, покачал головой и начал полировать стойку полотенцем.

— Боюсь, что ваших друзей я сегодня не видел, — сказал он, хотя это было совершенно излишне.

— Давайте не будем задерживаться на предисловии, — предложил я. — Двадцати пяти долларов будет достаточно? Или такое отсутствующее выражение лица может изменить более крупная сумма?

— Пятьдесят, — сказал он сквозь зубы. Я прибавил к деньгам недостающую сумму и протянул ему. Он схватил деньги умелой рукой и сунул под баром в карман брюк.

— Странные вещи творятся с этой памятью, — заметил он. — Внезапно она ко мне вернулась.

— Выкладывайте, не стесняйтесь! — подбодрил я его. — Иначе она у вас опять пропадет.

— Я думаю, что вы найдете их обоих по другую сторону шоссе, в одном из маленьких арендных домиков, — наконец сказал он. — Удивительно большое число наших клиентов арендуют эти домики. И в основном это люди с яхт... Им, кажется, слишком быстро надоела вода.

— Могу себе представить, — холодно заметил я. — Какой номер домика?

— Этого я не знаю.

На какое-то мгновение мне очень захотелось выбить ему зубы, но потом я подумал, что он действительно может и не знать этого.

— Но вы можете это узнать, не правда ли? — спросил я с облегчением. — Если я добавлю еще двадцать пять, вы легко сможете об этом узнать.

— Пятьдесят долларов, — сказал он. — В таком случае мне нужно позвонить по телефону, — приветливо добавил он. — С вашего позволения я отлучусь на минутку, сэр. — Он направился к телефону, находящемуся на противоположной стороне стойки и через минуту с небольшим вернулся.

— В 73-м, — сказал он. — Домик стоит во втором ряду, окнами в противоположную сторону. Там очень спокойно и мирно, сэр. В такую ночь можно услышать, как падает на пол бюстгальтер.

— Готов спорить, что вы часто проводите время, занимаясь подслушиванием, — буркнул я. Он пожал плечами.

— О чем речь-то? — спросил он. — О разводе?

Я покачал головой.

— Этот парень удрал с моей женой. Я просто проломлю ему череп.

Когда я десять минут спустя перешел шоссе и добрался до второго ряда домиков, я подумал, что официант меня не обманул. Здесь действительно было тихо. Я прошел целых десять домиков, прежде чем услышал какой-то звук — тихое хихиканье.

Цифра «73» была намалевана белой краской на дверях домика. Из-за занавешенного окна на дорогу падал узкий луч света. Несколько минут я постоял у двери и услышал неясные звуки голосов.

Когда я постучал, голоса умолкли, но на этом все и закончилось. Для разнообразия я забарабанил в дверь каблуками, пока она не закачалась в своей раме. Секунду спустя она резко распахнулась, и перед моим взором предстал краснолицый парень, который выглядел довольно свирепо. Наверное, его лицо, до того как обрасти жиром, было довольно красивым, но и сейчас он выглядел весьма прилично. Светлые волосы были коротко подстрижены, а голубые глаза немного налиты кровью.

— Что вам нужно, черт вас побери? — спросил он заплетающимся голосом.

— Глорию Ван Равен, — ответил я, решив не скрывать истины.

После того, как я положил ему правую руку на грудь и немного нажал, он покачулся, отступил в дом, и я последовал за ним с таким видом, словно был приглашен.

Глория Ван Равен сидела на кровати и немного удивленно смотрела на меня. Я взглянул на нее и мгновенно забыл о пресноводном матросе, стоявшем позади меня. Серебристая юбка и черная блузка были небрежно повешены на спинку стула и мне не трудно было определить, что то и другое принадлежит Глории, так как на ней не было ничего, кроме бюстгалтера и черных сатиновых трусов. Это сразу же напомнило мне французские фильмы, точнее один из них, ту сцену из него, которая была в прошлом году запрещена цензором из Южной Дакоты. Теперь я мог себе представить, о чем подумал этот цензор.

Глория была золотоволосой и имела такие же пышные формы, какие можно увидеть на картинах Ренуара. Обе ее груди плавно поднимались, когда она вздыхала.

— Кто вы, черт возьми? — спросила она ледяным тоном.

— Денни Бойд, — ответил я. — Гугенхаммер дал мне

поручение отыскать вас и, поверьте, это доставило мне удовольствие.

— Вот вы меня и нашли,— фыркнула она.— А теперь исчезните отсюда!

— Гугенхаммер очень хочет, чтобы я вернулся на студию вместе с вами. Свежей, бодрой, веселой и готовой начать работу,— добавил я.— Поэтому мы полетим на Западное побережье ближайшим самолетом.

— Она и так вернется вовремя — сказал Вулрих, напомнив мне о том, что он еще существует.— А теперь, действительно, считайте дело законченным и исчезните, пока я вас не выбросил в окно.

— Только без громких слов, Эдди-бой,— дружески сказал я ему.— Подумайте только, как плачевно вы будете выглядеть, когда я набью вам... лицо.

— У мисс Ван Равен нет никакого желания отправляться с вами, Бойд,— его голос дрожал от ярости.— И что же вы предпримите в таком случае? Украдете ее?

— Если будет необходимо, то и украду,— деловито сказал я.— Как мне сказал Гугенхаммер, он вложил в нее целый миллион. И ему совершенно безразлично, каким образом я ее верну. Самое главное — вернуть.

— Какой абсурд! — Это прозвучало не очень убедительно, и по нему было видно, что он понял серьезность моих намерений.

А блеск в глазах Глории показал мне, что она относилась к женщинам с жаркой кровью.

— В ближайший вторник я буду на студии,— решительно заявила она.— Ну, а поскольку я пока тут, то до вторника буду наслаждаться здешним климатом. А теперь всего хорошего, мистер Бойд, пока с вами еще не расправились.

Я озабоченно покачал головой.

— Так не пойдет,— сказал я.— Вы предпочитаете одеться, прежде чем идти, или хотите доставить наслаждение всем встречным и поперечным?

— Вы что, с ума сошли? — недоверчиво спросила она.

— Возможно, вы — мечта тридцати миллионов холостяков, куколка,— сказал я,— но для меня вы только ценная дичь, которую я должен охранять. А это значит, что я вырву вас из рук этого выроodka Вулриха, тем более, что он вот-вот готов взорваться.

— О чем вы говорите? — раздраженно спросил тот.

— Зачем вы пригласили на яхту Эллен Фицрой и этого сумасшедшего с трубой? — заинтересованно спросил я

вместо ответа.— Вы что, от них тоже получаете деньги, или они — от вас?

— Я не понимаю, что вы имеете в виду? — буркнул он. Но внимание Глории заметно возросло.

— Почему вы об этом спрашиваете? — поинтересовалась она.

— На яхте вас ожидает куда более приятная компания — кредиторы. Вернее, не вас, а этого Эдди-боя, — сказал я ей. — Так, например, два гангстера пришли по поручению игрока из Лас-Вегаса по имени Луи Барон. Они хотят получить долг — двадцать тысяч долларов, который выскользнул из памяти вашего друга Эдди.

— Барону не нужно было этого делать, — невнятно пробормотал Вулрих. — Я же ему сказал, что вышлю чек.

— Из резинки, что ли? Чтобы он мог сам с собой играть в футбол? — буркнул я. — Кроме этого, там появился очень изящный джентльмен по имени Бейли. У него для вас новость, Вулрих: он, например, прибрал к рукам Самба-клуб, который до сих пор принадлежал вам. Я имею в виду тот клуб, в котором чирикала эта канарейка Эллен Фицрой.

— Послушайте, вы! — Лицо Вулриха было красное, как пион.

— Помолчи, — внезапно резко сказала Глория. — Я хочу слышать все.

— Этот Бейли действительно находчивый парень, — продолжал я. — Только так, ради шутки, он рассказал нам, что вы, Эдди, живой ломаного гроша не стоите, но ваш труп стоит около четверти миллиона. Посмотрели бы вы на этих двух гангстеров, когда он сообщил им это. Он открыл им совершенно новые перспективы для продолжения их бизнеса.

Постепенно краска сползла с лица Вулриха. Я ожидал, что все это он будет оспаривать, но единственное, что он сделал, — издал какой-то булькающий звук, который родился у него где-то вне горла.

— Теперь вы видите, как обстоят дела? — спросил я Глорию. — В связи с этими кредиторами, которые окружили вашего Эдди-боя со всех сторон, которые смазывают револьверы и точат ножи, я подумал, что вам будет довольно опасно находиться близко от него, так как может статься, что один из этих кредиторов случайно пошлет пулю не в цель, а во что-нибудь или в кого-нибудь рядом, не так ли?

Жуткая тишина была мне ответом, я закурил сигарету

и стал ждать, какова будет реакция на мои слова,— та, на которую я рассчитывал, или наоборот.

— Вшивая ты собака уличной воровки! — взорвалась Глория совершенно внезапно.— Ты... ты... ты...— Она тщетно пыталась найти новые, еще более сочные ругательства в адрес Эдварда.

— Подожди минутку, дорогая,— нервно попросил Вулрих.— Я могу тебе все объяснить. Речь идет о временных затруднениях. У меня большое количество акций нефтяных компаний, которые сейчас временно понизились в цене. Вот и все.

— Что, черт возьми, все это значит? — прошипела Глория.

— Он допустил ошибку,— сказал я.— Его акции вместо того, чтобы подняться, опустились в цене, вследствие чего он обанкротился, как и сказал Бейли.

— Это ложь! — воскликнул Вулрих.— Я говорю тебе: это лишь временные затруднения. Через две недели акции поднимутся и будут стоить дороже, чем я их покупал.

— Почему же вы, в таком случае, не предложите эти акции своим кредиторам как гарантию, Эдди-бой? — мягко спросил я.

— Не говорите чепухи, Бойд,— буркнул он.— В настоящее время они не стоят и бумаги, на которой напечатаны, как вы знаете...— Слишком поздно он понял, что проговорился, и стал выглядеть совсем несчастным.

— Ты! — фыркнула Глория.— Ты со своими проклятыми яхтами и большими сделками! Мне бы нужно было выбросить тебя за борт, чтобы и другие акулы полакомились тобой...

— Это отличная мысль, милашка,— сказал я ей.— Но, к сожалению, в Бахия-Мар нет акул.

— Значит, придется запустить несколько штук! — огрызнулась она и решительно пригладила сатин на своих округлых бедрах. Она поднялась.

— Хватит мне этих сказок Уолл-стрита,— сказала она.— Все, что мне нужно, это взять мой багаж на яхте, а потом я готова, Бойд, лететь с вами обратно на Западное побережье.

— Называйте меня просто Денни,— с надеждой сказал я.— У нас впереди долгий путь, так что лучше отбросить все эти формальности. К чему они?

Первый раз она посмотрела на меня повнимательнее и обнаружила все прелести моего профиля.

— О'кей! — сказала она. — Если этот ваш вид действует и на расстоянии, то отправимся на киносъемки, Денни.

— Не заботьтесь о расстоянии, милая Глория, — сказал ей. — Во всяком случае, это действует в интимных ситуациях; но прежде всего, имея дело со мной, вам не нужно будет беспокоиться об акциях нефтяных компаний.

— Послушайте! — Вулрих сделал последнюю попытку, — Глория, ты не можешь сейчас так просто уйти. Ты могла бы остаться хотя бы еще на два дня. Почему ты не сделаешь?..

— И такое водится на Уолл-Стрите! — коротко ответила она.

Глория натянула через голову свою черную кружевную блузку и поправила ее рядом грациозных движений, которые меня буквально свели с ума. Потом она влезла в свою серебристую юбку и застегнула молнию.

— Я готова, Денни, — сообщила она. — И давай поскорее исчезнем отсюда, пока этот ноль не начнет рассказывать о новом, недавно открытом, источнике нефти.

Я подошел к двери и вежливо открыл ее перед ней.

— Только после вас, дорогая, — сказал я с галантностью рыцаря.

Но я никогда не узнал, действительно ли она вышла первая, так как в следующее мгновение все погрузилось в темноту, — удар пришелся мне в правое ухо, и для меня взорвался весь мир.

Когда я пришел в себя, в домике никого не было, и это меня совсем не удивило. С трудом я поднялся на ноги. Пытаясь не обращать внимания на тупую боль в затылке, я спросил себя, чем Вулрих мог ударить меня. Я взглянул на часы: была половина одиннадцатого. Ночь еще только начиналась, и у Вулриха была куча времени, чтобы испариться. Я предположил, что он отправился на свою яхту.

Проходя мимо ресторана, в ярком свете я увидел троих мужчин, направляющихся ко мне. Один из них узнал меня.

— Смотри-ка ты! — Кусок мяса говорил тяжелым, заплетающимся языком. — Ведь это кастрированный легавый, выгнанный из своего стада...

— Угу! — резко воскликнул Фингерс Меллой. — Где ты был, болван? Опять рылся в дерьме?

Их милые замечания, казалось, доставляли им большое удовольствие. Они разразились смехом, но уже секундой позже замолчали, когда их головы стукнулись друг о друга.

— Тихо, вы, чурбаны! — прошипел третий и сразу от-

пустил их. Кусок мяса и Фингерс откачнулись в разные стороны, в то время как третий подошел ко мне.

— Меня зовут Луи Барон,— прокаркал он.— Я не знаю, кто вы, черт бы вас побрал, но, может быть, вы мне объясните, что здесь происходит? Во всяком случае, эти два идиота так пьяны, словно они отпраздновали что-то.

— Может быть,— ответил я.— Они разыскивают Вулриха, потому что у вас есть расписка от него на двадцать тысяч долларов, не так ли?

— Правда,— ответил он с облегчением.— Мне надо было бы раньше догадаться, что нет смысла посылать сюда этих болванов, чтобы они забрали у него эти деньги. Когда я это понял, то воспользовался ближайшим самолетом, который летел сюда.

Барон был маленьким коренастым человеком с большой головой и покатыми плечами. Он стоял, слегка нагнувшись вперед, раскачиваясь на носках своих ботинок, и его длинные руки свисали по бокам. Он заставил меня немного поволноваться от чувства, что он разорвет меня на куски при первом же неудачном слове с моей стороны и бросит на съедение крокодилам — разумеется, в том случае, если сам он не голоден.

— Меня зовут Денни Бойд,— сказал я ему.— Студия Глории Ван Равен поручила мне вернуть ее домой, чтобы она могла начать работу.— После этого я рассказал ему все остальное: как Вулрих нанес мне сзади предательский удар. С этой глухой болью в голове у меня нет другого желания, как встретиться с этим Эдди-боем и отплатить ему той же монетой. Так что я его хочу встретить так же, как и Луи Барон.

— Давайте сперва посмотрим на яхте, Бойд,— предложил Барон.— Может быть, он вернулся туда. Если он попадет мне в руки, то я...

— Будет очень приятно, если я смогу это увидеть,— бодрым голосом перебил я его.— Это все, чего бы я желал.

Через несколько минут мы добрались до яхты; доносившиеся оттуда приглушенные звуки соло на трубе стали громче, когда мы вошли на палубу.

— Что это за парень играет на трубе? — спросил Барон.

— Его зовут Мускат Муллис,— ответил я.— Он здесь гость или что-то в этом роде.

— Я так и подумал,— буркнул он в ответ.— Этот бро-

дьяга играл некоторое время в моем клубе,— конечно, только тогда, когда мог держаться на ногах.

— Уж больно милая мелодия для Муската,— сказал я отрешенным тоном и остановился, чтобы прислушаться.— Ну да, конечно, это разве не «Он не шевельнулся?». Траурная мелодия диксиленда.

— Единственная мелодия, которую я знаю, это «Колесо фортуны», старая школьная песня,— буркнул он.— А что это за диксиленд?

— Кладбищенская мелодия,— великодушно ответил я.— Ее исполняют, когда погибает товарищ.

С этими словами я побежал, как испуганная «звезда», которая замечает, что продюссер собирается закрыть дверь на замок.

— Эй! — воскликнул Барон.— К чему такая спешка?

— Я же вам сказал,— бросил я через плечо.— Может быть, я ошибаюсь, но у меня появилось странное чувство, когда я услышал, как Мускат играет эту мелодию.

Барон пробормотал что-то нечленораздельное и с криканием двинулся вслед за мной. Мы не успели добежать до рубки, как труба замолкла, а потом послышались звуки марша.

— Это последняя часть,— прохрипел я.— Ее играют, когда покидают кладбище, чтобы взбодриться.

— Оставьте ваши премудрости при себе, Бойд! — крикнул он.— Давайте лучше доберемся до этого проклятого трубача, чтобы он прекратил здесь свои неуместные выходы.

Я толкнул дверь плечом, сделал три шага внутрь рубки и остановился, как вкопанный.

Мускат с закрытыми глазами сидел на полу по-турецки и благочестиво наигрывал последние аккорды марша. Потом, взяв наконец, последнюю ноту, он отложил трубу. По выражению его лица можно было заключить, что он уже некоторое время назад достиг того состояния опьянения, когда реальность полностью отступает на второй план. Он поднял веки и посмотрел на меня невидящим взглядом, словно меня вообще не существовало.

У его ног, вытянувшись, лежала на спине Эллен Фицрой. На ней все еще было белое шелковое бикини с черными точечками. Темные спутанные волосы обрамляли бледное лицо. И с первого взгляда показалось, что одна из черных точек ее белого бикини случайно попала ей между глаз — только отверстие от пули не имело того шелкового блеска, как черные «мушки» на купальнике.

Я уставился на безжизненное тело Эллен Фицрой, которое лежало у ног Муската, а потом услышал, как позади меня кто-то глубоко задышал.

— О, боже! — холодно выдавил Луи Барон. — Эта ку-колка была очень симпатичной; кому это понадобилось устранить ее?

Лишь сейчас Мускат Муллис, казалось, понял, что он был в рубке не один. Од поднял голову, посмотрел на меня более осмысленно и, вытерев рот тыльной стороной ладони, спросил:

— У тебя не найдется для меня чего-нибудь выпить?

Я начал хлестать его по щекам так, что голова его закачалась из стороны в сторону.

— Придите в себя, Мускат! — набросился я на него. — Что, черт возьми, здесь произошло?

— Я хочу выпить, — повторил он заплетающимся языком. — Человек, который играет эту вещь, потому что он потерял хорошую знакомую, обязательно нуждается в выпивке.

— Он пьян до предела, — презрительно сказал Барон. — И пройдет часа два, прежде чем он скажет хотя бы одно разумное слово. Давайте исчезнем отсюда, Бойд. Это дело мне не нравится.

— Я целиком с вами согласен, Луи.

А потом до нашего слуха донесли звуки твердых шагов со стороны трапа. Звуки производили такое впечатление, словно целый отряд моряков пришел попрощаться с девушкой. На какое-то время шаги смолкли, а потом направились к рубке. Барон взглянул на меня, а затем сунул правую руку под плащ.

— Успокойтесь, — сказал я. — Здесь налицо убийство. Вы что, хотите усложнить все дело?

Какое-то мгновение я думал, что он меня не послушает, но потом он с сожалением пожал плечами, и, когда рука снова появилась на свет божий, в ней ничего не было.

Дверь открылась, и в рубку вошел высокий тощий человек с очень пронизательными глазами, и в одном из тех дешевых костюмов, которые продаются партиями.

Он тщательно закрыл дверь и прислонился к ней. Взгляд его скользнул по присутствующим и остановился на Эллен Фицрой. При этом он не сказал ни слова. Я был несколько взволнован и пытался придумать начало разговора, например: как мне познакомить всех друг с другом. Но,

черт возьми, как можно познакомить человека, которого раньше не видел, с трупом.

— Когда он позвонил, то сказал, что это убийство, — наконец, дружелюбно произнес высокий человек, — судя по всему, он был прав, не так ли?

— Кто вы, черт бы вас побрал? — глухо спросил Барон.

— Вполне резонный вопрос, — ответил высокий. — Меня зовут Хардинг. Лейтенант Хардинг из полиции.

— А я — Фрэнк Синатра, — насмешливо ответил Барон.

Хардинг сунул руку в карман и вытащил полицейский значок, показав его Барону.

— Как вы смотрите на то, чтобы объяснить случившееся? — спросил он все тем же дружелюбным тоном.

— О'кей! — Игрок заморгал глазами. — Я — Луи Барон из Лас-Вегаса. Пришел сюда, точнее приехал, час тому назад. Это — Бойд, он работает на киностудию, которая хотела вернуть Глорию Ван Равен...

— Мне кажется, в настоящее время нет смысла выяснять, что здесь произошло. Но что с ним? — он показал пальцем на трубача.

— Это Мускат Муллис, — сказал я ему. — Трубач.

— У тебя найдется что-нибудь выпить? — с надеждой спросил Мускат лейтенанта.

— Мертвая — певичка из ночного клуба, по имени Эллен Фицрой, — добавил я.

— Как это случилось? — спросил Хардинг.

Я взглянул на Барона, тот пожал плечами.

— Может быть, вам следует спросить об этом трубача, лейтенант, — буркнул он. — Мы с Бойдом прибыли на яхту три минуты назад и нашли ее уже мертвой, а трубача пьяным.

— Я немного пытался привести его в чувство, — признался я полицейскому, — но, судя по всему, он нуждается в холодном душе. Тогда он, возможно, придет в себя. Как видите, лейтенант, он слишком поздно появился на свет — в тридцатые годы он был бы как раз на месте.

— Очень остроумно, — холодно заметил Хардинг.

Он опустился на колени и заглянул Мускату в лицо. Потом лейтенант протянул руку и оттянул его веко.

— Единственный человек с таким лицом, которого я видел, находился на дороге к моргу, — тактично сказал я. — В его состоянии ему понадобилось три недели, чтобы добраться туда.

— Кому принадлежит яхта? — спросил Хардинг, отворачиваясь от трубача.

— Эдварду Вулриху Второму, — ответил я ему.

— И где он сейчас?

— Я бы и сам хотел это знать, лейтенант, — ответил я, как всегда, честно. — И мистер Барон хотел бы это знать. Мы бы его немного обработали — все равно как: отдельно или сообща.

— Кто еще находится в данный момент на борту?

— Никого, — ответил я. — Точнее говоря, мы никого не видели, не правда ли, Барон?

— Конечно, разумеется, — пробормотал игрок нетерпеливо. — Траурную процессию составляют Бойд, я и этот трубач.

В долгой тишине, которая последовала за этими словами, послышался стук каблучков на палубе. Они прозвучали необычно громко. Хардинг быстро подскочил к двери и, став за нее, распахнул ее во всю ширь, так, чтобы его не было видно.

В рубку вошла Эприл Мауэр и непроизвольно остановилась, когда увидела Эллен Фицрой, лежащую на полу. Краска постепенно исчезала с ее лица, и она, шатаясь, прислонилась к двери. Хардинг протянул руку и успел подхватить ее до того, как она успела упасть.

— Не бойтесь, леди, — сказал он, — я — полицейский чиновник.

— Она умерла? — спросила Эприл.

— Да, умерла, — ответил Хардинг. — Кто-то застрелил ее, и я стараюсь пролить немного света на это темное дело. Кто вы такая?

— Я — секретарша мисс Ван Равен, — механически ответила она, — Эприл Мауэр.

— Хорошая фамилия, лейтенант, — заметил я. — Означает дождь. А ведь дождь всегда где-нибудь идет.

— Я не понимаю, как могли убить такую милую девушку, — бросил лейтенант, — если вы все были поблизости и представляли собой гораздо лучшие мишени. — И, повернувшись к Эприл, спросил: — Ван Равен? Глория Ван Равен?

— Совершенно верно, лейтенант, — с грустным видом ответил я вместо Эприл. — Она до следующего вторника должна быть на киностудии и начать сниматься в новом фильме. Я думал...

— Вы собирались вытащить ее отсюда, не так ли? — закончил лейтенант мою мысль. — Очень вам сочувствую,

Бойд. И вам, и Глории Ван Равен. Как жаль, что такая мелочь, как убийство, нарушит ваши планы!

— Это не совсем так...— Дальше я сказать ничего не успел, так как снова послышались шаги. Они направлялись в сторону рубки.

Хардинг вновь исчез за дверью, а когда она раскрылась, появилась Глория Ван Равен в сопровождении Эдварда Вулриха и Грега Бейли.

— Послушайте, Эд,— говорил на ходу Бейли своим холодным голосом,— нет никакого смысла избегать своих кредиторов, пока они не избавились от назойливой привычки требовать долги...

Я никогда не услышал конца этой оригинальной мысли, так как Глория, обнаружив труп, громко вскрикнула и умело упала в обморок, подхваченная Хардингом, которому могла бы позавидовать любая цирковая труппа, если бы он работал у них на подхвате. Пока лейтенант укладывал Глорию на пол, Вулрих упал перед мертвой на колени.

— Эллен! — вскричал он срывающимся голосом.— Моя крошка, Эллен!

Услышав это, Глория быстро открыла глаза.

— Моя крошка? — повторила она яростно.— Что это значит, черт тебя побери? За последние четыре дня ты мне только и говорил, что я — единственная женщина в твоей жизни!

Вулрих, казалось, этого не слышал. Он был в мире горя и скорби. Я взглянул на Бейли, чтобы посмотреть, как он реагирует. Бейли с неподвижным лицом смотрел на убитую, а потом перевел взгляд на Хардинга, словно ожидая, что тот представится.

— Я хочу выпить,— раздался голос Муската.— Что это за отель, черт бы вас побрал?

Лейтенант вспомнил о своих обязанностях и прохрипел:

— О'кей! Теперь все в сборе, или в машинном отделении спряталась еще целая балетная труппа?

— Теперь — все, лейтенант,— успокоил я его.— Больше никого нет.

— Тогда я, наконец, могу приступить к своим обязанностям,— сказал он.— Все остаются на своих местах.

После того, как он вышел, никто не произнес ни слова. Вулрих все еще склонялся над мертвой, по его лицу текли слезы. Глория перестала разыгрывать обморок, потому что это уже было ни к чему. Она стояла позади Вулриха и с ненавистью смотрела на него. У Эприл ноги словно приросли к полу, и в ее лице не было ни кровинки. У Бейли

и Луи Барона были бесстрастные лица индейцев, которые пришли слишком поздно к распределению жен и теперь вынуждены ждать следующего дня распределения. Мускат, с остекленевшим взглядом, все еще продолжал сидеть на полу, держа на коленях трубу.

Я закурил сигарету, стараясь не думать о тех осложнениях, которые могут возникнуть из-за создавшегося положения — ведь Глория может быть втянута в дело об убийстве. Внезапно она схватила Вулриха за плечо и сильно потрясла его.

— Послушай, ты! — воскликнула она. — Ты что, забыл обо мне? Ведь я была той девушкой, по которой ты сходил с ума последнюю неделю.

Вулрих стряхнул ее руку и посмотрел на нее такими глазами, словно видел ее первый раз, потом его невидящий взгляд снова переключался на Эллен Фицрой.

— Она была моей женой, — просто сказал он.

Следующее утро было прекрасным. Солнце огромным огненным шаром отражалось в голубой воде гавани. Но я не был расположен наслаждаться красотами Бахия-Мар. Я стоял в телефонной будке и вел разговор с Голливудом.

— Во вторник! — прорычал Гугенхаммер мне в ухо.

— Вы с ума сошли, — ответил я, — это невозможно. Этот Хардинг всех нас прижал. Мы даже не можем покинуть пределы гавани. И все останется в таком положении, пока он не найдет убийцу.

— Я ничего не имею против если он справится с этим делом до вечера понедельника, — ледяным тоном сказал продюсер.

— Невозможно, — повторил я.

Наступила пауза. Когда он заговорил снова, в его голосе появились те шелковые нотки, которые были свойственны Джеку-Потрошителю.

— Ведь речь идет о ваших двух тысячах долларов, Бойд. Мне становится смешно, когда я вспоминаю, какие лестные слова говорят о вас, как о детективе, который, кстати, не позволяет улизнуть от себя ни одному доллару.

— Вот как? — с сомнением произнес я.

— Да, да, — ответил он. — Если этот недоучка-полицейский не в состоянии найти убийцу, то это должны сделать вы. — Его голос прохотал в трубке. — Ведь это очень просто сделать.

— Но...

— Мне совершенно безразлично, кто найдет убийцу, вы или полиция, — продолжал он. — И как бы то ни было, вы

не получите ни цента, если Глория не появится здесь во вторник. И не только это. Я позабочусь о том, чтобы вы попали в черные списки, и ни одна студия здесь, на Западном побережье, не будет иметь с вами дела. К тому же у меня хорошие связи с Нью-Йорком, и я скажу нью-йоркцам, что вы — ленивый и неспособный парень.

Я повесил трубку на рычаг, так как угрозы Гугенхаммера меня совсем не интересовали. Выйдя из телефонной будки, я столкнулся с высоким стройным парнем в дешевом костюме.

— Заботы одолели? — спросил Хардинг и злорадно усмехнулся.

— Угу, — ответил я. — Как вы думаете, сколько времени вы нас будете здесь держать?

— Пока не изболтчу одного из вас как убийцу Эллен Фицрой, — небрежно бросил он. — А вы пока отдыхайте и наслаждайтесь Бахия-Мар, Бойд. Я уже подготовил целый ряд построек, где вы можете жить. Никто не вернется на борт яхты, пока дело не будет закончено. Так что можете не волноваться, Бойд.

— Я должен привести Ван Равен во вторник на студию, иначе я не получу никакого гонорара, — ответил я. — У вас есть какие-нибудь затруднения, лейтенант?

— Если рядом со мной будет находиться частный детектив с нью-йоркской лицензией, мои затруднения исчезнут сами собой, — ответил Хардинг с ухмылкой. — Почему бы нам не действовать вместе? Покажите провинциальному полицейскому, как нужно работать, распутайте дело так, как это делается в телефильмах — раз, два и готово.

— Как сегодня себя чувствует Мускат Муллис? — спросил я, чтобы переменить тему.

— Абсолютно не в себе, как вы это и предполагали, — ответил Хардинг, и ухмылка исчезла с его лица. — Вы правы, он долго не протянет. Мускат уже не раз проходил курсы лечения, но для него это пустое времяпрепровождение. Все, что он может вспомнить — это то, что он был пьян и играл на трубе. А между делом сходил к себе в каюту и сделал укол. Все остальное выскользнуло из его памяти. Он говорит, что у него всегда так.

— А что, если он сам ее убил и только не может вспомнить об этом?

— Возможно; правда, я не могу себе представить какой у него был мотив, но от наркомана всего можно ожидать. До сих пор мы не смогли найти оружие убийства. Я даже привлек к этому делу подводников, которые обыскали дно

вокруг яхты. Если мы найдем оружие, это окажет нам большую помощь.

— А что вы скажете насчет телефонного звонка? — спросил я, вспомнив, что убийца звонил в полицию. — Было бы неплохо узнать, кто сделал этот звонок.

— В этом отношении толку мало. Мы даже не можем установить, откуда последовал этот звонок, не говоря уже о том, что мы не знаем и не узнаем имя человека, который звонил. В непосредственной близости от яхты Вулриха имеется, кажется, больше десятка телефонных будок.

— Понятно, — сказал я задумчиво.

— Но в этом деле есть пункты, на которые можно обратить внимание, — с энтузиазмом продолжал Хардинг. — Вулрих — банкрот. В настоящее время он должен кредиторам больше денег, чем я смогу заработать за всю свою жизнь.

— Я об этом слышал, — сказал я.

— И он уже больше месяца был женат на Эллен.

— Это я тоже слышал, — сказал я и зевнул.

— В таком случае, вы, вероятно, слышали и о том, что ее жизнь застрахована приблизительно на четыреста тысяч долларов, не так ли?

— Нет, — фыркнул я, — об этом я не имел понятия. Я слышал только, что он застрахован.

На лице Хардинга появилось довольное выражение, потому что он сообщил мне новость.

— Вулрих говорил, что они заключили такое обоюдное страхование с расчетом, чтобы каждый из них не остался без средств. Во всяком случае, он имел мотив для убийства, тем более, что обанкротился, и у него на пятках висели кредиторы.

— Тут есть над чем подумать, — сказал я с надеждой и, как всегда, уважительным тоном.

— Я говорил с компанией, в которой она застрахована, — продолжал лейтенант. — Судя по всему, они придерживаются такого же мнения. И они хотят послать сюда одного из своих детективов. — Он кисло усмехнулся. — И почему только они не доверяют полиции?

— Хорошо, лейтенант, — сказал я с воодушевлением, — значит, тем самым можно констатировать, кто убийца, не так ли? Простой и обычный случай: Вулрих убил свою жену, чтобы иметь возможность получить страховку.

Хардинг отрицательно покачал головой, и у меня сразу упало настроение; я почувствовал, что оказался на том самом месте, откуда начал.

— Есть еще и другие факты, Бойд,— задумчиво произнес он.— Вулрих проиграл Барону 20 тысяч долларов, и Барон приехал сюда, чтобы получить их. Если бы он убил Вулриха, он никогда бы не смог спокойно подобрать к его страховке, потому что в этом случае она досталась бы Эллен Фицрой. Но, если бы он убил Эллен, то был бы почти уверен, что получит свой долг, как только Вулрих получит страховку. Ясно?

— Ясно! — зло огрызнулся я в ответ.

— И потом еще этот Бейли,— продолжал Хардинг, которому, очевидно, эта тема доставляла явное удовольствие.— Он — главный кредитор Вулриха. Следовательно, Бейли, как и Барон, имел такой же мотив для убийства Эллен Фицрой.

— Ясно! — выдавил я.

— К тому же, нельзя забывать и эту Ван Равен.— Он ободряюще улыбнулся мне.— Она золотистая блондинка и, видимо, имеет темперамент всех таких блондинок. Она думала, что Вулрих пригласил ее на яхту, потому что влюблен в нее, исключительно в нее. Обычно женщины всегда ожидают такого от мужчин, которые действуют подобным образом. А теперь представьте себе, что она узнала о его женитьбе и убила Эллен Фицрой в припадке ревности.

— Черт возьми! — воскликнул я со злостью.

— А вы разве не так думаете? — спросил он с улыбкой. Я сделал последнюю попытку.

— Согласно этим гипотезам, каждый из нас имел мотив,— сказал я.— Но каждый ли имел такую возможность?

— Это я вам объясню,— резко ответил Хардинг.— Муллис все время был на яхте. У Барона нет алиби на весь промежуток времени от его прибытия из аэропорта и до встречи с вами. Он, правда, встретил у ресторана своих подручных, но преступление было совершено значительно раньше.

После того, как Вулрих и Глория Ван Равен покинули вас, они расстались и не видели друг друга более получаса. Точнее, те полчаса, когда было совершено убийство. Они, как показывают, бродили по району, но не встретили никого из знакомых. Эти прогулки совершали чуть ли не все подозреваемые, так как Бейли утверждает, что он тоже прогуливался.

— А что вы скажете об Эприл Мауэр? — спросил я.— На нее тоже падает подозрение?

— Нисколько,— бодро ответил Хардинг.— Она у-

верждает, что в то время, когда произошло убийство, она находилась в своей каюте и спала. Разумеется, она имела возможность совершить убийство, но у нее не было мотива. Единственная причина, которая привела ее сюда — это то, что она привезла гардероб для своей хозяйки Глории Ван Равен. То же самое относится к вам, Бойд. Вы прибыли сюда, чтобы увезти Глорию отсюда по поручению студии.

— Сердечно благодарен вам за эти слова, лейтенант,— с горечью в голосе ответил я.

— Поверьте, что мне тоже было приятно не заносить вас в список подозреваемых, потому что он у меня и так более, чем достаточен.

— О'кей, не буду больше вас задерживать, лейтенант. Время — это все, как обычно говорят о борделях.

— Надо пойти и немного поспать,— сказал он в ответ.— Сегодня всю ночь был на ногах. Но гавань кишит чиновниками, и не советую вам предпринимать что-либо вроде попытки к бегству, поняли?

— Без Глории Ван Равен я никуда не уеду,— уверил я его.

— Если вы сделаете такую попытку, я распоряжусь засадить вас за решетку как свидетеля обвинения,— выдал он уходя.

Я медленно побрел в сторону шоссе и тех домов, которые нам предоставил Хардинг. Добравшись до них, я увидел, что Глория сидит на ступеньках своего нового дома. На ней был купальный костюм. Вероятно, он немного сел, или она немного выросла с того момента, как я видел ее в последний раз, поскольку он не скрывал, а, наоборот, подчеркивал наиболее пикантные места.

Ее окружили с десятков репортеров и фотографов. Один парень с фотокамерой даже лежал перед ней на животе, выискивая новый, наиболее интересный ракурс. Причем он настолько увлекся этим делом, что буквально не замечал, как коллеги топчут его ногами.

— А как вам это нравится, мальчики? — медовым голосом сказала Глория, забрасывая одну ногу на другую и глубоко вздыхая. В ответ на это грохнул залп фотовспышек, и один голос, забывая другие, громко спросил:

— Какое чувство владело вами, Глория, когда вы увидели в рубке на полу мертвую женщину?

Глория умело повела плечами, делая вид, будто бы ей страшно, но на самом деле, преследуя совсем другую цель.

— Я упала в обморок,— сказала она им просто.— Это был какой-то кошмар. В известном смысле это напоминало

мне сцену из одного фильма. Я вам уже рассказывала, мои мальчишки, как я играла роль миловидной, но затравленной девушки, которая...

Я уже почти прошел мимо этой кучи газетчиков, когда один из них повернулся и заявил с блеском в глазах:

— Глория — поистине фантастическая женщина!

— Конечно, — ответил я вежливо. — И очень добрая.

Глава 5

Придя в свой домик, я закурил сигарету и растянулся на кровати. Из другого домика, расположенного неподалеку, до меня доносилось меланхолическое соло на трубе, и я поневоле подумал, что было бы очень интересно увидеть реакцию Муската Муллиса, когда тот узнает, что весь вечер провел с трупом. Минут через пять в мою дверь постучали, и я крикнул:

— Войдите!

Дверь открылась, и в комнату вошла Эприл Мауэр. Она быстро закрыла за собой дверь и сказала:

— Доброе утро, мистер Бойд.

На ней были кожаные шорты цвета морской волны и белый бюстгальтер. Ее светлые волосы, собранные в тугую пучок, эффектно выделялись на фоне загорелого тела.

— Если вы хотите достигнуть своей цели, то вам надо почаще принимать душ, — сказал я, намекая на ее имя.

— Предоставляю это вам. Уж если вы к кому-нибудь пристанете, то будет нелегко от вас отвязаться, — кисло заметила она.

— Ваш вид возбуждает, — покорно сказал я. — Вы всегда так возбуждающе выглядите по утрам?

— Конечно, — спокойно ответила она.

— Если я когда-нибудь сойду с ума до такой степени, чтобы жениться, то хотелось бы, чтобы моя будущая жена имела возбуждающий вид по утрам. Тогда бы я спокойно спал по ночам, не страшась пробуждения от мысли о том, какое страшилище будет подавать мне утром кофе, — ответил я.

— Любая девушка, которая возымеет желание выйти за вас замуж, должна сперва побывать у психиатра, — ответила она.

— Лучше у френолога, — ответил я с надеждой. — Вы хотите, чтобы я исследовал ваш череп?

— О, Боже ты мой, мистер Бойд, какие мысли рождаются в вашей голове! — заметила она и посмотрела на меня своими голубыми глазами. — Видимо, все зависит от формы вашего профиля. Вы считаете, что вам достаточно показать девушке ваш замечательный профиль, и все будет в порядке?

— Ну ладно, черт возьми, зачем вы ко мне пожаловали? — крикнул я. — Если **вы** хотите, чтобы вас утешили, поскольку вы бросили **взгляд** на убитую и плохо провели ночь, то почему бы вам не сказать этого без обиняков?

— Все имеет свою причину, — ответила она холодно. — Но когда речь идет о вас, то мне трудно отгадать эту причину. — Она посмотрела на меня взглядом врача, который исследует пациента. — Возможно, ваша ненависть к женщинам объясняется тем, что в свое время вы возненавидели свою мать.

— Какую из матерей? — быстро спросил я. — К моему совершеннолетию у меня было уже четыре матери. Моего старика звали Денни-Разведенец.

Она сунула руки в карманы шорт, и те сразу обтянули ее тело.

— Сдаюсь, — сказала она. — Я только что разговаривала с лейтенантом Хардингом, и он сказал, что никто не имеет права уехать, пока он не найдет убийцу. И я спрашиваю себя, как на это будет реагировать студия.

— Об этом я уже узнал, — ответил я со вздохом. — Я звонил Гугенхаммеру, и он снова пропел мне старую песенку: если Глория не вернется ко вторнику, то...

— Что «то»?

— То я не получу от него своего гонорара, и он внесет меня в свой черный список, так что мне будет трудно найти работу, как на Восточном побережье, так и на Западном. После того, как он подробно сообщил все, что он предпримет против меня, если я не доставлю Глорию своевременно, он добавил, что примет ряд еще других подлых мер.

— Я тоже хотела бы, чтобы Глория вернулась на студию своевременно, — сказала Эприл.

— Вот как? — я недоверчиво уставился на нее. — У вас есть какие-либо причины желать этого?

— Я люблю режим в питании, — ответила она просто. — А финансовые дела Глории в настоящий момент весьма неважные. Все, что принадлежит ей, — это скромная ниточка, поддерживающая ее в жизни: ипотека на дом, кабриолет, который может понадобиться только сума-

сшедшему, да два новых меховых манти. Я ничего не имею против меховых манти, но ведь есть же их не станешь!

— Неужели ее дела действительно так плохи? — спросил я.

Она кивнула.

— Если не хуже. Мне кажется, что она верила в то, что Вулрих окажет ей помощь, которая была ей так необходима. И, должно быть, она, узнав вчера вечером, что он банкрот, чуть не впала в шоковое состояние.

— Теперь все уже не так, — ответил я. — Он был предусмотрителен, этот парень, и после свадьбы застраховал свою жену на громадную сумму.

Эприл удивленно подняла брови.

— Для этого он, должно быть, имел основания, не правда ли?

— Правильно, Шерлок Холмс, — ответил я. — Вы правы, и копы тоже успели об этом подумать. Но не только Эдди имел мотив. Хардинг считает, что это с таким же успехом мог быть один из кредиторов, которому пришла в голову мысль убить Эллен Фицрой — или Луи Барон, или хотя бы Грег Бейли. Глории тоже могла прийти в голову такая мысль, или же она сделала это из ревности, после того, как узнала, что Эллен Фицрой вышла замуж за Вулриха.

— А что насчет Муската Муллиса? — спросила Эприл. — Как я слышала, на борту находились две парочки: Глория — Эдвард и Мускат — Эллен Фицрой.

— Сейчас положение немного осложнилось, — заметил я.

Она постучала ногой об пол.

— Весь вопрос заключается в том, что вы теперь будете делать?

— Гугенхаммер предложил мне самому найти убийцу, если копам это будет ~~не~~ под силу, — сказал я ей.

— И вы попытаетесь это сделать?

— Подумаю, — сказал я. — Ведь если я этого не сделаю, то останусь в убытке.

— Я вам помогу, — сказала она спокойно.

— Благодарю вас от всего сердца, — буркнул я. — Теперь я уверен в удаче.

— Я делаю это не ради вас, — умерила она мой восторг. — Я охотно выполняю секретарские обязанности при Глории. Работа хорошо оплачивается — в тех случаях, когда вообще оплачивается, — и не очень утомительна. Но если Глория не появится в срок на студии, я останусь без

работы. Мое предложение вызвано материальными соображениями, Денни.

— О'кей! Теперь у меня есть бесплатный помощник. У вас уже имеется какая-нибудь разумная идея?

— Конечно! — сказала она. — Надо поймать убийцу.

— Великолепно! — я в отчаянии закатил глаза. — А с чего мы начнем?

— Не имею понятия, — призналась она. — Но считаю, что вам придет что-нибудь в голову.

— Очень хорошо. — Я глубоко вздохнул и снова открыл глаза. — Почему бы нам вдвоем не прогуляться по гавани? Может быть, на свежем воздухе нам и придет это «что-нибудь» в голову.

— Согласна, — ответила она. — Вы что, действительно не знаете, кто убил Эллен Фицрой?

— Если бы я знал, я не сидел бы тут и не болтал с вами, — сказал я. — Я бы давно укатил вместе с Глорией в Голливуд.

— Я разочарована, — ответила Эприл. — Я думала, что вы — настоящий детектив, мистер Бойд.

— Так мы пойдем гулять или нет? — вежливо спросил я и поднялся с постели. — Или вы предпочитаете, чтобы я вас тут придушил где-нибудь в темном уголке?

Мы медленно прохаживались по берегу мимо стоящих в гавани яхт. Постепенно мне наскучило это занятие, и у меня возникло желание прогуляться где-нибудь вдоль Гудзонова залива или Ист-Ривер. Но потом я увидел в гавани нечто такое, что даже не поверил своим глазам. Я закрыл их в надежде, что «это» будет вести себя благо-разумно и исчезнет, но когда я вновь открыл их, все оставалось в прежнем состоянии. Когда ты видишь розовых слонов, гуляющих по комнате — это еще пустяки. Но когда на твоих глазах в гавань входит испанская галера, которую строили 500 лет назад — это уже чересчур.

— Взгляните-ка туда, — прошептал я. — Христофор Колумб подплывает. Вы не хотите ему сказать, что он опоздал по крайней мере на пять столетий?

— А что же тут странного? — презрительно заметила она. — Меня это вовсе не удивляет. В Бахия-Мар можно увидеть самое фантастическое: китайские джонки, испанские галеры и каравеллы и даже ванны из ткани.

— О'кей, мисс Всезнайка, — ответил я. — Откуда в вас столько мудрости? Вы ее черпаете из сборников комиксов?

— Скажете тоже, — презрительно фыркнула она. — Я читаю энциклопедию, и регулярно. Для отдыха. Сейчас

я читаю том от «Полл» до «Росс» и с нетерпением жду, когда смогу перейти к следующему.

— Видимо, мне имеет смысл тоже обзавестись энциклопедией,— сказал я, больше обращаясь к себе самому.— Вы часто даете мне понять, что я ниже вас по интеллекту.

— Так оно и есть,— злобно отпаривала она.— Вы, действительно, стоите ниже меня.

Последующие несколько минут мы шагали рядом в полном молчании.

— Ну как, еще не придумали, как мы будем ловить убийцу? — наконец спросила она нетерпеливо.

— Я как раз думал об Эллен Финой,— ответил я.— Это была хорошенькая куколка, и петь она умела. Так почему же она, черт возьми, вышла замуж за такого бродягу, как Вулрих? Из сострадания, что ли?

— С ее точки зрения, он стоял выше на общественной лестнице,— быстро ответила Эприл.— И был сказочно богат. К тому же, он был ее боссом.

— Для меня он по-прежнему остается негодяем,— буркнул я.

— Он, кажется, не хотел жениться на ней,— сладким голосом сказала она.

— Я бы тоже не женился,— ответил я.

— Что ж, очень рада это слышать,— заметила она с улыбкой.

Мы прошли еще ярдов пятьсот, и тут у меня в голове родилась мысль. Я остановился, но Эприл, не заметив этого, продолжала идти дальше. Прошло некоторое время, но Эприл так и не обратила на меня внимания.

— Эй! — закричал я ей вслед.— Подождите!

Она остановилась и медленно повернулась.

— Не обижайтесь,— сказала она.— Где есть яхты, есть и чайки.

— Мне пришла в голову мысль,— сказал я с глубоким вздохом.

— И вы хотите, чтобы я законсервировала ее в формалине? — с готовностью предложила она.

— Мускат Муллис или сам убил Эллен, или присутствовал при убийстве,— сказал я.— Поэтому мы должны еще раз побеседовать с ним.

— Вы считаете, что лейтенант Хардинг этого не сделал?

— Сделал. Но он допрашивал его ночью или рано утром, когда тот еще по самое «не балуйся» был накачан алкоголем и напичкан героином. А сейчас он, возможно,

перешел в состояние «кошачьего горя» и сможет вспомнить о событиях прошлой ночи.

— Олл-райт! — бросила она. — И это будет началом нашего расследования. Но до этого я хотела бы что-нибудь съесть. Я умираю от голода.

— И в этом вы сами виноваты, Эприл, — сказал я не без удовольствия. — Если бы вы захотели...

— Меня заставил об этом забыть ваш профиль, — сказала она серьезно.

Когда мы позавтракали и направились к домику Муската Муллиса, была уже половина третьего, и значительно жарче, чем утром. На трубе в доме никто не играл, и никто не открыл нам дверь, когда я постучал. Ее не открыли даже тогда, когда я забарабанил по ней кулаками. Я собирался постучать в последний раз, как вдруг в мое плечо ударило что-то вроде парового молота. Я сморщился от боли и медленно повернулся. В тот же момент я увидел волосатую грудь под прозрачной нейлоновой рубашкой. А чтобы увидеть лицо, мне пришлось задрать голову и чуть не вывихнуть шею.

— Почему акции, парень? — спросил человек громкоподобным голосом, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Он, словно жонглер, перебрасывал жевательную резинку из-за одной щеки за другую и со счастливой ухмылкой смотрел на меня. Я не знал этого парня и совсем не имел желания познакомиться с ним поближе. От его впечатляющей внешности мурашки бежали по спине. Он имел рост более двух метров и, наверное, весил больше 250 фунтов. С ним, пожалуй, могли бы справиться человек шесть, если бы у них при этом имелось полмили стальных цепей.

— Это что, твой дружок? — спросил я, косясь на Эприл.

Та покачала головой:

— Он только что подошел, и я, слава Богу, его никогда раньше не видела.

— Вы — Бойд, ищейка с киностудии, не так ли? — спросил он и снова перебросил жевательную резинку.

— В известной степени, — осторожно сказал я. — А кто вы такой?

— Свайн, — ответил тот. — Детектив из страхового общества.

Я сразу вспомнил, что Хардинг говорил о прибытии детектива из страхового общества.

— Детектив из страхового общества Свайн, — обрадо-

ванно повторила Эприл. — Какая милая кличка! Могу биться об заклад, что с таким именем и телосложением вы можете убедить любого клиента. Милый способ рекламировать себя.

Свайн критически осмотрел ее с головы до ног, сделал он это весьма неторопливо. Когда его взгляд добрался до ее коленок, она покраснела.

— Эта баба довольно глупа, — наконец заметил он. — Но при ее фигуре совершенно безразлично, говорит она чепуху или нет. Не правда ли, Бойд?

Он дружески ткнул меня под ребра, и я сразу подумал, что, может быть, придется вызывать врача.

— Мистер Бойд! — воскликнула Эприл, вскипая от гнева. — Вы что, будете стоять и безучастно слушать, как меня оскорбляют?

Я бросил быстрый взгляд на великана и кивнул.

— Конечно, милая, — сказал я самым честным голосом.

Свайн продолжал жевать свою резинку.

— Я уже говорил с местным полицейским, — сказал он. — Но, возможно, в этой дыре есть два полицейских?

Он затрясся от смеха над своей глупой шуткой и дружески похлопал меня по плечу. Мгновенно возникшая боль в позвоночнике не позволила мне веселиться вместе с ним.

— Его зовут Хардинг, — сказал Свайн, отдохнув от смеха. — Он ввел меня в курс дела и сообщил о вас, Бойд. — Поэтому я считаю, что мы оба сидим в одной лодке, не правда ли? Так почему бы нам не сотрудничать?

— В каком плане? — хрипло спросил я.

— Нужно найти убийцу, эту грязную вошь, которая расправилась с девушкой, — прорычал он. — Я совсем не собираюсь оставлять его на воле, этого проклятого выродка. — Он сжал свои могучие руки в кулаки. — Я разорву его на составные части. Вытащу все кишки и разложу по полочкам! Воткну его нос в черепную коробку, так что он вылезет с противоположной стороны! Согну...

— Конечно, конечно, — поспешно перебил я. — Мне кажется, что я вас хорошо понял.

Свайн глубоко вздохнул.

— Как подумаю об этом грязном убийце, тут же начинаю волноваться, — объявил он спокойным голосом. — Чем быстрее мы его схватим, тем будет лучше, не так ли? — Он понизил голос до доверчивого шепота, схватил меня за отвороты куртки и поднял на три четверти дюйма в воздух, так что мне не надо было напрягаться, чтобы понять его.

— У меня разработана отличная система,— продолжал он громоподобным голосом.— Это был один из вас, верно?

— Судя по всему, да,— согласился я.

— Я так и знал! — триумфально кивнул он.— Я так и знал, партнер. Поэтому мы начнем с того, на кого падают наиболее серьезные подозрения.

— Начнем что?

— Разлагать его на составные части,— спокойно ответил он.— Таким образом мы наверняка вытащим из него...

— Что вытащим? — осторожно спросил я.

— Убийца он или нет! — Свайн разжал руки, и мои каблуки вновь коснулись земли, причем так сильно, что мой позвоночник словно пронизало электрическим током.— Вот так-то. И это совсем не значит, что мы потерпим неудачу.

— Думаю, что не потерпим,— ответил я, не решаясь смотреть на Эприл.

— Нам просто не может не повезти,— продолжал он с вдохновением.— Мы всех их переберем по одиночке, одного за другим. И рано или поздно они заговорят, особенно в том случае, когда услышат треск ломающихся костей.

— А что будет, если они все невиновны? — продолжал допытываться я.

Свайн пожал плечами.

— Когда-нибудь, мы все равно наткнемся на того, кто нам нужен, Бойд. А остальные должны немножко пострадать во имя справедливости. Может быть, это звучит довольно сурово, но у нас нет другого пути для достижения цели.

— Вы имеете в виду кого-нибудь определенного? Для начала? — нервно спросил я.

— Лейтенант дал мне список имен,— ответил он с радостным видом.— И я сразу наткнулся на имя, которое мне бросилось в глаза — Луи Барон!

— Вы считаете, что убийца он?

— Не уверен.— Он на мгновение задумался.— Но я знаю, это низкая грязная крыса, которая имеет пользующийся дурной славой игровой салон в Лас-Вегасе. Этого Майку Свайну достаточно! Вывернуть ему руки будет для меня большим удовольствием.

Я глянул ему через плечо, бросив взгляд на троих мужчин, приближающихся к нам, и сразу во мне поднялось сладкое чувство удовлетворения.

— Какой счастливый случай! — сказал я.— Вот и сам Луи Барон идет со своими соработниками.

— Правда? — Свайн ухмыльнулся. — Ну, это кое-что! Барон подходил к нам, сопровождаемый Куском мяса с одной стороны, и кривоногим Фингерсом — с другой.

— Мне познакомить вас друг с другом? — с надеждой спросил я.

Свайн отрицательно покачал могучими плечами.

— Совсем не обязательно, партнер, — ответил он и показал кулаки. — У меня свои визитные карточки.

С этими словами он направился навстречу этой тройке, которая уже находилась в нескольких шагах от нас. Перед средним человеком он остановился и спросил:

— Вы — Барон?

— Верно, — холодно ответил Луи. — Что вы от меня хотите?

— Настало время, когда порядочные люди начинают вами интересоваться, — медленно протянул Свайн. — Божьи мельницы мельют медленно, но зато удивительно мелко и чисто. Парни вроде вас понимают только один язык, и на этом языке я сейчас и буду разговаривать.

Барон вопросительно взглянул на меня.

— Откуда взялся этот идиот?

— Его зовут Свайн, — ответил я. — Майк Свайн. Он детектив из страхового общества, того, где была застрахована Эллен Фицрой. И они прислали его сюда. А он считает, что самый легкий путь выяснить все обстоятельства — это разрывать подозреваемых на куски, одного за другим. Хочу также сказать, что у меня сложилось впечатление, будто он хочет начать с вас...

— У вас сложилось правильное впечатление, — проворчал Свайн. — И я уже в предвкушении начала...

Он приподнялся на цыпочки и выстрелил сжатой в кулак рукой, которая, несомненно, снесла бы Барону голову, если бы попала в него. Но она не попала.

Кусок мяса и Фингерс одновременно вступили в действие. Фингерс высоко подпрыгнул и вlepил оба кулака точно в спину Свайна. Мне показалось, что я услышал, как треснули кости, хотя не был в этом уверен. В этот момент подскочил Кусок мяса и, когда Свайн открыл рот, чтобы издать крик, ударил того руками, сплетенными в замок, прямо в подбородок, так что голова Свайна откинулась назад с такой силой, что будь на его месте другой — она вообще оторвалась бы от шеи. Потом последовали сокрушительные удары в нос и в челюсть, ребром ладони — в область ключицы.

Когда Свайн начал валиться на спину, Фингерс преду-

смотрительно убрал свою ногу с его ноги. Земля задрожала, когда детектив рухнул навзничь, а потом все стихло. Свайн не шевелился.

Фингерс нагнулся над ним и внимательно посмотрел ему в лицо. Потом рассмеялся:

— Он еще дышит! Вот уж никогда бы не подумал, что этот придурок решится избить босса!

— Интересно, за кого он нас принял? За школьников? — огорченно спросил Кусок мяса.

— О'кей, мальчики, — фыркнул Барон. — Иногда я все-таки вижу, что не зря плачу вам деньги. Возьмите его и выбросьте подальше. Мне нужно поговорить с Бойдом. Я оглянулся и только тут заметил, что Эприл Мауэр исчезла. Два телохранителя Барона понесли Свайна за угол дома.

Луи Барон закурил.

— Что нового, Бойд? — спросил он.

— Насколько мне известно, ничего, — ответил я. — Мы останемся на месте, пока Хардинг не найдет убийцу.

— А за это время я разорюсь, — сказал Барон. — А если я отсюда смоюсь, то этот идиот пришьет дело мне. Тем более, что я уже был ранее в подобной ситуации. Вы — частный детектив, не правда ли? У вас нет какой-нибудь идеи?

— Ничего из того, о чем стоит говорить.

У Барона был очень кислый вид.

— Этот Хардинг выглядит не намного умнее. Что касается меня, то я уверен, что ее убил Вулрих. Он и женился на ней только для того, чтобы хапнуть кучу денег за страховку.

— Но если его избличат, он никогда ничего не получит, — ввернул я в разговор.

— Не прикидывайтесь более глупым, чем вы есть на самом деле, — ответил он. — Какой убийца думает, что его избличат?

— Возможно, вы и правы.

— С вами говорить — только время терять. Где эта девочка, Мауэр?

— Зачем вам это знать? — поинтересовался я.

Он нахмурил лоб.

— Это вас не касается, но если вам так уж интересно, то скажу: она чертовски неплохо выглядит. И раз уж я решил остаться здесь и ничего не делать, то почему бы мне не поразвлечься?

— Совсем не знаю, куда она подевалась,— холодно ответил я.

— Ну, ничего, не волнуйтесь. Я сам найду ее. А вам, Бойд, советую приобрести собаку, чтобы с вами ничего не случилось.

Он направился вдоль ряда домиков, оставив меня в одиночестве.

Я повернулся и собрался снова постучать в дверь к Мускату, но потом передумал и махнул рукой.

— К черту! Сперва надо пойти и выпить,— подумал я.

Глава 6

Я отыскал в баре угловой столик, заказал порцию виски и закурил сигарету. Не успел я погасить спичку, как чей-то голос произнес:

— Денни, я всюду вас искала.

Я поднял глаза и увидел Глорию Ван Равен, которая с улыбкой смотрела на меня. Такие улыбки всегда грезятся женатым мужчинам в бессонную ночь.

— Хелло! — сказала она нежным голосом и уселась напротив меня. На ней было светлое платье с таким декольте, которое показало мне больше, чем глубокий каньон туристу.

— Вы искали меня? — спросил я и попытался забыть ту улыбку, о которой подумал ранее.

— Конечно,— сказала она.— Вы уже разговаривали с Гутенхаммером?

К нашему столику подошел официант, и она заказала себе выпить.

— Да,— ответил я, когда официант удалился.— Я говорил с ним сегодня утром.

— И что он сказал?

— Или я привезу вас к нему до вторника, или останусь без работы.

— А как велики наши шансы вернуться в Голливуд до вторника? — спросила она.

— Можно сказать, что у нас вообще нет никаких шансов,— ответил я. Хардинг не отпустит отсюда никого до тех пор, пока не найдет убийцу Эллен Фицрой.

— Но это же не трудно сделать,— гневно сказала она.— Он должен знать, что это дело рук Вулриха.

— Кажется, вы в этом уверены?

— Конечно, уверена! — сказала она убежденно.— Этот

мерзкий обманщик все время ухаживал за мной, а сам был женат на певичке из ночного клуба! Хвастался своими деньгами и своей яхтой, а на самом деле — банкрот!

— Мне остается только посочувствовать вам, Глория, — сказал я. — Но это еще не доказывает, что он ее убил. Или вы другого мнения?

Прежде чем ответить, она оглянулась.

— Здесь неподходящее место. Почему бы нам не отправиться в мой домик? Там мы будем вдвоем, и нам никто не помешает.

— Приятно слышать такие слова, Глория, — сказал я, рискнув бросить еще один взгляд на королеву широкого экрана, который сделал ее знаменитой на всех пяти континентах, и чуть было не подавился, когда отхлебнул из рюмки.

— Я рада, что вы согласились, — сказала она чуть охрипшим голосом. — Я всегда считала, что люди больше сближаются, когда остаются в интимной атмосфере, не правда ли?

Когда мы вошли в ее домик, она закрыла за собой дверь на ключ, и, видя это, я еще раз поперхнулся — на этот раз не от виски. Ее квартира была так же комфортабельна, как и все остальные: гостиная, спальня, маленькая кухонька и ванная. На правой стороне от Центрального парка за такую квартиру платят около восьмисот долларов в месяц.

— Извините меня, Денни, я только на минутку, — сказала она. — Устраивайтесь поудобнее, если, конечно, можно удобно расположиться в этой каморке.

Она исчезла в спальне, а я начал опробовать кушетку. Пружины были хорошие, не выпирали, поэтому я и уселся на нее.

Минут через пять из спальни появилась Глория. На ней был пеньюар, отделанный кружевами. Она подошла ко мне, и я увидел, что это был добрый старый нейлон. Правда, под ним было что-то надето, но очень небольшое. Шорохи, которые я при этом слышал, исходили отнюдь не от него, у меня шумело в ушах.

Она села рядом со мной на кушетку и придвинулась так близко, что нас теперь разделяла только тонкая нейлоновая ткань.

— Денни, — ее пальцы гладили мои щеки. — Я нахожусь в большом затруднении. Я должна вовремя вернуться на киностудию, так как остро нуждаюсь в деньгах. Этот субъект Вулрих уверил меня, что у него денег куры не клюют! Поганый лжец! Он уже долгое время, оказывается,

был банкротом и к тому же женатым на этой певичке из ночного клуба.

Она передернула плечами, и мне показалось, что меня ударило током.

— Счастье, что не я была его женой, иначе умерла бы я, а не Эллен Фицрой.

— Вы считаете, что это он ее убил? — спросил я.

— Я не только считаю, я знаю! — с жаром сказала она. — Вы помните, как я сказала, что хочу идти с вами, когда вы вышли вчера вечером?

— Конечно. — Я провел рукой по затылку и помассировал то место, куда пришелся удар Вулриха. — Очень хорошо помню, — добавил я.

— Это тоже был грязный трюк, — сказала она участливо. — Эдвард сделал мне знак, чтобы я занялась вами, и в то время, как вы, будучи джентльменом, распахивали передо мной дверь, он хватил вас сзади стулом.

— А я думал, что это была бейсбольная клюшка, — с кислым видом заметил я.

— Когда мы вышли, он сказал мне, чтобы я пошла в бар и ждала его там, так как он должен принести с яхты деньги, — продолжала она, тяжело дыша. — А я была так возбуждена, что не вошла в бар, а осталась перед рестораном и ожидала его возвращения. Я долго ждала, Денни, наверное, с полчаса.

— И что он сказал, когда вернулся? — терпеливо спросил я.

— Он вернулся какой-то другой... — Глория задумалась, наверное, чтобы решить, какой «другой» вернулся Эдвард, и пока она над этим думала, положила ноги на диван, вытянулась и склонила голову ко мне на колени. Ее синеголубые глаза доверчиво смотрели на меня, она взяла мою руку и приложила ее к груди, там, где находилось сердце. На ощупь нейлон был таким же тонким, как и на взгляд, и моя рука ощущала ее упругую теплую грудь.

— Вам так удобно, Денни? — хрипло спросила она.

— Очень удобно, милая, — заверил я ее.

Конечно, мне не было удобно держать ее голову на коленях, мне это было приятно.

— Вы мне как раз собирались сказать, в чем же изменился Эдвард, когда вернулся с яхты.

— Он был такой предупредительный, — сказала она неуверенно. — Совсем другой по сравнению с тем, каким ушел. Он сказал, что если я не хочу выпить, то мы могли бы вернуться на яхту. А если вы снова придете

и будете нас донимать, то он попросту вышвырнет вас за борт.

— И вы считаете, что он убил Эллен, когда ходил первый раз на яхту? — задал я свой обычный вопрос.

— Похоже, что так, Денни! — Она подняла колени, пеньюар соскользнул с них и обнажил бедро до середины. — А вы считаете, нет? — мягко спросила она.

— Может быть, и так, — ответил я. — Но почему он, зная, что Эллен лежит мертвая в рубке, предложил вам вернуться на яхту?

— Он должен был это сделать, Денни, — запальчиво возразила она. — Если бы он этого не сделал, то навлек бы на себя подозрения. Вы должны это понимать.

Глория подняла руки и провела по моему лицу.

— Но я не понимаю, почему мы заняты только разговорами, — прошептала она.

— Вы видели кого-нибудь, когда ждали его у ресторана? — спросил я.

— Нет, а что?

— Хардинг может об этом спросить, — ответил я осторожно. — Ведь у вас тоже нет алиби.

Моя рука была отброшена как раз в тот момент, когда начала ощупывать холмик на ее груди.

— Уж не хотите ли вы, дорогой Денни, сказать, что это я убила ее?

— Я только пытаюсь посмотреть на дело с точки зрения полицейского, — поспешно объяснил я. — Так, если бы вы уже знали, что он женат на Эллен, и что она застрахована на большую сумму, то у вас могло быть два мотива для убийства. Вы могли бы, например, сказать, что вы ревнуете его к Эллен, и надеялись, что Вулрих выдаст вам часть страховой суммы, как только он ее получит.

— Но ведь я не знала, что он женат на Эллен, и что он застраховал ее на такую большую сумму! — холодно ответила Глория.

— Это вы так говорите, дорогая, — ответил я с сожалением. — Но ведь ваши слова — далеко не доказательство.

Она сняла голову с моих коленей, прыгнула с кушетки и встала передо мной, положив руки на талию. Глория с ненавистью смотрела на меня. Прядь золотистых волос свешивалась ей прямо на лицо, и вид у нее был такой, словно она собирается задушить меня голыми руками.

— Так, значит, вы считаете, что это я ее убила? — процедила она сквозь зубы.

— Я ведь только был с вами откровенен, дорогая, — за-

протестовал я,— и говорил так же прозрачно, как ваш пеньюар.

— Вы хотите пришить мне убийство! — Она тяжело дышала, нейлон натянулся под ее грудями. — На кого вы, собственно говоря, работаете, Бойд? — прошипела она. — На Гугенхаммера или Вулриха?

Я поднялся и мрачно посмотрел на нее.

— Не ведите себя как ребенок, Глория...

— Как ребенок? — воскликнула она. — Вы имеете наглость называть меня ребенком? Вы... вы...

Она схватила настольную лампу и запустила ею в меня. Это произошло настолько быстро, что я едва успел нагнуться. В следующую секунду лампа ударилась о стену, разбилась, и осколки ее попали на кушетку. А Глория, закрыв глаза, бросилась на меня и забарабанила кулаками в мою грудь. Я подумал, что теперь уже не до любезностей, схватил ее за пеньюар и потрянул ее так сильно, что у нее лязгнули зубы.

Внезапно раздался треск, материя порвалась и упала возле нее на пол. Нагая Глория гордо отступила назад и спряталась в кресле, держа в руках обрывок ткани. Но она пряталась недолго. Испустив воинственный клич, вновь вскочила на ноги, дав мне возможность полюбоваться своими округлостями в другом ракурсе. Когда крик ее перешел в болезненный стон, она пошарила сзади себя и вытащила на свет массажную щетку для волос. Я поймал щетку, когда Глория бросила ее в меня.

— Убирайся вон! — выкрикнула она. — Убирайся, или я тебя убью! — Я спокойно улыбнулся в ответ.

— Если вы хотите, чтобы я вас немного помассировал, то...

Она посмотрела на меня так свирепо, что я счел за благо отступить к двери.

— Я ведь только предложил...

Не прошло и минуты, как я снова очутился в своем домике, и, едва успев закрыть за собой дверь, понял, что у меня в комнате горит свет. Значит, кто-то ждет меня.

— Где это вы пропадали? — спросила меня Эприл. — Я жду вас целую вечность.

На ней было голубое платье без рукавов, с низким вырезом в форме буквы «У». Вместо ее обычной высокой прически, поддерживаемой заколками, на плечи Эприл золотистыми волнами спускались густые локоны. Большие бронзовые серьги очень шли к ее загорелой коже. На левой руке красовался такой же бронзовый браслет. Картину

дополняли белые кожаные сандалии, которые, очевидно, были приобретены в салоне мод, и произвели на меня большое впечатление. Я прислонился спиной к двери и, не торопясь, разглядывал детали ее экипировки, а также податливость материала в тех местах, где две ее горделивые груди стремились куда-то вверх.

— Всю вторую половину дня я вас искал, но вы словно сквозь землю провалились,— сказал я с упреком.

— У меня не было желания и дальше подвергаться оскорблениям этого скота Свайна, в то время как вы при этом присутствовали и ничего не делали,— холодно ответила она.

— Он намного сильнее меня,— попытался я оправдаться.— Но вам лучше было остаться. Луи Барон натравил на него своих мальчиков, и они чуть не забили его до смерти.

Она пожала плечами. По всей вероятности, это ее мало интересовало.

— Послушайте... вернее прислушайтесь,— сказала Эприл.

Я прислушался и вскоре услышал тихие звуки трубы, которая наигрывала медленный блюз.

— Он находится где-то на улице, но у меня совершенно нет желания составить ему компанию. На улице слишком холодно.

— Разве вы не хотели у него кое-что выяснить? — спросила она нетерпеливо.— У вас была такая идея, не правда ли?

— Была,— признался я.— Мы хотели заняться Мускатом.

— Если это не его дух, который играет на его трубе, то, следовательно, это делает он сам. Тогда почему бы нам не отправиться к нему?

— Великолепно! — сказал я, и мы вышли на улицу.

Мускат тем временем уже успел скрыться в своем домике и продолжал играть там, а мгновение спустя открыл нам дверь.

— Приветствую гостей! — мрачно сказал он.

— Мы хотели поговорить с тобой,— сказал я ему.

— О'кей,— сказал он и распахнул дверь пошире.

Его гостиная была такого же размера, как и у других, но лучше обставлена,— на столе стройными рядами выстроились пустые бутылки... Правда, там же находились и полные.

— Как вы смотрите на то, чтобы выпить? — спросил он.

— Нет, спасибо,— Эприл решительно покачала головой.

— Не портьте игру, куколка! — попросил он.— Я неохотно пью в одиночестве, это приводит к греху.

Он наполнил рюмки до краев и предложил мне.

— Мы подумали...— начал я и откашлялся.— Ну так вот, мы хотели...

— О, Бог ты мой! — сердито перебила меня Эприл и с улыбкой повернулась к Мускату.— Дело в том, мистер Муллис, что мы хотели просить у вас помощи, и больше ничего.

— Материально? — спросил он.— Я бы с радостью, если бы у меня что-нибудь было, но у меня ничего нет. Дело в том, что я ужасный мот...

Эприл энергично запротестовала.

— Не поймите нас превратно, но Глория должна во вторник быть на студии, потому что там начинаются съемки с ее участием. С другой стороны, лейтенант задерживает нас всех до тех пор, пока он не отыщет преступника, убийцу Эллен Фицрой. А Глория, если вовремя не вернется, обанкротится, Бойд не получит своего гонорара, а в итоге и я окажусь без средств.

— Все это вполне понятно,— заметил Мускат, отпил большой глоток и снова взялся за свою трубу, чтобы извлечь из нее пару звуков.

Казалось, что кто-то наступил кошке на хвост. Но Эприл не сдавалась.

— Поэтому мы должны найти убийцу до вторника,— продолжала она, тяжело дыша.— И мы подумали, что вы сможете нам помочь.

Мускат удивленно посмотрел на нас и опустил трубу.

— Я? — спросил он.— Каким образом?

— Ну, вы присутствовали при том, когда это случилось, не правда ли?

— Думаю, что да, куколка,— заметил он осторожно.— Но я был наполнен до краев и витал где-то в облаках. Полиция придерживается мнения, что выстрел был произведен откуда-то из-за моей спины, но я даже не слышал его, не говоря уже о том, что не видел человека, который стрелял. Даже не знаю, кто это был — мужчина или женщина.

— Но хотя бы кое-что вы должны все-таки вспомнить,— продолжала допытываться она.

— Даже не помню, какое время дня тогда было.

— Это было вечером,— холодно сказала она. Мускат с сожалением покачал головой.

— Раз вы говорите «вечером», значит, так оно и есть,— заметил он.

Эприл посмотрела на меня и пожала плечами. Мускат снова взялся за трубу и начал играть «Муд Индиго». И тут в моей голове родилась новая мысль — простая, но хорошая. Эприл, которая в этот момент смотрела на меня с надеждой, спросила:

— Что с вами? Вы больны?

— Нашел! — воскликнул я и прищелкнул пальцами. — Нашел выход! Я знаю, как с ним надо обращаться, чтобы он вспомнил!

Мускат опустил трубу и посмотрел на меня.

— Давайте выпьем еще по одной,— предложил он.

— Вот именно,— сказал я. — Еще по одной, и еще по одной. — И для наглядности, я лихо, одним глотком, осушил рюмку.

— Что это значит? — спросила Эприл.

Я взглянул на нее сверху вниз.

— Все, что нам нужно, это немного поиграть,— объяснил я ей.

— Не понимаю,— ответила она. — Это что, шутка?

— Сейчас я вам скажу, что мы сделаем. Мы просто-напросто восстановим преступление.

Мускат и Эприл посмотрели друг на друга непонимающими глазами.

— Ему нужно еще выпить,— наконец сказал трубач.

— А я думаю, что он что-то не то съел,— ответила она.

— Я еще никогда не встречал таких непонятливых людей,— начал я защищаться.

— Олл-райт, мистер Всезнайка,— заметила Эприл. — Только выражайтесь пояснее.

— Что ж, повторяю еще раз,— ответил я. — Все что нам нужно — это восстановить преступление.

— И тем не менее, я опять ничего не понял,— бросил Мускат, снова наполняя рюмку.

— Когда это произошло, вы были пьяны,— объяснил я. — А сейчас вы трезвы, правильно?

— Почти трезвый,— поправил он меня. — Но я недолго собираюсь таковым быть.

— Вот и прекрасно,— сказал я. — Вы напьетесь, и причем как можно скорее. Пейте и дуйте в свою трубу, как вчера вечером. А мы потом разыграем сцену, которая,

должно быть, произошла вчера вечером в рубке. Эприл будет исполнять роль Эллен Фицрой...

— Что-что? — переспросила она.

— Вы слышали, что я сказал, — ответил я. — А сам я буду играть роль убийцы. Когда Мускат трезв, он, естественно, не может ни о чем вспомнить, потому что был пьян, когда это случилось. Но если он напьется, и мы разыграем сцену, которая произошла вчера, то он, возможно, и вспомнит обо всем.

Эприл и Мускат какое-то время смотрели друг на друга. Наконец-то до них дошло.

— О'кей! — сказала она. — На первый взгляд, затея кажется глупой, но это лучше, чем ничего.

— А вы что скажете? — спросил я Муската. Он пожал плечами.

— Пока мы будем пить, меня ничего не будет беспокоить, — ответил он.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Сперва Мускат должен влить в себя с десяток порций спиртного, а потом мы...

— Минутку! — перебил он меня. — Вы что, хотите меня напоить, а сами будете только смотреть?

— Вы должны напиться, — сказал я. — Это является главной предпосылкой.

Он медленно покачал головой.

— Только не так, любезный. Так я не могу. Если я пью, ты со мной должен тоже пить.

— Но будьте благоразумны, Мускат, — попыталась уговорить его Эприл.

— Послушайте, Бойд, — холодно заметил он. — В конце концов, эта сумасшедшая идея ваша, а не моя. Но я согласен на это, лишь бы вы пили вместе со мной, если нет, то я пас.

— О'кей! — согласился я и посмотрел на Эприл. — А что скажете вы?

— Что же, — сказала она нерешительно, — поскольку речь идет о том, чтобы я сохранила свой заработок и могла регулярно питаться, то я присоединяюсь к вам.

С этими словами она взяла нетронутую рюмку и выпила залпом, словно это было не спиртное, а просто лимонад.

— Вот это другое дело! — сказал Мускат и начал снова наполнять рюмки. — За восстановление преступления! — добавил он. — Это самая благопристойная причина, извиняющая выпивку.

И мы начали пить. Сперва по одной, потом по второй, третьей, четвертой... После семи я перестал вести счет,

потому что считать все равно не имело смысла. Постепенно я начал терять чувство времени, все предметы вокруг начали расплываться, но потом все стало очень рельефным.

Мускат сидел на полу, скрестив ноги, и играл на трубе. Рядом с ним стояли три бутылки и рюмка. Две были пусты, но третья еще с содержимым.

Эприл, словно во сне, танцевала по комнате. Я бы охотно составил ей компанию, но не нашел выключателя, который бы выключал шатающийся пол. Поэтому я только безрезультатно пытался установить, что же она танцует.

Наконец Эприл зашаталась и еле удержалась на ногах, быстро ухватившись пальцами за край стола.

— Эй вы, тугодум! — выкрикнула она. — Разве мы не хотели сделать что-то с кем-то когда-то?

— Вы имеете в виду, что я должен пойти с вами в постель? — с невинным видом спросил я.

— К черту вас! — сладко потянувшись, ответила она. — Я говорю о вос... вос... Черт возьми, вы сами знаете, о чем я хочу сказать.

— Мы еще до сих пор не ложились в постель, — уверял я ее. — Значит, мы должны пойти и сделать это.

Мускат перестал играть на трубе и уставился на меня.

— Что с вами? — спросил он. — Речь идет об убийстве. — Он улыбнулся, а потом добавил: — Даже я помню об этом, а я пьян.

— Вот как? — удивился я. — Значит, я здесь один трезвый.

Я поднялся, и это было моей ошибкой. Пол с такой скоростью бросился мне навстречу, что я отшатнулся и шлепнулся об него носом. Я с трудом поднялся и зашипел:

— Уберите от меня эту проклятую вещь!

Но меня никто не слушал. Мускат играл на трубе, а Эприл танцевала.

— Слушайте! — заорал я.

Мускат сразу перестал играть, а Эприл прекратила танцы. Наступившая тишина была оглушающей.

— Это уже лучше, — сказал я. — О'кей, мы продолжаем. — Я показал пальцем на Эприл. — Вы играете роль Эллен, понятно?

— Понятно, — ответила она.

— А вы, Мускат, играйте на трубе, — сказал я ему. — Только не забывайте, что сейчас не сегодняшний вечер, а вчерашний.

— Да, сейчас вчерашний вечер, — повторил он и поднес трубу к губам.

— Это — вокруг — яхта, — продолжал я. — И мы находимся в рубке. Здесь побывало множество людей, но все они ушли, кроме Эллен Фицрой. — Я сделал знак Эприл, и она села на пол рядом с Мускатом.

— Мой милый Мускат, — нежно сказала она.

— Хелло, Эллен! — он взмахнул рукой и продолжал играть дальше.

Я ждал и наблюдал. Какое-то время, пока Мускат наигрывал блюз, мне казалось, что некоторые звуки мне знакомы, но потом он снова начал импровизировать. Я выпил рюмку и осторожно проскользнул за спину Муската, стараясь больше не терять равновесия. Потом я вытянул указательный палец и крикнул изо всех сил:

— Ба-бах!

Мускат даже глазом не повел. Он продолжал наигрывать свои импровизации. Эприл упала на пол, ее юбка задралась так, что можно было видеть бедра и подвязки. На какое-то мгновение Мускат перестал играть, что меня отнюдь не удивило, ибо поза Эприл заставила бы замолчать целый симфонический оркестр. Мгновением позже вся моя теория разлетелась на осколки — когда он заиграл зауспокойную «Разве он не шевельнулся?».

— О'кей! — сказал я, покачиваясь. — Наверное, так оно и было.

Эприл приподнялась с пола и, вставая, снова схватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Я пьяна, — сказала она.

— Перестань играть! — набросился я на Муската. — Ну, как? — спросил я его с надеждой.

Он отложил трубу и уставился на меня остекленевшими глазами.

— Что вы сказали? — пролепетал он.

— Вам эта сцена о чем-нибудь напомнила? — спросил я. — Вы вспомнили что-нибудь?

— Что именно?

— Мы только что воссоздали сцену убийства. Вы не слышали, как я только что прокричал «ба-бах!»?

— Не слышал, — ответил он. — Я играл на трубе.

Я на мгновение закрыл глаза, потом снова открыл их и устало спросил:

— Значит, вы не можете вспомнить ни одной существенной детали происшедшего вчера вечером.

— Все это не имеет смысла, — ответил он. — На какое-то мгновение я, правда, подумал, что это все происходит вчера вечером, но остановить это мгновение мне не удалось.

— Давайте выпьем еще по рюмочке,— предложила Эприл.— Теперь мы хотя бы знаем, что это была идиотская затея.

Даже не пытаясь защищаться, я взял из руки Муската бутылку и налил всем по рюмочке. Не успел я покончить с этим делом, как в дверь забарабанили.

— Интересно, кто бы это мог быть? — громко спросила Эприл.

— Древесный червь на перепутье,— ответил я. Но вскоре в дверь опять забарабанили, причем так сильно, что она даже затряслась.

— Судя по всему, кто-то кому-то нужен,— глубоко-мысленно изрек Мускат, опустив полную рюмку, взял трубу, и по комнате полились звуки «Никто не получил».

— Кто, к кому? — заинтересованно спросила Эприл.— И кто это: мужчина или женщина!

Стараясь держаться перпендикулярно полу, я направился к двери и открыл ее. Туша весом в полтора человека вошла в комнату. В первую минуту я подумал, что эта туша завязала на своем галстуке два узла, но внимательно присмотревшись, убедился, что верхний из них — просто шишка. А там, где полагалось быть носу, красовалось нечто вроде раздавленной цветной капусты. Ко всему прочему вошедший так ковылял, что казалось, будто у него болят все суставы.

— Я ищу вас, партнер,— выдавил он.

— О, да это милый добрый старина Майк Свайн! — ответил я.

— Угу,— хрюкнул он.— А вы тот парень, который натравил на меня Луи Барона. На что, собственно, вы надеялись, Бойд? Думали, что его бандиты прикончат меня до того, как мы с вами разберемся в этом деле? — Он засмеялся.— Но это не получилось. И теперь ваша очередь быть разложенным на составные части, партнер!

Я размахнулся правой ногой и ударил его кончиком ботинка точно по коленной чашечке. Он упал на здоровое колено. Такое его положение меня гораздо больше устраивало — уже хотя бы потому, что мне не нужно было выворачивать шею, чтобы смотреть ему в лицо.

Но я не ограничился тем, что посмотрел ему в лицо, я сделал кое-что другое. Я выстрелил правой рукой ему прямо в рожу, причем вложил все силы в этот удар. Удар вышел приличный — Свайн медленно откинулся назад и удобно расположился на полу.

— Великолепно! — воскликнула Эприл радостно. — Почему вы не сделали этого раньше?

— Сегодня днем он был еще здоров, — правдиво сказал я.

— О, мой герой! — выразила она свой восторг.

— Может, теперь нам лучше пойти домой? — пробормотал я. — Уже половина одиннадцатого. Как быстро прошел вечер!

Мы осторожно перешагнули через отдыхающего Свайна и вышли из домика. Оглянувшись в дверях, я увидел, что Мускат снова взял трубу. На губах его играла счастливая улыбка. Через несколько секунд раздались звуки блюза «Разве он не пошевелился»...

Глава 7

Поддерживая друг друга, мы, наконец, добрались до домика Эприл. Я втолкнул ее в комнату и начал шарить по стене в надежде найти выключатель. Поиски мои увенчались успехом — вспыхнул свет.

— Я даже не могу предложить вам выпить, — сказала она, оглядываясь вокруг. — В доме нет ни капли спиртного. — Она внезапно разразилась слезами. — Разве это не странно?

— Пустяки, милая, — успокоил я ее. — Я даже не хочу пить...

— Мне начхать на то, хотите вы или нет. — Она заплакала еще громче. — Самое главное заключается в том, что у меня ничего нет выпить! О, как это несправедливо!

У меня сложилось впечатление, что я должен что-то предпринять.

— Подождите здесь, дорогая, — попросил я ее. — Я схожу и достану где-нибудь бутылку. Я сразу вернусь. Вас такой вариант устраивает?

— О, мой герой, — с пафосом продекламировала она и сразу перестала плакать.

Я, шатаясь, снова выбрался в темноту и побрел к домику Муската. Пнув дверь ногой, я увидел, что Майк Свайн все еще находится без сознания, а Мускат с задумчивым видом сидит перед ним на корточках.

— Что вам нужно, черт бы вас побрал? — он поднял на меня глаза и посмотрел так внимательно, что я сразу почувствовал себя подсудимым, который вовремя не получил обвинительного заключения.

— Чего-нибудь выпить, — просто сказал я. — Как вы посмотрите на то, если я займу у вас бутылку?

— О'кей, — недовольно буркнул он. — Забирайте и проваливайте.

Я подошел к столу, взял бутылку и направился к двери.

— Подождите минутку! — окликнул он меня.

— Что еще, старина? — я обернулся.

— Что с ним? — спросил он презрительно и посмотрел на Свайна. Я посмотрел на спящую глыбу и сказал:

— Мне он не нужен. Можете оставить его у себя.

— Я не уверен в том, что он тоже мне нужен, — буркнул Мускат. — Вы его уронили, вы и забирайте.

— Ну, если вы настаиваете... — От старого друга я такого не ожидал.

— Еще как настаиваю, — сказал он заплетающимся языком. — Неужто вы думаете, что у меня тут госпиталь?

Я сунул бутылку в карман брюк и нагнулся, чтобы схватить Свайна за ноги. При этом горлышко бутылки ткнуло меня под ребра, и я спросил себя: почему японцы, когда хотят покончить жизнь самоубийством, делают себе характерные движения? Движением тела я отвел горлышко, усилил хватку и потащил Майка на свежий воздух.

Мускат захлопнул за мной дверь, как только голова Свайна перекочевала за порог. Я оставил Свайна лежать на земле и уже хотел возвратиться в домик Эприл, когда детектив вдруг прохрипел что-то и открыл глаза.

— Что со мной? — гневно спросил он.

— Вас лягнула лошадь, — доверительно ответил я. — Разве не помните? — Я боялся, что он вспомнит, что с ним было на самом деле.

— Кто?

— Мускат Муллис, — солгал я, но таким тоном, словно говорил правду, да еще под нажимом обстоятельств. — Мускат действительно дикарь со своей трубой, особенно когда начинает на ней играть.

Разумеется, я не стал дожидаться, пока он окончательно придет в себя и расправится со мной, а поспешил к домику Эприл и вошел в него, с триумфом размахивая бутылкой.

— Мой герой! — воскликнула она, увидев меня. — В качестве вознаграждения вы можете налить мне рюмочку.

Пока я ходил за спиртным, она успела сбросить сандалии и сидела теперь на кушетке, подтянув к себе колени. Юбка немного задралась, и сейчас можно было видеть не

только край ее нижнего белья, но и полоску загорелой кожи на ее бедре. Пока я наливал напитки, моя рука дрожала, и рюмки тихо звякали.

Она показала в сторону маленького столика, который стоял перед кушеткой.

— Поставь их туда! — сказала она командирским тоном.

Я повиновался.

— А теперь садись рядом со мной, — ее голос перешел в хриплый шепот. — Поближе!

Не успел я сесть рядом с ней, поближе, как она бросилась мне на грудь и обвила шею руками. От такого неожиданного нападения я упал спиной на кушетку, и в следующее мгновение Эприл уже удобно расположилась на мне. Ее губы — голодные и страстные, прижались к моим губам, и через короткое время я сдался, перестав обороняться. Не такое частое явление, когда женщина соблазняет мужчину.

Минут через пять с той же внезапностью, что и при атаке на меня, Эприл снова откинулась назад и потянулась к ближайшей рюмке на столике.

— Я пью за вас, Фанни, — сказала она, подняла рюмку и, запрокинув голову, залпом осушила ее до дна.

— Меня зовут Денни, а не Фанни, — проворчал я, снова выпрямившись на диване.

— Пустая! — Некоторое время она с недоверием смотрела на пустую рюмку, потом огляделась и спросила: — Где он?

— Кто?

— Жалкий подлец, который крадет виски, когда я отворачиваюсь, — ответила она гневно. — Если я его поймаю, я вырву у него из груди сердце.

Потом, увидев вторую полную рюмку на столике, она радостно заулыбалась. Эприл рывком поднялась, и виски оставило мокрый след на моих коленях, а потом выпила ее с той же стремительностью, что и первую.

— Эту тоже за ваше здоровье, — возвестила она, — как бы вас ни звали.

Девушка беззаботно кинула рюмку за себя, и та, оставив мокрое пятно на гравюре Пикассо, разлетелась вдребезги. Голубые глаза Эприл снова заблестели, когда она с той же нежностью, что и прежде, нагнулась ко мне.

— Я с ума схожу по вас, — жарко прошептала она. — По вас и по вашему профилю, Денни!

— Неужели?

— Ну да, конечно! — небрежно бросила она. — Но не перебивайте меня. Неужели это так существенно... И — на чем я остановилась?

— Мы только что взорвали наш сарай, — сказал я с горечью. — И кусочки его носятся в стратосфере.

— Я с ума схожу по вас, — сказала она счастливым голосом, блестя глазами. — По вас и по вашим манерам... По вашей толстой и жирной башке и по тому виду, с которым вы идете по жизни. У вас такой вид, словно все женщины от 18 до 80 лет лежат у ваших ног, и это меня сводит с ума, мистер Бонд.

— Бойд! — горестно выкрикнул я.

Потом она снова прижалась ко мне, и я закрыл глаза, ожидая поцелуя. В этот момент я подумал, что, в конце концов, можно быть и великодушным. Почему бы не предоставить всю работу ей, если она так уж хочет?

Через некоторое время я почувствовал на своей груди тяжесть. Я открыл глаза и увидел, что ее головка покоится в области моего сердца. Нет причин волноваться, подумал я. Ночь только началась, так почему бы ей и не передохнуть немного, прежде чем начать новую атаку на меня? Приблизительно минут через пять она начала мирно похрапывать.

Имеются в жизни мужчины минуты, как мне сказала однажды блондинка, вышедшая замуж за учителя дзю-до, когда ты должен примириться с неизбежным.

Я осторожно выбрался из-под Эприл, положил ее голову на кушетку и закрыл за собой наружную дверь. Дорога к моему домику показалась мне бесконечно длинной, но я тем не менее преодолел это расстояние.

В общем и целом день этот нельзя было назвать удачным, ибо я еще совершенно не знал, кто убийца. Я даже не напал на его след. Не удалась мне и попытка привести Муската в такое состояние, чтобы он вспомнил детали. Да и Эприл я не смог в конечном итоге соблазнить. Соблазнила только она меня, насколько я помнил.

Я сел на край кровати и принялся за тяжелую работу — стянуть башмаки так, чтобы самому не свалиться с кровати. Мой труд был уже почти окончен, когда кто-то постучал в дверь.

Может, это внезапно проснулась Эприл и бросилась на охоту за мной? — кисло подумал я, подымаясь и отправляясь к двери.

Но я ошибся. В дверях стоял Эдвард Вулрих; у него был какой-то затравленный взгляд.

— Бойд,— сказал он поспешно,— я разыскиваю вас весь этот проклятый вечер.

— Выкладывайте, зачем я вам понадобился, если уж вы меня нашли,— буркнул я.

— Прошу вас, уделите мне минутку, я должен с вами поговорить,— попросил он.— Уверю вас, это буквально минута.

— О'кей! — неохотно согласился я.— Только покороче.

Он прошел за мной в гостиную и начал беспомощно переминаться с ноги на ногу. Я терпеливо ждал.

— Очень сожалею, что...— наконец начал он.— Что я вас вчера ударил. Это было ошибкой с моей стороны.

— Но из-за этого вам не надо отращивать седые волосы,— ответил я и гаденько ухмыльнулся.— В ближайшее время я сломаю стул о вашу голову, и мы будем квиты.

— Серьезно, Бойд! Ведь вы, кажется, частный детектив, не так ли?

— Кажется, так,— ответил я.— Но в данный момент я не очень в этом уверен.

— Я неоднократно задавал себе вопрос: не могли бы вы работать на меня? — продолжал он.

— Я уже работаю на киностудию,— сказал я.

— Я хорошо заплачу,— выдавил он.— Пять тысяч долларов!

— За что?

— За то, чтобы вы отыскали убийцу моей жены.

Какое-то время я недоверчиво глядел на него.

— Где тут зарыта собака? — спросил я.

— Тут нет никакой собаки,— фыркнул он.— Для меня этот вопрос очень серьезен. Я убежден, что полиция думает, будто это я убил ее.

— Чтобы получить страховку?

— Вот именно,— ответил он.— Они считают, что я и женился на ней только для того, чтобы застраховать ее жизнь, а потом убить. Это какая-то фантастика.

— Никакой фантастики, поскольку она действительно убита,— буркнул я.

Вулрих закусил нижнюю губу.

— Они считают, что я влюблен в Глорию и одним ударом убил двух зайцев: получу деньги, в которых нуждаюсь, и создам предпосылки для женитьбы на Глории.

Я ничего не ответил на это.

— Ну так как, Бойд? — спросил он.— Возьметесь за эту работу?

— Нет,— сказал я.

— Десять тысяч!

— Нет!

— Пятнадцать!

— Нет!

Он закурил сигарету, руки у него дрожали.

— Мне нужна помощь,— взвизгнул он.— Помощь специалиста. Назовите цену, Бойд!

— Дело не в цене,— ответил я.— Если вы не убивали Эллен Фицрой, вам нечего бояться.

— Не рассказывайте мне сказки! — нетерпеливо прокричал Вулрих.— Страховое общество послало одного из своих детективов.

— Я уже имел честь встретиться с ним,— ответил я и передернул плечами.

— Мне он кажется похожим на буйнопомешанного,— продолжал Вулрих.— Он пытался силой вырвать у меня признание. К счастью, я как раз держал в руках клюшку для гольфа, которую ткнул ему в пузо. Когда он скрючился, я выскочил на улицу и закрыл за собой дверь. Минут двадцать он колотил руками в дверь, а потом догадался вылезти в окно.

У меня сложилось впечатление, что Майк Свайн действует более чем оригинально.

— Послушайте, Бойд! — сказал Вулрих, возвращаясь к прежней теме.— Неужели вы мне не поможет?

Я немного подумал, а потом сказал:

— Я попытаюсь.

Он с облегчением вздохнул.

— Спасибо! Тысячу раз спасибо!

— Меня не за что благодарить,— буркнул я,— если убийца не будет найден в самом скором времени, то я потеряю работу.

— Я вам заплачу,— уверил меня он.— Заплачу, как только убийца будет схвачен.

Я закурил новую сигарету от окурка старой.

— Как это получилось, что вы сперва женились на Эллен Фицрой, а потом предприняли этот вояж на яхте вместе с Глорией? — спросил я.

— На этот вопрос очень легко ответить,— сказал он с улыбкой.— Как вы знаете, я заключил эту неудачную сделку с обесцененными акциями, не имеющими цены. Эллен пела в клубе, который принадлежал мне, я ее там часто встречал. Мы поженились очень тихо, поскольку у меня были затруднения с деньгами. Но в тот момент я еще думал, что найду выход и выпутаюсь из этого

положения. В Нью-Йорке у меня кредита не было, поскольку все знали, что я сижу на обесцененных акциях. А с Глорией мы старые друзья, знакомые с незапамятных времен. Вот я и подумал, что если поухаживать за ней, то она мне одолжит тысяч двести. Этой суммы мне хватило бы, чтобы сбросить со своей шеи наиболее настойчивых кредиторов. Конечно, при таких обстоятельствах нечего было и думать, чтобы представить Эллен как мою жену.

— Это ясно,— сказал я.

Он кивнул.

— Потому мы и организовали прогулку на яхте. Эллен пригласила своего старого почитателя — Муската Муллиса, я пригласил Глорию, и она до вчерашнего вечера, разумеется, думала, что Мускат и Эллен — это парочка.

Вулрих с горечью улыбнулся.

— А вчера вечером я, кроме всего прочего, узнал, что у Глории тоже ничего нет за душой. И она согласилась на эту прогулку только ради того, чтобы выкачать из меня деньги.

— Какая неудача! — сказал я, не моргнув и глазом.

— Да, положение не из приятных, старина,— поддакнул он.— Но его не изменишь: звезда экрана — и вдруг банкрот!

— Такое же неприятное, как если бы банкротом оказался босс с Уолл-стрит,— сказал я.

Какое-то время он смотрел на меня, по всей вероятности, не зная, что сказать, потом, видимо, решил забыть о моем замечании.

— Я любил Эллен,— серьезно сказал он.— Поверьте мне, Бойд, я ее действительно любил. И я просто не могу понять, кому понадобилось ее убивать.

— Полиция разберется,— ответил я.— А вы не можете себе представить, что это мог быть один из ваших кредиторов, и сделал он это ради того, чтобы вы могли вернуть ему деньги?

— О-о! — выдавил он.

— Барон, например,— продолжал я.— Если бы он прикончил вас, то ему нечего было бы рассчитывать на то, что ваш долг вернется к нему. Но, прикончив Эллен, он мог бы нажать на вас, и вы бы заплатили ему. И потом еще этот Бейли. Кто он, собственно говоря?

— Грег? — переспросил Вулрих.— Ну, он финансист. Один из самых рьяных, каких я знаю. Он предложил мне деньги, большую сумму — вы знаете, как это обычно бывает. Поэтому я отдал ему в аренду некоторые мои заведения

и, боюсь, этого было недостаточно, чтобы покрыть весь мой долг. Теперь фактически он хозяин и моего клуба, и моего дома, и моей яхты, и вообще всего, чем я владею.

— А зачем он приехал сюда?

— Хотел воочию убедиться, какие успехи я делаю в уходе за Глорией, — ответил Вулрих. — Дело в том, что я рассказал ему о своих намерениях, понимаете?

— Чтобы отвязаться от него на несколько дней?

— Можно сказать и так, — согласился он.

Я погасил сигарету.

— О'кей, — сказал я ему.

— Спасибо.

Я подошел к двери и распахнул ее. Какое-то время Вулрих смотрел на меня, потом перешагнул порог.

— Вы сделаете для меня, что сможете? — спросил он с надеждой.

— Я поразмыслил над этим, — буркнул я, — и пришел к выводу, что единственное, что вас заботит — это получение страховой суммы. По сравнению с вами, какой-нибудь выродок стоит выше на общественной лестнице. Надеюсь, что страховое общество найдет выход и оставит вас без гроша. Надеюсь также, что лейтенанту Хардингу удастся засадить вас за решетку за убийство вашей жены. И если он это сделает, я обязательно буду среди ликующей толпы, которая придет посмотреть, как вас будут вздергивать на веревке.

Захлопнув дверь перед его носом, я вернулся в спальню, разделся и лег в постель.

Не знаю, сколько я спал, только внезапно проснулся и понял, что сна нет ни в одном глазу, посмотрел на часы — они показывали 5.30. Я спросил себя, какой дьявол мог разбудить меня среди ночи, а потом вспомнил, что мне почудился звук выстрела.

В следующее мгновение я уже выпрыгнул из кровати, оделся, схватил ботинки, выскочил из дома, на ходу приводя свой гардероб в порядок, и огляделся.

Стояла тихая лунная ночь. С моря веял легкий бриз. В двух домиках ниже зажегся свет.

Сначала я ничего не видел, но через некоторое время обнаружил что-то темное, лежащее на земле футов в десяти от меня. Когда я подошел ближе, то увидел, что на земле лежит человек. В тот момент, когда я присел возле него на корточки, позади меня открылась дверь одного из домиков и на пороге появился Грег Бейли в халате.

— Мне показалось, что стреляли, — сказал он.

— Вам совсем не показалось,— ответил я ему.

Бейли подошел ближе и взглянул на труп, лежавший у его ног.

— Это можно назвать уравнением справедливости,— буркнул я, поднимаясь на ноги.

— Уравнением справедливости? — переспросил он.— Что это значит, черт возьми?

— Этого парня зовут Майк Свайн,— ответил я.— С тех пор, как он появился здесь, на его жизнь уже не раз покушались. Сейчас, кажется, им это удалось.

— Свайн? — переспросил он.

— Да, детектив из страхового общества. И теория его состояла в следующем: он считал, что если вместо разговора пустить в ход кулаки, то люди расскажут ему все, что он хочет услышать. Некоторые правительства практикуют эту теорию уже много лет.

Бейли покачал головой.

— Вы не пьяны?

— Думаю, что да,— ответил я искренне.— Но тем не менее рассудок мой работает, и он мне подсказывает, что в данный момент нужно звать полицию.

— У меня в доме есть телефон,— сказал он.— Я сейчас их вызову.

— Попробуйте найти лейтенанта Хардинга,— предложил я.— Его это убийство заинтересует.

Бейли вернулся в свой дом. Вскоре открылась еще одна дверь. Кто-то вышел, а потом нерешительно направился в мою сторону.

— Денни...— голос Глории дрожал.— Это вы, Денни?

— Кого же еще вы хотели здесь видеть? — огрызнулся я.— Святого Джозефа?

— Мне показалось, будто я слышала выстрел.

— Вам правильно показалось,— ответил я.

— Кто стрелял?

— Этого я не знаю,— сказал я.— Но в кого попали — знаю.

— И в кого же? — спросила она испуганно.

Глория сейчас находилась между моим домиком и домиком Бейли. На ней была прозрачная ночная рубашка и свет, падающий из открытой двери, четко обрисовывал ее фигуру так, что она могла быть девушкой мечты любого арестанта тюрьмы Сан-Квентин.

— В детективчика страховой компании — Майка Свайна,— закончил я.

Вернулся Грег Бейли. Он многозначительно свистнул, когда увидел Глорию.

— Вам удалось связаться с Хардингом? — спросил я.

— С кем? — отсутствующим голосом переспросил он, все еще не отводя глаз от Глории.

— С Хардингом! — я плотно сжал зубы. — С лейтенантом полиции Хардингом. Вы говорили с ним?

— О, да! — быстро ответил Бейли. — И у меня сложилось впечатление, что он отнюдь не обрадовался этому сообщению; он уже едет сюда.

Бейли подошел к Глории и вежливо подал ей руку.

— Разрешите мне, мисс Ван Равен, проводить вас до вашего домика, — сказал он. — Здесь не место для молодой дамы, тем более — для симпатичной.

— О, благодарю вас, — сказала Глория с внезапным интересом.

Я снова нагнулся над убитым и внимательно осмотрел его. Майк Свайн был убит выстрелом в голову. Пуля попала между глаз. Так же как и Эллен Фицрой...

Глава 8

В лучах восходящего солнца гавань для яхт выглядела очень мило. Вода искрилась и сверкала. Я закурил сигарету, и она показалась мне такой же, как и предыдущая, то есть пахнувшей соломой и навозом. Потом я снова взглянул на лейтенанта Хардинга.

— Вы всех допросили?

— Всех по очереди, — ответил он. — И почему, черт побери, я должен отпускать их спать, когда я не имею права на это?

— Вы не полицейский, а настоящий садист, — в восхищении сказал я, — верный слуга народа и так далее...

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Прокурор разъярится, когда узнает об этом убийстве, — сказал Хардинг.

— Это было ни что иное, как акт выравнивания справедливости, — ответил я. — И как только этому парню удалось получить работу детектива в страховом агентстве? Этого я никак не пойму.

— И не поймете, — буркнул он, — потому что он был совсем не агент-детектив!

— Как, как?

— Настоящий детектив из агентства прибудет только сегодня в течение дня, и его зовут Чалмерс.

— А кто же тогда, черт возьми, был этот Свайн?

— Какой-то мелкий мошенник,— ответил он.— Горилла с огромными ручищами и недостаточным содержанием мозгов в черепной коробке — глупый и грубый. Вы знаете таких людей, Бойд.

— Думаю, что да,— согласился я.— Но как...?

— Кому-то пришла блестящая идея ввести его в курс дела,— перебил он меня.— И мне кажется, я даже знаю, от кого исходит эта шутка.

— От кого?

— От Луи Барона! От кого же еще? — Хардинг пожал плечами.

— Но ведь Барон первый отколотил его. Телохранители Барона — Кусок мяса и Фингерс — быстро с ним расправились.

— При свидетелях?

— Были я и Эприл Мауэр. Во всяком случае, когда это началось,— сказал я.

Хардинг кивнул.

— Знакомая песенка. Свайн мог позволить избить себя несколько раз. Главное, чтобы за это хорошо заплатили.

— Но я не понимаю, зачем это все было нужно,— сказал я.— Что проку в этом мордобое?

— Надеюсь, что мы скоро об этом узнаем,— буркнул он.— Тем не менее, надо еще раз допросить Барона. Может остаться здесь и послушать, если хотите.

— Спасибо.

— Рассматривайте это как одолжение с моей стороны, Бойд,— холодно добавил он.— Но как единственное.

Хардинг позвал одного из полицейских, которые стояли у дверей снаружи, и приказал вызвать Луи Барона. Пока мы ждали его, я подошел к окну и посмотрел на гавань. Из кабинета администратора ресторана, в котором мы находились, открывался прекрасный вид, так что мне даже захотелось провести остаток моих дней здесь, в гавани.

Наконец, в кабинете появился Луи Барон. Его длинные руки свисали вдоль туловища, и вообще он показался мне одним из самых первых доисторических людей. На нем были спортивная рубашка и хлопчатобумажные брюки. Темные очки немного уменьшали его большой череп, но не могли скрыть злого выражения лица.

— Что это значит, лейтенант? — раздраженно спросил он.— Игра в кошки-мышки, или что-нибудь в этом роде?

Разыгрываете из себя умного детектива, одного из тех, кого показывают в телевизионных фильмах?

Хардинг подошел к окну и бросил взгляд на блестящие — как говорилось во всех туристических проспектах — волны залива. — У меня есть два свидетеля, которые слышали, как Свайн угрожал вам вчера днем, — холодно ответил Хардинг. — Один из них — Бойд, второй — мисс Мауэр.

— Вот как? — игрок пожал плечами.

— А вы натравили на него своих телохранителей и дали им задание избить его, — продолжал Хардинг.

— У меня не было иного выбора, — ответил Барон. — Или он меня, или я его. Этот парень был просто кровожадный сумасшедший.

— Вот именно! — сказал, словно кнутом щелкнул Хардинг. — Поэтому вы, вероятно, и не хотели идти на риск. На тот случай, если он встретит вас без телохранителей. И этой ночью пристрелили его, чтобы оградить себя от всяких случайностей.

— Вы совсем сошли с ума! — Барон поглядел на него таким удивленным взглядом, что его следовало бы причислить к великим актерам, если это удивление было наигранным.

— И тем не менее, я обвиняю вас в убийстве Майка Свайна, Барон, — сказал Хардинг и повернулся. — Я думаю, что смогу доказать это. — Барон побледнел.

— Вам это не удастся, — прохрипел он. — Я найму лучших адвокатов, которых только можно найти во Флориде. Я сделал...

— Свайн был детективом страхового общества, — перебил его Хардинг. — А они перевернут все и вся, когда узнают, что убили их сотрудника. У вас нет никаких шансов, Барон! Страховое общество, которое стоит за ним, слишком могущественное! — Луи Барон сорвал с себя очки и уставился на лейтенанта.

— Вы что, разыгрываете меня? — наконец спросил он. — Или говорите на полном серьезе?

— Вы считаете, что в пять часов утра я не мог найти для себя более подходящего занятия, чем разговаривать с вами? — недовольно ответил Хардинг. — Через минуту мы вернемся в город. А там у меня есть парочка горилл. Им будет очень приятно убедить вас в том, что лучше говорить правду, причем со всеми подробностями.

— Вы этого не сделаете! — закричал Барон. — Таких

методов не применяли со времен Аль-Капоне! Я попрошу своих адвокатов...

— Что вы попросите? — насмешливо спросил Хардинг. — Приехать сюда из Лас-Вегаса? Пока они доедут, вам будет нужен хороший доктор, а не они. — Барон вздрогнул.

— Подождите минуточку!

— Нет, уже пора идти, — ответил лейтенант и взглянул на часы. — Время — деньги. — Барон закусил губу.

— Олл-райт! — буркнул он. — Все это было игрой.

— Какой игрой?

— Этот Свайн, — выдал из себя Барон. — Он не был детективом страхового общества, он — паршивый мошенник, которого я нанял. Убийство Эллен Фицрой обойдется мне в копейку. Я должен как можно скорее вернуться в Лас-Вегас. Поскольку у меня создалось впечатление, что местная полиция не торопится расследовать это дело, я и нанял этого идиота, Свайна, чтобы он всех уверил, что он детектив, и благодаря этому выжал информацию, которую можно было выжать. А для того, чтобы ни у кого не возникло подозрений, мы и разыграли с ним такую сцену на глазах у двух свидетелей.

Лицо Хардинга оставалось безучастным.

— Ну, и получили вы от кого-нибудь информацию?

Барон презрительно покачал головой.

— Насколько я знаю, его только били. Откровенно говоря, он должен быть только рад, что ему послали пулю в лоб — из чистой человечности.

— Понятно, — сказал Хардинг. — Мы это проверим. Я, правда, пока не убежден в том, что могу вас отпустить, но я хочу пустить это дело на самотек. Вы можете идти.

Облегченно вздохнув, игрок пульей вылетел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, Хардинг с улыбкой посмотрел на меня.

— Не на много же мы продвинулись, не правда ли? — спросил он меня. — И вообще, не знаю, поможет ли нам эта информация или нет.

— Почему же убили Свайна?

Он устало пожал плечами.

— Попробуйте сами отгадать.

— Может быть, нам удастся это выяснить; пока что мне кажется, что Свайн мог натолкнуться на убийцу и вырвал у него признание.

Несколько секунд Хардинг смотрел на меня.

— Почему, черт возьми, я сам об этом не догадался?

Конечно, это наиболее вероятное объяснение. Эта идиотская затея Барона, осуществляемая еще большим идиотом, действительно оправдалась. Свайн действительно добился признания убийцы!

— Вот поэтому его и пристрелили до того, как он передал информацию Барону,— дополнил я.

— Точно! Но кто же убийца?

— Вся суть вопроса — в вопросе. Но как бы там ни было, а Барона и его горилл можем вычеркнуть из списка подозреваемых.

— Возможно,— согласился Хардинг.— Но с другой стороны, это может быть и ловкой игрой со стороны Барона. Чтобы отвлечь от себя подозрение.

— Давай не будем усложнять дело, поскольку оно и без того сложное,— предложил я.

— Никогда не знаешь, чем это кончится.

В этот момент в моей голове родилась одна идея.

— Если исходить из того, что Свайн насильно вырвал у убийцы признание,— начал я,— то на убийце должны остаться следы этого насилия.

— Никто из подозреваемых не имеет этих следов,— ответил Хардинг.— Вы же сами видели.

— Правильно,— вынужден был признать я.— Но, возможно, убийца сознался Свайну еще до того, как тот взял его в оборот по-серьезному.

— Тоже возможно,— согласился Хардинг и почесал затылок.

— С таким же успехом можно предположить, что убийца невзлюбил Свайна и прикончил его ради удовольствия.

— Ах, черт возьми все это! — бросил я в сердцах. В дверь постучали, и в комнату вошел полицейский в форме. Он сообщил лейтенанту, что нашел человека, который приготовил им по чашке кофе.

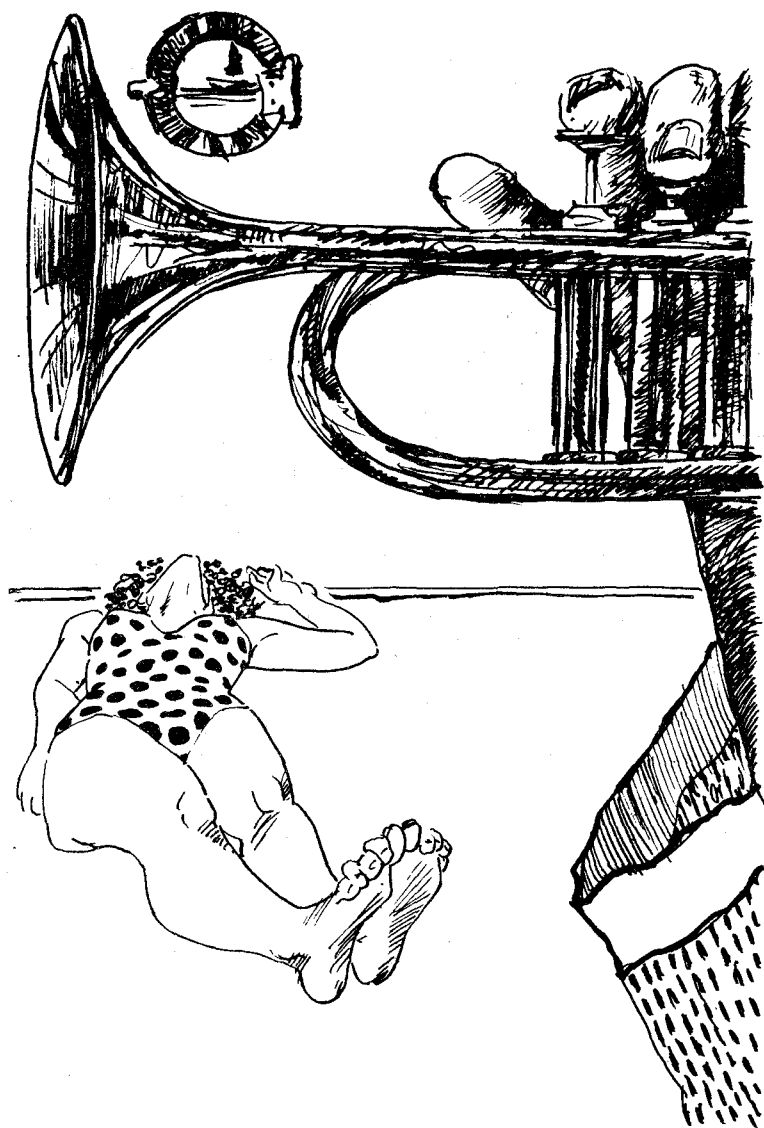
— Чудесно! — сказал Хардинг.

— Под окном люди,— сказал полицейский.— Они начинают беспокоиться. Они и дальше должны оставаться здесь?

— Думаю, что нет,— ответил Хардинг.— Передайте им, что они могут разойтись по домам.— Полицейский вышел, чтобы выполнить распоряжение.

— Вы нашли оружие, которым была убита Эллен Фицрой? — спросил я. Он покачал головой.

— Это был револьвер 32 калибра. Свайн убит тоже из револьвера этого калибра. Это объясняет, почему наш

водолаз потерпел неудачу, когда искал револьвер на дне поблизости от яхты, — ответил Хардинг. — Кто бы ни владел этим оружием, он его хорошо спрятал. Яхту мы обыскивали до последней щелочки, а недавно я отдал распоряжение обыскать все домики, в том числе и ваш.

— А сейчас он, возможно, покоится на дне залива, — сказал я.

— Об этом я тоже думал, — ответил Хардинг. — Водолаз уже приступает к своим обязанностям. — Он тяжело вздохнул.

— Начинает светать, — заметил я.

— Трудность этого проклятого дела заключается в том, что мы имеем множество мотивов и подозреваемых, а более ничего. Ни одной улики, ни одного свидетеля — ничего.

Минут пять спустя я уже шел вдоль гавани, мысленно пытаюсь определить цену стоящих здесь на якоре яхт. Пожалуй, больше, чем четвертьмиллионная яхта Вулриха, была по стоимости испанская галера, которую мы видели вчера с Эприл. Галера тоже сейчас стояла на якоре, и кто-то сидел на палубе, покуривая большую трубку. Это был какой-то тощенький паренек с козлиной бородкой.

— Доброе утро, — крикнул он мне дружелюбно.

— Я тоже желаю вам доброго утра, дон Антонио! — крикнул я ему в ответ. Он ласково улыбнулся.

— Меня зовут Вальдес, и от моих предков во мне действительно есть часть испанской крови, — ответил он.

— Великолепно! — сказал я без воодушевления. — И вы можете танцевать фанданго?

— Как вам понравится вот это? — спросил он, вскинув руки вверх и начиная крутить ими, словно крыльями ветряных мельниц. Видимо, это были движения фанданго. Причем на лице Вальдеса было выражение грустного одиночества: ему явно не хватало хорошего друга. Это действительно был милый паренек; а кто такой Бойд, который собирался выместить на нем свое плохое настроение?

— Выглядите неплохо, — сказал я ему.

— Не хотите ли подняться на борт и полюбоваться окружающим видом? — радостно спросил он.

Сделай доброе дело, и тебя сразу схватят за горло, — подумал я. Но тем не менее, взошел по сходням на судно. Он провел меня по галере. Его гордостью была капитанская каюта, точное воспроизведение той, которая, очевидно, была четыре столетия тому назад. На одной из стен были повешены крест-накрест два сверкающих меча, и один из них я осмотрел более подробно.

— Настоящая толедская сталь,— сказал Вальдес.— Они настолько острые, что могут рассечь волос вдоль.

— Спасибо, но я предпочитаю оставаться другом ножиц,— ответил я.

Он настоял на том, чтобы я остался с ним завтракать, и пока мы ели, рассказал мне, что распорядился построить эту галеру полгода назад. Когда она была построена, он продал дом и с тех пор живет только на ее борту.

— Чудесная жизнь! — воскликнул я с энтузиазмом.— Чудесная и замечательная, скажу я вам. Надоест вам одно место, вы поднимете якорь и плывете дальше. А с парусами много хлопот?

— Они у меня для красоты,— сказал Вальдес и покраснел.— У меня есть машина и винт. С ними обращаться намного проще.

Я посчитал, что дорогу назад я найду и один, попрощался с ним и поблагодарил его за гостеприимство.

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, мистер Бойд,— сказал он, и слова эти прозвучали очень искренне.— Как только вы возымеете желание подняться ко мне на борт, я жду вас.

Я вернулся к себе и сразу же лег в постель. Проснулся я в начале второго и почувствовал страшный голод. Я принял душ, побрился, оделся и подумал о том, что день стоит чудесный и словно создан для того, чтобы пригласить кого-нибудь на ленч. Кого я могу пригласить, как не ту, что вчера пила со мной? Но когда я постучал в дверь ее домика, в ответ раздался лишь тихий стон.

— Это опять вы,— сказала она, открывая дверь.— Я умираю.

— Может быть, вы предпочтете отправиться на ленч?

— О, Бог ты мой,— простонала она.

— Сочный бифштекс с луком — и вы в полном порядке!

— Исчезните отсюда, вы, садист! — воскликнула она.— Вы что, хотите толкнуть меня на самоубийство?

— Вы не узнаете меня, дорогая? Это я, Денни Бойд, парень с плохими манерами и отличным профилем, парень, которого вы только вчера так страстно любили. Вспоминаете?

— Вы что, совсем чокнулись?

— Эти же слова вы говорили мне этой ночью.

— Как получилось, что я проснулась сегодня на диване? — спросила она после долгой паузы.

— Не надо интимных подробностей. Нас могут подслушать.

И я отправился в ресторан один, сознавая, что сделал все, чтобы уговорить друга позавтракать со мной. Пока в моем желудке переваривался бифштекс, я шел домой и сам с собой играл в игру «вопросы и ответы», которая имела только один недостаток — в нее нельзя было выиграть.

Вопрос: Кто был тот мистический человек и финансист с Манхэттена?

Ответ: Грег Бейли.

Вопрос: Кто был тот человек, который одолжил Вулриху целое состояние?

Ответ: Грег Бейли.

Вопрос: Кто знал, что Эдди-бой — банкрот, но у него имеется крупный страховой полис? И кто знал, что и его жена тоже хорошо застрахована?

Если бы я и дальше играл роли Шерлока Холмса и Ватсона, то пришел бы к выводу, что с этим человеком следует поговорить, так как он, возможно, даст совершенно иные ответы на мои вопросы. Я прошел как раз половину дороги, когда увидел двух людей, направляющихся в мою сторону. Уже издали можно было заметить, что у них серьезные намерения. Они остановились напротив меня. У них был такой вид, словно они опаздывали на конференцию уфологов на Марс и хотели занять у меня денег на билеты.

Мэрфи-Кусок мяса взволнованно переминался с ноги на ногу, а голова его качалась из стороны в сторону.

— Тебе не нужно было делать этого, ищейка,— злобно буркнул он.

— У тебя солома в голове,— вторил ему Фингерс, противно улыбаясь.— Но об этом я тебе уже говорил в нашу первую встречу.

— Что случилось, братишки? — поинтересовался я.

— Босс считает, что ты наговорил лишнего сегодня в полиции. Ему пришлось изрядно поволноваться.

— Что ж, я пошлю ему открытку с извинениями,— ответил я.— А что вы скажете на то, если я попрошу вас отойти немного в сторону? — Они остались стоять на месте. Фингерс внезапно рассмеялся.

— Босс сказал нам, чтобы мы отыскиали ищейку и поработали с ним, как в свое время работали с Майклом Свайном: ничего серьезного ему не сделали, но так его отделали, что он пару дней провел в больнице.

После того, как я видел этих ребят в действии, я совсем не хотел сталкиваться с ними. Не успел Фингерс закончить фразу, как я резко развернулся и помчался к гавани. Хотя помчался — не совсем точное определение, ибо я летел так, что ноги мои едва касались земли. Через полминуты я достиг берега и побежал вдоль пристани. Позади себя я слышал топот ног своих преследователей и уже считал себя погибшим человеком. Внезапно я увидел перед собой галерею. Вальдес сидел на перилах и болтал ногами.

— Эй! Помогите мне защитить ваш челнок! — на бегу крикнул я. Вальдес удивленно посмотрел на меня, когда я взлетел по сходням, но прореагировал достаточно быстро. Он сунул мне в руки багор, и этим достойным оружием я встретил Мэрфи, взбегавшего вслед за мной. Позади него мчался Фингерс с таким видом, словно из-под него на полном скаку увели лошадь. В долю секунды я взвесил свои шансы, потом представил реакцию лейтенанта Хардинга на то, что я превысил нормы необходимой защиты, и, скрепя сердце, решил пустить в ход тупой конец багра. Испустив воинственный клич, держа багор, как копье, я перешел в атаку. Тупой конец багра попал Мэрфи прямо в солнечное сплетение. Послышался шипящий звук, словно у него из легких выдавили весь воздух, и лицо его посерело. Медленно и величаво он отступил в сторону. На его место с героической улыбкой на губах выступил Фингерс. Когда его рука исчезла во внутреннем кармане куртки, я просунул ему багор между ног и начал их массировать. Он полетел в воду, захватив своего напарника. Я опустил багор и стал наблюдать за ними. Они плыли к берегу. Вскоре они достигли его, и я подумал, что на некоторое время остудил их пыл.

— Чудесно,— похвалил меня Вальдес.— Но что все это значит, мистер Бойд?

Я подумал, что самое меньшее, что могу для него сделать — это удовлетворить его любопытство. Правда, я еще не знал, насколько любопытен этот юноша, так как прошли добрые полчаса, прежде чем он перестал задавать мне вопросы.

— Я очарован,— сказал он с чувством.— Меня всегда очаровывало таинственное, а убийство — это самое таинственное. Спустимся вниз, мистер Бойд, и выпьем по рюмочке. И внизу вы сможете рассказать мне о своей мужественной профессии.

— Денни Бойд — это сплошная тайна,— ответил я.

Покинул галерею я только ранним вечером. По дороге

к дому я мысленно повторял вопросы, относившиеся к Грегу Бейли, но задать их ему мне не удалось, так как его не было дома. Тогда я подошел к следующему домику и постучал к Эприл Мауэр.

— Кто там? — крикнула она. Ее голос показался мне более жизнерадостным, чем утром.

— Денни Бойд, — ответил я. — Могу я войти?

— Думаю, что да, — сказала она без всякого воодушевления.

Эприл сидела на стуле. Лицо ее было бледным, но уже осмысленным. На ней был черный свитер из ангорки, такого же цвета брюки, какие носят на ранчо, но с серебристыми нитями, которые поблескивали при ее движениях.

— Вам приготовить что-нибудь выпить? — спросил я, как только вошел. Ее передернуло.

— Вы не должны больше употреблять эту фразу.

— Это пустяки, Эприл, это скоро пройдет.

— Я думала, что умру этим утром, — ответила она глухим голосом.

— А сейчас вы чувствуете себя настолько хорошо, что не прочь перекусить? — спросил я ее. — Мы могли бы пойти в ресторан.

— Да, я голодна, — созналась она.

Официантка проводила нас к угловому столику в зале. После того, как я сделал заказ, Эприл оперлась локтями о стол, положила на руки подбородок и взглянула на меня.

— Ну, расскажите мне, что делал этот великий лейтенант за время моей... болезни, — спросила она.

Я быстро перечислил ей все события, выделяя те, которые произошли утром, и особо остановился на охоте, которую организовали на меня Мэрфи и его маленький напарник. Но потом мы опять вернулись к убийству.

— Насколько я понимаю, Глорию можно скинуть со счета, — сказал я. — Она думала, что Вулрих напичкан деньгами и некоторая сумма здорово пригодилась бы ей. Также ей было неизвестно, что он женат — факт, каковой мальчик Эдди и его женошка хотели утаить, так как Вулрих, со своей стороны, тоже хотел кое-что выжать из Глории.

— Это утверждает Вулрих, — недоверчиво сказала она.

— Что вы хотите этим сказать?

Подошла официантка. Она убрала посуду и сервировала столик для кофе.

— Хотите рюмочку виски, сэр? — вежливо спросила она.

— Конечно, но лучше двойной коньяк с лимоном мне и лимон без коньяка — даме.

— Очень остроумно, — прошипела Эприл, когда официантка удалилась. — Типичный бойдовский юмор висельника.

— Действительно, паршивые манеры, — согласился я. — Создается впечатление, что этот мерзкий висельник взял в аренду всех женщин, от восемнадцати до восьмидесяти лет.

Она внезапно покраснела, вспомнив о чем-то, и перебила меня.

— Давайте вернемся к Эдварду Вулриху, хорошо?

— О'кей, — сказал я, пожимая плечами. — Так вы не верите его версии?

— Не совсем.

— Ситуация не лишена известной доли грубого юмора, — продолжал я. — Возьмите хотя бы Глорию, которая заигрывала с нашим мальчиком Эдди, потому что нуждается в деньгах, и Эдвард, который делал то же самое, чтобы получить деньги от нее. Общее у них одно — отсутствие денег.

— Если вы считаете, что это смешно, вам надо обратиться к психиатру, — ответила Эприл. — Ну, хорошо, значит Глория и Вулрих исключаются. А что с остальными?

— Мускат Муллис? — сказал я, покачивая головой. — Но я пока не вижу его мотива. Даже если он и был старым почитателем Эллен, не нахожу причины для убийства. Если судить по ее нраву, то из ее поклонников можно сформировать отдельный полк.

— Никогда нельзя знать точно, — ответила Эприл с чисто женской нелогичностью. Вернулась официантка. Она нервно поставила перед Эприл пустой бокал с надетой на его край долькой лимона и исчезла так быстро, словно точки на моем галстуке были оспинами прокаженного.

— Право, не знаю, запустить мне бокал вам в голову прямо сейчас или подождать, пока вы отвернетесь, — громко сказала Эприл.

— Не отвлекайтесь на частности, дорогая, и давайте искать других подозреваемых. Следующий по списку — Луи Барон.

— Вы с Хардингом уже подвергли его проверке, не так ли?

— Верно, — согласился я. — Он приехал за двадцатью тысячами долларов долга, но я полагаю, что у него не

настолько тяжелое финансовое положение, чтобы он был способен на убийство.

— Кто остается?

— Самый загадочный,— сказал я с таинственным видом.— Великий финансист, который до сих пор никому не сказал, почему и зачем он появился здесь так внезапно и, как ни странно, ровно в день убийства Эллен Фицрой. Я имею в виду Грега Бейли.

— А почему вы его об этом не спросите? — холодно отпарировала она.— Конечно, если вы его подозреваете.

— Я хотел это сделать, но все время задаю себе вопрос, умно ли это будет,— сказал я честно.

— Бойтесь? — спросила она и сладко улыбнулась.

— Бейли знает, по какой причине я здесь — моя задача вернуть Глорию на киностудию. И если я сейчас начну задавать ему вопросы, то ему в голову может прийти мысль, что я хочу свалить все на него, чтобы вытащить Глорию.

— Ну и что? Разве вы этого не делаете, Денни?

Я оставил ее слова без внимания, так как в моей голове родилась новая мысль.

— Эприл, дорогая! — сказал я.

— Я знаю,— ответила она сочувственно.— Это видно по галстуку!

— Бывают минуты, когда я боюсь самого себя,— продолжал я как ни в чем не бывало.

— Например, когда вы бреетесь и вдобавок к этому стоите близко к зеркалу? — пришла она мне на помощь.

— Будет нехорошо, если я пойду сейчас к Бейли и начну задавать ему вопросы. Он же знает, что я хочу вытянуть Глорию из беды,— повторил я.— Но хорошенькую куколку со светлыми глазами и прекрасными волосами он ни в чем не заподозрит. Если вы ему скажете, что влюбились в него с первого взгляда, то он поверит этому и станет в ваших руках как воск.

— Я знаю таких людей,— бросила она самодовольно.

— Вот и решение вопроса,— продолжал я.— И вы можете заставить его растаять от таких примерно слов: «О, вы сильный мужчина, а я девушка слабая и незащищенная». Вы могли бы также попросить у него совета или подтверждения банкротства Вулриха, попытаться узнать, как скоро вообще он получит страховку. Вы можете также сделать вид, будто вы озабочены...

— Понимаю,— сказала она,— но в такого рода игры я не играю.

— Но, дорогая,— начал я уговаривать ее.— Мы же в одной лодке, не правда ли?

— Я не буду делать этого,— жестко сказала она.— И не настаивайте, Денни.

— О'кей! — сказал я и пожал плечами, как человек, потерпевший поражение. Но на самом деле я себя таковым не чувствовал.— Не хотите — как хотите. Давайте поговорим о чем-нибудь другом, например, о том, что произошло прошлой ночью, скажем, с того момента, с которого вы можете вспомнить? — предложил я.

— Нет!

— Я предоставил вам выбор,— мягко улыбнулся я,— или это, или игра с Бейли в вопросы и ответы.

— Мистер Бойд,— сказала она ядовито,— не думаете ли вы, что вам удастся шантажировать меня хотя бы на секунду? Я буду...

— Вы были великолепны,— перебил я ее и откинулся на спинку стула.— Непосредственно после того, как мы отправились к вам домой, и вы настояли на том, чтобы выпить за мое здоровье. Я был буквально потрясен. А потом вы мне сказали, дорогая, что я могу делать с вами все, что захочу. И сказали это напрямик. Потом вы...

— Перестаньте! — сдавленным голосом потребовала она.— Хорошо, вы победили! Когда я должна отправиться к Бейли?

— А почему бы не прямо сейчас?! Или сегодня вечером? — предложил я.— Пригласите его к себе.— Ее глаза яростно сверкнули.

— Вы что, с ума сошли? — воскликнула она.— А чем я буду от него защищаться? Вязальными спицами?

— Вам нечего опасаться, дорогая,— успокоил я ее.— Я буду поблизости от домика, и стоит вам только закричать, как я приду и спасу вашу девичью честь.

— Нет! — Она решительно покачала головой.— Это слишком ненадежно. Я бы хотела, чтобы вы были в доме во время разговора. Он выглядит насильником.

— Скажите, где я должен быть, и я там буду,— ответил я галантно. Она на мгновение задумалась.

— В спальне,— сказала она твердо, так что я даже не решился ей возразить.— Если вы пройдете в мою спальню до прихода Бейли, то можно будет оставить открытой дверь, и вы услышите все, что будет сказано.

— Великолепная мысль!

— В таком случае, нам надо подготовиться к великой программе сегодняшнего вечера,— кислым голосом сказала

она.— Мауэр против Бейли! Как говорится, победитель получает все.

— Не забудьте только известного спортсмена Денни Бойда в качестве статиста на заднем плане,— напомнил я.

— Если вам это угодно. Тогда мы имеем полное право остаться здесь и выпить по чашечке кофе.

Глава 9

Придя в домик Эприл, я уселся в гостиной и стал ждать, пока она выйдет из спальни, куда ушла, чтобы переодеться. Но она не возвращалась. Я вынужден был выкурить пяток сигарет, а потом спросил себя, не заснула ли она.

— Ну как? — спросила она в этот момент, стоя позади меня.

Я повернулся и услышал щелчок, который издали мои глаза, вылезая из орбит. Эприл стояла в черном шелковом платье с какой-то замысловатой окантовкой, которое обтягивало ее стройную фигуру, подчеркивая высокую грудь. При движении разрезы на боках открывали ее загорелые ноги.

— Мне кажется, что мой наряд вам нравится?

— Несомненно,— ответил я хрипло.— В таком платье вам не придется упрасивать Бейли. Как только он вас в нем увидит, он просто переселится в ваш домик.

— Как раз этого я и боюсь,— сказала она.— Вы будете сидеть в спальне рядом с дверью.

— Не беспокойтесь. Когда Бойд начеку, ничего страшного случиться не может.

Она вышла из дома, а я отправился в спальню, чтобы облюбовать себе пост для подслушивания. Много времени я потратил на дверь — то распахивая ее, то закрывая, но ничто меня не устраивало — из гостиной была видна вся спальня.

Наконец, я вернулся в гостиную, огляделся и через пару минут сделал открытие: под кушеткой было достаточно места, чтобы спрятаться.

Пыль, которая скопилась под кушеткой, заставила меня несколько раз чихнуть, но потом я привык и спокойно лежал, ожидая их прихода и чувствуя, как постепенно немеют мои ноги.

Они появились, когда я уже совсем отчаялся их увидеть и подумывал о том, что Бейли удалось затащить ее в свою спальню.

— Очень мило с вашей стороны, мистер Бейли, что вы

выслушали меня. Я чувствую себя в такой степени одинокой, что не знаю, что мне делать.

Я услышал стук закрываемой двери и чопорный голос Бейли.

— Называйте меня просто Грег, крошка. Какая досада, что вы чувствуете себя одинокой.

— Благодарю вас, Грег,— сказала она испуганным голосом.— Вы не поверите, как чудесно встретить мужчину, который тебя понимает.

Я презрительно улыбнулся, когда услышал этот слащавый диалог. А потом под чьей-то тяжестью заскрипели пружины кушетки, и я в непосредственной близости от себя увидел пару ног.

— Идите и присядьте рядом со мной, Грег,— мягко сказала Эприл.— Когда вы рядом со мной, я чувствую себя надежней.

Пружины кушетки снова заскрипели, на этот раз предостерегающе, а потом случилось ужасное. Кушетка опустилась под тяжестью Бейли и придавила меня к полу. Я оказался в положении бабочки, которую прикололи булавками к планшету и положили сушиться, и не мог пошевелиться ни рукой, ни ногой.

Они уселись на мне поудобнее, и каждое их движение причиняло новую боль моей несчастной спине.

— Послушайте, Грег...,— сказала Эприл голосом маленькой девочки.— Я серьезно беспокоюсь за Глорию. Вы же знаете, что я работаю у нее, и она меня уволит, потому что не сможет больше платить мне.

— Почему?

— Ну...— Эприл мгновение помедлила.— Она — банкрот. Она всегда быстрее отдавала деньги, чем получала их. И потом эти налоги... Вы понимаете меня?

— Она — усердная женщина,— сказал он, и я спросил себя, что он подразумевает под этим словом. Мне показалось, что думает он совсем не о деньгах.

— Я знаю, что она рассчитывала на помощь Вулриха, но у него тоже нет денег, одни долги.

— Да, долгов у него больше, чем это можно себе представить.

— Я думала, что у нее были веские основания приехать сюда, Грег,— робко продолжала она.— Но, наверное, только вы приехали сюда не напрасно.

— Ну, мне беспокоиться нечего. Может, это и покажется вам бессердечным, но я скажу вам, что его жена была застрахована на очень крупную сумму.

— Я кое-что слышала об этом,— сказала она.— Как только я услышала про убийство, я подумала, а не Вулрих ли сам убил свою жену?

— Нет,— убежденно сказал Бейли.— Он не убивал своей жены, и я не потерплю, если кто-нибудь попытается повесить на него убийство. Ее убил кто-то другой.

Они снова зашевелились у меня на спине. Я в ярости уставился на две пары ног, которые находились всего в паре дюймов от моей головы.

— О, Грег... Вы такой удивительный человек...

Две пары ног приблизились друг к другу и застыли.

— Вам удобно сидеть? — спросил Бейли.

— Чудесно,— счастливо прошептала она.— Но я думала о том, что если это не Вулрих, то кто тогда?

— Вам не надо ломать вашу миленькую хорошенькую головку над этим вопросом, дорогая,— сказал он ласково.— Но я догадываюсь, кто это мог быть.

— Скажите мне это! — быстро прошептала Эприл.

— А почему бы нам не оставить эту неинтересную тему и не повеселиться немножко? — спросил он заплетающимся языком.

Наверху опять все стихло, и я слышал только его тяжелое дыхание. Мой позвоночник снова получил несколько толчков, когда четыре ноги опять сдвинулись и пробыли в таком положении довольно продолжительное время.

— Это было очень мило,— прошептала Эприл.

— Вы — удивительная девушка,— сказал Бейли с чувством.— Вы напоминаете мне мою мать.— По внезапной тишине, которая наступила после этих слов, он понял, что ляпнул глупость, и тут затараторил: — Я имею в виду, что она выглядела так же, когда была одного возраста с вами.

— Принимаю ваш комплимент,— сказала Эприл дрожащим голосом.— Он самый нежный из всех, которые мне говорили.

Я от ярости сжал крепко зубы, в то время, как они там, наверху, продолжали ерзать по кушетке.

— Дорогой,— сказала наконец Эприл дрожащим голосом,— еще минутку. Мое женское любопытство не дает мне покоя. Вы просто обязаны мне сказать, кто убил Эллен Фицрой.

— Разве дело в этом? — хрипло ответил Бейли.— Это теперь не имеет значения, теперь, когда мы...

— Нет! — резко перебила его Эприл.— Вы должны мне это сказать.

— Олл-райт,— пошел он на уступки.— Для меня совершенно ясно, кто убийца. Это не кто иной, как этот профессиональный игрок Луи Барон. Эдвард задолжал ему очень крупную сумму денег, и Барон скоро понял, что единственный шанс получить эту сумму — убить застрахованную жену Вулриха. Тогда последний получит страховку и расплатится. Ну, а теперь давайте...

— Эй-эй! — воскликнула Эприл двумя секундами позже.— Оставьте меня, пожалуйста.

Ее ноги начали танцевать перед самыми моими глазами, а мой позвоночник получил еще порцию пинков.

— Вы играете со мной, дорогая,— прохрипел Бейли.— Я знаю все ваши штучки. Вы просто хотите меня распалить...

— Перестаньте! — закричала Эприл.— Если вы сейчас же не перестанете, я выброшу вас за уши на улицу, вы, тупоголовый бык!

— Вы что, шутите? — рассердился Бейли.— Зачем вы пригласили меня сюда?

— Во всяком случае, не для того, чтобы вы разыгрывали роль Казановы,— прошипела Эприл.— Я вас предупредила.

В следующую секунду раздался звук пощечины, и, судя по нему, она была полновесной.

— Я так не люблю,— прорычал Бейли,— но если вы обязательно хотите начать таким способом, я не возражаю...

— Денни! — в отчаянии закричала Эприл.

— Я бы на вашем месте не полагался на помощь этого идиота,— подло хихикнул Бейли.— В этот момент он, наверное, находится у вашей хозяйки и премило проводит с ней время.

— Вы ошибаетесь,— ответила она.— Он здесь, в спальне. Выходи, Денни, и выгони этого волка.

Пара ног перед кушеткой исчезла, а потом я услышал, как открывается дверь спальни. В следующую секунду Бейли громко рассмеялся, и ноги вернулись на прежнее место у кушетки.

— Неплохая мысль, крошка,— сказал Бейли отеческим тоном.— Я было подумал, что он и правда там. Ну, а теперь вернемся к тому, зачем я сюда пришел.

— Денни! — отчаянный вопль Эприл подавлен в самом зародыше. Ее ноги забарабанили по полу, и я услышал как Бейли захрюкал от удовольствия, а все остальное мог домыслить сам.

Пришло время Денни Бойду что-то предпринять, даже невзирая на боль в позвоночнике. С большим усилием я продвинул голову вперед, — щека касалась пола — и впился зубами в ближайшую ногу. Надо мной раздался крик. Потом нога вырвалась из моих челюстей, причем с такой силой, что мне показалось, у меня вылетела пара зубов, а потом давление на позвоночник быстро ослабло. Когда с кушетки вскочила Эприл, я смог, наконец, вылезти из своего логова.

— Денни! — Эприл с яростью уставилась на меня, пока я поднимался с пола. — Почему вы не появились, когда я позвала вас?

— Не будем об этом, — сказал я. — Где Бейли?

Она молча показала мне на пол, и я понял, что мой вопрос совершенно излишний. Когда Бейли прыгивал с кушетки, он опрокинул стоящий рядом столик, споткнулся об него и со всей силы ударился о письменный стол у противоположной стены. Сейчас он лежал передо мной без сознания.

— Уберите его, пока он не проснулся и не взялся за старое! — холодно потребовала Эприл. — Что вы делали все это время под кушеткой? Спали, что ли?

Убедительного ответа на этот вопрос я не нашел, поэтому сделал вид, что не расслышал его, взвалил себе на спину Бейли и вышел из дома. Колени мои тряслись и подгибались под его тяжестью, но я тем не менее собирался отнести финансиста в его домик.

Добравшись до спальни, я сбросил Бейли на пол и затолкал под кровать. Почему он должен спать в кровати и чувствовать себя лучше, чем я? Прежде чем выйти из домика, я выкрутил все лампочки, а потом закрыл за собой дверь.

Если после пробуждения у этого парня вновь возникнет желание любви, то оно наверняка у него пройдет, когда он поймет, что лежит у себя под кроватью в темноте. К тому же он потратит не так мало времени, чтобы сориентироваться на местности.

Вернувшись к домику Эприл, я увидел, что входная дверь закрыта на замок. Я подумал, что она испугалась оставаться одна и поэтому решила запереть дверь на то время, пока я отсутствую, и постучался, так как полагал, что после сеанса классической борьбы с Бейли ей понадобится утешитель.

— Кто там? — спросила она глухим голосом.

— Это я, Денни,— ответил я.— Вы можете спокойно открыть. Опасность миновала.

— Вы хоть раз в жизни вели себя разумно? — злобно отпаривала она.— Да, теперь опасность миновала, но как только я открою дверь, она снова возникнет.

— Но, Эприл, дорогая!

— Спокойной ночи!

— Так вот какая благодарность за то, что я вас спас от Бейли? — спросил я.

— Это была ваша идея. Вы, что, забыли? — желчно спросила она.— На эту ночь с меня хватит! Я и так сыта волнующими событиями в Бахия-Мар.

— Подождите минутку,— сказал я.— Не судите так поспешно обо всем, Эприл! Подумайте только...

— Спокойной ночи,— перебила она меня, и тон, которым она это сказала, был такой решительный, что я сразу понял: она говорит серьезно.

В следующее мгновение свет в ее доме погас, и мне пришлось уйти. Бойд был осужден еще на одну долгую и одинокую ночь. Бейли мог бы слегка подвинуться на своем «ложе» и дать мне немного места подле себя.

Я отправился обратно к своему домику, но, пройдя приблизительно полпути, вдруг почувствовал, что в мою спину ткнулся ствол пистолета. И как назло именно в то место, которое больше всего пострадало от кушетки.

— Ты, ищейка! — услышал я у самого уха голос Мэрфи.— Я бы с удовольствием продырявил сейчас твой пиджак, но босс сказал мне, что хочет поговорить с тобой.

Мы отправились к домику Луи Барона: я — впереди, два наемника — позади. При этом Мэрфи все время тыкал мне револьвером в спину, чтобы я не забывал о своем положении.

Игрок удобно полулежал на своем кресле-качалке и держал в руках рюмку виски. Поза его была расслабленной, но выражение лица — весьма твердое и решительное. Кривоногий Фингерс Меллой встал позади него. Чувствовалось, что он с удовольствием сунул бы мне в карман ручную гранату и дернул предохранительное кольцо.

— Вы начинаете действовать мне на нервы, Бойд,— признался Луи Барон.— Иными словами, вы заставляете меня принимать соответствующие меры.

На это нечего было сказать, по крайней мере, в настоящий момент, поэтому я продолжал молчать и лишь слегка улыбнулся.

— Вы и этот глупый лейтенант,— продолжал Барон.—

Я, по крайней мере, кое-что сделал для расследования, не так ли? Этого нельзя отрицать. Я нанял этого идиота Свайна, и он, должно быть, напал на след убийцы, иначе не был бы убит.

— Все верно, Луи, — сказал я успокаивающе. — Но вы допускаете ошибку, сваливая в один горшок лейтенанта и меня. И мое присутствие в кабинете лейтенанта, когда он вызвал вас на допрос, не имеет никакого значения. Это было совсем случайно, и я находился там просто как зритель, понимаете?

— Не надо, Бойд, — сказал он нетерпеливо. — На меня это впечатления не произведет. Просто мне хотелось бы сказать вам кое-что. Мне надоело торчать в этом вшивом гнезде. Я хотел бы отправиться домой и по возможности быстрее. Кроме того, я хотел бы получить 20 тысяч долларов, которые мне должен Вулрих, или, по крайней мере, быть в уверенности, что я их получу.

Он пожал своими мощными плечами.

— Это вам понятно, не так ли? — спросил он затем.

— Думаю, что понятно, — ответил я. — Вы вообще умный парень, Луи.

— Я не могу разрешить обе проблемы сразу, — продолжал он. — Если этот тупоголовый лейтенант не найдет убийцу, мы должны ему его преподнести. После этого мы все сможем отправиться по домам, Вулрих получит страховку за свою жену, выплатит мне деньги, и все будут счастливы!

— Звучит великолепно! — сказал я. — Но зачем, в таком случае, вы отправили за мной своих наемников и вдобавок с револьвером? Хотели быть уверены, что я первый услышу это сообщение?

— А, да, я забыл вам сказать, — заметил он. — Вы будете единственным человеком, Бойд, который не поедет домой.

— Не поедет! — резко хихикнул Фингерс.

— Не поедет! — вторил ему Кусок мяса.

Я взглянул на Барона и медленно покачал головой.

— Мне кажется, что постоянное общение с этими гориллами не пошло вам на пользу, Барон, — сказал я. — Видимо, какая-то часть их тупости перешла на вас. Конечно, вы в этом не виноваты, Луи, потому что они уж слишком глупы, и это, словно зараза, прилипло к вам, хотя на самом деле вы выглядите умнее.

— Ну, что же, посмотрим, насколько вы умны сами, — буркнул Барон. — Что вы скажете, например, о таком

варианте, гений? **Вы** кончаете жизнь самоубийством и оставляете письмо, в котором все объясняете лейтенанту.

— Что все?

— Как вы приехали сюда, чтобы вернуть Глорию на киностудию, как вы говорили с Вулрихом, и как он признался, что он банкрот, и что у него больше не будет шансов завоевать златокудрую красавицу, когда она узнает, что он банкрот. И, разумеется, напишете, как он вам сказал, что у него было бы много денег, если бы его жена умерла, и он смог бы получить страховку, которая составляет 400 тысяч долларов. Далее в письме вы объясните, что вам в голову пришла грандиозная мысль помочь ему получить эту страховку, хотя его жена молода и здорова, с условием, что он выплатит вам сто тысяч.

— Если вы думаете, что в такую версию кто-то поверит хотя бы на пять минут, то вы просто сумасшедший, — усмехнулся я.

— Я навел о вас справки, — спокойно ответил Барон. — В Нью-Йорке вы известны тем, что за деньги готовы выполнить любую работу. Не думаю, что будет трудно сделать достоверной эту версию. Во всяком случае, этот идиот Хардинг клюнет на такую удочку.

— А как же Свайн? — спросил я его. — Или вы расскажете лейтенанту, что я его застраховал на большую сумму, чтобы потом прикончить?

— Свайн стал опасным для Вулриха, — ответил Барон мягко, — так как ему не стоило большого труда заставить этого негодяя говорить; под нажимом Вулрих сознался Свайну во всем, а потом направился к вам, чтобы поплакаться вам в жилетку. Следовательно, вы должны были убить и Свайна, чтобы ваша сделка с Вулрихом не выплыла на свет божий и не изобличила вас как убийцу его жены.

— Хардинг живот надорвет от смеха, когда услышит такое, — сказал я Барону.

— Возможно, — еще мягче ответил он. — Но уверяю вас, Бойд, что я все равно попробую такой вариант!

Я посмотрел в его глаза и встретил холодный взгляд убийцы. Внезапно мне стало ясно, что этот человек не шутит. Этот сумасшедший действительно верил тому, что говорил.

В комнате на какое-то время воцарилась тишина, а потом в дверь кто-то забарабанил, и раздался звук трубы.

Луи Барон растерянно посмотрел на Мэрфи, стоявшего за моей спиной.

— Открой, кажется, к нам стучится трубач. Сплавь его

и как можно скорее,— сказал он. Револьвер Мэрфи перестал давить мне в спину, и в следующее мгновение Кусок мяса открыл дверь. Но прежде чем он попытался спроводить Муската, тот оттолкнул его в сторону и вошел в комнату.

Он, пошатываясь, остановился на середине комнаты и, глядя на нас широко раскрытыми, налитыми кровью глазами, сказал заплетающимся языком:

— Я хотел бы что-нибудь выпить. Послушай, Барон, угости меня чем-нибудь.

— Мы заняты,— буркнул Барон.— Сматывайся отсюда!

— Так с приятелями не разговаривают,— выдавил Мускат и покачал головой.— Вы даже не даете приятелю выпить? Нет, сэр! Вы просто обязаны дать мне кое-что!

К нему подошел Кусок мяса.

— Ты слышал, что сказал босс? Ну и убирайся!

— Прямо горе с вами,— застонал Мускат.— Это не по-товарищески... Вы должны быть давно мертвы, Бадди, и вечно одиноки. Так будьте же добры, пока вы живы... Выпьем, друзья!

— Выброси отсюда этого бродягу! — презрительно сказал Луи.

Кусок мяса мгновение помедлил, а затем влепил Мускату в живот удар, от которого тот согнулся, точно складной перочинный нож, однако на ногах удержался.

— Ну вот, тебе опять повезло,— заметил Мэрфи.— У тебя имеется возможность уйти на своих собственных ногах.

Мускат медленно выпрямился. Его лицо пожелтело, как пергамент, блестели только его налитые кровью глаза.

— О'кей! — сказал он каким-то свистящим голосом.— Тогда я сыграю вам собственный марш.

Он начал колдовать над своей трубой, а потом, повернувшись, приложил ее к губам.

— О, боже ты мой! Да ведь он в стельку пьян! — закричал Фингерс.— На шесть футов выше ватерлинии.

— Вот именно! — подхватил Кусок мяса.— Неужели этому архангелу удастся выжать из трубы хоть один звук?

А Мускат внезапно резко повернулся, схватился за трубу обеими руками и использовал ее так же, как я — багор: он сильно ударил мундштуком прямо по кадыку Мэрфи.

Глаза гориллы вылезли из орбит. Он схватился обеими руками за шею и судорожно начал хватать ртом воздух.

— Если ты дотронешься до меня еще раз, Бадди, то я выдавлю тебе трубой оба глаза,— уверил его Мускат. И, повернувшись, вышел из комнаты. Через несколько секунд снаружи прозвучал довольно смелый вариант «Святые входят в город» и вскоре замер вдали.

Мэрфи никак не мог откашляться, его лицо посинело. Прошло какое-то время, прежде чем он наконец смог более или менее свободно дышать и вроде бы немного встряхнулся.

— Я его убью, этого бродягу! — выкрикнул он дрожащим голосом. — Со мной такие фокусы не пройдут! Нет, не пройдут!

— И все-таки он тебя отделал, ты, чурбан! Чтобы с тобой ничего не случилось, я еще подумаю о том, выпускать ли тебя на улицу после наступления темноты.

— Послушайте, босс, ведь он напал на меня, когда я на него не смотрел,— попытался защищаться Мэрфи.

— Ну и что с того? Какая разница? — нетерпеливо буркнул Барон. — Лучше продолжим! Найди бумагу и ручку, чтобы Бойд мог написать свое прощальное письмо лейтенанту Хардингу.

Внезапно мне в голову пришло кое-что.

— Это не ваша идея, Луи,— медленно сказал я. — Я имею в виду, найти для полиции козла отпущения, которому можно приписать оба убийства. Эта идея созрела на каком-то другом навозе, а вы только исполнитель. И сколько вам за это отвалят?

— Какой умища! — пробормотал он. — Получите сами, если хотите.

— За этим мог бы скрываться Вулрих,— раздумывал я вслух,— но это маловероятно, так как мальчик Эдди недостаточно хладнокровен. Это больше подходит Бейли. И у него были веские причины для такого плана — ваши 20 тысяч покажутся не больше чаевых по сравнению с теми деньгами, которые он получит от Вулриха.

— Говорит, словно тронную речь держит,— хмыкнул Барон.

— Да, это Бейли,— повторил я, убежденный в своей правоте. — И он вам сказал, что это выход из положения. Вы оба получите свои денежки, а кто такой Бойд, чтобы о нем кто-нибудь позаботился? Уверен, что именно Грег подсказал вам этот план, а вы его бесплатно претворяете в жизнь.

По кислой физиономии Барона можно было понять, что я попал в точку.

— Вот, я приготовил все, босс,— доложил Мэрфи,— Бумага и чернила.

— Садись, Бойд! — приказал Барон.

Кусок мяса подошел ко мне с револьвером в руке и спросил:

— Пойдешь сам, ищейка, или мне тебе немного помочь?

Я прошел к столу и уселся.

— Вы все еще заблуждаетесь, Луи, если считаете, что я напишу признание, а вы после этого сможете спокойно-ко отправить меня на тот свет! — сказал я ему.

Дуло револьвера жестко уткнулось в мой затылок.

— Если ты не напишешь то, что прикажет босс, я всажу тебе пулю в затылок.

— Ну, конечно же, сделай это поскорее, и у тебя не будет никакого признания, а только труп на руках!

— О'кей! — сказал Барон усталым голосом,— значит, вас надо немного взбодрить, Бойд? Фингерс, взбодри его немного!

Маленький человек услужливо подскочил ко мне на своих кривых ногах, и я в какой раз уже подумал, что он просто создан для верховой езды.

— У меня все еще болят колени, ищейка! — проскрипел он своим тоненьким голоском.— Могу биться об заклад, что ты живот надорвал от смеха, когда мне пришлось прыгнуть со сходен. Смешно было, да?

Он сунул руку в карман куртки и достал оттуда складной стилет. Фингерс нажал на кнопку, и изнутри выскочило лезвие сантиметров пятнадцати. Правой рукой он схватил мое ухо. Когда я интуитивно попытался увернуться, дуло револьвера подсказало мне, что этого делать не рекомендуется.

— Босс не хотел бы, чтобы на тебе остались какие-нибудь следы,— презрительно процедил Фингерс.— Это может навести лейтенанта на определенные мысли. Ведь ты должен утопиться.

— Это ты так считаешь,— сухо ответил я.

— Поэтому я только обработаю тебе барабанную перепонку, ищейка,— сказал он.— Приблизительно вот так.

Я конвульсивно вздрогнул от острой колющей боли, которую вызвало острие ножа в моем ухе.

— Не волнуйся, я могу так простоять всю ночь,— сказал Фингерс,— только при этом лезвие будет входить все глубже и глубже. Как тебе это нравится, ищейка?

Он снова нажал ножом, и хотя лезвие продвинулось

вперед лишь на какие-то доли миллиметра, боль была ужасная.

Я не видел никакого смысла в том, чтобы стоически терпеть эту боль и позволить ему перерезать мою барабанную перепонку; к тому же, характер у меня отнюдь не как у пионеров, которые шли завоевывать новые земли.

— Олл-райт! — сказал я. — Я напишу это письмо. Все, что захотите.

— Жаль, — огорченно буркнул Кусок мяса. — Мы будем лишены удовольствия полюбоваться твоими мучениями, ищейка.

Барон продиктовал, что я должен был писать. Итак, я якобы договорился с Вулрихом за сто тысяч долларов убрать его жену. Свайну удалось выжать правду из Вулриха, и мне пришлось прикончить и Свайна, чтобы он не смог объяснить суть дела Барону.

Я написал весь этот бред и положил письмо на стол.

— Знаете, что я теперь собираюсь сделать, Луи? — спросил я Барона. — Вдоволь посмеяться над вами.

— Не позволяйте эмоциям овладеть вами, — небрежно бросил тот.

— И вы даже не спрашиваете, почему?

— Ну, почему?

— Потому что это так называемое прощальное письмо не даст вам сделать и шаг дальше, — ответил я, усмехнувшись. — Ведь согласно этому письму, Вулрих является моим соучастником, он вместе со мной планировал преступление и покрывал мои действия. Таким образом, он виноват в той же степени, что и я, и при таких обстоятельствах мы оба будем объявлены преступниками. А я в жизни не слышал ни об одной страховке, выплаченной человеку, который совершил преступление, чтобы эту страховку получить.

— Вы правы, — ответил Барон. — И я полагаю, что Вулриху не поздоровится, когда за ним придут копы. Ведь он не мог рассчитывать на такой вариант, когда передал все свое имущество Бейли, в том числе и страховой полис на имя его жены. Так что денежки будет получать не он, а Бейли.

Он еще какое-то время посмеивался надо мной, но потом стал серьезным и резко сказал:

— Ну, ладно, мы уже достаточно повеселились! Забирайте Бойда, увозите его и расправляйтесь с ним побыстрее!

Кусок мяса повис на одной моей руке, а Фингерс

держал с другой стороны нож, приставленный к моему горлу так, что было бесполезно пытаться вырваться от Мэрфи. Да мне это все равно не помогло бы: с перерезанным горлом пленники не убегают.

Так мы добрались до гавани и пошли вдоль берега, мимо целого ряда яхт, пока не дошли до испанской галеры. Здесь мы остановились. Это было как раз то место, где оба негодяя выбирались из воды, после того, как полетели со схода.

— Ну что же, сейчас представление закончится, — буркнул Кусок мяса. — Мне хочется еще пропустить рюмочку виски, а до ресторана далековато.

И внезапно сильно обхватил мою шею сзади. Я инстинктивно вцепился обеими руками в его лапу, чтобы ослабить смертельную хватку, но в ту же секунду в действие вступил Фингерс. Он подскочил ко мне и нанес мне в солнечное сплетение два коротких удара, в которые вложил всю силу.

Колени мои подогнулись, невыносимая боль пронзила тело, а рука Мэрфи еще сильнее сдавила мне шею. В этот момент Фингерс нанес мне третий удар, от которого я согнулся пополам.

Судя по всему, рассчитаться мне с ними не удастся. Рука Мэрфи сжималась все больше и больше, а когда, наконец, его хватка чуть ослабла, в моих глазах засверкали разноцветные звездочки. Я упал, больно ударившись о бетонную набережную, и растянулся плашмя.

— А говорили, он жесткий парень!

— Какой жесткий, просто мальчишка, — ответил Фингерс. — Бросай его в воду и пошли пить виски.

Тяжелый ботинок прошелся по моим ребрам, и я покатился по берегу. Прежде чем упасть в воду, я успел сделать глубокий вдох, а потом, прежде чем поплыть, ушел под воду на достаточную глубину.

Плыл я так долго, что, казалось, легкие мои вот-вот лопнут. Затем я быстро вынырнул на поверхность, глотнул воздуха и опять скрылся под водой. Так я делал несколько раз, не допуская ошибки и не появляясь на поверхности более двух секунд. А когда я все же вынырнул и осмотрелся, то увидел, что отплыл от берега на большое расстояние. Лишь смутно я видел на берегу две фигуры — Мэрфи и Фингерса, — которые шагали к ресторану, чтобы пропустить по рюмочке виски.

Видимо, они уже уверились в том, что я утонул; такой вариант меня вполне устраивал.

Некоторое время я плыл на спине и отдыхал, пока они оба не исчезли из поля моего зрения. После этого я взял направление на темные очертания испанской галеры. Минут через пять я уже находился рядом с ней. Я, наверное, прокричал раз десять прежде чем на палубе показался хозяин судна и с недоумением уставился на меня.

— О, это вы, мистер Бойд! — обрадовался Вальдес. — Вы еще купаетесь в такое время?

— Температура воды еще ничего, — прокричал я в ответ. — Может, вы бросите мне конец каната? Или будете стоять у перил и ждать, пока я утону?

Четверть часа спустя я уже сидел в уютной каюте. На мне была сухая одежда, которую одолжил Вальдес, я покурил сигарету ипил горячий черный кофе.

— Если вы меня еще угостите миловидной блондинкой, я сочту, что нахожусь в гостинице для частных детективов, и наверняка останусь здесь до конца своих дней, — сказал я.

— Вы уверены, мистер Бойд, что с вами все в порядке? — опасливо спросил Вальдес.

— Все великолепно! — ответил я. — Разве что несколько шишек...

— Просто поразительно, что такое может случиться буквально на наших глазах, — сказал он с чувством. — Наверняка вы захотите уведомить полицию, чтобы этих негодяев арестовали. У меня есть телефонная связь с берегом. Аппарат стоит рядом с вами.

— Благодарю, — сказал я и снял трубку. — Ночь еще только начинается, не так ли?

— Половина одиннадцатого, — ответил он, взглянув на свои часы. — Для меня это уже позднее время.

Я позвонил в главное полицейское управление и выяснил, что Хардинг еще на месте. Через несколько секунд я уже слышал его безликий усталый голос.

В нескольких словах я рассказал ему все, что со мной случилось, начиная с того момента, как Кусок мяса ткнул меня в спину револьвером и кончая тем, когда Вальдес выловил меня из воды. Я закончил; на другом конце провода какое-то время было тихо, а потом Хардинг взорвался.

— Вы что, с ума сошли, Бойд, или напились?

— Все было именно так, как я рассказал, — уверенно повторил я. — Могу биться об заклад, что мое прощальное письмо окажется в моем домике еще до наступления утра.

— Невероятно! — сказал он. — Но я проверю. Тем не

менее, вы должны согласиться, что все это звучит фантастично — с самого начала и до конца.

— А что вы скажете о версии Барона, по которой Вулрих передал все, в том числе и страховой полис, Бейли?

— Она не лишена смысла,— ответил Хардинг.— Я проработаю и ее.

— Если она верна, то Бейли, должно быть, очень заинтересован в том, чтобы обвинить Вулриха и меня через Барона.

— А так как Бейли имеет страховой полис, то у него был и повод для убийства,— добавил Хардинг.

— И если он убил Эллен Фицрой, то у него были все основания взвалить вину на кого-то другого. Что вы об этом скажете, лейтенант?

— Все правильно,— ответил Хардинг,— но есть одна деталь, которая не соответствует этой версии. Бейли не мог убить Эллен Фицрой,— у него стопроцентное алиби.

— Минутку, лейтенант,— перебил я его. Я помню о том, что в момент убийства он якобы прогуливался, но во время прогулки никто из знакомых его не встречал. Следовательно, он не может иметь алиби.

— Возможно, что Бейли никого и не видел,— возразил Хардинг,— но зато его видел один из моих патрульных полицейских. Он нес службу этим вечером и задержал преступника, у которого было много провинностей и до этого. Этот мелкий гангстер следовал за одним хорошо одетым джентльменом; полицейский арестовал его в тот момент, когда парень собирался приступить к действиям. И гангстер, и полицейский — оба сходятся на том, что этот джентльмен — мистер Бейли, и это было как раз в то время, когда произошло убийство на борту яхты!

— Да, в таком случае сомневаться в его алиби не приходится, не так ли? — спросил я, теряя надежду.

— Не старайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле,— буркнул Хардинг.— Вы же сами понимаете, что это дурацкий вопрос.

— В таком случае, этот Бейли не виноват ни в чем, кроме того, что хотел получить свои деньги обратно,— ответил я.

— Вы считаете, Бойд, что я должен засадить Барона и его подручных?

— Это мне бы понравилось,— ответил я.— Но Барона лучше оставить в покое. Заберите только его горилл.

— А почему я не должен трогать Барона?

— У меня такое предчувствие, что он может привести

нас к истинному убийце, если останется на свободе,— ответил я.— Он ведь не сможет исчезнуть, не так ли? Гавань, очевидно, окружена?

— Думаю, что да,— коротко бросил он.— Ну хорошо, Бойд. Мне терять нечего, кроме своей работы. Я сейчас вышлю патрульную машину, чтобы они забрали обоих горилл. Какое же обвинение мы им предъявим?

— Это уж я предоставляю вам,— ответил я.— Ну, скажем, покушение на убийство.

— Вполне достаточно,— сухо заметил он.— А вы не боитесь, что Барон постарается сам завершить то, что не удалось сделать его людям?

— Во всяком случае, не сегодня ночью,— ответил я.— Сначала ему нужно найти меня, а это не так-то легко, так как я нахожусь на борту испанской галеры!

Хардинг повесил трубку, я сделал то же самое. Вальдес снова налил мне кофе.

— Я слышал, что вы говорили, мистер Бойд.— Он мило улыбнулся.— Разумеется, я рад, что вы останетесь у меня в гостях, на борту галеры. Может быть, мы еще немного поболтаем об убийстве?

— Да, конечно! — ответил я вежливо, так как его гостеприимство имело для меня значение.

— У меня личный интерес к поимке убийцы Эллен Фицрой,— сказал он.— Ведь я принадлежал к кругу ее почитателей.

— Каким это образом? — удивился я.

— У меня два хобби,— ответил он.— Эта посудина и джаз. И я уже несколько лет восхищаюсь Мускатом Муллисом. Вы знаете, что они оба записывались на долгоиграющую пластинку? И не так давно, месяцев шесть тому назад.

— Нет, не знаю,— ответил я.

— Отличная пластинка,— он уверенно кивнул головой.— Муската сопровождают только ударник и контрабас, но в главной вещи он исполняет соло на трубе. Эллен поет в шести или семи песнях на пластинке, но там записаны и сольные номера Муската. Хотите послушать эту пластинку? А я пока приготовлю напитки. Мне придется повозиться, чтобы сделать охлажденный коктейль, но уверяю вас, на него не жалко потратить время.

— Что ж, я не против,— сказал я.— Я смотрю, у вас здесь на борту все есть.

— Здесь, в Бахия-Мар, можно получить не только телефонную связь, но и электрический ток,— ответил он

с улыбкой.— Чего только они не сделают! Даже, наверное, воду выкачают из гавани, если их попросить об этом.

Он вытащил пластинку из шкафчика и поставил на проигрыватель. Потом прошел к маленькому бару и начал составлять коктейль.

Помещение заполнил сонный нежный голос Эллен Фицрой. Она пела песню «Тело и душа». Потом исполнила «Вуд Индиго»... Я словно видел ее перед собой, такой, как она стояла передо мной той ночью в своем белом бикини.

Как и сказал Вальдес, у нее был действительно красивый голос, но на этой пластинке к тому же был отличный аккомпанемент, который делал ее пение лучше. Приглушенные звуки трубы словно обволакивали ее слова, как узкое платье обволакивает красивую фигуру.

После того, как она закончила песню, Вальдес поднес мне приготовленный им коктейль.

— Благодарю,— сказал я, беря у него большой и холодный стакан. В ту минуту мне действительно нужно было что-нибудь выпить.

Но не успел я и пригубить, как у меня по спине пробежал холодок — я вновь услышал проникновенные звуки трубы. Мускат исполнял соло на трубе, сопровождаемое только заглушенными звуками оркестра.

Прослушав этот легкий блюз, я понял, что здесь музыкант и его труба слились воедино. Мускат вкладывал в эту вещь всю свою душу и с помощью этого инструмента рассказывал простую историю — историю молодого человека и девушки, которые любили друг друга.

Вначале господствовали триумфальные нотки, одновременно дикие и нежные, свидетельствующие о том, что исполнилась великая мечта молодого человека. Потом мелодия и ритм изменились, соло оповещало нас о возникшей дисгармонии. Он все еще страстно обожал ее, но она уже не хотела ни о чем знать, отвернулась от него, оскорбляла его, когда он приближался к ней, и уходила от него, оставляя его с разбитым сердцем.

Молодой человек винил себя во всем, просил ее сказать, что он сделал не так, но девушка ему не отвечала. Неприязнь ее к нему росла и заканчивалась открытой враждой. Соло на трубе передавало это с помощью какой-то разрывающей душу какофонии звуков.

Потом соло переходило в нежный и жалобный блюз. Любимая покинула юношу навсегда, и к нему пришли одиночество, боль воспоминаний. Он вспоминал о том

далеком времени, когда все было так прекрасно... и пробуждался в сером дне одиночества...

Позади меня послышался щелчок — это Вальдес включил проигрыватель.

— Ну, как? — спросил он. — Отличное исполнение, не правда ли? Солист просто гений!

— Да, — сказал я и вспомнил о коктейле, к которому так еще и не прикоснулся. Я попробовал его и признал, что он превосходен.

— Этот блюз он, конечно, сочинил сам, — сказал он. — И назвал его просто «Милый старый блюз».

— Говорят, что оркестрант джаза только тогда играет хорошо, когда он сам несчастлив, — сказал я. — Если качество этого исполнения может быть мерилом, то Мускат, должно быть, самый несчастный человек на свете.

— А почему вы думаете, что он не может быть счастливым? — мягко спросил Вальдес.

Лишь около полудня следующего дня я отправился к себе в домик, разумеется, после того, как привел себя в порядок и так далее. Я переоделся в свою одежду, когда же опять хотел выйти, кто-то постучался ко мне в дверь.

Это была не кто иная, как Глория Ван Равен в пляжном костюме из белого нейлона.

— Я пришла к вам, чтобы извиниться за то, как вела себя с вами в последний раз, Денни, — сказала она своим хриплым голосом.

— Забудьте об этом, может быть, в следующий раз вы будете со мной более милы, — сказал я с надеждой.

— Вы знаете, что уже воскресенье? — сказала она с трагическими нотками в голосе. — У нас осталось не много времени, Денни, если мы хотим быть на киностудии во вторник.

— Знаю, — ответил я. — У нас осталось не более 24 часов, чтобы исчезнуть отсюда.

— Как вы думаете, до этого времени отыщут убийцу? — спросила она выжидающе.

— Не знаю, — сказал я, пожимая плечами. — Во всяком случае, Хардинг работает упорно, как мне кажется.

— А вы, Денни? — она подошла поближе. — Вы тоже работаете?

— Конечно! — бодро ответил я. — Вы видели то сумасшедшее судно в гавани, которое похоже на каравеллу, на которой Колумб открыл Америку? Эту испанскую галеру?

— Да, видела,— ответила она.— А почему вы спрашиваете?

— Ее владелец — человек по имени Вальдес,— сказал я.— Он устраивает сегодня большую вечеринку, и все мы приглашены туда. Она начинается в восемь часов, и вы должны прийти туда, Глория.

— Зачем? — Она подошла еще ближе. Так близко, что ближе некуда.

— Я слышал, дорогая, что на этой вечеринке изобличат убийцу,— доверительно сказал я.— Вы должны пригласить также мальчика Эдди, Грега Бейли и Муската Муллиса. Они, конечно, не захотят пропустить эту вечеринку; если я правильно понял лейтенанта Хардинга, то он позаботится о том, чтобы все присутствовали на ней.

— Это звучит так романтично, Денни,— тихо прошептала она.— Расскажите мне об этом поподробнее.

Я лишь махнул рукой.

— Я и сам больше ничего не знаю,— уверил я ее.

— Вы умный парень, Денни,— сказала она в волнении.— Я уверена, что именно вы и изобличите убийцу.— Она глубоко вздохнула и ее приподнявшиеся груди чуть не вытолкнули меня из моих туфель.— Сделайте это, Денни, и вы заслужите мою благодарность,— нежно сказала она.— И я не откажусь от своих слов. Вы действительно ее заслужите.

Внезапно она отступила назад и между нами возникло воздушное пространство. В дверях она обернулась и сказала:

— Но сперва найдите убийцу. И не беспокойтесь, Денни, я всегда держу свое слово.

Когда я вскоре после нее вышел из дома, она была уже в паре ярдов от меня и здоровалась с Грегом Бейли, у которого был такой вид, словно он всю ночь провел под кроватью. Я не стал его преследовать и направился к домику Эприл. Дверь была не заперта, и я даже не счел нужным постучать.

Когда я вошел в гостиную, Эприл, как раз выходила из ванной. Капли воды блестели на бронзовой коже. Эприл обмоталась махровым полотенцем, которое было узковато для этой цели.

— Я как раз из-под душа,— сказала она, хотя это было видно и без слов.

— Вижу,— ответил я.— С той точки, на которой я стою, вы выглядите совершенно чистой.

Она поспешно опустила немного полотенце, но это

привело лишь к тому, что теперь верхняя часть тела открылась больше, чем нужно. Эприл слегка прикусила губы, давая понять, что она не знает, как выйти из этого положения.

— Почему бы вам не отвернуться, Денни Бойд, чтобы я могла спокойно одеться?

— Ну что вы, Эприл,— отпарировал я.— Для меня вы просто большая девочка, завернутая в полотенце, так что это меня не может возбудить.

— О-о! — она с удивлением посмотрела на меня.— Что же такое заставило вас смотреть на меня без волнения?

— Глория,— сказал я слащаво.— Она пришла ко мне в плотном купальном костюме и доверительно сказала мне, что готова поиграть со мной в игры для взрослых.

— Вы, как и все мужчины, мистер Бойд, предпочитаете количество, а не качество,— ядовито сказала она.

— Этой ночью меня чуть не убили,— сказал я, чтобы переменить тему.— Рассказать вам, каким образом?

— Это было бы интересно только в том случае, если бы вас действительно убили,— она повернулась и вышла в спальню, что было ошибкой, ибо полотенце не скрывало и заднюю часть тела.

— Вот это да! — выкрикнул я в восторге.— У вас ямочки на самом интересном месте.

Эприл на мгновение застыла, по всему ее телу пробежала дрожь, а потом с криком раненой газели она скрылась в спальне.

Минут через десять она появилась вновь, на этот раз в бюстгальтере и таких коротких шортах, которые не нуждались в рекламе. Она казалась очень спокойной и сосредоточенной, если не считать нескольких красных пятнышек на щеках.

— Вы все еще здесь? — спросила она.

— Я забыл вам рассказать о вечеринке,— которая состоится сегодня. Разумеется, вы приглашены на нее,— сказал я и рассказал ей кое-что об испанской галере. Но ее, казалось, это не очень впечатлило.

— Эприл, дорогая,— сказал я,— вы обязательно должны быть. Мне нужна ваша помощь. На этот раз мы наверняка схватим убийцу.

— Вы наглец, Денни! Настоящий наглец! — пропела она тонким голосочком.— После того, что случилось со мной вчера с этим Бейли, вы приходите ко мне снова и имеете наглость делать новое предложение...

— На этот раз все будет серьезно,— перебил ее я.— И все, что вам нужно будет сделать — это надеть парик и бикини.

— Звучит заманчиво! — Она на мгновение закрыла глаза.— Как вспомню о том, какое действие оказало на Бейли черное платье... Выступать в бикини и парике будет еще интереснее. Но какую роль играете вы сами? Вы кто, распространитель билетов или кто-нибудь еще?

— Ну, хорошо,— устало сказал я.— Забудьте об этом. Если вы не хотите, мне придется взять другую девушку, вот и все.

Я повернулся и направился к двери. Когда я уже собирался открыть ее, Эприл воскликнула:

— Какую девушку?

— Разумеется, Глорию,— ответил я и невинно улыбнулся.— Несколько минут назад она сказала мне, что сделает все, что я пожелаю. И добавила, что относится к той категории девушек, которые держат слово.

— Что бы вы не предпринимали, Глория испортит вам всю сцену,— убежденно заметила Эприл.— Если вы действительно думаете, Денни, что на этот раз вы на верном пути, то я изменю свое решение и помогу вам. Вы понимаете, я не хочу стоять на дороге у справедливости.

— Отлично! — сказал я счастливым голосом.— Подробности — позднее. Сначала я должен рассказать Вальдесу об этой вечеринке, которую он сегодня устраивает и на которую он тоже приглашен. Для него это будет большая неожиданность.

Глава 10

По вечерам гавань Бахия-Мар представляла собой нечто нереальное. Создавалось такое впечатление, будто кто-то набрасывал на нее огромное бархатное покрывало, усыянное звездами. Луна была словно сделана из блестящей бумаги. Но людям, которые приезжали сюда, все это нравилось.

Когда Вальдес подошел к перилам галеры, я услышал лишь слабый шорох.

— На проводе лейтенант Хардинг, мистер Бойд,— быстро сказал он.— Я поставил аппарат на кухне еще до того, как началась вечеринка, чтобы вы могли беспрепятственно говорить.

— Спасибо,— сказал я.— Как проходит вечер?

— Думаю, что мой коктейль всем понравился, он

возымает нужное действие,— ответил Вальдес.— Вы просто не представляете себе, как я благодарен вам за эту вечеринку, мистер Бойд. Я даже не верю, что на моем судне находятся такие знаменитости, как Глория Ван Равен и Мускат Муллис, и я имею честь познакомиться с ними.

— Очень приятно это слышать,— сказал я и прошел на камбуз, нервно спрашивая себя, будет ли Вальдес по-прежнему доволен, если вечеринка закончится так, как я предполагал.

— Что означает эта идиотская вечеринка на этом идиотском судне? — прогремел в трубке голос лейтенанта Хардинга, как только я отозвался по телефону.

— Просто мне пришла в голову мысль,— сказал я вяло,— нарушить однообразие нашего существования.

— Иногда я даже боюсь ваших проделок, Бойд, так же...

— Так же, как ночи в Бахия-Мар, не так ли?

— Во всяком случае, чем более идиотские мысли возникают в вашем мозгу, тем спокойней вы о них сообщаете. Вчера я попался на эту удочку и послушался вашего совета не брать Барона, а оставить его в покое... К счастью, голова моя потом прояснилась...

— Вы что, засадили за решетку всех троих? — разочарованно спросил я.

— Судя по всему, что вы мне сказали, вы страдаете манией преследования,— ответил он спокойно.— Их трое — вы один. Свидетелей у вас нет.

— В доме Барона меня видел Муллис,— ответил я.

— Это вы мне уже говорили, и я это проверил,— ответил Хардинг со вздохом.— Он ничего не помнит, потому что опять был пьян. Как обычно. Поэтому арест за покушение на убийство отпал; я посадил обоих за бродяжничество. С их послужным списком этого для них будет достаточно. Но с Бароном дело другое. Раньше он под арестом не бывал.

— Вот как? — спросил я.

— Поэтому с четверть часа назад я был вынужден его отпустить,— сказал лейтенант.— Мы продержали его целый день, но потом поняли, что это все равно, что продавать слепому видовые открытки. И я хотел вам передать, Бойд, что он снова на свободе. Вы должны это знать. Я бы не хотел, чтобы в этом деле появился еще один труп.

Я повесил трубку на рычаг, вышел из камбуза и пошел в кают-компанию. Скрещенные мечи под иллюминатором

поблескивали в свете китайских бумажных лампионов, которыми Вальдес украсил помещение, чтобы придать вечеру более торжественную обстановку.

Глория сидела на кушетке в своем стального цвета шелковом платье без рукавов и держала в руке бокал с коктейлем, беседуя о чем-то с Грегом Бейли.

На последнем — как я понял, он имел стопроцентное алиби! — был обычный вечерний костюм и рубашка в мелкую голубую горошину. В противоположном конце каюты сидел подавленный и неряшливо одетый Эдвард Вулрих и краем уха слушал то, что ему рассказывал Вальдес.

На Мускате Муллисе была чистая голубая рубашка с открытым воротничком и наглаженные хлопчатобумажные брюки. Он сидел на полу по-турецки и рядом с ним стояла наполовину опорожненная бутылка виски. Я подошел к нему.

— Добрый вечер, Мускат, — сказал я дружеским тоном.

Он смотрел на меня секунд пять и лишь после этого узнал или, может быть, посчитал, что мы уже где-то встречались. Трубач был чисто выбрит, но подбородок все равно уже отливал синевой. Мускат то и дело нервно теребил пальцами свой инструмент.

— Добрый вечер! — ответил он. — Что-то он скучно проходит. Чтобы он и правда стал добрым, надо как следует выпить... — Он схватил бутылку виски, приложил ее к губам. Я уже подумал было, что он не оторвется, пока бутылка не опустеет, но ошибся.

Я подошел к Вальдесу, и Вулрих встретил меня тусклой улыбкой.

— Мне кажется, что Мускату нужна еще одна бутылка виски, — сказал я Вальдесу, который сразу же поднялся на ноги, чтобы не оставлять своих гостей на «голодном пайке».

— Как поживаете, Бойд? — нервно спросил Вулрих, причем таким тоном, будто не был заинтересован в моем ответе.

— И вы еще спрашиваете? — сказал я.

Он на мгновение закрыл глаза и приглушенно вздохнул.

— Даже не знаю, смогу ли я дальше жить... после того, как потерял Элли.

— На вашем месте я бы взял себя в руки, Эдди-бой, — сказал я. — Иначе вы и суток не протянете.

Я вышел из комнаты, заметив при этом, что Мускат старается открыть новую бутылку виски. Я почувствовал ненавидящий взгляд Бейли, направленный в мою сторону,

но меня это мало волновало. Вернувшись на палубу, я встал у перил так, чтобы были видны сходни.

Эприл появилась на борту минут через тридцать, когда я уже подумывал, что она струсилась и не придет. На плечах ее была длинная накидка от дождя, в которой Эприл была похожа на привидение.

Увидев меня, она облегченно вздохнула.

— О, это вы, Денни! — она вздрогнула, когда я взял ее под руку. — Сперва я не могла разглядеть, кто это там стоит у перил.

— Как это вы так быстро сюда добрались? — спросил я с иронией. — Самым коротким путем через Палм-Бич?

— Пришла так быстро, как смогла, — ответила Эприл. — Я боюсь, Денни. Это еще одна сумасшедшая идея. А что будет, если и она не удастся?

— Не беспокойтесь, дорогая, — успокоил я ее. — Ничего не может случиться. Но давайте спустимся вниз, чтобы вас никто не видел, — ведь не исключено, что кому-нибудь взбредет в голову подышать воздухом.

Я отвел Эприл на камбуз, приготовил коктейль и запер ее. Захватив с собой ключ, я опять отправился в кают-компанию. Когда я вошел туда, то увидел, что фирменный коктейль возымел свое действие. Глория и Грег Бейли о чем-то оживленно разговаривали. Они уже сидели близко друг к другу, и Глория заботилась о том, чтобы при каждом наклоне Бейли мог заглянуть в ее вырез. Грег занял такую позицию, что ему это было нетрудно и мог любоваться прекрасной перспективой, делая при этом вид, что у него в мыслях нет ничего подобного.

Вальдес и Вулрих все еще продолжали беседовать в другом конце каюты, но мне показалось: теперь владельцу галеры гораздо труднее поддерживать разговор, чем раньше. Мускат тоже сидел на прежнем месте, со скрещенными по-турецки ногами. Только вторая бутылка была уже почти пустой, а взгляд его, совершенно отсутствующий, свидетельствовал о том, что трубач скоро достигнет своей точки.

Я сделал знак Вальдесу. Тот поднялся и, подойдя, вопросительно посмотрел на меня.

— Я приготовил на сегодняшний вечер кое-что неожиданное, — сказал я. — Поэтому не беспокойтесь, если вдруг погаснет свет или случится что-нибудь другое. Это будет просто шутка — больше ничего.

— Великолепно, — вежливо ответил он. — Надеюсь, что ваша неожиданная шутка не запоздает, а то Вулрих уже

давно находится в каком-то заторможенном состоянии. У него такой вид, будто он вот-вот отдаст концы.

Вновь вернувшись на камбуз, где Эприл успела настолько изнервничаться, что даже не отругала меня, я схватил телефонную трубку, набрал номер и спросил, могу ли я поговорить с Бароном. Он сразу же подошел к телефону и дал о себе знать неопределенным «да?»

— Луи? — начал я, подняв голос на октаву выше.

— Да. С кем я говорю?

— Это совершенно неважно, — ответил я. — Вы знаете, что сейчас происходит на этой чертовой галере?

— Какое мне дело до этого, черт возьми? — буркнул он. — Послушайте, если вы думаете меня...

— И все-таки, вас это тоже касается, — перебил я его. — Они все находятся там: и эта дама Ван Равен, и Вулрих, и Грег Бейли, и эта ищейка Бойд. И они хотят заложить вас, Луи, хотят пришить вам убийство. А тот путь, которым они пытаются сделать это, не даст вам никакого шанса обороняться. Вы немедленно должны прийти на эту галеру, немедленно, иначе будет поздно.

Он что-то начал говорить, но я повесил трубку.

— Что это значит? — удивленно спросила Эприл.

Вместо ответа я приложил палец к губам и прислушался. Из кают-компания доносились звуки трубы. Мускат играл.

— О'кей, кажется время пришло, — сказал я.

Она испуганно посмотрела на меня.

— А что мы будем делать, если у нас все сорвется?

— Тогда, видимо, придется сделать вид, будто мы внезапно сошли с ума, — успокоил я ее. — И не надо так волноваться, я убежден в том, что у нас все получится.

Мы отправились в кают-компанию. Я заглянул туда, заслонив собой Эприл. Никто не обратил на меня никакого внимания, Глория и Бейли все еще сидели на кушетке, словно слившись друг с другом. Вулрих, казалось, к этому времени немного пришел в себя и говорил с Вальдесом довольно громко; тот удивленно смотрел на него. А Мускат играл на трубе — одинокий и весь ушедший в себя — словно принадлежал к другому миру.

Проигрыватель я уже приготовил и сказал Вальдесу, чтобы тот ничего не ставил, пока я не дам сигнала, следовательно, теперь мне оставалось только одно: выключить свет.

Глория взволнованно хихикнула, когда каюта вдруг

погрузилась в темноту; только китайские фонарики давали слабый рассеянный свет.

Я сделал знак Эприл, и она сбросила с себя накидку. Я быстро прошел к проигрывателю и поставил адаптер на пластинку. После этого я вновь отступил назад, вытирая тыльной стороной ладони холодный пот со лба.

Через несколько секунд послышалась музыка блюза «Тело и душа». Пела Эллен Фицрой в сопровождении трубы Муската Муллиса.

У Муската труба вывалилась из рук, когда он услышал звуки блюза. Он медленно приподнялся и прислушался к голосу Эллен, который, казалось, доносился откуда-то из темноты.

— Эллен? — прошептал он.

Он поднялся и, пошатываясь, стоял с вытаращенными от страха глазами.

В этот момент дверь в каюту открылась, и вошла девушка. В слабом сумеречном свете фонариков ее нельзя было хорошо разглядеть, но все-таки были видны черные волосы, обрамлявшие ее лицо и белое шелковое бикини с черными точечками, которое плотно прилегало к телу.

— Нет! Нет! — вскричал вдруг Мускат и весь передернулся. Потом вытянул руки ладонями вперед, словно защищаясь от девушки.

— Ты умерла, Эллен!.. И ты не имеешь права...

— Ты ошибся, Мускат, — ответила девушка мягким, словно неземным голосом. — Я не мертва... для тебя не мертва... Мы всегда будем вместе. Неужели ты этого не знаешь?

— Ты мертва! — закричал тот в истерике. — Черт бы тебя побрал, чего ты хочешь здесь? Ты все время мучила меня, пока была живой, и я не хочу, чтобы ты издевалась надо мной, будучи мертвой!

— Мускат, дорогой! — сказала девушка осторожно, — наша милая старая любовь подобна «Милому старому блюзу». Я ушла, но тем не менее, я останусь с тобой навсегда. Навсегда, как ты говоришь об этом в своем блюзе.

Он поднял к лицу сжатые кулаки и потряс ими в бессильном гневе. На его лице были видны следы слез.

— Ты умерла! — На этот раз его голос был тверже. — Ты же знаешь, что ты умерла, Эллен! Тебя убили из револьвера, пуля попала тебе между глаз...

— И все же я жива, — сказала девушка. — Жива для тебя, Мускат!

— Мертва! — словно выдохнул он, а потом слова полились из него, словно водопад. — У меня был револьвер, — захлебываясь, заговорил он. — Я прицелился и нажал на спуск. Я увидел темное пятно между твоих глаз, и ты выглядела очень серьезно и странно... Очень странно. Твоя жизнь кончилась, и ты заслужила эту смерть. Ты всю жизнь мучила меня, а потом вышла замуж за этого дешевого маленького бизнесмена с Уолл-стрит, и говорила мне, что все это шутка, чепуха, что мы все равно останемся вместе. Мы только должны немного быть осторожными... — Он с нескрываемой ненавистью посмотрел на девушку. — А потом эта ночь, — прошептал он. — Ты стояла и высмеивала меня, говоря, что за всю жизнь я первый раз оказался тебе полезным, потому что ты и твой сутенер голубых кровей хотели раскошелить Глорию Ван Равен, крупную кинозвезду...

Мускат медленно покачивал головой, словно сам не верил тому, что говорил.

— Я по уши был влюблен в тебя, Эллен, — продолжал он. — И ты это знала. Нас объединяла музыка и блюз, который я сочинил в твою честь. А потом ты начала высмеивать меня...

Призрачная фигура девушки неподвижно стояла на пороге, а он внезапно шагнул навстречу ей и сунул руку в карман.

— Ты будешь убита, Эллен! Оставайся там, где тебе и положено быть!

Я прыгнул на него еще до того, как он смог вытащить из кармана руку с револьвером, ударил его прямым коротким ударом в лицо так, что он потерял равновесие, а потом двумя ударами в грудь свалил его на пол, где Мускат и остался лежать, раскинув руки. Вальдес подошел и зажег свет. Эприл Мауэр, белая как мел, стянула с головы парик и встряхнула своими светлыми локонами.

— Вы были великолепны, бэби, — заверил я ее. — Просто великолепны!

— Я рада, что ваша очередная сумасшедшая идея принесла пользу, Денни, — ответила она дрожащим голосом. — Но теперь я уже сыта вашими выходками. Все! Конец!

Вулрих нетерпеливо схватил меня за руку.

— Как вы догадались, что это он? — спросил он с внезапным интересом.

— Ну, я думаю, благодаря моей проницательности и уму, — скромно ответил я.

— А это означает, что он подумал на Муската после того, как исключил всех остальных,— совсем не к месту сказала Эприл.— Вы помните, Денни, как вы сказали, что он стоит вне подозрений, так как был в прошлом любовником Эллен и потому не имел никаких мотивов для ее убийства?

— Я думаю, что все вы совершенно зря уверились в том, что убийство связано со страховкой,— процедил я.

— А что со Свайном, Денни? — спросила Эприл.— Почему Мускату понадобилось убивать и его?

— Мы предполагали, что Свайна убили из-за того, что он вытянул из преступника всю правду, и последний был вынужден уничтожить его, чтобы тот не рассказал об этом полиции. Но Муската не так-то просто запугать. Я вчера видел, как Кусок мяса чуть не поплатился за это проткнутым горлом. Поэтому я считаю, что первого удара Свайна было достаточно, чтобы вывести Муската из себя и заставить схватиться за револьвер...

Позади меня раздался тихий болезненный стон, я обернулся и увидел, что Мускат поднимается с пола. Муллис уставился на Эприл, которая теперь стояла при полном свете, с париком в руках, и глаза его расширились.

В тот же миг снаружи раздались тяжелые шаги, дверь каюты распахнулась, и вошел Луи Барон.

— Олл-райт! — крикнул он с красным от гнева лицом.— Что здесь происходит?!

— Все уже закончилось,— холодно сказал Бейли.— Можешь опять идти туда, откуда пришел, Барон.

— Вот как? — Луи с ненавистью посмотрел на него.— Не торопись отделаться от меня, оборванец! Ты говорил, что здесь что-то затевается против меня?! Ну, так и выкладывай, в чем дело?

Я услышал позади слабый шорох, быстро повернулся, но было уже поздно. Мускат стоял с револьвером в руке.

Убить меня было мало, за то, что я забыл вытащить револьвер у него из кармана.

— Никому не двигаться! — приказал Мускат.

Никто и не думал двигаться. Даже Барон превратился в столб и стоял, широко открыв рот от удивления.

Мускат посмотрел на Эприл.

— Ты здорово меня разоблачила,— сказал он.

— Этого следовало ожидать,— вставил я.

Когда он повернулся в мою сторону, у меня словно перевернуло желудок.

— А кто был тот гений, который до этого додумал-

ся? — спросил Мускат. — Кому принадлежала идея натянуть на нее парик и белое бикини, чтобы она была похожа на Эллен?

И в этот момент у меня родилась прекрасная мысль, в которой я так остро нуждался. Казалось, она буквально с неба на меня упала.

— Конечно, он, — сказал я. — Именно ему эта идея и пришла в голову, Мускат. И поскольку он все умело объяснил нам, мы поняли, что не удастся она не может. Он считал, что такого пьяницу, как вы, можно легко поймать на подобном представлении. Кроме того, он имел и личный интерес — ведь вы убили парня, которого он нанял, этого Майка Свайна.

— Но кто же это? — повторил Мускат.

— Мистер Барон, — ответил я невинно. — Кто же еще? Он и придумал все это!

— Вы что, с ума сошли, Бойд? — Барон отпрянул назад. — Не слушайте его, Мускат! Он лжет! Они планировали убить меня... Вы должны меня выслушать, Мускат...

Два выстрела последовали один за другим так быстро, что, казалось, стреляли только один раз.

Барон выдавил какое-то слово и беспомощно уставился на свою грудь, по которой расплывалось кровавое пятно.

— Ты в меня стрелял? — Он бросил взгляд на Муската, взгляд человека, знающего о том, что он умирает.

В следующее мгновение голова его упала на грудь, колени подогнулись, и Барон, неуверенно сделав пару шагов, упал на пол.

— Это была только одна половина, — без эмоций констатировал Мускат. — Теперь я должен позаботиться о другой. — Он взглянул на Эприл. — Вам не следовало, крошка, возвращать ко мне мою Эллен! Это было с вашей стороны не очень мило!

Эприл приложила ладони к своему лицу.

— Но вы, тем не менее, это сделали. — Он пожал плечами. — Так что можете составить компанию Эллен и петь вместе с ней мой «Милый старый блюз».

И тут я увидел крошечный шанс, так как мне потихоньку удалось добраться до стены. Я должен попытаться, иначе через пять секунд Эприл упадет мертвой рядом с Бароном.

— Луи! — резко выкрикнул я. — Он еще шевелится! Он еще жив!

В тот момент, как Мускат повернул голову, я сорвал со

стены один из мечей и взмахнул им. Толедская сталь сверкнула в свете ламп.

Сперва я подумал, что промахнулся, но, услышав нечеловеческий крик Эприл, опустил глаза и увидел, как отрубленная голова Муската покатилась к моим ногам...

— Вы были просто замечательны, дорогой,— восхищенно сказала Глория, когда мы все трое собрались в ее комнате.— Вы были великолепны!

— Хотел бы я, чтобы и лейтенант Хардинг считал так же,— кисло ответил я.— Ведь если подумать, то он может упечь меня и за то, что я взвалил всю вину на Барона, и за то, что я отрубил голову Мускату. Откуда мне было знать, что толедский клинок такой острый?

— Если все подытожить, можно сказать, что лейтенант поступил великодушно,— сказала Эприл.— Он только один раз ударил вас, а потом все-таки взял себя в руки.

— А мой профиль? — сказал я и ощупал свой нос.— Он ведь мог навсегда его испортить.

— Что бы там ни было, а во вторник утром я буду в студии,— бросила Глория и улыбнулась мне.

— Правильно! — сказал я.— И это уже кое-что, не правда ли?

— А что, собственно, с мистером Бейли и страховой суммой? — спросила Глория.

— Ну, это уже известно,— сказал я.— Вулрих передал ему право на получение страховки вместе с другими своими ценностями, и Бейли получил бы эту страховку, если бы не одно «но». Лейтенант уже говорил со страховой компанией, и ему объяснили, что Вулрих хотя и внес первые три взноса, при этом применил необеспеченный чек. Поэтому ни Вулрих, ни Бейли не получают ни одного цента.

Судя по лицу Глории, Бейли, видимо, многое ей пообещал, когда получит страховку.

— Я рада, что буду сниматься в новом фильме,— наконец сказала она.— Есть тут и еще кое-что, о чем я чуть не забыла в спешке.

Она обогнула стол и подошла ко мне так, чтобы я мог видеть, что скрывалось за вырезом платья.

— Денни! — Голос был нежный, словно сама ласка.— Вы изобличили убийцу, значит, и я должна сдержать свое обещание, не так ли?

— Все верно,— радостно сказал я.— Тем более, что Глория Ван Равен никогда не берет своего слова назад.

Она опустилась на кушетку.

— Денни! — промурлыкала она. — Вы такой... — Внезапно она замолчала, потому что вспомнила, что Эприл сидит в кресле и наблюдает за нами.

— Я не знала, что ты еще здесь, дорогая, — сказала Глория. — Ты, наверное, устала после всех этих волнений. Почему бы тебе не прилечь? Ведь завтра нам предстоит далекий путь в Голливуд!

— Правильно! — сказала Эприл. Она поднялась и набросила на себя накидку. — Спокойной ночи, Глория!

— Спокойной ночи, дорогая! — сказала Глория сладким голосом. — Надеюсь, ты хорошо выспишься. — Потом снова повернулась ко мне. — Что же вы будете делать с маленькой беспомощной девушкой? — прошептала она.

Я как раз собирался продемонстрировать ей это, когда внезапно почувствовал, что Эприл что-то сунула мне в руку. Другая моя рука уже лежала на плече Глории, так что я сначала не мог разобрать, что это было.

— Сохрани это для меня до завтрашнего утра, — шепнула Эприл. — Доброй ночи, мистер Бойд!

— Хорошо, Эприл, — пробормотал я, но любопытство взяло верх. Я отпустил плечо Глории, раскрыл руку и увидел кусочек тонкой ткани.

— Черт бы ее.. — начал я, но потом понял, что это такое. Я быстро поднял глаза и увидел, как Эприл исчезла за поворотом. Глория сделала удивленные глаза, когда я оторвался от нее и побежал к двери.

— Денни! — воскликнула она. — Куда вы?

— Есть одна вещь, которую не так уж часто можно увидеть! — крикнул я через плечо. — Ямочка на самом интересном месте.

— Немедленно возвращайтесь назад, Денни! — закричала Глория. — Иначе...

Окончание фразы я уже не слышал, так как выскочил на улицу и побежал к домику Эприл. Я быстро открыл дверь.

Эприл лежала на кровати, подложив руки под голову, и смотрела на меня; я остановился, словно вкопанный, так она была хороша.

— Ну? — сказала она. — Разве вы не мистер Бойд?

— Да, я — Бойд, — ответил я. — Человек с неземным профилем... Бродяга, который вбил себе в голову, что все женщины от 18 до ...

— Мне 24, — нежно перебила она меня. — И я не нахожу ничего фальшивого в вашей теории, мистер Бойд!

ПРОПАВШАЯ НИМФА

Глава 1

Да, согласен: в Манхэттене, в середине июля, в жару, можно ожидать чего угодно. Но когда на пороге одной из квартир на Саттен-пласс передо мной возникла одалиска, как бы сошедшая со страниц «Тысячи и одной ночи»,— это уже было слишком.

Если это видение не было следствием того, что я стал жертвой солнечного удара, значит, меня следовало немедленно запеленать в смиренную рубашку и направить в отделение буйно помешанных госпиталя «Делибо»!

— В чем дело? — томно проговорил мираж.

Я закрыл глаза и застонал.

— Кажется, у вас солнечный удар,— добавила она, проявляя ко мне какой-то болезненный интерес.— С такой короткой прической никогда нельзя выходить без шляпы. Ни в коем случае!

Я с трудом приоткрыл глаза. Она стояла на том же месте, прислонившись голым плечом к дверному косяку и флегматично глядя на меня громадными темными глазами. Густые каштановые волосы в беспорядке падали ей на плечи. Груды феноменальной округлости едва удерживались крохотным болеро, застегнутым на одну пуговку. На ней были шелковые, почти прозрачные шаровары, стянутые на лодыжках гигантскими кольцами, звенящими при каждом движении. Настоящая Саломея. Все ясно: эта проклятая жара довела меня до галлюцинаций. Тем не менее я пробормотал:

— Меня зовут Бойд, Дэнни Бойд. Я пришел к Осману-бею. Но, кажется, не вовремя...

— Нет, нет. Вы как раз кстати,— уверила она меня.

Тогда я предположил:

— Может быть, он занят? Я мог бы прийти зимой, когда будет немного свежее...

— Да нет же, он как раз развлекается со своей милоч-

кой-дымилочкой,— сказала она с улыбкой.— Входите, мистер Бойд.

— Ну в таком случае мне действительно лучше прийти позже... когда он со своей милочкой закончит,— сказал я, глотая слюну.— Когда она уйдет, я вернусь.

— Речь идет совсем не о том,— уточнила она строго.— Это такая штучка для курения. Ее еще называют наргиле, или кальян.

Дэнни Бойд просто не понял. Речь шла не о девке... Какой надо иметь извращенный ум, чтобы такое подумать!

И я объявил:

— Если хотите, я могу сейчас же уйти и больше никогда не приходить вообще. Таким вот образом.

— Уж лучше входите,— сказала она, неприязненно усмехнувшись.— Только ничего не воображайте, ладно? Ведь этот наряд — просто мой рабочий костюм.

Я пошел за ней следом. И по мере того как продвигался в глубь квартиры, атмосфера вокруг все больше и больше насыщалась тяжелыми ароматами.

Похоже было, что где-то за углом курят ладан.

Салон оказался столь же американским, как и красотка, которая меня встретила. Прекрасный белый ковер из бараньих шкур покрывал пол. Сверху небрежно были разбросаны плюшевые пуфики. Никаких стульев.

На одном из пуфиков сидел мужчина с кальяном в руке. Такие штучки я раньше видел только в мультфильмах. Я плохо различал детали, так как шторы были плотно задернуты и в комнате царил полумрак. Но каждый раз, когда этот человек склонялся над своим агрегатом, дым, проходя через воду, вызывал там какое-то неприличное бульканье.

— Это Дэнни Бойд,— сказала одалиска.— На мой взгляд — это пошляк с извращенным умом, но, наверное, вам от него что-то нужно?

— Вы действительно Осман-бей? — с любопытством спросил я.

Мужчина заботливо потрогал редкую бородавку, которая, казалось, вот-вот отклеится. Отблеск интереса зажегся в его черных глазах.

— Присаживайтесь, мистер Бойд,— сказал он, указывая мне на один из пуфиков.

Я неловко уселся и замер, ожидая, пока он затянется очередной раз из своего наргиле.

Чтобы дым прошел по всем закоулкам прибора и попал в рот, нужно, оказывается, немало времени. Я воспользо-

вался им, чтобы внимательно рассмотреть этого человека. На нем был скверный черный парик с длинными жирными волосами, голубая шелковая рубашка, скрывающая громадный живот, и желто-зеленые панталоны в обтяжку. Голые стопы у него были длинные и тонкие, как у женщины. Серебристый лак покрывал ногти. В целом он имел вид страдающего одной из тех болезней, о которых не принято говорить вслух.

— Я Осман-бей,— выпуская, наконец, клуб ароматного дыма, объявил он таким тоном, как будто произносил откровение.— Добро пожаловать в мой дом.

— Премного благодарен,— пробормотал я.

— Селина,— хлопнул он в ладоши,— кофе.

— Сегодня, значит, большой праздник? — усмехнулась одалиска.

Она направилась к двери, покачивая бедрами. Я не мог больше сдерживать любопытство.

— Эта Селина... э... она ваша жена? — спросил я, безуспешно стараясь придать своему вопросу характер обычной вежливости.

Осман-бей вздрогнул от ужаса, потом глухо откашлялся.

— Вы шутите, мой друг? Я получил ее в уплату карточного долга.

— И ей не надоело служить средством платежа?

— Селине безразлично, как зарабатывать на жизнь,— ответил он уклончиво.— В моей стране в добрые старые времена я бы два-три раза в день колотил ее палками, чтобы вылечить от лени.

— Палками?

— Да,— сказал он.— А вам не кажется, что мы стали слишком цивилизованными?

Вернулась Селина и поставила перед нами крошечные чашечки с кофе. Я машинально отхлебнул оттуда, и рот мой наполнился какой-то горькой грязью. Желудок сразу же запротестовал, и меня затошнило.

— Ах,— вздохнул Осман-бей, удовлетворенно цокая языком.— Турецкий кофе, настоящий турецкий кофе!

— Вместе с сэндвичами это действительно здорово,— добавила Селина, глядя на меня с непонятной садистской радостью.

Мое горло прореагировало на это замечание каким-то конвульсивным заглатыванием, желудок запротестовал еще активнее и оказался где-то высоко в груди.

Осман-бей отставил пустую чашку и меланхолично посмотрел на меня.

— Представляете, что это такое? А теперь перейдем к серьезным вещам, друг мой,— продолжил он, тяжело вздохнув.— Жизнь моя исковеркана. Если вы мне не поможете, позор и бесчестие ждут меня.

Я услужливо предложил:

— Быть может, стоит начать с нормального кофе, вместо...

— Сейчас не время для шуток,— заметил он с глубоким вздохом.— Мой компаньон и большой друг Абдулл Мюрад послал мне свое самое дорогое сокровище. Положившись на Аллаха и на меня, он надеялся, что с ним ничего не случится, и... я его предал.

Некоторое время казалось, что он вот-вот расплчется.

— Друг мой, я рассчитываю на вашу ловкость и талант и надеюсь, что вы найдете это сокровище, прежде чем друг и компаньон обнаружит исчезновение.

— А что это за сокровище?

— Это его дочь Марта,— проговорил он, едва сдерживая слезы.— Настоящая жемчужина и единственная наследница. Без нее жизнь Абдулла Мюрада не имеет смысла. И если он узнает, что она пропала, моя собственная жизнь тоже ничего не будет стоить. В гневе он ужасен. Ведь он — прямой наследник Османов, тех, которые правили мечом и огнем. Если все раскроется, я погиб! — закончил он, решительно щелкая пальцами.

— Давайте по порядку. Как вы ее потеряли?

— Она прилетела самолетом, отправилась в отель, позвонила оттуда мне и сказала, что будет здесь через час,— объяснил он.— Я ожидал ее, счастливый от мысли, что под своей убогой кровлей буду принимать единственную дочь-сокровище своего компаньона и большого друга. Она не приехала. Тогда я позвонил в отель и узнал, что уехала она полчаса назад, не оставив адреса. К ней пришли двое мужчин и забрали ее с собой. Возможно единственное объяснение,— продолжал он,— Марту Мюрад похитили.

— Это произошло сегодня утром?

— Нет. Четыре дня назад. Я мучаюсь уже восемьдесят шесть часов с лишним.

— Полиция не может ее найти?

— Во всех этих переулках, среди башен и минаретов Манхэттена,— заявил он,— девушка может потеряться навечно.

— Вы хотите сказать, что не сообщили об ее исчезновении в полицию? — не мог я удержаться от упрека.

— Мой дорогой друг, мне нужен более компетентный в таких делах человек, чем полиция, — ответил он. — Мне нужны вы. Я собрал о вас сведения. Дэнни Бойд — частный детектив и величайший пройдоха. Для дочери своего старого компаньона и друга я должен сделать все, что в моих силах.

— И вам понадобилось целых четыре дня, чтобы прийти к такому заключению? — спросил я, не скрывая удивления.

— Я надеялся, что она позвонит и объяснит, что с нею случилось. — Он улыбнулся. — В конце концов я решил, что, раз она не приехала и не подает признаков жизни, мне следует ее найти так или иначе. Вот почему я и обращаюсь к самому известному детективу Нью-Йорка.

— Она приехала в США обычным способом... легально?

— Да, конечно! Приехала как турист на несколько недель, с визой, к компаньону отца.

— Что же она привезла?

Несколько секунд он был занят тем, что ласкал свою бороденку, потом, наконец, пожал плечами.

— Вы довольно проницательны. Теперь я вижу, что правильно сделал, обратившись к вам, мистер Бойд. Да, она мне действительно кое-что привезла... Подарок от моего компаньона, небольшой подарок, который должен был подчеркнуть моральные и духовные узы, связывающие нас так долго. Это довольно редкая и очень ценная вещь, мистер Бойд. Оригинальное издание «Баязета» Расина в переводе Юсуфа Камила-паши.

— Ах, так, — сказал я, скорее разочарованно.

— Эта книга уникальна.

— Может быть, — предположил я, — несколько сот граммов героина в переплете сделали ее еще более уникальной?

— Героина?

Щеки его задрожали.

— Эти гнусные наркотики? Я ни за что...

— А что же тогда? — спросил я язвительно.

Осман-бей пожал массивными плечами и недоверчиво улыбнулся мне.

— Э... может быть... несколько маленьких бриллиантовых, мистер Бойд, в бриллиантах, я думаю, нет ничего непорядочного...

— И сколько же этих маленьких камешков спрятала Марта в столь редком издании?

— Здесь можно только предполагать, — ответил он, почти извиняясь. — Я бы оценил их приблизительно... скажем... ну, в двести тысяч долларов.

— Значит, ее похитили, зная об этом, — сказал я сурово. — Они были уверены, что девушка не осмелится обратиться к фликам, потому что камни ввезла в страну тайком. Я не стал бы держать пари на то, что с ней могло случиться за эти четыре дня, но на что угодно готов поспорить по поводу бриллиантов... Здесь все ясно.

— Человек полагается на Аллаха и живет в надежде, — проговорил Осман-бей со лживой горячностью. — Я заплачу вам, мистер Бойд, за то, что вы найдете эти бриллианты и, разумеется, девушку. Вам нужно только попытаться, ведь ваш успех или неудача в руках всевышнего. И никто не сможет сделать большего.

Я пробормотал:

— Но если это будет сопровождаться банкнотами, человек сможет.

Он закрыл глаза и несколько секунд предавался размышлениям.

— Пять тысяч долларов задатка и еще десять тысяч, если вы найдете бриллианты и девушку... Ведь за такую сумму можно постараться, не правда ли, мистер Бойд?

— Правда, — мгновенно ответил я, не давая ему времени изменить решение.

— Селина, — кричал он, щелкая пальцами, — неси деньги.

Вернулась одалиска и протянула мне конверт.

Я открыл его и внимательно пересчитал хрустящие стодолларовые бумажки.

Их было ровно пятьдесят.

— В одном только отеле ничего интересного не узнать, — сказал я. — Таким образом, вы хотите, чтобы я занялся расследованием, которое полиция сделает значительно лучше и быстрее меня? Проверка в госпиталях, моргах и так далее. То есть — полная работа, да?

— Я не думаю, чтобы дочь моего компаньона и друга была больна или мертва, — сказал он уверенно. — Я уже говорил, что скорее всего ее украли, похитили, чтобы доставить мне неприятности и лишить бриллиантов. Как только похитители до них доберутся, думаю, что Марта перестанет их интересовать и ее выпустят. Поэтому прежде

всего, мистер Бойд, вам нужно найти ее, а там найдутся и мои драгоценности.

— Хорошо, но вы до сих пор не дали мне никакой зацепки. Кто знал о том, что в переплете книги спрятаны камни? Прежде всего ваш компаньон, Абдулл Мюрад, поскольку он их вам и послал. Затем вы сами, поскольку знали, что Марта должна их привезти. Кроме вас двоих, кто еще был информирован настолько, чтобы организовать похищение девушки и камней через два часа после прибытия их в Нью-Йорк?

Осман-бей виновато посмотрел на меня.

— Магомет сказал: лучшие из женщин те, которые умеют довольствоваться немногим. Я таких еще не встречал, мистер Бойд! У меня есть слабость к... восточным танцовщицам. Танец живота, понимаете? Я говорю об одной артистке, с которой познакомился несколько месяцев назад. У нас то, что вы называете... связь. Я кое в чем доверился ей, и теперь мне кажется, напрасно. Ее зовут Лейла Зента.

— Полагаю, вы рассказали ей о том, что произошло?

— Почему вы так думаете? — вздохнул он, картинно пожимая плечами. — Раз она предала меня, неужели я снова буду ей доверять? Нет, я ее ни о чем не спрашивал, может быть, вы этим займетесь?

— А где ее найти?

— Она работает в клубе «Оттоман».

— Хорошо. А кроме Лейлы есть еще кто-нибудь?

— Нет, — заверил он, энергично качая головой. — Это наверняка Лейла, друг мой.

— Я наведаюсь к ней сегодня вечером и скажу пару слов, а завтра отчитаюсь о проделанной работе.

Раздалось аппетитное бульканье. Мой собеседник снова принялся за свое наргиле.

— Наверное, — произнес он наконец, — лучше мне самому позвонить вам завтра днем, мистер Бойд.

— Как вам угодно.

— Селина вас проводит.

Он осторожно потрогал свою бородку.

— Желаю успеха, да поможет вам Аллах.

— Попасть на танец живота?

— Аллах именно с живота начал создавать мир, — сказал он глубокомысленно, — и танец, посвященный этому органу, — дань уважения создателю.

— Вам бы следовало стать адвокатом, — ответил я ему.

— Мне следовало не раскрывать рта с моей малышкой.

Тогда бы я избегал всех этих неприятностей с дочерью моего компаньона и бриллиантами.

Я направился к двери. Прекрасная рабыня раскрыла ее передо мной и глубоко вздохнула.

Я слегка повернул голову, чтобы она в полной мере смогла насладиться блестящим совершенством моего профиля.

— Вы даже не рассказали мне о том, что вас тревожит,— сказал я сочувственно.

— Его интересуют только те, кто умеет исполнять танец живота,— грустно ответила она.— И тут ничего не поделаешь: он никак не хочет ни подниматься, ни опускаться.

— Кто не хочет?

— Мой пупок, черт возьми. А вы о чем подумали?

— И из всех ваших трудностей вы рассказываете только об этой? — удивился я.

— А его это только и волнует,— ответила она, показывая пальцем в салон.— Я обошлась ему в тысячу долларов, и он утверждает, что за такую сумму мог получить постоянную настоящую исполнительницу танца живота. А у настоящей пупок должен и подниматься, и опускаться.

Я позволил ей насладиться своим профилем справа, но эффект снова оказался не на высоте. Одно из двух: либо мысли о пупке мешали ей оценить мою красоту, либо она была совершеннейшая дурочка. Я благородно предложил ей помощь:

— Селина, милая, если хотите, я время от времени могу приходить помогать вам тренироваться.

— Убирайтесь,— ответила она ледяным тоном.— У вас достаточно и своих проблем, стоит только посмотреть, как вы вертите своей головой в разные стороны, будто метроном.

Глава 2

Клуб «Оттоман» — одно из наиболее жалких следствий моды на танец живота, которая обрушилась на Америку два или три года назад. Он находится в Западном Бродвее около 40-й улицы.

Внешне клуб напоминает морг. Внутри ненамного лучше: свет тусклый, выпивка сомнительная, кухня подозрительная.

В тот же вечер, в десять часов, я был в клубе и

в ожидании начала представления, назначенного на одиннадцать, жадно проглотил два «бурбона».

Представление состояло из целой серии номеров танца живота. Все исполнительницы были похожи друг на друга, животами вращали одинаково и оставили меня совершенно холодным.

Наконец объявили Лейлу Зента с номером «Экзотический танец».

Лейла оказалась блондинкой с длинной, почти до бровей, челкой. Волосы с обеих сторон лица спускались до самых плеч. У нее была физиономия скорее задорная, чем чувственная, и она казалась очень тонкой и хрупкой, что составляло приятный контраст с чрезмерными округлостями ее подруг. Однако тощей ее бы не назвал даже близорукий.

Танец, который Лейла исполняла в костюме, состоящем из трусиков и двух звездочек, приклеенных к соскам добротных грудей, был скорее эротическим. Но по сравнению с бесконечными вращениями пупков, которые предшествовали ее выступлению, он показался мне утонченным и возвышенным.

Услышав жидкие аплодисменты по окончании номера, я понял, что среди всех этих болельщиков пупка нахожусь в меньшинстве.

Блондинка поклонилась, бросив на зрителей неприязненный взгляд, и быстро исчезла. Ее тут же сменила следующая виртуозка живота — Ишка из Стамбула.

Увидев первое движение танцовщицы, я решил, что турки, по всей видимости, выдворили ее из своей страны.

Я сделал знак гарсону. Кажется, для него Ишка была квинтэссенцией всего лучшего, что есть в Турции.

— Еще один «бурбон» со льдом? — буркнул он.

Я доверительно прошептал ему в ухо:

— Знаешь, папаша, я — игрок, могу спорить о чем угодно.

— А я ничего не имею с этим общего, — ответил он с похоронным лицом. — И ваши интересы меня не занимают.

— Готов спорить на десять долларов, — продолжал я, — что, если попрошу вас отвести меня в раздевалку Лейлы Зента так, чтобы этого никто не видел, вы не ответите, что я сошел с ума.

— Вы сошли с ума.

— Значит, я проиграл.

Я протянул ему банкноту в десять долларов, и он сразу же потерял интерес к пупку Ишки.

— Хотите еще поспорить?

— Конечно.

По его интонации я понял, что в чудеса он не верит, но, в конце концов, наплевать на это.

— Может быть, на то же самое?

— Почти.

Я одобряюще ему улыбнулся.

— Теперь спорю на пятьдесят долларов, что, если я попрошу вас провести меня в раздевалку Лейлы так, чтобы этого никто не видел, вы скажете, что могли бы это сделать... за шестьдесят?

— Точно!

Он вздохнул.

— Чем вы занимаетесь в жизни, старина? Вы ясновидящий? Двадцать долларов задатка.

Я протянул ему две банкноты по десять долларов.

— Остальные — если мы туда попадем.

— К вашим услугам.

Он едва не оторвал мне пальцы вместе с деньгами.

— Видите дверь на кухню? — Подбородком он показал мне через зал. — Вам нужно прогуляться в том направлении и подождать, пока я управлюсь. Согласны?

Я пошел. Все были слишком поглощены вращениями Ишки, чтобы обратить на меня внимание, и за три перехода я оказался у двери в кухню.

Прошла пара бесконечных минут, потом мимо меня прошмыгнул гарсон и сделал знак следовать за ним.

Мы пересекли кухню. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы я поздравил себя с тем, что всегда завтракал и обедал в другом месте.

Потом вышли в узкий и грязный коридор, повернули налево, затем направо и уперлись в дверь, украшенную надписью «Мисс Зента», нацарапанную мелом. Мы осторожно постучали.

— Кто там? — спросил резкий женский голос.

— Здесь один тип хотел бы вас видеть, мисс Зента, — объяснил гарсон.

— Зачем?

— Вы слышали, что сказала дама? Так зачем же?

— По поводу одного ее друга, — объяснил я, — по имени Осман-бей.

Гарсон поблагодарил меня кивком головы и громко повторил это.

Через некоторое время девушка ответила:

— Пусть немного подождет, я переодеваюсь.

— Дело сделано, старина,— прошептал мне гарсон.

Я отдал ему то, что обещал, и он поспешно исчез.

Я переминался с ноги на ногу и курил до тех пор, пока голос танцовщицы не пригласил меня войти.

Комнатка была очень маленькая. В ней с трудом помещались зонтик, стоящий в углу, вешалка и туалетный столик с зеркалом. Сидя перед этим зеркалом, Лейла снимала грим.

Когда она сказала, что переодевается, я подумал, это должно означать одевание, однако теперь на Лейле был только белый бюстгальтер и крохотные розовые трусики. Она казалась более соблазнительной, чем в свете прожекторов. Во мне затеплилась надежда. Судя по тому, как она меня пригласила, дело могло принять иной оборот... скажем, сладострастный. Я считаю, что такими должны быть все мои дела.

— Ну? — довольно неприязненно спросила она резким голосом.

— Меня зовут Дэнни Бойд,— сказал я, показывая ей свой левый профиль.

— И вы считаете, этого достаточно, чтобы прийти ко мне?

Я призвал на помощь все свое терпение, чтобы объяснить ей ситуацию.

— Я разыскиваю одну девушку по имени Марта Мюрад. Ваш друг Осман-бей думает, что вы могли бы меня просветить по этому вопросу.

— Что все это означает? Я никогда не слышала о таком человеке,— ответила она почти любезно.— А вы кто такой? Пробрались в мою раздевалку специально, чтобы рассказать эту историю? Мне достаточно только крикнуть вышибалам, и вас вышвырнут вон. Понимаете? Если я закричу, вас избыют и смешают с грязью. Или вы сомневаетесь?

Не дрогнув, я возразил:

— Дорогая! Об этом нужно было думать, когда я находился по ту сторону двери, в коридоре. Гарсон же сказал вам, что я пришел по поводу вашего друга Османа-бея. Если вы не знаете его, тогда и нужно было звать на помощь. Но ведь вы этого не сделали, а?

Она медленно повернулась на стуле, и мы оказались лицом к лицу.

— Я вам повторяю,— произнесла она, пожимая плеча-

ми,— что не знаю никакого Османа-бея. Но раз вы утверждаете обратное, пусть будет так. Тогда объясните, кто вам об этом рассказал?

— Он сам, конечно.

— Сам?

Ее глаза слегка расширились.

— Когда?

— В полдень, моя милая, в своей квартире на Саттен-пласс.

— Сегодня в полдень? — казалось, ее глаза сейчас вылезут из орбит. — Это невозможно.

— Почему? — Теперь наступила моя очередь подавать реплику в этом скетче для умственно недоразвитых.

— Потому что он... Ай!

Она вскочила со стула.

— Эта дуручка, наверное, везде разбросала булавки. Я только что на одну села.

Опершись на спинку стула, она согнулась и попросила:

— Взгляните, пожалуйста, она где-то воткнулась в мои трусики.

Тонкий шелк натянулся на ее ягодицах.

Я оглядел общую картину и пришел к выводу, что единственным результативным методом может быть исследование каждого квадратного сантиметра. Это, конечно, займет много времени, возможно, даже полчаса, но зато это будет добросовестная работа.

К сожалению, едва я приступил к осмотру, как почувствовал, что в мой левый бок уперся ствол пистолета.

— А ну-ка расскажи еще раз о своем визите к Осману-бею сегодня в полдень.

Все ясно. Этот тип мог появиться только из-за зонтика, который стоял в углу. Но в любом случае сейчас было явно не время предаваться подобным размышлениям.

Лейла Зента выпрямилась и повернулась ко мне, насмешливо улыбаясь.

— Вот олух! — воскликнула она. — Я прекрасно знала, что это самый надежный способ помешать ему увидеть тебя в зеркале за моей спиной.

— Лейла, а вы не представите мне своего друга? — спросил я все еще оптимистично. — И скажите ему, что его пистолет меня немного нервирует.

— Да, конечно, — ответила она, продолжая улыбаться. — Это Франсис Ломакс. Он владелец.

— Чего?

— Клуба «Оттоман»... — начала было она.

— И всего, что в нем,— прервал ее грубый голос за моей спиной,— а также и палец, который лежит на спусковом крючке. Обернись, размазня!

Я повиновался и услышал, как стул Лейлы скрипнул сзади по паркету.

С первого же взгляда Ломакс не внушил мне доверия. Здоровяк лет сорока, блеклый блондин с угрюмыми глазами, которые были глубоко спрятаны под кустистыми бровями. Тонкий рот кривила неприязненная улыбка, относящаяся ко всему миру, не исключая и меня.

— Почему ты не садишься, когда дама предлагает, Бойд? — спросил он.

Доля секунды — и ствол пистолета ударил меня в солнечное сплетение. В тот момент, когда мои ноги сгибались в коленях, Ломакс опять дулом пистолета ударил меня между глаз. Я свалился на стул, который так заботливо поставила Лейла за мной мгновением раньше.

Комната поплыла перед моими глазами. Меня начало подташнивать.

— Спокойно, Бойд, спокойно,— проговорил голос Ломакса. Он слышался откуда-то издалека и казался почти ласковым. — Мы просто поговорим вдвоем, побеседуем на чистоту.

Лейла обошла вокруг стула и встала рядом с Ломаксом, глядя на меня с очевидным неодобрением, судя по ее ледяным серым глазам.

— Мне кажется, его содержит одна из этих старых денежных дам с Парк-авеню, для которых он смешнее пуделя. Как ты думаешь, Фрэнк, он умеет стоять на задних лапках и любезно тявкать?

— Думаю, он сразу затавкает.

— Давай, Бойд, кончай шутки, милый,— нежно проговорила Лейла.

Боль в желудке немного притихла, но между глаз еще болело. Я не в состоянии был ни оценивать их шутки, ни протестовать, поэтому ограничился тем, что осторожно повторил:

— Я разыскиваю девушку по имени Марта Мюрад. Осман-бей посоветовал мне найти Лейлу Зента... и вот я здесь!

Ствол пистолета стукнул меня по кончику носа, и на глаза навернулись слезы.

— Не пытайся провести меня, Бойд,— проговорил Ломакс,— таких, как ты, я укрощал дюжинами. Тебя послал Корли?

— Корли? — переспросил я, стискивая зубы. — Но я не знаю никакого Корли.

— Ладно, продолжай играть в «оловянных солдатиков», — проговорил он медленно, — а я выброшу тебя в залив, и по течению ты приплывешь однажды на пляж Корли. Но когда всплывешь на поверхность, Бойд, твое тело хорошо набальзамируют, уж это я обещаю.

— Послушай, Фрэнк, милашка, — сказал я, — надеюсь, ты не обижаешься, что я так тебя называю, ведь мы уже подружились. Видишь ли, если бы я только знал, о чем ты говоришь, то сразу бы тебе все рассказал.

Некоторое время, которое мне показалось вечностью, я думал, что придется еще раз получить по носу.

Но Ломакс, кажется, успокоился.

— Хорошо, — сказал он, — в конце концов это не имеет значения. Когда ты вернешься, то передашь этому куску сала, что следующий его посланец, который сунет нос в наши дела, будет отправлен обратно ногами вперед.

— А этот? — взволнованно спросила Лейла. — Ты его просто так отпустишь?

— Я пошлю его к Корли как предупреждение, — уточнил Ломакс, улыбаясь. — Не в виде трупа, а так, немного пощипанным...

— Я бы могла помочь пощипать, — предложила блондинка.

— Ну конечно. Почему бы и нет, — согласился он.

В дверь внезапно постучали. Ломакс раздосадованно нахмурился.

— Оставьте меня в покое, я занят! — закричал он.

— Это я, Ломакс, Джулиус Керн. Я хочу с тобой поговорить.

Даже через закрытую дверь был слышен металлический тембр голоса. Дверь резко открылась. На пороге появился человек, как будто сошедший с рекламы модного журнала, около сорока лет, высокий и стройный, весь его внешний вид свидетельствовал о врожденной привычке властвовать. Густые черные волосы были коротко подстрижены. В карих глазах читалось хладнокровие и мужество. Его лицо можно было бы назвать даже красивым, если бы не белесый шрам, который придавал ему выражение постоянной усмешки.

— Я занят, Джулиус, — пробормотал Ломакс. — Мы не могли бы встретиться в другое время?

— В другое время? — произнес вновь вошедший тем самым металлическим голосом, который так легко прони-

кал через преграды. Он посмотрел на свои платиновые часы с толстым браслетом и угрожающе улыбнулся.

Было ясно, что Ломакс не любит этого человека.

— В другое время? — повторил вошедший. — Если Джулиус Керн заявляет, что нам нужно поговорить, ты должен слушать, Фрэнк. Это не так уж и сложно.

— Да, я знаю, — невнятно пробормотал Ломакс. — Это... — Он указал на меня пистолетом. — Я очень сейчас занят, ты же видишь.

Керн ногой захлопнул дверь.

— Мне не хотелось бы выглядеть человеком, с которым нельзя договориться, Фрэнк.

Тусклый взгляд медленно стал раздевать Лейлу. Щеки ее покраснели, в глазах появился испуг.

— Тогда постарайся побыстрее избавиться от этого типа, а я пока поразвлекаюсь с девчонкой, подходит?

— Нет! — закричала Лейла.

— В чем дело, малышка? — спросил Керн, адресуя ей улыбку. — Ведь ты выступаешь в кабаке, не так ли? Ты сейчас как раз в форме и...

— Хорошо, Джулиус, — глухо произнес Ломакс. — В конце концов, это дело может подождать... О чем ты хотел со мной поговорить?

— Я получил ответ из Италии, — объявил Керн спокойно. — Патрон приказал тебе выкручиваться.

— Что... Он!.. — Лицо у Ломакса исказилось. — Он не может со мной так поступить, Джулиус. Я ничего не получал... Он это знает хорошо.

— Патрон сказал, что он сделал все, о чем ты его просил, и теперь твоя очередь. Ты можешь относиться к этому как хочешь, но его слово не изменится.

— Он не смеет так со мной поступать, — повторил Ломакс. — Я не могу, ты слышишь, Джулиус!

— У тебя такая громадная пасть, Фрэнк, — бросил Керн, не прекращая улыбаться. — Если она будет постоянно открываться, кто-нибудь ее закроет... Например, пулей из охотничьего ружья!

— Ты злишься, дорогой, — дрожащим голосом пролепетала Лейла. — Это ни к чему.

— Я хотел бы сказать шефу пару слов, — произнес Ломакс.

— Ты? Ему? Скажешь пару слов? Этого никто не может, Фрэнк. Говорит патрон, а ты — ты слушаешь. Он говорит, что ему надоело ждать. Он и так был достаточно

терпелив с тобой. И теперь дает тебе сорок восемь часов на завершение работы. Понятно?

— Боже мой! Он прекрасно знает, что я делаю все возможное,— закричал Ломакс.— Ты ведь тоже это знаешь, Джулиус.

— Патрон говорит, что ему нужен товар или его стоимость... наличными,— продолжал Керн, как будто не слышал ни единого слова из того, что говорил Фрэнк.— Ты можешь крутиться как хочешь, ему на это наплевать.

— Но у меня нет такой суммы.

Керн поправил галстук. Скромные продольные полосы его наверняка имели цвета какого-нибудь избранного клуба британской гвардии. Затем он слегка пожал плечами.

— Патрон сказал: «Если у него нет ни товара, ни денег, мне придется принять меры».

С этими словами Керн поднял руку, указательным пальцем изобразил пистолет, как это делают дети, прицелился им в Ломакса и произнес: «Пах-пах».

— Вы не посмеете! — завопила Лейла.

— Ты шутишь? — спросил он у девушки очень серьезно.

— Это несправедливо,— застонал Ломакс.— Ты слышишь меня, Джулиус?

Керн вдруг потерял интерес к разговору и осмотрелся. Увидев меня, он спросил:

— А это что такое?

— Да так, ничего,— неприязненно прохрипел Ломакс.— Это частный детектив, заявился сюда кое о чем узнать.

— Достаточно,— небрежно прервал его Керн.— А он не такой уж и противный. Я впервые вижу частного детектива.

— Это, наверно, потому, что до сих пор вам попадались детективы... без лицензии, а не такие парни, у которых она есть, как у меня.

Он на мгновение замер.

— Значит, насколько я понимаю, вы частный детектив-профессионал?

— Не обращай на него внимания,— вмешался Ломакс,— он все время врет.

— Заткнись,— бросил Керн, не повышая голоса, затем добавил:

— Но каждый частный детектив обязательно должен иметь клиента, не так ли?

— И клиенту моему кажется, что Ломакс украл не

только дочь его компаньона, но и, кроме того, значительную сумму в бриллиантах,— ответил я.

— Ты продолжаешь нести чушь, Бойд,— заорал Ломакс, поднимая пистолет и намереваясь, видимо, еще раз ударить меня по кончику носа.

— Остановись,— проговорил Керн.— Я хотел бы послушать его немного, Фрэнк. Все это начинает меня интересовать.

Рука Ломакса с пистолетом медленно опустилась вниз. А сам он злобно посмотрел на Керна, точнее, на иллюстрацию из журнала мод, которая стояла у двери.

Я подумал, что сейчас наступил наилучший момент, которым необходимо воспользоваться, ибо ближайшее будущее, кажется, не сулило мне ничего приятного.

Я собрал все свои силы и встал со стула. Правой рукой схватился за дуло пистолета, и вывернул его в сторону, а выпрямленными пальцами левой руки ударил Ломакса в солнечное сплетение. Тот отступил назад, переломился пополам, и лицо его стало серым. Я быстро вырвал у него пистолет.

Г л а в а 3

Лейла Зента не шевельнулась. Вытаращив глаза, она замерла на месте, как статуя.

Но она меня не беспокоила, ведь я уже имел возможность убедиться, что на ней не спрятано никакого оружия, во всяком случае, оружия классического типа. Меня скорее тревожил Джулиус.

— Фрэнк опустился... Его реакция ничего не стоит,— заметил он почти ласково.— Все эти бабы с их танцами живота, должно быть, очень утомительны.

Говоря это, он попытался незаметно засунуть руку под пиджак.

— Надеюсь, вы не хотите залиться кровью? — любезно осведомился я.

Его рука замедлила свое скрытое движение и мягко опустилась вниз.

— Для частного детектива вы слишком подозрительны,— заметил он небрежно.

— Меня зовут Бойд. Дэнни Бойд.

— Это легко забыть.

Фрэнк Ломакс тяжело выпрямился и одарил меня

взглядом, обещающим кровавую расправу при первой же возможности.

— Почему бы тебе не сесть, Фрэнк,— сказал я, показывая револьвером на стул, который только что освободил.— Ты имеешь вид смертельно уставшего человека.

Он что-то забормотал, и я прекратил эти высказывания, ударив по кончику носа стволом его собственного пистолета.

Он находился в «тушэ», как говорят французы. Это одно из немногих слов на языке Мольера, которые я знаю. Познакомился с ним, заработав оплеуху от одной француженки, которая, оказывается, улеглась со мной просто потому, что у нее ноги болели от мозолей.

— Ну,— сказал Керн, слегка пожимая плечами,— меня, в общем-то не интересуют ваши дела, думаю, вы их сами можете решить. Поэтому, если не возражаете, я, наверное, лучше уйду.

— Не спешите, Джулиус,— сказал я, подчеркивая свои слова выразительным движением пистолета.— Останьтесь еще на минуту. Вы не будете скучать. Зрелище стоит того, чтобы его посмотреть. Возможно, я даже заставлю этого brave Фрэнка проглотить несколько собственных зубов.

— Попробуйте только его тронуть, сволочь! — сказала Лейла.— Если вы только пальцем коснетесь...

— Без нужды такого не будет, милая. Просто я считаю, что он спрятал Марту Мюрад, и желаю узнать, где. Все, чего я хочу от тебя, дорогуша,— чтобы ты отвел меня в это место. Тогда операция пройдет безболезненно. Гарантирую.

После этого Ломакс высказал несколько интересных, но совершенно нереальных предположений относительно того, что бы он со мной сделал, если бы...

На этот раз я прекратил его излияния, ударив по горлу. Лейла завопила так, будто с нее сдирали шкуру. Это случилось как раз вовремя, поскольку голосовые связки Фрэнка были парализованы.

Керн наблюдал за этой сценой равнодушно, будто видел такое каждый день.

— Милая,— сказал я, улыбаясь блондинке,— я очень несговорчивый человек, и если он не сделает того, о чем его просят, я могу и разозлиться.

В ее глазах я прочитал все, что бы она хотела сделать с моим прошлым, настоящим и будущим, если бы у нее была возможность перестроить их на свой лад.

— Нехорошо сердиться,— сказал я спокойно.— Поче-

му бы тебе не посоветовать ему быть благоразумным? Ты слишком миленькая девушка, чтобы таскать за собой такого типа, который теперь к тому же вообще все потерял.

На мгновение она закрыла глаза. Потом проговорила слабым голосом:

— Фрэнк, ты же знаешь, что он не шутит... у тебя нет выбора.

Ломакс захрипел и энергично затряс головой.

— Ну так что? — сказал я, медленно поднимая пистолет.

— Подождите, — сказала Лейла. — Вы ошибаетесь, Бойд. Я могу это доказать.

— Как?

— Я покажу вам то, что он действительно здесь прячет.

— Ты думаешь, это выход? — воскликнул Джулиус своим металлическим голосом.

— Не могу же я сидеть сложа руки, пока Фрэнк будут резать на куски, — гневно возразила она. — Может, вам бы и хотелось увидеть его избитым, а мне — нет. Ну как, Бойд, вы согласны?

Ломакс забулькал что-то невразумительное, но тем не менее я понял, что он явно ее не одобряет.

— Согласен, Лейла. Но если ты...

— Мне нужен халат, — заявила она, подошла к шкафу, открыла дверцу, вытащила оттуда блестящий черный халат и надела его.

— У тебя есть ключ от шкафа? — спросил я.

— Конечно. — Она, кажется, была удивлена таким глупым вопросом.

— Тогда оставь его пока открытым. Это как раз то самое место, где Фрэнк будет выздоравливать.

Ломакс зло посмотрел на меня. Затем поднялся и залез в шкаф.

Я подождал, пока он туда втиснется, и глянул на Керна.

— Я прошу вас о двух вещах, Джулиус, — сказал я уже более вежливо. — Достаньте свою пушку и бросьте ее на пол. А потом присоединяйтесь к Фрэнку в шкафу, согласны?

— Постарайтесь не переусердствовать, Бойд, — пробормотал он.

— Не более, чем это нужно, Джулиус, — сказал я сердечно.

Какое-то мгновение он колебался, затем пожал плечами, и через несколько секунд его пистолет лежал на полу.

Я не сводил с Джулиуса глаз до тех пор, пока он не присоединился к своему другу.

Как только они оба оказались в шкафу, я приказал Лейле запереть дверцу на два оборота и ключ отдать мне.

Она сунула его в мою руку, сохраняя на лице непроницаемое выражение.

— Ну что, пошли? — спросила она.

— Да, конечно, милая. Я иду за тобой. Но ни слова по дороге. Договорились?

— Об этом можно не предупреждать.

Мы вышли из раздевалки. Я заботливо запер за собой дверь на ключ и пошел за Лейлой по тесному коридору. Остановились мы перед дверью, которая выглядела как бронированная. В самой середине ее я заметил какую-то штучку и остолбенел. Даже внимательно осмотрев ее, я не поверил своим глазам.

— Вот это да! Замок с секретом, — сказал я недоверчиво.

— Да, это подвал для вин, — объяснила мне Лейла. — Фрэнк решил, что кто-нибудь все равно сможет сделать дубликат ключа, а теперь, когда только трое знают шифр, в случае кражи всегда можно найти виновного.

— С таким пойлом, которое Фрэнк подает в своем кабаке, — сказал я, — дверь можно оставлять открытой настежь. Этих бутылок никто не коснется, даже если их будут раздавать даром.

— Иногда этот подвал служит для хранения и других вещей, — сказала Лейла.

Она принялась набирать шифр. Внутри что-то щелкнуло, и дверь открылась.

— Иду за тобой, лапочка, — сказал я со свойственной мне галантностью.

Она спустилась вниз, я последовал за ней.

Подвал представлял собой помещение размером примерно шесть на шесть метров, слабо освещенное засиженными мухами лампочками, подвешенными к потолку. У стен стояли корзины с бутылками. Некоторые бутылки были покрыты толстым слоем пыли и паутины. Можно было подумать, что они хранятся здесь с тех самых добрых старых времен, когда были приготовлены. В центре возвышалось беспорядочное нагромождение ящиков.

Лейла остановилась в конце лестницы и крикнула:

— Эй! К вам пришли!

Никто не ответил и никак не заинтересовался нами. Она повторила обращение. Никакого результата.

— Милая, если это была шуточка, ты скоро об этом пожалеешь,— процедил я сквозь зубы.

— Это не шутка,— ответила она с испугом.— Он должен быть где-то здесь, в каком-нибудь углу. В конце концов, он может спать.

Она прошла дальше, обогнула груды ящиков и замерла. Мгновение постояла там как пригвожденная, затем вскрикнула слабо, но резко. Одним прыжком я оказался рядом с ней.

— Вот. Это ваша вина,— прошептала она.— Пока вы запирали Фрэнка в шкафу, какой-то тип из банды Корли пришел сюда, чтобы...

Глаза ее полезли из орбит, и она упала у моих ног.

Это стало уже вторым телом, лежащим на полу подвала.

Если Лейла была в обычном обмороке, то ее компаньон определенно был мертв. Я опустился на колени и осмотрел его, осмотрел очень внимательно. Это был толстый коротконогий мужчина. Он лежал на спине, а как раз из того места, где дипломаты носят свои награды, торчала рукоятка ножа.

Судя по его отекавшей физиономии, выражающей жуткий страх, он принял смерть, не оказав ни малейшего сопротивления. Я быстро обыскал карманы, но ничего не нашел. Кто-то, наверное убийца, уже сделал то же самое, не оставив даже носового платка.

Когда я поднялся, Лейла слабо застонала и открыла глаза. Ее взгляд выражал одновременно испуг и ненависть. Я наклонился, чтобы помочь ей встать и замер на полдороге, услышав голос Ломакса. Он доносился от бронированного входа в подвал с верхней ступени лестницы.

— Ты думал, меня достаточно всего лишь запереть в шкафу, Бойд,— хрипло кричал он.— Я же не стану рисковать, закрывая тебя в шифоньер. А предпочту оставить на месте, в подвале.

Я немедленно ответил:

— Но у меня твой пистолет.

— Здесь же бронированная дверь, дурачок. Будь осторожен, опасайся рикошета, когда станешь стрелять.

— А я этого и не собираюсь делать,— сказал я весело.— К тому же я не спешу отсюда выйти... Твоя курочка составит мне хорошую компанию.

Лейла вскочила, вытаращив глаза.

— Фрэнк,— завопила она отчаянно,— не оставляй меня здесь!

— Не беспокойся, милая,— уверил ее Ломакс.— Со мной двое ребят, они спустятся сейчас.

— Лучше не рискуйте, если не хотите, чтобы вашей малышке стало плохо,— сказал я угрожающе.

Стало тихо. Ломакс обдумывал положение. Я подождал еще секунд тридцать и снова заговорил:

— Даю две минуты, чтобы вы освободили мне дорогу. Потом я поднимусь. Лейла проводит меня до дверей клуба. Если по дороге мне попадется хотя бы один из вас, твоей девке будет плохо.

— Фрэнк,— истерично закричала девушка,— сделай, как он говорит. Это убийца.

Снова наступила тишина. Ломакс переваривал новость. Наконец он прокричал:

— Согласен. Но ты мне за это заплатишь, Бойд. Я с тебя сдеру шкуру, даже если мне придется посвятить этому остаток моих дней.

Я посмотрел на часы.

— Даю тебе две минуты, и не забудь увести своих горилл, Фрэнк.

Он ответил таким ругательством, что я даже покраснел. После этого наверху стало тихо. Лейла, не шевелясь, глядела на меня. Она дрожала как осиновый лист, и невероятный испуг был в ее глазах.

Сейчас не время было объяснять, что я не имею ничего общего с убийцей этого типа, лежащего на полу. Если она принимает меня за убийцу или, по крайней мере, за его сообщника, значит, будет вести себя послушнее. В этом я был уверен, но сколько это будет тянуться? Мне обязательно нужно было знать.

— Как ты думаешь,— спросил я,— что сейчас делает Фрэнк?

— То, что вы ему сказали,— сразу же ответила она.— Или вы сомневаетесь?

— Значит, ты считаешь его порядочным человеком?

— Разумеется, Фрэнк порядочный. По правде говоря...

— Конечно, конечно,— сказал я,— именно так я и думал.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не надо беспокоиться. Раздевайся.

— Что?

— Тебе не ясно? Или ты предпочитаешь кончить, как он? — Я показал револьвером на труп мужчины.

Некоторое время она, видимо, собиралась спорить, но, еще раз взглянув на труп, утомилась.

Отвернувшись, она сняла халат, лифчик и ловко стянула розовые трусики. Все было сделано очень быстро и профессионально, как в соревновании на время.

Потом Лейла повернулась ко мне. И я отметил, что она превосходно сложена. Мне бы хотелось иметь чуть больше времени и обстоятельства менее волнительные, чтобы оценить ее настоящую прелесть.

— Хорошо, — сказал я. — Пошли.

Мы поднялись по лестнице. Лейла шла впереди. Я подталкивал ее дулом пистолета.

В коридоре никого не было. Мы беспрепятственно дошли до раздевалки Лейлы. Я помнил, что теперь попасть на кухню можно, повернув направо, а потом налево. Но моя экзотическая танцовщица имела, наверное, плохую память, так как вначале повернула налево.

— Стой! — сказал я ей. — На кухню не сюда.

Она послушно остановилась.

— Я думала, вы хотите пройти через черный ход.

— Даже если свое мнение об умственных способностях Фрэнка ты изменила, я этого делать не буду.

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

— А вот о чем. У меня нет никакого желания встречаться с его парнями, которые наверняка поджидают меня там. Поэтому пойдем через кухню.

Лейла задрожала. Ее голос поднялся на целую октаву.

— Через кухню! Совсем голой?!

— Тебе не из чего выбирать, — сказал я.

Перед дверью кухни она секунду сопротивлялась, но давление пистолета быстро преодолело ее преувеличенную стыдливость.

— Мне нужно только выйти из вашего кабака. А для этого всех надо как-то отвлечь, — объяснил я, лавируя между плитами и не обращая внимания на разинутые рты шеф-повара и нескольких служащих. — И ты мне в этом поможешь.

Перед дверью, ведущей в клуб, Лейла опять замерла и, повернувшись ко мне, взмолилась:

— К тем, которые в зале... — простонала она. — Вы не можете требовать, чтобы я в таком виде вошла туда.

— Они будут очень довольны, — ответил я. — Уверю тебя. Достаточно, чтобы ты поднялась на сцену и начала танцевать.

— Но второе отделение уже началось, — прошептала она. — Сейчас выступает другая танцовщица. Я же попаду в середину ее номера.

— Значит, ты боишься конкуренции? — спросил я, не скрывая неприязни. — Слушай меня. Если ты в точности не сделаешь того, что говорят, я всажу в тебя пулю. Понятно?

— Я хочу умереть, — простонала она.

Я распахнул дверь, мы вошли в полутемный зал, и сразу же стало понятно, что мне очень повезло, так как в свете прожекторов снова была Ишка. Зрители были слишком поглощены невероятными движениями ее пупка, чтобы обращать на меня внимание.

Я прошептал в перламутровое ушко Лейлы:

— Давай — и рысью.

И, подчеркивая это приказание, шлепнул ее по ягодицам.

Ровно через пять секунд Ишка внезапно остановилась. Она изумленно уставилась на обнаженную блондинку, возникшую в свете прожекторов. А моя маленькая Лейла уже начала свой экзотический танец живота.

Изумленная тишина продолжалась только мгновение. Затем последовал такой взрыв аплодисментов, от которого, казалось, обрушится потолок.

Зрители, опрокидывая стулья и столы, бросились к сцене, чтобы получше рассмотреть удивительное зрелище. У входной двери появились двое вышибал, но через несколько секунд они были поглощены потоком зрителей, и я потерял их из виду.

Я совершенно свободно вышел из клуба.

На тротуаре портье, увидев меня, свистнул в свисток. В мгновение ока рядом остановилось такси. Швейцар открыл дверцу.

Даже отсюда были слышны раздирающие вопли и шум, потрясающий стены.

— Кажется, одна из этих девушек сегодня здорово работает, — начал портье с заинтересованным видом.

— Это Лейла Зента с Ломаксом исполняют дьявольский танец, — сказал я, усаживаясь на заднее сиденье машины. — И оба совершенно голые.

— Вы шутите? — пробормотал он.

— Может, вы передадите ему эту штучку, — сказал я, впихивая в дрожащие руки портье пистолет. — Мне кажется, когда все будет позади, Ломакс захочет покончить жизнь самоубийством.

Затем я хлопнул дверью, и такси отъехало от тротуара. Откинувшись на спинку сиденья, я принялся размышлять о том, сколько же раз Лейле придется исполнять свой

номер, пока она не будет уверена, что я благополучно покинул этот храм танца живота.

И без всяких приключений я добрался домой.

Глава 4

На следующее утро, около одиннадцати, в мой кабинет вошла Фран Жордан. По ее самоуверенному виду было понятно, что она знает нечто такое, о чем я еще не подозреваю. Фран — моя секретарша. У нее рыжие волосы и голубые глаза. Что касается фигуры, она настолько совершенна, что ее владелицу следовало бы выставлять голой на вершине самой высокой горы. Тогда остальная часть прекрасного пола смогла бы постичь тот идеал, к которому все женщины должны стремиться.

В конторе она, естественно, всегда ходила одетой из-за некоторых формальностей, которых я, признаться, никогда не мог понять.

Сегодня утром она казалась особенно свежей и опрятной.

— Вы помните о своем невероятном задании, которое дали мне около часа назад? — воскликнула она триумфально. — Так вот, я его выполнила.

— Серьезно? Выполнили?

Я посмотрел на нее с энтузиазмом.

— Я думал, что это невозможно даже для профессиональной женщины-змеи.

Некоторое время она угрюмо и разочарованно, даже с упреком, смотрела на меня.

— Мой дядя Джо стеснялся того, что работал на мусорных свалках. Однажды вечером я сказала ему, что он не понимает своего счастья. И спросила: а что если бы тебе пришлось трудиться на помойке, которая смогла бы разговаривать с тобой? И он сразу же заткнулся.

— Мисс Жордан. Я вас попрошу воздержаться во время работы от посторонних разговоров. В любой момент сюда может войти клиент, — сказал я сухо.

— Посторонние разговоры? — выдохнула она. — Это вы...

— Я могу разговаривать, но только в крайнем случае и на эротические темы, — сказал я с достоинством. — Это совсем не одно и то же...

Она судорожно сглотнула несколько раз, и я видел, как

по ее физиономии прошла целая гамма выражений: от гнева до беспомощности.

— Ох,— выдохнула она наконец.

— Все это из-за моего профиля,— сказал я ей.— Перед ним невозможно устоять.

Фран опустила в кресло и перевела дыхание.

— Всегда немного кружится голова, когда сталкиваешься с людьми, имеющими безмерное самомнение,— заявила она очень серьезно.

Если я начинаю проигрывать и понимаю это, то сразу же меняю тему разговора.

— Ну, так что же вам удалось повернуть сегодня утром?

— Дело касается Корли, который живет на Ольстер-стрит. Их в действительности трое. Вдова, пенсионер, который проработал сорок лет в городском муниципалитете и, наконец, продавец предметов искусства, антиквариата и другого подобного барахла.

— Например, редких книг,— добавил я с надеждой.

— Думаю, что да,— согласилась она.

— Кажется, это именно тот человек, который меня интересует. И где его можно найти?

— У него галерея на 2-й авеню в районе 40-й улицы,— объяснила Фран.— Его полное имя Мэтью Корли.

— Браво. Прекрасная работа, милая,— сказал я сердечно.— Вам не кажется, что сегодня я должен угостить вас обедом?

— Только попробуйте таким образом оплачивать мою работу, и я тут же уволюсь с конца недели,— ответила она.

— Но я могу хотя бы попытаться это сделать... Ну, ладно. Думаю, что мне нужно пойти взглянуть на Мэтью Корли и его галерею.

— Не спешите возвращаться,— ответила она, насмешливо улыбаясь.— В бюро намного приятнее, когда вас здесь нет, и вообще... Я хочу сказать, что девушка может спокойно поправить бретельки, не опасаясь внезапной атаки на свою добродетель и на все остальное.

— Однако я никогда не заставлял вас поправляющей бретельки в бюро,— мечтательно заметил я.— Может быть, мне следует носить на работе туфли с войлочной подметкой?

— Это очень на вас похоже,— ответила Фран, вскакивая.— Есть еще какие-нибудь поручения?

— Нет. Да, если будет звонить мой новый клиент, передайте, что я ему сам позвоню.

— Как его зовут?

— Осман-бей.

В ее глазах появился насмешливый блеск.

— Ах, вот оно что, — заметила она. — А чем он занимается, этот Осман-бей? Я бы не удивилась, если с таким именем он бы оказался импресарио труппы исполнительниц танца живота.

— А кто вам наговорил про танец живота?

— Ладно, ладно, — сказала она. — Если у вас есть личные тайны, то секретарше на это наплевать.

С этими словами она выскочила из кабинета.

Через некоторое время я захотел было рассказать Фран всю эту историю, особенно эпизоды с Османом-беем, его прекрасной одалиской, наргиле и приключившимся базаром, с моим посещением клуба «Оттоман» и обнаруженным трупом, с тем, как я использовал танцовщицу, чтобы поднять шум, а самому уйти незамеченным и невредимым, но в конце концов решил не рассказывать ничего. Кто поверит в такие чудеса? Сегодня утром я уже сам едва в них верил.

Я вышел из кабинета. Фран демонстративно отвернулась от меня, когда я пересекал ее комнату.

Вместо «адью» я услышал выразительный, холодный смешок. Полагаю, что в старые времена было по-другому. Когда парень верхом отправлялся на войну, его любимая женщина говорила ему «до свидания», покрывала страстными поцелуями и обещала вечную любовь.

Очевидно, была и обратная сторона медали. Как только герой отбывал, все мысли его дамы обращались на первого встречного. Я не перестаю удивляться, почему модельеры, неизменно возвращающиеся к стилям столь отдаленных эпох, до сих пор не додумались ввести в моду пояса невинности! Для меня это непостижимая тайна...

Было уже далеко за полдень, когда с раскаленного тротуара 2-й авеню я ступил в свежий полумрак галереи.

Внутреннее убранство магазина было не более привлекательным, чем витрина, где кучей лежали грязные безделушки с Ближнего и Среднего Востока. В помещении было так темно, что я вынужден был передвигаться на ощупь.

В темноте женский голос задал традиционный вопрос:

— Что желает мистер?

Мои глаза постепенно привыкли к полумраку, и я снова начал различать предметы.

Передо мной стояла девушка со светлыми волосами, собранными на макушке в конический шиньон, что выгодно

подчеркивало ее красоту. На ней был белый хлопковый свитер, обтягивающий бюст, и тесная юбка.

— Я то, что принято называть женщиной,— объяснила она немного насмешливо в ответ на мой обалделый взгляд.— Похоже, вы с ними еще никогда не встречались.

— Увидев все это барахло на витрине, я решил, что хозяин лавочки нагло лжет, называя ее галереей,— сказал я.— Но встретив здесь вас, отказываюсь от своих прежних убеждений.

— Я уверена, что мистер Корли будет очень обрадован,— добавила она.

Я позволил ей полюбоваться своим профилем с обеих сторон, поскольку считал, что она этого заслуживает.

— Меня зовут Бойд. Дэнни Бойд,— сказал я, улыбаясь.— Продиктовать по буквам, пока вы запишете?

— Не стоит, мистер Бойд. Не трудно и запомнить.

— А как ваше имя?

— Китти Торренс. А теперь — чем могу быть полезна, мистер Бойд?

— Этим вопросом вы разбудили во мне целый мир,— ответил я.

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула, потом веки ее слегка поднялись.

— Наверное, вы еще в том мире. Знаете, у меня бывают тяжелые клиенты, мистер Бойд, но таких, как вы, никогда не было. А я полагаю, вы все-таки клиент?

— Не совсем. Я хотел бы видеть мистера Корли. Но теперь мне это кажется не таким уж важным. А не могли бы вы найти немного времени, мисс Торренс, чтобы провести его со мной? Как с клиентом.

— Подумать только! На прошлой неделе моя дорогая мама спрашивала, что за люди бывают в этой лавочке на 2-й авеню,— вздохнула блондинка.— Ваше предложение соблазнительно, мистер Бойд, но боюсь, что я могу пожалеть, если приму его. Тем не менее мне бы очень хотелось продать что-нибудь перед закрытием.

Я поспешил сразу же предложить:

— Мы можем начать с завтрака, это, по-моему, не очень опасно... Но с вашей внешностью вы должны быть на чеку даже в автобусе в часы пик!

— Договорились, мистер Бойд. Вы выиграли.

— Замечательно. Пошли.

— Но сейчас не время для завтрака,— проговорила она.— У меня перерыв начинается с часу. Вы хотели повидать мистера Корли, не так ли?

— Обожаю умных девушек,— сказал я восхищенно.— Особенно, если они блондинки и, кроме того, обворожительны.

— Кабинет мистера Корли в глубине галереи. Мой патрон сейчас на месте... По крайней мере, мне кажется, что он там. Удивительно, но я уже ни в чем не уверена.

— Это, наверное, из-за высокой влажности,— объяснил я ей.— Но завтрак в помещении с кондиционером может делать чудеса...

— Умоляю вас, ступайте к мистеру Корли немедленно. Я слишком разволновалась, мистер Бойд.

Я с сожалением покинул ее и углубился в галерею. Добрался до двери из полированного стекла и постучал.

— Войдите, пожалуйста,— ответил любезный голос.

Комната оказалась как раз такой, чтобы вместить две металлических картотеки и старый письменный стол, за которым сидел человек.

Я спросил его:

— Это вы Корли?

— Да, я Мэтью Корли,— ответил он, поднимаясь как бы в доказательство.

Корли оказался маленьким худым человечком, ростом не выше ста пятидесяти пяти сантиметров. Лысина еще больше увеличивала его огромный лоб. Это был почти гротесковый урод, и весь его облик, включая лицо, был весьма странным. Голубые глаза ни на секунду не останавливались, все время двигаясь в своих орбитах, как будто искали там укромный уголок.

Я внимательно осмотрел его, пытаюсь сопоставить реальность с тем, что Ломакс накануне называл этого человека куском сала. Очевидно, это была шутка. Я бы никогда не поверил, что за внешностью злодея у Фрэнка Ломакса может скрываться чувство юмора.

— Чем могу быть полезен, мистер? — мягко спросил Корли.

Чем он может быть мне полезен? Конечно тем, что даст ряд сведений по некоторым пунктам, которых я не понимаю. Но я предпочел действовать постепенно.

— Меня послал патрон.

Он заморгал.

— Да... А какой патрон, мистер?

Первая попытка не удалась. Тогда я сурово произнес:

— Меня зовут Бойд. Дэнни Бойд. Вы, наверное, слышали обо мне после того, что произошло вчера ночью в клубе «Оттоман».

— Нет, к сожалению, мистер Бойд,— заверил он.— Вы говорите клуб «Оттоман»? Какое интересное название. Я бы просто сказал «кушетка».

— Не важно,— ответил я.— Вы, может быть, и о Джулиусе Керне никогда не слышали?

В его глазах появился интерес.

— Он тоже антиквар?

— Хорошо,— сказал я с угрозой.— Зачем вы играете со мной, мистер Корли? Еще скажите, что никогда не слышали о Фрэнке Ломаксе? Марте Мюрад? И даже понятия не имеете об Османе-бее?

Корли упал в кресло и принялся копаться в бумагах, разложенных перед ним на столе.

— Так, и какова же цель вашего визита, мистер Бойд? — спросил он наконец.

Я ему все объяснил.

— Пять дней назад была похищена девушка по имени Марта Мюрад. Некий Осман-бей нанял меня, чтобы ее найти. В розысках я прошлой ночью попал в клуб «Оттоман». Но владелец клуба Фрэнк Ломакс не поверил, что я пришел от Османа-бея, он был убежден, будто меня послали вы. И я хочу знать, почему, дружок. Я твердо решил оставаться здесь до тех пор, пока вы не ответите на этот вопрос.

Он снова принялся листать бумаги на письменном столе, потом поднял голову и посмотрел на меня.

— Это трудно объяснить, мистер Бойд,— пробормотал он.— Позвольте мне сказать вам вот что... Я понимаю вашу проблему, но вы с самого начала совершили очень серьезную ошибку.

— Что означает эта болтовня?

— Прошу вас, мистер Бойд,— он поднял руку, как бы защищаясь,— не будете ли вы так любезны выйти на минутку из кабинета. Я хочу... я хочу позвонить... И потом, возможно, я смогу быть вам полезен.

— Хорошо,— сказал я неохотно,— только пошевеливайтесь.

— Это не займет много времени, обещаю вам.

Я вышел из комнаты, и стеклянная дверь так быстро захлопнулась за мной, что едва не прищемила мне пятку. Вдалеке я заметил Торренс, стоящую спиной. Зрелище было весьма интересным, и я наслаждался им в течение пяти минут. Затем стеклянная дверь снова приоткрылась, и оттуда появилась голова Корли.

— Войдите, пожалуйста, мистер Бойд.

Когда я вошел в комнату, Корли уже сидел в кресле. Некоторое время он с любопытством смотрел на меня, потом облокотился о письменный стол и сцепил пальцы рук.

— Позвольте объяснить вам... мою... э... позицию, мистер Бойд.

В его голосе чувствовались нотки страха.

— Я покупаю и продаю предметы, украшающие жизнь. Здесь, в моей галерее, занимаются только такими делами. Однако... э... касательно вашего вопроса, мистер Бойд, уверен, что он будет разрешен в ходе беседы у меня дома, на Лонг-Айленде. Вас это устроит?

— Очень может быть. Когда?

— Сегодня вечером, скажем, в шесть часов.

— И как можно туда добраться?

Он подробно объяснил, как найти его дом.

— Надеюсь,— сказал я ледяным тоном,— вы не попытаетесь провести меня, мистер Корли?

— Мистер Бойд, уверяю вас, такое не входит в мои планы.

— Это в ваших же интересах, мистер Корли. Иначе вы можете крупно пожалеть.

— Тогда до вечера, мистер Бойд, до свидания.

— До вечера, Корли,— сказал я вежливо и, опершись о стол, наклонился к нему с угрожающим видом.— Я искренне надеюсь, что вы не проведете меня дружок, потому что... откровенно говоря, вы так мало весите. Похоже, если вас взять обеими руками и растянуть, то в каждой останется по половинке Корли.

Когда я выходил из кабинета, он энергично вертелся в кресле, как видно, пытаясь устроиться поудобнее.

* * *

Китти Торренс оглядела зал одного из лучших ресторанов Манхэттена. Удовлетворившись осмотром, она глубоко вздохнула.

— Вот это, как я понимаю, и есть жизнь,— доверчиво сказала она.— Этот ресторан так контрастирует с забега-ловкой, в которой я завтракаю каждый день.

— Мне кажется, вы и тому должны были бы радоваться, если бы Корли платил вам даже мизерную зарплату. Удалось хоть что-нибудь продать из этого барахла?

— Честно говоря, мистер Бойд...

Я поправил:

— Дэнни.

— Хорошо, Дэнни. За месяц работы в галерее, я вообще еще ничего не продала.

Она поднесла к губам третий уже martini и отпила по крайней мере добрую половину бокала.

— Можете называть меня просто Китти,— предложила она.— И знаете, почему?

Я поспешил ответить:

— Расскажите, и я узнаю.

— Потому что я отлично вижу, что у вас в голове, и сопротивления оказывать не собираюсь. В конце концов, что такое жизнь? Это просто длинная серия опытов. И то, что вы говорите мне «мисс Торренс», будет на меня плохо действовать, когда мы станем заниматься любовью.— Она снова подняла бокал к глазам и серьезно посмотрела на меня через него.

— Смех — это яд для физической любви,— добавила она строго.

Я восхищенно посмотрел на нее.

— Как случилось, что в таком юном возрасте у вас есть ответы на все вопросы?

— Просто я начала задавать их еще с детства,— довольно ответила она.— Примерно в то время, когда вы поняли, что короткая стрижка очень молодит вас, Дэнни.

Наметилось изменение темы разговора, поэтому я спросил:

— А как же Корли содержит свою лавчонку, если он ничего не продает?

— Я этого не говорила,— запротестовала она.— Я просто призналась вам, что сама ничего еще не продала. Может, у мистера Корли миллион клиентов, которые посылают заказы по почте, а в магазин никогда не приходят. Видимо, у него множество заказчиков, потому что он постоянно покупает новые товары.

— А где же он их покупает?

— О, почти повсюду: вы, наверное, видели шкаф с картотекой и письменный стол. Они набиты бумагами. Это счета из самых разных уголков мира. И все в невероятном беспорядке. Странно, но он всегда находит то, что хочет.

— Значит, он повсюду покупает?

— Разумеется. И в Европе, и на Среднем Востоке, и в Азии... Когда смотришь на поступающие счета, получаешь настоящий урок географии.

Гарсон забрал стоящий перед ней пустой бокал и заменил его полным.

Она проводила его глазами.

Делая вид, что меня это не касается, я заметил:

— У меня есть друг по имени Осман-бей, который работает в той же области.

— Осман-бей?

Некоторое время на лице Китти сохранялось классическое выражение, которое можно было бы определить традиционным «как тесен мир».

— Мистер Корли действительно покупает ему товары. Я видела его имя на счетах.

— Какое совпадение, — изумился я.

В ее глазах появилась подозрительность.

— Вы меня водите за нос, Дэнни?

— Почему вы так считаете?

— Не знаю. — Она прикусила губу. — Мне кажется...

— Думаю, нам лучше закусить, — сказал я. — Вы в курсе, что пьете уже четвертый martini?

— Во что вы играете, Дэнни? В доброго папашу? — сказала она холодно. — Полагаете, я не осилю какой-то литр?

Она проглотила содержимое своего бокала и, хотя затуманенные алкоголем глаза повиновались ей с трудом, внимательно посмотрела на меня.

Я начал беспокоиться.

— В чем дело, Китти?

— Вам следовало предупредить меня, — заявила она. — Я чувствую себя неловко в таком шикарном ресторане и...

— О чем предупредить?

— Послушайте, Дэнни... — Она безуспешно пыталась держаться в рамках. — Мне плевать на то, что ваша голова работает в двух направлениях. Но я умоляю вас, постарайтесь сделать так, чтобы она не болтала все время!

Глава 5

Я вернулся в бюро после трех часов. С Китти мы договорились встретиться завтра вечером. Я должен буду заехать за ней в восемь. Эта перспектива скрашивала мне жизнь.

Уже через минуту в кабинет вошла Фран с неприязненным выражением лица.

— От импресарио танцовщиц живота никаких новостей, — сухо объявила она.

— Да, действительно, — сказал я быстро.

— Дэнни Бойд, — продолжала она, ехидно усмеха-

ясь,— признайтесь сейчас же, что Осман-бей ваша выдумка и шутка.

— Уверяю вас, милая, он существует. Видите ли, украли дочь его компаньона Абдулла Мюрада, и Осман-бей боится сообщить ему об этом.

— Абдулла — что?

— Мюрада.

— О-ля-ля! — воскликнула Фран.— И как зовут его дочь... может быть, Фатима?

После этих слов она вышла из кабинета, насмешливо покачивая бедрами.

Я закурил сигарету и задумался. Похоже, все были уверены, что каждый раз, открывая рот, я собираюсь водить кого-то за нос. Истина обязывала меня признать с некоторой горечью, что, скорее, эти самые кто-то водят меня за нос, причем делают это совершенно серьезно, а не в порядке развлечения. Если бы не перспектива завтрашней ночи и наслаждений, которые обещает Китти Торренс, весь мир казался бы мне настоящим свинством.

Прошло пять минут. В кабинет снова вошла Фран. Она, кажется, перенесла серьезное потрясение.

— Дэнни,— воскликнула она взволнованно.— В приемной сидит человек, который хочет видеть вас немедленно.

Я пробормотал:

— А как его зовут?

Она улыбнулась жалкой улыбкой.

— Это мужчина.

— Очевидно, это мистер Икс, шеф международного шпионского центра,— сказал я иронически.

Она отвела глаза в сторону и начала переминаясь с ноги на ногу.

— Он утверждает, что его зовут Абдулл Мюрад,— наконец ответила она приглушенно.— Я... я признаю, что была неправа... Значит, вы не дурачили меня?

— А вы уверены,— спросил я сурово,— что этот человек — не плод моего воображения? Может быть, следует только щелкнуть пальцами, и он исчезнет?

— Я уже извинилась,— промямлила она.— Вы хотите его видеть?

— Ну конечно. Впустите его немедленно.

Человек, который решительной поступью вошел в мой кабинет, был среднего роста и военной выправки. На вид — лет пятидесяти, с коротко подстриженными волосами и худым насмешливым лицом. Он явно относился

к тому типу людей, которые бывают либо преданными друзьями, либо непримиримыми врагами.

По тому, как он посмотрел на меня, я понял, что не имею никаких шансов видеть его среди своих друзей.

— Мистер Бойд? — спросил он резко и без всякого акцента. — Я — Абдулл Мюрад.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Мюрад, — сказал я вежливо.

— У меня нет времени на бессмысленные церемонии, — пролаял он. — Мне нужны сведения, и немедленно.

— Сведения? По какому вопросу?

— Пять дней назад похитили мою дочь, — заявил он. — Только что я узнал об этом от собаки, которая некогда была моим компаньоном. Вы его знаете, это Осман-бей. Он сказал, что не осмелился обратиться к полиции, опасаясь подвергнуть опасности жизнь моей дочери, и нанял вас, частного детектива.

— Ну и что?

— Я хочу знать, как проходит следствие, Бойд. Мне нужен полный отчет о том, что вы успели сделать, куда ходили, с кем разговаривали, какие у вас возникли гипотезы, я должен быть в курсе всего.

— Мистер Мюрад, — сказал я, тщательно подбирая слова. — Поверьте, я понимаю ваши отцовские чувства, но, к сожалению, не могу ответить на эти вопросы.

— Что? — Глаза его засверкали. — Почему не можете?

— Я не могу вам дать отчет о ходе исследования и вообще о том, что относится к этому делу, по одной простой причине: мой клиент — Осман-бей, а не вы.

— Но дело касается моей дочери, — покраснел он. — Это мне дает значительно больше прав, чем Осману-бею.

— Но не для меня, — сказал я. — Мне очень жаль, мистер Мюрад, но это так.

Он подошел к моему столу. Переполнявшие его разочарование и гнев стали почти осязаемыми.

— Вы расскажете мне все, Бойд, иначе я буду колотить вас до тех пор, пока не заговорите.

Я осторожно выдвинул ящик стола и достал свой «Магнум-357».

— Успокойтесь, мистер Мюрад. Как только мой клиент разрешит вам все рассказать, я это сделаю, но не раньше.

Он смотрел на оружие в моей руке, и казалось, что его не остановить, но в конце концов здравый смысл взял верх.

— Ладно, Бойд, — прохрипел он. — Сейчас я не могу ничего предпринять. Но придет время — я сделаю все,

чтобы оно пришло,— и ситуация изменится. Только тогда вы горько пожалеете о своем отказе.

— А как вы оказались в Нью-Йорке и как обнаружили исчезновение дочери?

— Я позвонил ей из Парижа вчера утром. Думал сделать приятный сюрприз. В отеле мне сообщили, что она ушла через два часа после прибытия, не оставив адреса. Я был поражен этой новостью. Потом подумал, что, может быть, этому найдется какое-то разумное объяснение, и позвонил своему компаньону.

Несколько секунд его правую щеку дергал нервный тик.

— Осман-бей вел себя очень изворотливо и уклончиво. Вначале сказал, будто моя дочь просто переехала в другой отель потому, что первый ей не понравился. Когда же я спросил, в какой, он забормотал нечто бессвязное и объявил, что охотно отдаст за мою дочь собственную жизнь. А потом поклялся на Коране сделать все возможное, чтобы вернуть ее в целости и невредимости. Я вскочил в первый же самолет до Нью-Йорка и сегодня утром прилетел сюда. А после четырехчасовой беседы с моим компаньоном сразу же пришел к вам. Даже лучший друг Османа-бея не назовет его храбрым, но сейчас кто-то пугает его больше, чем я. Он клянется, что понятия не имеет, почему похитили мою дочь. По его словам, контакта с похитителями у него нет и требования о выкупе он не получал, но тем не менее убежден, что, заявив в полицию, мы подвергнем жизнь моей дочери опасности. Вы что-нибудь понимаете, Бойд?

— Да, конечно. Похищение людей расценивается в США как одно из самых серьезных преступлений. Поэтому, если похитители считают, что смогут избежать полиции, убив свою жертву, они не станут церемониться: ведь за похищение им грозит электрический стул.

Мюрад несколько секунд молча смотрел на меня.

— Я еще раз прошу вас, Бойд, расскажите мне о ходе следствия.

— Я еще раз повторяю вам,— сказал я, не повышая голоса,— как только Осман-бей разрешит, я это сделаю.

— Хорошо,— бросил он сухо.— Я не могу разговаривать с человеком, который держит в руке оружие.

Он резко повернулся и направился к двери. Потом остановился и, оглянувшись, сказал:

— Вы пожалеете об этом. Я враг непримиримый.

Дверь за ним захлопнулась, и я не успел даже обдумать этот неожиданный визит, как в бюро ворвалась Фран.

— Надеюсь,— произнес я,— вы не пришли сказать мне о том, что Мюрад ожидает меня в коридоре на второй раунд?

— О нет! — воскликнула она, горестно качая головой.— Вас просит к телефону женщина. Она утверждает, что звонит от имени Османа-бея.

Я снял трубку.

— Бойд.

— Это Селина,— проговорил женский голос.

Передо мной немедленно возник образ прекрасной одалиски в красном шелковом болеро и шароварах.

— Ну, как проблемы, Селина? — спросил я.— Удалось заставить его двигаться?

— Не ваше дело, пошляк,— ответила она холодно.— У меня есть сообщение от Османа-бея. Он просил передать, что вынужден неожиданно уехать и не знает, когда вернется. Также он просил предупредить, что Абдулл Мюрад в городе и что ни в коем случае нельзя ничего ему рассказывать. Понятно?

— Понятно,— сказал я.— Он уже приходил и ушел. Я ему ничего не сказал.

— Ах, так. Ну в любом случае это все. Да, еще одно. Осман-бей сказал, чтобы вы позвонили ему в девять часов и отчитались о своей работе.

Я ответил ей вполне откровенно:

— Передайте, что я не знаю, где буду сегодня в девять вечера, поэтому сам выберу время, когда ему позвонить.

— Он разозлится.

— Вы меня огорчаете, милая,— сказал я с упреком.

Раздался резкий щелчок. Она бросила трубку.

Я отошел от телефона и наткнулся на любопытный взгляд Фран.

— А что она хочет заставить двигаться, Дэнни?

— Свой пупок. А вы думали, что? А? Все искусство танца живота состоит именно в движении пупка. У нее плохое настроение, так как Осман-бей считает, что раз уж она обошлась ему в 1000 долларов, то за такие деньги он имеет право на движение высшего класса.

Фран посмотрела на меня с упреком.

— Ладно, я не верила ни в Османа-бея, ни в Абдулла Мюрада, и вы видите, до чего это меня довело. Теперь я готова всему верить. Я даже не спрошу, куда была заплачена 1000 долларов. Вы наверняка ответите, что в наше время на танцовщиц живота громадный спрос, правильно?

— Конечно. Почти правильно. И...

— Их покупают на невольничьем рынке, да?

— Ну да,— сказал я небрежно.— Кроме того, сообщаю вам, что в настоящее время там значительный выбор евнухов. Можно купить по дешевке. Если вы ищете первоклассного слугу, который бы содержал вашу квартиру в безупречном состоянии...

Она жалобно пискнула и выскочила из кабинета.

И тут я вспомнил о свидании с Корли, назначенном на шесть часов:

Я нашел кобур и вложил в нее пистолет. Возможно, направляясь к Корли, я еду прямо в клетку ко львам, поэтому с пистолетом под мышкой мне будет значительно спокойнее.

* * *

С того места на вершине холма, где я остановил машину, панорама была изумительная. Прохладный морской ветер приятно освежал. Вдали на фоне розовых облаков романтично вырисовывались белые паруса.

Вооружившись биноклем, я еще раз осмотрел резиденцию Корли. Это была большая вилла, построенная на обрыве, который возвышался над пляжем метров на семьдесят. Владение окружала кирпичная стена в два с половиной метра. Над стеной тянулись электрические провода.

Ясно, что проникнуть за такую ограду смог бы только прыгун с шестом.

Благодаря биноклю я сумел различить собачью конуру метрах в двенадцати от дома. И подумал, какую же собаку держит Корли? Наверняка не болонку, скорее — волкодава.

Ну а в целом это была настоящая крепость.

Я посмотрел на часы. Было без пяти пять. Я медленно съехал с холма и остановился перед массивными воротами, очень напоминающими тюремные.

Потом снял трубку переговорного устройства и несколько раз нажал на кнопку.

Секунд через десять оттуда послышался мужской голос:

— Резиденция Корли.

— Мое имя Бойд. У меня свидание с мистером Корли в шесть часов.

— Минуточку,— ответил голос.

Ровно через десять секунд мой невидимый собеседник снова заговорил:

— Все правильно. Вас ждут. Ворота автоматические. Когда створки откроются, заезжайте и следуйте по аллее прямо к дому. Понятно?

— Да,— сказал я, повесил трубку и едва успел сесть в машину, как ворота медленно раскрылись. Я въехал на аллею и через некоторое время подкатил к стоянке.

Пока я поднимался по ступенькам, ведущим к дому, дверь резко распахнулась, на пороге появилась женщина и адресовала мне вежливую улыбку.

На ней было голубое платье с китайским воротничком, очень идущее к ее платиновым волосам. Такая элегантная прическа потребовала, наверное, нескольких часов работы высококвалифицированного парикмахера. Округлые щеки ее сохранили девичью упругость, рот был восхитителен. Единственным сомнительным элементом из всех прелестей дамы я бы назвал глаза. Их яркая голубизна напоминала эмаль: жесткую, прочную, с гарантией от обесцвечивания, растрескивания и других посягательств времени.

— Мистер Бойд! — воскликнула она радостно. — Я Бетрис Корли. Рада с вами познакомиться.

— Я тоже рад, миссис Корли,— сказал я вежливо.

— Входите, пожалуйста.

Вслед за ней я через массивный холл дошел до громадного салона, в глубине которого возвышался сверхсовременный бар.

Комфортно устроившись в кресле, она пригласила меня сесть напротив и объяснила:

— Мэтью задержался в своей галерее. Я жду его с минуты на минуту, мистер Бойд.

Блестящие эмалевые глаза внимательно осмотрели меня — от прически до кончиков ботинок.

Во время этого осмотра я чувствовал себя куском мяса, лежащим на весах под безжалостным взглядом покупателя.

— Я ненавижу эту жару, а вы, мистер Бойд?

— Ну, вам, бедным коммерсантам, приходится хуже других. У вас ни малейшей возможности спрятаться от пекла, ведь вы постоянно вынуждены натягивать на себя эти ужасные костюмы, да и все остальное тоже.

Она кокетливо заморгала.

— Все-таки нам, женщинам, проще: легкое платье и больше ничего.

— Ну разумеется,— сказал я.

— Но должна извиниться перед вами, мистер Бойд. Очень часто я болтаю обо всем подряд. Вы работаете

в той же области, что и мой муж? Я хочу сказать: вы интересуетесь искусством, античностью?

— Сейчас я интересуюсь всем, чем занимается ваш муж, миссис Корли,— сказал я тщательно подбирая слова.— Меня занимает все, что он покупает или продает, правда, за исключением античности.

В глазах у нее зажегся гневный огонек, подтверждающий, что мой намек на античность попал в точку. Потом ее безупречная эмаль стала сугубо вежливой.

— Однако уверена, что вам хочется выпить.

— Блестящая идея.

— Нажмите, пожалуйста, на кнопку там, под стойкой бара.

Она проследила глазами за моими движениями и поблагодарила кивком.

— Да, да, именно так.

Неожиданно послышался мягкий гул автомобиля, едущего по аллее.

— Это, наверное, Мэтью. Как хорошо, что он не задержался. В Манхэттене сейчас настоящий ад. А теперь мы немного освежимся.

В комнату вошел человек в белой куртке и черных брюках. Ему было не более двадцати трех лет.

— Вы звонили, миссис? — спросил он.

— Да, Майкл,— повернулась она к нему, бессознательно поправляя рукой безупречную прическу.— Мы хотели бы что-нибудь выпить. Например, для меня — виски, а вам, мистер Бойд?

— Мартини.

— В таком случае приготовьте два мартини, Майкл. Я только что слышала, как приехал мистер Корли.

Юный слуга вышел, тяжело волоча ноги и с таким видом, будто, соглашаясь приготовить напитки, оказывал всему человечеству неоценимую услугу.

Через несколько секунд в комнату вошел Мэтью Корли.

Он очень странно передвигался: боком, как краб. Вначале он посмотрел на жену и сразу же отвел глаза. Потом заметил меня, и они опять принялись возвращаться.

— Очень рад снова вас видеть, мистер Бойд,— сказал он любезно.— Я... э... действительно, мистер Бойд...— Он нервно скривился.— Очень жарко, вы не находите?

Жена посмотрела на него убийственным взглядом.

— Садись, Мэтью, и успокойся на минутку. У тебя заболит сердце, если будешь так крутиться.

Корли опустился на диван и принялся царапать подошвами пол в знак немого протеста.

Вернулся Майкл с напитками.

— Я подумала, тебе сейчас самое время выпить мартини.

— Очень мило с твоей стороны, дорогая.

Следующие четверть часа были крайне утомительными. Беатрис держала в своих руках нить разговора: сама задавала вопросы и сама на них отвечала, не давая вставить ни одного слова. Но мне было все равно. Я слишком увлекся осмотром ее мужа. Здесь все стало ясным. Он сильно нервничал. Упоминание жены по поводу вчерашнего мартини четко указывало на его положение в семье. Она разрешила ему только один стакан, а у него не хватило мужества протестовать. Я не мог понять, почему. В конце концов Беатрис иссякла и замолчала, по крайней мере на тридцать секунд.

Непривычная тишина заставила Мэтью завертеться еще сильнее.

— Вы знаете, мистер Бойд,— изрек он,— я наконец-то нашел прекрасное средство против жары.

— Да? И что же это такое? — спросил я вежливо.

— Кондиционер,— сказал он, закрывая глаза.

— Может быть, ты выйдешь, дорогой? Почему бы тебе не прогуляться? — предложила Беатрис. Это прозвучало как приказ.— Мне бы хотелось побеседовать с мистером Бойдом.

— Да, да, конечно.— Он сразу же поднялся.— Рад был снова увидаться с вами, мистер Бойд. Я получил огромное удовольствие от нашей беседы.

Он хотел еще что-то добавить, но было слишком поздно: его уже выставили из комнаты.

— Ну вот,— весело сказала Беатрис,— думаю, теперь мы сможем выпить еще по стаканчику. Я не хотела ставить Мэтью в неловкое положение, ведь он должен ограничиваться одним коктейлем в день. Ему нужно следить за своим здоровьем. Да... нажмите снова на кнопку, мистер Бойд, на этот раз дважды.

Я повиновался.

Пальцы Беатрис неожиданно начали барабанить по ручке кресла. Ее взгляд явно стал неприязненным.

— Скажите, Бойд, сегодня днем в галерее так уж было необходимо терроризировать бедного Мэтью? — спросила она резко.— Он едва не умер от страха. Для чего это понадобилось?

Я замер с открытым ртом, стараясь сформулировать ответ.

— Вам следовало догадаться, что все равно он позвонит мне. Почему вы сразу не пришли сюда?

Прошлой ночью Фрэнк решил, будто в клуб меня прислал Корли. Но мне даже в голову не пришло, что Корли может быть женщиной. Ломакс говорил о «куске сала», а я-то вообразил, что он шутит, увидев в первый раз Корли.

Зато эта характеристика прекрасно подходила к его супруге.

В комнату вошел юноша в белой куртке. На этот раз без подноса: он держал пистолет. За ним стоял второй человек, тоже с пистолетом в руке.

Глава 6

— Вы уже знаете Майкла,— сказала миссис Корли.— Теперь позвольте представить вам Тино.

Жестом она показала на человека, который стоял сзади.

— Тино, это мистер Бойд.

Реденькие волосы Тино были аккуратно зачесаны наверх. Остроносые лакированные туфли прекрасно гармонировали с дорогим итальянским костюмом. Если бы вы посмотрели ему прямо в глаза, то не нашли бы в них ничего, кроме собственного отражения. У него был мертвый взгляд, характерный для профессиональных убийц.

Тино пожал узкими плечами и, обратился к миссис Беатрис:

— Вы хотели поговорить?

— Ну конечно,— ответила она весело.— Нужно что-нибудь организовать. Майкл, приготовь-ка нам выпить, а Тино пока освободит мистера Бойда от пистолета, который у него под мышкой.

Юноша начал готовить стаканы, а Тино приставил мне дуло пистолета ко лбу, вытащил «магнум» из кобуры и небрежно отшвырнул его на стойку бара.

— Вот и прекрасно,— удовлетворенно сказала Беатрис Корли.— Теперь мы можем поговорить откровенно, правда? Может быть, оставим все эти церемонии, мистер Бойд? Называйте меня просто Беатрис.

Она заморгала.

— А как мне вас называть?

Я пробормотал:

— Дэнни.

— О, Дэниел, который представляется своим судьям.— Она закудаhtала.— Но серьезно, Дэнни. Вы же скверный мальчишка. Зачем было так пугать бедного Мэтью? Вы заслуживаете трепки.

Майкл подал ей стакан, другой передал мне с насмешливой улыбкой.

— А теперь я попробую угадать, Дэнни.— Она прижала к подбородку указательный палец.— Вы заявили к Мэтью и начали ему угрожать, не зная, что он немедленно станет звонить. Надеялись, что я поверю, будто вы приняли его за патрона?

— Это только ваши домыслы, Беатрис,— сказал я осторожно.

— И все было задумано, чтобы доказать мне, будто в деле появились новые люди? Вы полагаете, меня это настолько встревожит, что я приму первое же предложение, которое он сделает.

— А кто «он»?

— О, Дэнни! Пожалуйста.— Она рассмеялась.— Впрочем, вы можете считать, будто я не знаю, что вдохновитель всего этого Фрэнк Ломакс.

— Ломакс? — пробормотал я.

— Он хотел бы заставить меня принять свои условия,— спокойно заявила она.— Но ему это не удалось, так и передайте, пожалуйста.

— Ломаксу?

— Да, скажите ему, что ситуация очень проста, Дэнни,— ее голос сделался жестким.— У него одна половина, у меня — другая. Ни он, ни я не смогут ничего получить, пока обе половины не будут объединены. Это ясно?

— Как родниковая вода. Так какие условия вы ставите, Беатрис?

— Пятьдесят на пятьдесят,— четко сказала она.— Это разумно.

Видимо, если бы я знал, в чем состоит дело, то сумел бы что-нибудь ответить. Но пока я просто старался выиграть время.

Я мелкими глотками пил из своего стакана, и все трое внимательно смотрели на меня. Потом я осторожно отставил его в сторону.

— Вам это кажется разумным,— сказал я, осторожно подбирая слова,— а Фрэнк так не считает.

Тино налил себе еще. Внимательно глядя на свой бокал, он задумчиво произнес:

— Ох уж этот Фрэнк Ломакс, иногда он выкручивается, иногда нет. Но упрям всегда.

Я резко ответил:

— Пойдите и скажите ему об этом.

— Не нужно ссориться, детки,— проворковала Беатрис.— Думаю, когда Дэнни расскажет о нашем предложении, он заинтересуется.

— Вряд ли,— заметил Тино,— ему уже наверняка все сообщили, и сейчас он решил играть более осторожно. Сперва подослал нам Бойда, и если это не поможет, придумает еще что-нибудь.

— Что, например? — спросила Беатрис.

— Например, забраться сюда и отнять нашу половину.

— Значит, нужно вбить ему в голову, чтобы он не делал этого,— заметила Беатрис.

— Замечательно! — воскликнул Майкл.— А почему бы нам не вернуть этого Бойда, упакованным в бочку?

— Не думаю, что это поможет,— ответила она.— А как вы считаете, Тино?

Мертвые глаза некоторое время смотрели на юношу, потом Тино медленно покачал головой.

— В твоей башке ничего нет, парень, совершенно ничего. Один только зуд. Тебе хочется отколотить кого-нибудь, изуродовать. Просто для того, чтобы почувствовать себя властелином, разве нет?

— Это все слова,— пробормотал Майкл.

— И тем не менее, я прав,— продолжал Тино, грустно качая головой.— Постарайся избавиться от этого зуда, парнишка, если хочешь сделать карьеру в нашем ремесле. А развлечения здесь ни к чему.

Он повернулся к Беатрис, не обращая больше внимания на юношу.

— Вы посылаете Ломаксу Бойда, набитого свинцом или разрезанным на мелкие кусочки... и что это доказывает? А нам нужно заставить Фрэнка понять, что он должен прийти сюда, и прийти один.

— Конечно,— подтвердила Беатрис.— Да и жаль портить такой обворожительный профиль.

Она прикусила губу, глядя на меня, и вновь засмеялась как девочка.

— У меня есть более удачная идея. Мы должны показать Дэнни, где находится наша половина.

— Хорошо,— сказал Тино,— согласен. Майкл их еще не выпустил?

— Вы прекрасно знаете, что он ничего не делает без моего приказа,— уверенно сказала она.— Это не опасно.

— Мне пойти с тобой? — спросил Майкл Тино, переминаясь с ноги на ногу.

— Зачем?

— Не обижайте малыша,— промяукала Беатрис.— Майкл, я хочу, чтобы ты остался со мной. Составишь мне компанию.

— Хорошо.

— Приготовь для меня еще стаканчик, Мики, и принеси сюда. Твоя подружка была сегодня так занята, что даже не смогла поболтать спокойно.

Какое-то время Майкл напоминал загнанное животное. Потом принялся за работу.

— Пошли, Бойд,— сказал Тино, удаляясь от бара.— По дороге немного поболтаем.

Я поднялся.

Майкл поднес стаканчик Беатрис и послушно уселся на ручку ее кресла.

— Зверюшка,— промурлыкала она, взлохмачивая ему волосы.— Не нужно так близко принимать к сердцу слова Тино. Он ведь хотел помочь тебе, правда, Тино?

— Конечно,— ответил тот, энергично потирая кончик носа.— Пошли, Бойд. И не забывай, что я иду за тобой,— добавил он, подкрепляя свои слова выразительным движением пистолета.

— Ну вот видишь,— продолжала Беатрис.— Тино может тебя многому научить, мой милый Мики, так же, как и я. Ведь я многому учу тебя, и тебе это не надоедает?

Она ущипнула его за руку и снова замурлыкала.

Прежде чем Тино вытолкнул меня в холл, я успел бросить взгляд на парнишку. Доли секунды было достаточно, чтобы заметить его ненавидящие глаза, которые смотрели на голову Беатрис; трущуюся об его грудь.

— У твоей подружки был тяжелый день,— ворковала она,— но Мики поможет ей прекрасно его закончить.

Вместе с Тино мы прошли через дом и вышли черным ходом.

Потом дошли до псарни по прекрасно ухоженной аллее.

Оказавшись перед дверью, я остановился, и в бок мне сразу же уткнулся ствол пистолета.

— Открывай,— приказал Тино.— Здесь не заперто.

Ни на что не похожее рычание встретило меня, едва я открыл дверь. Первый раз в жизни я понял, что такое настоящий, элементарный ужас примитивного человеческо-

го существа, который обычно прячется в глубинах цивилизованной души. Мгновение, которое мне показалось вечностью, я чувствовал себя совершенно голым перед лицом ужасных, неведомых чудовищ.

— Вперед,— приказал Тино.— Они тебя не достанут.

Разум медленно возвращался ко мне. Тино не будет врать. Ведь для него чудовища опасны так же, как для меня.

Я прошел в глубину затемненной псарни и почувствовал себя удивительно крохотным при виде громадных силуэтов.

Пять мощных тел бросились на металлическую решетку...

Едва я восстановил дыхание, как животные начали выть от бешенства.

— Правда, они миленькие? — воскликнул Тино, улыбаясь.

Я увидел узкие длинные морды, белые зубы, мощные лапы и задрожал.

— Боже, что это за звери?

— Вполне уместный вопрос. К сожалению, на него сумеет ответить только Мэтью Корли. Он их вырастил и воспитал, и только сам может к ним приблизиться. Он говорит, что это афганские гончие. Все остальное предпочитает хранить в секрете. Может быть, остального лучше и не знать, правда?

— Корли? — сказал я недоверчиво.— Ему удалось приручить этих кошмарных чудищ?

— Возможно, это и не так удивительно, как кажется,— задумчиво проговорил Тино.— Ты видел парнишку там? Он из кожи вон лезет, лишь бы доказать, что он мужчина. А если у тебя такое телосложение, как у Корли, то настоящим мужчиной хочется выглядеть еще больше. В доме все смеются ему в лицо. А здесь, среди этих чудовищ, Корли — властелин.

— Похоже,— сказал я.— А малышу приходится утверждаться, отрабатывая любовную барщину со своей хозяйкой?

— Этот дурак меня бесит,— серьезно сказал Тино.— Мы ведь с тобой профессионалы?

Такое замечание показалось мне интересным.

— А кто вам сказал об этом?

— О! Любитель не носит с собой «магнум».

— Ну если так, то вы угадали,— сказал я скромно.

— Еще бы не угадал! Ломакс послал тебя сюда, чтобы прощупать Беатрис, имитируя большую игру и притворя-

ясь, будто не имеет с тобой ничего общего. И ты это делаешь, потому что профессионал. А парнишка предлагает разрезать тебя на куски.

— А почему вы не избавитесь от него, Тино?

— Ты уже достаточно видел там, в доме, и догадываешься, почему,— пробормотал он.— Нужно подождать.

Внезапно он показал пальцем на пол.

— Что это, по-твоему, Бойд?

— Пол,— сказал я уверенно, но не очень.

— Из чего он?

— Из бетона.

— Посмотри поближе,— настаивал он.— Под ним Бетрис прячет свои пятьдесят процентов. Ты стоишь над ними.

Насколько я мог судить по внешнему виду, пол действительно был сделан из очень толстого монолитного бетона.

— Чтобы его вскрыть, нужна целая бригада.

— Ты совершенно прав,— сказал Тино.— Это железобетон. Ну, ладно. Теперь ты все увидел. Давай возвращаться.

На пороге дома мы столкнулись с Мэтью Корли. Он nervно отскочил в сторону и притворился, что не замечает меня.

— Тино только что показал мне ваших воспитанников, мистер Корли,— сказал я и вежливо улыбнулся.

— О! — воскликнул он с неожиданным интересом.— И что вы о них думаете, мистер Бойд?

— Они производят колоссальное впечатление.

— Да, они стояли мне много времени и терпения,— удовлетворенно проговорил он.— Но, думаю, результаты оправдывают все лишения. Я в этом убежден. Они... уникальны в своем роде. Так же, как моя жена.

Он внезапно поднес руку к губам, и я посчитал это шуткой.

— Кстати, что вы думаете о моей... э... жене, мистер Бойд?

— Гнусность,— ляпнул я, не подумав.

Пистолет, уткнувшийся мне в бок, напомнил о моем положении.

— Кончай, Бойд,— сказал Тино грубо.— Зачем тебе это?

Некоторое время Корли смотрел на меня молча. И в его влажных глазах было не оскорбленное изумление, а безграничное восхищение.

— Мистер Бойд,— наконец проговорил он серьезно,— я бы хотел очень, чтобы эти слова принадлежали... мне.

Тино втолкнул меня в холл.

Через полуоткрытую дверь доносилось чувственное воркование.

— Дурачок,— хрипло шептала Беатрис.

— Постой-ка,— приказал Тино.

Я послушно остановился.

Тино заговорил преувеличенно громко:

— Хорошо, Бойд, теперь пошли в салон.

Войдя в комнату, мы увидели, что парнишка сидит на ручке кресла с лицом, красным от гнева. Его глаза выражали забавную смесь стыда и стеснения.

Беатрис прерывисто дышала, приоткрыв рот.

— Вы уже вернулись? — спросила она, машинально поправляя прическу.— Дэнни все увидел?

— Да,— ответил Тино.— Это было недолго.

Беатрис продолжала удерживать Майкла за руку.

— Ну что ж, возвращайтесь и объясните все Фрэнку Ломаксу,— сказала она наконец.— Если у него появится желание пробраться сюда, то для него будет лучше этого не делать.

— Разумеется,— ответил я.

— Расскажите ему все подробно,— добавила она.— Прежде всего, вокруг дома стены, на них провода, через которые пропущен ток в несколько тысяч вольт, затем есть Тино, Мики и еще двое, которые сейчас отсутствуют. Не нужно забывать и собак, не так ли?

— Их никто не сможет забыть, увидев хоть один раз,— сказал я убежденно.— Начиная с сегодняшнего дня, у меня будет личный кошмар, спрятанный в глубине души.

— Прекрасно,— воскликнула она с улыбкой.— Значит, расскажите это все Фрэнку. Я согласна пятьдесят на пятьдесят, а иначе — ничего.

— Хорошо. Я могу уехать сейчас?

— А почему бы и нет? Будь добр, Мики, попрощайся с Дэнни.

— Пока,— пробормотал тот.— В следующий раз ты так легко не отделаешься.

— Если ты будешь заниматься приготовлением коктейлей, малыш,— сказал я ему,— и не станешь лезть в чужие дела, у тебя появится шанс прожить... кто знает? Может быть, даже до двадцати пяти лет.

— Хватит,— сказала Беатрис.— Тино, проводите Дэнни, пожалуйста.

- Ну, пошли. Слышал, что тебе сказали?
- Вы кое-что забыли, Тино,— заметил я.
- Что?
- Пистолет.
- Понятно.

Он взял мой «магнум» со стойки, вытащил из обоймы патроны и уже потом протянул мне. И сделал это не от недоверия, а от того, что считал меня профессионалом.

Я засунул «магнум» в кобуру и направился к двери.

— Еще одно, Дэнни,— небрежно сказала Беатрис,— передайте Фрэнку, что я не спешу. Могу и потерпеть, а он... Он не может.

— Передам.

Тино проводил меня до машины и подождал, пока я усядусь за руль. Потом спрятал свой пистолет.

— Я открою ворота, как только подъедешь,— сказал он.— А для человека, который везет плохие новости Фрэнку, ты довольно весел.

Тино нагнулся ко мне через опущенное стекло дверцы.

— Мне кажется, Бойд,— он почти улыбался,— ты и я...— Он соединил пальцы обеих рук,— как эти пальцы, а?

— Вполне возможно,— ответил я,— мы ведь профессионалы.

— Ты настоящий парень, Бойд. Только слишком долго связан с Фрэнком Ломаксом. Мне кажется, над этим стоит поразмыслить, а? Точно. И потом,— продолжал он задумчиво,— наверное, тебе не нужно возвращаться сюда.

— Почему?

— Не могу это объяснить. Но если вернешься, мне придется убить тебя.

Я снова посмотрел ему в глаза, но даже с такого близкого расстояния не заметил в них ничего, кроме собственного отражения.

— Если придется возвращаться, Тино,— сказал я осторожно,— не беспокойся. Я сначала серьезно подумаю.

Глава 7

Около девяти часов я пересек мост Трибора и, оказавшись в Готтане, с облегчением вздохнул. Как знает каждый житель Нью-Йорка, Манхэттен — это остров, окруженный примитивными джунглями, которые ловко закамуфлированы под цивилизными невинными названиями: Лонг-Айленд, Нью-Джерси, Коннектикут. Но перед гражданином Нью-

Йорка суровая действительность раскрывается сразу, как только он углубляется в один из этих районов. Признаки тут безошибочные. Деревьям и траве позволяют расти как попало и переходить в дикое состояние. Люди, живущие вдоль дорог, вымогают выкупы, чтобы обеспечить местным тиранам вульгарный блеск. Их жены ведут ужасную жизнь. Вместо того чтобы занимать то положение, на которое вправе рассчитывать, то есть быть цивилизованными аксессуарами мужского существования, они в большинстве своем сделались обычными животными, предназначенными для обработки мизерных участков земли, которые дополняют их чудовищные жилища. И даже хуже. Многие из них умирают страшной смертью, в окружении кучи инструментов и машин для домашнего хозяйства, отказывающихся работать. Они выпускают последний дух, вопя и призывая на помощь мастеров, которые никогда не приходят.

Все это я знал и тем не менее глубоко залез в Лонг-Айленд. Впрочем, если я завел знакомство с Беатрис, не говоря уже о диких дьявольских зверях, то поделом мне это, заслужил.

Ведь чего можно ожидать в самом центре примитивных джунглей, кроме встречи с кучей головорезов?

Я почувствовал себя в безопасности, только вернувшись в дороге моему сердцу бетонные каньоны, и испытал настоящее искушение совершить ночную прогулку в Центральный парк. В конце концов, было же несколько мужественных исследователей, которые вернулись оттуда невредимыми.

После перенесенных волнений я почувствовал страшный голод и остановился около небольшого кабачка на 2-й авеню. Бифштекс с кровью и кусок пирога с яблоками немного насытили меня. Со второй чашкой кофе я позволил себе сигарету и начал перебирать в памяти события последних суток.

Вторая сигарета и третья чашка кофе придали моим воспоминаниям еще более неприглядную окраску.

Около четверти одиннадцатого я звонил в квартиру на Саттен-пласс.

Через несколько минут тщетных попыток я уже готов был расплющить кнопку звонка. Тогда я засунул в него острие шариковой ручки и нажал так, чтобы звон был непрерывным.

Дверь приоткрылась сантиметров на десять, и в щели показался громадный черный глаз.

— Прекратите,— яростно закричала Селина,— иначе я позову привратника, и он вышвырнет вас на тротуар!

— Мне нужно видеть Османа-бея.

— Он уже спит. Приходите завтра. Утром.

Я едва успел подставить ногу, когда она попыталась захлопнуть дверь перед моим носом.

— Это срочно,— сухо произнес я.— Поднимите его, и пошевеливайтесь.

— Но я никогда не осмелюсь,— сказала Селина.— Я сама уже собиралась спать, и он...

Тут я уперся в дверь плечом и толкнул ее. Она распахнулась настежь, и в это мгновение Селина исчезла.

Входя в дом, я подумал, что невозможно просто испариться, даже не оставив позади себя классического клуба дыма.

Вдруг откуда-то из района моих ног раздался стон. Я посмотрел вниз и что же увидел? Моя бравая Селина лежала на полу.

— Ну давайте, бейте меня еще,— горько воскликнула она,— тут никакого риска... Ведь я только женщина.

— Вам следовало впустить меня сразу,— сказал я мягко.

Потом протянул ей руку и помог подняться. Теперь я понял, что она действительно собиралась ложиться спать. Следующим этапом ее туалета наверняка стало бы надевание пижамы: на ней был бюстгальтер из черного сатина, придававший ее громадной груди агрессивный вид, и маленькие трусики, украшенные кружевами. Сейчас Селина являла живое воплощение мужского желания.

— Милая, у вас есть все, что должна иметь идеальная женщина,— сказал я.

— Вы будете выглядеть настоящим идиотом, когда вылетите отсюда,— ответила она.

— Выбирайте,— произнес я благородно.— Либо вы сами разбудите Османа-бея и доложите обо мне, либо это сделаю я.

Ее громадные глаза начали выстукивать сигнал «SOS». Она отступила на шаг и посмотрела на меня со страхом.

— Он убьет меня, если вы зайдете в его комнату,— пробормотала она с ужасом.— Впрочем, он меня убьет в любом случае. Стойте здесь, Бойд.

Она повернулась и бросилась в маленький коридорчик, который, видимо, вел в спальню. Через пару минут вернулась и, не глядя на меня, прошла мимо в салон. А еще через две минуты появилась снова.

— Он одевается,— сухо объявила она.— Пройдите сюда.

Я вошел в салон, который совершенно не изменился со времени моего первого визита. Шторы были так же герметично задернуты, и слабый отблеск маленькой лампы на столике придавал комнате еще более зловещий вид. Наргиле в тишине ожидало своего хозяина.

— Теперь нужно немного подождать,— грустно заметила прекрасная рабыня,— он уже не так подвижен, чтобы быстро одеваться, особенно, когда его внезапно разбудят.

— У меня масса времени,— сказал я.

— Я так и думала,— ответила она с неприязненным смешком.— Хотите стаканчик?

— Во всяком случае — не турецкого кофе.

Одного упоминания этого напитка было достаточно, чтобы мой желудок сжался. Я отчетливо услышал, как он забурчал.

— Какой вопрос! Конечно, вам нужно спиртное,— воскликнула одалиска.

— У вас есть «бурбон» со льдом?

— Поищу.

Я закурил сигарету и остался стоять. Так мне казалось удобнее, чем устраиваться на одном из этих проклятых пуфиков.

Через некоторое время я услышал шуршание кружев. Вернулась Селина со стаканом.

Пока я маленькими глотками пил содержимое, она стояла, скрестив руки на груди, и не сводила с меня глаз.

— Сейчас он как раз закипает,— наконец очнулась она.— Вы никогда не слышали, как он хрюкает?

— Мне он всегда казался свиньей, в любом настроении,— сказал я откровенно.

— Короче, он ворчит, как боров. Остерегайтесь, вы можете заработать.— В ее глазах появилось что-то вроде ликования.— Он очень силен... Просто не представляете, как.

— Я всегда смогу выпрыгнуть в окно.

— О, меня бы это позабавило,— сказала она.— Не забывайте, что мы на двадцать пятом этаже.

В холле раздалась легкая шага. Видимо, мозги мои работали замедленно, так как прежде чем я понял, что это шлепают по паркету босые ноги Османа-бея, толстяк был уже в салоне. Он бросил на меня короткий уничтожающий взгляд, остановился перед наргиле и внезапно рухнул на любимую подушку, скрестив ноги.

— Хочу кофе.

Эти слова он выплюнул в адрес Селины.

Она прореагировала мгновенно:

— Сейчас приготовлю.

И бросилась в направлении кухни.

— Мне всегда было жалко тех типов, которые считают, что нет в мире ничего более прекрасного, чем деревья,— заметил я спокойно.— Им бы следовало побывать сегодня здесь.

Из угла, где стояло наргиле, донеслось что-то похожее на свист.

— Значит, вы меня вытянули ночью только для того, чтобы я наслаждался видом рабыни, которая и так мне принадлежит? — приглушенно спросил Осман-бей.

— Нет, есть кое-что еще,— сказал я и повернулся к нему.

Осман-бей со вчерашнего дня не изменился. Он был точно такой же. Те же длинные черные и сальные волосы были так же перепутаны, имелась и та же смешная борода, и та же самая голубая рубашка скрывала тот же громадный живот, и те же панталоны. Серебристый лак отбрасывал блики при каждом движении его ноги.

— У меня был невыносимо тяжелый день,— воскликнул он.— День, похожий на пытку. Четыре с лишним часа язвительного допроса и унижительных физических пыток со стороны моего компаньона, Абдулла Мюрада, которого я так уважал раньше. Пусть верблюды осквернят могилу его предков. Как только он направился от меня в вашу контору, я скрылся в городе. Многие часы, до самой ночи, я бродил под безжалостным солнцем по душным улицам. Потом вернулся совершенно изможденный, надеясь забиться в сладком сне, но увы...

Его толстые щеки затряслись от гнева.

— И вот мое жилище берете приступом вы, врываясь как идиотский разносчик товаров. Вытаскиваете меня из постели и возвращаете в мир живых. Но почему? Скажите мне, почему?

— Я подумал, что теперь, когда Абдулл Мюрад в Нью-Йорке, вы более всего заинтересованы узнать результаты моего следствия.

— Пусть Аллах вечно плюет вам на голову,— бросил он.— Почему нельзя было подождать до утра?

— Потому что события развиваются очень быстро,— сказал я.— Мне уже порядком досталось.

В салон проскользнула Селина с кофе.

Осман-бей с ненавистью вырвал чашку из ее рук.

— Тварь,— прокрипел он.— Тварь! Зачем ты его впустила?

Он поднял глаза к потолку.

— Да посадит тебя Аллах на кол на веки веков, чтобы вертелась ты на его острие в центре толпы изголодавшихся евнухов, потрясающих саблями и жаждущих увидеть, как ты свалишься, чтобы изрубить тебя на куски.

От этого проклятия рабыня взвизгнула и бросилась назад так быстро, что потеряла равновесие и растянулась на полу. Но тут же перевернулась на живот и на четвереньках, с невероятной скоростью помчалась к двери.

— Стой, Селина! — воскликнул я.

Круп, обтянутый черным сатином, задрожал. Потом затормозил и остановился.

— Она принадлежит мне,— запротестовал Осман-бей.— Только я могу приказывать ей уходить или оставаться. А сейчас приказываю уйти.

— Пусть останется. Я хочу, чтобы она услышала мой отчет,— сказал я властным тоном.

— Вы... вы...— забормотал он,— вы обсуждаете мои приказы?

— Заткнитесь,— бросил я сухо.— И пейте свой кофе. Если не перестанете болтать и не выслушаете меня, мы будем развлекаться всю ночь.

Некоторое время мне казалось, что глаза его выскочат из орбит. А в горле у него раздавалось какое-то бульканье.

— Я вас выслушаю,— наконец проговорил он,— но потом вы можете об этом пожалеть.

— К этому мы еще вернемся. Селина, будьте любезны, встаньте, пожалуйста. В таком положении ваши округлости напоминают верблюжьи горбы.

Она сразу же поднялась, скрестила руки на груди и склонила голову.

Я рассказал им о событиях предыдущей ночи, начиная с уборной Лейлы Зента в клубе «Оттоман».

Потом доложил, как Фрэнк Ломакс, который находился там, не поверил, что я работаю на Османа-бея, и как утверждал, будто меня подослал Корли.

— Корли? — переспросил Осман-бей, задумчиво ощупывая свою бороденку.— А кто такой Корли?

— До этого я еще дойду,— сказал я строгим тоном.— Мне хочется рассказать все по порядку.

— Пожалуйста. Я вас прервал только потому, что не люблю когда чего-то не понимаю.

— Легко представляю ваши чувства,— сказал я.— Но все же слушайте меня.

Я продолжил рассказ. Поведал о том, как появился Джулиус Керн, об угрозах патрона Ломаксу, если тот не передаст товар или не вернет его стоимость в ближайшие сорок восемь часов. Описал, как мне удалось отнять револьвер у Фрэнка и как Лейла добровольно повела меня в подвал доказать, что банда не похищала Марту Мюрад и не держит ее там.

Потом рассказал о спуске, о трупe коротконого толстяка, который был убит как раз перед нашим приходом. В полной тишине я рассказал о том, какую штуку мне пришлось выкинуть, чтобы уйти из клуба, и о моем свидании с Корли в Лонг-Айленде.

Для того чтобы осветить все подробности этого визита, перечислить людей, которых я видел, объяснить, что бандой руководит, как оказалось, вовсе не мистер, а миссис Корли, также потребовалось некоторое время.

Затем я перешел к изложению гипотезы Беатрис Корли, принявшей меня за одного из соратников Ломакса, и о сделке пятьдесят на пятьдесят, которую она предложила. И, наконец, кратко, но точно, описал те средства защиты, которые используются в доме на случай вторжения, включая чудовищ и все прочее.

Осман-бей изумленно ласкал свою бородавку, глядя на меня. Селина оставалась в положении, которое приняла в начале рассказа: руки, скрещенные на груди, и наклоненная голова.

— Это... это удивительно, мистер Бойд,— глухо пробормотал Осман-бей.— Такая невероятная история... но, очевидно, правдивая. Придумать ее было бы невозможно. Да, вам пришлось через многое пройти, выполняя мое поручение, и я благодарю вас. Честно говоря, у меня мозги набекрень от всех этих сопоставлений. Будьте так добры, изложите свои выводы.

— Их несколько. Ведь с моей подозрительностью трудно поверить в совпадения.

— Совпадения,— повторил он, нахмуриваясь.— Какие совпадения, мистер Бойд?

— Последовательность событий... Между моим вторжением в уборную Лейлы и появлением Джулиуса Керна прошло как раз столько времени, чтобы Ломакс успел начать со мной суровый разговор.

— Все это очень запутано,— пробормотал Осман-бей.— Объясните, пожалуйста, подробнее.

— Понимаете,— сказал я,— Керн прибыл в самый подходящий психологический момент. Я стеснял Ломакса совершенно явно. А Джулиус откровенно прижал его к стенке, открыто демонстрируя свою неприязнь. Когда он закончил высказываться, похоже было, что Ломакс даже забыл о моем присутствии. И отнять оружие у него ничего не стоило. Помешать мне мог только Джулиус, но он воздержался. Совпадение? Частично,— продолжал я терпеливо.— Затем Керн позволил запереть его в шкафу вместе с Ломаксом, что тоже никак не вяжется с его личностью. Совпадения, как я уже говорил, заключаются в синхронизации событий. Я не верю, что Джулиус Керн случайно появился в раздевалке в самый подходящий момент.

— Теперь я начинаю кое-что понимать,— заметил Осман-бей, медленно покачивая головой.

— Кому было известно, что я собирался вчера вечером в «Оттоман» разговаривать с Лейлой Зента?

Он задумался на некоторое время, а потом щеки его задрожали от негодования.

— Вы обвиняете меня в...

— Ни вас, ни тем более себя. В комнате тогда был еще один человек. Теперь вспоминаете?

— Вы хотите сказать?..

Он выпучился на прекрасную рабыню, по-прежнему стоящую с опущенной головой.

— Да, это Селина. А кто же, кроме нее?

— Неужели?

Осман-бей почти задышался.

— Я пригрел змею на груди.

Я едва сдержал улыбку, подумав о том, что едва ли кто захочет пригреться на его груди, если дело этого коснется.

— Могу набросать вам картину в целом,— сказал я категорично.— Вы рассказали, что были слишком болтливы с Лейлой Зента. Сообщили ей о существовании вашей частной связи между Европой и Нью-Йорком, предназначенной для переброски сюда некоторых товаров, которые нельзя провозить через таможню. Лейла передала это своему приятелю Фрэнку Ломаксу. Затем к Ломаксу обратился Джулиус Керн, которому нужна была надежная связь для пересылки одной очень важной вещи из Европы от его патрона. Ломакс глотает наживку, договаривается с вами и представляет клиента, Джулиуса Керна. Точно?

— Точно,— смущенно подтвердил Осман-бей.

— Отсюда и начались все мои неприятности. Джулиус знал, что в посылке на двести тысяч долларов драгоценных

камней. Ломакс для него — лицо второстепенное, которое никогда не осмелится влезть в дело, и играющее роль обычного посредника. Операцией руководили вы, но о вас он ничего не знал и потому решил подсунуть вам какого-нибудь человека, который бы стал сообщать о каждом вашем шаге. Точно? Тогда он навел необходимые справки и от Лейлы узнал, что вы имеете слабость к женщинам, особенно к исполнительницам танца живота. Потом ему совсем нетрудно было втянуть вас в карточную игру, продуть тысячу долларов, разыграть комедию на тему отсутствия денег и предложить взамен эту девку, которая, как он утверждал, является настоящим виртуозом.

— Змеей, которую я пригрел на своей груди,— заметил Осман-бей с горечью.

Селина неожиданно подняла голову. У нее было взволнованное лицо.

— Умоляю вас, выслушайте меня,— воскликнула она дрожащим голосом.— Не делайте скорых выводов!

— Тебе, дорогая, придется немедленно ответить на ряд вопросов,— сказал я мягко.— Например, ты расскажешь нам, кто такой патрон, о котором говорит Джулиус.

— Не знаю,— тут же ответила она.

Я схватил Селину за руку и так вывернул ее за спину, что девушка упала передо мною на колени.

— Селина, милая,— сказал я,— пойми, мне ведь лично совсем не больно, и даже если я вынужден буду сломать тебе руку, мне от этого не холодно, не жарко.

— Нет,— застонала она,— нет, умоляю вас.

— Тогда отвечай на вопросы. Начнем сначала. Кто такой патрон?

— Большой Макс,— раздался с порога металлический голос.— Большой Макс Моррель, Бойд.

— Спасибо, Джулиус,— ответил я несколько принужденно.

— А теперь отпусти девчонку, иначе я рассержусь.

В комнату вошел Джулиус Керн. Пистолет в его руке сидел так же безупречно, как и все вещи на нем.

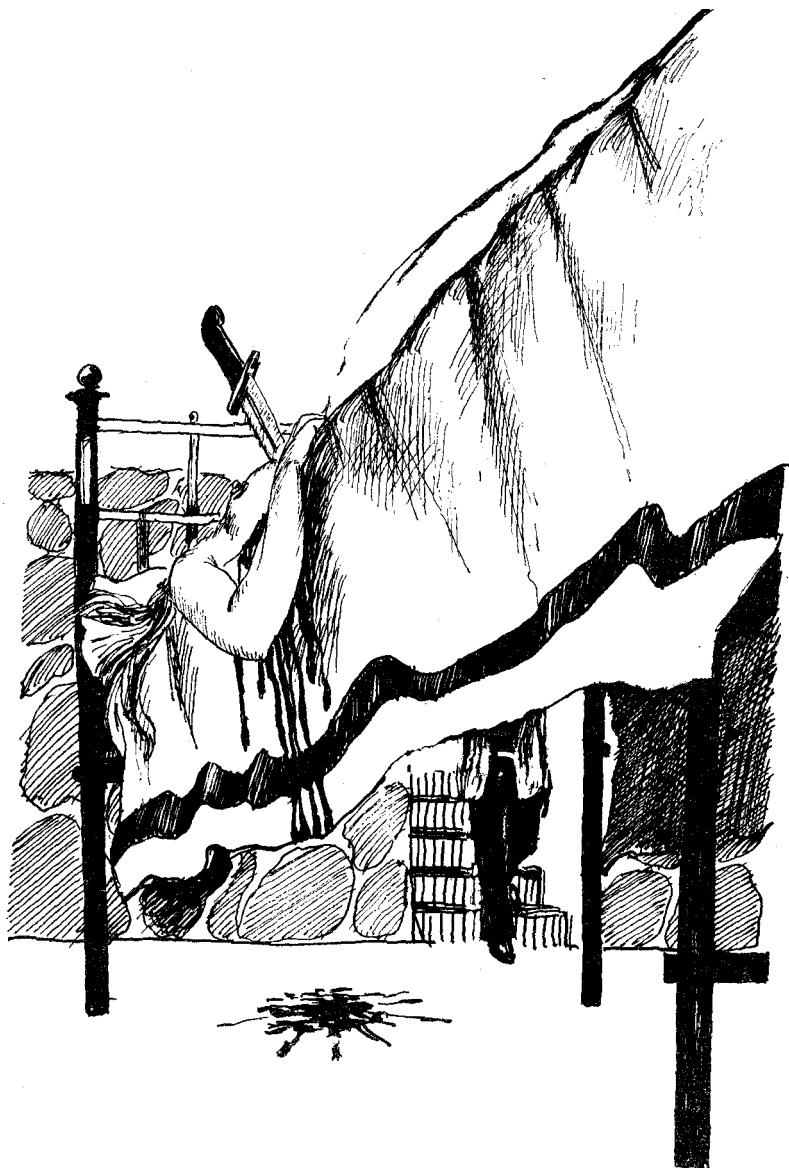
Я отпустил Селину. Она поднялась.

— Все в порядке? — спросил Керн.

— Он сделал мне больно, Джулиус. Он действительно сделал мне больно, ужасно больно,— захныкала она как маленькая девочка, с которой плохо обращаются.— Я... у меня что-то сломано там... внутри.

Белесый шрам Керна задержался.

— Ничего, дорогая. Он за это заплатит.

— Только действуй решительно, Джулиус, это же касается меня,— сказала она.

— Ладно.

Керн с угрозой посмотрел на Османа-бея.

— Слушай, жирная свинья, Селина останется здесь. Сейчас я выйду и ровно через минуту вернусь. И если ты осмелишься даже взглянуть на нее, я тебе...

— Нет, умоляю вас,— завопил Осман-бей.— Клянусь на Коране, что не сделаю ей ничего плохого. Даю вам слово...

— Я вернусь,— повторил Керн.— А теперь, Бойд, давай-ка сюда твою пушку.

— Пожалуйста. Но она разряжена.

— Я проверю,— сказал он.— Брось ее на ковер и подтолкни ногой к девушке.

Я послушался, и мой «магнум» оказался рядом с Селиной, которая поспешно наклонилась и схватила его.

— Осторожно, милая,— сказал я преувеличенно взволнованно.— Не забывай о больной руке. Ведь, может быть... там что-нибудь сломано... внутри.

Она покраснела от ярости.

— Подонок... Я хотела бы...

— Не сейчас, дорогая,— прервал ее Керн.— Пошли.

Пока мы стояли, ожидая лифта, я подумал, что события, которые начали раскручиваться с приходом Керна, напоминают мне нечто уже виденное. Впрочем, не удивительно. Просто я опять присутствую на просмотре пленки, где, черт знает, в какой раз наблюдаю эту дурацкую сцену: эпизод, в котором прогуливаюсь под прицелом пистолета.

Глава 8

Машина Джулиуса Керна стояла на углу дома. Внутри сидел человек. Джулиус наклонился к нему и что-то тихо сказал.

Несмотря на тонкий слух, мне ничего не удалось разобрать.

Джулиус впихнул меня на заднее сиденье и уселся рядом. Машина сорвалась с места. Я приятно расслабился на подушках.

— Джулиус,— сказал я, пытаюсь говорить как можно дружелюбнее.— У тебя есть виды на меня?

— Конечно, Бойд.

— А позволь спросить, какие?

— Полагаю, мы можем обсудить это, Бойд,— ответил он медовым голосом.— Почему бы не начать с самой главной проблемы? Ты исполнил свою роль и мне больше не нужен. По правде говоря, даже одно твое существование уже обременительно. Сначала я намеревался послать тебя к хозяевам, но у них тоже имеется какое-никакое самолюбие. И тогда я переменял решение.

— Готов поспорить, что оно мне не понравится,— сказал я мрачно,— но я его все-таки выслушаю.

— Посмотрим фактам в лицо, Бойд,— сказал он любезным голосом.— Кому нужен какой-то частный детектив?

— У меня дома есть одна небольшая книжка,— отозвался я с проблеском надежды,— почему бы не воспользоваться ею и не позвонить всем девушкам оттуда в алфавитном порядке. Я уверен, что кто-нибудь из них охотно займется мною. Ну во всяком случае хотя бы на один вечер.

— Да брось ты,— произнес он небрежно.— Я уже решил эту проблему, вспомнив о двух людях, которые весьма обрадуются, получив тебя в подарок. Ты меня понимаешь, Бойд?

— Мне становится грустно даже от одной мысли о них. Впрочем, рассказывай сам.

— Это Фрэнк Ломакс и Лейла Зента. После той небольшой корриды вчера вечером и всего, что ты сделал с ними, они тебя просто обожают... Ты бы видел, как они реагируют только на одно твое имя.

Я осторожно вытащил из кармана пачку сигарет и достал одну, чтобы закурить. Джулиус щелкнул зажигалкой. Мне показалось, что он улыбается.

— Ну, Бойд, что ты об этом скажешь? — спросил он, толкая меня локтем в бок.— Мы едем в «Оттоман».

— Джулиус,— спросил я,— а чей труп был в подвале?

— Труп? Какой труп?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Готов спорить — тебе известно о бронированной двери подвала и секретном запоре.

— Ну и что?

— Когда мы спускались туда, Лейла объяснила, почему Фрэнк считает этот секрет лучшим средством защиты содержимого подвала. Шифр ведь знают только три или четыре человека. Поэтому, если кто-нибудь оттуда пропадет, очень легко будет найти виновного.

— Ты болтаешь без остановки, но ничего не говоришь кс кретно.

— Уверен, ты все прекрасно понял, Джулиус,— сказал я.— Тот, кто прошлой ночью убил этого человека, знает шифр, иначе бы не проник в подвал. Лейла утверждает, что таких людей трое или четверо. Все они должны работать на Ломакса. Другими словами, человек был убит по приказу Фрэнка, не так ли?

— Ну и что? — пробурчал он.— Тебе-то какая разница?

— Я видел труп. И даже если от него освободились сразу после этого, я — свидетель, который может подтвердить, что видел его в подвале. Ты думаешь, Ломакс оставит меня в живых, если поймает?

— Конечно, Ломакс убьет, уничтожит частного детектива,— воскликнул он со смешком.— А я буду проливать слезы.

— Вряд ли,— сказал я.— Моя секретарша, мое дело, два-три типа, которые работают в той же области, может, сперва и станут плакать. Но потом в конце концов зададут себе один и тот же вопрос: что же такое раскопал наш Дэнни, если его посчитали нужным ликвидировать. И придут к одному и тому же ответу: он работал на некого Османа-бея, который утверждал, будто украли дочь его компаньона пять-шесть дней назад. Они обязательно зацепятся за эту ниточку. Ты такого хочешь, Джулиус?

— Заткнись! — воскликнул он.

— Может, ты думаешь, Большому Макс Моррелю это нужно? — спросил я, почти извиняясь.

Он наклонился к шоферу.

— Оставь пока «Оттоман», поезжай к парку.

— Большой Макс Моррель,— сказал я задумчиво.— Один из великих?

— Самый великий,— заверил меня Джулиус.

— Его выдворили из Штатов около трех лет назад?

— Да, примерно. Теперь он руководит организацией европейского бюро через посредников. Когда Большого Макса выслали, организация была разделена на секторы, разумеется, с общего согласия. Ему оставили два-три крупных дела: в Италии и на юге Франции. Он сохранил долю кое в чем и здесь, на Западе, всем этим я руковожу от его имени. Больше мне нечего добавить.

— Значит, ты здешний руководитель? Следовательно, Большой Макс должен доверять тебе, Джулиус?

— Ну разумеется. До его отъезда мы десять лет работали вместе.

— Вероятно, потеря двухсот тысяч долларов при таких связях не имеет для тебя большого значения?

Я почувствовал, как он подскочил.

— Лучше замолчи, Бойд,— произнес он хрипло.

— Ты не понял, Джулиус. Просто я сам пытаюсь в этом немного разобраться.

— Достаточно.

— Послушай,— сказал я как можно любезнее,— ведь ты все-таки хочешь получить драгоценности, правда же? Мой клиент Осман-бей, эта мерзкая старая свинья, хочет занять и камни, и девушку. Ломакс хочет только камни. Думаю, отец девушки будет рад получить свою дочь. По существу, все хотят одного и того же. Если Ломакс заполучит камни, он передаст их тебе. Если я — то передам своему клиенту, а он, в свою очередь, опять же тебе. Так зачем нам ссориться?

Некоторое время Керн не шевелился. Машина продолжала медленно двигаться в глубь 66-й улицы, потом выехала на Бродвей.

Тут Керн резко выпрямился и сунул руку в карман пиджака.

Мне показалось, что я потерял три года жизни, пока ждал, когда он ее наконец вытащит.

Однако в руке оказалась только пачка сигарет. Я с признательностью взял одну, и мы закурили.

— Забавные мысли у тебя, Дэнни.

Впервые я уловил в его голосе некоторую симпатию.

— Да, неплохие,— согласился я.— Только над ними еще нужно поработать. И самое важное здесь, на мой взгляд,— это быстрота действий. Ты согласен?

— Да.— Несколько секунд он смотрел на толпу, вытекающую из кинотеатра и разливающуюся по обеим сторонам улицы.— Ты поработай немного над этим, Дэнни. А завтра поговорим. Я позвоню тебе в контору около полудня.

— Хорошо.

— Где тебя посадить?

— Если не трудно, перед домом. Это к востоку от Центрального парка.

Я назвал ему номер.

Он наклонился, чтобы отдать приказ шоферу, затем снова откинулся на спинку сиденья.

— Проклятая Селина,— пробормотал он.— Ты видел

эту комедию с рукой? Готов держать пари, она надеялась получить твою голову на подносе.

— Верю на слово.

— Если хочешь, я через полчаса пришлю ее тебе.— Шрам в уголке его рта задрожал.— У нее чудесная кожа.

— Нет, спасибо. У меня был сегодня тяжелый день. Правда, хотелось бы, чтобы мне вернули пистолет.

— Хорошо, я скажу Джо,— он жестом указал на шофера,— чтобы он привез.

Машина остановилась перед моим домом.

Я постоял на тротуаре, глядя, как они удалялись, и до сих пор не веря, что нахожусь дома.

Закрыв дверь, я сразу же принялся готовить специальный «бурбон». И едва успел допить его, как раздался звонок. На лестничной площадке стоял Джо.

— Мистер Керн приказал вам передать,— объяснил он, протягивая пакет, завернутый в коричневую бумагу.

— Спасибо.

— И еще он сказал, что, если ваши намерения относительно другого пакета изменились, для него не составит никакого труда прислать его завернутым в черный сатин.

— Очень мило с его стороны, но не нужно, спасибо.

— Как вам угодно, мистер Бойд.

Я закрыл дверь, вернулся в гостиную и распаковал сверток. Это был мой «магнум». Тут я вспомнил, что уже два раза за этот день вынужден был вежливо просить вернуть его, и срочно зарядил пистолет патронами.

И здесь меня чуть не хватил удар от неожиданности, потому что на моей кровати лежала «спящая красавица», забывшись в сладком сне. Ее шиньон немного растрепался, и светлые пряди спадали на щеки. Сердце мое тревожно забилося.

Я подошел к кровати и бесцеремонно потряс спящую за плечо. Она улыбнулась, не открывая глаз. Я потряс ее сильнее.

— Ну, разумеется,— пробормотала она сонным голосом.— Держу пари, что это самый великий кавалер на этом берегу Гудзона. Такой изумительный профиль.

Смех ее музыкой зазвенел у меня в ушах. Что же, в конце концов я разбуду ее окончательно. Может быть, она еще что-нибудь скажет по поводу профиля.

— Проснитесь,— заорал я, дергая ее изо всех сил.

На этот раз она зевнула, но этим дело и ограничилось.

— А что вы скажете про его подбородок?

— Все зависит от того, о каком именно из них вы

хотите услышать... Ну, по поводу его рта я не хотела бы высказываться. Могу квалифицировать одним словом: мясистый!

Я тряс ее за плечо, продолжая внимательно разглядывать.

Наконец правое веко дернулось, и один глаз приоткрылся.

— Раз мне не удастся ее разбудить,— сказал я вполголоса,— ничего не поделаешь, придется перейти к решительным действиям. Начнем ее раздевать. Потом я сделаю фотографию обнаженной женщины и хорошо заработаю, продавая снимки на улице. Потом я с ней...

Теперь оба глаза широко открылись и посмотрели на меня возмущенно.

— Достаточно, Дэнни Бойд,— сухо произнесла она.

— Вот как? Все в порядке. Вы отдаете себе отчет, что говорили, притворяясь спящей?

— А, задело!

Она потянулась и зевнула.

— Уже много недель так хорошо не спала.

— Надеюсь, то, что вы говорили о моем лице,— шутка?

— Нет,— возразила она.— Это голая истина. Я просто немножко опередила события, скажем, лет на пять...

Должен признаться, мой смех прозвучал несколько принужденно даже в собственных ушах.

— Представляете, как я буду мотаться по улицам, предлагая эти снимки? — спросил я иронически.

— За кого вы меня принимаете? Вы, наверное, сошли с ума, дружище, и забыли о существенной разнице,— воскликнула Китти Торренс,— ведь я-то ваше лицо действительно видела!

— Да,— сказал я грустно.— Никогда не думал о таком аспекте. Ну, хорошо. Будем играть честно, давайте? Теперь, после того, как я показал вам свое лицо со всех сторон, пришла ваша очередь показать мне...

Она с притворным возмущением тряхнула своей шевелюрой.

— Этот парень состоит из одних плюсов,— заявила она, обращаясь к воображаемой аудитории.— Он удивительно настойчив.

— Как вы смогли проникнуть сюда?

— Я сказала привратнику, что прихожусь вам младшей сестрой, которой некуда идти.

— И он впустил вас, поверив в такой затасканный...

— Не сразу,— уточнила она.— Он оказался грубияном

и объяснил, что девушки моего типа портят репутацию таких респектабельных домов, как ваш.

— Ну и что?

— Я извинилась, сославшись на свое недоразвитое чувство юмора. И в конце концов рассказала, что сегодня днем состоялась большая лотерея, а у вас есть выигрышный билет. Потом спросила, понятно ли, что может такое означать в смысле квартирной платы? После этого он меня пустил.

Только через несколько секунд я вдруг понял, что у меня широко разинут рот, и захлопнул его, энергично щелкнув зубами.

— Мне бы очень хотелось считать себя неотразимым, но вы такая циничная... — осторожно заметил я. — Все-таки, что же вас привело сюда?

— О, — воскликнула она. И сразу же прикрыла рот рукой. — Знаете, Дэнни, я чуть не забыла... Ведь это идея мистера Корли.

— Корли?

— Да. Он позвонил мне сегодня вечером, около половины девятого, таким таинственным голосом, будто решался вопрос жизни или смерти, и попросил меня немедленно связаться с мистером Бойдом. «Очевидно, вы прекрасно знаете человека, — сказал он, — с которым завтракали, после чего так поздно вернулись с перерыва. Поэтому вам нужно срочно с ним встретиться и передать важные сообщения».

— Что? Сообщения?

Китти закрыла глаза.

— Мне нужно собраться, чтобы в точности повторить слова, которые, по моему мнению, не имеют ни начала, ни конца. Вот как он сказал: «Передайте вашему мистеру Бойду, что вполне возможно было бы пройти со стороны пляжа, если обращать внимание на электрические провода, натянутые вверх». Вам это говорит о чем-нибудь?

— Не очень, — сказал я, покачивая головой. — Это все?

— Нет, не все, — ответила она, опять закрывая глаза, чтобы вспомнить остальное. — Еще сказал что-то вроде: «Возможно, я бы смог заняться собаками, пока он будет искать, где повесить свое пальто». Теперь проясняется, Дэнни?

Я пробормотал:

— Да. Первая часть относительно собак. Но — «пока он

будет искать, где повесить свое пальто», — что он хотел сказать этим, черт возьми!

— Мистер Корли сказал: «На меня не рассчитывайте», и мне показалось, даже ухмыльнулся в свою бородку, а потом добавил, что, если вы настолько ловки, как он это представляет, или хотя бы вполтину ловки от того, как об этом сами думаете, то вам удастся выкрутиться.

— Премного благодарен мистеру Корли, — сказал я вполголоса.

Одним движением она спустила с кровати свои длинные ноги. Не спеша поднялась и подошла к туалетному столику, чтобы посмотреть в зеркало. Отчаянный крик заставил меня подскочить.

— Дэнни Бойд! Выйдите отсюда, — воскликнула она. — Я похожа сейчас на дочь дракона, выпущенную на волю после сорокалетнего пребывания в подвале.

Я немедленно отреагировал:

— Если хотите, могу предложить вам что-нибудь выпить.

— Делайте что угодно. Главное, чтобы вас не было в комнате, — умоляюще попросила она.

Я направился в спальню, решив, что чем быстрее исчезну, тем больше обрадуется Китти.

Вдруг нога моя ударилась о какой-то тяжелый предмет, хотя я точно знал: здесь ничего не должно было стоять.

— Какой неловкий, — горько произнесла Китти.

Убедившись, что кости у меня не сломаны, я рискнул подняться.

— Я очень изменился?

— К сожалению, нет, — ответила она. — Интересно, как друзья освобождаются от вас после встречи? Они что, обращаются к пожарным?

— Я не видел...

Мои глаза уставились на неизвестный предмет, и... слова застряли в горле.

— Что это?

Голосовые связки отказались мне повиноваться.

— Что это такое?

— А, это?.. — В голосе Китти чувствовалась нервозность. — ...Моя сумка.

— Ваша сумка? — произнес я. — Она скорее напоминает контейнер.

— Я люблю большие сумки, — ответила она вполголо-

са.— В наши дни женщинам приходится так много носить с собой, поэтому сумка нужна вместительная.

— Ну да, разумеется. Ведь девушка никогда заранее не знает, где ей придется оказаться. А вдруг она полгода должна будет провести на пустынном острове в Таймс-сквер. Какая катастрофа, если придется дважды надеть одно и то же платье.

— В наши дни все большое,— упрямо продолжала Китти.— Носовые платки у меня всегда большие, и сигареты я курю длинные. Ну скажите, Дэнни Бойд, уйдете вы, наконец, отсюда?

Добравшись до спальни, я тщательно привел себя в порядок, плотно задернул занавески и погасил верхний свет, чтобы придать комнате интимность.

Потом приготовил себе специальный напиток и налил эту замечательную смесь в стакан, который поставил на низкий столик перед диваном. После этого развалился на мягких подушках и... принялся с надеждой ждать.

Минут через двадцать послышался щелчок замка. И в просвете приоткрытой двери, появилась высокая светлая прическа.

— Дэнни Бойд,— тихо спросила Китти,— вы знаете, который час?

— Почему вы спрашиваете? — горько произнес я.

— Уже около двух,— проговорила она.

Я пробормотал:

— Это не должно вас волновать. Вы уже достаточно поспали.

— Может быть, мне уйти?

Раздался страшный грохот. Я с удивлением обнаружил, что этот звук произвели мои собственные зубы.

— Ну,— сказал я, скривившись,— какой замечательный вечер, мисс Торренс. Могу вам сказать, что действительно поразвлекся.

— Вы почему-то рассердились на меня,— проговорила она жалобно.

— Нет, просто я думал, что мы сможем провести какое-то время вместе, если окажемся вдвоем в одной комнате. Даже приготовил коньяк для оживления разговора.

— О! — восхитилась она.— Значит, вы не хотите, чтобы я шла домой?

— Вы с ума сошли, да?

— А вы помните, как разозлились из-за моей сумки?

Я тут же поспешил оправдаться:

— У меня вдребезги разбита нога, поврежден позвоночник и сломано по пять ребер с каждой стороны.

— Но вы больше не сердитесь?

— Нет.

— И не хотите, чтобы я ушла?

— Об этом нечего и говорить.

— Я так счастлива! — воскликнула она радостно. — Мне было бы неловко ждать такси в таком виде.

Она проскользнула в дверь и двинулась по направлению к дивану. Я мог бы, конечно, издать какой-нибудь возглас, но язык мой прилип к небу. То небольшое, что было на ней надето, напоминало легкий, летний, утренний туман.

Пока я сидел, затаив дыхание, она подошла к дивану и остановилась передо мною.

На таком расстоянии я уже мог понять, что на ней всего две вещи: прозрачный лифчик и бикини.

— Вам нравится? — спросила она осторожно.

— Это изумительно, только жаль, что ткань скрывает вашу великолепную кожу.

— Вы считаете, она не нужна, Дэнни?

— Никакая ткань, — сказал я грустно, — не может сравниться с вашей красотой, Китти.

— Тогда налейте мне выпить, а я пока освобожусь от нее.

Стакан дрожал у меня в руках, и я вынужден был приложить большие усилия, чтобы успокоиться. Когда я повернулся к Китти с бокалом, то едва не вылил его содержимое на собственные колени. Ее одежда исчезла.

— Почему бы нам не остановить часы, Дэнни? Я не желаю, чтобы наступало утро.

— Хотите, я расскажу вам забавную историю? Только что один человек предложил прислать мне одалиску, виртуозную исполнительницу танца живота. И я решительно отказался от такого подарка. Пожалуй, это самое разумное решение за всю мою жизнь.

— Дэнни Бойд, у тебя бредовое воображение, но надеюсь, оно проявится и в практической области. Я так и не выпила свой коньяк.

— Как жаль, милая. Я не знал, что ты хочешь его выпить.

— Забавно. Сейчас мне действительно совсем не хочется пить.

Китти сидела напротив меня за маленьким столиком. Ее светлые волосы рассыпались по лбу и щекам.

— Я, наверное, похожа на ведьму, — заметила она беспокоенно.

— Мне ты кажешься невероятно прекрасной и желанной, — откровенно сказал я. — Ты выглядишь именно так, как должна выглядеть девушка, которая завтракает за маленьким столиком в плавках с леопардами и соответствующем бюстгальтере.

— Дэнни, ты удивительно мил, — ответила она нежно. — Который, интересно, теперь час?

Посмотрела на свои крохотные часики и простонала:

— Половина одиннадцатого. А я до сих пор здесь, спокойно ем свой завтрак совершенно голая. Мистер Корли сегодня же выставит меня за дверь.

— Но если ты объяснишь, какую тяжелую работу проделала, чтобы выполнить его задание, он так не поступит. А кстати, Китти, эта служба очень важна для тебя?

— Понимаешь... — начала она, презрительно пожимая плечами, — другой у меня нет.

Она готовила кофе гораздо лучше меня. Я выпил уже третью чашку, воспользовавшись тем, что она смотрела в другую сторону, и напомнил ей:

— Не забудь о нашем свидании в восемь часов вечера сегодня.

— Знаешь, Дэнни, — сказала она, хмурясь, — я встретила тебя только вчера, когда ты столь явно терроризировал бедного маленького Корли, что тот совсем потерял голову. Потом он позвонил мне вечером и попросил передать это дурацкое послание, утверждая, что в нем заключается вопрос жизни или смерти. И еще, когда ты вошел к нам в контору в первый раз, у тебя был пистолет. А теперь я вдруг поняла, что совершенно не знаю, как ты зарабатываешь себе на хлеб. Но подозреваю — явно не службой в Министерстве здравоохранения.

— Я — Дэнни Бойд, из агентства «Бойд», — сказал я, улыбаясь. — Частный детектив.

— И сейчас ведешь дело, в котором замешан мистер Корли?

— Да, оказался замешан. И твой друг, который продает Корли всякие древности, тоже.

— Какой друг?

— Ты прекрасно знаешь, какой. Тот, у которого сказочное имя,— Осман-бей.

Несколько секунд я смотрел на нее, изумленно открыв рот, потом пробормотал:

— Я о нем совершенно забыл. Хорошо, что ты напомнила.

— Всегда к вашим услугам. Это наш девиз.

Тут она вскочила и бросилась в комнату.

— Если я не появлюсь в магазине прежде, чем Корли пойдет завтракать,— воскликнула она,— то наверняка окажусь без работы.

Она как будто нажала на какую-то кнопку внутри моего черепа, отчего магнитофонная пленка вдруг начала раскручиваться. Я услышал, как рассказываю о событиях последних суток Осману-бею и его рабыне, которая из всех сил старалась уменьшиться, чтобы успеть юркнуть в мышиную норку. «С моей подозрительностью трудно поверить в совпадения»,— повторял мой собственный голос. И потом: «Синхронизация... я не верю, что Джулиус Керн случайно появился в раздевалке...»

Мимо меня промчалась к двери полностью одетая Китти.

— Пока, Дэнни,— бросила она, запыхавшись.— Я обожаю тебя. До вечера. До восьми часов.

— Встретимся здесь?

— Я... У меня не было времени привести в порядок свою сумку. Ну, ты понимаешь!

— Конечно.

— В этих трусиках я чувствую себя настоящей женщиной-пантерой,— голос ее затихал по мере приближения к лифту.

— Как ты думаешь, у Корли не будет сердечного приступа, если я зарычу на него вместо приветствия?

После ее ухода я оделся, взял свой «магнум» и засунул в кобуру под пиджак.

Потом позвонил в контору, и бесстрастный голос Фран уверил меня, что ничего пока не произошло. Однако, добавила она откровенно, все еще может произойти.

Я сказал, что, если позвонит Джулиус Керн, она должна будет записать номер, по которому можно его найти. И в конце разговора сообщил, что сегодня в контору не приду. Затем набрал номер квартиры на Саттен-плас.

Через некоторое время мне ответил осторожный голос. Я представился:

— У телефона Дэнни Бойд.

— Счастлив вас слышать, Дэнни, после ужасных ночных событий,— сказал Осман-бей.— С тех пор, как вы ушли, я очень беспокоился. Джулиус Керн рассказал мне о вашем соглашении. Он отогрел мое сердце так ловко и так логично, мистер Бойд.

— Прекрасно. А теперь я хотел бы обсудить с вами некоторые детали, мистер Осман-бей, это очень срочно. Я могу прийти прямо сейчас?

— Сейчас? — спросил он без особого энтузиазма.

— Буду у вас через четверть часа,— сказал я и повесил трубку быстрее, чем он смог ответить.

Через пять минут я уже ехал в такси. На улице было очень жарко, около тридцати пяти градусов, и в воздухе столбом стояла влажная пыль, характерная только для Манхэттена. В парке одни дети проявляли еще какую-то активность.

Теперь дверь в квартиру на Саттен-пласс открылась уже через несколько секунд после моего звонка.

Это была первая из целой серии радикальных перемен. Второй стала одежда рабыни, которая открыла мне дверь.

— О,— воскликнула Селина,— это вы?

Ее яркое хлопковое платье совершенно не гармонировало с синими пятнами под глазами и со всем внешним видом, который я не замедлил отметить, едва вошел за ней в спальню-салон.

— Селина,— сказал я,— кажется, вы провели ужасную ночь. Что произошло?

Она повернула ко мне голову. В ее глазах вспыхнул гнев.

— Это вы во всем виноваты. Вчера вечером я думала, что Джулиус твердо решил вас уничтожить. А он возвращается, считая вас своим другом. И говорит, будто предложил вам отомстить мне за все, что я сделала, а вы отказались. «Этот Бойд,— сказал Джулиус,— не любит избивать девок, ну а я могу этим заняться».

— Мне очень жаль.

— Вам жаль? Это на словах, а у меня есть некоторые места, предпочитаю не называть их, которые сплошь покрыты синяками.

В центре салона я остановился и осмотрелся. Ничего здесь не изменилось. Шторы были так же герметично задернуты, а комната погружена в полумрак. В ней витал тяжелый аромат благовоний, в углу расположились нарگیле и сам Осман-бей. У него был по-прежнему отвратительный вид.

— Я вас приветствую, Бойд,— объявил он, улыбаясь одними губами.— Чем могу быть полезен?

— Селина,— сказал я,— помогите, пожалуйста, Осману-бею подняться.

— Если это необходимо, я могу подняться и сам,— заявил он с достоинством. И вслед за этим встал. Первой бросилась мне в глаза его борода: она производила странное впечатление приклеенной, а в целом он, как и раньше, был похож на одного из тех больных, о которых обычно не говорят вслух.

— А сейчас, мистер Бойд,— воскликнул он раздраженно,— может быть, вы скажете, почему я должен стоять перед вами, как слуга?

— Вчера вечером, отчитываясь перед вами, я сказал, что Фрэнк Ломакс убежден, будто в его клуб меня прислал некто Корли. Вы тогда еще спросили: «Корли, кто этот Корли?» Помните?

— А почему я не должен помнить? Это вполне логично. Я прежде никогда не слышал о нем.

— Это владелец галереи на 2-й авеню,— сказал я печально.— Уже много лет он покупает вам товары. Я даже видел ваши счета в его бюро.

— А,— воскликнул он, хлопая себя по лбу.— Вы именно об этом Корли хотели сказать?

— Да, об этом Корли, но не об этом Османе-бее.

Возможно, в мой первый визит его борода и была приклеена плохим клеем. Но в этот раз она держалась на редкость крепко, потому что, когда ее начали отдирать, он завопил от боли. Другой рукой я вцепился в длинные патлы и вдруг заметил, что оскальпировал его. Под черным париком оказались седые волосы, стриженные под ежик.

— Надеюсь, вы сможете мне объяснить весь этот костюмированный бал, мистер Мюрад,— произнес я.— И лучше, если ваша история будет правдивой.

— Хорошо,— согласился он.

Его руки нырнули под голубую шелковую рубашку, некоторое время покопошились там, и живот у него исчез. К моим ногам шлепнулась резиновая надувная подушка. Потом он засунул пальцы в рот, и щеки его опали без пластмассовых тампонов. Спина выпрямилась, и метаморфоза совершилась. Осман-бей исчез, появился его компаньон — Абдул Мюрад.

— Мне очень жаль, что пришлось вас обманывать, мистер Бойд,— произнес он.— Надеюсь, вы примете мои извинения.

— Если вам удастся убедить меня в том, что у вас были для этого достаточно весомые мотивы, я приму ваши извинения с удовольствием, мистер Мюрад,— сказал я сухо.— Если нет, я с не меньшим удовольствием набыю вам морду.

— У меня не было выбора,— объяснил он, не показывая своей обиды.— Вы уже знаете большую часть истории, Бойд. В течение ряда лет Осман-бей использовал наши дела для прикрытия своей контрабандной деятельности. Я обнаружил это при довольно интересных обстоятельствах. Он написал мне письмо, в котором просил прислать оригинальное редкое издание «Баязета» и предлагал, чтобы это сделала моя дочь Марта, когда поедет в Нью-Йорк. Он даже указал имя букиниста, продающего эту книну, и цену, которую нужно заплатить. Я так и сделал. Букинист сам тщательно завернул вещь. Марта, уезжая из Парижа, взяла пакет с собой. В тот же день я застал одного из своих служащих за любопытной работой: он занимался упаковкой древних курдских глиняных ваз большой ценности, которые представляют законный предмет экспорта, но служащий набивал их банковскими билетами.

Абдулл Мюрад на мгновение замолчал, и его глаза заблестели.

— Я допросил этого человека сам, прежде чем передать полиции. Он во всем признался, и тогда я впервые понял, что Осман-бей вот уже много лет делал из меня дурачка. Я позвонил ему и предупредил, что даю ровно двадцать четыре часа, прежде чем представлю доказательства его вины американской полиции. Он умолял меня не делать этого до тех пор, пока я не бросил трубку.

Мой собеседник стиснул зубы, потом продолжил:

— Через шесть часов он позвонил мне и сообщил, что в Нью-Йорк Марта прилетела благополучно, но там ее похитили. А потом добавил, что с ней не сделают плохого, если я ничего не сообщу полиции. Как только мы оформим письменное соглашение по этому вопросу, моя дочь будет освобождена.

— И даже не намекнул на книгу?

— Нет, напротив,— воскликнул Мюрад со зловещей ухмылкой.— Ему хотелось знать, где она находится. Я ответил, что должно быть, в багаже Марты. На основании всего этого и показаний моего бывшего служащего нетрудно было выйти и на человека, который нелегально переправляет бриллианты в Нью-Йорк. Им оказался Большой Макс Моррель, вы уже знаете. Я направился к нему. Он

был в курсе дела. Я выложил свои козыри: мне нужна дочь, вам — бриллианты. Почему бы нам не договориться? Он сказал, чтобы здесь я сразу связался с Джулиусом Керном, его доверенным лицом, и обещал от него любую посильную помощь. Я прибыл в Нью-Йорк на следующий день после исчезновения Марты. Керн рассказал мне о Ломаксе, который запер Османа-бея в своем клубе, так как был убежден, что тот обманщик. Я не знаю точно, как Ломакс его допрашивал, но в любом случае Осман-бей поклялся всеми святыми, что ничего не знал о бриллиантах. Тогда-то мне и пришлось в голову выдать себя за Османа-бея и нанять частного сыщика, чтобы он нашел мою дочь. И им оказались вы, мистер Бойд.

Я тут же спросил:

— А почему позавчера кто-то проник в подвал Ломакса и убил Османа-бея?

Мюрад пожал плечами:

— Боюсь, я не совсем понимаю логику американских гангстеров, мистер Бойд. И не могу придумать никаких мотивов его убийства.

— А я думаю, что, скорее всего, это сделал тот, кто не видел никогда ни бриллиантов, ни книги.

— Конечно,— ответил он с едва заметной улыбкой.— Если бы моя дочь не подвергалась сейчас такому громадному риску, Бойд, я бы гораздо серьезнее занялся этой чрезвычайно редкой и ценной книгой.

— Ну ладно,— сказал я.— Возможно, мы еще найдем вашу дочь и эту книгу знаменитую. Можете вы немедленно связаться с Джулиусом Керном?

— Да.

— Думаю, нам нужно условиться о встрече... скажем, в два часа — Джулиусу, вам, мне и Ломаксу. Ваша дочь может находиться только в одном месте: в доме Корли, на Лонг-Айленде. Но прежде, чем туда проникнуть, мы должны договориться обо всем.

— Я сейчас же позвоню,— воскликнул он и быстро вышел из комнаты.

Я наткнулся на насмешливый взгляд Селины.

— Наконец-то уразумели. Вчера после вашего с Джулиусом ухода, мы с Абдуллом отлично поразвлекались, вспоминая, как вы сюда ворвались.

— Вот как? А я понял, что Джулиус вас приставил к Осману-бею,— сказал я.

— Конечно,— призналась она,— вы были правы. Но

только ошиблись, принимая за Османа-бея Абдулла Мюрада.

— Скажите... За все то время, которое провели рядом с настоящим Османом, вы никогда не замечали, что он связан с Беатрис Корли?

— Нет.— Она посмотрела на меня подозрительно.— А почему вы спрашиваете?

— Это только доказывает, что Осман-бей был более хитер, чем о нем думали. Он знал, что вас подослал Джулиус, но, очевидно, посчитал лучшим находиться под присмотром такой женщины, как вы. Ведь ему не часто выпадала возможность бесплатно пользоваться танцовщицей, не так ли, Селина?

— Мерзавец! — завопила она, краснея от гнева.

— Послушайте, у меня есть предложение. Прекратите цепляться ко мне, и я тоже от вас отстану.

* * *

Мы сидели за столом в столовой, Джулиус — напротив меня, Абдулл Мюрад и Ломакс — по бокам.

— Ну, Дэнни,— начал Джулиус почти любезным тоном,— раз это твоя идея, то тебе и слово.

— Ты не возражаешь, если я объясню все с самого начала, чтобы было понятнее?

— Почему бы и нет?

— Довольно долго,— заговорил я,— Осман-бей поставлял разные товары Беатрис Корли, а поскольку галерея мужа служила ей прикрытием, то она поручала покупать их без особого риска. Это была неплохая комбинация. Потом в дело влез мистер Мюрад. Он пригрозил Осману-бею передать обвинения против него американским властям, если в течение суток не получит сатисфакцию. В панике тот попросил помощи у своей сообщницы, Беатрис Корли. Держу пари, что идея украсть Марту Мюрад, дабы утихомирить ее отца, исходит от этой красотки. А вы как думаете?

Ломакс молча кивнул.

Я продолжал:

— А теперь спросим Фрэнка: Осман-бей наверняка признался тебе об этом в подвале. Так?

— Да,— ответил тот вполголоса,— так.

— Значит, это Беатрис послала двух типов, чтобы украсть девчонку из отеля?

— Точно,— подтвердил он,— но Осман-бей клялся все-

ми святыми, что, когда позвонил девушке по телефону сразу после прибытия в отель, она сказала, будто ничего не знает о книжке, которую якобы привезла.

— Как он отвратителен,— пробормотал Мюрад,— хотя и мертв.

Свои слова он подчеркнул ударом кулака по столу, который от этого задрожал.

Я снова продолжил:

— Итак, есть два варианта: либо Осман-бей украл бриллианты и спрятал неизвестно где, либо сообщники Беатрис похитили их вместе с девушкой.

— Нет.— Фрэнк энергично потрянул головой.— Осман-бей знал, что люди Беатрис ничего не брали. Он же говорил с ней перед тем, как попал ко мне. Беатрис заявила, что о камнях ничего не знает. Значит, Бойд, врет или Осман, или девчонка, и бриллианты спрятал кто-то из них.

— Не смейте так говорить о моей дочери! — воскликнул Мюрад.— Я не позволю, чтобы...

— Прекратите,— оборвал его Джулиус.— Дэнни объясняет интересные вещи.

— Единственная возможность установить истину — это свести Марту и Османа-бея,— сказал я.— Один из них наверняка говорит правду, другой — рассказывает сказки. Только так можно все выяснить.

— Я это сразу же хотел сделать,— горько заметил Ломакс.— Но проклятая толстуха Корли требует половину. Она совсем сошла с ума.

— Я хочу задать тебе один вопрос, Фрэнк,— вмешался Джулиус.— Ведь ты прекрасно знал, что Марта находится у Корли. Почему же мне об этом не рассказывал?

— Потому что боялся, Джулиус,— признался Ломакс.— Ведь это я связал тебя с Османом-беем, от меня ты требовал бриллианты или деньги. И я подумал, что, если мне удастся вернуть их самому, мы снова станем друзьями, как прежде. А расскажи я о Корли, ты мог бы все сделать сам...

Я тем временем продолжил:

— Вчера вечером на Лонг-Айленде Беатрис вообразила, что я из банды Фрэнка. Точно так же, как ты вообразил, будто я из банды Корли. Она внесла такое предложение: свести девчонку с Османом-беем и, если удастся, наконец получить камни, разделить их пополам. Знаешь, Фрэнк, мне кажется, следует немедленно позвонить ей и назначить на сегодняшний вечер встречу.

Ломакс посмотрел на меня недоуменно.

— Ты совсем спятил, Бойд? Осман-бей мертв уже тридцать шесть часов. Ты прекрасно знаешь, что кто-то прикончил его в моем подвале. Ведь вы с Лейлой нашли его уже холодным.

— Разумеется, я это знаю, мы это знаем, но Беатрис — нет.

— Дэнни,— проговорил Джулиус вполголоса,— а ведь котелок-то у тебя варит.

— Но мы же не сможем представить Османа-бея сегодня вечером,— сказал Ломакс.

— А это и не обязательно,— ответил я.— Тебе нужно только позвонить Беатрис и сказать, что хочешь прийти к ней для обсуждения этого вопроса. Если вы договоритесь, пообещаешь завтра вечером привести к ней Османа-бея.

— А что если Фрэнк пойдет к ней сегодня? — спросил Джулиус.

— Я хочу, чтобы и ты пошел с ним. Беатрис не будет против. Возможно, она даже ждет этого. И еще, если не возражаешь, Фрэнк, возьми с собой и Лейлу.

— Но зачем, черт возьми! — воскликнул он смущенно.

Тогда я рассказал им обо всем, что видел вчера вечером в имении Беатрис: кирпичные стены, поверх которых натянуты электрические провода, непреодолимая решетка, пять чудовищ, четыре бандита (если, конечно, Беатрис сказала правду, поскольку я видел только двоих).

— Этот парнишка,— объяснил я Ломаксу,— бабник. Лейла могла бы занять его на всю ночь. Еще одно: они не пропустят вас — тебя и Джулиуса, если вы не сдадите оружие. А Лейла могла бы спрятать его под юбкой или еще где-нибудь.

Ломакс пожал плечами.

— Все это бесполезные трюки,— заявил он с откровенной неприязнью.— Зачем идти куда-то и обсуждать то, чего мы не сможем реализовать в любом случае? К чему все это?

— Объясню. Пока вы будете отвлекать их внутри дома, Мюрад и я попытаемся войти другим путем, со стороны пляжа.

— А пять собак? — проговорил он.

— Мне пообещали ими заняться,— заверил я и рассказал о послании Мэтью Корли.

— Ты совершенно спятил, Бойд! — завопил Фрэнк так сильно, что на лбу у него проступили и запульсировали вены.— Рисковать, полагаясь на слово этого ничтожества?

— Вполне возможно, что ты прав,— сказал я, пожимая плечами,— но, на мой взгляд, у нас нет выбора.

— Я тоже так думаю,— пробормотал Джулиус.

— И я,— хрипло добавил Мюрад.

— Хорошо,— сказал Фрэнк,— делайте что хотите, а я не желаю в это вмешиваться.

— У тебя есть чудесная возможность возвратить себе свободу,— сказал Джулиус, и белый шрам в уголке его рта задрожал.— Ты всего лишь должен отдать мне стоимость этих камней — двести тысяч долларов, и потом можешь поступать как пожелаешь.

— Джулиус,— воскликнул Ломакс, бледнея,— ты прекрасно знаешь, что я не могу! У меня нет такой суммы.

— Тогда пойдешь с нами,— жестко заключил Керн.

Через пять минут совещание закончилось. Ломакс покинул нас сразу после того, как позвонил Беатрис Корли и договорился о свидании на половину девятого вечера.

Мюрад заявил, что устал и должен немного отдохнуть. После чего исчез в другой комнате. Джулиус Керн остался сидеть, нервно постукивая по столу пальцами.

— Ну, Дэнни,— проговорил он,— а теперь...

— В чем дело?

— Сегодня вечером может возникнуть и еще одна проблема. О ней не было сказано ни слова.

— Какая?

— Когда Фрэнк держал Османа-бея в своем подвале, я приходил к ним туда три или четыре раза,— признался он наконец.— Этот Осман-бей — слабак. Из тех, кто выкладывает все, как только к ним прикоснутся. Я уверен, что он никогда не видел бриллиантов. Как думаешь, прав я?

— Значит, это девушка?

— Мюрад сейчас хочет только возвратить свою дочь,— проговорил Джулиус.— Но прежде, может, нам сказать ей пару слов? Ты понимаешь, о чем я?..

Глава 10

В четыре часа я набрал телефонный номер. Мне жизне-
радостно ответили:

— Галерея Мэтью Корли. Мисс Торренс у аппарата.

— Простите,— сказал я, старательно изменяя голос,— не могли бы вы помочь найти одну очень редкую ре-
продукцию?

— Мы сделаем все возможное, мистер,— заявила она.— О какой репродукции идет речь?

— Под названием «шкура леопарда»,— сказал я мягко.— Мисс Торренс, посмотрите, пожалуйста, себе под юбку, она еще там?

Долю секунды было тихо, потом раздался смех.

— Дэнни Бойд, конечно, она там, ты сможешь посмотреть.

— Значит, тебя не выставили за дверь?

— Нет. Мистер Корли сам явился только в одиннадцать. Посидел здесь около часа и уехал домой. Дэнни, я беспокоюсь за него. Это следствие, которое ты ведешь... Оно может принести ему серьезные неприятности?

— Думаю, да,— сказал я любезно.

— Я так и знала. А кстати, у меня есть еще одно послание для тебя.

— И что в нем говорится?

— Буквально следующее: «Передайте вашему Бойду, что я не ставлю никаких условий. Но, возможно, придет время, когда я попрошу его о небольшой услуге. Надеюсь, он мне не откажет». Это звучит очень торжественно, Дэнни, не находишь?

— Да, ты права. Но я тоже должен тебе сообщить новости, милая, только они грустные.

— Какие же?

— Сегодня вечером я буду занят.

— Что, всю ночь?

— Мне бы самому хотелось это знать. Если будет малейшая возможность, то...

— Я знаю,— проговорила она нежно.— По тому, как ведет себя Корли, я поняла, что сегодня вечером это дело должно завершиться. Я буду грустить и поплачу немного. Дэнни...

— Что?

— Ты не будешь возражать, если я пойду сегодня ночевать к тебе? Вдруг освободишься раньше...

— Замечательная идея. Договорились.

— Только не делай глупостей. Постарайся избежать пули, и вообще...

— Ты что, издеваешься? Или считаешь, я позволю испортить такой профиль?

Я вернулся к себе и пару часов поспал. Потом принял душ, надел поношенную рубашку, старые штаны и черные туфли. Кобура прекрасно уместилась под спортивной курткой. В карман я засунул дополнительную горсть патронов.

В семь часов, уже собираясь уходить из дома, я вдруг вспомнил, что мне может понадобиться фонарь. Потом быстро перекусил и отправился к Абдуллу Мюраду.

Джулиус, Фрэнк Ломакс и Лейла Зента должны прийти на лонг-айлендскую виллу в половине девятого и, что бы ни случилось, оставаться там ровно до десяти. В девять часов мы с Мюрадом попытаемся проникнуть туда со стороны пляжа. Я не хотел форсировать события до наступления темноты, опасаясь, что нас увидят сверху. Но и в крошечной тьме этот подъем нельзя было начинать. К тому же он — не самое главное препятствие, если верить Корли. Нельзя забывать и об электрических проводах. Поэтому лучше всего для нашей операции подходили сумерки.

Мы приехали на пляж в восемь часов. Черные сплошные тучи, нависавшие над нами, закрыли солнце, и стало почти темно.

— Небо почти все затянулось, — сказал я Мюраду. — Думаю, нам следует двигаться сейчас же.

— Хорошо, — согласился он. — Вы альпинизмом много занимались, мистер Бойд?

— Никогда не занимался, — вынужден был я сознаться.

— А я совершил несколько восхождений в Швейцарии, — продолжал он. — Может быть, мне попробовать первым?

— Великолепно, — откровенно обрадовался я. — Но будьте осторожны: наверху электрические провода.

Первые тридцать метров не составили для нас никакого труда. Но потом все осложнилось. Я подолгу светил фонариком Мюраду, пока тот руками и ногами методично ощупывал камни, прежде чем наступить на них.

А в заключительной части нашего подъема я совершил ошибку — глянул вниз, чтобы полюбоваться пройденным путем. И на мгновение был совершенно парализован: в нескольких сантиметрах за моими ступнями начиналась бездна. Я изо всех сил вцепился в камни и с трудом успокоился. Примерно в шести метрах от вершины мы начали слабеть, но мое упорство на этот раз было безграничным. Я просто отказался замечать препятствия.

Внезапно стало совсем темно. Весь мир ограничивался теперь крохотными участками, на которые моя рука или нога могли опереться вслед за Мюрадом. Я уже почти начал привыкать к этому ограниченному миру, когда Мюрад вдруг исчез. Мгновением раньше он был прямо надо

мной, по крайней мере, в двух метрах, а сейчас испарился. Что могло с ним случиться, черт возьми? Я пытался понять это изо всех сил. Он никак не мог упасть. Я бы слышал, и даже видел бы, как он летел в бездну. Голова моя ничего не соображала: что же могло случиться с Мюрадом?

— Мюрад,— произнес я,— где вы?

Его лицо неожиданно появилось сантиметрах в шестидесяти над моим, но почему-то обращенное ко мне.

— Что вы делаете? — спросил я дрожащим от страха голосом.— Спускаетесь, что ли?

Это показалось мне таким забавным, что он рассмеялся.

— Мне бы не хотелось вас прерывать,— добавил я без горечи,— но мои пальцы уже начали неметь.

— Мистер Бойд, я думал, вы поняли.

— Что именно?

— То, что вы в пятнадцати сантиметрах от вершины. Вам достаточно протянуть руку...

Последнее усилие, и, оказавшись на траве рядом с ним, я немедленно дал себе клятву такими упражнениями больше не заниматься никогда в жизни.

Мы отдохнули минут пять. Прежде чем подняться, я взглянул на часы. Было половина десятого.

— Если позволите, мистер Бойд,— прошептал Мюрад,— до псарни я пойду первым, а потом вы будете показывать дорогу. Сейчас нам придется двигаться ползком, чтобы пройти под электрическими проводами.

Мы преодолели три линии проводов, которые тянулись в двух метрах одна от другой и располагались очень низко над землей. Добрались, наконец, до псарни и остановились.

— А теперь я пойду за вами,— вежливо сказал Мюрад.

Полностью освещенная вилла находилась в пятнадцати метрах от нас. Я подумал о том, как выкручиваются остальные, и почувствовала ли Беатрис конкуренцию, которую ей могла составить Лейла по отношению к парнишке.

Приблизившись к псарне, я услышал рычание. Оно шло изнутри. Что ж, во всяком случае, Корли удалось запереть их и не выпустить во двор.

Едва мы дошли до двери, все пять чудовищ принялись лаять что есть мочи. Это заставило меня задуматься: заперты ли они в клетках или свободно бегают внутри псарни? Я с трудом подавил свою природную вежливость и не пригласил Мюрада войти первым.

Дверь оказалась незаперта. Я достал свой «магнум»

и толкнул ее створку. Поскольку псы на меня не бросились, я логично заключил, что они сидят в клетках. Окружающий мир сразу показался мне немного приятнее. Следом зашел Мюрад и тщательно запер дверь за собой. Я включил фонарик и осветил пол.

— Тино, ближайший помощник Беатрис, уверил меня, что их часть находится здесь,— сказал я.— По его словам — это пятнадцать сантиметров железобетона. Как вы думаете, он не шутил?

Ничего не говоря, Мюрад опустился на четвереньки и внимательно проверил каждый квадратный сантиметр пола. Через несколько минут он сказал:

— Здесь,— и его пальцы нарисовали на полу прямоугольник размером приблизительно сто восемьдесят на девяносто сантиметров.

Потом он медленно поднялся.

— Здесь люк, мистер Бойд. Он наверняка приводится в действие специальной системой.

Я с надеждой провел лучом фонарика по стенам, но увя. Результат был абсолютно отрицательным. Я не обнаружил ничего, за исключением какой-то металлической вешалки в углу.

— Ну, ладно,— прорычал Мюрад.— Если он только солгал... если она уже...

— Подождите,— сказал я.— Мне только что вспомнилась часть послания Мэтью Корли.

Он посмотрел на меня, разинув рот.

— О чем это вы?

— Там говорилось: «...пока он будет искать, где повесить свое пальто...»

Я бросился к стене, ухватился за вешалку и потянул изо всех сил. Она медленно отделилась от стены. Послышался легкий скрип хорошо смазанного механизма. И в несколько секунд громадная бетонная плита повернулась.

Мы с Мюрадом бросились к яме. Но когда я остановился, чтобы осветить фонарем открывшийся люк, Мюрад успел прыгнуть туда первым.

— Здесь есть проход, и дальше — свет,— бросил он голосом, дрожащим от нетерпения.— Я посмотрю, что там.

— Хорошо, я посторожу.

Он исчез. Мне оставалось только ждать. На другом конце псарни в клетках метались чудовища. Они с такой силой и с таким ревом бросались на металлическую решетку, что при каждом броске я вздрагивал. А потом вдрут

раздался страшный крик. В нем были отчаяние, ужас и боль.

Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы не повиноваться рефлексу, который толкал меня бежать. Обеими руками я закрыл уши, чтобы приглушить этот ужасный вой. И далее действовал уже вопреки инстинкту.

Спрыгнув в яму, я побежал в направлении, откуда виднелся свет. Тесный проход заканчивался небольшой прямоугольной комнатой, похожей на камеру. В глубине ее находилась дверь, у стены — кровать.

Перед кроватью стоял Мюрад и, откинув голову назад, продолжал выть. Там на животе лежала совершенно голая юная девушка с каштановыми волосами. Она была неподвижна. Я подошел, наклонился и посмотрел. Страшные кровоподтеки покрывали ее с головы до ног. Пальцы мои замерли, едва я дотронулся до ледяного тела. В конце концов мне удалось повернуть ее набок.

Правой рукой она все еще сжимала странную металлическую полоску, которая была заточена каким-то примитивным способом до такой степени, что превратилась в некое подобие кинжала. Девушка бросилась на это импровизированное оружие и пронзила им сердце.

Я догадался, что она это сделала не на кровати, где был постелен только один брезент. Кто-то приходил сюда уже потом и переложил ее. Я заметил еще невысохшие громадные лужи крови в противоположном углу комнаты.

В жизни Марта была хорошенькой девушкой, — подумал я грустно, — ей было не больше двадцати лет. Что за чудовище нанесло ей такие жуткие раны? Какой садист мог довести девушку до того, что она проводила долгие часы, делая себе кинжал? Какое животное довело ее до такого состояния, что новым страданиям она предпочла смерть?

Со стороны входа донесся шум. Мюрад стоял на том же месте, все в той же позе, с откинутой назад головой. Но не издавал уже ни звука. Удивительно, но этот немой вопль производил большее впечатление, чем прежний раздирающий душу крик.

Я позвал его, но он ничего не слышал. Потряс за руку, но он не обращал ни на что никакого внимания.

Тогда я понял, что сейчас это бесполезно, и решил лучше его не трогать.

Когда я вернулся к открытому люку, на потолке горела яркая электрическая лампа, заливающая все помещение желтоватым светом. Я поднял глаза и увидел круг лиц,

мрачно глядевших на меня. Никто не сделал ни малейшего движения, чтобы помочь мне выбраться.

Я самостоятельно вылез из ямы. Они продолжали молча смотреть.

Джулиус Керн сохранял на лице обычное свое выражение непроницаемого флегматика. Фрэнк Ломакс, казалось, весь сжался. Лейла Зента дрожала как лист, а Беатрис Корли была бледнее обыкновенного. Тино насторожился. У Майкла непрерывно дергался рот от нервного тика. И только Мэтью Корли впервые за время нашего знакомства прямо и спокойно смотрел мне в глаза.

— Мистер Бойд,— спросил он, не повышая голоса,— что произошло в подвале?

— Девушка мертва,— сказал я.

И затем объяснил, как она покончила с собой и какие причины, на мой взгляд, толкнули ее к самоубийству. Едва я закончил, из подземелья раздались медленные, очень тяжелые шаги.

А потом появился Абдулл Мюрад.

Как только он подошел к отверстию, я протянул ему руку, чтобы помочь, но тот ее не заметил.

Упершись ладонями в цементный пол, который находился на уровне его подбородка, он выбрался из ямы самостоятельно. Выпрямившись, осмотрел всех с непроницаемым видом, потом начал говорить хриплым шепотом, который, казалось, перейдет сейчас в вой.

— Моя дочь...— произнес он.— Кто из вас виноват в том, что произошло?

— Беатрис,— спокойно сказал Джулиус после некоторого молчания,— кто находился в доме все время, пока девушка была в подвале?

Глаза Беатрис блеснули ненавистью.

— Не понимаю,— ответила она,— как это случилось. Видимо, кто-то посторонний обнаружил секретную систему, открывающую вход.

— С самого первого дня,— внезапно вмешался Тино,— я приходил к девочке утром и вечером, на ночь отключал механизм от сети, чтобы он не мог сработать. Ключ прятал. Но днем...

Он сурово посмотрел на Беатрис и повторил медленно:

— Днем он всегда был у вас.

— Да,— признала Беатрис, словно марионетка.— Все эти дни он действительно был у меня.

— Дорогая,— сказал Мэтью Корли почти ласково,—

мне кажется, я вспоминаю кое-какие твои делишки: «Будь ласков, Мики, со своей маленькой хозяйкой и получишь костюм, который тебе так нравится».

— Да,— сказала она,— возможно... Мы иногда играли... как дети. Но Мики сам никогда...

— Правильно,— подтвердил Мэтью Корли.— Предложения делала ты, моя дорогая. А он уже ставил условия.

— Да, да,— качнула она головой.— Это немного развлекало нас.

— Вам должно быть стыдно, Майкл,— продолжал Мэтью почти насмешливо.— Женщина старше вас на тридцать лет и, более того, женщина с извращенным умом.

— В общем-то правильно,— согласился парнишка.— Иной раз я заснуть не мог ночью. Все ворочался до утра и думал, как ее убить. Но она была хозяйкой, и я не имел других возможностей зарабатывать на такую жизнь...

— Что же, это понятно. Ну а потом наступали моменты, когда нужно было расслабиться, иначе череп мог расколоться,— задумчиво произнес Корли.

— Вот-вот,— подтвердил юноша. Лицо у него вдруг оживилось.— Приходилось торговаться, все время торговаться: «Послушай,— говорил я ей,— у меня есть шикарное предложение: завтра днем — все что захочешь. Абсолютно все. А сегодня дай мне один только часок с этой маленькой гадиной, которая много о себе воображает, и я... я...»

— Я подозревал, что это были именно вы,— просто сказал Корли.

Майкл отступил в угол. В ту же минуту Мюрад вытащил пистолет и медленно его поднял. Раздалось три выстрела. Майкл в агонии забился на земле.

Лейла упала в обморок к ногам Ломакса, но тот на нее даже не глянул.

Мюрад на мгновение опустил пистолет и вдруг резко повернулся к Беатрис. Та пронзительно вскрикнула и бросилась к мужу.

— Мэтью! Мэтью! Спаси меня!

— Спасти тебя, моя дорогая? — Он засмеялся, и в смехе его сквозила настоящая радость.— Этого еще не хватало!

Беатрис оттолкнула его и ринулась к выходу.

Мюрад терпеливо подождал, пока она добежит до дверей, и дважды выстрелил.

Массивная спина Беатрис изогнулась, ее руки тщетно

пытались ухватиться за что-нибудь до тех пор, пока тело с глухим стуком не упало на землю. По удивительному совпадению ее голова оказалась прямо на груди у Майкла.

Мюрад посмотрел на оба трупа, улыбнулся, засунул ствол пистолета себе в рот и нажал на спусковой крючок.

— Бедный парень! — воскликнул Тино, охваченный внезапной жалостью к человеку, распростертому у его ног.

Я возразил:

— Если хочешь пожалеть кого-нибудь, Тино, пожалей лучше его дочь!

— Что ты хочешь этим сказать, Бойд? — резко произнес Ломакс.

— Физические страдания не единственная причина ее самоубийства, Фрэнк. Мюрад сам был виноват.

— Как — виноват?

— Нанимая меня, Мюрад выдал себя за Османа-бея. Он требовал, чтобы я нашел похищенную дочь компаньона и пропавшие бриллианты. Единственной ниточкой, которую он мне дал, было имя его бывшей любовницы Лейлы Зента. Скажи, Фрэнк, тебя кто-нибудь предупредил о том, что я приду в тот вечер в клуб?

— Понимаешь, — медленно произнес Ломакс, — примерно за четверть часа до твоего прихода позвонил какой-то парень и сказал, чтобы я не отходил от Лейлы ни на шаг, поскольку ее собирается навестить один мошенник.

— Он обманул тебя, — размеренно сказал я. — Он обманул меня, и он обманул Джулиуса.

— Минуточку! — воскликнул Джулиус. — Как же он меня обманул, Дэнни?

— Что он рассказал тебе, Джулиус? — спросил я.

— Говорил, будто он единственный человек в мире, который может водить за нос Османа-бея, и будто для него это так же нетрудно, как играть в детскую игру.

— Но он должен был также сказать, что совсем не хотел встречаться с Фрэнком, который знал, у кого находится его дочь. Ведь если бы стало известно, что он в Нью-Йорке, она бы подверглась еще большему риску.

— Верно, старина, — признал Джулиус. — Давай, рассказывай дальше.

— Ты часто спускался в подвал вместе с Фрэнком и запомнил шифр, а потом передал эту комбинацию Мюраду. Вы вдвоем проследили меня до клуба и, как только начались мои переговоры с гарсоном, сообщили обо мне Фрэнку. Позднее Джулиус вошел в раздевалку Лейлы,

убедился, что мы там, запер и позволил, таким образом, Мюраду допросить Османа-бея. Мюрад немедленно спустился в подвал, убил своего компаньона и тут же вышел.

— А мне он сказал, что это был несчастный случай,— пробормотал Ломакс.— Будто бы, когда он допрашивал его с пристрастием, нож соскользнул.

— Джулиус,— сказал я мягко,— посмотри на него, иногда он бывает наивен как ребенок.

— Что ты хочешь этим сказать, Бойд?

— Попытайся подумать о мотивах, которые были у Мюрада для убийства Османа-бея.

— Я все понимаю,— холодно ответил Ломакс.

— Ты помнишь, что тебе рассказывал Мюрад? По его словам, он случайно обнаружил незаконные махинации своего компаньона.

— Конечно, помню.

— А эта редкая книга, в переплете которой были спрятаны бриллианты? Представь-ка на минуту, что все произошло действительно так, как рассказывал Мюрад, но двумя днями раньше.

— Ты что, с ума сошел? — спросил Ломакс.

— Предположим, он застал своего служащего, который пихал банковские билеты в вазы, в понедельник. И, таким образом, именно тогда понял, что Осман-бей не один год занимался махинациями. В среду взял у букиниста книгу, о которой просил компаньон. Эту книгу его дочь должна была отвезти в четверг. Он внимательно просмотрел ее. И вдруг обнаружил, что в переплете спрятаны камни на сумму в двести тысяч долларов.

Я вдохнул воздух, прежде чем продолжить.

— Что ему было терять? Он дает двадцать четыре часа своему компаньону. И когда банда, которая доверила тому бриллианты для тайного ввоза, начнет действовать, Осман-бей станет первым козлом отпущения.

— Ты хочешь сказать, что все для него повернулось в худшую сторону, только когда украли дочь? — задумчиво заметил Джулиус.

— Разумеется. Потому что Мюрад был единственным человеком, который точно знал, что бриллианты никогда не покидали Парижа. Если бы Фрэнк условился с Беатрис об очной ставке, чтобы узнать, кто говорит правду, больше шансов за то, что скорее поверили бы Осману-бею, чем девушке. Мюрад не мог позволить себе пустить это дело на

самотек. Единственным выходом для него было — убить Османа-бея.

— Значит, никаких бриллиантов сюда не привозили, — тусклым голосом сказал Джулиус.

— Вот именно.

Он посмотрел на тело Мюрада у своих ног. Шрам возле его рта начал дергаться быстрее обычного.

— Мерзавец, — горько произнес он. — Как подумаю, что отдал тебе Селину...

В следующие четверть часа все потихоньку исчезли, и я остался один на один с Мэтью Корли.

— Это дело может вам принести серьезные неприятности, мистер Бойд, — произнес он вполголоса. — Я имею в виду вашу лицензию.

— Несомненно, — печально ответил я. — Я не сообщил о трупе, не сказал ничего о похищении, вошел в контакт с мошенниками — все это, конечно, будет стоить мне удостоверения.

— А почему вы так поступили?

— Я полагал, что, если есть хоть малейший шанс найти девочку живой, все остальное не имеет никакого значения, — ответил я откровенно.

Он кивнул.

— Мы знаем, что Османа-бея убил Мюрад, а теперь и он мертв... — Думаю, вам сейчас как раз самое время уйти, мистер Бойд.

— Нет, я останусь и подожду полицию.

— Просто смешно, — сказал Корли. — Я обо всем прекрасно знаю и смогу это сделать так же.

Его губы сжались.

— И потом: я в некоторой степени сам виноват.

В его рассуждениях была логика.

— Не знаю, как вас и благодарить, мистер Корли.

— Черт возьми! Да почему... Вы уберетесь, наконец отсюда?! — воскликнул он.

* * *

Чуть за полночь я, не зажигая света, проскользнул в квартиру. На цыпочках пересек гостиную и приблизился к спальне. Потом осторожно приоткрыл дверь, чтобы просунуть туда голову.

И жизнь показалась мне совсем тоскливой. Чемодан

стоял на месте, но хозяйки его не было. Кровать выглядела пустой и холодной. Отвратительно.

— Вы уверены, что попали в свою квартиру? — раздался неожиданный вопрос.— По тому, как вы вошли, можно подумать, что у привратника скопилась куча неоплаченных счетов.

Послышался легкий щелчок, и лампа на столике ослепила меня.

Высокая прическа без единой торчащей пряди была безукоризненна. А в голубых глазах я прочитал серьезный немой вопрос.

— Все закончилось?

— Да, теперь все.

— А бедняга Корли?

— Он оказался самым шикарным типом в мире.

— Счастлива от тебя это слышать.

Она откинулась на спинку дивана.

— Я боялся, что ты потеряешь работу,— сказал я вполголоса.

— А я разве не рассказала,— удивилась она,— что сегодня утром договорилась с мистером Корли и купила у него галерею?

— Ты... что?

— У меня как-то не было возможности сказать тебе раньше, что мой отец богат. Отвратительно богат,— бросила она небрежно.— Заставляет людей работать, а сам получает большие деньги.

— Он дантист?

— Нет, у него фабрика по производству жевательной резинки.

— Ты смеешься надо мной,— сказал я угрожающе.

— Я говорю правду. Ответь откровенно, Дэнни. Ты испугался?

— Глупенькая.

— Тогда почему не подойдешь поближе? Мне сейчас кажется, что я разговариваю с человеком, который находится в соседней квартире.

— Ну конечно,— сказал я радостно.— Я иду, я бегу, я лечу.

Ее глаза серьезно смотрели на меня, пока я уменьшал расстояние до дивана.

— Я приготовила коктейль,— объявила она небрежно.

— Замечательно, какой?

— Я ему еще не дала название,— начала она. И после некоторого колебания добавила:

— Я купила себе новую ночную рубашку.

Я обошел вокруг дивана.

— Тебе нравится? — спросила она, улыбаясь.

Я пробормотал:

— Ну... я... я... я ее не вижу.

— А... Я боялась помять эту прелесть, пока тебя ждала, и поэтому решила снять. Но ее можно снова надеть, если хочешь.

— Ну нет. Зачем же?

— Забавная вещь — предчувствие, — сказала она. — Я представляла, что так именно и будет.

**ЖЕНА
НА ВОСКРЕСЕНЬЕ**

Если судить по его городской резиденции на Шестьдесят седьмой улице, Чарли Ваносса был весьма богат. Частный четырехэтажный отель с заново отремонтированным фасадом, лифт. Мне открыла горничная в униформе. У нее был тягучий ирландский акцент, лицо несколько напоминало водосточную трубу. Я был слегка разочарован: при своем богатстве Чарли Ваносса мог бы иметь прислугу более приятную на вид. Но, может быть, в выборе женского персонала решающее слово имела его жена.

— Меня зовут Бойд, — сказал я и подарил ей зрелище моего профиля слева, настоящее чудо, способное внести луч света в ее серую жизнь. — Мистер Ваносса меня ждет.

— Он в библиотеке. — Ее пуговичные глазки оглядели меня без всякого снисхождения. — В вашем возрасте пора научиться смотреть людям в лицо, а не вертеть шеей беспрерывно!

Она не дала времени порадовать ее столь же любезным ответом и проводила в библиотеку, где вышеназванный Ваносса с трудом приподнялся из кожаного кресла, приветствуя меня. Блондин, лет тридцати пяти, заплывший жиром, он казался ниже ростом, чем был на самом деле. Длинные светлые волосы постоянно падали на глаза, заставляли отбрасывать голову назад, что придавало ему сходство с мерином. Бледно-голубые глаза уставились на меня с опасением. Вид у него был довольно придурковатый. Может быть, это не его вина, подумал я в припадке великодушия. Вероятно, он был потомком длинной цепи браков между кузенами, и этот неудачный образец был, без сомнения, последним произведением.

— Мистер Бойд? — Его рука была такая же вялая, как и вся его особа. — Счастлив вас видеть. Я с ума схожу от беспокойства.

— Да? — с сомнением спросил я.

Моя осторожность была тем более оправдана, что этот парень и без всякого беспокойства казался полусумасшедшим.

— Видите ли, дело идет о Карен. Это моя жена. Она уже неделю как уехала... Раньше она никогда не оставляла дома более, чем на четыре дня.

— Вы собираетесь добиться развода, мистер Ваносса?

— Боже мой, нет! — Он, казалось, был потрясен этой мыслью. — Вовсе нет! Видите ли, мистер Бойд, все принадлежит ей. Все!

— Как это?

— Все! — повторил он. — Дом, машины, деньги... Все! Если мы разведемся, мне самому придется зарабатывать на жизнь! — Он побледнел при мысли об этой мрачной перспективе. — А я никогда не был способен на это!

Я приглядел другое кожаное кресло и плюхнулся в него. День начинался неважно.

— Итак, ваша жена, Карен, исчезла неделю тому назад. До этого она никогда не отсутствовала более четырех дней. Вы не хотите разводиться, потому что все принадлежит ей. А я должен найти ее. Так?

— Так! Именно так! — Ваносса буквально просиял. — У вас чудесная интуиция, мистер Бойд! Вы быстро схватываете суть проблемы... Какая проницательность! Друг, рекомендовавший вас, уверял, что вы один из самых ловких детективов в городе. Я вижу, что он не преувеличил. Нет! Он даже преуменьшил истину!

— Она часто исчезала на несколько дней?

— Часто — нет... — Он задумчиво сосал нижнюю губу, как леденец. — Ну... раз в месяц... в среднем... Если ей представлялся случай встретиться с кем-то, кто интересовал ее.

— Под «кем-то» вы подразумеваете мужчину?

— О, конечно! — сказал он извиняющимся тоном. — Я не говорил вам, что Карен нимфоманка?

— Это вас расстраивает?

— Напротив! — вскричал он несколько развязно. — Я страшусь физических упражнений!

— Значит, вы думаете, что она уехала с мужчиной. С одним?

— Да, я в этом уверен, мистер Бойд! Карен редко предается коллективным удовольствиям.

— Вы представляете, кто дежурный избранник?

— Честное слово, сейчас выбор очень ограничен. Лето, в городе практически никого нет, я думаю, что речь может идти об этом актеришке, которого она яростно обхаживала в последнее время... Тип с неправдоподобным именем: Петер Пелль! *

Я почувствовал легкое раздражение, которое постепенно нарастало. Под окнами по-прежнему пролежала Шестьдесят седьмая улица. А мы как будто очутились в четвертом измерении. Не хватало еще Петера Пелля! Что ему тут делать?

* Петер Пелль — сказочный персонаж.

— Знаете ли вы, куда они могли поехать? — пробор-мotal я.

— Обычно Карен увозит своих любовников в наш дом для уик-энда на Лонг-Айленд. Это маленькая артистическая хижина, очень простая... Только самое необходимое... но все выдержано в одном стиле... Три ваннны комнаты... Ну, вы понимаете...

— Если я ее найду, что я должен делать?

— Делать? — светлая грива яростно взметнулась. — Нет надобности что-либо делать! Я просто хочу узнать, что с ней, мистер Бойд. — Он разразился смехом, похожим на ржанье. — Она должна вернуться к домашнему очагу до конца месяца, подписать счета... и чеки. Во всяком случае, если она хочет меня бросить и уехать с этим Пеллем или другим типом того же сорта, пусть по крайней мере позаботится о неотложных денежных делах; в этом случае у меня не будет никаких возражений по поводу ее отъезда. — В его голосе проскользнуло разочарование. — Если быть совсем откровенным, мистер Бойд, я испытываю даже некоторое облегчение.

— Конечно, — согласился я утрюмо. — А где именно в Лонг-Айленде расположена эта хижина для гигиенических уик-эндов?

— В нескольких километрах от Ньюпорта. Я приготовил вам карту со всеми необходимыми указаниями. Место уединенное, с частным пляжем и всем, что за этим следует. Карен очень дорожит этим видом, он в глубине бухточки, укрыт от нескромных взглядов. Карен обожает купаться и загорать голышом. Нужно сказать, что она страстная поклонница нудизма в подобных обстоятельствах. Возврат к природе... Она уверяет, что она потомок одного из пассажиров «Мейфлаивэра». Надо думать, что на борту скрывался какой-нибудь закоренелый язычник!

Он протянул мне заботливо отпечатанный листок, содержащий все необходимые сведения для розыска идиллического убежища. Затем неопределенно улыбнулся.

— Еще одно, мистер Бойд. Должен вас предупредить, что у Карен непредсказуемые поступки.

«Ну и дела», — подумал я.

— В первый раз в жизни я встречаю такого клиента. Вы все время говорите загадками. Что вы имеете в виду под «непредсказуемыми поступками»? Вы хотите сказать, что она меня встретит револьверным выстрелом?

— Ей-богу, она может также запросто спустить на вас собак, — бросил он почти радостно. — Карен терпеть не

может, чтобы совали нос в ее личные дела, но вы должны туда съездить, чтобы удостовериться, что она еще там... Не так ли, мистер Бойд?

Я буркнул:

— По-видимому. А если ее там нет?

— В таком случае продолжайте искать, пока не найдете! Мне абсолютно необходимо знать, что она делает и каковы ее намерения, мистер Бойд. Я должен, вероятно, добавить, что я не постою за расходами...

— Докажите!

Он вынул из кармана чек и протянул мне. Он был уже выписан на предъявителя, и сумма составляла тысячу долларов.

Я согласился:

— Это стоящее доказательство. При условии, что вы не потребуете его обратно в случае, если она сложит чемодан и вернется домой, пока я буду добираться туда.

— Я не имею привычки торговаться, мистер Бойд. Мое спокойствие стоит значительно дороже тысячи долларов.

— Скажите, мистер Ваносса,— мной овладело любопытство,— что вас заставило жениться?

— Деньги,— сказал он просто.— Карен скомпрометировала себя с видным политическим деятелем. Ей угрожал скандал, ее имя трепали бы все газеты. По ее мнению, единственный выход был в замужестве. Я был свободен, человек ее круга и без гроша. Сейчас я купаюсь в роскоши и, естественно, хочу, чтобы это продолжалось. Так вот, найдите ее, мистер Бойд.— Он вдавился еще больше в кресло и закрыл глаза.— Берта вам поможет выйти отсюда, если она не слишком занята пением своих псалмов, которыми надеется прогнать злых духов, наполняющих дом.

Я открыл рот, чтобы проститься, но увидел, что он уже спит. Через тридцать секунд я без помощи горничной очутился в мягком, теплом воздухе Шестьдесят седьмой улицы. Но понадобилось еще тридцать минут, чтобы убедиться в реальности окружающего меня мира. Не только Шестьдесят седьмой улицы, но и Манхэттена, Соединенных Штатов, всего того, что существует помимо мира Чарли Ваноссы. И только после этого я направился в сторону моста Трайборо.

Следуя детальным указаниям Чарли Ваноссы, я проехал Ньюпорт и выехал на узкую, извилистую дорогу. Наконец я нашел дом, примыкающий к частной бухточке, маленький оазис в дневной жаре. Высокая ограда и портал кованого железа, тщательно закрытый, окружали дом. Я вышел из

машины и подошел к решетке. Ни малейшего намека на звонок или чего-либо похожего на каменных столбах, ни души на аллее. На первый взгляд дом необитаем: окна закрыты шторами.

Я перелез через изгородь, аллея привела меня к дому. Несколько раз я позвонил, потом обошел дом. Прелестная зеленая лужайка, окруженная кустарником, обрывалась у прибрежных скал. Ступеньки, вырубленные в скале, вели на пляж. Солнечный день был идеальным для купания, а место явно выигрывало по сравнению с переполненными набережными Кони-Айленд. Я решил, что стыдно упускать случай, и спустился по лестнице вниз.

Чарли Ваносса был прав. Отличный выбор: чудесный золотой песок, кругом отвесные скалы. Пляж казался совершенно пустынным, за исключением какого-то белого пятна у самой воды. Когда я приблизился, пятно приняло точные формы. И какие! Обольстительные, великолепного цвета золотистого меда! Стоило приехать, чтобы только посмотреть на ее спину и длинные черные волосы, небрежно падавшие на обнаженные плечи... Шум моих шагов заглушал плеск волн. В душе обзывая себя бродягой и старым сатиром, я не мог оторваться от красивого зрелища.

Сделав над собой усилие, я громко кашлянул. Ее голова чуть приподнялась, но не повернулась.

— Что ты делал? — спросила она ледяным тоном.

— Вы хотите сказать — вообще в жизни? Или в последние часы?

— Как? Вы не...?

Она быстро перевернулась на спину, села и бросила на меня яростный взгляд. Мелкие песчинки прилипли к соскам ее маленьких грудей, к полным бедрам. Тип пылкой красавицы: темные пылающие глаза, черные волосы, прямой нос, хорошо очерченный и чертовски чувственный рот. Она ничуть не смущалась своей наготы или ярость заставила ее забыть об этом. Как бы то ни было, я ничего от этого не потерял.

— Это частный пляж! — рявкнула она. — И если вы сейчас же немедленно не уберетесь, я не знаю, что...

— Мы не представлены друг другу по всем правилам этикета, но вы так мало от меня скрыли, что у меня впечатление, будто мы уже старые друзья. Меня зовут Бойд. Денни Бойд, и вы, я полагаю, миссис Ваносса...

— Бойд! — В ее устах мое имя звучало, как оскорбле-

ние.— Я никогда не слышала о вас и не желаю слышать. Убирайтесь отсюда, Бойд!

— Договорились. Успокойтесь, я ухожу. Но ваш муж нанял меня. Я должен задать вам несколько вопросов.

— Чарли вас нанял? — Она ошалело посмотрела на меня, а затем расхохоталась.— Ах, нет! Это же смешно! Не хотите ли вы сказать, что вы профессиональная ищейка, Бойд?

— Частный детектив,— буркнул я.

— И Чарли вас нанял, чтобы вы нашли доказательства, которые позволят ему получить развод? — Ее тело сотрясало от смеха, это стоило видеть.— Честное слово, он чокнулся, бедняга!

Я проскрежетал:

— Нельзя ли мне вставить слово? Из его объяснений я понял, что ничто не страшит его так, как развод. Он с ума сходит при мысли, что вы в ближайшие дни не вернетесь к домашнему очагу, чтобы оплатить счета до конца месяца.

Смех прекратился. Она холодно посмотрела на меня, потом сконцентрировала свое внимание на абстрактных узорах, образованных на ее левой груди, и стала скидывать их кончиками пальцев. Серебряный ноготь небрежно царапал упорствующие песчинки на коралловом острие. Потом вспомнила, что она не одна.

— Раз так, я, видимо, вернусь сегодня вечером. Этот дурень Пелль пошел в дом часа два назад, чтобы принести выпить, и больше я его не видела. Если он не сломал себе ногу, то он на пути в Нью-Йорк. Эти скоморохи склонны к любви только в свободный день.

С невинным видом я спросил:

— А разве для замужних женщин это не так?

— Смеетесь? — презрительно фыркнула она.— Вы же видели Чарли... Если я захочу от него навсегда избавиться, мне стоит быть чуть-чуть понастойчивее... Немного излишне утонченных ласк, и мой дорогой супруг от ужаса выпрыгнет в ближайшее окно!

— Это вполне вероятно,— изрек я.— Значит, я могу сказать, что ему нечего беспокоиться? Вы вернетесь вовремя, чтобы избавить его от финансовых затруднений?

— Вы свободны, я сделаю все сама.

Она встала, стряхнула песок с бедер и направилась к лестнице. Пройдя шагов десять, обернулась.

— Думаю, вам лучше проводить меня в дом и выпить стаканчик, Бойд,— бросила она сухо.— Так что идите рядом, хватит пожирать меня глазами! Кроме того, если этот

дрянной актеришка удрал, то мне не на чем выбраться отсюда. Ну, а вы оправдаете свой гонорар, доставив меня лично живой и здоровой в объятия моего бессильного мужа.

— Буду счастлив.— Я догнал ее, и мы стали подниматься по каменным ступенькам.— Надеюсь только, что вы привезли с собой какую-нибудь одежду. Меня не затруднит привести голую женщину в Манхэттен, но не у всех такие прогрессивные взгляды.

Мы добрались до верха лестницы и пошли к дому через лужайку. Вдруг она резко остановилась и показала на большую спортивную машину, стоящую под навесом.

— Стало быть, он не уехал,— фыркнула она.— Спорю, что этот притворщик устал и уснул с бутылкой водки в объятиях!

Дверь позади дома не была закрыта на засов. Карен толкнула ее и жестом пригласила меня пройти вперед.

— Вторая дверь налево ведет в солярий,— объяснила она.— Бар довольно большой. Приготовьте нам по стаканчику. Я приму душ и что-нибудь надену. Мне водку мартини со льдом. Не ошибитесь в пропорциях: восемь пальцев водки, один вермута.

— Договорились,— сказал я, пожав плечами.— А если я наткнусь по дороге на вашего парня? Что я ему скажу? Что пришел снимать телефильм?

— Ограничьтесь тем, что двиньте его первой попавшейся бутылкой,— ответила она с олимпийским спокойствием.— Он виноват, что я уснула на пляже. Слышите шорох? Это с моего перламутрового тела тихонько слазит кожа. Подобные солнечные ванны, боюсь, заставят меня две недели заниматься любовью стоя! Так что засветите ему как следует! Не промахнитесь, Бойд!

Положительно, она имела нечто общее со своим чокнутым мужем: у обоих странный стиль разговора, не позволяющий отвечать. Я повиновался инструкциям: толкнул вторую дверь налево и без всякого затруднения нашел огромный бар. По дороге не встретил никаких препятствий, никаких следов дрыхнувшего актера. Любовно отмерил напиток, выпил половину своей порции и закурил, спрашивая себя, зачем этот псих Чарли Ваносса платит тысячу долларов за возвращение жены, которой он не пользуется. Почему бы просто не позвонить и не попросить свою дражайшую супругу прислать чек по почте? Мои размышления прервал дикий вопль, я опрокинул в себя вторую половину жидкости из стакана и катапультировался к

источнику вопля в рекордный срок. Карен стояла на пороге комнаты. Рот ее был широко открыт, но она не могла произнести ни одного звука. На ней были одни черные шелковые трусики. Я спросил хрипло:

— Что за грохот?

Она сделала неопределенный жест в сторону комнаты. Все ее тело конвульсивно вздрагивало, губы беззвучно шевелились. Я оттолкнул ее, вошел в комнату и едва тоже не завопил. На белом ковре у кровати, забрызганном кровью, лежало тело мужчины. Человек был зверски убит: затылок его представлял собой омерзительную красную кашу.

2

Скорчившись на стуле возле бара, Карен Ваносса выпила два стакана и немного пришла в себя. Я разыскал для нее большой белый шерстяной пуловер, который составил удивительный контраст с черными трусиками. Если бы какой-нибудь эротический журнал опубликовал на своей обложке ее фото в таком виде, число подписчиков возросло бы на много тысяч. Но в настоящее время не эротизм был предметом моих забот.

Я спросил:

— Ну как, лучше?

— Немного.— Она вздрогнула и жадно глотнула коктейль.— Бедный Петер! Я приняла душ и начала одеваться, потом решила его разбудить и сказать все, что я о нем думаю. Открыв дверь, увидела...

— Нужно позвонить в полицию.

— Полицию! Ни в коем случае!

— У вас есть другое решение? Может быть, вы хотите уехать как ни в чем не бывало?

— Но...— Она закусила губу.— Разве вы не понимаете? Подумают, что я его убила!

Я счел необходимым спросить:

— А это не так?

— Конечно, нет! — обезумевший взгляд блуждал по комнате.— Поверьте мне, Бойд. Вы моя единственная надежда.

— Тогда что, по-вашему, в действительности произошло? Я нашел вас приблизительно полчаса назад на пляже. Мы вместе вернулись в дом; и вы обнаружили труп Пелля. Видно, что его смерть произошла некоторое время назад.

По крайней мере, два часа. Вы прекрасно могли его убить и...

— ...вернуться на пляж загорать и уснуть? По-вашему, я настоящее чудовище?

— Похоже на то.

Выражение глубокого отчаяния затопило ее томные глаза. Она выпила еще глоток.

— Ладно,— пробормотала она погасшим голосом.— Зовите полицию, Бойд.

— Так всегда делают, когда находят труп,— сказал я.— Я тщу себя надеждой, что не вы его убили. Но что подумают полицейские, если они не найдут никаких доказательств, что...

— Тогда найдите им эти доказательства! — закричала она в ярости.— Полиция никогда не поверит, что я не виновна. Зачем им искать, когда налицо классический треугольник и все, что за этим следует... Но вы можете меня вытащить из этой истории!

— Как? — сказал я, вытаращив глаза.— О чем вы говорите?

— Вы частный детектив, да? А если я вас найму, чтобы отыскать убийцу Петера? Вы можете начать расследование немедленно! Найдите мне убийцу Петера, Бойд, и назовите любую цену.

— Эй! Осторожно! Вы не забыли одной маленькой детали? Мы должны вызвать полицию, ждать их прибытия, отвечать на миллион вопросов, подписать протокол и...

— Я,— злобно оборвала она.— Но не вы!

— Вы отводите мне роль глухонемого?

— Нет. Вы никогда здесь не были,— очень быстро объяснила она.— А если вы сюда не приезжали, то вам нужно немедленно исчезнуть, разве я не права?

— О чем вы толкуете?

— Вы только что мне сказали, что поскольку у меня нет алиби, то помочь мне вы не в состоянии. Но вы не хотите помогать и полиции.

— Да... Очевидно. Может быть, вы и правы.

— Следовательно, вы не скрываете от правосудия сведения или еще что-нибудь в этом роде,— говорила она быстро.— Я могла появиться в доме в любой момент и обнаружить тело, не так ли? Не обязательно звать полицию немедленно. Если я позвоню им через четверть часа, ничего не изменится.

Я проворчал:

— Мне это не подходит. При малейшем промахе у

меня отнимут лицензию. Да, подождите! А как насчет Чарли?

— Чарли? При чем он тут?

— Он меня нанял, чтобы я разыскал вас. Вы забыли? Он не преминет сообщить об этом парням из Уголовной Бригады, и они захотят знать, почему я не нашел вас... и труп. Нет, миссис Ваносса, я не уйду!

Я закончил свое выступление энергичным движением головы.

Она засмеялась:

— Чарли я возьму на себя. Он будет молчать, я вам обещаю. Если со мной что-нибудь случится, кто оплатит счета в конце каждого месяца? Кстати, сколько он дал вам за то, чтобы найти меня?

Я вынул из внутреннего кармана чек и протянул ей. Она взглянула на него и недоверчиво подняла голову.

— Тысяча долларов? — пробормотала она бесцветным голосом. — Видимо, он на этот раз действительно сходил с ума от беспокойства. Смешно! — Она спокойно разорвала чек на четыре части и смяла в ладони. — Он полностью спятил!

— Эй! — вскричал я в негодовании. — Это...

— К чертовой матери! Не думайте об этом. Я пришлю вам чек на пять тысяч долларов сегодня вечером.

— Но...

— Чарли не вспомнит, что он дал вам чек на тысячу долларов. Поверьте, он забудет даже ваше имя. Он, как всегда, точно выполнит все мои указания... — Ее рот искривился. — Свои интересы, а на этот счет Чарли весьма одарен, он не упустит. К тому же я буду спокойна, что вы работаете исключительно для меня, Бойд. — Она разжала пальцы и уронила смятые обрывки чека Чарли Ваносса. — Понимаете, что я хочу сказать?

Я отлично все понял. Разорвав чек, она вычеркнула Чарли Ваносса из числа моих клиентов и, таким образом, лишала выбора. Мне оставалось только согласиться работать на нее или оказаться втянутым в бесконечное полицейское расследование... бесплатно. Я не хотел помогать полиции, но если я останусь здесь, поневоле придется сотрудничать с ними и пять тысяч долларов уплывут мимо моего носа. И тогда я решил взять на себя нелегкую миссию: доказать невинность Карен Ваносса!

— Договорились, я в вашем распоряжении.

— Ладно, поговорим об этом... позднее, — сказала она. — Я счастлива, что буду вашей клиенткой, Бойд. — Она

выпила и протянула мне пустой стакан.— А сейчас вымойте-ка стаканчики. Совершенно необязательно оставлять слишком явные следы нашего пребывания.

— Таким образом, я стал еще и мойщиком посуды. Расскажите мне о покойном Петере Пелле. Кто, по-вашему, мог его убить?

— Не знаю,— сказала она задумчиво,— никто, кроме этой маленькой шлюхи, с которой он жил... но она, по его словам, не из ревнивых.

— Он жил с другой? — изумился я.— Кто она?

— Так называемая актриса,— объяснила она презрительно.— Держу пари, ее роли ограничивались водевилями на диване с партнером вместо публики! Она называет себя Нина Норт... От этого имени за версту пахнет липой! Ее настоящее имя наверняка слишком уж отдает деревней! Она должна хорошо готовить, иначе чем бы она могла удержать Петера? Она живет в одной из этих нищенских квартир на Гринвич-виллидж. Там она принимает у себя тьму всяких типов, каких-то земляков, с которыми ей весело.

— А Петеру нравится их компания?

— Он не может их выгнать.— Она с раздражением пожала плечами.— Неужели вы думаете, что я теряла бы с ним время, если бы он был неотесанным мужиком?

— Не думаю. Он работает?

— Нет. Его последняя пьеса провалилась... не по его вине, у него была маленькая роль, пьеса продержалась на Бродвее только неделю. Он должен был получить главную роль в телевизионном фельетоне и ждал подтверждения от своего импресарио.

— А его друзья?

— У Петера никогда не было друзей. Актеры их не имеют. У них только знакомые или враги.

— Тогда расскажите о врагах.

— У него их не было,— уронила она с полнейшим безразличием.— Только знакомые, за исключением меня и этой потаскушки Нины Норт.

Я потер руки и ухмыльнулся.

— Чудесно! Вы приглашаете меня открыть его убийцу и за пять минут сводите число подозреваемых к двум... И вы на пятьдесят процентов под ударом!

— Неверный вывод, Бойд.— Она слегка вздрогнула, скрестила руки и еще больше скорчилась.— А я? У меня ни одного друга, а что касается врагов... Их у меня навалом!

— Думаете ли вы, что кто-нибудь мог убить Пелля, чтобы повредить вам?

— Почему бы нет? Такой мотив может иметь под собой почву.

Я настаивал:

— Кто, например?

— Например, старина Чарли... Вы знаете, что у нас нет детей. Значит, если я умру естественной смертью или на электрическом стуле, Чарли унаследует мои деньги. А это стоит того, чтобы далеко пойти, уверяю вас!

— Чарли можно исключить. Даже такой полоумный, как он, не стал бы посылать меня сюда как раз в то время, когда он рассчитывал потихоньку войти в дом и убить Пелля.

— Да, вы, без сомнения, правы...— Она казалась искренне огорченной.— Если бы это мог быть Чарли, все было бы проще. В этом случае нам стоило только запереть его в спальне с двумя слегка одетыми девками, и через две минуты он подписал бы признание со всеми деталями.

Я заворчал:

— У вас разыгралось воображение! Расскажите о других врагах.

— Так сразу это трудно,— сказала она.— Я подготовлю вам список к завтрашнему дню. Думаю, он займет страниц десять.

Я бросил наудачу:

— А тот политикан, из-за которого вам пришлось выскочить замуж за Чарли?

— Вы наслушались бредней Чарли.

Я настаивал:

— Итак, этот политикан?

— Это домыслы Чарли! — сказала она твердо.— У моего муженька, как вы знаете, мозги набекрень. Придется уменьшить его месячное содержание.— Она раздвинула пальцы на полсантиметра.— Вот сколько ему останется! Не больше!

— Может быть, вы оставите Чарли и свою любовь к нему и скажете немного правды? Я начинаю зарабатывать пять тысяч, которые вы мне обещали?

— Ладно.— Она с силой сжала челюсти, решительно вздернула подбородок.— Есть политик. Он главный президент одного важного общества и давно забыл о моем существовании. Вы можете его вычеркнуть.

— Кто еще?

— Я напишу список и завтра утром вы его получите.—

Ласковая улыбка должна была меня подбодрить.— Думаю, мне пора позвонить в полицию, Бойд. Счастливы вам и до свидания.

— Позвоните вашему адвокату, прежде чем вызывать полицию. Лучше не отходить от него ни на шаг в последующие несколько дней.

— Я уже подумала об этом,— успокоила она меня.— Бегите, Бойд. Мне еще нужно одеться перед их приходом. Эти птички, как вы сами говорили... мыслят чересчур стандартно.

Портал был по-прежнему закрыт, и я снова перелез через стену. Не было ни души, когда я шел до своей машины. Жара еще не спала, казалось, во всем мире царил покой. Тем неприятнее было чувство тревоги, которое я испытывал. Это ощущение держалось долго и рассеялось только при виде сверкающих башен Манхэттена. Тогда и Денни Бойд, наконец, обрел благословенный мир, в котором не было места свихнувшимся мужьям, женам-нимфоманкам и трупам, валявшимся в спальне.

Имя Нины Норт имелось в справочнике, и я без большого труда нашел ее квартиру в двух шагах от Вашингтон-сквер. В данном случае речь шла об одном из этих пресловутых домов на Гринвич-виллидж. Это было нечто среднее между обычным городским домом, из тех, что растут как грибы, и старинными домишками, лишенными всякого комфорта. Впечатление заброшенности, которое охватывает Нью-Йорк летом, здесь было особенно сильно. Я приехал туда к вечеру. От тротуаров исходило влажное расслабляющее тепло. Квартира на третьем этаже, без лифта, и я чуть не на коленях дополз до верха.

Дверь открыла девушка. Она была явно разочарована, увидев меня. Но я не поддался унынию. Она еще не успела получить шок от моего потрясающего профиля, этим объяснялось все. Я внимательно оглядел ее. Результат превзошел все ожидания. Копна волос медового цвета. Упакована в серебристый футляр, прочерченный тонкими черными жилками. Что мне нравится в шелке, так это то, что он плотно облегает фигуру, и это платье не составляло исключения. Оно обтягивало тяжелые груди и мягко струилось по волнующим выпуклостям бедер. Стоит только согнуть колени, и удивительная линия ее круглой ляжки заставит вас забыть все повседневные заботы. Блондинка с голубыми глазами, с выпяченной нижней губой — неоспоримый признак, что эта девушка знает, чего она хочет.

Я вежливо спросил:

— Мисс Норт?

— Да, это я.

Голос был низкий, приятный и очень вкрадчивый.

— Меня зовут Бойд. Денни Бойд.

Я повернулся к ней правым профилем, затем левым. Прodelал все это медленно, чтобы дать ей время всмотреться.

— У вас ревматизм? — спросила она с жалостью. — Это сырость, мистер Бойд. Я иногда просыпаюсь с такой одеревенелой спиной, что не способна... — Ее голос упал до шепота, два красных пятна появились на щеках. — Пожалуйста, не думайте о всяких глупостях, мистер Бойд! Я хотела сказать...

— Ну, что вы... Я ищу Петера Пелля. Мне сказали, что я, может быть, найду его здесь. Это очень важно.

— Сожалею, но Петера нет; я жду его с минуты на минуту. Сказать ему, чтобы он вам позвонил, мистер Бойд?

— Это очень срочно. Мне необходимо видеть его как можно скорее.

Она пожала плечами.

— Мне очень жаль, что я не могу вам помочь. Как я вам уже сказала, я жду его вечером, но точного часа не знаю. По правде сказать, мистер Бойд, я даже не уверена, что он придет... У него всегда фантазии...

— Вы не знаете, где я мог бы его найти?

— Не имею представления. — Она показала в улыбке ровные, белые зубы. — Он сумасброд, может появиться и через пять минут, с таким же успехом и через пять дней. Поступки этого парня полностью непредсказуемы.

Картина была прямо-таки идиллическая. Примерная жена-домохозяйка говорит о своем муже, коммивояжере, о том, как этот бедняга проводит одинокие ночи в маленьких селениях вроде Чикаго или Детройта и все свободное время посвящает писанию посланий своей обожаемой жене, в которых жалуется, как ему не хватает жены и новых кретоновых занавесок в гостиной. Слишком хорошо, чтобы это было правдой.

Поэтому я спросил не без коварства:

— А не проводит ли он сейчас время с Карен Ваносса?

— С кем?

— Послушайте, — сказал я скрипучим голосом. — Я частный детектив, понятно? На этот раз Карен Ваносса перешла всякие границы. Ее муж убежден, что его дражайшая половина крутит любовь в уютном гнездышке с выше-

упомянутым Пеллем. Он меня нанял, чтобы я их засек. Итак, если вы не хотите, чтобы ваш дружок оказался замешанным в грязную историю, вам лучше сказать, где я могу найти обоих голубков. Сейчас Ваносса хочет только возвращения жены. Он готов этим ограничиться. Но завтра он может переменить мнение и потребовать развода. Тогда...

— А? — Ее лицо осветилось. Она улыbnулась и показала все зубы. — Значит, вы тот самый Бойд? Что же вы мне сразу не сказали?

— Как? — сказал я ошалело.

— Войдите, мистер Бойд. — Она открыла дверь настежь и пропустила меня. — Вы знаете, — добавила она смеясь, — вы даже испугали меня на одну минуту.

Нетвердо ступая, я вошел в холл и остановился, покачиваясь. Она закрыла дверь и прошла передо мной в гостиную. Черные арабески на платье проворно подскакивали при каждом движении ее соблазнительного зада. Меблировка салона походила на японо-скандинавский кошмар: настоящие декорации для фильма о самураях в постановке Бергмана. Но добил меня тип, сидевший на чем-то вроде качалки и пяливший глаза на мою особу.

— А, мистер Бойд! — Он быстро отбросил назад свою длинную светлую гриву, которая падала ему на глаза. — Я боюсь, что дал вам сегодня утром ложные сведения насчет Петера... Он даже не видел Карен недели две. Сейчас он носом роет землю, чтобы вырвать роль в сенсационной телепередаче. — Он обратился к блондинке за помощью: — Не так ли, Нина?

— Это может быть самой большой удачей в жизни Петера, — горячо согласилась она. — Это... — В ее взгляде отразилось беспокойство, когда она посмотрела на меня. — Вам плохо? Вы так побледнели!

Я плюхнулся на край дивана в форме «S» и ждал, когда ко мне вернется способность соображать.

— Э-э-э... — хотел объяснить я.

— Мистер Бойд, вам необходимо выпить, — предложил Ваносса, внезапно переполнившись сочувствием. — У вас, правда, утомленный вид. Вероятно, тяжелый день... и по моей вине!

— Сейчас приготовлю стаканчик, — сказала Нина сахарным голосом. — Что будете пить, мистер Бойд?

Я выдавил:

— Бурбон. Со льдом.

Она налила спиртное с ловкостью дипломированной

медсестры, которой доктор объяснил, что точная дозировка жизненно важна, затем подошла ко мне и прижала мои пальцы вокруг стакана, прежде чем его выпустить. Я в два глотка проглотил половину. Секунд через пять я постепенно стал входить в норму.

— Так! — торжествующе воскликнула блондинка. — Как вы себя чувствуете?

— Не блестяще, — пробормотал я. — Тем не менее мое состояние значительно улучшилось. Настоящее чудо этот стаканчик!

— Я так счастлива! — Она подарила мне ослепительную улыбку. — Не спешите, мистер Бойд. Я приготовлю вам другой бурбон, как только вы выпьете этот.

— Спасибо.

Я жадно осушил остатки и протянул ей пустой стакан.

— Вы не нашли Карен в Ньюпорте? — спросил Ваноса, лицо которого снова приняло сонное выражение. — И подумать, что все это по моей вине! Все труды напрасны, мистер Бойд. Право, мне очень досадно! Видите ли, Карен позвонила мне сегодня днем и объяснила ситуацию. Так что я напрасно беспокоился. — Он засмеялся, вернее, издал скрип, который действовал мне на нервы. — Вообразите, она подхватила боксера в баре на Третьей авеню. Этот тип должен был выступать в Филадельфии, и Карен поехала с ним. Борьба была неравной. Когда он перешагнул канат, то был уже полностью выпотрошен. Его противник воспользовался этим и нанес ему такой удар, от которого он впал в беспамятство. Так что Карен возвращается. Как видите, все это буря в стакане воды. Я в совершенном отчаянии, что зря вас потревожил, мистер Бойд. Естественно, чек, который я вам дал сегодня утром, остается у вас в вознаграждение за потерянное время.

— Спасибо, — сказал я не без сарказма.

Воспоминание о скомканных обрывках чека было тяжелое.

— Ну, вот, мистер Бойд, новая доза вашего лекарства, — проворковала Норт.

На этот раз я выхватил стакан из ее рук прежде, чем она снова стала бы обращаться со мной как с паралитиком. Я понемногу тянул бурбон, и пустынные извилины моих мозгов медленно наполнялись серым веществом.

— Причина моего присутствия здесь проста, — продолжал Ваноса с той же легкостью. — Я считал, что должен принести извинения бедняге Петеру Пеллю, которого оклеветал. А также поговорить с замешанными в этом деле

особами, которые могли оказаться в очень затруднительном положении, если бы вы встретились с ними раньше, чем это недоразумение рассеялось. Вы понимаете меня, мистер Бойд?

— Смутно. Очень смутно.

— Хорошо. Видите ли, у Петера очень вспыльчивый характер, и я не был бы удивлен, если бы он вам его показал. Бог знает, что могло бы случиться! — Он закрыл глаза, и по его желатиновой массе пробежала дрожь. — Вы могли подраться!

— Какая удача, что вы пришли, пока Чарли здесь! — нашептывала Нина. — Действительно, кто знает, что могло бы случиться, если бы Петер и вы...

— Еще бы, — проворчал я. — Скажите, мне просто любопытно: когда вы видели Петера в последний раз?

— Сегодня утром, в одиннадцать часов, — ответила она уверенно. — Он весь день дискутировал со своим импресарио и телевизионщиками. Он скоро должен прийти. Мы уходим вечером... небольшой кутеж, чтобы отпраздновать его контракт. Это так чудесно! — Ее глаза мечтательно заблестели. — Петер думает, что после первых съемок он сможет воспользоваться своим влиянием и добиться хорошей роли в эпизодах для меня!

В замке повернулся ключ.

Её глаза блеснули!

— Вот и он!

Через две секунды вошел высокий, лет тридцати пяти, тип. Он остановился на пороге и поочередно оглядел нас. Метр восемьдесят, скроен, как игрок в регби, надменный взгляд, нос с горбинкой, чувственный рот. На нем был зеленый в клетку костюм английского покроя. Одна белая прядь разделяла черные волосы на две равные части. Симпатия по приказу не вызывается, антипатия тоже. Этот тип внушил мне немедленную и постоянную антипатию. И я должен сказать, что разгуливающий труп не вызывал у меня никакого сочувствия.

— Смотри-ка, у нас гости? — спросил он голосом хорошо поставленным. Он долго смотрел на блондинку, потом улынулся.

— Очень странно, дорогая.

— Странно, милый? — В улыбке Нины угадывалась некоторая нервозность. — Что тебе кажется странным?

— Твоя идея превратить наш маленький праздник в партию вчетвером меня не вдохновляет, — протянул он. — Хорош расклад: одна дама на троих мужчин! Я хочу

предупредить тебя сразу, дорогая... если ты облюбовала этого ошалелого, взъерошенного типа, то я категорически отказываюсь флиртовать с Чарли в переполненной зале ресторана!

— Сумасшедший! — закудаhtала она. — Я сейчас тебе объясню...

— Объяснения всегда страшно прозаичны, вы не находите, Чарли? — танцующей походкой он подошел к бару и погрузился в выбор напитка. — Я убежден, что вы никогда не просите их у Карен, не так ли?

Ваносса пробовал засмеяться, и этот смех был столь же ненатуральным, что и смех Нины Норт.

— Во всем виновата Карен, — сказал он живо. — На этот раз она отсутствовала целую неделю, и я чуть с ума не сошел от беспокойства. Не знаю почему, но у меня возникла абсурдная мысль, что она уехала с вами, и я пригласил мистера Бойда, чтобы он разыскал ее. А Карен сегодня днем позвонила и развеяла мои необоснованные подозрения. Поэтому я счел долгом прийти сюда и извиниться перед вами, мой дорогой Петер. Более того, по чудесному совпадению мистер Бойд тоже оказался здесь, и я...

— ...и вы оба немедленно освободите комнату! — грубо оборвал его Пелль. — Вы всегда были мне антипатичны, Чарли. Вы самое гнусное дерьмо, какое я когда-либо встречал, а бог знает, сколько я повидал дерьма, среди артистической братии... Но вы превосходите всех! Больше всего меня бесит ваше нахальство и тупость. Вы уверены, что стоит вашей нимфоманке-женушке поманить пальчиком, я тут же брошу все. Лучше убирайтесь отсюда, Чарли, или я выкину вас в окно!

Ваносса с таким стоном покинул кресло, как будто неосторожно наступил на раздраженную кобру.

— Петер! — жалобно залепетал он. — Мой дорогой друг, прошу вас, оставим это недоразумение...

Пелль решительно приближался к нему. Выражение его лица вызвало у Ваноссы крик ужаса. Он бросился к дверям со скоростью, на которую были способны его дрожащие ноги. Входная дверь громко хлопнула, в комнате воцарилась тишина.

— Вы! — Пелль обратился ко мне с угрозой в голосе. — Вон!

— Это тебе выйдет боком! — спокойно отозвался я.

— Как? — переспросил он, как будто не мог поверить своим ушам. — Что вы сказали?

— Я сказал, что это тебе выйдет боком. У меня был

тяжелый день, и я не в настроении слушать бахвальство вшивого актеришки, даже если представление бесплатное. Понятно?

— Прошу вас, мистер Бойд! — вмешалась Нина дрожащим голосом. — Не портите нам вечер! У нас такой праздник, у Петера и у меня. И Петер...

— Я предпочел бы, чтобы ты перестала говорить от моего имени, дорогая, — сказал он сладким голосом. — Это мне действует на нервы, как и твое кудахтанье в постели, которое всегда не вовремя и делает физическую близость абсолютно смешной!

Он с театральной яростью приблизился ко мне.

— Я даю вам последний шанс уйти отсюда живым и здоровым! — патетически воскликнул он, отделяя один слог от другого в лучших традициях классического репертуара. — Извинитесь и убирайтесь немедленно, Бойд, или я вас выкину.

— Попробуй, — сказал я.

Я поднялся и сунул ему в свободную руку свой стакан.

Его пальцы машинально сжались вокруг стакана. Это дало мне время выпрямиться и дважды крепко лягнуть его по обеим ногам. Он завопил от боли и упал в ближайшее кресло.

— Милый, тебе больно? — Нина летала вокруг него как птичка. — Ты можешь ходить?

— Позови полицию! — стонал актер. — Ты видишь, что он сделал со мной! Совершенно неоправданное нападение... Он воспользовался тем, что я глядел в сторону, и стал лягаться!

— Я все видела! — Блондинка бросила на меня ядовитый взгляд. — Трус! Вы нарочно дали ему этот стакан, чтобы он не мог защищаться!

— Я мог испортить ему портрет, но я посчитал, что коленки ему не так важны. Ему не обязательно показывать ноги по телевизору.

— Убирайтесь сейчас же! — Она почти задыхалась. — Убирайтесь, или я позову полицию.

— Ладно. Я и сам собирался уйти, как только допью свой бурбон. — Я опустошил стакан и невозмутимо произнес: — Артист должен знать свои силы и не переигрывать. Ваш дружок не так скроен, чтобы выступать в роли супермена.

— Уберетесь ли вы! — рыдала она. — Вы уже испортили нам вечер!

— Ну, ну, все поправимо, — сказал я ободряющим то-

ном.— Вам стоит только прекратить кудахтанье в ответственный момент...

По-видимому, я перешел границы. Нежное создание испустило победный клич и ринулось на меня с протянутыми руками. Но тут ее нога зацепилась за коврик, испустив жалобный вопль, она совершила планирующий полет на диван в форме «s». Голова утонула в подушках, а ногами она выделявала отчаянные па в воздухе. В этом положении тяжелый шелк деликатно расположился вокруг ее бедер. Очаровательная картина, что и говорить...

— Честное слово,— сказал я, откашлявшись,— в общем, представление неплохое, но, должен признаться, занавес поднимается чересчур громко!

Тут я вспомнил правила хорошего тона. Все они сходятся на том, что воспитанный гость инстинктивно чувствует, когда ему пора уходить... и я ушел.

3

Френ Джордан, моя рыжая зеленоглазая секретарша, вошла в кабинет и огорченно взглянула на меня.

— Итак, вы пришли в себя? — спросила она обвиняющим тоном.

— Как это? — проворчал я.

— Вы сидели, уставившись в стену, как будто там был невидимый для других телеэкран! И так все утро! Мне это начало действовать на нервы. Что случилось, Денни? Очередная блондинка не отреагировала на знаменитый профиль?

Я угрюмо посмотрел на нее.

— Скажите честно, Френ, не принимаете ли вы меня за сумасшедшего?

— Ясное дело,— торопливо согласилась она.— Но у вас навязчивая идея своей неотразимости. Как только появляется женщина, вы как с цепи срываетесь.

— Дело не в этом.

— Дело не...— Она испуганно скривилась.— Денни, вы, наверное, больны! Вы не обращались к врачу в последнее время?

— У меня что-то с головой. Я, наверное, должен посоветоваться с психиатром.

— Ей-богу...— Она задумчиво прикусила нижнюю губу.— Если это так скверно, Денни, я могла бы попытаться помочь вам. Видите ли, я сегодня вечером свободна и могла бы пригласить вас к себе обедать, а затем разобрать

лись бы в вашей проблеме. Если утром вам полегчает — прекрасно, а нет — я позвоню в психиатрическую службу госпиталя Бальвью и...

— Прошу вас! — задыхаясь, прервал я. — Ответьте на один вопрос: не кажется ли вам, что я страдаю галлюцинациями? Например, способен видеть несуществующее?

— Конечно, — упрямо твердила она.

— Я хочу сказать — тело!

— Я тоже, — сказала она сухо. — Особенно, если тело женское.

— Труп!

— Это другое дело. Вероятно, вас преследует кошмар. Сейчас все более или менее ему подвержены. Вы, без сомнения, были угнетены и...

— Если я еще не спятил, то это не замедлит случиться! Еще пять минут такого разговора — и я готов для палаты буйных. Послушайте! — Я сжал кулаки. — Вы помните вторник?

— Конечно помню. Сегодня среда, — тревога омрачила ее взгляд. — Вы хотите сказать, что ничего не помните о том, что было вчера, Денни?

— Это было во вторник, — объяснил я, стараясь сосредоточиться. — Во вторник я видел труп Петера Пелля с разможенным затылком. Это было днем. В тот же вечер я встретил Пелля, он как ни в чем не бывало прогуливался с целой головой и без единой царапины.

— Я помню, что у вас было вчера свидание с неким мистером Ваносса. Вы должны были быть у него, в районе Шестидесятой улицы, — повторяла она педантично. — Весь день вы провели вне своей конторы. А с утра вы сидите в кресле, устремив глаза в стену. Почему бы вам не рассказать мне все?

— Вы не поверите, — буркнул я. — Я сам в это не верю, а это было.

— Все-таки попытайтесь.

Она уселась в кресло и беззаботно скрестила ноги. Увы! Прелести обтянутых нейлоном бедер никак не подействовали на меня.

— Этот Чарли Ваносса псих, каких мало...

Я уперся глазами в стену и рассказал всю историю. Когда я кончил, в комнате повисло тяжелое молчание. Я собрался с силами и взглянул в лицо Френ.

— Денни... — Ее пальцы машинально теребили рубец узкой юбки. — Вы меня не разыгрываете? Все это действительно произошло?

— Могу поклясться на кресте! Пусть я провалюсь в ад, если лгу!

— Хорошо.— Она снова прикусила губу.— Посмотрим на вещи с точки зрения логики.

— Ну уж нет! — усмехнулся я.— Во всем этом нет и унции логики!

— Человек, которого вы видели лежащим на ковре в комнате, был мертв,— медленно говорила она.— Вы уверены, что это действительно был труп?

— Если бы вы видели его затылок, превращенный в мармелад...

— Прошу вас, не надо таких деталей! Хорошо, это был труп. Значит, он не мог появиться три часа спустя в квартире Нины Норт. Так?

— Вероятно.

— Значит, этот бездельник, называющий себя Петером Пеллем, мог быть самозванцем.

Я мрачно покачал головой.

— Исключено. Сегодня утром я звонил его импресарио. Петер Пелль, которого я видел у Нины вчера вечером, настоящий, и его контракт на роль в телепередаче вполне реален.

— А на кого был похож труп? — продолжала Френ упрямо.— Молодой или старый? Красивый парень или урод?

— Не знаю,— признал я скрепя сердце.— Видел его только с порога. Он лежал лицом вниз; его смерть не вызывала никаких сомнений. У меня даже не возникло мысли подойти поближе. Я не хотел в дальнейшем привлечь к себе внимание полиции.

— Значит, если этот труп не был телом Петера Пелли, то он явно принадлежал кому-нибудь другому,— настаивала она.

— Об этом я тоже думал. Вы читали сегодняшние газеты?

— Конечно. А что?

— Там не было упоминания об убийстве, совершенном вчера в районе Ньюпорта? Преступление, омрачившее уик-энд обольстительной светской женщины, миссис Чарли Ваносса, которая глубоко увязла в этом деле...

— Нет! — вскричала она.— Не знаю, как я могла это пропустить, но...

— Вы этого не пропустили! — прервал я удрученно.— И знаете, почему? Потому что там ничего не было!

— Это означает, что миссис Ваносса не заявляла в

полицию об убийстве.— Она нервно дернула рубец на юбке.— Она солгала вам, уверяя, что это труп Пелля. И выпроводила вас, так как вы ей мешали.

— Она пошла гораздо дальше,— сказал я, уязвленный.— Вы не нашли в утренней почте ее чека на пять тысяч долларов? — Френ покачала головой.— И я нет. Хитрая bestия! Она разорвала чек Чарли перед моим носом, а я смотрел как дурак на это. Да еще наняла меня охотиться за убийцей типа, который спокойно шляется здоровехонький!

— Видимо, у нее были причины,— заметила Френ,— почему бы вам не поговорить с ней обо всей этой истории?

Я скорчил гримасу.

— Вы думаете, я не пытался? Каждый раз к телефону подходит эта горничная, Берта, и повторяет как заведенная: —«Мне очень жаль, но мистер и миссис Ваносса уехали, они вернутся не раньше, чем через месяц».

Хотите знать, что я делал вчера вечером? Я провел четыре часа, следя за домом... Свет был только в одном окне; вероятно, это комната этой проклятой прислуги.

— Хорошо, у вас остался еще один способ проверить, было ли это все реальностью,— бросила Френ ледяным тоном.— Вернитесь в дом в Ньюпорте и посмотрите, там ли еще труп.

— Я тоже думал об этом, но потом рассудил: что, если шпики нашли труп и молчат по каким-либо причинам? Я перескочу через забор прямым ходом в объятия полицейского. Что я ему скажу? Прикинусь разносчиком молока, тренирующимся для будущих Олимпийских игр?

— Почему бы нет? — засмеялась она.— Но мне кажется, что вы ищите оправданий, чтобы не возвращаться туда! Но если миссис Ваносса не сигнализировала об убийстве, а она от этого явно воздержалась, значит, нужно, чтобы полиция случайно напала на труп, так? Значит, полицейские не будут иметь никаких оснований впутать вас в это дело.

— Конечно.— Меня чуть не хватил инфаркт.— Я просто объясню им, что обожаю прыгать через заборы, и лицензия частного детектива служит мне для смазки. Если они будут уж очень настаивать, я скажу, что изгородь этого очаровательного дома показалась мне наиболее благоприятной для моего увлечения!

— Отлично! Раз вы находите смешными мои идеи, выпутывайтесь сами... или обратитесь к психоаналитику!

— Не будем ссориться! Мне действительно нужна ваша помощь, Френ. Эта история...

— Перестаньте хныкать,— прервала она ледяным тоном.— Я сыта по горло всем этим делом. И хуже всего, что моим надеждам нанесен удар!

— Как это?

— Я торчу в кабинете и ожидаю, когда вы обратите внимание на мою блузку с декольте в вашем вкусе, а вы вперились в стену, будто меня и нет.— Она встала, пригвоздив меня к месту уничтожающим взглядом.— Если вы не способны сами распутать это дело, самое время бросить все и заняться модными рисунками или еще чем-нибудь в этом роде!

— Хорошо. Я поеду взгляну на дом в Ньюпорте сегодня же,— покорно сказал я.— И если там ничего нет, что мне остается делать?

— Шевелить мозгами,— бросила она, пожимая плечами.— Не вижу другого решения.

Прибыв в Лонг-Айленд, я с облегчением констатировал, что дом существует. Тем не менее я отметил разницу: портал был открыт настежь и на аллее стоял «ягуар». Я пришел к заключению, что полиции здесь не было; несмотря на их материальную обеспеченность, они еще не пользуются машинами таких марок. Я проехал немного дальше и пешком подошел к дому.

На мой звонок вышла блондинка с высоким шиньоном. Ей было около сорока. Умное худое лицо почти не освещали холодные серые глаза. Черная шелковая блузка и брюки из толстого белого полотна подчеркивали ее стройность и ненавязчивую элегантность. В ней также было что-то неуловимое, что хороший метрдотель различает за пятьдесят шагов. Происхождение, социальное положение и — самое весомое — деньги.

— Кто? — резко спросила она.

— Меня зовут Бойд,— я великодушно повернулся к ней левым профилем.— Надеюсь, я вас не потревожил.

— Напротив.— Взгляд стал ледяным.— Пожалуйста, отправляйтесь испускать дух на чьем-нибудь другом крыльце.

— Одна из моих приятельниц, хозяйка этого дома, сообщила мне, что собирается его продать. Я решил воспользовавшись своим пребыванием поблизости, чтобы взглянуть на него. Но я не знал, что дом занят.

— Интересно.— В ее глазах мелькнул интерес.— Хозяйка, вы сказали?

— Да, миссис Ваносса.
— Кто?
— Миссис Ваносса.
— Вы, без сомнения, говорите о Карен Ваносса?
— Именно. Я не хотел бы беспокоить вас, но не позволите ли вы мне взглянуть миссис... Э...

— Миссис Рандольф. Как, вы сказали, вас зовут?
— Бойд.
— Ах, да. Никакого родства с Бойдами из Бостона, я полагаю? — Выражение презрения сконцентрировалось в углах губ. — Нет, конечно! Я вовсе не хочу быть помехой в возможной продаже, мистер Бойд! Входите.

Она раскрыла дверь и пропустила меня в холл.
— Не торопитесь, мистер Бойд. Я буду ждать вас в салоне.

— Спасибо, — сказал я настороженно.
По логике эти слова должны были рассматриваться, как любезное приглашение, но это было не так. Миссис Рандольф определенно меня разыгрывала, но зачем?

Осмотр дома занял у меня не более двух-трех минут, включая и комнату для гостей. Ни труп, ни кровавых пятен на ковре, ни малейшего признака убийства... Только хорошо меблированная комната. Мне ничего не оставалось, как вернуться в салон и сказать даме несколько вежливых банальностей. Миссис Рандольф сидела на диване со стаканом в руке. Она небрежно встряхивала его и смотрела на стелющиеся льдинки. Именно это лекарство подходило к моему душевному состоянию.

— Так быстро, мистер Бойд? — Она казалась чуть-чуть удивленной. — Видимо, дом не заинтересовал вас.

— Он мне очень нравится, — объяснил я. — Однако есть одно «но». Я под колпаком у полиции, боюсь, им будет тяжело приезжать сюда два раза в неделю.

Она улыбнулась.
— Почему бы вам не приготовить себе стаканчик, мистер Бойд? Вы сядете, и мы обменяемся какими-нибудь милыми идеями.

— Насчет стаканчика согласен, — сказал я и поспешил к бару. — А насчет обмена идеями уверен меньше. Откровенно говоря, миссис Рандольф, вы мне кажетесь таким ласковым тигром, который вот-вот выпустит когти.

— Принимаю это за комплимент, мистер Бойд, — с иронией сказала она. — Вы, очевидно, человек действия. Скажите, вы верите в сексуальное притяжение с первого взгляда?

— Все зависит от взгляда.

— Я страшно огорчена, что так далека от идеала, который вам близок,— мурлыкала она.

Со стаканом в руке я сел рядом с ней и посмотрел ей в лицо.

— Не прибыли ли вы на борту «Мейфловэра», миссис Рандольф? — справился я с подчеркнутым сочувствием. — Или это результат досадных неудач многих ночей?

На этот раз она соблаговолила бегло улыбнуться.

— Ладно,— сказала она, пожав плечами. — Поговорим о доме и о Карен Ваносса, которая вовсе не его хозяйка.

— Как? — задохнулся я.

— Этим домом владеет мой муж, и я прекрасно знаю, что документы на него хранятся в его банке,— сказала она кисло. — Мой муж — Фредерик Рандольф. — Ее рот скривился. — И самый большой мерзавец, какого когда-либо произвел на свет род Рандольфов — законно или нет. Но дело не в этом. Важно то, что я хочу его найти, мистер Бойд! И я думаю, что вы можете мне помочь в этом деле.

— Не думаю,— сказал я откровенно. — У меня куча личных проблем, которые могут занять у меня лет десять.

— Зачем вы мне несли этот вздор о Карен Ваносса, о продаже дома? — бросила она еще холоднее, чем раньше. — Существует какая-то связь, это не случайно. Вы ее недавно видели, мистер Бойд, не так ли? И, вероятно, даже здесь?

— Давайте заключим маленький торг, миссис Рандольф,— предложил я. — То, что вы знаете, против того, что знаю я.

— Я ничего не знаю,— разочарованно сказала она. — Кроме того, что он мне клялся, что между ними все кончено, с тех пор как она вышла замуж за Ваносса. А она поторопилась с этим браком, потому что была в тупике. У нее не было выбора: или скандал, который выставил бы ее в неприглядном виде на первых страницах всех газет, погубил бы карьеру Фредерика, как в политическом, так и в профессиональном плане, или этот брак. Но с меня хватит! Он уехал больше недели назад, и я убеждена, что он с этой девкой, душа которой так же черна, как ее волосы. Если я найду их вместе, я... — Она остановилась и глубоко вздохнула. — Извините меня, мистер Бойд, я увлеклась.

— Прошу вас, продолжайте. Это захватывает.

Она уселась поудобнее.

— Какова ваша роль в этой грязной истории, мистер Бойд?

— Я частный детектив. Ваносса нанял меня разыскивать его жену. Он думал, что она уехала с актером по имени Петер Пелль и что они наслаждаются любовью здесь. Вот причина того вздора, который я вам наболтал насчет продажи дома. Мне нужно было войти и взглянуть.

— Ваносса вам сказал, что его жена хозяйка этого дома?

— Да. Он сказал, что это их вилла для уик-энда или что-то в этом роде.

— Это могла быть хитрость с его стороны,— пробормотала она наставительно.— Он надеялся, что неожиданное прибытие частного детектива напугает Фредерика и заставит его бежать, а Карен придется вернуться домой.

— У меня впечатление, что меня оставили в дураках,— согласился я, улыбаясь.

— Мы оба попали в ту же ловушку,— она тоже улыбнулась.— Мы должны держаться вместе, мистер Бойд.

— Что вы под этим подразумеваете? — спросил я настороженно.

— Речь не о том, чтобы проверить на практике теорию о сексуальной совместимости,— едко сказала она.— С точки зрения вашего профессионального кодекса, если вы имеете дело с недобросовестным клиентом, куда это может вас привести?

— В грязь,— буркнул я.

— Здесь они не появлялись,— сказала она.— Я, право, не знаю, где их искать. Мне нужна помощь. Что, если вы пошлете Ваноссу к чертям и возьмете меня клиенткой, мистер Бойд? Я могу немедленно выписать вам чек на существенную сумму в качестве аванса... Это поможет вам победить свои колебания и жить в согласии с вашей профессиональной моралью.

— Ваша взяла,— ответил я без энтузиазма.— Вы моя клиентка, прошу выписать чек на тысячу долларов в качестве аванса.

— Ваша лихость мне нравится, мистер Бойд,— мурлыкала она.— Вы могли бы стать неплохим администратором. Мой муж оценил бы ваши способности.

— Кто он, в сущности?

— Он главный президент-директор Глобекома. Я думаю, что в области телекоммуникаций он занимает одно из трех наиболее важных мест.

— А раньше? Он занимался политикой?

— Да. Его карьера была в расцвете, когда он скомпрометировал себя с Карен Ваносса, бывшей в то время Карен Прайс.— Она медленно отпила глоток, взгляд потемнел от печальных воспоминаний.— Он должен был баллотироваться в Сенат. Его избрание не вызывало сомнений, и ему предсказывали самое блестящее будущее. Во время избирательной компании Карен Прайс была его помощницей. На последнем балу дебютанток она заняла призовое место и была полезна Фредерику, хотя и не умела печатать на машинке. Все произошло очень быстро. Ей хватило двух недель, чтобы перейти из дежурного помещения в постель кандидата. Их застал главный распорядитель избирательной компании. Фредерик всегда хвастался своим высоким моральным обликом. Вообразите, каково было впечатление свидетеля, когда он, зайдя на избирательный участок, застал их вечером на диване, полностью обнаженных?

— И это было похоронным звоном для политической карьеры вашего мужа?

— Он обратился к избирателям просто и искренне.— Ее рот горько искривился.— Объяснил, что считает себя более способным заниматься частным предпринимательством, чем политикой, и достойно сошел со сцены. Глобеком оценил его жест и предложил ему пост вице-президента. И поверьте мне, он в этом нуждался! У него осталась только одна проблема — законная жена! Я сказала ему, что разведусь с ним, и скандал выплеснется на первые страницы всех газет, если эта девка Прайс не исчезнет из его жизни навсегда. Доказательством могло служить только замужество этой потаскухи. Я дала ему на это месячный срок, и он выполнил все даже на два дня раньше. Представьте, как раз в это время я собрала большой узел старой одежды для милосердия, но предпочла послать его в качестве свадебного подарка. И не получила ни слова благодарности!

— Как ваш муж успел так быстро ее убедить? Это, должно быть, нелегко для девушки из хорошего общества, отмеченной на балу дебютанток?

— Напротив! Ее семья могла гордиться блестящими и почитаемыми предками, но она была без гроша. Ее родители собрали все, что осталось от их состояния, чтобы дочь могла участвовать в развлечениях для дебютанток, в надежде на выгодный брак. Они были выжаты. Фредерик предложил солидное приданое Карен, если она выйдет замуж в течение месяца. Чарли Ваносса принадлежит к той же породе. Он переваливался с кресла на кресло в дедов-

ской резиденции, заложенной от погребка до чердака. Ему грозило нищенское существование. Я думаю, что самую большую активность за всю свою жизнь Чарли проявил, когда вел Карен к алтарю! Но он считал, что игра стоила свеч. Когда она сделала ему предложение, она клятвенно обещала, что ему решительно ничего не придется делать после выполнения свадебного обряда.

— Давно это было?

Она пожала плечами.

— Около трех лет назад.

— Любопытно, что Карен держится так долго. Почему она не развелась?

— Это невозможно.— Миссис Рандольф криво улыбнулась.— Когда я узнала, какова сумма, обещанная Рандольфом, я заставила его внести в контракт некоторые оговорки. Капитал должен быть инвестирован, а Карен будет пользоваться только доходами до тех пор, пока она замужем. Значит, ей нельзя расстаться с Чарли. Капитал автоматически переходит к Карен после смерти моего мужа или добавляется к ее наследству, если она умрет раньше Фредерика. Тогда я была убеждена, что Чарли и не подумает с ней расстаться, пока она дает возможность вести обычную праздную жизнь.

Я посмотрел на нее со смесью уважения и подозрительности.

— Она дорого заплатила за трехнедельную связь с вашим мужем. Быть связанной до конца дней с таким типом, как Ваносса... сволочное дело, нет?

— У нее был выбор,— сказала она с величайшим пренебрежением.— Он есть у нее и сейчас. Она может, если захочет, развестись хоть завтра и начать зарабатывать на жизнь самой. Я полагаю, проституция существует и теперь, нет?

— Без сомнения. Со времени своего замужества она впервые встретилась с вашим мужем?

— Я уверена в этом.

— Но эта встреча произошла не случайно?

— Не знаю,— бросила она горько.— Но случилось это в самое неподходящее время. Когда Фредерик занял пост главного президент-директора, ему дали нового вице-президента, некоего Фергюсона. Это умный и очень опасный человек. За последние шесть месяцев он всеми силами старался выжить Фредерика и добился поддержки у половины администраторов. Жребий будет брошен на ближайшем заседании совета администрации, который должен

состояться через две недели. До сих пор я выигрывала время, объяснив комитету, что Фредерик так много работал, что ему необходим недельный абсолютный отдых. Эта отсрочка уже прошла, и я очень беспокоюсь, что Фергюсон станет спрашивать о причинах внезапного отсутствия Фредерика и пошлет кого-нибудь за ним.

— Есть ли какой-нибудь сотрудник вашего мужа, которому вы можете доверять?

— Да. Мюррей Ансель, его помощник.

— Может быть, мне стоит его повидать? Если он в курсе связи вашего мужа с Карен Ваносса, его лояльность не позволит ему сказать об этом жене своего патрона!

— Я думаю, стоит попытаться,— согласилась она.— Я ему позвоню и попрошу его с вами встретиться.

— Свяжите меня с ним, и я назначу ему встречу в каком-нибудь баре. Но мне придется ему сказать, что ваш муж исчез и вы пользуетесь моими услугами для его розыска.

— Конечно. Не упоминайте только имени Карен Ваносса, пока он сам о ней не заговорит.

— Ясное дело,— сказал я.— Но я думаю... Не попросите ли вы его встретиться со мной сегодня часов в шесть в баре Континенталь на Третьей авеню?

— Я могу попытаться, но он может быть занят.

— Именно поэтому я и прошу вас устроить это свидание. Он ни в чем не сможет отказать мадам президентше!

— О! — Она улыбнулась бледной улыбкой.— Очко в вашу пользу, мистер Бойд. Он придет!

— Вы здесь долго будете?

— Не думаю. Я приехала вчера и, когда увидела, что их тут нет, решила подождать до утра на тот случай, что они все-таки появятся. Но сейчас я предпочитаю вернуться в город. Я дам вам мою визитную карточку одновременно с чеком, мистер Бойд, и вы будете знать, где меня найти.

— Отлично.

— Мой портфель в спальне. Я ненадолго, мистер Бойд. Только выпишу чек.

Она вышла, а я сидел и думал, должен ли я посвятить ее в свои догадки. По моему мнению, ее муж уже два дня как мертв. Скорее всего, в комнате для гостей я видел мертвого Фредерика Рандольфа. Но я не мог быть уверенным на сто процентов, пока не будет найдено тело. Меня немного смущала моральная сторона ситуации: если клиентка нани-

мает вас, чтобы вы нашли ее мужа живым, а вы привозите ей покойника, не откажется ли она от уплаты по счету?

4

Бар Континенталь напоминает о счастливых днях третьей авеню, о времени, когда там проходило воздушное метро. Это место создано исключительно для выпивки: итак там есть бар, бармен — истинный прототип Джека Потрошителя, и ряд боксов в глубине у стены. Если вы желаете, чтобы вас обслужили, нет ничего легче. Нужно встать, дойти до прилавка, спросить выпивку и отнести ее в свой бокс. В шесть часов вечера все было именно так: я совершал прогулки от прилавка к боксу. В шесть с четвертью мне уже казалось, что я обманут. И тут я услышал, что кто-то тихонько кашлянул над самым моим ухом. Я поднял глаза и увидел очень интересного мужчину, он улыбался. Так, что я мог лицезреть двойной ряд белоснежных зубов. Черные курчавые волосы коротко подстрижены. Выразительные ореховые глаза оттенялись сросшимися бровями. И его профиль почти стоил моего! Его яркая индивидуальность проявлялась во всем. Великолепнейший костюм, рубашка ослепительной белизны, строгий галстук.

— Мистер Бойд? — Его голос звучал сердечно. — Я — Мюррей Ансель.

Он энергично пожал мне руку, сел на банкетку напротив и снова улыбнулся.

— Я не совсем понимаю, в чем дело, но когда Джек Рандольф просит меня о чем-нибудь, я выполняю.

— Что вы скажете о стаканчике? — предложил я.

— Не тревожьтесь, я сам.

Он бросил взгляд в направлении бара, поднял руку и дважды щелкнул пальцами.

— Здесь это не пройдет, — объяснил я вежливо. — Выбор таков: или обслуживай себя сам, или умирай от жажды.

Через минуту бармен осторожно поставил martini перед Анселем и слащаво улыбнулся.

— Это годится, мистер Ансель?

— Великолепно. А вы, Джо?

— Мне нельзя. — Бармен пожал плечами и посмотрел на меня с сочувствием. — Вам надо было сказать, что вы друг мистера Анселя. Вы имели бы право на привилегированное обслуживание. — Взгляд на Анселя. — Вы ведь так говорите, мистер Ансель?

— Совершенно точно, Джо. — Привилегированные, как вы и я!

Бармен шумно расхохотался и, волоча ноги, вернулся за стойку. Я закурил, избегая смотреть на Анселя. Это давало мне время превозмочь желание разбить его сверкающие зубы ударом бутылки.

— Итак,— сказал он, поднимая стакан,— самое время выпить...

— Мистер Ансель,— начал я осторожно,— я...

— Пожалуйста, зовите меня Мюррей! Друг Джен Рандольф — мой друг. А как ваше имя, мистер Бойд?

— Денни,— сказал я с гримасой.— И я не друг миссис Рандольф. Я согласился работать на нее.

— Да? — Он внимательно окинул меня взглядом.— Это очень таинственно. Когда Джен позвонила мне сегодня, чтобы назначить это свидание, у меня было странное впечатление, что я влезаю в шкуру тайного агента или чего-то в этом роде.— Новая улыбка.— А чем именно вы занимаетесь, Денни?

— Я частный детектив. Миссис Рандольф наняла меня, чтобы я нашел ее мужа. Она не видела его больше недели и не знает, где он и что с ним. Зная об интригах Фергюсона, она считает, что вы единственный человек в Глобсколл, которому можно доверять, поэтому она и устроила это свидание.

— Я вижу...— В орехового цвета глазах застыло подозрение.— Разрешите мне задать один вопрос, Денни. Если она не знает, где ее муж, почему она думает, что я это знаю?

— Это моя идея,— объяснил я.— Она уверила меня, что вы самый близкий его сотрудник. Может быть, он отправился на неделю в Лас Вегас с какой-нибудь привлечательной стенографисткой или еще что-нибудь такое. Ясно, что жене об этом он не сказал, но вполне мог довериться вам. И если это так, вы, конечно, ничего не сказали миссис Рандольф.

— Мне очень жаль, Денни. Я хотел бы помочь вам... и Джен, конечно. Поверьте, я совершенно искренен. Но я ничего не знаю об этой истории. Первые два дня, когда он не появился в офисе, я подумал, что его задержали какие-то дела. Фредди — человек внезапных решений: он спокойно мог оказаться в Сан-Франциско или даже в Париже. А еще через день мне позвонила Джен и сказала, что он решил неделю отдохнуть, и я счел это справедливым. Мы работали полтора месяца как каторжные. Как видно, Джен ввела вас в курс дел своего мужа. Собрание административного совета назначено через две недели. Мне

показалось логичным, что Фредди хочет отдохнуть и быть в форме, ему предстояла нелегкая борьба, чтобы не дать Фергюсону одержать победу. Так что... — он слегка пожал плечами, — у меня даже мысли не было искать его.

— Хорошо. Уточним. Миссис Рандольф наняла меня, чтобы я нашел ее мужа. Моя миссия ограничивается этим. Если я найду его в деликатной ситуации, я извинюсь перед ним и попрошу его позвонить жене. Она подозревает, что он играет с какой-нибудь мышкой. — Я надеялся, что моя ложь не слишком заметна. — Это не меняет вашу точку зрения на этот вопрос?

— Мне нравится ваша дотошность. Но Фредди не принадлежит к этой категории людей. Он главный президент-директор организации, которая насчитывает около пятнадцати тысяч служащих, рассеянных по разным точкам земного шара, и он не станет компрометировать себя ради удовольствия подобрать какую-нибудь стенографисточку! Вы сделали бы это на его месте?

— Не спрашивайте.

Он вежливо засмеялся.

— Ладно, воздержусь.

— Если миссис Рандольф обратится в полицию, шпики выдвинут три гипотезы, — начал я осторожно. — Что внешне исчезнувший Фредерик Рандольф удрал по своей собственной воле; что с ним произошел несчастный случай и его не смогли опознать... и это, конечно, будет притянута за уши; или что кто-то был заинтересован в его исчезновении.

Ансель вытаращил на меня глаза.

— Вы серьезно думаете о такой возможности, Денни? Что Фредди мог быть... похищен? Мне кажется, это не серьезно.

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто его ненавидит настолько, чтобы решиться на такой шаг?

— Вы шутите! — Ансель смотрел на меня с удивлением. — Вы спрашиваете, знаю ли я, кто способен убить Фредди?

— А Фергюсон?

— Нет! — Он энергично потряс головой. — Он действует точно в границах допустимого. Он интриган, но даже мысль, что он может перенести борьбу на другую почву, чем зал заседаний...

Я настаивал:

— Может, кто-нибудь другой?

Он подумал минутку и снова затряс головой.

— Нет, я убежден, что в нашей организации такого нет.

— А вне ее?

— Не может быть и речи! — бросил он категорично. — Он и Джен живут очень замкнуто. Близких друзей практически не имеют.

— Если Рандольф исчез навсегда, каково будет ваше положение, Мюррей?

— Если это случится, Фергюсон сразу сядет в президентское кресло. Вы легко можете себе представить, какую позицию он займет по отношению ко мне. Я был правой рукой Фредди в течение трех лет! Если такое произойдет, я попаду в список безработных!

Я отпил бурбон, повертел стакан в руках и постарался воспроизвести мрачное выражение распорядителя похоронной команды.

— Я сейчас выскажу вам одну мысль. Мне трудно было сказать это миссис Рандольф. Если такой человек, как Фредерик Рандольф, решил исчезнуть, он все бы рассчитал. И во всяком случае он позвонил бы вам из любого места. Он не мог испариться в воздухе. Человек его положения бывает битком набит документами, кредитными карточками, чеками и тому подобным, это делает невероятным несчастный случай, амнезию и прочее. Что же вы от меня хотите? По-моему, он мертв.

— Убит?

Ансель смотрел на меня, разинув рот.

— Именно! — подтвердил я. — Если я не найду его в двадцать четыре часа, то пойду в полицию.

— Нет! Это невозможно! — вскричал он бурно. — Газеты подхватят новости! — Ансель задрожал от такой перспективы. — Это значит, отдать Фергюсону скальп Фредди... на тарелочке!

— Может быть, именно это уже произошло? — предположил я.

Я быстро допил свой стакан, вытащил из портфеля карточку, положил ее перед Мюрреем и встал.

— Подумайте, Мюррей. Если вам придет в голову хоть какая-нибудь идея, позвоните мне, ладно?

— Да, договорились, Денни, — сказал он угасшим голосом. — Обязательно.

У выхода я оглянулся. Ансель по-прежнему сидел, устремив глаза в пустоту. Я был удовлетворен: он больше не улыбался.

Домой я вернулся в час обеда, но решил, что не голоден, смотрел на зеленую траву из окна, приготовил себе стакан-

чик. Через полчаса желудок напомнил о себе и я спустился что-нибудь погрызть в маленьком итальянском ресторанчике на углу. Дома долго сидел со стаканом бурбона и созерцал сгущавшиеся в парке сумерки.

Что-то толкнуло меня позвонить Нине Норт.

— Говорит Денни Бойд, — сказал я.

— Что вам надо? — услышал я голос ангелоподобной блондинки.

— Поговорить с Пеллем. Может быть, вы передадите ему трубку... если он еще не пользуется своими ногами.

— Ему не о чем с вами говорить!

— Ладно, — ответил я снисходительно. — Тогда передайте ему кое-что от моего имени. Спросите его, не видел ли он недавно Фредерика Рандольфа. Если он скажет, что нет, добавьте, что это меня не удивляет, потому что я думаю, что Рандольф мертв.

Секунд пять молчали.

— Вы совсем спятили! — бросила она. — Петер не знает никого с этим именем.

— Посоветуйте ему справиться у Карен Ваносса.

— Ладно, я ему передам.

— Отлично. Вы не отказались от театра после вчерашнего представления?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — буркнула она.

— Я думал, что вы можете поменять амплуа и выступать с акробатическими номерами в цирке, — сказал я тоном глубокого восхищения. — Эта сцена на диване... с вашими ножками... вы произведете фурор!

Некоторое время я держал трубку и слушал разъяренный монолог. Потом все звуки исчезли. Как видно, Нина Норт не повесила трубку, а разбила ее об стену. Я лениво посмотрел в окно и продолжал бездельничать. Если моя теория насчет насильственной смерти Рандольфа кое-кого беспокоит, один из них немедленно начнет действовать, неважно как. Опыт, состоящий в том, чтобы сделать из Бойда мудрого индуса, совершенно нов; он вполне может внести немного пикантности в мое существование.

После часа медитации я убедился, что моя теория ничего не даст. И уже подумывал, не лечь ли пораньше спать, но от тоски впору выпрыгнуть в окно. От этого выбора меня отвлек звонок в дверь. На секунду я замер от промелькнувшего в мозгу видения: постаревший на два дня труп Фредерика Рандольфа ждет меня за дверью и требует справедливости. Но разум взял верх: судя по силе звонковой трели это, возможно, кордебалет Фоли Бержер, послан-

ный мне в подарок моим парижским дядей по случаю праздника холостяков. Когда я вспомнил, что у меня нет родственников во Франции, было уже поздно: я открыл дверь.

— Это вы во всем виноваты! — вскричал задыхающийся голос. Острый край сумки проехал по моему носу и светловолосый вулкан ворвался в квартиру.

Я догнал ее только на середине гостиной. Расплавленная лава текла по ее щекам, голубые глаза метали молнии в моем направлении, скорее — и я не сразу это понял — только один глаз. Другой был полузакрит, распух и окружен лиловым подтеком.

— Чтоб вам сгореть! — Она подняла свою сумочку с очевидным намерением доконать мой нос. Я вовремя схватил ее за кисти и слегка крутанул. Она уронила свое оружие. — Грязная скотина!

Острый носок ее туфли был направлен на мою коленную чашечку.

— Эй! Спокойно! — Я поспешно отступил. — Что за цирк?

— Подлец! Змея! Вы разбили мне жизнь!

Она была вынуждена перевести дух; этот короткий перерыв позволил мне взглянуть на нее. На Нине было хлопчатобумажное платье зеленого цвета без рукавов, широкая юбка украшена бахромой из крошечных белых шариков. Портной, вероятно, предназначал свою работу какой-нибудь недотроге, и уж, конечно, не представлял его на толстушке Нине. Я собирался сделать ей комплимент, но она уже отдохнула и набросилась на меня снова.

— Грязный лжец! — бушевала она. — Чудовище! Я начу вас втираться между любящими и разбивать их жизнь!

Она оглядела комнату. Единственный открытый глаз загорелся, когда она увидела африканскую статуэтку, поставленную на низкий столик возле дивана.

— Я убью вас! — завопила она. — Проломлю вам череп! И остатки ваших мозгов скормлю уткам в центральном парке.

Нетронутый глаз полыхал ненавистью, она бросилась к столику.

Статуэтка была вырезана из черного камня: достаточно одного удара по голове, чтобы выполнить всю эту очаровательную программу. Я должен был опередить ее не только из любви к уткам. Бросившись в том же направлении, начисто забыл одну деталь: край ковра. Я сделал два шага, запутался в этом проклятом коврикe и упал. Мне показа-

лось, что миллион белых шариков над моей головой, потом ее колено столкнулось с моим плечом. Остальное было какой-то неопределенной смесью звуков и видений. Нечто подобное я наблюдал при взлете ракеты, исчезающей в стратосфере с жалобным непрерывным свистом. И тут раздался ужасный треск. Стреляла и промахнулась, решил я, еще не вполне придя в себя. Больше того, выстрел угодил в самую середину моей гостиной. Я осторожно поднял голову, чтобы осмотреть разрушения.

Нина была здесь в своей излюбленной позе! Головой в диванных подушках, ноги на спинке дивана. Они показались мне такими же упоительными, как и в прошлый раз: маленькие зеленые трусики гармонировали с бахромой из крошечных белых шариков, которые бились на высоте ее бедер. Я ошалело поднялся на ноги и подошел к дивану и помог Нине принять нормальную позу.

Выражение ее лица было неопишимо. Она отвела прядь волос с лица, медленно разжала руку и уронила на пол белые шарики. Она нервно хихикнула, закрыла глаза и застучала ногами. Я не беспокоился о соседе внизу, но паркет мне стоил кучу денег. Я ее поднял, перекинул через плечо и понес в ванную. Нина вопила, когда я сунул ее под душ, но это не помешало мне открыть кран с холодной водой на полную мощность. Постепенно она замолчала, видимо, сэкономила дыхание. Я продержал ее так добрую минуту, потом отпустил и закрыл воду.

— Все полотенца чистые, — сказал я, как хороший хозяин. — Пожалуйста, будьте как дома.

Я закрыл за собой дверь, вернулся в гостиную и приготовил два больших стакана, потом закурил и стал ждать. Через пять минут мне показалось, что я на пустынном острове слушаю мелодичный звук невидимых инструментов. Я оглянулся и увидел женщину, одетую в короткое парео. Она раскачивалась в томном танце на пороге моей хижины. Парео, в данном случае голубое купальное полотенце, удерживалось под ее правой подмышкой небрежным узлом. Танец, действительно, был медленным. Сложение Нины не очень подходило к этому виду танца. При каждом движении ее полные груди слегка трепетали, и ткань соскальзывала. Три движения — и она снова должна была завязывать узел с бесконечными предосторожностями, потому что парео доходило только до бедер, и слабый узел тут же развязывался. Это замедленное движение, одно из самых привлекательных, которое я когда-либо видел, длилось от порога до дивана. В конце концов она достигла

цели, осторожно села, плотно сдвинула ноги и посмотрела на меня.

— Это судьба,— бормотала она слабым голосом,— она не хотела, чтобы я вас убила.

Вооружившись стаканами, я подошел к дивану и сел рядом с ней.

— Возьмите, выпейте.

Она проглотила половину, как будто это был детский сиропчик, а не хороший скотч, в котором лед еще практически не растаял. Она подняла на меня глаза и задумчиво посмотрела.

— Вы можете радоваться, я умру от пневмонии,— бросила она с упреком.

— Все-таки это лучше, чем электрический стул.

— Вы разбили мою жизнь,— снова начала она.— Загубили здоровье, разорвали платье! Все пропало! Все! Я презираю вас, Денни Бойд!

— Я согласен с вашими обвинениями по поводу здоровья, разорванного платья и прочего, но как это я разбил вашу жизнь?

— Вы это сделали вчера, выбрав самый отвратительный способ,— сказала она горько.— Вы напали на Петера, когда он этого не ожидал. После вашего ухода у нас была ужасающая сцена. Петер не хотел верить, что я вас видела впервые. Он решил, что вы мой любовник и пришли ко мне в дом с единственной целью унижить его. Мы дрались, как кошка с собакой, и он уснул на софе...

— На диване в форме «S»? — возликовал я.

— Когда я встала, он уже ушел,— продолжала она, не обращая внимания на мой вопрос.— Вернулся только в семь часов вечера. Его дурное настроение прошло, все должно было быть чудесно... И нужно же было, чтобы вы позвонили.

— И что же случилось?

— Он словно взбесился, когда я передала ему это сообщение без начала и конца! — В ее голосе полная растерянность.— Все равно, как если бы я сказала, что он играет как сапожник. Он набросился на меня с неслыханной яростью, орал во всю глотку, что все блондинки — змеи. Что я не только имею любовника, но участвую в заговоре лишить его жизни. Он все перебил в квартире, и со мной случился нервный припадок, когда он разбил мою самую лучшую вазу. Тогда...— ей перехватило голос,— он меня ударил! Я упала, и пока приходила в себя, он сложил свои вещи. На прощание он сказал, что ноги его

у меня больше не будет и добавил, что обратится к своим влиятельным друзьям, и если вы не оставите его в покое, то горько раскаитесь! И вылетел пулей. Я поняла, что никогда больше его не увижу и что все это из-за вас! Раз моя жизнь разбита, я хотела заплатить вам той же монетой и разбить вашу! Поэтому я и пришла к вам. Я хотела убить вас... Я думала... Все сейчас спуталось.

Она вздрогнула и опустошила стакан. Я поспешил его наполнить.

— Спасибо,— она схватила стакан, окунулась в него, и, когда вынырнула, половины его как не бывало.— Вы видите, что у меня нет никаких оснований жить,— бормотала она.— Не только Петер покинул меня навсегда, но и красота моя никогда не вернется. Скажите откровенно: видели ли вы когда-нибудь красивую блондинку со стеклянным глазом?

Я успокоил ее:

— Это только фонарь. Придется поносить несколько дней черные очки.

— Это неважно. Моя жизнь кончена. Что я без Петера?

— Обаятельная актриса-блондинка, которая может снова привести в порядок свою квартиру на Гринвич-виллидж и в ней уже не будет крутиться вшивый актеришка. Вспомните, что он постоянно оскорблял вас, разбил любимую вазу...

— ...требовал еду в самое неподходящее время,— добавила она.— По крайней мере я смогу пользоваться своим зеркалом, он вечно торчал перед ним! Мне не нужно будет беспокоиться о прачечной, где никогда не выстирают рубашки по его вкусу! Не надо больше...— Она внезапно замолчала и посмотрела на меня, разинув рот.— Денни Бойд! — вскричала она с восторгом.— Я свободная женщина!

— Точно,— согласился я.

— Мне больше не надо сидеть дома взаперти, ждать его и гадать, в каком состоянии он вернется! Если я захочу лечь с маской на лице, мне не надо сидеть в ванной до тех пор, пока он уснет! Это чудесно! — Она одним глотком осушила стакан и сунула его мне в руку.— Выпьем! Отпразднуем это!

— Великолепная идея,— сказал я покорно.— Уцепитесь пока за диван. Я не хочу, чтобы вы разрушили потолок до моего возвращения.

— Алкоголь... меня вовсе не пугает... вовсе! — убежден-

но бормотала Нина. — Можно выпить десять стаканов подряд... ничего не будет!

Я налил на лед чуть-чуть виски, наполнил стакан водой и протянул ей. Она отпила, насупилась и бросила на меня обвиняющий взгляд.

— Что вы пытаетесь со мной сделать, Денни Бойд? — спросила она ледяным тоном. — Это намного крепче, чем было.

— Извините. Но вы сказали, что мы должны отпраздновать событие.

— Это правда! — воскликнула она, улыбаясь. — Выпьем за свободу!

Она резко и высоко подняла свой стакан. Результат не замедлил сказаться: ледяная жидкость выплеснулась и потекла по ложбинке между ее грудями. Импровизированное парео неожиданно соскользнуло... и она оказалась голой до пояса, с мохнатым полотенцем вокруг талии.

— За свободу! — весело повторила она.

Она, кажется, ничего не заметила и поднесла стакан к губам.

Я смотрела на нежную холмистость ее грудей, предоставленных самим себе, твердых, круглых, с воинственно торчащими коралловыми кончиками. Издержки хорошего воспитания заставили меня сказать что-нибудь; вероятно, я должен был тактично обратить ее внимание на беспорядок в одежде, но мое горло было парализовано и я не мог из него извлечь ничего, кроме мерзкого карканья. В этот момент Нина начала что-то подозревать. Она перестала тянуть из стакана и опустила глаза, затем повернулась ко мне и впала в столбняк. Потом изобразила вежливую улыбку и спросила:

— Вы уже ездили в Бали?

— Нет, — сказал я хрипло, — зачем мне теперь беспокоиться?

— Не волнуйтесь. — Она задорно подмигнула здоровым глазом. — Я опережу вас на все сто процентов, Денни Бойд.

— То есть? — пробормотал я.

— Вы вообразили, что я хочу отпраздновать свою первую свободную ночь с вами, а? Вы думаете, что я упаду в ваши объятия под предлогом, что мое платье и все остальное полностью вымокло, не так ли? Вы думаете, что у меня не хватит нахальства выскочить голышом в Центральный парк и свистнуть такси, а? — Она радостно засмеялась. — Вы думаете, у меня нет выбора, и я вынуждена

провести ночь здесь с вами? Спорю, вы думаете, что я только этого хочу и жду!

— Я... кха! — Я тяжело прокашлялся. — Ну, я... э...

Она заботливо поставила пустой стакан на маленький низкий столик у дивана, повернулась ко мне спиной, вытянула ноги на подушки и уронила голову на мои колени. Широко открытый голубой глаз и черный в опухшем веке пристально глядели на меня; потом она взяла меня за руки и крепко прижала их к своим грудям.

— Сейчас я вам признаюсь, Денни Бойд, — сказала она чуть слышно. — Вы абсолютно правы!

— Ах, да? — спросил я каким-то кастрированным голосом.

— Отныне я свободная женщина, — задумчиво сказала она. — Свободна выбирать. Вы — избранник моей первой ночи... но, может, не следующей. Сейчас я свободна в выборе и... почему бы мне и не воспользоваться этим! Ну не чудесно ли?

— Еще как! — согласился я.

Она подняла руки, обняла меня за шею и притянула к себе. Ее пухлая нижняя губа с успехом заменяла все существующие на свете заклепки; я не возражал бы до конца дней своих быть приклепанным к ее губам, но тут ее зубы пошли в ход. Я замычал от боли.

— Мне очень жаль, Денни. Ты не знал, что мохнатое полотенце может щекотать! На нем лежишь, как на решетке!

Она выпрямилась, скинула ноги с дивана и встала. Полотенце упало к ее ногам, и горло мое снова парализовало.

— Пора идти в спальню, Денни. — Она машинально почесала одну из своих круглых ягодиц. — Помни мои слова, никогда не покупай себе шерстяное нижнее белье!

— От цели нас отделяет целая комната, — сказал я. — Я не хочу, чтобы ты устала по дороге.

С решительным видом игрока в регби я встал с дивана и взял свой приз под коленки. Когда я выпрямился, она сидела у меня на плече.

— Денни Бойд, — кричала она свистящим голосом, — если ты меня потащишь под холодный душ, я тебя убью!

— Я совсем не это имел в виду, — успокоил я ее, направляясь в спальню.

— Тогда ладно. — Она слегка задыхалась. — Мне все еще щекотно. Почеси меня, ладно?

— Это пройдет под рубрикой «Домашние занятия, соединяющие полезное с приятным».

— Честное слово, — мурлыкала она, — это не совсем то, что я имела в виду, когда просила тебя об этой услуге, но это гораздо забавнее.

— Забавное только начинается, — возвестил я, небрежно бросая ее на кровать.

Она вытянулась, перевернулась на спину и посмотрела на меня с шутовской жадностью.

— Вот так! — сказала она торжественно. — Первый раз в жизни я занимаюсь любовью с поэтом!

5

Я наблюдал за Ниной, когда она мазала себе энный тост, и не мог удержаться от замечания:

— Никогда не встречал человеческое существо, способное так много есть с утра. — Когда ты ела в последний раз? Зимой 63-го?

— Это ночная гимнастика, — сказала она, старательно жуя. — Ничего особенного в этом нет, любовь вызывает аппетит... Я всегда так говорила!

— Ты красива, привлекательна, волнующа, — проворчал я, — но твой утренний монолог крайне прозаичен. Сменим тему.

— Идет, — живо согласилась она. — О чем будем говорить?

— О Петере Пелле.

Она чуть не подавилась.

— Никогда не произноси этого имени в моем присутствии!

— Тогда начнем с нуля. Давно ты знаешь Чарли Ваносса?

Наморщив лоб, Нина погрузилась в бездну воспоминаний.

— Почти год. Я была на небольшом приеме, и один из парней привел его.

— Один из парней?..

— Да... ты знаешь, это компания приятелей, в общем-то, изрядных шалопаев. Я их знала в те времена, когда начинала как герлс в мюзик-холле. Это было давно, — добавила она поспешно. — Теперь я настоящая актриса.

— Несомненно, — вежливо согласился я.

— Я не считала Чарли шалопаем, ну, не совсем, и тем не менее была поражена, узнав, что он женат. Ваносса

пригласили нас обоих на вечер, и эта Карен принялась бестыдно обхаживать Петера, да еще под самым моим носом! А бедный Чарли сидел в уголке с дурацкой улыбкой и спокойно опоражнивал стаканчик. Когда мы вернулись домой, то впервые поссорились. Я помню, что Петер целых два дня не разжимал зубов! Ну... — она удовлетворенно пожала плечами, — все теперь кончено!

— Как ты думаешь, Петер спал с ней?

— Уверена! Но он вернулся ко мне... как всегда.

— Ты случайно не знаешь, не спал ли он также с некоей Джен Рандольф?

Она горестно посмотрела на меня.

— За кого ты меня принимаешь? Не думаешь ли ты, что я спрашивала имена его девок каждый раз, когда он исчезал на несколько дней? Чтобы я их записывала в книжечку?

— Я не знаю. Я думал, что, может быть...

— Нет! — Яростный взгляд. — Рандольф? Откуда взялась эта саранча?

Я неопределенно объяснил:

— Это женщина, которую очень хорошо знают и Карен, и Чарли Ваносса. Я просто подумал, а вдруг...

— А почему ты их не спросишь об этом? — проворчала она. — Я уверена, что если они в курсе, то с удовольствием тебе расскажут.

— Я не могу их застать. Ни того, ни другого. Каждый раз, когда я звоню, я попадаю на эту ослицу-горничную, которая мне говорит...

— ...они уехали и, вероятно, не вернуться раньше, чем через месяц... Что-то вроде этого? Карен сказала нам в тот вечер, когда мы у них обедали, что Ваносса записали голос горничной на пленку. Когда они не хотят, чтобы их беспокоили, они подключают магнитофон к телефону. А я думала, что частные детективы хитрые!

— Значит, все это время они...

Меня прервал телефонный звонок. Я прошел в гостиную и взял трубку.

— Мистер Бойд? Это Чарли Ваносса. Надеюсь, вы помните меня.

— Если бы я мог вас забыть! — проворчал я сквозь зубы. — Я потратил массу времени, пытаюсь добраться до вас, Чарли! Это стало моей идеей фикс.

— Право? Это мило с вашей стороны, мистер Бойд! — Он был переполнен доброжелательностью. — Не согласитесь ли вы оказать мне услугу? Я знаю, что вы страшно

заняты, но не можете ли вы посвятить мне несколько минут сегодня утром? Зайти ко мне...

— Я буду у вас через полчаса, только вы оторвите вашу горничную от телефона, чтобы она мне открыла!

— Бертю? — Вежливый смешок. — Ее больше нет, мистер Бойд. Я был вынужден отпустить ее... пожалуй, в день вашего визита! Она вылакала у меня бутылку моего лучшего хереса перед завтраком. Я не упрекал ее, что она выпивает, но она могла ограничиться обычным красным! Через полчаса — отлично, мистер Бойд! Я вам бесконечно признателен. Вы даже не представляете, как!

На кухне Нина мазала новую картинку. Нежное создание, видимо, решило есть весь день без передышки.

— Я должен уйти, — сказал я. — Постараюсь немного позолотить мой ореол частного детектива, а то он сильно потускнел. Если ты проголодаешься, то учти, у меня кредит в забегаловке на углу.

— Не груби! — Она говорила с полным ртом, так что я с трудом угадывал ее слова. — Это ты виноват! Ты так силен! Скажи-ка... — Она проглотила кусок, и речь ее стала более внятной. — Не рассчитываешь ли ты отделаться остроумной репликой и оставить меня голодной? Мы увидимся? Мне ждать твоего возвращения домой?

— Я думаю, будет чудесно найти тебя здесь, — честно сказал я.

Она осмотрела себя и стыдливо вздохнула.

— Мне надо взять что-нибудь из одежды. Это проклятое платье так село!

— Оно мне нравится. Чертовски весеннее... Светится повсюду!

— Продолжай в том же духе; ты нашел легкий способ, чтобы обрести равновесие, — съязвила она. — Но если ты хочешь сказать, что я растолстела, то я выплесну тебе в лицо остаток кофе!

— И подрежешь мне крылья! — вздохнул я. — До свиданья, моя нежная... и пышная подружка!

Я увидел, что она схватила кофейник, и убежал.

Через двадцать минут я остановился перед частным отелем на Шестьдесят седьмой улице. Чарли Ваносса заменил Бертю лакеем. По крайней мере, я так подумал, когда мне открыл дверь довольно высокий парень. Однако на нем не было полосатого жилета, знака этой корпорации. Он был облачен в обуженный итальянский костюм из бледно-голубого переливающегося шелка. Галстук заколот жемчужинной. Мушкетерские манжеты его рубашки вылезали из

рукавов пиджака на добрые пять сантиметров и украшались кабашонами бредовой фантазии и солидного веса... сапфиры, оправленные в слоновую кость.

— Кто? — спросил он, запыхавшись.

Длинные загнутые ресницы медленно хлопали, влажные карие глаза блестели, как у испуганной лани.

— Вы случайно, не друг Нины Норт? — проворчал я.

— О! — восторженно отозвался он. Наманикюренные пальцы трепали длинные локоны. — Очаровательная Нина!

— Меня зовут Бойд, — прервал я его. — Ваносса меня ждет.

— Да, конечно. Пожалуйста, войдите, мистер Бойд. Кстати, меня зовут Родни Мартин. — Он протянул мне мягкую руку, которая приклеилась к моим пальцам, как кусок мокрого желатина.

Он шел впереди меня на кончиках пальцев подпрыгивающей походкой танцора.

Чарли Ваносса с неизменным стаканом в руке сидел в одном из своих кожаных кресел. У окна стоял атлетического вида мужчина в элегантном костюме. Ему было лет сорок. Серые глаза, коротко стриженные волосы. Умное волевое лицо; человек, без сомнения, опасный. И если Родни Мартин принадлежал к категории людей, бросающихся в глаза, то этот тип предпочитал держаться в тени.

Чарли Ваносса устало приветствовал меня.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы пришли так быстро, мистер Бойд! Разрешите представить вам Дона Лечера, одного из моих лучших друзей! С Родни вы уже познакомились.

— Привет! — бросил Лечер угрюмо и слегка кивнул.

— Я думаю, лучше сразу же звать друг друга по имени. — Чарли откинул голову назад, чтобы освободить себе линию обзора и подчеркнуть таким образом важность своего сообщения. — Я хотел бы, чтобы наша беседа была дружеской и без лишних церемоний. Как по-вашему, Денни?

— Согласен.

— Отлично. — Он адресовал мне улыбку безграничной признательности. — Я чувствую, что мы останемся друзьями, как только будет устранено дурацкое недоразумение.

— Недоразумение?

— Я уверен, что все уладится в несколько минут, Денни, — сказал он, сияя. — Все это произошло только из-за моего непонимания вашего профессионального кодекса.

— Какого кодекса? — переспросил я.

— Ну... — Он обратил умоляющий взгляд к типу в радужном костюме. — Объясни, Родни.

— Ты ужасен, Чарли! Что подумает обо мне Денни, если я вмешаюсь? Ох! Но... если ты настаиваешь... — Длинные загнутые ресницы затрепетали. — В сущности, Чарли хочет знать, почему вы постоянно меняете клиентов.

— Чарли нанял меня, чтобы я нашел его жену и уговорил ее вернуться к семейному очагу, — сказал я спокойно. — Несколькими часами позднее он отказался от моих услуг, так как жена сама позвонила ему и сказала, что возвращается. Чек, который мне дал Чарли, был разорван Карен, и я по нему ничего не получил. Он перестал быть моим клиентом с той минуты, как я прекратил поиски. Так что я ему решительно ничего не должен.

— Ах, боже мой! — Мартин жалобно взглянул на Ваносса. — Ты видишь, что ты заставил меня сделать, Чарли? Я оскорбил Денни!

— Мне неприятно тебя критиковать, — вздохнул Чарли и беспокойно взглянул на своего маленького товарища. — Но мне кажется, что ты неправильно информировал вопрос, суть которого заключается в том, имел ли Денни право, по правилам своей профессии, брать клиенткой мою жену в тот же день, когда он работал на меня?

— А где я встретил вашу жену в тот день, Чарли? В Филадельфии?

— Какой вы злой, Денни! — огорчился Чарли. — Вы прекрасно знаете, что все было не так, как вы изображаете, я просто хотел избежать неприятностей с Петером Пеллем и этой идиоткой Ниной! Карен звонила мне из дома в Нью-порте сразу же после вашего отъезда и рассказала мне, что произошло. Это произвело на меня исключительно тягостное впечатление... Ваше отступничество и все, что за этим следует. Я рассматриваю это, как явное нарушение профессионального кодекса, Денни. Так что я... да! Я требую объяснений!

— Тогда начнем с трупа. Что случилось с трупом, Чарли, — любезно предложил я. — Это самый волнующий момент всей истории.

— Труп? — вскочил он. — Какой труп?

— Труп, который исчез из дома в Ньюпорте, — сказал я, акцентируя слова. — Кстати, об исчезновении... где сейчас ваша любезная половина?

Он наигранно пожал плечами.

— Один бог знает! Но не будем отвлекаться, Денни. Расскажите-ка об этом трупе.

— Ну что ж, я видел его лежащим на ковре в комнате для гостей. А когда вернулся в дом вчера, труп испарился. Я думаю, что вы и Карен должны знать, что с ним стало... Но вы стали недосыгаемы в последнее время.

— Это и была причина, побудившая вас найти новую клиентку, Денни? — Он с упреком покачал головой. — Видимо, вы отчаянно нуждаетесь в деньгах... Это единственное извинение. Итак... сколько вы хотите?

— Чтобы я забыл о трупе, найденном во вторник и улетевшем в среду?

— Там не было трупа, — устало уронил он. — Это был живой человек, который убежал после того, как вы ушли. Карен была вынуждена придумать историю и уверить вас, что дело идет о Петере Пелле. Но в тот же вечер вы убедились, что это был не он, не так ли? — Он поднял руку, как бы призывая меня к молчанию, хотя я и не имел намерения его перебивать. — Вы так усердно совали свой нос повсюду в эти дни, что я не сомневаюсь, что вы открыли настоящее имя человека, составлявшего компанию Карен в Ньюпорте. Откровенно говоря, для вас будет лучше, если вы забудете этот эпизод. — Он судорожно вздохнул. — По каким-то непонятным причинам вы не сочли нужным инкассировать мой чек. В свете дальнейших событий вы, конечно, поняли, что ваше молчание стоит намного больше тысячи долларов. Я человек понятливый, не так ли, Родни? Сколько вы хотите за свое молчание?

— Честное слово, вы принимаете меня за шантажиста!

— Какая важность, Денни, — сказал он, зевая. — Итак, сколько?

— Вы не переставали говорить о профессиональном кодексе, Чарли, — напомнил я. — Тогда не обижайтесь, если я сяду на этого конька. Я не могу принять ни ваших денег, ни денег вашей жены, потому что новая клиентка пригласила меня найти ее мужа. По моему мнению, я видел его труп в Ньюпорте в прошлый вторник, когда наносил визит Карен.

— Вы собираете своих клиентов, как осенние листья, Денни, — спокойно прокомментировал Чарли. — Почему бы вам не бросить свою последнюю клиентку... за большую сумму? Скажите вашу цену. Я немедленно выпишу чек, и вам останется только пройти несколько сотен метров, чтобы получить по нему деньги. Это не будет стоить вам никаких усилий.

— Чарли,— я почти дружески улыбнулся ему.— Посмотрим фактам в лицо. Мне противны люди, которые пытаются меня обмануть. Вы обманули меня, когда наняли искать вашу жену, а она обманула меня, когда я ее нашел. Вы оба пытались сделать из меня любителя в моем собственном ремесле и даже преуспели в этом, это в наше время, когда только профессионалы имеют какой-то шанс выжить. Уже поэтому у вас не хватит денег, чтобы купить меня.

— Пять тысяч, Денни? Может быть, это успокоит вашу совесть? Пять тысяч долларов за ничегонеделание? Вы берете?

— Я заработаю эту сумму в другой, более приемлемой ситуации.

Его взгляд снова стал пустым.

— Это ваше последнее слово, Денни? Ваше решение окончательно?

— Еще бы!

— Как вы все затрудняете... даже ухудшаете! Для меня самое отвратительное — это физическое насилие!

— Уж не рассчитываете ли вы помять мне портрет, Чарли? — сказал я со смешком.— Едва ли вы способны...

Я внезапно смолк. Ствол револьвера уткнулся мне в ребра. Я повернулся и увидел Лечера, стоявшего рядом с автоматическим револьвером в руке.

— Заткнись, Бойд,— сказал он спокойно.— Сейчас Чарли решит твою судьбу.

Ваносса тянул из стакана. Морщины избородили его лоб. Затем он поднял на меня глаза, и его лицо приняло страдальческое выражение.

— Все это так обманчиво,— вздохнул Чарли.— Стараешься быть милым с людьми... Предлагаешь им солидные суммы ни за что... И какой результат?

— Они кусают руку, кормящую их! — вскричал Родни Мартин пронзительным голосом.— А теперь что бы ни случилось с Бойдом, пусть пеняет на себя сам!

Печаль заволокла глаза Ваноссы.

— Мне так отвратительно физическое насилие! — продолжал он, изображая приступ отчаяния.— Заприте его в погреб, Дон. Пусть он спокойно обдумает ситуацию.

— Ты слышал, что сказал Чарли? — Лечер подтолкнул меня револьвером.— Вперед, Бойд!

— Конечно,— сказал я нервно,— я сделаю все, что вы хотите! Исключительно из-за любви к вашей пушке, а?

Он заржал.

— Сейчас я тебе все разложу по полочкам. Постарайся быть хорошим мальчиком, делай, что прикажут, и тебе не сделают бобо.

Мы пересекли холл, потом кухню. Лечер открыл дверь на лестницу, ведущую в погреб. Я остановился на верхней ступеньке.

— Вперед! — приказал Лечер.

— Там темно. Там нет света?

— Ничего не знаю, — утомленно сказал он. — Во всяком случае к чему расходовать электричество на такого жалкого типа?

— Послушайте! — Я обернулся к нему и посмотрел на него с выражением ужаса. — Я страдаю клаустрофобией. Если я пробуду хоть пять минут там один в темноте, я сойду с ума. Прошу вас, зажгите свет!

Он насмешливо оглядел меня, и глаза его не предвещали ничего хорошего.

— Может быть, Чарли решит продержат тебя в этой дыре два-три дня, Бойд. Что ты на это скажешь? В темноте?!

Я застонал.

— Умоляю вас! Я не перенесу!

— С тобой раньше этого не случалось, а? — Он садистски ухмыльнулся. — Но не волнуйся, Бойд. Ты можешь орать там во всю глотку сколько хочешь. Стены звуконепроницаемы!

— Умоляю вас! — застонал я еще жалобнее. — Вы не знаете, что это такое. Умоляю!

Я упал перед ним на колени.

— Давай молись! — насмехался он. — Все это зря, но мне забавно слышать твое хныканье.

— Не заставляйте меня спускаться! — закричал я отчаянно, охватил руками его колени и сжал изо всех сил.

— Господи! — заворчал он. — Отпустите меня, Бойд! Или я...

Крепко держа его колени, я откинулся назад и поднял его внезапным рывком. Сто килограмм живого веса пролетели над моим плечом и устремились в погреб, минуя ступеньки. Носок его ботинка больно оцарапал мне висок, когда его туша устремилась вниз. Меня не интересовало, ранен ли он, мертв или просто обижен на меня. Я удовольствовался тем, что одним прыжком метнулся в кухню, резко захлопнул дверь, закрыл на два оборота ключом и задвинул засовом.

В гостиной Чарли по-прежнему сидел в кресле. Мартин

стоял возле него с таким выражением, как будто ждал, что с губ Чарли слетят откровения о судьбах мира. Я схватил маленького подлеца за шею и за штаны и бросил к Чарли на колени. Но тот, видимо, не оценил подарка, свалившегося на него, Родни пришлось покинуть дружеские объятия и приземлиться на пол. Оба, разинув рты, смотрели на меня, как на привидение.

— А Дон? Что вы с ним сделали? — заблеял Мартин.

— Положил его на холод, — вежливо объяснил я. — Ему там холодно, но вы можете составить ему компанию, я не буду возражать.

— Я...

Нежный бандит тягостно сглотнул и закрыл рот. Он так прижался к полу, будто надеялся, что зароется в него, как в нору.

— Чарли, — я улыбнулся Ваносса своей воскресной улыбкой, затем схватил его за отвороты куртки и вытащил из кресла, — где ваша жена?

— Прошу вас, Денни! — плаксиво умолял он. — Вы не знаете, какой ужас я испытываю к физическому насилию. Мне...

Я хлестнул его тыльной стороной руки по лицу не очень крепко, но он взвыл.

— Вы меня не слушаете, Чарли, — сказал с упреком. — Где Карен?

— Не знаю!

Пришлось сравнять счет и смазать его по другой щеке, он покачулся.

— Клянусь вам, это правда! Я не видел ее два или три дня!

— Вы хотите сказать, что она вернулась только на одну ночь и тут же снова уехала?

— Именно так и было. Клянусь вам! Она...

Но тут раздался подземный взрыв; я понял, что Чудовище Погреба избежало судьбы, которой я ему желал, пока оно падало вниз. Я вспомнил о существовании револьвера. Вот-вот Лечер сообразит, что у него есть оружие и начнет стрелять в замочную скважину, чтобы освободиться. С сожалением я оттолкнул Чарли назад. Он рухнул в кресло.

— До встречи, Чарли! — бросил я. — Плевал я на твой чек!

Я выскочил в холл и бросился к выходу.

Через полчаса после корриды я влетел в свое бюро. Френ Джордан встретила меня, размахивая чеком.

— Я вижу, у вас новая клиентка,— бросила она.— Честное слово, дама козырная и к тому же нетерпеливая! Она звонила уже три раза за утро!

— Миссис Рандольф? — спросил я лукаво.

— Откуда я знаю? — В глубине зеленых глаз лед.— Какая-нибудь неудовлетворенная вдова, Денни? Или мышка, живущая только надеждой увидиться с вами?

— Много шансов за то, что она уже вдова, только она этого еще не знает. Тот исчезнувший труп был совершенно реальным, я в этом удостоверился... и я почти уверен, что это труп ее мужа. Она оставила свой номер? Мне надо позвонить ей.

— Оставляла при каждом звонке,— ядовито сказала Френ.— Причем тот же самый номер! Вы думаете, она сторает от желания быть утешенной ловеласом с медальным профилем?

— Ничего удивительного,— возразил я самым серьезным тоном.— Соедините меня с ней. Я возьму трубку в кабинете.

— Ваши желания — закон, хозяин!

Я прошел в кабинет и сел за стол. Тут же зазвонил телефон.

— Мистер Бойд? Говорит Джен Рандольф. Я все утро пыталась дозвониться до вас.

— Я был занят,— объяснил я.

— Расходовали мою тысячу долларов?

— Бегал за ваш счет,— проскрипел я.— Исчез не только ваш муж. Карен Ваносса тоже испарилась.

— Ах, какая у вас упрямая память, мистер Бойд! — Ее голос пропитался сарказмом.— Я же вчера сказала вам, что они вместе. Вспоминаете? Вы могли бы избежать лишних перемещений, если бы ваша память была на высоте. Но оставим это. Мне нужно с вами поговорить. По телефону я не могу этого сказать. Приезжайте немедленно!

— Договорились. Где вы?

— Я вернулась в Ньюпорт,— сказала она не очень любезно.— Приезжайте как можно скорее.

Она повесила трубку. Я повернулся к Френ, которая глядела на меня самым безразличным взглядом.

— Вы уезжаете, мистер Бойд? Какой вы занятый человек!

— А вы — потрясающий рыжик, — любезно ответил я. — Когда я буду посвободнее, я приму приглашение на обед с последующим сеансом практической психотерапии, продолжающимся до зари.

— Приглашение аннулировано! — кисло-сладко сказала она. — Я отменила его как только услышала голос миссис Рандольф. Занимайтесь с ней и заставьте ее заплатить вам... кот!

— Чертовски рад, что вы подняли этот вопрос! — вскричал я самым серьезным тоном. — Забыл спросить вас... какой гонорар вы предполагали дать мне за этот сеанс от сумерек до зари в вашей квартире?

Она огляделась вокруг, ища предмет, которым можно запустить в меня, но я быстро ретировался.

Проехав мост Трайборо и приближаясь к Лонг Айленд в третий раз за три дня, я почувствовал себя жителем предместья, ежедневно совершающего поездки по одному и тому же маршруту. Собирался дождь. Грозовые тяжелые облака скоплялись в небе. Я чувствовал себя пешкой в странной игре, умно названной «где труп?» Бедная пешка, которую бесполезно толкают во все стороны, потому что никто не может выиграть, пока на доске не появятся недостающие фигуры: Фредерик Рандольф, Карен Ваносса и для полного комплекта Петер Полль. Видимо, Чудовище Манхэттена, свободно разгуливающее по городу, не только не убивает людей, но и пожирает их. Однако речь идет не о Чарли, который на эту роль не котируется. Он, конечно, монстр, но несколько другого плана.

Когда я подъехал к дому в Ньюпорте, небо было угрожающе темным. В такой день лучше оставаться дома, прижавшись к чуточку порочной блондинке. Драма жизни в том, что надо вкалывать, чтобы на нее заработать. Чудесное видение внезапно исчезло. Я поднялся по ступенькам крыльца и позвонил.

Миссис Рандольф полуоткрыла дверь и, увидев меня, расцвела в улыбке. Это выглядело так нелепо, что я попятился назад.

— Входите, мистер Бойд! — Ее улыбка стала еще теплее. — Как мило с вашей стороны, что вы приехали тотчас же после моего звонка!

— Да? — глупо сказал я и последовал за ней в гостиную.

— Вы извините меня за мой костюм, — бормотала она, — но сейчас нестерпимо жарко. Вероятно, будет гроза.

Метео сообщало о возможном проходе циклона... того, что был во Флориде два дня тому назад.

Действительно, ее наряд учитывал сильную, даже тропическую жару. Ей очень шли зачесанные кверху волосы; светлые локоны, спускавшиеся на затылок, молодили ее, по крайней мере, на пять лет. Купальный бюстгальтер поддерживал ее маленькие, округлые груди; короткие белые спортивные трусы плотно облегали ягодицы. Это давало возможность оценить бронзовый загар ее стройных ног. Серые глаза излучали доброжелательность. Невольно задумаясь, чем могла быть вызвана такая метаморфоза.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Бойд.— Ее голос прозвучал над самым моим ухом.— Вы, наверное, измучились в дороге по такой ужасной жаре... Я приготовлю вам стаканчик.— Она на секунду задумалась.— Что вы скажете о Кровавой Мэри?

— Отличная идея! — пробормотал я.

— Есть! Держу пари, что вы даже не останавливались позавтракать, не так ли? — В ее голосе слышалась трогательная забота матери о ребенке.— Что вы скажете о завтраке, который я могу приготовить из плодов авокадо и даров моря.

Я закурил и посмотрел ей вслед. Она направлялась к бару. Меня чуть не разбил паралич, когда я увидел ее чуть подрагивающие маленькие ягодицы. Она приготовила шейкер с томатным соком и водкой, разлила коктейль в стаканы и села рядом со мной на диван.

— Ну,— миссис Рандольф подняла свой стакан,— выпьем за перемену погоды, мистер... как вы думаете, мне можно называть вас просто Денни? — Она улыбнулась еще теплее, чем раньше.— Пожалуйста, зовите меня Джен!

— За перемену погоды, Джен.— Я поднял свой стакан и выпил.— Зачем вы хотели меня видеть так спешно?

— Это подождет.— Она сморщила нос.— Оставим пока заботы, Денни. Я сыта ими по горло. Почему бы не отложить серьезные дела на другое время? После завтрака, например.

Мы выпили несколько стаканчиков и вкусили пищу из морских даров и авокадо. Она давала понять, что ей, светской женщине, при некоторых обстоятельствах, как, например, в это утро, не чужды маленькие слабости. Я не собирался попадать в ловушку. После завтрака на любезное приглашение прилечь на диван ответил решительным отказом. Она смотрела на меня некоторое время, и теплота в ее глазах уменьшалась, а затем полностью исчезла.

— Ладно, Денни...— Она с явным нетерпением пожала плечами.— Я полагаю, что теперь можно заняться делами. Что у вас нового со вчерашнего дня?

— Немного. Я разговаривал с Мюрреем Анселем вчера вечером. Он обеспокоен исчезновением вашего мужа, но, по его мнению, тут нет никакой женщины. Он уверял меня, что это не в привычках вашего мужа.

— Гм! Он не знает Фредерика так, как я! Конечно, я не должна была поддаваться предвзятому мнению...— Ее рука крепко сжала мою.— Денни, будьте со мной откровенны. Если я ошибаюсь, думая, что Фредерик уехал с Карен, каковы другие предложения?

Я пожал плечами.

— Амнезию мы можем отбросить. Я плохо представляю себе мотивы, по которым человек с положением вашего мужа мог внезапно отправиться в Южную Америку или еще куда-нибудь и испариться. Напрашивается вывод: он исчез не по своей воле.

— Вы хотите сказать...— ее голос прервался,— что его похитили?

— Он исчез больше недели назад. Никакого требования выкупа, ничего. Это было бы сенсационное похищение.

— Каковы же другие возможности?

Можно было подумать, что мой вчерашний разговор с Мюрреем Анселем был записан на пленку. Те же вопросы, в той же последовательности.

— Нам остается только гипотеза о его смерти.

— Его смерти? — Она посмотрела на меня вытаращенными глазами.— Вы хотите сказать, что он убит?

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто мог бы желать смерти вашему мужу?

Она немного подумала и медленно покачала головой.

— Нелепо думать, что его стычки с советом администрации могли бы иметь такие последствия! А единственный деловой враг, которого когда-либо имел Фредерик, — Фергюсон. Значит, приходится вернуться к личной жизни.— У нее перехватило горло.— Все это смешно! Спокойно искать людей, способных убить Фредерика! — Ее взгляд потемнел.— Возможно, он еще с этой девкой Ваносса зарылся где-нибудь в мотеле или в другом грязном месте, не так ли?

— По-видимому...

— Денни! — Ее пальцы еще сильнее сжались на моей руке.— Вы от меня ничего не скрываете?

— Нет.

— Это правда? — Ее глаза так и впились в меня. — Вы что-то от меня скрываете? Я предпочла бы, чтобы вы мне сказали, даже если это самое страшное! Все лучше, чем эта ужасная неопределенность, которая сводит меня с ума, Денни! Я должна знать правду, и немедленно!

Где-то в глубине дома порывом ветра захлопнуло дверь. Крупные капли дождя застучали по стеклам. Джен Рандольф вздрогнула и выпустила мою руку.

— Тайфун все-таки добрался до нас. Мне бы лучше...

Зазвонил телефон. Джен подскочила, но осталась на месте. Телефон звонил.

— Извините меня, Денни, — пробормотала она. — Я не думала, что я в таком нервном состоянии. Не ответите ли вы за меня?

— Ладно, — сказал я и встал. — Вы здесь или нет?

— Нет! — Она энергично потрясла головой. — Ни для кого! Скажите, что я только что уехала и меня могут найти вечером дома. Я абсолютно не способна разговаривать с кем-бы то ни было!

— Отлично, — сказал я и снял трубку.

— Джен? — раздался в трубке мужской уверенный голос. — Я вернулся из Лондона. Мне очень жаль, что я не предупредил тебя об этом путешествии, но была необходима строгая секретность. Я думаю, что подобрал ключ к Фергюсону, но сохраняю его до заседания совета администраторов. Я спешил увидеться...

— Мне очень жаль, — прервал я, — но миссис Рандольф нет.

— Нет? — Его голос внезапно стал ледяным. — А кто вы?

— Столяр, — сказал я. — Миссис Рандольф позвала меня укрепить рамы, они плохо закрывались. Эта буря все расшатала. Она уехала минут десять назад.

— Куда уехала? — настаивал голос.

— Домой, в Нью-Йорк. Но я не уверен, что она сможет доехать. Здесь страшная погода. Ей передать что-нибудь, если она вернется?

— Спасибо. Так вот, если она вернется, скажите, что я звонил и позвоню еще, как будет время.

— Ладно. А кто звонил?

— Ее муж, — раздраженно бросил голос. — А пока вы здесь, проверьте...

Сильный порыв ветра с воем закрутился вокруг дома и утопил конец фразы. Когда шум немного утих, трубка уже молчала.

Я заботливо ее повесил и закурил, оттягивая время.

— Кто это? — шепнула нервно Джен Рандольф.

Дождь дико хлестал в стекла, за окном все смешалось в черном хаосе. Я дошел до дивана и сел.

— Ваш муж, — сказал я. — Он сказал, что позвонит позднее. Он прибыл из Лондона, где вел сверхсекретное расследование. Он полагает, что нашел ключ к Фергюсону, но сохранит его для совета.

— Фредерик? И он был в Лондоне все это время? Я не могу в это поверить!

— Одно из двух: или это был действительно ваш муж, или кто-то, кто хотел выдать себя за него. Если мы имеем дело с самозванцем, то он очень самонадеянный тип, если вздумал обмануть жену Фредерика Рандольфа!

— Да, — машинально подтвердила она. — Вы, конечно, правы. Это... о, я не знаю! Это моя вина. Я идиотка, что дала своим нервам так распуститься... Я должна была подозревать, что существует логичное объяснение исчезновению Фредерика. Это мне хороший урок. Это меня отучит ревновать к этой шлюхе Карен Ваносса!

Снова зазвонил телефон, и она вскочила, как марионетка, которую резко дернули за ниточку.

— Вы думаете, что это он снова звонит так быстро? — шепнула она.

— Единственный способ узнать — это снять трубку.

— Да. — Она выпрямилась и, как автомат, подошла к телефону.

— Джен Рандольф слушает, — сказала она спокойно. — О! — В голосе послышалось облегчение. — Это вы, Мюррей! Да, да, я знаю! Он звонил сюда и мистер Бойд ответил... Я попросила его подойти к телефону, потому что у меня полностью сдали нервы! Да... Какое счастье узнать, что с Фредериком все в порядке!

Она продолжала болтать с Анселем, потом повесила трубку и вернулась на диван!

— Ну вот! — Она глубоко вздохнула. — Я чувствую себя неизмеримо лучше, Денни. Фредерик позвонил также и Анселю, но свой секрет не открыл. Вы понимаете, он хочет сохранить до финиша все козыри. Я думаю, он рассчитывает на элемент внезапности, когда взорвет свою бомбу на заседании. — Она снисходительно улыбнулась. — Как это на него похоже! До чего же мужчины бывают ребячливыми! Вы не находите?

— Конечно, — согласился я. — Я рад за вас, Джен, хотя я и теряю работу.

— Я думаю, что тысяча долларов за двадцатичетырех-часовое расследование пройдет у вас по категории прилично оплачиваемых. Поверьте, знать, что Фредерик жив и здоров, стоит для меня неизмеримо дороже тысячи.

— По-видимому. Теперь мне остается только вернуться в Манхэттен.

— Зачем спешить? — воскликнула она с живостью. — Это безумие ехать по такой погоде! Посмотрите!

Я взглянул в окно, вернее, пытался увидеть там что-нибудь, но увидел только водопад, бьющий в стекла. Сильный ветер пригибал деревья.

— Приготовьте нам по стаканчику, Денни, — предложила Джен. — Я почувствовала такое облегчение, когда узнала, что с Фредериком все в порядке! Это нужно вспрыснуть!

В такую погоду даже собаку на улице не выгонишь. Я не отказался от приглашения.

— Что вы будете пить?

— Что дадите.

Я взял курс на бар и увидел непочатую бутылку скотча двадцатилетней выдержки. Этот сорт водки я нашел достойной ситуации. Джен стояла у окна и глядела на потоп.

— Я обожаю грозу, — сказала она, обернувшись, — какое замечательное зрелище — это разнузданное насилие!

Я проворчал:

— Мне это вовсе не нравится!

Она повернулась и быстро пошла к двери.

— Я сейчас вернусь, Денни. Не скупитесь на скотч.

И она исчезла.

Через несколько секунд я услышал, как где-то в доме хлопнула дверь. Я выпил и стал ждать. Время текло медленно. Минут через пять она появилась и неподвижно застыла на пороге. Мокрые локоны образовали каску, с нее стекала вода, под ногами образовалась лужа.

— Это феерия! Таким я представляю себе конец света! — Она откинула голову назад и торжествующе засмеялась. — Если бы у меня была под руками метла, мне кажется, я полетела бы!

— Если вы не вытретесь, то заболаете и присоединитесь к ведьмам более коротким путем!

— До чего же вы прозаичны! — Она приблизилась к бару, не заботясь о мокрых следах на ковре. — Все, что мне нужно, это стаканчик. — Она схватила стакан, выпила одним глотком и посмотрела на меня. Чуть-чуть циничная улыбка медленно скользнула по губам. — Я вам признаюсь

в одной вещи, Денни. Теперь, когда я успокоилась насчет Фредерика, я снова испытываю к нему... по крайней мере, с тех пор, как узнала о его связи с Карен... Он мне надоел!

— Правда?

Она выпила и поставила стакан на бар.

— Еще.

— Хорошо, сейчас собью. А вы пока сходите переодеваться. Вы, уже дрожите.

— Ах, да? — Она бросила взгляд на свои ноги. — Я быстро.

Я погрузился в созерцание дождя. Минуты через две она меня окликнула. Я обернулся и увидел ее в обрамлении двери. Я открыл рот и забыл его закрыть.

— Что-нибудь не так? — Она иронически скривилась. — Вы же мне сказали, чтобы я сняла с себя мокрое, верно?

Голубое полотенце было закручено на голове в лучшем стиле Тысячи и одной ночи, и нельзя было сомневаться, что она сняла мокрую одежду, только Джен не позаботилась заменить ее другой. Она была гола, как академический череп. Маленькие твердые груди, узкие бедра.

— К чему этот удивленный вид, Денни? — бросила она хрипло. — Разве вы не знаете, что грозы созданы для этого?

— Нет, — бросил я холодно, — но могу этому поверить. Только я не создан для миссис Фредерик Рандольф.

— Что?

Она остановилась и посмотрела на меня, как бы не веря своим ушам.

— Для столяра это была бы чертовская удача, но меня, видите ли, меньше всего привлекает мысль отпраздновать возвращение вашего мужа, так что обольщение не состоится.

Все ее тело закаменело, как будто ей дали пощечину.

— Вон! — рявкнула она. — Убирайтесь сейчас же и чтобы ноги вашей здесь не было!

Лицо ее исказилось, она бросилась ничком на диван и зарыдала.

Я допил свой стакан и направился к двери. Когда я проходил мимо дивана, она приподняла голову. Ее заплаканные глаза с ненавистью смотрели на меня.

— Убирайтесь, и чтобы я больше никогда вас не видела! — задыхаясь, кричала она. — И можете забрать эту заколку для галстука, которая так и выдает ваш вульгарный вкус.

— Какую заколку для галстука?

— Вы потеряли ее, когда в последний раз приходили сюда, — ответила она глухо. — Она завалилась за подушки дивана. Я положила ее в ящик бюро в холле. Если вы не воспользуетесь ею, чтобы проткнуть себе горло, я надеюсь, что гроза поможет вам вместе с машиной нырнуть в какую-нибудь канаву поглубже!

Получив такое замечательное напутствие, я тем не менее задержался в холле и открыл указанный ящик. Булавка для галстука лежала на чистом конверте. Я взял ее и внимательно осмотрел. Удивительно безвкусная вещь; у нее было родство с Родни Мартином, этой маленькой сволочью. Огромный изумруд, стопроцентная липа; серебряная нить, жестко скрученная, была врезана в камень. На первый взгляд этот рисунок должен был имитировать скарабея. Поглядев ближе, я увидел, что это монограмма: переплетенные два П. Я некоторое время рассматривал этот шедевр, потом сунул в карман и пошел сражаться с бурей.

7

Мне понадобилось добрых двадцать минут, чтобы проехать первые два километра. «Дворник» был бессилен бороться с потоками воды; вести машину в таких условиях было так же легко, как пересекать туннель Линкольна с завязанными глазами. Я включил радио и выслушал три народных песни и десяток рекламных объявлений, прежде чем передали метеорологическую сводку. Радостный голос сообщил, что тайфун удаляется к Атлантическому океану; значит, мне нечего было беспокоиться. Начали перечислять разрушения от циклона в северной точке Лонг-Айленда, но убытки оказались незначительными. Скорость ветра уменьшалась, и можно было ожидать, что меньше, чем через час дождь прекратится.

Наступил вечер, когда я очутился в Манхэттене. Потоки воды сменились обыкновенным дождем. Как всегда в Нью-Йорке, шоферы такси пользовались своими машинами, чтобы вернуться домой при первых каплях дождя. Я прошел пешком четыре квартала, отделяющие гараж от дома, и пришел такой мокрый, что меня можно было выжимать.

— Ну-ну! — воскликнул мурлыкающий голос. — Клянусь, это Нептун собственной персоной. Он надоед морю, и оно выкинуло его на камни! Не согласится ли бог Океана

освободиться от краба, повисшего у него на носу? Он не гармонирует с его взъерошенными волосами!

— Очаровательная маленькая хитрюга! Я думал, что ты пошла за своей одеждой.

— Сходила за ней утром, до дождя,— по-прежнему весело ответила Нина.

— Что же ты ее не надела? — буркнул я.

— Зачем? — презрительно фыркнула она.— С ума сойти, какой ты недогадливый, Денни! Подумай! Глупо мять свежеевыглаженное платье, когда сидишь одна!

Она откинулась на спинку дивана, зевнула и сладострастно потянулась. Лифчик был без бретелек, казалось, готов был сползти, но тем не менее за что-то уцепился и держался исключительно стойко. Перед маленькими белыми трусиками такая проблема не стояла; как видно, они держались тем, что приклеились к коже.

— Я пойду переоденусь. Приготовь пока стаканчик.

— Есть! — Она перестала потягиваться и уронила руки.— Хорошо ли ты провел день?

Я ответил ей злым взглядом и пошел в ванную. После теплого душа оделся и заботливо пристроил свою кобурку под мышкой. Быстрый взгляд на мой 38-й убедил меня, что он в полном порядке, и я накинул на себя пиджак. Потом достал отвратительную булавку для галстука, положил ее в карман и вернулся в гостиную.

Стаканы стояли на низком столике. Нагая Нина украшала диван. Ни один холостяк не мог бы устоять перед такой женщиной. А я реально мог воплотить в жизнь свою мечту о близости с пышной блондинкой под аккомпанемент дождя. Но тут неизвестно почему во мне проснулось чувство долга. Если я буду целыми днями развлекаться с пленительными блондинками, я не смогу выполнять свою работу и растеряю всех своих клиентов. Я высохну, как штопальная игла, приобрету жуткий вид и в результате ни одна из пленительных блондинок на меня не посмотрит. Так что порочный круг — это хитро придуманная штука, из которого выбраться невозможно.

— Денни, милый! — Нина освободила несколько квадратных сантиметров дивана в непосредственной близости от своего правого бедра.— Садись и отдохни. У тебя замученный вид.

Я послушался, и она мило улыбнулась. Нина наклонилась, прижалась правой грудью к моей руке, схватила стаканы и сунула один мне в руку.

— Ах! — Она откинулась на подушки и сладострастно

улыбнулась.— Как хорошо! Ты не представляешь, что было, когда Петер возвращался домой! Вечные комедии! В моей квартире на Виллидж за один вечер бывало больше драм, чем за всю неделю в Бродвее!

Я вытащил заколку для галстука из кармана и протянул ей.

— Это тебе знакомо?

Она внимательно ее осмотрела, как талисман, способный немедленно дать счастье, потом пренебрежительно сморщилась.

— Откуда мне знать? Что это за штука? Открывать кукольный домик?

Я терпеливо объяснил:

— Это булавка для галстука. Она держит галстук, чтобы он не бился на ветру. Один человек сказал мне сегодня, что она самого дурного вкуса. Булавка украшена еще и монограммой.

Нина взглянула на нее еще раз.

— Ну, да! Два П. Так ведь?

— Не напрягайся,— иронизировал я.— Успокойся и подумай. Знаешь ли ты кого-нибудь с инициалами П. П.?

— Петер? — Она недоверчиво посмотрела на меня, потом засмеялась.— Смеешься, Денни? Даже мертвый, Петер не захотел бы иметь такую штуку в своем галстуке! Если бы он не мог себе позволить иметь костюм, сшитый лучшим портным в городе, он предпочел бы бегать по улицам голым! — Она бросила булавку мне на ладонь.— В чем дело? Это важная улика?

— Очень важная. Ты в последнее время не встречала кого-нибудь из своих друзей — шалопаев?

Она заинтригованно посмотрела на меня.

— Нет. А что?

— Я, собственно, думал о двоих,— объяснил я.— Родни Мартин и Дон Лачер. Ты их не видела?

— Не-ет,— протянула она.— А почему они тебя интересуют?

— Это два старых дружка Чарли Ваносса,— ответил я.— Не окажешь ли ты мне большую услугу?

— Ты хочешь сказать... перед обедом? — спросила она тоном невинной девочки.

— Не такого рода услугу, милочка,— сказал я, с яростной решимостью закрыв глаза.— Я просто хочу, чтобы ты рассказала мне кое-что о Петере.

— Если могу...

— Помнишь тот вечер, когда я пришел к тебе в поисках Петера? И застал у тебя Чарли Ваносса?

— Еще бы я забыла! Я тогда впервые исполнила свой знаменитый номер вольтижировки!

— Ты мне тогда сказала, что видела Петера утром в одиннадцать часов перед тем, как отправился к своему импресарио обсуждать телевизионный контракт.

— Ну, да.

— Это только слова.

— Ты думаешь, это ложь, Денни? — спросила она холодно.

— Точно!

— Я думаю, что это ужасно — ставить под сомнение чьи бы то ни было слова, — сказала она еще холоднее. — Даже если ты прав, все равно некрасиво!

— Нет ничего более обольстительного, чем раскаявшаяся лгунья... Когда Петер пришел в тот вечер, сколько времени ты его перед этим не видела?

— О, долго! Очень долго! — Она отпила и задумчиво смотрела на меня. — Наверное, больше недели.

— Кто научил тебя сказать мне, что ты видела его утром? Чарли?

— Раз ты такой хитрый, нечего меня спрашивать, — недовольно заворчала она. — Кого ты изображаешь? Всезнайку?

— Чарли должен был объяснить тебе, почему ты должна так поступить.

— Он мне сказал, что надо помочь Петеру, который рискует быть замешанным в грязное дело о разводе, и тогда его контракт накроется. Шутя, Чарли добавил, что Петер вернется сегодня же, а если я не соглашусь разыграть эту маленькую комедию, то он тут же уйдет.

— Я полагаю, что Петер провел эту неделю в компании Карен Ваносса, — начал я. — Когда он ушел от тебя, он, вероятно, немедленно с ней встретился. Но не у нее, потому что там я застал Чарли и его обоих дружков. Ты не знаешь, где они могли устроиться?

— Ты думаешь... — Она почти выплевывала слова, — я дошла до такой низости, чтобы шпионить за Петером?

— Может быть, — осторожно ответил я.

— Это было со мной только один раз! — воскликнула она. — Я так на него разозлилась! Он выскочил из дома и сел в такси. Ну, и я поехала за ним на другом такси. Петер вышел у одного из этих подозрительных отелей возле Таймс-сквер. Через некоторое время я вошла в отель

и спросила у портье, не останавливался ли тут человек по фамилии Пелль. Тот стал листать регистрационную книгу, и я увидела запись, сделанную почерком Петера: мистер и миссис Норт из Филадельфии. Я вернулась домой и всю ночь осыпала проклятиями эту шлюху Карен Ваносса!

— Ты помнишь название отеля?

— Как я могу забыть? «Кати». Если бы ты знал, какие китайские пытки я изобретала для этой сучки Ваносса на тот случай, если я когда-нибудь смогу прижать ее в темном углу!

Я встал и я взял телефонный справочник. Нашел номер и позвонил.

— «Кати» слушает! — ответил угрюмый голос.

— Я хотел бы поговорить с мистером Нормом, — вежливо сказал я.

— Комната 503, — ответил служащий. — Не вешайте трубку, сейчас соединяю.

— Очень жаль, но я просто не могу ждать. Моего любимого леопарда только что раздавил слон.

Я повесил трубку и подошел к дивану. Нина строго смотрела на меня.

— Ты сошел с ума! — пронзительно закричала она. — Я отвечаю на все твои вопросы в надежде, что они когда-нибудь кончатся и можно будет, наконец, заняться серьезными делами. Я весь день ждала тебя... И что же? Допрос закончен, каковы будут дальнейшие планы?

— Я должен уйти.

— Ясно! — Она опустошила свой стакан. — А я должна остаться с графином и топить свое горе в алкоголе. Денни Бойд! Если ты не вернешься через час, можешь не возвращаться... Вызывай «скорую помощь»... Пусть она увезет тело несчастной девушки, которая нашла смерть в бутылке!

— Я вернусь. Может быть, не через час, но...

— Забавно! Мне кажется, я уже слышала это, — сказала она с гримасой. — Конечно! Ты повторил слова Петера. Он вернулся через неделю и объяснил мне, что был занят.

— А твой синяк? Куда он делся? — спросил я с великим изумлением. Я только что заметил его исчезновение.

— Я провела полдня перед зеркалом, чтобы тщательно замаскировать синяк... Я хотела, чтобы ты видел во мне красивую и желанную женщину! — произнесла она трагическим голосом. — А ты меня презираешь! Ты заботишься обо мне не больше, чем о старой туфле! Я предупреждаю тебя, Бойд. Есть границы, которые нельзя переступить в отношениях с женщиной!

— Вот по-настоящему волнующая теория,— выпалил я.— Ее необходимо проверить. Можешь выполнить свой коронный акробатический номер, я тебе не буду мешать,— на ходу бросил я.

Грохот разбившегося о дверь стакана раздался как раз в тот момент, когда я захлопнул ее за собой. Опять этот порочный круг, я безнадежно увяз в нем!

Дождливая ночь осчастливила меня серией мелких чудес. Портье не спал, откуда-то сразу вынырнуло такси. Я сел на заднее сиденье и некоторое время молчал, боясь, что машина вдруг исчезнет, и я окажусь где-нибудь в бассейне Центрального парка.

— Хотите, чтобы я вас отвез куда-нибудь? — проворчал шофер.— Или просто укрываетесь от дождя?

— В «Кати».

— Я довезу вас до набережной, а там возьмете лодку.

— Это рядом с Таймс-сквер,— возразил я сухо.— Давайте попытаемся туда проехать? Неизвестное может быть занятым.

— Возможно! — буркнул он сквозь зубы.— Меня только интересует, где место таким чокнутым, как вы?

— На заднем сиденье вашего такси,— взял я реванш.

Такси вклинилось в поток машин,двигающихся по направлению к театрам. Этот счастливый случай помог нам добраться до отеля. Я вознаграждал шофера королевскими чаевыми в пять центов. Нина правильно оценила отель, он был действительно подозрительным. Здесь еще не сдавались номера на час, но, судя по виду холла это было не за горами. Автоматический лифт доставил меня на пятый этаж. Номер 503 был в глубине коридора. Я постучал и стал ждать.

— Кто там?

Это был голос Карен Ваносса.

— Детектив отеля, миссис Ваносса,— сказал я ледяным тоном.— Вас и мистера Пелля просят освободить номер. Мистер и миссис Норт хотят занять предназначенное им помещение!

Дверь приоткрылась, в щель выглянул круглый черный глаз.

— Это вы! — вскричала раздраженно Карен и распахнула дверь.

Я вошел, закрыл за собой дверь и прислонился к ней. Сцена страшно напоминала третий акт старинного водевиля. Карен стояла посреди комнаты в белом кружевном белье, скрестив руки под маленькими грудями, и криво

улыбалась. Первый любовник сидел на кровати в одних шортах; мое появление повергло его в шок.

— Ну? Что вам здесь надо? Я думал, что это Чарли.

— Ладно, Бойд! — констатировала Карен. — Вы нас нашли. Держу пари, Чарли неплохо заплатит за это... моими деньгами!

— Я не работаю больше на Чарли. Да и на вас тоже. Вы обманули меня. Ведь обещанный чек так и не пришел. Я нашел другую клиентку.

— Кого?

— Миссис Фредерик Рандольф, — довольно развязно бросил я. — Она наняла меня найти ее мужа, который исчез больше недели назад. Это привело меня сюда.

Я самым любезным образом улыбнулся Пеллю.

— Что вы сделали с телом?

— Что? — каркнул первый любовник. — Какое тело?

— Тело Фредерика Рандольфа, — объяснил я сухо. — Карен одна не могла его вынести из дома. Вы сделали это вдвоем и спрятали в таком месте, где его не сразу найдут. И заодно уничтожили все пятна крови.

— Ничего не понимаю. Что вы несете? — бормотал он. — Вы не имеете права лезть в частную жизнь людей, Бойд. И я...

— Заткнись, Петер, — вмешалась Карен. — Меня заинтересовала эта история. Я хочу послушать дальше. Продолжайте, Бойд.

— Джен Рандольф в своем загородном доме в Ньюпорте нашла под диванными подушками заколку для галстука; она думала, что это моя. — Я вынул из кармана это произведение искусства и протянул ей. — Но она не моя. Обратите внимание на монограмму.

Карен оглядела заколку, потом бросилась к Петеру, по-прежнему сидевшему на кровати, и сунула ему под нос.

— Это твоя, Петер? — спросила она.

Он погрузился в созерцание булавки, затем разрядился презрительным смехом.

— Ты с ума сошла? Даже мертвый я не хотел бы иметь на себе такую гадость!

— Кто посоветовал вам позвонить сегодня днем Джен Рандольф и имитировать голос ее мужа, скоморох вы несчастный? — спросил я. — Затем вы позвонили в контору Глобекома инесли Мюррею тот же вздор? Вы выдали себя за прибывшего из Лондона Рандольфа, где он собирал сведения о Фергюсоне для ближайшего заседания административного совета.

Оба ошалело смотрели на меня. Карен первая пришла в себя.

— Но о чем, к дьяволу, вы говорите, Бойд? — проворчала она.

— Хорошо, — сказал я, пожав плечами. — Начнем сначала. Чарли нанял меня, чтобы я вас нашел и предупредил, что пора возвращаться домой. Он подозревал, что вы проводите время с неким Пеллем на вилле близ Ньюпорта. Я нашел вас на пляже, но вы были одна. Мы вместе дошли до дома, и вы мне сказали, что Петер где-то здесь, так как его машина стоит под навесом. Как только мы вошли в дом, вы отправились принять душ. Через несколько минут раздался дикий вопль... В комнате для гостей вами был найден на ковре труп. Вы заговорили мне зубы, чтобы выманить у меня чек Чарли, который тут же разорвали и предложили мне работать на вас. Я должен был разыскать убийцу Пелля. От вас я получил кое-какие сведения, они привели меня в квартиру Нины Норт в Гринвич-виллидж, где я наткнулся на Чарли. Он уверял меня, что вся эта история лишь чудовищное недоразумение. И мне была выдана байка о вашей поездке с профессиональным борцом в Филадельфию. И, наконец, Петер Пелль целый и невредимый появляется в квартире!

— У вас галлюцинации, Бойд, — сказала Карен. — Там не было никакого трупа! И я вам сказала, что Петер уже уехал в город. Под навесом стояла моя машина. Я припоминаю, что говорила вам, что если вы мне не верите, то можете съездить к Нине Норт, где Петер рано или поздно появится. Я, действительно, позвонила Чарли и наплела ему о поездке в Филадельфию с борцом. Мне не хотелось называть Петера по достаточно ясным причинам.

— Хорошо, — проворчал я. — Тогда почему вы не возвращались домой? Почему Чарли сидит с двумя мерзавцами, один из которых как цепная собака бросается на людей?

— Так и есть! — Она с состраданием покачала головой. — Опять галлюцинация!

Я встал перед Пеллем.

— Почему мое сообщение о смерти Рандольфа заставило вас удрасть? Что вас напугало так, что вы спрятались здесь с Карен?

— Я пришел сюда просто, чтобы побыть с ней! — Первый любовник покраснел от гнева. — Причина ясна!

— Где вы были последние десять дней?

— Большую часть времени я обсуждал с моим импресарио телевизионный контракт, если хотите знать!

— Вы спите со своим импресарио? — спросил я, удивленно подняв брови.

— Никаких шуточек такого сорта, Бойд! — Он слегка приподнялся, но снова сел. — Я проводил ночи с Ниной Норт.

— Она говорит другое, — сказал я зло. — Если вы хотите, чтобы девушка служила вам алиби, не нужно ею пренебрегать. По словам Нины, когда вы пришли к ней в тот вечер и встретились со мной и Чарли, она не видела вас более недели!

— Она врет! — вскричал он. — Она хочет досадить мне, вот и все!

Я поочередно оглядел их.

— Допустим, что Рандольф мертв. От его смерти больше всего выигрывает Карен. Капитал, инвестированный после ее брака с Чарли и дававший ей право пользоваться доходами только пока она его жена, автоматически переходит к ней и позволит ей освободиться от Чарли. Для нее денег и так достаточно, но, принимая во внимание любовную связь с неким комедиантом, это будет не лишним. Предположим, что убит Рандольф. Карен Ваносса находилась в доме в момент убийства, и я могу это засвидетельствовать. Не могу поклясться, что Пелль там тоже был, но эта заколка для галстука доказывает, что в какое-то время он там обретался! У трупов есть дрянная привычка — неожиданно появляться, как бы их ни старались спрятать. Брошенные в море, они почему-то всплывают и оказываются на набережной. Похороненные в какой-нибудь дыре, они, недовольные этим, выбираются наружу. Сгоревшие, они ухитряются оставить столько разоблачающих следов, которые точно свидетельствуют, что сожгли человеческое тело. То, что вы спрятались в это клопиное гнездо, не поможет вам, когда труп вылезет на поверхность!

Пелль дрожащей рукой схватился за сигареты. Лицо его посерело.

— Не знаю, каким образом я оказался замешанным в эту историю, — пробормотал он. — Но я никому не позволю впутать меня в дело об убийстве!

— Заткнись! — тихо сказала Карен. Ее глаза горели, она сверлила меня ими. — Чего вы добиваетесь, Бойд?

— Правды, — сказал я. — Я не люблю, когда меня дурачат. Чарли меня надул. Вы тоже, и я полагаю, что Джен Рандольф возьмет с вас пример. Если вы будете по-пре-

жнему твердить, что у меня галлюцинации, я не возражаю. Но я докажу, что вы с вашим скоморохом убили Рандольфа. Я все перерою, чтобы найти его труп, и меня ничто не остановит, пока я его не найду!

— Не знаю...— неуверенно сказала Карен.— Могу ли я доверять вам, Бойд?

— Не знаете,— согласился я.— Но у вас нет выбора.

— Скажи все! — закричал Пелль.— Ты сама знаешь, что он прав. Труп Рандольфа не сегодня-завтра обнаружится... и тогда мы пропали!

— Хорошо. Не сомневаюсь, что Джен Рандольф говорила вам о моей связи с Фредериком. Эта сучка приставила мне нож к горлу, чтобы заставить выйти замуж за Чарли Ваносса, но смягчила удар большой кучей монет...

— Да, она мне сказала.

— Я не видела Фредерика со дня моего брака почти три года,— глухо продолжала Карен.— Десять дней назад он позвонил мне и сказал, что должен увидеть меня по важному делу. В тот же вечер мы встретились в баре. Он постарел на десять лет и казался замученным. Рандольф рассказал мне о своих неприятностях с неким Фергюсоном в Глобекоме. Он уверял, что не в силах вынести ожидание заседания, на котором решится его судьба, если по-настоящему не отдохнет несколько дней. Я опускаю детали; в общем, он хотел на целую неделю исчезнуть, но только со мной. Если я соглашусь, он переведет капитал на мое имя без всяких условий, что позволит мне не быть больше связанной с Чарли и обрести свободу. Я спросила, как отнесется к этому его жена, и он ответил, что она может убираться к дьяволу; она слишком гордится тем, что она Госпожа Президентша, чтобы рискнуть потерять свое положение и развестись. Естественно, я приняла его предложение, и мы поехали в дом для уик-энда в Ньюпорт.

— Вы говорили кому-нибудь, где вы встретитесь?

Она нервно засмеялась.

— Вы шутите? Чарли не мог мне помешать, но, тем не менее, я держала это в строгом секрете от него. Чего ради я ему объявлю, что Фредерик отдает мне капитал и что он, Чарли, может повеситься или выкинуться из окна, если хочет!

— А Рандольф? Как вы думаете, сказал он кому-нибудь?

— Кто-то из Глобекома был в курсе,— сказала она.— В понедельник утром ему позвонили, и он чертовски обрадовался. На следующее утро мы собрались на пляж,

как обычно, но Фредерик сказал, что придет позднее, потому что ждет очень важного звонка. Он добавил, что сегодня мы, может быть, сможем отпраздновать счастливое событие. Он обещал принести выпить, когда присоединится ко мне на пляже.

— А вместо него пришел я.

— Вы меня дьявольски напугали, Бойд. Я решила, что вас послала Джен Рандольф и что она решилась на развод.

— Значит, вы почувствовали облегчение, когда я упомянул имя Пелля и сказал, что меня нанял Чарли?

— Да,— согласилась она.— Я не была вполне уверена, говорите ли вы правду, когда вы сказали, что работаете на Чарли. Но потом я подумала, что навряд ли вы знаете в лицо Фредерика или Петера, и мы легко сможем вас обдурить. Подойдя к дому, я увидела, что машины Фредерика нет, и это было мне маслом по сердцу. Я понесла весь этот вздор о Петере, который где-то в доме, чтобы выиграть время. Это дало мне возможность придержать вас минутку и узнать, действительно ли Чарли вас послал. А потом...— ее голос прервался.— После душа я наткнулась на труп Фредерика в комнате для гостей. Я не смогла удержаться от крика. Вы прибежали и увидели тело.

Она глубоко вздохнула и продолжала:

— Как только я пришла в себя, я поняла, что если вы скажете полиции, что нашли меня на пляже прежде, чем обнаружили труп в доме, мне не выпутаться. Вы сами только что сказали, что у меня были веские основания убить Фредерика и никто не поверит в мою невиновность. Поэтому я разорвала чек Чарли и пригласила вас найти убийцу мнимого Петера. Это дало мне возможность освободиться от вашего присутствия.

— Эту часть истории я знаю,— заскрипел я.— Что было дальше?

— Я позвонила Чарли,— быстро ответила она.— Фредерик мертв, и я знала, что Чарли единственный человек, который мне поможет.

— Ясно, если бы вас признали виновной в убийстве Рандольфа, вы не получили бы капитала и Чарли сел бы на мель. Какова же была его реакция?

— Он сказал, что постарается уладить дело с вами в том, что касается Пелля. Чарли посоветовал мне исчезнуть на несколько дней, но оставаться поблизости, чтобы он мог меня найти, если в этом возникнет необходимость. Я выбрала эту дыру. Мы решили рассказать Петеру, что я провела несколько дней с Фредериком и нас застал

частный детектив, нанятый Чарли, я и назвала ему имя Петера, чтобы избежать неприятностей. «Конечно, ни слова об убийстве, добавил мой дорогой муж, объясни ему, что он может все отрицать, если встретится с Бойдом». Ну... Я позвонила Петеру и назвала место, где я скрываюсь, на тот случай, если он почувствует себя одиноким...

— Итак, когда Нина передала вам мое сообщение о смерти Рандольфа, вы поспешили сюда, чтобы требовать объяснений, не так ли, Пелль?

Он нехотя согласился.

— Я действительно не виновен... замешан в убийстве... и именно тогда, когда я достигаю вершины своей карьеры...

— Какая жалость! А булавка для галстука?

— Я вам сказал! — взвился он. — Это не моя! Я в первый раз в жизни вижу такую гадость!

— И вы не звонили в Ньюпорт сегодня и не прикидывались Рандольфом?

— Конечно, нет! Невозможно! У вас завихрение в мозгах, если вы несете подобные глупости!

— Ну? — спросила Карен. — Вы знаете всю правду, Бойд. Что вы собираетесь делать?

— Мне нужно решить двойную проблему, — медленно сказал я. — Найти тело жертвы и его убийцу. Но вы должны мне помочь.

— Помочь вам? — Она подозрительно посмотрела на меня. — Как?

— Делайте все так, как я вам велю! — бросил я тоном, не допускающим возражений. — Начните с того, что оденьтесь.

— А потом?

— Не все сразу, — приказал я.

Я вынул из своего кармана карточку Джен Рандольф, нашел ее номер телефона в Манхэттене и позвонил. Мне ответил женский голос, вероятно горничной.

— Не могу ли я поговорить с миссис Рандольф?

— К сожалению, миссис Рандольф уехала с полчаса назад.

— Может быть, я застану ее позднее?

— Не думаю, сэр. Я знаю, что она обедает в городе, а затем возьмет машину и поедет в Ньюпорт, где собирается ночевать.

— Досадно, — сказал я тоном глубокого сожаления. — Я позвоню завтра утром.

Я быстро повесил трубку, пока она не успела спросить моего имени.

Карен Ваносса надела розовые трусики и бюстгальтер.

— Вы достаточно одеты, чтобы пользоваться телефоном,— сказал я.— Позвоните Чарли.

— Чарли? — Она захлопала глазами.— Что я должна ему сказать?

— Объясните ему, что я только что ушел от вас. Скажите, что я нисколько не сомневаюсь в убийстве Рандольфа и точно знаю, где находится труп. Добавьте, что я собираюсь туда утром.

Она вылупила на меня глаза.

— Это все?

— Это все. Но постарайтесь говорить убедительно.

— По-моему, это полный идиотизм,— сказала она, пожав плечами.— Ну, что же, если вы требуете...

Она позвонила мужу и разыграла все как по нотам.

— Ну, как?

— Отлично. Что сказал Чарли?

— Ничего существенного. Он выслушал до конца. Велел мне убираться отсюда куда-нибудь в другое место, где вы меня не найдете.

— Ай да Чарли! — пробормотал я.— Великий стратег!

— Это все, что я должна сделать? — спросила она.

— Нет. Накиньте на свои трусики еще что-нибудь, мы нанесем кое-кому визит. Но сначала пообедаем.

— Эй! — Петер внезапно подал признаки жизни.— А я?

— Вам я поручаю особо важную миссию,— сказал я, показывая все свои тридцать два зуба.— После нашего ухода позвоните ко мне домой и скажите Нине, что я вернусь поздно, но хотел бы, чтобы она меня ждала. Договорились?

Рот его несколько раз открывался и закрывался, но, похоже, он забыл, что хотел сказать. Он не мог произнести ни слова. Карен надела наконец, свитер и иронически поглядела на остолбеневшего первого любовника.

— Ну, мальчик, не сойди с ума от этого триумфального успеха! Вот венец твоей карьеры... Какая роль!

Было уже девять часов, когда мы проезжали через мост Трайборо после того, как пообедали и взяли мою машину из гаража.

— В десятый раз спрашиваю, куда мы едем? — нетерпеливо спросила Карен.

— В Ньюпорт.

Я почувствовал, как она выпрямилась на сиденье рядом со мной.

— В дом на пляже? — Голос ее прервался. — Я не вернусь туда, Бойд!

— Вы предпочитаете электрический стул?

— Зачем **вы** меня туда везете?

— У меня есть веские причины. Во-первых, это место преступления. Затем, убийца Рандольфа желал его смерти...

— К чему все это? — проворчала она.

— По правде говоря, я и сам не знаю, — согласился я. — Для того, чтобы яснее представить картину происшедшего, мы и возвращаемся в дом на пляже.

Эти слова были последними, разговор прервался. Когда мы выехали на дорогу, ведущую к вилле, я заметил, что портал открыт настежь, дом был погружен в темноту.

— Ах! — торжествующе вскричала Карен. — Никого нет! Вы попали пальцем в небо, Бойд!

— Возможно.

Я проехал метров сто и увидел черную машину, стоящую на обочине с погашенными огнями. Проехав между машиной и домом, я доехал до перекрестка, остановился и выключил мотор.

— Бойд! — в голосе Карен слышалось раздражение. — Не собираетесь ли вы здесь заняться любовью? У вас хватит нахальства в такой момент...

Я успокоил ее:

— В настоящее время я только сыщик. Так что ждите меня здесь, — добавил я и выключил свет.

— Одна? Ночью? Вы с ума сошли, Бойд! Я не отстану от вас.

— Ладно, договорились, — сказал я, пожав плечами. — Но молчите! На цыпочках и без всякого шума, понятно? И никаких возгласов удивления, негодования или ужаса. Уяснили?

— Меня никто не услышит, — обещала она. — Лишь бы только я могла следовать за вами.

Я вышел из машины, обошел ее и открыл дверцу. Карен вскочила на землю и приглушенно вскрикнула.

— Молчать!

— Дождь! — шепнула она.

— Вы до сих пор его не замечали?

— Моя прическа пропадет!

— Тогда ждите в машине.

— Еще хуже,— вздохнула она.— Если я останусь здесь, я рискую потерять не только прическу, но и голову! Вы намерены всю ночь стоять под дождем и спорить, Бойд?

Мы с трудом прошли сто метров, отделяющие нас от дома, наконец поднялись на крыльцо. Вне всякого сомнения, дом был пуст. Ни звука. Только дождь шумел. К счастью, крыльцо имело навес.

— Ну? — шепнула Карен.— Что делать?

— Я сейчас обойду дом. Я быстро вернусь.

— Только со мной!

— Ладно,— пробормотал я с сожалением.— Идите позади.

Она шла за мной, как собачка. Мы обогнули дом. Та же тишина. Я стал пересекать размокшую лужайку и тут услышал, как Карен шлет кому-то проклятья.

Я повернулся.

— Что еще?

— Сволочные каблуки! — ворчала она.— Они путаются в траве. Куда мы идем? Купаться?

— Я просто хочу пройти по пляжу. Если вы предпочитаете...

— Нет!..— Она наклонилась и снова выпрямилась.— Ну вот, я босиком. Если у меня будет пневмония, можете радоваться!

Мы пробежали до края скал. Я взглянул по направлению к пляжу, быстро отскочил назад и увлек Карен на лужайку.

— Если вы хотите меня изнасиловать, то вернемся лучше на крыльцо. Только подумаю об этой мокрой траве...

— На пляже свет,— шепнул я.— Если мы остановимся у края скал, наши силуэты будут ясно видны.

— О! — Она шумно сглотнула.— Что вы хотите делать?

— Спуститься и посмотреть, что происходит. На этот раз вам придется меня ждать.

— А если вы не вернетесь, что со мной будет? — спросила она умоляющим голосом.

— Откуда, черт возьми, я могу это знать?

Я резко оборвал разговор и пошел вдоль скал.

Быстро спустился на шесть или семь ступенек, вырубленных в скале, опасаясь, чтобы моя тень не слишком

вырисовывалась, потом пошел медленнее. Яростные волны, украшенные бахромой пены, с грохотом разбивались на берегу. Их шум заглушал мои шаги. Я дошел до пляжа и пошел по направлению к свету, стараясь не выходить из тени скал. Через несколько минут я подошел достаточно близко, чтобы понять, что происходит при свете фонаря старинной формы. Сцена, которую он освещал, была точна, как эстамп Хогарта. Она могла быть названа «Грабители трупов». В песке была вырыта глубокая траншея; сгорбившийся силуэт стоял на краю и, казалось, всматривался в глубину ямы. Я прижался к скале и насторожился. Сгорбленная тень походила на хищную птицу, молчаливо ожидающую жертву, которая от нее не уйдет. Прошла долгая минута; вдруг я почувствовал, как мои волосы зашевелились. Из ямы медленно показалась голова. Она была вся в мокром песке; черты лица нельзя было различить при тусклом свете. Голова продолжала подниматься, потом показались плечи. Когда тело появилось до талии, оно вдруг согнулось пополам и как бы простерлось у ног сгорбленного силуэта. Это был Дон Лечер, потом из могилы вылез Родни Мартин.

— Пошли! — скрипучим голосом сказал силуэт. — Я узнал голос Чарли Ваносса. — Не задерживайтесь! Еще нужно будет зарыть яму, когда избавимся от трупа!

Я вынул из кобуры свой 38-й и оглушительно крикнул:

— Парни замучились, Чарли! Почему им не оставить все как есть?

Чарли застыл на месте, оба других среагировали иначе: они инстинктивно прыгнули назад, в яму, и прижались к ее стенке. Когда я закричал, Лечер, видимо, поддерживал труп, потому что теперь тот медленно соскальзывал в яму. Последнее, что я увидел, были руки, покрытые песком, которые слабо шевелились, пока не исчезли.

— Бойд? — спросил, задыхаясь, Чарли.

Он медленно повернул голову к скалам и тщетно пытался разглядеть меня в тени скалы.

— Револьвер наготове, — уточнил я. — На таком расстоянии промахнуться нельзя, Чарли, тем более, что вы, все трое, отлично вырисовываетесь под этой лампой!

— Как вы... — Он внезапно замолчал, плечи опустились еще ниже. — Это «утка», — добавил он горько, — вы солгали, когда сказали Карен, что собираетесь искать труп завтра утром?

— Я подозревал, что вы его похоронили не слишком далеко от дома, — ласково объяснил я. — Но я мог все лето

перекапывать пляж и ничего не найти. К тому же вы тот тип, который легко впадает в панику, Чарли. Я чертовски рад, что не ошибся.

— Велите своим друзьям вылезти из ямы.

Оба статиста вылезли и послушно встали рядом с Чарли.

— Лечер! — рявкнул я. — Идите первым и несите фонарь. Мартин пойдет за вами, потом Чарли. Я пойду за ним, воткнув револьвер ему в спину. При малейшем подозрительном жесте с вашей стороны, Лечер, у Чарли будет туннель от позвоночника до пупа. Усекли?

Лечер минутку поколебался, затем взял фонарь и направился к лестнице. За ним шел Мартин, сзади — Чарли. Я пропустил всех трех вперед и пошел следом. Дуло моего 38-го уперлось в набитые салом ребра Чарли. Он завыл и чуть не выскочил из ботинок.

— Я знаю ваше отвращение ко всякого рода формам физического насилия, Чарли, — пробормотал я с состраданием. — Так что молитесь, чтобы ваш дружок Лечер не сделал необдуманного жеста.

Мы поднялись по лестнице и достигли размокшей лужайки без всяких инцидентов. Я огляделся, но не увидел Карен. Внезапно кто-то нервно сжал мою руку.

— Бойд! — Она материализовалась из небытия и пошла рядом. — Что происходит?

— Я объясню вам, когда будем в доме.

— Мы не сможем туда войти, — шепнула она, явно испуганная. — Там люди. Когда вы ушли, приехала машина и кто-то вошел в дом. Смотрите, там свет!

— Великолепно! Значит, мы обойдемся без взлома. Достаточно будет позвонить в дверь.

Наша маленькая процессия обогнула дом и поднялась на крыльцо. Я приказал Лечеру позвонить. Дверь открылась, и на пороге появилась Джен Рандольф. Глаза ее округлились, она поочередно оглядела нас. Она была в платье черного шелка, необыкновенно элегантна с уложенными в шиньон волосами.

— Мы войдем, Джен. Будьте любезны посторониться. Ясно?

Она повиновалась и медленно отступила, как сомнамбула, не обращая внимания на мокрый песок, который сыпался на ковер при каждом шаге Лечера и Мартина. Мы направились в гостиную. Я сменил порядок процессии: поставил Карен позади Чарли, а сам взял Джен под руку и повел, замыкая шествие. Позади бара стоял мужчина

с неотразимой внешностью. Карие глаза выразили легкое изумление, когда мы прошли гуськом в комнату. Его костюм, рубашка и галстук были самые, самые...

— Джен,— бросил он,— вы не предупредили меня, что у вас прием!

— Я...

Она обернулась ко мне. Взгляд ее красноречиво зывал о помощи.

Я вмешался:

— Привет, Мюррей! Это — сюрприз-парти... в некотором роде.

— Добрый вечер, Денни.— Он улыбнулся мне своей ослепительной улыбкой: видимо, это у него рефлекс.— Что это значит? — Его улыбка медленно растаяла, когда его взгляд остановился на моей правой руке.— Револьвер и все, что за этим следует?

— Вы помните, что Джен пригласила меня найти ее мужа? — я старался выглядеть скромно.— Так вот, я его нашел.

— Вы нашли Фредерика? — Лицо Джен внезапно просветлело.— Это чудесно! Где он?

— На пляже,— объяснил я.— Точнее, в пляже.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас,— голос ее изменился.— Что он там делает?

— Чарли с друзьями его только что выкопали.

— Не хотите ли вы сказать, что он...— Мюррей сглотнул.— Мертв?

— С прошлого вторника,— подтвердил я.— Думаю, нам лучше сесть и поговорить.— Я красноречиво махнул револьвером в направлении Чарли и его сателлитов.— Вы, трое, на диван!

Они повиновались. Чарли посередине. Я встал возле маленького подлеца Мартина. Казалось, он готов был разразиться рыданиями. Что касается Чарли, то у него был вид умирающего от сердечного припадка. Лицо Лечера было бесстрастно, однако серые глаза внимательно следили за мной.

— Джен,— сказал я светским тоном,— может быть, вы и Карен сядете в кресла? Лично мне хорошо и стоя.

Обе женщины подозрительно оглядели друг друга. Скрепя сердце они сели на расстоянии двух метров.

— Мюррей,— с улыбкой сказал я,— не приготовите ли вы выпивку? Конечно, эти трое землекопов не входят в число привилегированных.

— Идет, Денни,— он расставил на баре стаканы.— Что вы будете пить?

— Не выпить ли нам всем скотча с небольшим количеством льда? — предложил я.— Это упростит обслуживание и не прервет нашу интересную беседу.

— Договорились.

Он взял бутылку и налил.

— Открывайте огонь, Карен,— сказал я любезно.— Расскажите им, что произошло утром прошлого вторника.

— Что? — Она окинула меня диким взглядом.— За кого вы меня принимаете? Вы думаете, я чокнутая?

— Скажите им, или я сделаю это сам!

Глаза ее выражали безграничную ненависть, она отвернулась, с отчаянием пожав плечами.

— Ладно,— сказала она глухо,— но если это обернется плохо, клянусь вам, Бойд, что...

— Соболаговолите рассказать о событиях,— проворчал я.

Она покорилась. Бесцветным голосом она рассказала, как Рандольф пригласил ее провести с ним несколько дней в доме на пляже. Во вторник утром она пошла на пляж загорать, Фредерик оставался на вилле, ожидая важного телефонного звонка. Когда я неожиданно появился на пляже, Карен тогда произнесла имя Пелля для конспирации. Далее она поведала, как нашла тело Рандольфа в комнате для гостей и как сумела удалить меня, наняв искать убийцу Пелля. Наконец добавила, что позвонила Чарли и ввела его в курс событий. Чарли посоветовал ей скрыться, что она и поспешила сделать.

Я посмотрел на Чарли, когда Карен замолчала. Как обычно, его длинные волосы свешивались ему на глаза но у него не было сил отбросить голову назад. Бледно-голубые глаза готовы были выскочить из орбит.

— Тогда Чарли призвал на помощь своих дружков, это симпатичное трио приехало в Ньюпорт и похоронило труп на пляже. Затем они привели в порядок комнату для гостей, чтобы уничтожить следы насилия. Так, Чарли?

Он медленно кивнул головой.

— Я думал, что его убила Карен,— сказал он, задыхаясь.— Ее могли заподозрить в убийстве, правда?

— Как вы добились согласия ваших приятелей?

— Деньги,— сказал он, пожимая плечами.— Что же иное? Избежав электрического стула с моей помощью, Карен позволила бы мне жить достаточно широко. После трех лет, в течение которых я должен был с улыбкой

принимать какие-то крохи. Я с радостью представлял обратную ситуацию! С этой минуты пусть она получает нищенское содержание! Дон и Родни согласились, что так будет справедливо.

— А зачем вы наняли меня искать Карен и сказали, что она здесь с Пеллем?

Он нервно задвигался.

— Мне позвонили.

— Кто?

— Не знаю! — вскричал он, хлопая глазами. — Это правда, мистер Бойд! Клянусь, я не знаю, кто звонил. Голос мужской, какой-то приглушенный. Этот тип сказал мне, что Карен на вилле с Рандольфом и что если я немедленно не приеду, чтобы положить конец этой связи, он позвонит миссис Рандольф и расскажет ей все. Он добавил, что если она найдет их вместе, то не преминет подать на развод. Рандольф сможет жениться на Карен, когда она освободится от меня, и я окажусь на улице. Я хотел узнать, кто звонит, но он повесил трубку.

— Я должен был действовать вместо вас? — Я предпочел сам ответить на этот вопрос. — Вам не хватало храбрости... Вы боялись пуститься в такое предприятие, Чарли.

Он закрыл глаза и жалобно кивнул.

— Рандольф здоровый мужик... Вспыльчивый. Вы же знаете, что одна мысль о насилии делает меня больным! Я подумал, что ничем не рискую, если пошлю вас вместо себя, тем более, что вы не знаете Рандольфа в лицо. Поэтому я воспользовался именем Пелля. Я знаю, что он иногда бывал у нее...

— Я не могу в это поверить! — вскричала Джен Рандольф прерывающимся голосом. — Фредерик мертв? — Ее взгляд, обращенный к Карен, источал ненависть. — И вы его убили!

— Я не убивала его! — истерически завопила Карен. — Мне плевать на то, что вы все думаете! Я его не убивала!

— Спокойно, пожалуйста! — вмешался я. — Не будем терять нить. Чарли еще не все сказал нам о своей роли в этом деле. Не так ли, Чарли?

— Вы думаете? — спросил он, устало закрыв глаза.

— Я просто расставляю все по местам, — буркнул я.

И кратко изложил его маленькую комбинацию, состоящую в том, чтобы встретиться с Ниной Норт до меня, показать мне живого и здорового Пелля, наплести всякого вздора о телефонном звонке Карен из Филадельфии и уверить меня, что вся эта история просто недоразумение.

— Затем вы вернулись домой и присоединили к телефону магнитофон с записью голоса вашей бывшей горничной, голос которой мне отвечал, что мистер и миссис Ваносса уехали на месяц. Вы знали, что если я приеду сюда искать труп или направлю на розыски полицейских, то не окажется ни тела, ни следов убийства, и шпики примут меня за чокнутого. В конце концов я брошу это дело и поверю, что у меня были галлюцинации.

— Да. Но я не учел вашу дотошность! Когда Карен позвонила, что Пелль пришел к ней в отель и что он напуган вашим сообщением о смерти Рандольфа, я решил вмешаться и просил вас прийти ко мне на следующее утро. С помощью Дона я рассчитывал вынудить вас сказать, откуда вы узнали о существовании Рандольфа,— он закрыл глаза.— Но это тоже сорвалось.

— Это объяснить легко. Я решил вернуться в этот дом и посмотреть, здесь ли еще тело. Тела не было, но зато была Джен Рандольф. Мы поболтали, и, когда она узнала, что я частный детектив, она наняла меня найти пропавшего мужа. Так логикой была установлена связь между гуляющим трупом и исчезнувшим мужем.

Мюррей Ансель разнес виски на подносе. Он с некоторым колебанием протянул стакан Джен, потом подал один Карен, другой — мне.

— Я еще никак не могу прийти в себя. Не могу поверить, что мистер Рандольф мертв,— бормотал он монотонно.— У Джен было предчувствие беды, поэтому она и приехала сюда. Это судьба, как бы иначе она узнала, что произошло с ее мужем?

— С телом ее мужа, вы хотите сказать.

— Что?

— Она знала, что он умер,— терпеливо объяснил я,— но она не могла этого доказать, поскольку не знала, где труп, не так ли?

Он застыл на месте, затем улыбнулся мне своей магнетической улыбкой.

— Мне очень жаль, Денни,— сказал он огорченно,— но я не понял ни одного слова.

— Это так просто. Повторяю, она знала, что ее муж мертв. Она знала, что он убит, но она не в силах была этого доказать, потому что покойник исчез.

— Джен не могла знать, что ее муж умер,— возразил он.— Откуда ей было знать, что Карен его убила?

— Его убила не Карен,— сказал я нежно,— а вы!

Его ослепительная улыбка превратилась в гримасу отчаяния.

— Денни! — Джен Рандольф вскочила с кресла, бросилась к Анселю, схватила его за руку, как бы желая ему помочь, и взглянула на меня. — Вы с ума сошли!

— Накануне того дня, когда ваш муж был убит, ему позвонили из Глобекома. После чего он весь день был в радостном настроении. На следующее утро он сказал Карен, что останется дома, потому что ждет еще одного, очень важного, подчеркнул он, звонка, и добавил, что, возможно, кое-что они отпразднуют. Если он кому-то доверял настолько, что ввел в курс своего романа с женщиной и назвал место, где собирается укрыться, — кто же этот человек, как не его помощник?

— Вранье! — вскричал Ансель. — Вы исходите исключительно из слов Карен!..

— Вы живете с женой шефа, Мюррей, — оборвал я его. Но тут одно «но»: Фредерик был одновременно вашим работодателем и вашей дойной коровой. Из-за переутомления, вызванного борьбой с Фергюсоном, которая должна была завершиться на ближайшем административном совете, Рандольф решил провести неделю со своей прежней любовницей. Однако он знал, что для него жизненно необходимо оставаться в курсе дел, происходящих на работе. И он доверился своему помощнику, конечно, он не знал, что тот спит с его женой. Любовник все рассказал жене шефа. Джен ненавидела Карен Ваносса, считая, что она разрушила политическую карьеру ее мужа. Другое страшное предположение встало перед ней: неделя, проведенная с Карен, может погубить положение Рандольфа в Глобекоме. Что, если он решится на развод?

Я ободряюще улыбнулся Джен и продолжал:

— Но был выход, который казался вам более приемлемым... Убийство! Муж погиб, вы наследуете его деньги и, после положенного траура, можете выйти замуж за своего любовника. Но одна деталь не давала вам покоя: Карен тоже выигрывает от смерти Фредерика! У кого-то из двух любовников зародилась блестящая мысль: если они будут действовать обдуманно, то смогут взвалить убийство на Карен. И вы все тщательно подготовили. Любовник сделал два звонка, чтобы быть уверенным в синхронности опера-

ции.— Я чуточку возвысил голос.— Ваш анонимный собеседник, Чарли, назначил вам точное время!

— Он звонил вечером в понедельник,— быстро ответил Чарли.— И предупредил, что если Карен не покинет дом до полудня следующего дня, он позвонит миссис Рандольф и все ей расскажет.

— Итак, вы звоните Рандольфу на виллу и сообщаете, что узнали что-то важное, способное свалить Фергюсона. Дело настолько сенсационное, что вы не рискуете говорить об этом по телефону, а приедете во вторник сами. Вы тактично просили Рандольфа удалить его подружку, дабы не смутить ее встречей с вами. «Может быть, вам лучше сказать ей, что вы ждете звонка? Она не будет нервничать... Почему бы не отправить ее на пляж?..» Затем в тот же вечер вы звоните Чарли и назначаете ему срок.

— Это безумие! — бормотал Мюррей сквозь зубы... — Вы...

— Во вторник утром,— оборвал я,— вы приехали сюда и убили Рандольфа, после чего укатили в Нью-Йорк. Вы думали, что Чарли не замедлит приехать, найдет тело... и Карен. Джен говорила вам, что Чарли — тип с желатиновым позвоночником. И вы вообразили, что он, обезумев, позвонит в полицию, как только увидит труп. Но случилось непредвиденное: Чарли обезумел еще до приезда сюда и нанял меня, чтобы я доставил его жену домой.

— Денни! — вскричала Джен Рандольф изменившимся голосом.— Мне так тяжело, умоляю вас...

— Спокойно! Я еще не кончил. Мы знаем, как развивались события после моего отъезда. Карен позвонила Чарли и рассказала, что случилось. Придя в ужас, что может навсегда лишиться доходов, Ваносса собрал своих дружков. Они приехали сюда, унесли труп и уничтожили следы убийства. Вы оба, наверное, здорово томились, ожидая известия, которое все не приходило! Когда ожидание стало невыносимым, Джен приехала на виллу. Труп исчез. Не было и намека, что здесь произошло убийство. Немного оправившись от шока, она решила остаться здесь и подождать, как развернутся события дальше... и тут явился я...

Я поглядел на обоих и продолжал:

— Когда я сказал, что я частный детектив, нанятый Ваносса, чтобы уговорить его жену, которая, предположительно, находится здесь с актером Петером Пеллем, вернуться домой, Джен уцепилась за меня и пригласила

расследовать исчезновение ее мужа. Я попросил ее свести меня с сотрудником Рандольфа, которому он доверял, и получил свидание с Мюрреем. Когда я высказал Мюррею свои предположения о судьбе Рандольфа, он спросил меня, уверен ли я в его смерти и где его тело.

Я сделал паузу и продолжал:

— С этого момента они превзошли себя! Я упомянул имя комедианта, находившегося на вилле с Карен. Почему бы не заставить меня поверить, что он замешан также и в убийстве? Если я примусь за Пелля, он приведет меня к Карен и, в конце концов, к труп. Я считал, что Карен не могла одна, без чьей-либо помощи, унести покойника. Много шансов за то, что ей помогал Пелль. Затем Джен связалась со мной по телефону и просила приехать возможно быстрее. Меня ждал сюрприз, она разыграла неплохой эротический номер, надеясь, что я соскочу с педалей. Ее ослепительный любовник также внес свою долю в сценарий. Он позвонил и назвался Фредериком Рандольфом. Джен сделала так, что трубку взял я. Минут через десять звонок раздался снова; на этот раз трубку сняла она, оказалось, что Рандольф звонил и своему помощнику. Перед моим отъездом Джен отдала мне булавку для галстука, которую она, якобы, нашла на диване и сочла, что это моя. Булавка составляла монограмму в форме переплетенных двух «П». Ее хитрому замыслу, пожалуй, не хватило тонкости. Она пыталась уверить меня, что в какой-то момент Пелль был в доме.

Напряжение в аудитории усилилось.

— Итак, заколка для галстука предположительно принадлежала Петеру Пеллю. Я знал, что Рандольф убит, поэтому голос по телефону не мог быть его голосом. Но для того, чтобы ввести в заблуждение ближайшего помощника Рандольфа, надо быть имитатором высокого класса: эта роль отлично подходила актеру. На это оба соучастника и надеялись. Но они переусердствовали: Пелль помешан на элегантности и скорее сдохнет, чем наденет такую безвкусицу. С другой стороны, Джен, любящая жена, тревожащаяся за судьбу своего мужа, вдруг превращается в пылкую и страстную миссис Потифер: она резвится в гостиную голышом, пытаясь обольстить меня. Такой поворот слишком груб. Именно это и привело меня к мысли о любовниках, действующих вместе. Но еще не хватало деталей. Кто и где спрятал тело? Чарли я не принимал всерьез, но изменил мнение, когда познакомился с его друзьями. Тут я понял, что они тоже действуют сообща.

— Вы бредите, Бойд! — закричал Ансель. — Отлично знаете, что это все одни разговоры! У вас нет никаких доказательств. Это измышления больного мозга!

— Предположений тут более чем достаточно, чтобы полиция всерьез заинтересовалась этим делом! А уж когда они в вас вцепятся, то вытянут из вас все. Например, что вы делали утром во вторник...

— Я не могу этого выносить! — стонала Джен. — Я...

Она поднесла руку ко лбу, глубоко вздохнула и бросилась на меня.

Я блестяще продемонстрировал неоспоримое превосходство рефлексов над мыслью в смысле скорости. Когда она кинулась ко мне, мои руки протянулись навстречу, чтобы ее схватить; она выбила у меня из пальцев револьвер и всем телом навалилась на грудь. Затем выпрямилась, оттолкнула меня и торжествующе улынулась, отскочив в сторону. Я очутился перед дулом собственной нушки, которую твердо держала рука Анселя. У меня в руке еще был стакан, содержимое которого не слишком пострадало в столкновении с Джен, и я решил, что сейчас самое подходящее время его опустошить.

— Вы большой хитрец, Бойд, — ласково сказал Ансель. — Жаль, что вы умрете в цветущем возрасте, но вы сами виноваты!

— Тихо!

Ансель вылупил глаза. Он отступил на шаг, не отводя оружия от моей груди, и осторожно оглянулся.

— Ладно, Ансель, — сказал, вставая, Лечер. — Вам и миссис Рандольф грозит электрический стул; Чарли, Родни и я стали вашими соучастниками, похоронив труп. Мы все пропали, если не примем мер предосторожности.

— Дон абсолютно прав, — вмешался Мартин, — ты согласен, Чарли?

— Прошу вас всех. — Чарли крепко зажмурился. — Займитесь сами всем необходимым и предупредите меня, когда все будет кончено. Вы знаете, до какой степени насилие...

— Идет! — проскрипел Ансель. — Согласен, нужно принять меры предосторожности. У кого есть предложения?

— А если нам вернуться к вашей базовой идее? — сказал Лечер. — Карен Ваносса должна ответить за убийство; почему бы нам этого и не держаться?

— Как? — удивленно спросила Джен.

— Она хотела освободиться от Чарли, — твердо объяснил Лечер. — У нее была связь с другим, за которого она хотела выйти замуж. Она и ее любовник разработали тонкий план, который и воплотили в жизнь. Убили Рандольфа и попытались приписать убийство его вдове. Чарли, ты же знаешь, что Бойд спал с Карен и был от нее без ума.

— Конечно, помню, мой друг, — пробормотал Чарли. — Будь спокоен, я вспомню все детали, даже самые скабрзные. Насколько я понимаю, сыщики обожают скабрзные детали!

— Итак, мы убили Рандольфа и стараемся взвалить это дело на его жену, — иронизировал я. — Для этого хороним труп на пляже и через три дня выкапываем, а?

— Да, вы правильно отметили, — согласился Лечер. — А если мы сделаем из вас героя, Бойд? Понравится? Миссис Рандольф наняла вас найти ее исчезнувшего мужа, и ваше расследование привело вас в этот дом. Вы открыли, что Карен Ваносса находилась здесь с Рандольфом. Блестящий детектив, вы пришли к выводу, что она похоронила труп на пляже. Когда вы стали его выкапывать, появляется сама убийца, Карен Ваносса, с пушкой в руке! Неустрашимый Бойд падает с пулей в сердце, а испуганная вторым убийством Карен бежит в дом; она понимает, что не сможет вынутаться, и стреляет себе в висок. Что вы на это скажете?

— Вы не сделаете этого! — вскричала Карен пронзительно. — Умоляю вас! Мне плевать на Бойда, но не убивайте меня!

Она встала перед Анселем и умоляюще смотрела на него, все еще держа в руке полный стакан.

— Мистер Ансель! Не давайте им этого сделать! Не позволяйте им убить меня! Я...

Неожиданным и точным жестом она выплеснула содержимое стакана ему в лицо. Ансель взвыл: алкоголь попал ему в глаза. Воспользовавшись этим, я прыгнул и сильно толкнул Анселя, вырвал у него револьвер. Затем все завертелось в таком ритме, что я едва отдавал себе отчет в происходящем.

Ансель опрокинулся назад. Джен, как фурия, бросилась на меня, выпустив когти. Прогремел выстрел. Я увидел изумление в серых глазах, и Джен упала. Лечер стоял, вытаращив глаза, его пушка смотрела на меня, но я опередил его, послав три пули ему в живот. Он откинулся назад и покотился на диван.

Начался адский шум. Ансель вопил, прижав руки к глазам. Чарли и Родни, наполовину похороненные под грузом мертвого тела Лечера, орали во всю глотку. Я опустил глаза и увидел в нескольких сантиметрах от своих ног шиньон Джен Рандольф; она лежала на боку, и красное пятно растекалось по черному шелку. Карен Ваносса встала возле нее на колени, но тут же выпрямилась.

— Она мертва,— сказала она уверенно.

— Я тоже был бы мертв, если бы вы не выплеснули виски в морду Анселю!

— Это был просто защитный рефлекс,— ее губы искривились в подобии улыбки.— Вы мне ничего не должны, Бойд!

— Я думаю, сейчас самое время вызвать полицию,— сказал я.

— Да, вероятно,— странный огонь блеснул в темных глазах.— Это всегда некстати!

— Что?

— Бросьте! — сказала она, раздраженно пожав плечами.— Вот и все!

10

Я вернулся домой в восемь часов следующего утра. Понадобилось много времени, чтобы копы разобрались с тремя трупами, из которых один был трехдневной давности. Карен рассказывала свою историю по крайней мере десять раз, и я со своей стороны тоже. Ансель раскопал после двухчасового допроса. Он выложил все и подписал детальные признания. Это немного облегчило дело. Чарли и Родни с трогательным единодушием закатили истерику на три часа. Потом Мартин доказал свою нерушимую дружбу, взвалив все на Чарли. Послушать его, так это был просто невинный зритель, случайно оказавшийся тут; он просто по соседству помог своему старому однокашнику похоронить тяжелый труп. Я был чертовски рад, когда его увезли после того, как он подписал свои показания.

Карен была полна благородства, когда заявила, что я не сообщил полиции об убийстве, потому что она убедила меня, что сама займется этим, как только я уйду. Над ее декларацией посмеялись, но она не смутилась и доказала, что если бы об убийстве было заявлено немедленно, она была бы уже на пути к электрическому стулу. Эта тема сильно ее задевала, и она с жаром защищала свою теорию,

не давая инспекторам вставить хоть слово, так что, в конце концов, они согласились с ее точкой зрения. Но она их даже не слушала, так что мне пришлось буквально вытащить ее из комнаты, чтобы она перестала на них нападать. Я отвез ее в город и выгрузил у отеля «Кати», а сам поехал домой.

В восемь часов утра я вошел в свою квартиру, надеясь увидеть на своей подушке голову блондинки, но нашел только письмо. Оно было кратким. Нине надоело меня ждать, она решила, что с актерами веселее, чем с частными детективами. Ее интуиция подсказала, что бедный Петер в ней нуждается, тем более, что он обещал занять ее в своем телефельетоне по крайней мере в пяти эпизодах.

Я послал все к черту и лег. Проснулся в семь вечера, как раз вовремя, чтобы полюбоваться великолепным закатом, принять душ, побриться, одеться, позавтракать и даже выпить виски. В девять часов в дверь позвонили. Я предположил, что это опять копы со своими допросами, и приготовился провести неприятную ночь. Открыв дверь, я убедился, что никакой шпик не мог иметь такого вида, как бы хорошо ни переодевался.

Карен Ваносса подарила мне сияющую улыбку и прошла в гостиную, нагруженная огромным пакетом, который водрузила на стол. На ней было голубое вечернее платье без рукавов, сильно декольтированное. Длинные темные волосы падали на плечи, глаза возбужденно блеснули.

— Я принесла хорошие новости, Бойд,— сказала она с драматическим пафосом.

— Да? Какие? — буркнул я.

— Вот эти!

Она порылась в своей сумке, вытащила клочок бумаги и сунула мне в руку.

Я посмотрел, закрыл глаза и снова посмотрел. Он был тут. Чек на пять тысяч долларов, выписанный Д. Бойду и подписанный К. Ваносса.

— Фредерик сдержал свое обещание еще до того, как мы встретились в доме в Ньюпорте! — вскричала она на одном дыхании. — Он перевел деньги на следующий день после того, как я согласилась провести с ним неделю. Его адвокаты сказали мне сегодня утром по телефону.

— Ну... спасибо!

— Это недорого. Без вас мой зад был бы уже на электрическом стуле.

— Не хотите ли стаканчик?

— Очень хочу. Я очень опечалена по поводу Фредерика. Правда, опечалена. Но это не моя вина, правда?

— Полагаю, что не ваша.

— Я сегодня утром объявила о продаже своего отеля,— радостно щебетала она.— Мои адвокаты советовали мне воспользоваться тем, что Чарли в тюрьме, и просить развод. Наконец я буду свободна.

— Да? — бормотал я.

— Так что...— Ее чувственные губы расплылись в улыбке.— Я знаю, момент не совсем подходящий, но мне хочется отпраздновать это счастливое событие. Надеюсь, что вы присоединитесь ко мне, Бойд.

— Ну, что же,— сказал я, пожав плечами.— Где и когда этот кутеж?

— Я подумала, что небольшая солнечная ванна могла бы быть приятной,— сказала она живо.— А затем пикник...

Я взглянул в окно, потом на нее.

— На улице темнота... похоже, уже ночь!

— Не огорчайтесь! — бросила она уверенно.— Я займусь этим. Сбейте коктейли, приготовьте побольше мартини; чего хорошего таскаться взад и вперед по пляжу, когда захочется выпить!

Слегка подгибающимися ногами я пошел на кухню. Я подумал, что надо бы отвести ее к психиатру, но самое простое сейчас не раздражать Карен, что я и сделал. Моя миссия была выполнена через пять минут; я вернулся в гостиную с двумя стаканами и шейкером, до краев наполненными мартини. Во время моего отсутствия комната преобразилась. Все светильники, кроме одного, были погашены. Тяжелый пакет превратился в ультрафиолетовую лампу. Она стояла на краю стола и направляла свет на ковер. Свет, исходящий от ночника у окна, не мог соперничать со светом прожектора, но был достаточным.

Сладострастная, обнаженная брюнетка лежала на ковре; она повернула голову и смотрела на меня через плечо, во взгляде ее сквозило неодобрение.

— Мне очень жаль,— лениво уронила она,— но это частный пляж. Здесь запрещено гулять одетым!

Я призвал на помощь все свои силы, чтобы оторвать взгляд от ее бедер цвета меда.

— Извините меня,— сказал я.— Я сейчас приведу себя в порядок.

— Хорошо!

Она быстро повернулась ко мне, села и улыбнулась. Ее

возбужденная улыбка чудесно гармонировала с ее обнаженным телом.

— Я хотела отпраздновать это событие в интимной обстановке,— сказала она мечтательно.— Только вдвоем, Бойд. Пить мартини, загорать, спокойный пикник на пляже, заниматься любовью... что вы скажете об этой программе?

— Великолепно! — Я упал рядом с ней.— Только одна деталь...

— А именно?

— Как только мы выпьем, погасите эту лампу. Вы не представляете, насколько быстро я обгораю...

КОВБОЙ ИЗ МАНХЕТТЕНА

Глава 1

Лето в Манхэттене в самом разгаре. Водители такси хитро поглядывают на вас и говорят, что виновата не только жара, но и большая влажность. На девушках этим летом меньше одежды, чем обычно. Зато больше случилось убийств и ограблений. И все собираются поехать отдыхать в Коннектикут. Я же подумал, что останусь здесь, ведь загрязнение воздуха всех нас достанет в равной степени — и коннектикутцев и жителей Нью-Йорка.

Я сидел у себя в бюро в четыре часа дня и думал, что — черт возьми! — я здесь потерял, когда мог бы находиться в каком-нибудь баре с кондиционером и потягивать холодный martini. К тому же у меня как раз не было секретарши, а дела шли так плохо, что я даже не был уверен в том, что можно вообще позволить себе какую-нибудь роскошь.

Внезапно хлопнула наружная дверь, и в приемной раздался стук каблучков. Я только подумал, что пришло время убрать ноги со стола, как в бюро вошла Саламати Джейн.

— На двери написано: «Мистер Бойд, акционерное общество с ограниченной ответственностью», — холодно сказала она. — Вы выглядите весьма ограниченно. Значит, вы и есть Бойд?

— Да, меня зовут Денни Бойд, — ответил я. — И я даже бился на Черном каньоне, но только их предводитель на верблюде в черной шляпе ускользнул от меня.

Она была одета таким образом, словно собиралась сниматься в новом вестерне, — начиная с белой амазонки и кончая лакированными сапогами. Волосы медного цвета свободно падали на плечи, а широко поставленные глаза были необычайной синевы. Нос узкий, прямой и презрительно сморщенный, а широкий подвижный рот она, казалось, унаследовала от фавна. На ней была короткая голу-

бая куртка и голубые штаны, но такие узкие, что я не решился предложить ей присесть. Всякое ведь может случиться!

— Значит, вы что-то вроде детектива?

— Не вроде, а настоящий детектив, и причем высшего сорта,— сказав это, я повернул голову влево, чтобы она могла полюбоваться моим профилем.

— Я слышала, что вы прожженный негодяй, который за деньги делает все, что угодно, и всегда с успехом.

— Прошу садиться,— все-таки предложил я.— И смягчите, пожалуйста, ваши выражения.

Она села в кресло для посетителей, и, к моему удивлению, брюки не лопнули. Небрежным движением руки сдвинула она шляпу на затылок, закинула ногу на ногу. Я внимательно посмотрел на ее ноги, но шпор не обнаружил.

— Я — Праймел Хилл,— сказала она,— а свои комментарии сберегите для будущего.

У меня создалось впечатление, что она немного не в себе. Я повернул голову вправо, чтобы она увидела мой профиль с другой стороны. Но она и глазом не моргнула.

— О'кей! — сказал я.— Итак, вы — Праймел Хилл, а я — Денни Бойд. Что случилось? Вас что, кляча переехала в Центральном парке?

— Я приехала из Вайоминга,— начала она.— Мой отец умер три недели назад и оставил мне свое ранчо.

— И у вас неприятности с похитителями скота? Воруют бизонов? — Сознаюсь, что мое представление о мире за пределами Нью-Йорка весьма туманное.— Или же переселенцы ломают ваши ограды?

— Что с вами? — удивленно спросила она.— Насмотрелись вестернов по телевидению?

— Но у вас ведь ранчо,— сказал я.— А на ранчо должен быть скот, или я ошибаюсь?

— У меня ранчо, предназначенное для отдыха,— сухо возразила она.— У нас достаточно скота, чтобы декорировать ландшафт, и достаточно лошадей, чтобы гости могли кататься верхом. Есть у нас и несколько бунгало с кондиционерами, разумеется, где наши гости могут переночевать, есть и гостинные, где гости развлекаются, пьют martini и так далее.

— Очень заманчиво.

— Но все зависит от сезона,— сказала она.— Мой отец много путешествовал, но когда возвращался на ранчо, то любил попировать всласть. Точнее говоря, он все время пировал, когда был на ранчо. И вот однажды он сильно

напился, сел в седло и умчался в направлении к реке. У лошади разум лошади, и она внезапно остановилась у обрыва, а моего папашу нашли на следующее утро в реке, с лицом, искаженным от ужаса. Должно быть, здорово нагрузился. Он всегда пил только чистое.

— Приношу вам свои соболезнования,— вежливо сказал я.

Она неопределенно повела плечами.

— Несчастный случай. Так, во всяком случае, я полагаю вначале, но теперь я начала сомневаться.

— Почему?

— Из-за людей,— ответила она,— двух мужчин и одной девушки. Они представились друзьями моего отца и сказали, что приехали на ранчо немного отдохнуть. Разумеется, за плату — на этом они настояли. Сообщили, что они побывали с моим отцом во многих местах — в Лас-Вегасе, Рено, Санта-Байя. Из их слов можно было предположить, что они знали его даже лучше, чем я. И первые дни они действительно вели себя очень мило. А однажды вечером, когда мы сидели за рюмкой виски, они сказали, что отец задолжал им деньги. Говорил об этом грузный тип. Он называл себя Вилли Фаррел. Он добавил также, что мой отец, разумеется, не доверял деньги банку, так как такие деньги банку не доверяют, и они пришли к выводу, что деньги спрятаны где-то на ранчо. Я ответила, что понятия не имею о них, и тогда они перестали быть моими гостями.

— А вы действительно не знали, о чем они говорят?

— Знала,— ответила она.— Мой отец всегда называл это «путь к одинокой сосне». Внизу, на берегу реки, стоит большая старая сосна, в которую лет десять назад ударила молния и теперь она стоит полуобгорелая. Там есть дупло, и в нем отец держал свои незаконные деньги. «Вниз по реке» — так называлась его любимая песня. Когда он напивался, то становился сентиментальным и начинал петь. Я полагаю, что он разбогател на разных темных делах и не хотел отдавать львиную долю финансовому ведомству.

— А какого рода делами занимался ваш отец?

— Он никогда мне этого не говорил, а я и не спрашивала, потому что знала, что вместо ответа он залепит мне пощечину. У моего папочки была тяжелая рука. У тех троих руки не такие тяжелые, но зато очень ловкие.

— И что случилось дальше?

— Какое-то время я выдержала. Минут десять, наверное. Но за эти десять минут я хорошо их поняла. Да и они

меня. И я подумала, что если не скажу им, где отец прячет ящик с деньгами, то они продолжат свое дело, и, возможно, я этого не перенесу. И в конце концов решила сказать им правду. Вилли послал другого типа за деньгами, и когда тот вернулся с ящиком, Вилли так обрадовался, что даже сделал мне подарок — так ударил по голове, что я находилась без сознания до следующего утра. За это время они успели скрыться вместе с ящиком.

— Вы знаете, сколько там было денег?

— Я уже говорила вам, что никогда не спрашивала отца об этом. Знаю только, что он много ездил и много совершал сделок.

— А в полицию вы не обращались?

Она презрительно выпятила нижнюю губу.

— Что с вами, Бойд? Вы считаете меня идиоткой? Ранчо и все остальное, что отец оставил мне, является законным наследством. Разве я могу рисковать? Да и, кроме того, что полиция может сделать в этом случае?

— А что — черт возьми! — могу сделать я?

— Вы можете найти эту троицу, — сказала она. — В ящике были не только деньги отца. Там находились и мои деньги — девять или десять тысяч, а также драгоценности, которые достались мне после смерти матери. Ну, как вам нравится мое предложение? А если вы их найдете, постарайтесь вернуть назад то, что возможно.

— Вы что, шутите? Ведь они, можно сказать, и везде и нигде.

— Судя по их словам, они очень хорошо знали моего отца, — сказала она уверенно. — Значит, их нужно искать в городах, которые он упоминал — Лас-Вегас, Рено, Санта-Байя. Там вы наверняка наткнетесь на их след.

— Шансы минимальные, — ответил я. — Но, предположим, случится чудо, и я их найду. Что я им скажу? Что где-то в Вайоминге живет маленькая злая Праймел, которую вы обчистили, и вы должны вернуть то, что принадлежит ей? Иначе вам не сдобровать!.. Я уже сейчас могу представить, как они расхохочутся.

— Вы бы, наверное, не отказались, если бы вам кто-нибудь дал взаймы ума, Бойд, не так ли? — Она покачала головой. — Вам должно быть ясно, что мой отец приобрел эти деньги незаконным путем. Они знали о нем все или почти все, и поэтому напрашивается вывод, что они занимаются такими же делами. Вы должны найти их и выяснить, какими именно делами они занимаются. Этим вы получите в свои руки козырные карты. Потом вы должны

узнать, что осталось от денег, и припугнуть их как следует. Понятно?

— Все это понятно,— ответил я.— Но они ведь тоже не будут сидеть сложа руки.

Она пожала плечами.

— Если вы так смотрите на вещи, Бойд, вам надо подыскать себе другую работенку.

— А вы представляете, во сколько обойдется вам первая часть задания — поиски их?

— Я об этом думала.— Она улыбнулась, и эту улыбку можно было назвать улыбкой мертвеца.— Бюро у вас довольно скромное, Бойд. Даже нет секретарши. Видимо, время у вас есть. Попробуйте заняться этим в течение месяца. Я оплачу ваши расходы и плюс тысяча долларов. А если доведете дело до конца, то получите еще и треть того, что вам удастся вернуть.— На этот раз ее улыбка была более привлекательной.— Что вам терять?

Последняя фраза мне понравилась. Действительно, что мне терять? Уже одна мысль о том, что я могу смыться на целый месяц из жаркого и душного Манхэттена, была очень заманчивой.

— Судя по всему, вас нельзя назвать доверчивой,— сказал я.— Какие же гарантии я должен дать вам в том, что я не заберу просто эту тысячу долларов, составив в придачу большой перечень расходов, и не поеду кутить в Рено или Лас-Вегас?

— Я могу вам довериться,— сказала она равнодушно.— Мне вас рекомендовали, Бойд. И каким бы вы ни были, мне сказали, что на вас можно положиться.

— Еще одно,— продолжал я.— Предположим, я их найду и заставлю вернуть какую-то часть денег. Как вы узнаете, сколько мне удалось из них выжать? Уж не хотите ли вы меня уверить, что полагаетесь на мое честное слово?

— Вы правы,— ответила она.— Как только вы их найдете, вы позвоните мне. После этого появлюсь я. Ведь я должна буду удостовериться, что это именно те люди. Не говоря уже о деньгах, мне будет приятно посмотреть на их кислые физиономии.

Я поразмыслил ровно две секунды, а потом кивнул.

— О'кей! Вы меня убедили, Праймел Хилл. Никаких гарантий, никаких обещаний — вообще ничего. Если не считать того, что вы выкладываете на стол тысячу долларов.

Она сунула руку в карман брюк и вынула оттуда чек на тысячу долларов. Я взял его и положил в свой карман.

— Как звали вашего отца?

— Джо Хилл,— ответила она.— Это был высокий и крепкий мужчина. Выше, чем вы, Бойд. И наверное, раза в три суровее вас. У него были густые темные волосы с сединой на висках и большие усы. Крупные карие глаза, густой баритон. И смеялся он часто и много.

— И он любил напиваться, вскакивать в седло и мчаться в опасных направлениях?

— Если вы хотите отпустить плоские шуточки в адрес моего отца, Бойд,— сухо заметила она,— то делайте это в мое отсутствие.

— А у этих трех мушкетеров, которые скрылись в сумерках с вашими деньгами... случайно не было имен?

— Конечно, были,— ответила она,— но я думаю, они называли мне не настоящие имена.

— Вполне возможно,— согласился я.— И тем не менее, я хотел бы их услышать.

— Один назвался Вилли Фаррелом, как я уже говорила. Самый высокий и самый крепкий. У него светлые волосы, и он любит смеяться. Он вдоволь насмеялся, когда они меня мучили. Другой назвался Уолтом Карсоном. Среднего роста, стройный, лет тридцати. Черные волосы, холодные темные глаза. Очень немногословен.

— А девушка? — спросил я.

— Фей Николс. Лет двадцати пяти. Коротко стриженные светлые волосы, зеленые глаза, красивая фигура. Наверняка притягивает мужчин, как магнитом, совершенно не утруждая себя. Мне показалось, ей совсем не понравилось то, что сделали со мной те двое, но она не вмешивалась и ничего не говорила.

— Они больше не упоминали никаких городов, кроме тех трех?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. И у вас есть выбор, Бойд. Откуда хотите начать?

— С Санта-Байи,— ответил я.— Этот город я знаю лучше двух других.

— Позволю себе сказать, что там — роскошный пляж.— Она улыбнулась.— Если я найду вас чересчур загадочным, то задам кучу неприятных вопросов.

— Предположим, совершится чудо, и я найду их,— сказал я.— Как мне отыскать вас в этом случае?

— На ранчо. Ближайший городок называется Ларами,

хотя и находится далеко от ранчо. Ранчо называется «Сухая глотка». Значит, договорились?

— «Сухая глотка»? — Я недоверчиво посмотрел на нее. — Что за странное название?

— Так называл ранчо мой отец, — ответила она. — А он любил юмор и умел его ценить. Возможно, он и умер, заливаясь смехом. Такая мысль мне тоже иногда приходит в голову.

Глава 2

Конец недели я провел в Рено, а следующие три дня — в Лас-Вегасе. Попробовал счастья за рулеткой, выбросив на зеленое сукно стола несколько долларов. И если кто-нибудь из многих, кого я спрашивал невзначай о Джо Хилле и о его трех товарищах, действительно знал Хилла, то он этого ничем не выдал. И вот я поехал во взятой напрокат машине в Санта-Байю, и в три часа снял номер в «Старлайт-отеле». С тех пор, как я был здесь последний раз, ничего в отеле не изменилось. Да и городок был такой же. Дорогой курорт, который славился еще тем, что в нем продавали за баснословные суммы не имеющие вообще какой-либо ценности антикварные вещи.

У меня был друг в Санта-Байе... Друг? Нет, это просто неудачная шутка. Скорее, враг — лейтенант Шелл, и он ненавидел меня так сильно, как вообще только может ненавидеть полицейский. Наши пути несколько раз скрещивались, и, по непонятным мне причинам, он был убежден, что, как только в городке появляется Бойд, улицы Санта-Байи начинали усеиваться трупами. Но ничего не поделаешь! Поскольку я считал, что след, который оставил после себя отец Праймел Хилл, становился все менее заметным, я набрался мужества, позвонил в полицию и попросил соединить меня с лейтенантом Шеллом. Чей-то холодный, как лед, голос сказал мне, что лейтенанта Шелла сейчас нет на месте. На этого человека совершенно не произвело впечатление мое сообщение, что зовут меня Денни Бойд и что я хотел бы встретиться с лейтенантом часов в пять в баре отеля.

После этого я поинтересовался у телефонистки отеля, как позвонить в местную газету. Летом газета выходила три раза в неделю, и я как раз успел дать объявление в завтрашний номер. Оно гласило:

**«ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ УСОПШЕГО В МИРЕ
ДЖО ХИЛЛА ИЗ ЛАРАМИ ПРОСЯТ СВЯЗАТЬСЯ С
МИСТЕРОМ Д. БОЙДОМ, ОСТАНОВИВШИМСЯ В
«СТАРЛАЙТ-ОТЕЛЕ».**

Как говорится, запускают стрелу в небо, а потом внимательно оглядываются назад, чтобы эта стрела не оказалась у тебя в спине.

Я распаковал чемодан, сунул пистолет в кобуру, спрятал ее в ночной столик и отправился принять душ. Когда я снова был одет, подошло время встречи с лейтенантом.

С моего последнего посещения «Луау-бар» совсем не изменился. Специализацией бара все еще оставался жидкий коктейль на ромовой основе, преподносимой в имитированной под скорлупу кокосового ореха посуде, а также вполне приличное виски по двойной цене. Но я остановил свой выбор на мартини без фруктов и плодов. Я выкурил пять сигарет, совсем не думая о том, что меня, в конце концов, погубит курение, как таковое, или попытки бросить курить.

Шелл появился, когда я заканчивал свой мартини. За время нашей последней встречи он изменился к лучшему. Его серые глаза с мешками под ними взглянули на меня с таким отвращением, будто от меня пахло как от помойного ведра, которое не выносили целую неделю.

— Сейчас самый разгар сезона, — сухо сказал он, — и этот проклятый городок наполнен разными туристами, к тому же целая компания хиппи ошивается тут, которая доводит меня буквально до сумасшествия, бегают по городу, вдобавок ко всему, какой-то ненормальный, который насилует пожилых вдов, а теперь еще и вы! Только вас здесь и не хватало!

— От всего сердца поздравляю! — сказал я.

— С чем? — Он поднял густые брови. — Может быть, с вашим приездом?

— Со званием капитана, — сказал я дружелюбно. — Вы заслужили это!

— Мне хочется залепить вам пощечину за вашу наглость, — буркнул он. — Просто начальнику полиции нужен был козел отпущения за ошибку, которую совершил ОН САМ! А повышение до капитана — это лишь пластырь на свежую рану.

— Вы что будете пить?

— В этом аду каждый знает, что я пью.

Словно в подтверждение его слов, появился официант и поставил перед ним вонючий ромовый коктейль.

— Ну и цены здесь у вас,— бросил я.

— Чего мне беспокоиться,— засмеялся он.— Ведь оплачивать-то будете вы!

— Я успел подзабыть об удивительных особенностях вашего шарма,— сказал я.— И, может быть, как раз потому, что в нем нет ничего удивительного.

Он пригубил напиток из кокосовой скорлупы и спросил:

— Ну хорошо, Бойд... Где он?

— Кто?

— Труп!

— Никакого трупа нет,— уверил я его.

— Какого же черта вы хотите от меня?

— Доброго совета,— ответил я.— А может быть, и помощи.

— Вы шутите! — Он чуть не поперхнулся коктейлем.— Добрый совет я, правда, могу дать: сматывайтесь-ка побыстрее из Санта-Байи, пока я не арестовал вас за нарушение общественного спокойствия. Вы совершаете криминальные действия уже тем, что появились здесь.

— Вы знаете человека по имени Джо Хилл? — спросил я его.

— Нет.

— Может быть, вы слышали о его партнерах? Вилли Фарреле, Уолте Карсоне или Фей Николс. Правда, их настоящие имена, возможно, звучат иначе.

— Вы хотите знать, слышал ли я о трех типах, имена которых могут быть не те, что вы назвали? — Он полминуты сидел, закрыв глаза, а потом сказал: — Мошенников, у которых могут быть фальшивые имена, я могу набрать здесь более трех десятков. Вас удовлетворяет мой ответ, Бойд?

— Фаррел — высокий и мускулистый мужчина со светлыми волосами, часто смеется. Карсону лет тридцать, среднего роста, стройный, брюнет. А даме, видимо, лет двадцать пять, с красивой фигурой, зелеными глазами и короткой прической.

— И что они здесь делают?

— Не ведаю,— ответил я.— Один клиент поручил мне найти их. Судя по всему, это мошенники.

— И они находятся здесь, в Санта-Байе?

— Надеюсь,— ответил я быстро.

Он выпил свой коктейль, щелкнул пальцами, и на столе появилась новая порция.

— Похоже, что у вас клиент ненормальный, — медленно сказал он. — Но так, наверное, и должно быть — других у вас не бывает...

— А Джо Хилл, — уже отчаявшись, сказал я, — мужчина лет пятидесяти пяти, с густыми темными волосами и сединой на висках и большими усами. У него баритон и он любит много смеяться.

— Вы рисуете отличные портреты, Бойд, — скучно сказал он. — Мне думается, что я прямо сейчас могу найти в баре пяток человек, которые будут подходить под ваши описания.

— Но все, кто здесь сидит, люди честные, а Джо Хилл таковым не был.

— Что, мошенник?

— Наверное.

— Наверное? — Он сочувственно вздохнул. — Интересный у вас клиент. Кому интересно платить, чтобы вы гонялись за призраками?

— Джо Хилл мертв, — ответил я. — А мой клиент заинтересован найти тех троих.

— Что послужило причиной его смерти?

— С ним произошел несчастный случай.

— Где?

— В Вайоминге.

Шелл пожал плечами.

— Дайте мне его фото. Тогда я смогу посмотреть в архиве.

— Большое спасибо, — сказал я.

— И если мне попадется человек по имени Джо Хилл, я передам дело судебному врачу, чтобы тот выяснил, мертв он или жив.

Свою вторую порцию он проглотил с удивительной быстротой.

— Большого я при всем своем желании не могу для вас сделать.

— А я вам пришлю счет за выпитые коктейли.

Он поднялся, на мгновение задумался, а потом сочувственно посмотрел на меня.

— Возможно, есть способ найти их. Особенно, если у них нечистая совесть.

— Какой?

— Поместите объявление в газету. Лучше всего — в раздел извещений о смерти.

— Большое спасибо, капитан, — сказал я, сглотнув слюну. — Великолепная мысль!

— Меня удивляет только, что вы сами до этого не додумались,— сказал он с самодовольным видом.— Но ведь вы никогда не отличались большим умом, Бойд!

Когда он исчез в дверях, я мысленно представил себе, что бросаю ему в спину шесть блестящих ножей, как это проделывают в цирковом номере.

Пужинал я в отеле в одиночестве, а потом направился в кино — решил предоставить себе удовольствие, которое давно себе не позволял. Фильм был «только для взрослых» и назывался «Нимфа, не знающая поражений». Зрители, кроме меня, были преклонного возраста, то есть в том возрасте, когда женским телом можно только любоваться. Около одиннадцати я снова был в отеле, а поскольку делать было нечего, то завалился спать.

На следующее утро, когда я еще переваривал завтрак, зазвонил телефон.

— Это мистер Бойд? — Женский голос звучал скромно и неуверенно.

— Да.

— Это вы дали объявление по поводу Джо Хилла?

— Совершенно верно.

— А могу я поинтересоваться, по какой причине?

— Конечно, можете, но только не по телефону,— ответил я, стараясь придать голосу таинственные нотки.— Почему бы нам не пообедать где-нибудь вместе, и тогда я бы все вам объяснил.

Я услышал щелчок — она повесила трубку. Но я был уверен, что на этом дело не кончится. Следующий звонок застал меня в баре, где я интенсивно попивал martini.

— Бойд? — На этот раз голос был густой и неприятный.

— Да, Бойд,— ответил я.

— Что вы хотите узнать о Джо Хилле?

— Это не телефонный разговор,— сказал я.

— Вы за это платите?

— Да,— ответил я.— Разумеется, если это то, что мне нужно.

— Было бы умнее, если бы в своем объявлении вы дали не адрес отеля, а номер почтового ящика,— сказал голос.

— Я как-то не подумал об этом,— буркнул я.

— Я пошлю за вами машину. Ждите перед отелем, скажем, через пятнадцать минут.

— Договорились! — ответил я.

— Но будьте пунктуальны,— предупредил голос.— Машина ждать не будет.

Я заказал себе еще мартини, чтобы поездка не была скучной, вспомнил о револьвере, который остался у меня в номере, но потом решил, что пусть он и останется там. Полуденное солнце было такое жаркое, что напекло мне голову, и я спросил себя, не следует ли отпустить волосы подлиннее, но потом все-таки решил не портить свой профиль.

Перед отелем остановилась голубая машина. За рулем сидела одна из таких смеющихся девушек — сочетание секса и жизнелюбия,— которых можно увидеть только в телевизионной рекламе и на коробках со стиральными порошками. Каштановые волосы, пуловер канареечного цвета и суперкороткие шорты. Пуловер был достаточно узким, чтобы подчеркнуть ее полные груди, а шорты достаточно короткими, чтобы я мог полюбоваться ее ногами.

— Мистер Бойд? — Девушка обнажила белоснежные зубы.

— Да,— Денни Бойд,— сказал я и в качестве доказательства повернулся к ней профилем.

— Садитесь в машину, мистер Бойд.

Я плюхнулся на сиденье рядом с ней, и машина сорвалась с места, словно она участвовала в ответственных гонках. Я едва успел подавить крик страха, а она уже проскочила между «кадиллаком» и грузовиком, а потом мы помчались по прибрежному шоссе со скоростью, миль на сорок превышающей ту, которая была дозволена.

— Это не очень далеко, мистер Бойд,— сказала она.— Максимум десять минут езды.

— Я согласен и на пятнадцать,— робко заметил я.— Самое главное — доставить меня в целости и сохранности.

— Можете не волноваться,— уверенно ответила она.— Я вожу машину превосходно.

В качестве доказательства она не затормозила на повороте, так что одна пара колес оторвалась от земли, и в таком положении мы проехали какое-то расстояние, и лишь потом машина вновь встала на четыре колеса. В последнее мгновение она ухитрилась как-то не столкнуться с идущим навстречу автобусом.

— Как это вы умудрились дожить до настоящего времени? — спросил я с дрожью в голосе.— Видимо, вы просто везунчик...

Она не удостоила меня ответом, а только снова нажала на акселератор. Я, со своей стороны, зажмурил глаза

и постарался проглотить комок, подкативший к горлу. Несколькими мгновениями спустя, которые показались мне вечностью, я почувствовал, что машина сбавила ход. Это было слишком хорошо, чтобы поверить. Я открыл глаза и увидел, что мы свернули с шоссе и едем по проселочной дороге.

— Еще далеко? — спросил я.

— С полмили... У вас что, слабые нервы? У вас был такой вид, что вы вот-вот отдадите концы.

— Я и чувствовал себя сообразно этому, — сказал я, не кривя душой.

Дорога шла дальше вверх, в гору, и, наконец, сосны, росшие вдоль нее, расступились. Машина миновала решетку, относящуюся, видимо, к какому-то ранчо, и остановилась на площадке, посыпанной гравием. Коттедж красовался на самом краю скалы, возвышающейся метров на сто над поверхностью океана. Я подумал, что из окон дома, наверное, открывается прекрасный вид на океан, но наслаждаться этим видом может лишь человек, абсолютно не подверженный головокружению.

Мы вышли из машины, и некоторое время девушка стояла передо мной, излучая секс и жизнелюбие.

— Извините, — сказала она, словно вспомнив о чем-то. — Чуть было не забыла...

Она нагнулась, взяла с сиденья сумочку, открыла ее и вытащила короткоствольный револьвер 32-го калибра и направила его на меня.

— Меня зовут Вирджиния, — сказала она, — я дочь Эдвина Бейли!

— А меня по-прежнему зовут Денни Бойд, — сказал я. — Если бы знал, что на Западном побережье револьвер является символом гостеприимства, то захватил бы с собой свой.

— Отец ждет нас в доме, — холодно сказала она. — Идите вперед, мистер Бойд, и, прошу вас, не придите к ошибочному заключению, что я не умею пользоваться этой штукой. Так что не вынуждайте меня к этому!

Мы вошли в дом, и я почувствовал прохладу, создаваемую кондиционером. В такой обстановке схватить воспаление легких несложно. В гостиной был бар, стена гостиной, обращенная к океану, была стеклянной. Вид открывался умопомрачительный.

Человек, который с бокалом в руке прислонился к стойке бара, был лет пятидесяти. Голова его была чисто выбрита, лицо смуглое. Узко поставленные глаза и полные

губы, на которых лежала печать презрения, делали его похожим на чудовище из научно-фантастического фильма. Такому типу я не доверил бы даже сторожить свою машину, ибо побоялся, что он просто-напросто сожрет ее, как только я повернусь к нему спиной.

— Вот я привела тебе Денни Бойда! — сказала она, стоя позади меня. — Он разыскивает приятелей Джо Хилла...

— По телефону я немного покривил душой, мистер Бойд, — сказал Бейли. — У меня нет никакой информации, которую вы могли бы купить. Зато я хочу получить кое-какие сведения от вас. Хочу знать, что случилось с моей женой.

— Весьма законное желание, — сказал я. — Тем более, если вы имеете в виду свою законную жену.

Я почувствовал, как в мою спину уткнулось дуло револьвера, а в следующий момент я получил им удар по затылку, так что у меня искры посыпались из глаз. В мгновение я лежал связанный на полу, и мне казалось, что пол ходит подо мной, как палуба корабля.

— Скажи спасибо, что отец не выносит вида смерти, — донесся до меня женский голос. — Смерти даже таких негодяев, как вы.

И действительно оба они постарались мне помочь. Дочь принесла откуда-то стул, а папаша поднял меня и усадил на него. Когда я очутился на стуле, пол подо мной перестал качаться, так что я смог целиком сосредоточиться на боли в затылке.

— Я хочу знать, что вам известно о Джо Хилле, Бойд, — сказал Бейли. — Можете начинать свою исповедь.

Девушка встала рядом с ним и смотрела на меня бездонными синими глазами.

— А если вы не хотите говорить, мистер Бойд, — сказала она, — у меня найдется средство, которое заставит вас изменить это мнение.

— О Джо Хилле я знаю только то, что он мертв, — сказал я. — Умер три недели тому назад в Вайоминге.

— Но мистер Бойд! — Девушка взяла револьвер за дуло и постучала рукояткой меня по переносице. — Я уверена, что вы знаете и еще кое-что... Давайте попытайтесь вспомнить.

— Думаю, что больше ничего сказать не могу. — Слезы текли у меня по лицу. Мне было не только смешно, но и больно.

— Подержи-ка! — Девушка сунула отцу револьвер. По-

сле этого она развязала мой галстук и расстегнула рубашку.— Сейчас принесу из кухни нож. Этот петушок сразу упадет в обморок, как только увидит свою кровь.

Решительным шагом, покачивая бедрами, она удалилась из поля моего зрения. Я взглянул на Бейли, но его вид отнюдь не взбодрил меня.

— Мистер Бейли,— сказал я осторожно,— я говорю вам сухую правду. Джо Хилл мертв. А о вашей жене я вообще ничего не знаю. Если ваша милая дочурка вернется из кухни с ножом и начнет вырезать на моей груди инициалы, я зарычу и буду рассказывать вам все, что угодно, но правдой это не будет.

— Если он мертв,— медленно произнес он,— то зачем вы поместили объявление в газете?

— Потому что надеялся посредством этого напасть на след его партнеров.

— С какой целью?

— У меня есть клиентка, которая должна получить от них деньги. И если я смогу их найти, то, по ее мнению, она сможет оказать на них давление.

— Кто его партнеры?

— Их трое,— ответил я.— Двое мужчин и одна девушка. Я знаю их имена, но сомневаюсь, что они подлинные.

— Опишите их,— потребовал он.

— Высокий блондин, который много смеется. Темноволосый, лет тридцати, стройный. Девушке лет двадцать пять, с короткой прической и зелеными глазами.

— Возможно, он не лжет,— сказал Бейли куда-то позади меня.

— Может быть.

Девушка появилась снова. Я обрадовался, увидев, что ножа у нее нет. Она вытащила мой бумажник из куртки и просмотрела.

— Частный детектив,— сказала она несколькими секундами спустя.— С нью-йоркской лицензией. Наверное, ты прав, отец.

— Тогда развяжи его,— сказал он.— Может быть, что-нибудь выпьете, мистер Бойд?

— Бурбона двойную порцию,— сказал я.

— Мы ничего не имели против вас, мистер Бойд. И не поймите нас неправильно,— развязав меня, проговорила Вирджиния.— А насчет ножа — это была только шутка!

— Я так и понял,— ответил я, вставая и разминая затекшие руки. После этого я застегнул рубашку и поправил галстук.— Просто вы очень любите шутки.

— Речь идет о жене моего отца,— тихо сказала она.— Он уже два месяца ничего о ней не слышал.

— И боюсь, что ее уже нет в живых,— добавил Бейли.

— Этим он хочет сказать, что, возможно, ее убили,— пояснила дочь Эдвина Бейли.

Глава 3

— Как-то мы проводили уик-энд в Лас-Вегасе,— сказал Бейли.— Поиграли немного в карты и рулетку. И однажды за нашим столом оказался Джо Хилл. Ему повезло. Он выиграл несколько сот долларов и настоял на том, чтобы мы все отпраздновали этот выигрыш. А на следующий день он представил нас своим партнерам, вернее, партнеру, который был такого же высокого роста, как и Джо, смеялся так же, как и он, но было у них и различие. В возрасте. Он наверняка был лет на двадцать моложе Джо...

— И вас,— сказал я.

— И меня...— Бейли отпил из своего бокала.— Меня не особенно беспокоило то обстоятельство, что он в следующие дни стал приударять за моей женой Пэтти, и это было моей ошибкой. Однажды Джо и его партнер пригласили нас на вечер к себе в отель. И там через какое-то время я отключился. Позднее я понял, что мне что-то подсыпали в стакан. Я проснулся только на следующее утро в своей собственной комнате и совершенно один. Чувство у меня было такое, словно моя голова раскалывалась.

— Вполне понятно,— нетерпеливо сказал я.— И после этого вы отправились на поиски своей жены?

— Да, но я нашел только Джо Хилла,— сказал он.— Я чуть не довел его до слез. Тем не менее он передал мне письмо от жены, в котором она сообщала, что ушла с другом и что нет смысла искать ее, потому что я никогда ее не найду.

— Но вы тем не менее попытались это сделать?

— В то время — нет.— Он облизнул свои толстые губы.— Добрый старик Джо представил меня еще одному своему партнеру — стройному темноволосому парню. И очень немногословному. Тот сказал, что знает, где может находиться моя жена и ее дружок, и спросил меня, не хочу ли я проехаться с ними.

— В то время мой отец еще был доверчивым человеком,— вставила дочь,— и согласился поехать.

— Это оказалось чуть ли не на краю света,— продолжал Бейли.— Маленькая хижина, затерянная в пустыне, не менее чем в ста милях от Лас-Вегаса. И не успели войти мы в хижину, как они сразу набросились на меня. Обобрали до нитки в буквальном смысле этого слова. Потом притащили из машины стальную цепь, на которой с обеих сторон были наручники, один конец они прикрепили к стальному стержню на веранде, а другой — к моей конечности. После этого они помахали мне рукой и укатили, не оставив даже еды и питья. Я подумал, что они просто оставили меня там подышать с голоду, но ошибся. Через два дня они появились снова.

— Отец всегда любит подчеркивать в людях их гуманную сторону,— добавила Вирджиния Бейли.

— Приехали они на двух машинах. Машина, взятая напрокат, предназначалась для меня. Они даже вернули мне одежду. Но они сказали, что свою жену я больше никогда не увижу. Она безумно втюрилась в своего нового любовника, который на двадцать лет моложе меня и, естественно, не такой импотент. Они также добавили, что, с моей стороны, было бы глупостью искать Пэтти или причинять кому-либо неприятности. А потом сунули мне целую кипу фотографий и сказали, что когда я буду особенно остро ощущать потерю жены, надо будет только взглянуть на эти фото.— Бейли допил свой бокал и поставил его на стойку.— Может быть, ты расскажешь ему об этих фото, дорогая? — обратился он к дочери.

— Я тогда подумала, что отец и Пэтти веселятся в Лас-Вегасе и что им там очень хорошо,— начала она неуверенным голосом.— А однажды вечером, часов в одиннадцать, когда я как раз собиралась спать, появились они... Джо Хилл и высокий блондин. Они представились друзьями моего отца и сказали, что только что прибыли из Лас-Вегаса. На меня они произвели приятное впечатление, и я пригласила их войти. Джо Хилл вытащил свой револьвер еще до того, как я успела захлопнуть дверь. После этого они провели меня в гостиную и сказали, чтобы я приготовила им выпить. Блондин стал устанавливать камеру и освещение. Они попросили меня быть любезной хозяйкой и немного попозировать им. Если же я откажусь, то они будут бить меня до тех пор, пока я не скажу «да». Этот Джо Хилл, который постоянно смеялся, внушал мне больше страха, чем блондин. Мне пришлось им уступить...

— В каких позах вас снимали?

— Сперва они заставили меня снять всю одежду, — жалобно проговорила она. — Вот я и стояла совершенно нагая, а Хилл прикладывал мне револьвер то к голове, то к груди, то к животу... и к другим частям тела... Потом я пришла к выводу, что они потешатся надо мной и убьют. Но они этого не сделали. Они даже позволили мне снова одеться и сказали, что в ближайшее время увидят моего отца и отдадут ему эти фото. Джо Хилл также добавил, чтобы я не забывала того чувства, которое испытала от прикосновения револьвера, ибо все может повториться, и тогда уже это будет серьезнее. И чтобы мой отец не делал глупостей, иначе будет совсем плохо.

— И они ушли?

— Они сказали еще, что я должна передать отцу, что речь идет о тридцати тысячах долларов. Наличные деньги, его кредитные карточки — все это исчезло. Исчезли также и те деньги, которые были на их общем счету — отца и Пэтти. Их Пэтти забрала из банка. И эти добавочные тридцать тысяч отец может наскрести, сказал Джо Хилл. Они, дескать, заблаговременно поинтересовались его финансовым положением.

Я взглянул на Бейли.

— И на этом все кончилось?

— Они все точно рассчитали, черт бы их побрал, — фыркнул он. — Как раз тридцать тысяч я еще мог наскрести. И это меня не разорило, хотя и причинило большой ущерб. Я не решился ставить жизнь своей дочери под угрозу. Но Пэтти все еще остается моей женой, и я хочу вернуть ее, эту подлую дрянью!

— Мой отец — мазохист, — с горечью сказала она. — Если я до нее доберусь первая, я выцарапаю ей глаза.

— А зачем вы позвонили мне в таком случае?

— Я посчитал, что любой, кто ищет Джо Хилла, должен иметь для этого веские основания, — сказал Бейли. — И если бы вы оказались другом этой банды, вы смогли бы мне сказать, где я могу ее найти. Но теперь я вижу, что вы тоже рискуете, начав игру. И может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь, не втягиваясь глубоко в это дело.

— Вы сказали, что Джо Хилл мертв, — сказала она и испытующе посмотрела на меня. — Это правда?

Я кивнул.

— Правда. Я как раз говорил вашему отцу, что разыскиваю его сообщников.

— И вы не знаете, где их можно найти? — спросила она. — Поэтому вы и дали объявление в газете, не так ли?

— Да...

— Но почему меня? — внезапно спросил Бейли. — Почему они выбрали именно меня из многих и многих сотен людей?

— Думаю, они тщательно выбирают свои жертвы, — высказал я предположение. — С одной стороны, люди должны быть состоятельные, а с другой — легко ранимые. У вас была молодая жена и молодая дочь.

— Но как, черт возьми, они вообще узнали о моем существовании?

— Понятия не имею, — буркнул я. — Судя по всему, Пэтти была второй вашей женой. Как долго вы были женаты?

— Почти два года.

— Где вы с ней познакомились?

— В клубе. А что?

— В каком клубе?

— В «Бейсайд-клубе». Есть такой сельский клуб. — Его густые брови нахмурились. — Послушайте, Бойд, уж не хотите ли вы сказать, что Пэтти с самого начала была в сговоре с ними?

— Не обязательно, — ответил я, — но такой вариант не исключается.

— Это Пэтти-то? — Его глаза стали еще более мрачными. — Вы с ума сошли, Бойд.

— А я считаю, что это первая умная сентенция Бойда с тех пор, как он здесь появился, — возразила Вирджиния.

— Опишите мне ее, — быстро сказал я, пока Бейли вообще не потерял терпения.

Секунд пять он в ярости смотрел на меня.

— Златовласая, маленького роста, стройная фигура и...

— Я принесу вам фотографию, — вставила девушка. — Это избавит моего отца от необходимости давать ее описание.

Она выскользнула из комнаты. Бейли мрачно посмотрел ей вслед.

— Иногда я просто удивляюсь, какой бес в нее вселился, — сказал он. — Раньше они с Пэтти были настоящими друзьями.

— Не забывайте, Бейли, что они все-таки в какой-то степени были соперницами?

— Соперницами? — фыркнул он. — Что вы хотите этим сказать, Бойд, черт вас возьми?!

— Не будем об этом...— устало сказал я.— Друзья Джо Хилла...— Ведь у них тоже были имена?

— Блондина звали Вилли, а черноволосого — Уолт.

— А фамилий они не называли?

Он пожал плечами.

— Вы знаете, как это бывает, когда знакомишься в Лас-Вегасе. Там формальности не соблюдают.

— И с тех пор вы больше ничего не слышали о них?

— Ни слова,— буркнул он.

Вернулась Вирджиния и протянула мне фотографию. Фото было цветное с пляжем на заднем плане и с голубым небом. Как и сказал Бейли, его жена действительно была златовласая — красивые, тигриного оттенка волосы ниспадали ей на плечи. Бикини, которое было на ней, ясно показывали, что это Венера в миниатюре. Пышные груди, тонкая талия, ноги тонкие, но красивой формы. Лицо мне ничего не говорило: пухлый рот, курносый нос, серо-голубые глаза. В общем, она мне совсем не понравилась.

— Могу я взять с собой это фото? — спросил я.

— Положите его под подушку, когда рядом с вами не будет женщины? — насмешливо спросила Вирджиния.

Раздался звук пощечины. Это Бейли не выдержал и залепил ей пощечину.

— Таких слов я ни от кого не потерплю! — глухо сказал он.— Даже от тебя!

Она испустила гортанный крик и выскочила из комнаты. Бейли повернулся ко мне спиной и начал орудовать в баре. У меня появилось чувство, что я здесь больше не нужен.

— Может быть, вы подскажете мне что-нибудь, что помогло бы мне найти ее? — спросил я его.

— Нет,— ответил он.— В данный момент ничего не могу сказать вам, Бойд. Если я что-либо припомню, я позвоню в отель.

— О'кей,— сказал я.— Большое спасибо за выпивку.

— Мне очень жаль, что мы с вами обошлись немного грубо,— сказал он.— Но мы должны были знать, на чьей стороне вы стоите.

Перед домом в машине сидела Вирджиния и безучастным взглядом смотрела куда-то вдаль.

— Это такси свободно? — спросил я.

— Садитесь,— сказала она.— Я отвезу вас обратно.

— Только не с такой скоростью,— попросил я.

— Можете идти пешком,— фыркнула она.— Мне все равно.

Но я все-таки решил сесть в машину, и она сразу же

сорвалась с места, как только Вирджиния нажала на педаль. Позади нас облаком поднялась пыль. Мне трудно сказать, как мы ехали и были ли в пути опасные мгновения, ибо всю дорогу я держал глаза закрытыми. А когда эта адская машина наконец остановилась, я с опаской приоткрыл глаза и увидел, что мы уже стоим на месте, перед отелем.

— Сейчас я отыщу место для машины, а потом вы можете пригласить меня на рюмочку,— сказала она.

— С удовольствием,— ответил я.— Буду ждать вас в баре.

Она покачала головой.

— Будет лучше, если мы пройдем в ваш номер. Надо поговорить. Закажите мне ромовый коктейль. Ведь этим напитком отель и славится, не так ли?

— В скорлупе кокосового ореха?

Я вел себя совершенно безответственно, когда заказал в баре два ромовых коктейля, бутылку бурбона и лед. Официант появился в номере буквально через пару минут. Я налил себе виски и задумался о том, где она найдет место для стоянки, но в следующий момент она уже постучала в дверь.

Войдя в комнату, Вирджиния набросилась на коктейль, словно птица после дальнего перелета, умирающая от жажды. Пока я закрывал дверь, она уже осушила добрую половину.

— Служащий на стоянке меня знает,— со злостью сказала она.— Но, видите ли, у него не нашлось для меня места. Каков подлец! Пришлось дать ему не один доллар, как всегда, а два!

— Сейчас сезон в разгаре, так что на стоянке действительно могло не оказаться свободных мест. А этим они пользуются.

— То, что вы сказали насчет Пэтти...— Она повернулась ко мне, и ее синие глаза засверкали.— Чем больше я над этим раздумываю, тем больше прихожу к выводу, что вы правы. Это она все выдумала. Поездку в Лас-Вегас, знакомство — и вообще все!

— Только одно не подходит для этой истории,— ответил я.— Для этого ей не обязательно было выходить замуж за вашего отца.

— А возможно, она устала жить со стариком, который ей в отцы годился, вот она и сговорилась со своими друзьями облапошить его в Лас-Вегасе.

— А у нее были друзья? — спросил я. — Кроме Джо Хилла и его партнеров?

— Она никогда об этом не упоминала. Говорила, что сама из Лос-Анджелеса, но никогда не рассказывала о том времени, — ответила Вирджиния.

— А в «Бейсайд-клубе», — продолжал допытываться я, — у нее были друзья?

— Думаю, нет. Она выезжала в основном вместе с отцом, без меня.

— А чем занимается ваш отец?

— Он маклер по земельным участкам. Попутно немного спекулирует, вкладывая капитал то в одно дело, то в другое. Обычно ему везет.

— А что вы можете сказать о себе?

Она допила свой первый коктейль и взяла вторую порцию.

— Я, собственно, не занимаюсь ничем. Отец дает мне достаточно карманных денег, и я в основном просто путешествую. — Взгляд ее синих глаз стал более мягким. — Бойд, я думаю, если вы найдете Пэтти, то найдете и остальных, которых ищете. И я с удовольствием помогу вам в этом.

— Чудесно, — сказал я. — Может быть, начнем с того, что заглянем в «Бейсайд-клуб»?

— Сегодня?

— Мы можем там поужинать.

— Хорошо, — быстро сказала она. — Я заеду за вами в восемь. — Она допила второй коктейль. — А потом, Бойд, я могу вас иметь на десерт?

Она одарила меня лучезарной улыбкой, слегка приоткрыв рот и обнажив белоснежные зубы. Затем дверь за ней бесшумно закрылась, и я спросил себя, с кем я имею дело — с призраком или реально существующим человеком.

Глава 4

В кафе отеля я пообедал с опозданием и вернулся в свой номер. Пришло время все тщательно обдумать, а это я могу делать только лежа на спине. Не успел я заснуть, как зазвонил телефон.

— Это Бойд? — прогремел в трубке мужской голос, так что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. — Бойд, который поместил объявление в газете?

— Именно тот,— подтвердил я.

— Я считаю, что это очень некрасиво с вашей стороны.— Мои перепонки опять чуть не лопнули от его раскатистого смеха.— Почему бы вам не поговорить со мной?

— Что-то не понимаю вас,— сказал я.— Да и кто вы, собственно, такой?

— Я хотел сказать, что если вы собираетесь встретиться с моими друзьями, то почему бы вам не встретиться и со мной?

— А кто вы такой?

— Джо Хилл!

— Откуда вы звоните? — спросил я.— Спрашиваю это из чистого любопытства.

— Нахожусь здесь, в Санта-Байе.

— Последний раз, когда речь зашла о вашей персоне, мне сообщили, что вас похоронили в Вайоминге. Как же вам удалось выбраться на свет Божий? Прорыли туннель?

— Кто-то зло подшутил над вами, Бойд,— весело сказал он.— Я жив и чувствую себя превосходно.

— Поздравляю! — сказал я.— А как себя чувствует Праймел?

— Праймел? — переспросил он удивленно.— Какая Праймел?

— Ну, хорошо,— сказал я,— у вас есть известия из Вайоминга?

— Конечно! Ковбои всегда дают о себе знать, не так ли? — Он раскатисто расхохотался, а я поспешно отвел трубку от уха.— А теперь послушайте, Бойд.— Он снова заговорил серьезно: — Мне, конечно, очень любопытно знать, зачем вы поместили объявление в газете и почему интересуетесь моими друзьями. Вы не хотите мне об этом сказать?

— Только не по телефону,— ответил я.

— Понимаю,— проговорил он быстро.— Так почему бы нам не встретиться и не выпить по рюмочке?

— Где?

— Сегодня после обеда у меня деловое свидание и раньше пяти я никак не вернусь. Может быть, встретимся в шесть? В пяти милях от города есть затрапезный бар, но с видом на океан. Поезжайте по шоссе в северном направлении и вы не минуете его. Напитки в баре отличные, и там мы сможем поговорить без помех.

— О'кей! — сказал я.

Он повесил трубку, а я какое-то время продолжал еще сидеть неподвижно — не каждый день приходится гово-

рить с мертвецами по телефону. Я находился в таком состоянии, которое врачи называют шоковым, поэтому мне нужно было как-то выйти из него — я вытащил сигарету и закурил...

Бар оказался действительно таким, как описал его человек, говоривший со мной по телефону — маленький, грязный, расположенный неподалеку от шоссе на проселочной дороге, но с великолепным видом на океан, если встать на цыпочки и вытянуть шею. Бармен был похож на боксера, выступавшего в прошлом в тяжелом весе. Вдобавок ко всему он успел уже ожиреть. Я подумал, что, наверное, именно для него сделали на полу дополнительное покрытие. Было около шести, в баре сидели два человека, приехавших по-видимому, издалека. Я заказал бурбон и присел к столику у окна, откуда открывался вид на дорогу. Первые минут пять никто не подъезжал, а потом перед баром с шумом остановилась итальянская спортивная машина. Она встала почти рядом с моей, взятой мною напрокат.

Из машины вышла девушка и не спеша направилась к бару. На ней была ядовито-зеленая шляпа, пуловер с широким вырезом и узкие джинсы. Из-под шляпы выбивались золотистые локоны и ниспадали на спину. Она была маленького роста и это еще больше подчеркивали ее пышные груди. Мне даже не надо было вынимать фотографию из кармана, чтобы узнать, кто это.

Двое, что сидели в баре, уставились на нее, разинув рты, а женщина направилась прямо в мою сторону.

— Мистер Бойд? — спросила она чувственным голосом.

— Да, это я.

— Джо Хилл попросил меня встретиться здесь с вами.

Она пододвинула стул и уселась напротив меня. Да, она очень была похожа на девушку с фото. Тот же курносый нос. И то же выражение глаз, только скорее они были серо-зелеными, чем серо-голубыми.

— Он что, отдал концы во второй раз? — поинтересовался я. — Иначе наверняка он сдержал бы свое обещание.

— Нет, с ним не случилось ничего серьезного. — Она улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки, но я тем не менее инстинктивно почувствовал, что мне лучше не иметь с ней дела. — Закажите мне что-нибудь выпить. Путешествие по этим дорогам всегда вызывает жажду.

— Что вы будете пить?

— Пиво... — Она подняла ресницы. — Я пью не особен-

но много, мистер Бойд. Иногда даже по той причине, что другие удовольствия не оставляют у меня на это времени.

Я повернулся в сторону бармена и понял, что мне совсем не нужно утруждать себя. Он стоял буквально у нашего столика и пожирал глазами мою собеседницу.

— Пиво для дамы и еще один бурбон для меня,— сказал я.

Он хрюкнул, это, наверное, означало, что он понял, и медленно направился к стойке.

— Джо попросил извиниться перед вами,— проговорила она.— У него все дела и дела.

— Да, это легко представить,— согласился я.— Ведь ему надо расплатиться с могильщиками, которые его хоронили.

— Вы смеетесь надо мной, мистер Бойд.— Она надула губки и с упреком посмотрела на меня.— Я пытаюсь говорить с вами серьезно, а вы шутите.

— Ну так что предлагает этот добряк Джо? — спросил я.— Может быть, наша встреча переносится на завтра или послезавтра?

— Он хотел пригласить вас на ужин,— сказала она.— Мы здесь немного посидим, а он тем временем съездит домой и переоденется. Вы согласны, Бойд?

— Звучит очень многообещающе,— ответил я.— Но как вы сядете за руль, напившись пива?

— Вы опять смеетесь?

Бармен принес заказ и с неохотой удалился. А я, всякий раз прижимая руку к телу, чувствовал свой револьвер и это придавало мне уверенности. Сам не знаю, что было со мной, но желудок мой странно реагировал на эту встречу.

— А где мы будем ужинать? — спросил я.— У Джо дома?

Она кивнула.

— Да это всего в двух милях отсюда. Вам там понравится, мистер Бойд. У Джо хороший вкус. И дом очень элегантный.

— Мы будем там втроем? — спросил я.

— Втроем,— ответила она глухо.— А когда вы покончите с разговорами, мы можем остаться и вдвоем.

— Вилли, Уолт и Фей сегодня, значит, заняты?

Она удивленно уставилась на меня.

— Вилли, Уолт и еще кто, мистер Бойд?

— Ладно, не будем об этом,— сказал я.— Вы можете называть меня просто Денни.

— Чудесно! — У нее снова появились ямочки на щеках. — Большое спасибо, Денни.

— А я вас буду называть Пэтти.

— Пэтти? — На этот раз взгляд ее выразил еще большее удивление.

— Ведь вас именно так зовут? Или я ошибаюсь?

— Откуда вы взяли?

Я вынул из кармана фотографию и показал ей. На этом ее мимический репертуар, казалось, был исчерпан. Она просто сидела и смотрела на фотографию.

— Пэтти Бейли, — сказал я. — Имеется в виду, конечно, ваше законное имя.

— Что ж, пусть будет Пэтти Бейли, — ответила она. — Что дальше?

— А что случилось с Вилли? — спросил я. — Ведь это ради него вы бросили своего супруга два или три месяца тому назад.

— Джо был прав, — задумчиво проговорила она и откинулась на стуле. — Он так и предположил, что старая горилла, мой муж, нанял вас для того, чтобы найти меня. Он сказал это, как только прочитал объявление... Ну хорошо, мистер Бойд, вы меня нашли. Задание выполнено! Можете вернуться к нему и сказать, что мне здесь живется неплохо. И пусть не воображает, что ему удастся меня вернуть. Он скорее превратится в космонавта, чем вернет меня. Да и от Джо передайте парочку слов. — Она нагнулась ко мне и заговорила тише: — Передайте, что на этот раз Джо посмотрит на такую историю сквозь пальцы. Не очень и страшно, когда по окрестностям шныряет сыщик-любитель. С такими людьми Джо справится в два счета. Но он рассердится, если тот попробует еще что-нибудь предпринять. И скажите ему, чтобы он не забывал о фотографиях. — Она снова откинулась на спинку стула. — Вы сможете все запомнить, мистер Бойд? Или ваша голова не создана для такого обилия информации?

— Я могу запомнить каждое ваше слово, — сказал я. — Надеюсь, вы тоже не страдаете плохой памятью, Пэтти?

— Плохой памятью? — Она сморщила носик, хотя и не должна была это делать, имея такой курносый нос.

— А какое отношение ко всему этому имеет моя память?

— Дело в том, что у меня есть дело к Джо, — сказал я. — Моим клиентом является не ваш супруг. Он только случайно повстречался на моем пути. А мой настоящий клиент полагает, что Джо Хилл мертв. — Я выждал не-

сколько секунд, но не для того, чтобы посмотреть, какой это произведет эффект, а чтобы самому собраться с мыслями.— Мой клиент пришел к выводу, что Джо Хилл умер не вследствие несчастного случая, а был убит своими тремя партнерами. И он нанял меня, чтобы я расследовал это дело. Но поскольку, как вы сказали, Джо Хилл жив и невредим, то мой клиент, значит, сильно ошибся. Вот это все вы и можете рассказать Джо Хиллу. И передайте ему также, что он сможет отделаться от меня только тогда, когда докажет, что он, Джо Хилл, действительно жив. Кроме того, он, естественно, должен доказать, что он и есть Джо Хилл!

— Он же вас пригласил на ужин! — медленно протянула она.

— Но я бы на этом ужине, судя по всему, его так и не увидел бы,— сказал я.— Угадал?

Она нерешительно кивнула.

— Да, вы правы... С вас бы просто стали сдирать шкуру и сдирали до тех пор, пока вы не рассказали бы, с какой целью ищите друзей Джо Хилла. Но потом Джо решил, что всему виной являюсь я, и что они избавят себя от многих трудов, если на встречу с вами отправлюсь я. Ну а вы нарушили все наши планы, понятно?

— Но Джо Хилл может все исправить — ему достаточно явиться передо мной и доказать, что он жив,— сказал я.— И не забудьте ему это передать. Конечно, если вам не понадобится вызывать его с того света.

— Я передам ему ваши слова, мистер Бойд. Но не думаю, что они его обрадуют.

— Очень приятно было познакомиться с вами, Пэтти,— сказал я, вставая из-за стола.— А чтобы я тоже остался в вашей памяти, разрешаю вам заплатить за напитки.

Ее реакция была молниеносной и совершенно неожиданной для меня.

— Пит! — прокричала она таким тоном, от которого у нормального человека кровь свернется в жилах.— Пит! Этот нахал только что оскорбил меня! Сделай что-нибудь!

Толстый бармен неожиданно стал очень подвижен. Он вытащил из-под стойки бейсбольную клюшку и направился в мою сторону, отрезав путь к двери.

— Пит — мой старый приятель,— со злостью прошипела она.— Теперь не избежать вам синяков и шишек. И надеюсь, это тоже заставит вас не забывать меня, мистер Бойд! — И она снова завизжала: — Он обливал ме-

ня такой грязью, Пит! А ты ведь знаешь, что я порядочная женщина!

— Не беспокойтесь, мисс Пэтти! — просопел бармен. — По голове он от меня получит! Может быть, это научит его хорошим манерам!

Тем временем я успел осознать, почему револьвер под мышкой не придавал мне чувства уверенности. Если я его выну, а эта глыба не пожелает остановиться, что тогда? Не вешать же себе на шею процесс за убийство? Тем более, что Пэтти и два клиента будут свидетельствовать против меня. Значит, нужно сделать какой-нибудь маневр, и для этой цели лучше всего подходила Пэтти. Я схватил ее на руки, с облегчением почувствовав, что весит она не более 120 фунтов.

— Лови! — прокричал я бармену и бросил ему визжащую женщину.

У него не осталось времени для раздумий, и я мысленно поздравил его с тем, что он пришел к правильному заключению. Если он хотел поймать Пэтти, то у него обе руки должны оказаться свободными и он должен выпустить клюшку. Вот он и выпустил ее, благополучно поймал Пэтти и самодовольно улыбнулся, полагая, что сделал доброе дело. Я быстро поднял клюшку и стукнул его разок по правой коленке. Он издал какое-то рычание и медленно осел на пол. К сожалению, он не додумался выпустить Пэтти из рук и очутился на ней. Ее визг сразу прекратился, поскольку Пит выжал из ее легких весь воздух. Я еще раз воинственно взмахнул клюшкой в воздухе и заметил, что двое приезжих сразу потеряли ко мне всякий интерес. Они повернулись к нам спинами и продолжали пить.

В семь часов я был в отеле, и до встречи с Вирджинией Бейли у меня оставался еще час. Вполне достаточно для того, чтобы принять душ и переодеться. Револьвер и кобуру я снова положил в тумбочку, ибо считал, что в добропорядочном сельском клубе он мне не понадобится. Потом я приготовил себе выпить и спросил себя, не слишком ли сложна вся эта история с Джо Хиллом. Я все еще думал над этим, когда зазвонил телефон.

— Мистер Бойд? — Это был все тот же нерешительный голос, который в десять утра повесил трубку, не ответив мне...

— Да, — сказал я.

— Вы не могли бы быть любезны и ответить мне честно на один вопрос, мистер Бойд?

— Попытаюсь, — осторожно проговорил я.

— Почему вы хотите войти в контакт с друзьями Джо Хилла?

Я понятия не имел, как разумнее ответить на этот вопрос, и поэтому сказал наудачу:

— Потому что они присвоили себе много денег одного друга.

Я ясно услышал ее облегченный вздох.

— Я могу вам помочь найти их, мистер Бойд, но боюсь. И вам тоже следует опасаться, потому что этим объявлением вы сделали себя мишенью.

— Это я и сам понимаю, — ответил я терпеливо. — Но был бы очень рад, если бы вы согласились мне помочь.

— Это будет опасно. И думаю, с моей стороны, будет честно предупредить вас об этом.

— Риск нужен в любом деле.

— По телефону я больше ничего не могу сказать, — быстро проговорила она. — Может быть, встретимся завтра?

— Согласен. Где и когда?

— У океанского побережья есть маленький ресторанчик, — сказала она. — Выполнен в стиле английской чайной. Туристы охотно посещают это заведение, потому что оно находится между двумя магазинами, торгующими антикварными вещами. Вы можете быть там завтра утром в одиннадцать?

— Конечно. А как я вас узнаю?

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Я сама вас узнаю. — С этими словами она повесила трубку.

Глава 5

Сельский клуб был таким же, как и все клубы подобного рода: нечто вроде роскошного кладбища для людей среднего достатка и среднего возраста, которые мнили, что чего-то добились в жизни. Мы поели в ресторане и полюбовались набравшимися виски игроками за карточным столом. Успели мы понемногу и выпить в каждом из трех баров. И опять вернулись в Мехико-бар. Я понял, почему он так называется — кто-то прибил на стену сомбреро. Этаким своеобразный символ. Мы сели в одну из ниш и заказали еще по порции. Когда я попробовал бурбон, мои подозрения подтвердились — он был разбавлен.

— Мне пришла в голову кое-какая мысль, — скучным

голосом произнесла Вирджиния, — что нам здесь совершенно нечего делать.

— Очень хорошая мысль, мисс Бейли, — согласился я. — Ваш отец, должно быть, мазохист, если он постоянный здесь посетитель.

— Я никогда не видела тут никого, кто бы хоть немного был похож на Джо Хилла. — И его друзьями здесь не пахнет, — сказала она. — Возможно, они здесь больше не бывают.

— Думаю, вы правы, — ответил я. — Давайте смоемся отсюда, пока мы еще не растеряли остатки благоразумия.

— Вирджиния, дорогая! — раздалось рядом сопрано. — Как приятно встретиться с тобой!

Вирджиния с недоверием посмотрела на меня своими голубыми глазами.

— Вы что, чревоушатель с женским голосом?

Но в следующую секунду она поняла, что я тут ни при чем — к нашему столу, словно лебедь, плыла статная брюнетка.

— О, извините меня, — сказала Вирджиния. — Это моя старая подруга Луиза Кларк, королева ненасытных нимфоманок! Будьте начеку, мистер Бойд, иначе она лишит вас девственности!

Брюнетка была добрых шести футов ростом и имела внушающую фигуру. На ней было закрытое длинное платье, которое само по себе должно было бы свидетельствовать о ее скромности, но белый материал, плотно облегающий фигуру и подчеркивающий все ее изгибы и переходы, создавал впечатление, что на подруге вообще нет платья. У нее были темные блестящие волосы с мужским пробормом сбоку. Рот большой, губы пухлые, а когда она улыбалась, ее зубы сверкали, как зубы хищника.

— Как чудесно, что мы увиделись, — сказала она Вирджинии и тесно прижалась к ней своими грудями, умудрившись бросить одновременно и мне зовущий взгляд. — И ты мне должна сразу сказать, кто этот привлекательный мужчина с тобой. Старомодная прическа и удивительный профиль — с ума можно сойти!

— Хватит с тебя и других, — отрезала Вирджиния, пытаюсь освободиться из ее объятий. Когда ей это удалось, она добавила: — Недавно я слышала, что ты вступила в ряды женщин, борющихся за эмансипацию, и обслуживаешь всех мужчин в городе, за исключением мэра.

— Вирджиния, дорогая, можешь не беспокоиться. На сегодня у меня уже есть мужчина, — ласково проворковала

брюнетка. — Роскошный импотентик из Лас-Вегаса! Разве это не божественно? Он пригласил меня провести с ним вечер и спросил, не могу ли я еще кого-нибудь взять с собой. Я оглянулась по сторонам и увидела тебя и твоего очаровательного мистера...

— Бойд, — представился я. — Денни Бойд.

— Божественное ирландское имя!.. Вы можете называть меня Луизой, Денни.

— Но недолго, — вставила Вирджиния. — Нам пора уходить. Денни, попрощайтесь, пожалуйста, с Луизой.

— Ты не можешь так со мной поступить, дорогая, — проворковала брюнетка, и в ее голосе послышались нотки искреннего отчаяния. — Уолт пошел организовывать вечер. И это будет отличный вечер, а не вульгарный, как здесь часто бывает. Будут несколько близких друзей, которые соберутся выпить по рюмочке. Уолт снял здесь особняк на Парадиз-Бич, так что нам никто не помешает. Вы можете делать все, что вам понравится. — Ее улыбка была обезоруживающе искренней. — Кроме того, Уолт хочет с вами познакомиться.

— Уолт? — спросил я осторожно. — А как его фамилия?

— Так хорошо я его еще не знаю, — весело заявила она. — К тому же всегда забываю фамилии мужчин — конечно, если не собираюсь выходить замуж. А Уолт для меня нечто вроде перелетной птички. — Она умоляюще посмотрела на Вирджинию. — Не отказывай мне, дорогая. Уолт будет недоволен, если тебя не будет. Он был просто очарован, когда услышал твое имя, ибо он уверен, что хорошо знаком с твоим отцом. Ведь твой отец был три месяца назад в Лас-Вегасе?

— Был, — глухо выдавила Вирджиния.

— А может быть, действительно отправимся туда, Вирджиния? — сказал я. — Там может оказаться очень весело.

— Вот видишь! Денни тоже считает, что это хорошая идея!

Брюнетка бросила мне лучезарную улыбку. Ее взгляд говорил, что для нее нет ничего более приятного, чем провести со мной неделю на необитаемом острове. А еще лучше — две. Такая мысль привела меня в превосходное настроение, и я повернулся к ней в профиль — сперва с одной стороны, потом — с другой.

— Ну, хорошо, — согласилась Вирджиния. — Где это находится?

— Последний дом перед песчаной косой, на Парадиз-Бич. Мимо вы не проедете. Кроме того, я вывешу большой плакат с надписью: «Добро пожаловать!» Вы только дайте мне четверть часа, чтобы я помогла Уолту все подготовить.

— Нам что-нибудь принести с собой? — спросил я.

— Только самих себя, дорогие! — Она послала нам воздушный поцелуй и, соблазнительно покачивая бедрами, поплыла из бара.

— Уолт... — выдавила Вирджиния. — Вы думаете, это тот самый Уолт?

— Со сколькими же Уолтами в таком случае познакомился ваш отец в Лас-Вегасе? — буркнул я.

— В таком случае это ловушка?

— Думаю, что да. — В логике я всегда был силен. — И чтобы выяснить это, имеется только один путь — поехать туда.

— А мне постепенно становится ясно, что в героини я не гожусь, — сказала она и попыталась улыбнуться. Но у нее ничего не получилось. — Ведь там могут быть и те, другие. Вполне достаточно Джо Хилла... Не говоря уже о высоком блондине. — Она даже задрожала. — Вы просто не можете себе представить, что тогда было, Бойд, когда я, нагая, стояла и чувствовала себя абсолютно беспомощной.

— Значит, вы пасуете, так я понимаю? — спросил я.

Она благодарно мне улыбнулась.

— Знаю, что, когда дело доходит до решительных действий, я пасую... Да, вы правы. Но не лучше ли спасовать вместе?

— Эти люди довольно ловки, — сказал я. — И приглашение через вашу подругу Луизу свидетельствует о том, что это именно они, а не другие. Или кто-нибудь один из них. Если бы они сейчас хотели нанести удар, они не стали бы действовать так щепетильно.

— Может быть, тогда вы поедете в моей машине, — предложила она, — а я возьму такси?

— Спасибо! — поблагодарил я. — А завтра я вам ее верну.

— Не беспокойтесь. Я приду в отель. Можете пригласить меня на обед. А я, если постараюсь, то сдержу свое любопытство до этого времени. — Она вынула из сумочки ключи от машины и протянула их мне. — Будьте осторожны, Бойд, — тихо сказала она. — Может быть, это и не надо говорить, но мне будет очень больно, если я найду вас убитым.

— Мне тоже будет очень больно,— согласился я.— Как мне попасть туда?

— Поезжайте в южном направлении. Тут всего две-три мили. А потом сверните направо. Не собьетесь. Летом съемщики этих коттеджей оставляют в городе огромные суммы.— Уголки ее рта внезапно опустились.— Но эти люди могут себе позволить такое. Они достаточно хорошо обобрали моего отца.

Стояла чудная ночь. Бархатное небо было усеяно звездами. Я опустил у машины верх и не спеша поехал, наслаждаясь такой ночью.

Последний особняк на улице светился как рождественская елка, и между гордым «линкольном» и скромным маленьким «порше» как раз оказалось место для моей машины. Дверь в дом была приоткрыта. Луиза сделала вывеску, как и обещала. На куске картона, который она приколола к двери, было написано:

«ДЕВЧОНКИ, ОСТАВЛЯЙТЕ ЗДЕСЬ СВОИ ТРИКО!
МУЖЧИНА, ПОТЕРПИТЕ ЕЩЕ ПАРУ СЕКУНД».

У меня сразу пересохло во рту. Я постучал и вежливо стал ждать. Через несколько секунд дверь распахнулась и на пороге возникла Луиза. Она посмотрела на меня таким взглядом, словно я был единственным для нее мужчиной в мире, и к тому же пришел без опоздания.

— Денни, дорогой! — страстно сказала она.— Как хорошо, что ты пришел! А где ты бросил свою милую Вирджинию? Только не уверяй меня, что она не захотела заниматься с тобой любовью прямо в машине, и поэтому ты бросил ее! Я все равно не поверю. Вирджиния делает это на профессиональном уровне.

— У нее внезапно разболелась голова,— сказал я.— Вот мы и подумали, что ей лучше отправиться домой, принять аспирин и лечь в постель.

— В постель? Одной? Как это скучно для маленькой девочки! — Она быстро подхватила меня под руку и втянула в дом.— Но как это волнительно для меня... То, что ты без девушки. Я ведь могу обращаться к тебе на «ты»?

Мы вошли в коридор, по одну сторону которого находились две спальни, по другую — ванная. Так, во всяком случае, я предположил. В конце коридора была расположена гостиная, откуда открывался вид на океан. Кресла и два дивана были из бамбука и покрыты яркими пушистыми подушками. Даже бар был из бамбука.

Человек у бара внимательно посмотрел на нас, когда мы

подходили к нему. Это был среднего роста брюнет, похожий на университетского профессора с редкой специальностью. Но в глазах его горели волчьи огоньки, что позволяло предположить, что профессия у него все-таки иная.

— Вы еще не знакомы друг с другом,— сказала Луиза.— Уолт, это Денни.

— Бойд,— сказал он.

— Карсон,— сказал я.

— Что? — Луиза удивленно посмотрела на нас.— Так, значит, вы знаете друг друга?

— Во всяком случае, мы уже слышали друг о друге,— сказал Карсон.— Что будете пить, Бойд?

— Бурбон.

Он налил мне бурбон в бокал и спросил:

— А Вирджиния не придет?

— У нее внезапно разболелась голова,— ответила Луиза.— Так мне, сказал Денни. Придут еще два человека, и тогда компания будет в полном сборе. К сожалению, у нас мало девушек.— Она секунду помедлила.— Мне предпринять какие-нибудь шаги в этом направлении, Уолт?

— Ни к чему,— ответил он небрежно.— Хотя и очень жаль, что Вирджиния не смогла прийти. Мы здорово повеселились с ее отцом в Лас-Вегасе. Я надеялся, что она тоже любит компании.

— Голова у нее разболелась на нервной почве,— сказал я.— Она не хотела вмешиваться в это дело.

— Понимаю,— он налил себе виски.— Вы долго пробудете здесь, Бойд?

— Думаю, что достаточно долго,— ответил я.

Кто-то постучал в дверь, Луиза взвизгнула от радости и побежала встречать гостей. Я отпил немного бурбона и терпеливо ждал, что последует дальше.

— Вы ведь могли мне просто позвонить,— наконец сказал я.— К чему весь этот маскарад?

— Какой маскарад? — Он пожал плечами.— Просто я хочу приятно провести вечер.

Луиза вернулась с новым гостем. Мужчина был высокий, крепко сложенный, блондин. И я был уверен, что он любит много смеяться. Спутница его обладала роскошными золотыми волосами — Венера в миниатюре. Как я уже знал, ее звали Пэтти.

— Ну вот,— сказала Луиза,— теперь общество в полном сборе.— Это Денни Бойд,— представила она меня.— А этих милых людей зовут Пэтти и Вилли.

— Мы уже сегодня встречались,— холодно сказала Пэтти.

— Хэлло, Бойд! — радостно поздоровался со мной Вилли.— Пэтти мне рассказывала, что вы сделали с этим толстым барменом. Здорово.— И он расхохотался.

— У меня до сих пор синяки не прошли,— фыркнула Пэтти.— А когда я уезжала, Пит все еще хромал и очень боялся за свое колено. Если находишь это смешным, то я желаю тебе, чтобы ты умер со смехом!

Уолт громко засопел, а потом взглянул на Луизу.

— Пахнет чем-то горелым. Это не из кухни?

— Может быть, перекалилась пустая сковорода,— спокойно ответила она.

— А я уверен, что где-то что-то горит.— Он снова повел носом.— Может быть, ты сходишь и посмотришь? И заberi с собой малышку Пэтти. Она просто незаменима в тушении пожаров.

— Ты что, издеваешься надо мной? — Луиза положила руки на бедра.— Здесь распоряжаюсь только я. В отношении закусок, разумеется.

— Это была просто шутка, дорогая! — Пэтти взяла ее под руку.— Мужчины хотят поговорить...

— Только не всю ночь,— бросила Луиза.— Иначе я покончу с собой.

Дверь за ними закрылась, а Вилли прошел за стойку бара. Широкоплечий, высокий, с открытой улыбкой, он, казалось, был всем хорошим другом.

— Джо подумал, что на нас вас напустил бывший муж Пэтти,— сказал он.— Хотя от этого старика трудно было ожидать такой прыти. Но сегодня вы сказали, что ваш клиент не он, а кто-то другой. И мы подумали — или вы имеете действительно другого клиента, или просто темните.

— Мне позвонил человек,— неторопливо начал я,— и сказал, что его зовут Джо Хилл. Я ответил этому человеку, что, по моим сведениям, Джо Хилл умер по меньшей мере три недели назад, а тот ответил мне, что он еще никогда в жизни не чувствовал себя лучше, и договорился со мной о встрече. Но вместо него я встретился с маленькой Пэтти.

— Я же вам сказал,— терпеливо повторил Вилли,— что мы хотим узнать, кто ваш клиент. И если бы клиентом был старик Бейли, то Пэтти смогла бы это легко выяснить и передать через вас, что она больше не хочет иметь с ним ничего общего. Но вы так и не ответили на мой вопрос, Бойд. У вас действительно другой клиент?

— А вы так и не ответили на МОЙ вопрос: Джо Хилл жив или умер?

Я сконцентрировал все свое внимание на Вилли, который показался мне и более сильным и более опасным, но это было ошибкой. Профессор ударил меня сзади бутылкой по голове, и я мягко осел на колени. Повторилась постыдная для меня сцена, которую я пережил со стариком Бейли и его доченькой Вирджинией. Но Вилли, добрая душа, пришел мне на помощь. Он поднял меня за отвороты куртки и пригвоздил к стойке бара. Профессор тем временем вспомнил, что когда-то прошел курсы первой помощи пострадавшим, схватил сифон и пустил мне струю в лицо. Мне показалось, что я тону и вот-вот захлебнусь... Только почему никто не смеется? — промелькнуло у меня в голове.

— Скажите нам, кто вас сюда послал, и все будет в порядке, — сказал Вилли.

— Жив Джо Хилл или умер? — проговорил я сдавленным голосом. — И если он умер, то почему вы хотите убедить меня в том, что он жив?

Вилли покачал головой, и лицо его омрачилось. Подняв руку, он нанес мне удар в солнечное сплетение.

— Мне надоели ваши идиотские шутки, Бойд, — заметил он усталым голосом. — Если вы мне сейчас же не скажете, кто ваш клиент, я займусь вами по-настоящему.

— Это я скажу Джо Хиллу, — пробормотал я, скривившись от боли. — И больше никому!

— Последний удар был только предупреждением, Бойд, — сказал он. — Если я займусь вами как следует, вы попадете на операционный стол!

— Пусть он поговорит с Джо! — неожиданно вмешался профессор, — не все ли равно, кому он скажет, нам или ему.

— Возможно, ты прав, — согласился Вилли. — Я заберу его с собой. А Пэтти поведет машину.

— Я тоже поеду, — поспешно сказал Уолт. — Я хочу присутствовать при этом разговоре.

— Ты останешься здесь развлекать эту нимфу, — раскатисто пробасил Вилли. — Ведь это она была инициатором вечеринки. Ты что, забыл?

Он схватил меня за куртку, оттащил от бара и убедился, что при мне нет оружия. Все тело мое болело, и мне трудно было стоять на ногах. Уолт взял серебряные шипчики и бросил кубики льда в бокал. После этого он налил туда изрядную порцию бурбона.

— Надеюсь, вы не откажетесь выпить, Бойд? — спросил он.

Я вытер лицо и, сделав несколько глотков, почувствовал себя лучше, но не намного.

— Ты займешься нимфой,— повторил Вилли.— Сходи с ней погулять. А когда вернетесь, нас здесь уже не будет.

— А как я объясню ей ваше исчезновение? — поинтересовался Уолт.

— С такой женщиной объясняться излишне,— ответил Вилли.— Просто бросишь ее на спину, задерешь юбку поверх головы, поднимешь...

— У нее есть одно свойство, о котором ты и не подозреваешь,— недовольно перебил его Уолт.— Она никогда не перестает говорить. Никогда! Создается впечатление, что ты имеешь дело не с женщиной, а с транзисторным приемником. Послушай, Вилли, я ведь могу...

— Иди и делай, что сказано! — приказал Вилли.— А когда вернусь, похлопочу, чтобы ты получил орден за боевые заслуги.

Уолт обошел бар и с застывшим лицом вышел из комнаты, даже не закрыв за собой дверь.

Вилли не спеша наполнил свою рюмку. Он снова выглядел таким доброжелательным, как и вначале, и мне даже захотелось извиниться перед ним за то, что он был вынужден меня поколотить. Тем более, что он совсем не испортил мне профиля, хотя бил довольно сильно.

— Когда мы встретимся с Джо, вы все ему расскажете, Бойд? — спросил он.

— Во всяком случае, я готов вести переговоры,— осторожно ответил я.

— Чудесно! — проговорил он.— Поместив объявление в газете, вы встали в центр событий этого дела. Надеюсь, вы это понимаете?

— Конечно! Я знал, что оно подействует.

— И тем не менее это свидетельствует о том, что вы мало знаете о деле. Иначе вы так не поступили бы. И ваш клиент тоже недостаточно знает об этом. Видимо, он только нащупывает следы.

— Все может быть.— Я пожал плечами.— Когда я смогу увидеться с Джо Хиллом?

— Сперва нужно сделать так, чтобы Уолт убрал эту нимфу,— ответил он.— Пейте, Бойд. Это лучше, чем ехать в санитарной машине на травматологический пункт.

Дверь открылась, и появилась златокудрая Пэтти. Она хмуро посмотрела в нашу сторону.

— Судя по всему, Уолт утащил Луизу куда-то. Что дальше?

— Ты отвезешь меня и Бойда,— сказал Вилли.— Он хочет поговорить с Джо Хиллом. Я тоже думаю, что для этого пришло время.

— Ты что, с ума сошел? — Ее губы сжались в тонкую линию.— Ты же знаешь, что это невозможно!

Впервые за то время, как я попал сюда, в комнате создалась минута напряженного молчания, и это позволило мне отхлебнуть большой глоток бурбона, который сразу наполнил мою плоть теплом.

— Так, значит, он все-таки мертв? — спросил я.— Вы меня обманули, мальчик Вилли?

— Ну, хорошо,— буркнул он,— будем говорить в открытую. Вашего клиента зовут Тайлер Морган, и он поручил вам выяснить, жив Джо Хилл или нет. Не так ли?

— Это ВАШЕ предположение,— ответил я.— Это все, что могу сообщить.

— Он вам сказал, что выяснить этот факт можно только у нас. Но он не знал, где мы находимся. Он предположил, что мы можем быть в Санта-Байе. И вот вы нас нашли. А теперь делаете неправильные выводы, потому что Пэтти не может держать свой длинный язык за зубами. Скажи это ему Пэтти!

— Что? — Она ядовито посмотрела на него.— Я вообще не знаю, о чем идет речь!

— Ты просто скажи, почему это невозможно. И быстро!

— Я не хочу, чтобы со мной обращались таким образом, Вилли,— сухо произнесла она.— И мне совсем не понравилось, как ты изволил выразиться о моем языке. Попроси меня вежливо и любезно, и тогда я, может быть, ему скажу.

Он не спеша приблизился к ней и даже элегантно ударил по лицу тыльной стороной ладони. На какое-то мгновение мне показалось, что голова у нее оторвется от шеи. Она описала немыслимый пируэт и шлепнулась на пол.

— Не люблю глупых шуток,— мягко сказал Вилли.— Ну а теперь быстро выкладывай.

— Я сказала, что это невозможно, потому что... ну, потому что Джо здесь нет. Я имею в виду в Санта-Байе. Ему внезапно пришлось уехать в Неваду или еще куда-то.

— Далекую поездку он предпринял, не правда ли, Вилли,— заметил я.— Угроздило же его отправиться в Неваду!

— Я думаю, что мы можем отправиться в маленький

домик, который есть у меня в горах,— сказал Вилли.— Там вы будете нашим гостем, пока Джо не вернется.

— Блестящая идея! — ответил я.— Но только для этого у меня сейчас нет времени.

Он сунул руку под куртку, вытащил пистолет и направил его на меня.

— Насколько я знаю, у вас очень и очень много времени, Бойд,— с улыбкой сказал он.

Глава 6

Этот домик мог бы быть хорошим местом отдыха в летнее время, но только для определенной категории людей, а не для меня. Теперь я понял, почему первые переселенцы так торопились строить города — в деревянных хижинах они просто бы сошли с ума. В домике была гостиная с камином, возможно, спальня, кухня и, к счастью, ванная с водой.

Вилли достал бутылку виски и три рюмки и приказал Пэтти приготовить напитки. Та все еще казалась испуганной, вела машину к домику довольно осторожно и отвечала только тогда, когда Вилли с ней заговаривал. До сих пор у нее остались красные пятна на лице.

— Тут не так уж роскошно,— сказал Вилли тоном радушного хозяина,— но вполне прилично.— Ближайший дом находится только в миле отсюда. Можете кричать сколько хотите, вас все равно никто не услышит.

— Вы напоминаете мне человека из старого анекдота, Вилли,— сказал я,— который все делает самым тщательным образом. Например, совокупляется со своей подружкой, стоя в гамаке.

— И, вдобавок, качаясь...— подала голос Пэтти, но тут же поперхнулась и принялась готовить напитки.

— Я не понимаю вас, Бойд,— сказал Вилли.

— Начните хотя бы с того момента, когда Джо нарушил свое обещание,— начал я.— Если бы вместо Пэтти на встречу приехали вы, то смогли бы мне сказать, что Джо Хилл уехал в Неваду и встретится со мной позднее. Я бы этим и довольствовался. Но нет, вы должны были сперва послать Пэтти, а потом инсценировать вечеринку. Потом вся эта комедия с Уолтом, а теперь приезд сюда... Вы очень обстоятельно все делаете, Вилли.

— Вы сами знаете, как иногда бывает,— ответил он.— Не всегда же все хорошо получается.

— А теперь вы хотите держать меня здесь, пока не вернется Джо Хилл?

— Очень рад, что вы об этом спросили.— Он с улыбкой посмотрел на меня.— По дороге сюда я все еще раз обдумал. И знаете, что пришло мне в голову, Бойд?? Что мир вполне может обойтись и без вас.

— Возможно,— согласился я,— но это чертовски не понравится Тайлеру Моргану.— В тот же момент я мысленно задал себе вопрос, а кто же это такой? — Как-никак, а он нанял меня специально для того, чтобы выяснить, жив Джо Хилл или умер. И если найдут мой труп до того, как я сумею дать ему ответ, его подозрения усилятся.

— Он хочет от вас только одного, Бойд, правдивого ответа. Морган ненасытен и в настоящее время считает, что его ожидают большие деньги. Он даже слышит, как они шуршат. Поэтому он будет доволен, если получит правильный ответ хотя бы в письменной форме...

— Значит, я должен написать ему письмо?

— А вы действительно догадливы, Бойд. Силенок у вас маловато, то в уме вам не откажешь. Вы напишете ему письмо, в котором будет говориться, что Джо Хилл, естественно, жив и здоров и что все бразды правления находятся у него в руках. Морган так обрадуется этому сообщению, что даже пришлет вам подарочек, в этом я уверен.

— А потом вы меня уберете из этого грешного мира?

— Нельзя же всегда выигрывать, Бойд!

— Но до тех пор, пока я буду отказываться написать такое письмо, я буду жить,— сказал я.— Об этой возможности вы тоже, надеюсь, подумали, Вилли?

— Все зависит от обстоятельств,— ответил он.— У каждого человека есть своя граница, до которой он переносит боль. Если у вас эта граница стоит далеко, то это займет у вас немного больше времени. Вот и все.

Он встал, держа револьвер в руке, и по его лицу расплылась широкая улыбка. Пэтти бросила на него робкий взгляд и решила, что уже может взять свою рюмку. Вилли жил в мирке, где насилие было нормой, а все остальное — детская игра. И тем не менее я понимал, что на дешевой философии я далеко не уеду. Не говоря уже о том, что все это дело начинало действовать мне на нервы. Сначала Вирджиния ударила меня револьвером по макушке, потом Уолт Карсон использовал для этой же цели бутылку.

Я должен был отсюда выбраться. Только как это сделать? Трюк, который я применил в состязании с толстым барменом, здесь не пройдет — Вилли, не раздумывая, вы-

пустит всю обойму в свою Венеру в миниатюре, когда она будет еще в воздухе. Его нужно было как-то отвлечь, но сделать это было не так просто. Для этой цели имелась только златокудрая Венера.

— Я бы с удовольствием чего-нибудь выпил, — сказал я.

Он взял со стола рюмку и подал мне. Я небрежно выпил ее и покосился на почти еще полную бутылку.

— Жаль, что я так и не познакомился со всеми вами, — проговорил я с огорчением.

— Со всеми?

— Ну, да... С отсутствующим звеном вашего трио. С Фей... С девушкой, у которой зеленые глаза и красивая фигура. Она что, тоже умерла, как и Джо Хилл?

— Фей? — переспросил он тихо и улыбка застыла на его губах. — Кто вам рассказал о ней?

— Пэтти, — ответил я. — Сегодня днем в этом затрапезном баре. Она сказала, что вы всегда работали втроем, пока Джо Хилл был вашим руководителем и не оказался лишним.

— Это ложь! — фальцетом выкрикнула она. — Я ничего ему не говорила! Он лжет, Вилли! Он пытается...

— Заткнись! — приказал Вилли. — Продолжайте, Бойд!

— Пэтти сказала, что если у меня есть хоть капля рассудка, я должен исчезнуть из Санта-Байи — естественно, пока я еще жив. Джо Хилл встал вам поперек дороги, поэтому вы его и убрали, инсценировав несчастный случай. Она также сказала, что с удовольствием убежала бы от вас, но только боится, что вы рано или поздно нападете на ее след.

— Это ты рассказала ему о Фей? — спросил Вилли тихим голосом.

— Я ничего ему не рассказывала о Фей! Клянусь! — в отчаянии закричала она. — Я делала то, что ты мне приказал.

— Выходит, что мне Джо Хилл об этом сказал? — вставил я.

— Я уже не раз говорил, что у тебя слишком длинный язык! — набросился на нее Вилли. — Только не подозревал, что он такой длинный! Пора делать выводы...

Он снова ударил ее тыльной стороной ладони по щеке, и не успела она отлететь от удара, как получила по другой. Реакция Вилли была похожа на реакцию кобры. Я подумал: «Теперь, или никогда!» Ибо все его внимание было

обращено на Пэтти. Мне нужно было начинать левой рукой и действовать быстрее, чем он.

Схватив бутылку, что стояла на баре, я размахнулся и выбил оружие из его руки. Второй удар произвел буквально в ту же секунду, целясь в висок. Сила удара заставила его на два шага отступить назад, но он скорее был удивлен, чем оглушен или ранен.

Тем не менее среагировать он не успел — я ударил его носком ботинка по коленке, а на голову со всей силы опустил бутылку с виски. Она даже просвистела в воздухе. Он упал с таким грохотом, что я побоялся, что не выдержит пол этого домика. Но все обошлось. Напоследок я заехал ему ногой по виску. Он перевернулся на живот и затих.

«Уж не пришиб ли его до смерти?» — подумал я, но потом решил, что это, собственно, не имеет значения. Я поднял с пола револьвер и увидел, что Пэтти словно превратилась в соляной столб и неподвижными глазами смотрит на меня.

Я схватил ее за руку и поволок к двери.

Когда мы подбежали к машине, оказалось, что ключи от зажигания торчали на месте, поэтому мне было легко посадить ее рядом с собой и запустить двигатель. Несколько минут мы ехали в полном молчании, а потом она испустила горестный вздох.

— Ни звука! Или я высажу тебя, и ты пойдешь пешком! — гаркнул я.

— Теперь вы мне совсем не будете верить. И они тоже. Я просто не знаю, куда мне деться. Ведь они меня прикончат...

— В этом я совсем не уверен, — прогремел я. — Если вы не притихнете, убью вас! И причем в ближайшие пять минут!

Она кончила причитать и засопела. Это я посчитал известным прогрессом.

— Не знаю, как это у него получается, но Бейли все еще надеется вас возвратить, — сказал я. — Ведь вы его жена.

По неизвестной мне причине она снова завывала. Я постепенно начал понимать Вилли. Видимо, с ней можно иметь дело только в том случае, если время от времени приводить ее в чувство пощечинами.

— Вы сами виноваты во всем, — сказал я. — Если бы вы в Лас-Вегасе вели себя разумнее и не попались бы на удочку Вилли, ничего бы не было.

— Не думала я, что вы настолько глупы,— прохныкала она.— Неужели вы думаете, что я сделала это добровольно?

— Так по какой же причине?

— Они знали обо мне все, начиная с самой маленькой детали с момента моего рождения,— с горечью сказала она.— Все наказания, какие я получала от полиции за проституцию, порнографию, фото, пилюли и всякое другое. Практически они имели досье на меня с именами, датами и цифрами. Что мне оставалось делать? Они поставили меня перед альтернативой: или я буду с ними, или они пошлют досье Бейли... Я вам говорю, что там были и фото, Бойд. Великолепные фото! Любого мужчину сведут с ума, не только супруга!

— А может быть, нам лучше начать сначала? — сказал я.— Как вы стали женой Эдвина Бейли?

— Просто он сделал мне предложение, и я подумала, что у него найду больше уюта и защиты, чем вообще когда-либо имела в своей жизни. Я приехала сюда, потому что не могла жить в Лос-Анджелесе. Все мне там опротивело. Я знаю, это звучит не очень убедительно, но я действительно хотела начать новую жизнь. И я получила место в ресторане. Эдвин приходил туда обедать три раза в неделю. Так мы и познакомились.

— А потом вы вышли за него замуж, и жизнь показалась вам безоблачной и розовой. А потом вы попали в Лас-Вегас, тут-то и началось...

— Все было бы даже еще лучше, если бы не его противная дочь. Она невзлюбила меня с самого начала и продолжала меня ненавидеть, несмотря на все мои усилия поладить с ней.

— Ну а как было в Лас-Вегасе?

— Я получила там много удовольствия,— ответила она.— Эдвин был очень милым, просто великолепным. А когда мы познакомились с Джо Хиллом, я нашла, что он очень хороший человек, только немного одинокий, поэтому и согласилась выпить с ним рюмочку. А на следующий день появился Вилли! Судя по его поведению, он сразу влюбился в меня, но это меня мало беспокоило. Наоборот, мне это было приятно. Как я была глупа! Ведь когда я выходила замуж за Эдвина, то поклялась себе его никогда не обманывать. Никогда! А на следующий день Вилли показал мне досье.— Ее голос зазвучал глухо.— У меня не было выбора, Бойд. Если бы Эдвин увидел

досье, для него это было бы еще хуже, чем то, что я бросила его.

— Итак, вы подсыпали Бейли снотворное в стакан, а когда он пришел в себя, вы с Вилли были уже далеко, — сказал я. — Что произошло потом?

— Мы поехали в Санта-Байю, — ответила она, — и Вилли сказал, что теперь я буду принадлежать их группе. У них была большая квартира за чертой города. Дня три или четыре спустя появились Джо Хилл и Уолт. Они были очень довольны собой, сказали, что вытянули из Бейли тридцать тысяч и что это оказалось очень просто сделать.

— А что случилось с Фей?

— Я никогда ее не видела, — ответила она. — Они часто ее упоминали в разговорах, но мне так и не довелось ее встретить. Они говорили, что Фей ловко одурачила Бейли, и все над этим потешались.

— И что было потом?

— Мы оставались в этой квартире пять или шесть недель, — сказала она. — Они часто отлучались и говорили, что это опасно, если я тоже буду выходить, ибо Бейли или его дочь могли меня обнаружить. Жилось мне в это время совсем неплохо. Я готовила на всех и выполняла домашнюю работу... Оказывала услуги и Вилли... — Она вся передернулась. — В нем вообще нет ничего человеческого, могу вас уверить в этом. Джо Хилл и Уолт — это подонки, но все-таки люди. А Вилли...

— Они брали вас с собой в Вайоминг?

— В Вайоминг? — Казалось, она была удивлена моим вопросом. — Если они и ездили туда, то не удосуживались мне об этом сказать. — Она мгновение помолчала. — Но, видимо, прошла целая неделя, когда они оставили меня одну в пустыне...

— В пустыне? — переспросил я.

— В крошечном домике в миллионе миль за краем света, — тихо сказала она. — Они оставили мне еды и питья и сказали, что если я буду экономна, то хватит на неделю. Потом они взяли длинную цепь и...

— Прикрепили один конец к железной подпорке, а другой к вашей ноге? — добавил я.

— Откуда вы знаете?

— Потому что то же самое они проделали с Эдвином Бейли. Но ему повезло, он находился в этой хижине только двое суток.

— Временами мне казалось, что я сойду с ума, — продолжала она. — По ночам я слышала за окном шорохи и не

знала, люди это или звери. А в последние два дня я уверилась в том, что они больше не вернутся, и хотела покончить с собой, но не смогла.

— Когда вы видели Джо Хилла в последний раз?

— В тот день, когда они оставили меня в пустыне. Через неделю Вилли и Уолт вернулись и забрали меня. Они сказали, что у Джо Хилла дела в Неваде и он вернется позднее. После этого они отвезли меня в Санта-Байю.

— В то же жилище?

— Нет.— Она покачала головой.— Начиная с этого момента, мы все время были в пути. Две ночи провели в одном мотеле, потом — в другом. Мне это казалось странным, но я не отваживалась спросить.

— А где они живут в настоящее время?

— В домике на побережье,— сказала она.— Что мне теперь делать, Бойд? К Уолту я вернуться не могу. Если я ему расскажу, что случилось сегодня, он мне не поверит. А у меня вся одежда только та, что на мне, да долларов тридцать в сумочке. Кроме того, если я попытаюсь скрыться, они меня все равно найдут. Я в этом уверена.

Она снова заплакала беззвучно и попыталась подавить слезы. Так плачут маленькие девочки, у которых разбилась любимая кукла.

— Поедете в Вайоминг,— сказал я.

— Что?

— Я дам вам двести долларов, чтобы вы смогли добраться туда. Там они не будут вас искать.

— В Вайоминг? — повторила она.— А где это находится?

— Сядете в автобус и доедете до Рено,— сказал я.— А там спросите, как добраться до Вайоминга. В Неваде каждый знает, где он расположен.

— А куда мне ехать дальше?

— Поедете в городок под названием Ларами, спросите, как добраться до увеселительного ранчо «Сухая глотка». Там вы отыщете девушку по имени Праймел и скажете, что вас послал Бойд. Сообщите ей также, что я живу в «Старлайт-отеле» в Санта-Байе, что я нашел то, что мы ищем, и что она должна мне позвонить.

— А вы не обманываете меня, Бойд? — спросила она в отчаянии.

— Двести долларов докажут вам, что я говорю серьезно.

— В конце концов, они меня все равно найдут,— сказа-

ла она. — Так не все ли равно, где умирать — в Вайоминге или здесь. Правда?

— Что вы знаете, о Тайлере Моргане? — спросил я.

— Немного, — ответила она. — Для меня это только имя, не более. Они часто упоминали его при мне, но говорили всегда недомолвками. Я думаю, что он для них нечто вроде нового Эдвина. Может быть, это вам поможет.

— Может быть...

Я высадил ее на автобусной станции. Автобус на Рено отправлялся рано утром. Достал бумажник, отсчитал двести долларов и дал их Пэтти. Она положила деньги в сумочку, даже не сказав спасибо, и исчезла в стороне дамского туалета. Я проводил ее взглядом, надеясь в душе, что она доберется до ранчо «Сухая глотка». Как-никак, а этим я сэкономлю деньги на телефонный разговор.

Я остановился на некотором расстоянии от отеля, там, где стоянка была запрещена, и остаток пути прошел пешком.

Глава 7

В одиннадцать часов английская чайная была так переполнена народом, что яблоку было негде упасть. Создавалось впечатление, что сюда собрались все матроны из Санта-Байи, чтобы обсудить, как им уничтожить мужскую половину рода человеческого. Я проскользнул внутрь, робко спросил, нет ли свободного столика, и, наконец, получил место в самом углу — видимо, ядовито улыбнувшаяся официантка не хотела, чтобы я находился в поле ее зрения. В красочном меню было почти все, что душе угодно, начиная от английских хлебцов и кончая датским сыром. Я заказал кофе и стал терпеливо ждать, тем более, что разрешил себе выкурить первую за день сигарету.

Синяки давали о себе знать, на них даже действовал шум голосов, а потом послышался голос, который перекрыл все другие.

— Денни! — взвизгнуло где-то неподалеку от моего уха. — Денни Бойд! Что ты делаешь в этой конюшне?

Внезапно наступила полная тишина, и матроны повернули головы в мою сторону. Я почувствовал, что у меня голова сама собой втягивается в плечи. Действительность оказалась хуже, чем кошмар. Ко мне устремлялась Луиза Кларк. На ней была ярко-красная узкая блузка, четыре верхние пуговицы которой были расстегнуты. Но меня

шокировала не эта деталь, а то, что под блузкой у нее ничего не было. Эта блузка вместе с джинсами из кожи свела бы с ума даже самого хладнокровного мужчину. А действие гардероба Луизы на матрон произвело еще более сильное впечатление. Я услышал неодобрительное перешептывание, возгласы возмущения и со страхом ждал момента, когда они бросятся на нее и разорвут в клочья.

— Денни, дорогой! — сказала Луиза так громко, что ее могли услышать в Лос-Анджелесе. — Вот уж совсем не думала встретить тебя здесь. Не знала, что твоей тайной страстью является чай с английскими хлебцами. Думала, что ты специализируешься на рыжих с большими сиськами!

Я издал слабый стон, но она тем не менее села за мой столик.

— Неужели надо говорить так громко, чтобы все слышали? — умоляюще пробормотал я. — Не успеешь оглянуться, как эти дамы сорвут с тебя корсеты и посадят нас на раскаленную сковороду.

— Ты что, Денни?.. Вот уж не думала, что ты такой нервный.

— Это не нервы, — сказал я. — Это нечто более серьезное. Страх перед смертью! Правда, у меня есть отговорка — у меня здесь назначено свидание. А у тебя найдется отговорка?

— Мир тесен, не правда ли? — сказала она небрежно.

— Мадам будет что-нибудь заказывать? — сухо спросила официантка.

— Мадам хочется кофе, — ответила Луиза. — И мадам желает получить его немедленно, не более чем за шестьдесят секунд. Мадам очень нервная особа, и если она недовольна, то визжит и топает ногами... и вцепляется официанткам в волосы... Надеюсь, мадам выразилась достаточно ясно?

Официантка исчезла. Видимо, она поняла, что совершила ошибку и подошла слишком близко к клетке с тигром. А во мне впервые проснулось нечто вроде уважения к Луизе.

— Значит, у тебя здесь тоже свидание? — задал я глупый вопрос. — Ты сказала, что мир тесен или что-то в этом роде.

— Я же не знала, что встречу тебя вечером, — ответила она. — Это все организовал Уолт Карсон. Если бы я знала об этом раньше, мне не нужно было бы звонить тебе

в отель. Как бы то ни было, а вчера мы немного познакомились.

— Значит, это ты мне звонила? — с удивлением спросил я. — Таким робким голосом говорила?

— Это обратная сторона моей личности, — ответила она. — Под грубой оболочкой иногда может скрываться и робкая девочка. Не часто, но бывает.

Официантка принесла кофе и удалилась еще быстрее, чем прошлый раз.

— А куда ты девался вчера вечером? — спросила она.

— Это все идея Вилли, — ответил я. — А он такой человек, которому нельзя ответить «нет».

— А я спрашивала себя, что там у вас произошло, когда Уолт настойчиво стал мне предлагать прогуляться по пляжу. Я заранее знала, что ничего путного из этой прогулки не получится — ведь он импотент. Или выдает себя за такого.

— А что тебе нужно от меня?

— Во-первых, кое-какие сведения. — Она пригубила кофе и скривила лицо. — Я часто спрашиваю себя, как они умудряются варить такой невкусный кофе? Может быть, они сперва кипятят в этой воде свое нижнее белье?

Я отставил свою чашку.

— Какие тебе нужны сведения?

— Ты сказал, что хочешь найти друзей Джо Хилла, потому что они должны деньги одному из твоих знакомых. Они его обманули, как ты сказал.

— Собственно говоря, речь идет о моей клиентке, — ответил я. — Я — частный детектив. — Вынув из кармана свою лицензию, показал ей. Она никак не среагировала на это.

— У меня есть друг, — сказала она. — И мне кажется, что они собираются поступить с ним также.

— Тайлер Морган? — спросил я.

— Значит, ты уже знаешь?

Я отрицательно покачал головой.

— Слышал только имя, вот и все. А какое отношение ты имеешь к этой истории?

— Тайлер — хороший мой друг, — ответила она. — И к тому же советчик во все моих капиталовложениях. В настоящее время у него есть большая задумка — разумеется, финансовая, — от которой он ждет очень многого и хочет, чтобы и я приняла участие в этой операции. Даже не столько хочет, сколько нуждается во мне. В дело нужно вложить по меньшей мере сто тысяч, иначе ничего не

выйдет. Тайлер может набрать только пятьдесят и надеется, что другие пятьдесят получит от меня. Вначале речь шла о некоем Джо Хилле с его друзьями Вилли и Карсоне. Но сейчас, кажется, Джо Хилл куда-то исчез. Его партнеры говорят, что он очень занятый человек и в настоящее время находится по делам в Неваде, а наше дело может подождать. А мы между тем спрашиваем себя, участвуем ли мы в деле или нет. Срок истекает через два дня.

— Что это за дело? — спросил я.

— Что-то связанное с земельными участками, — ответила Луиза. — Некий человек по имени Куттер продает неподалеку от города двадцать тысяч квадратных метров осушенной земли. Сперва он купил ее, вырыл там сточные канавы для осушения и тут с ним произошли неприятности. Кажется, его финансисты потеряли всякий интерес к нему и к его делу. Они сказали, что Санта-Байя — это просто курортное место и такого притока населения, какого ожидает он, здесь не будет. Они заявили также, что в Санта-Байе деньги гораздо легче делать другим способом. Просто выколачивать их из туристов и довольствоваться этим. Вот теперь Куттер и сидит на мели со своими дорогостоящими планами и не знает, откуда может получить финансовую поддержку. И он готов отказаться от дела и потерпеть кое-какие убытки. Ему срочно нужны деньги.

— А что планирует Джо Хилл и его партнеры? — спросил я. — Надеюсь, они не собираются строить поселок?

— Понимаешь, в чем тут дело, — сказала она. — Все дело в одном супермотеле, который собираются построить. С плавательным бассейном и с маленькими лодками на канале. Если туристам предложить такую роскошь, то они спросят себя, зачем им нужно быть тогда на побережье или пляже. Зачем им тогда проделывать эту трудную дорогу на пляж по жаре, когда все их желания могут исполниться и здесь, в мотеле?

— Звучит великолепно, — сказал я.

— Джо Хилл решил, что мы сможем забрать эту землю за 250 тысяч долларов. И он был готов заплатить сто пятьдесят. От Тайлера он ожидает остальные. Но мы должны спешить, пока кому-нибудь другому не придет в голову эта выгодная идея и Куттер не найдет другого покупателя. Тебе понятно, Денни?

— И потом вы должны будете построить мотель и бунгало?

— И найти для этого еще большие деньги, — сказала

она. — Джо Хилл уверен, что он может получить деньги в Неваде, когда земля уже будет приобретена.

— Если что-нибудь сорвется? — спросил я. — Если, например, Джо Хилл с сожалением возвестит вам, что он совершил большую ошибку и что он не сможет достать в Неваде денег?

— Тогда я и Тайлер окажемся в таком же положении, в котором сейчас находится Куттер. Тогда нам придется продавать землю, конечно, если найдется покупатель.

— Вы, должно быть, плохо знаете такие дела, если считаете, что Джо Хилл может достать деньги. Ведь тут речь идет о миллионах.

— О, у него очень много друзей в Неваде и знакомых финансистов, которые могут ссудить его деньгами. Он нам показывал письма. И планы составлены. Джо Хилл очень хорошо все продумал. Мотель можно ввести в строй уже через полгода. Даже если все нам окажется и не под силу, то через полгода мы сможем выгодно продать этот участок вместе с мотелем и удвоить наши затраченные средства.

— И ты за свои пятьдесят получишь сто?

— Денни, — сказала она с наигранным ужасом, ты как-то мелко мыслишь. Он считает, что удвоится весь капитал. Если мы возьмем у финансистов пять миллионов, то продажная цена участка будет десять миллионов. Мы возвратим пять, а остаток, за вычетом расходов, поделим между собой.

— Это самая большая афера, о какой я когда-нибудь слышал, — сказал я.

— Другие это делали до нас, — ответила она. — В деле есть, конечно, большой риск, потому что все может пойти не так, как ты думаешь. Для этого нужны смелые и решительные люди. Да и тем должно немного повезти, но наметки очень хорошие. Мотель должен оправдать себя. Я только задаю вопрос, если это дело такое выгодное, то почему они связываются со мной и Тайлером из-за каких-то ста тысяч?

— Мне хочется знать еще вот что, — сказал я. — Сколько вообще может стоить этот добряк Тайлер? Я имею в виду, сколько из него можно выкачать? Не совсем ободрать его до нитки, а так, чтобы немножко осталось?

— Тайлер — мелкий делец, — медленно ответила она. — И он вкладывает свои деньги в небольшие предприятия, которые приносят ему пятнадцать тысяч годового дохода.

— А сколько можно из него выжать? Самое большое?

— Тысяч семьдесят пять? — Она ненадолго задумалась. — Если бы он смог вложить все сто тысяч, то зачем ему нужно было приглашать меня в качестве партнера.

— А у тебя?

— О, Денни, Денни — специалист по нескромным вопросам. — Ее глаза внимательно посмотрели на меня. — Я рано вышла замуж, Денни. За удивительного и сумасшедшего молодого человека. А каков он был в постели! Мечта! И он любил секс. Но еще больше он любил летать. И вот однажды, когда он выделял фигуры высшего пилотажа, его самолет попал в яму, упал на землю и взорвался. Грег был довольно богат — во всяком случае, богаче, чем я думала, — и все состояние досталось мне. Часть в ценных бумагах, которые приносят мне доход двадцать тысяч в год. Остальные я получила наличными. С помощью Тайлера я два или три раза вкладывала эти деньги в дело и всегда успешно. Я ему очень благодарна за это и сейчас не хотела бы бросить его на произвол судьбы. Короче говоря, если наскрести как следует, у меня будет тысяч восемьдесят.

— А секреты в шкафу есть?

Она раскрыла глаза от удивления.

— Что, черт возьми, означает это выражение?

— Какие-нибудь тайны в твоей жизни? Что-нибудь из твоего прошлого, о чем никто не должен знать?

— Нет, — ответила она решительно. — Единственный мой недостаток — это то, что я люблю спать с мужчинами. Но мне абсолютно наплевать, будут знать об этом люди или нет. Я полагаю, что мои друзья и так это знают.

— А как насчет Тайлера?

— Тайлер — милый маленький человечек. Лет шестидесяти, лыс и близорук. У него ужасная жена, которой он отдает все деньги, а та тратит их только на то, чтобы приобрести уважение в высших кругах. Тайлер не курит, пьет мало и, я думаю, самое большое удовольствие для него — смотреть фильмы по цветному телевизору с участием Дорис Дей.

— А он пытался спать с тобой?

— Конечно, — сказала она с горькой улыбкой. — Но я ему отказала. Сказала, что будет нечестно по отношению к его жене, если мы переведем наши деловые отношения в такое русло.

— И как он среагировал?

— Ему пришлось смириться.

— А те часто появлялись, когда началась афера с

земельным участком? — спросил я. — Не Джо Хилл, а его партнеры? Я их имею в виду...

— Даже слишком часто, — ответила она.

— Это хорошо для развития личных взаимоотношений, не правда ли? Уолт Карсон — для тебя, а Пэтти — для Тайлера Моргана.

Ее лицо словно окаменело.

— С такой стороны я на это дело еще не смотрела.

— Вот, послушай, — сказал я, — сейчас они знают о вас, может быть, даже больше, чем вы сами. Они проследили за вашей жизнью, начиная с того момента, когда вы были еще в пеленках. И если даже они ничего не нашли порочащего, то все равно постараются сфабриковать какое-нибудь дело против вас.

— Ты считаешь, что я должна выйти из этого дела?

— Нет, — ответил я. — Ведь ты и так уже их боишься. Ты дважды звонила мне в отель, прежде чем решиться встретиться со мной здесь.

— Значит, они могут принять решительные меры, если я сделаю попытку выйти из этого дела?

— Решительные — это слишком мягко сказано.

Она тяжело задышала.

— Так что же мне делать, Денни?

— Куттер дал согласие на участок Джо Хиллу и его партнерам?

— Этого я не знаю.

— Поговори с Тайлером Морганом и спроси его об этом. В обед я сегодня занят — у меня встреча. Но во второй половине дня я свободен. Ты разрешишь мне прийти к тебе? Скажем, в пять?

— Конечно, Денни! Я живу на Марина-драйв, 32.

— Отлично! — сказал я. — Ты давно знаешь Вирджинию Бейли?

— Несколько лет. А что?

— Ты слышала, что ее отец вторично женился?

— Слышала. Я как-то завела на эту тему разговор с Вирджинией, но она не захотела распространяться.

— А ты встречалась с его новой женой?

— Нет. — Она покачала головой. — Эдвина Бейли я не видела уже несколько месяцев.

— Даже в клубе?

— С тех пор, как женился, он не показывался в клубе. По этому поводу члены клуба даже шутили, что он, дескать, занимается со своей молодой женой всякими штучками. А до этого Бейли там бывал каждый вечер.

Видимо, клиентами мы были никудышными в чайной. Это можно было заметить по лицу официантки, которая с хмурым видом поглядывала на нас. Внезапно это заметила Луиза, и в глазах ее появился странный блеск.

— Я ничего не имею против, — сказала она достаточно громко, чтобы ее могли все услышать, — я ничего не имею против того, что они кипятят в кофе свое нижнее белье, но уж тогда они должны употреблять другой стиральный порошок. Ведь этот ужасно пенится!

Глава 8

Незадолго до часа в моем номере отеля появилась улыбающаяся Вирджиния. На ней были узкие джинсы и шелковая рубашка вышитая узорами. Волосы у нее были как всегда растрепаны, и ворвалась она в комнату словно торпеда. Будучи предусмотрительным, я заказал в баре два ромовых коктейля, и она сразу отпила пару глотков и лишь потом повернулась ко мне.

— Ну, выкладывайте, Бойд, — сказала она, переводя дыхание. — Что там было на вчерашнем вечере? Все до малейшей детали! И не щадите меня... Лишила вас девственности Луиза? И если да, то сколько раз?

— Собственно, это и вечером-то назвать нельзя, — сказал я. — Он кончился, не начавшись.

— А Уолт? — быстро спросила она. — Это оказался тот Уолт?

— И тот Вилли, — ответил я. — А поскольку вы не пришли, там не хватало одной девушки. Но, как я уже сказал, вечера не получилось, поэтому беда невелика.

— Не хватало одной девушки, потому что не пришла я? — Она задумалась. — Значит, кроме Луизы, там была еще одна?

— И причем блондинка, — сказал я. — Невысокая и очень хорошо сложенная. Нечто вроде мини-Венеры.

— Пэтти! — У Вирджинии был такой вид, будто у нее изо рта вот-вот появится пена. — Это дерьмо все еще продолжает портить воздух в Санта-Байе? Ну и нервы у нее!

— Она пришла с Вилли, — сказал я. — И не думаю, что получила от этого удовольствие.

— Если она когда-нибудь попадется мне, я ее так разукрашу, что ни один мужчина больше не взглянет на нее! — с гневом сказала она.

— Мы ездили в горы,— продолжал я.— Втроем: Вилли, Пэтти и я. У него там есть небольшой деревянный домик. Особенно уютным его не назовешь. А Уолт остался развлекать Луизу.

Какое-то мгновение она смотрела на меня отсутствующим взглядом.

— Что там у вас случилось?

— Вилли захотел, чтобы я написал письмо своему клиенту и подтвердил в нем, что Джо Хилл жив и чувствует себя прекрасно. А после того, как я напишу письмо, Вилли посчитал, что мне больше нет надобности жить на этом свете.

— Я слышу ваши слова, Бойд, но смысл их ускользает от меня,— сказала она.— Повторите еще раз!

— Вилли хотел меня убить после того, как я напишу это письмо,— терпеливо пояснил я.— Вы же знаете: он церемониться не будет.

— Да, я отлично это знаю,— беспомощно проговорила она.— А что было потом?

— Я его пристукнул,— скромно ответил я.— В основном бутылкой. Но удар ногой в висок тоже был хорош!

Она раскрыла рот от удивления и простояла так довольно долго.

— Ну а потом? — выдавила она.

— Я посадил Пэтти в машину и отвез ее в Санта-Байя. Я должен был оказать ей эту маленькую услугу, чтобы вернуть свой долг. Имея некоторые сведения, я преподнес их Вилли таким образом, что он подумал, будто это Пэтти мне их разболтала.

— И что стало с Пэтти?

Я пожал плечами.

— Я высадил ее в Санта-Байе, и она куда-то исчезла.

Она молча смотрела на меня какое-то время, потом облизала кончиком языка верхнюю губу.

— Вы что, дурачите меня, Бойд?

— никоим образом,— ответил я.

— Ведь, судя по вашему рассказу, вы могли бы и убить Вилли?

— Этого я не знаю,— ответил я.— Не удосужился проверить, как он себя чувствует.

Она энергично потрясла головой.

— Я просто не могу переварить всего этого. И что теперь будет?

— Будем обедать...

— Я имела в виду: каковы ваши планы теперь?

— Если Вилли не отдал концы, то он наверняка будет искать меня,— сказал я.— А если Вилли мертв, то Уолт рано или поздно обнаружит это и тоже бросится по моим следам.

— И вы собираетесь просто сидеть и ждать их появления?

— Сознаюсь, что идея эта весьма неудачная, но лучшей я пока что не могу придумать.

— Мне кажется, вы просто сошли с ума,— сказала она.— Каким образом вы сможете вернуть деньги вашему клиенту, действуя так.

— Мне нужно время, чтобы собрать материал на них, а потом я просто передам их в руки полиции,— ответил я.— Они, разумеется, не захотят этого и пойдут на компромисс, то есть вернут деньги.

— А когда они вернут деньги, вам на остальное наплевать?

— Да,— ответил я.

— Даже если они и дальше будут обманывать людей и терроризировать моего отца?

— Если я передам их полиции, то, может быть, мне кто-нибудь и скажет спасибо. Но мой клиент не хочет мести, он хочет только вернуть свои деньги.

— Вы действительно самый аморальный тип, которого я знаю! — с убеждением сказала она.

— Возможно,— согласился я.— А когда вы покончите со своим коктейлем, мы можем спуститься пообедать.

— Меня сейчас воротит от еды,— прошипела она.— Раньше я видела в вас нечто вроде героя, а теперь лак сполз...

— И проглядывает ржавое железо, не так ли? — Я с ухмылкой посмотрел на нее.— Значит, вы не поможете мне отыскать труп?

— Труп? — Она судорожно сглотнула.— Какой труп?

— Труп Джо Хилла, разумеется,— сказал я.— Он мертв. В этом я уверен на сто процентов. Вилли и Уолт пытаются уверить всех, что он еще жив. Вилли даже позвонил и говорил мне от имени Джо Хилла. Судя по всему, они его убили.

— С какой целью? — спросила она.— Ведь они были партнерами!

— Кто знает? — ответил я.— Может быть, Джо Хиллу надоело это дело, а может быть, они просто позарились на его деньги.

— Вы с ума сошли! — сказала она.— Я допью кок-

тейль, потому что очень хочу пить, и исчезну из этого номера. И мне кажется, нам нет смысла больше встречаться, Бойд.

— А вы не хотите знать, где ваша машина?

— Моя машина? А что с моей машиной?

— Стоит внизу перед отелем.

— Каким образом вы ее получили?

Она посмотрела на меня таким взглядом, словно я действительно потерял рассудок.

— Луиза позвонила мне сегодня утром и сказала, что я могу ее взять. Она стоит перед ее домом. Она сообщила также, что вы ушли вчера вечером с кем-то другим, а Уолт привез ее домой в моей машине.

— Я спросил просто так,— проговорил я устало.— Так, значит, я вам нужен в поисках Джо Хилла?

— Конечно, нет! — Она вдруг вся затряслась.— У вас такой несносный характер, Бойд.

— Может быть, вы еще измените мнение,— возразил я.— Кстати, давайте лучше пообедаем вместе.

— Нет! — Она свирепо уставилась на меня.— Я же сказала, Бойд, что не хочу больше вас видеть!

Она с шумом захлопнула дверь за собой, и я, выждав несколько минут, спустился в ресторан пообедать. После еды вернулся в номер и вынул из ящика револьвер. Я посчитал, что недооценил своих противников и не хотел больше рисковать. Около трех вышел из отеля и взял со стоянки свою машину. До встречи с Луизой Кларк оставалось еще добрых два часа, а день был такой роскошный, что просто грех не поехать на побережье.

Домик казался необитаемым, когда я подъехал, но «порше» все еще стоял там. Я подошел к входной двери, позвонил, вынул из кобуры револьвер и взял его в правую руку. Дверь распахнулась, и передо мной стоял профессор и щурился от яркого солнца. Я по-дружески ткнул ему в пузо дуло револьвера и ободряюще улыбнулся.

— Хэлло, Уолт! — сказал я.— От Вилли есть какие-нибудь новости?

— От Вилли? — Он заморгал глазами.— Со вчерашнего вечера его не видел и ничего о нем не слышал. А что?

— Просто любопытно,— ответил я.— А вы уверены, что в домике его нет и что он не лечит свои шишки какими-нибудь мазями и притираниями?

— Конечно, уверен! А что случилось, Бойд?

— Дружеский визит, небольшая беседа, больше ниче-

го,— сказал я.— Может быть, мы пройдем в дом? — Я ткнул его револьвером поглубже в живот.

Проверив тщательно комнату за комнатой, я убедился, что ни малейшего следа пребывания Вилли нет. Я не думал, что пришиб его до смерти — такого человека, как Вилли, трудно убить сразу. Но, возможно, он там, в горах, мучается с небольшим сотрясением мозга. И это пойдет ему только на пользу.

— Я уже сказал вам, что Вилли здесь нет,— буркнул Уолт.— Может быть, вы уберете с глаз эту проклятую пушку?

— Хорошо! — согласился я и сунул револьвер в кобурю.— Я поразмыслил на досуге и пришел к выводу, что, возможно, не с того начал дело.

— Что вы имеете в виду? — выдавил он из себя.

— Вначале я предположил, что Джо Хилла убили вы с Вилли,— сказал я.— Поэтому и начинаете нервничать, когда произносится его имя. Но есть и другой вариант: Джо Хилл просто исчез, и вы не знаете куда.

— Ну и что?

— И вы наверняка его искали. И теперь тоже должны отыскать. Ведь Тайлер Морган должен быть уверен, что Джо Хилл жив и невредим, не так ли?

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — раздраженно бросил он.— Джо находится в Неваде по своим делам. Через несколько дней он вернется.

— Вчера Вилли потребовал от меня, чтобы я написал письмо Тайлеру Моргану, в котором бы уверил его, что Джо Хилл жив,— сказал я.— А после этого он хотел меня прикончить, поскольку я ему больше не был нужен. А не проще все-таки вызвать из Невады Джо Хилла?

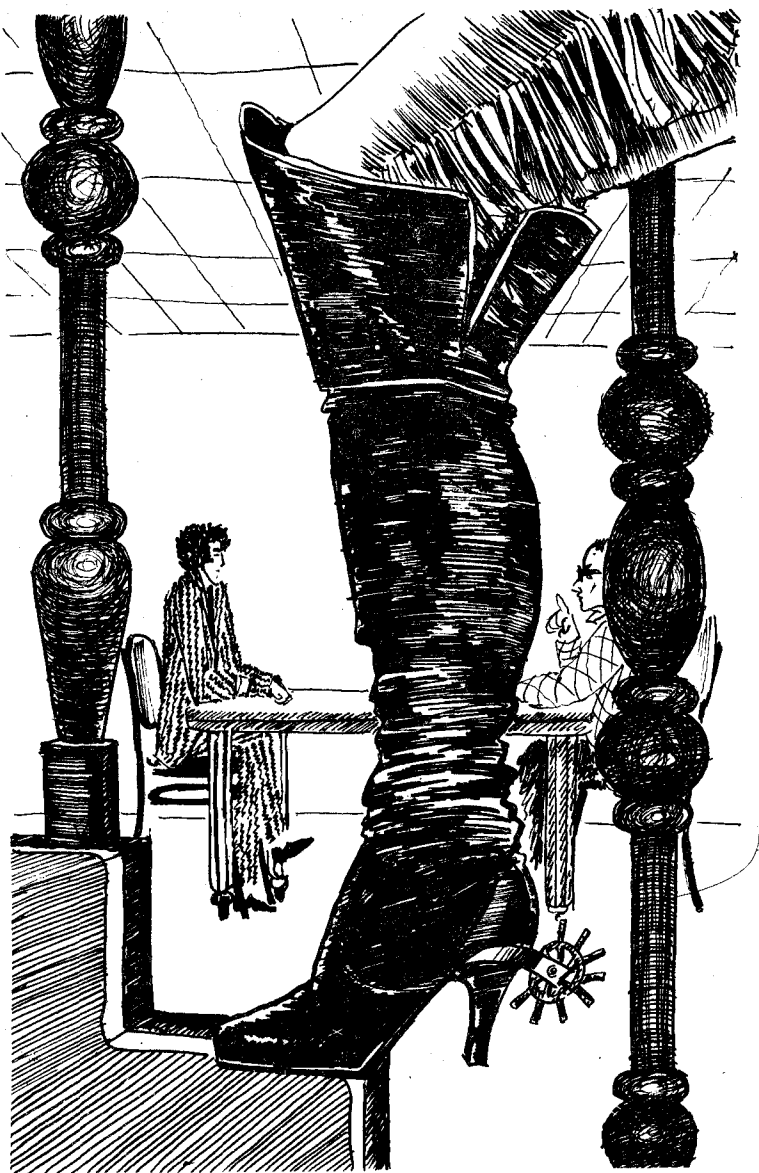
— Если Вилли сказал, что хочет вас убить и не убил, то считайте, что вам чертовски повезло, Бойд,— проговорил он.— И не испытывайте чересчур свое счастье. Исчезните и забудьте о том, что здесь произошло. Тогда вы спокойно можете дожить до старости. Но если останетесь здесь и будете нам мешать, мы уберем вас с пути. Обещаю вам это!

— А Фей у Джо? — спросил я небрежно.

Его лицо нахмурилось.

— Фей? Не слыхал такого имени...

— Пэтти вчера укатила в заоблачные дали,— продолжал я.— Так что вам придется искать ей замену. Ведь какая-нибудь дама должна поддерживать тонус Тайлера Моргана?

— Вы действительно нагородили здесь чуши,— ответил он.— Но я не могу воспрепятствовать этому.

— Мне опять приходит в голову имя Джо Хилла,— продолжал я решительно.— Самый современный образец обманщика. И он сколотил недурную группу — вы, Фей и Вилли. Все одного пошиба. И ваш девиз: насилие! Не так ли?

Он громко и протяжно зевнул.

— Пусть будет по-вашему, Бойд.

— Такой человек, как Джо Хилл,— продолжал я.— имеет жизненный опыт. В самом разнообразном значении. Возможно, что у него даже есть где-то семья.

— Это у Джо-то? — Уолт откинул голову назад и рассмеялся.— Разумеется, у него восемь жен и две сотни ребятишек!

— Джо был хитрым человеком,— сказал я.— И об этом никому из вас не говорил ни слова. И никто не знает, где у него живет семья. Поэтому вам его и не найти.

Внезапно Уолт стал прислушиваться к моим словам.

— Если вы и дальше хотите фантазировать,— сказал он,— воля ваша. Я не могу вам помешать.

— Это хорошая мысль для бессонных ночей,— продолжал я.— Как в старом фильме ужасов. Жил когда-то человек по имени Джо Хилл, а теперь вы его не можете найти. Возможно, где-нибудь живет сын Джо Хилла. Он вас знает, а вы его нет.

— Я не знаю, Бойд, к чему вы клоните, но есть, видимо, причина.

— Если вы когда-нибудь увидите Вилли, то передайте ему, что у него слишком длинный язык. Мой клиент, разумеется, не Тайлер Морган, но я благодарен Вилли за это имя.

— Возможно, Вилли вчера допустил ошибку,— сказал Уолт.— Но я понимаю, что вы имеете в виду. Джо Хилл исчезал неоднократно, но он всегда появлялся. Может быть, вы и правы, и у него действительно где-нибудь есть семья. Разумеется, он нам сейчас нужен, но он знает об этом и он вернется.

— Джо Хилл мертв,— спокойно подытожил я.— И вы должны воспринять это как факт. Да и сами это отлично знаете. Вы же сами ездили к одинокой сосне.

— К одинокой сосне? — повторил он.— Вы уже совсем стали заговариваться, Бойд.

У меня стало неуютно на душе. Возможно, он был прав. Мысленно я стал ругать себя, что взялся за задание

Праймел найти этих троих. Я подыскивал слова, чтобы почетно отступить, но не мог найти их.

— Я вот что вам скажу, Бойд,— неожиданно начал Уолт.— Если вы пойдете в полицию, у вас не найдется никаких доказательств. Сделка с Тайлером Морганом — легальная сделка. Эдвин Бейли попридержит свой язычок, поскольку знает, что будет с его дочерью, если заговорит. И так, остаетесь только вы — нарушитель спокойствия. И если будете совать нос не в свое дело, мыотрежем вам его. И, уверяю, это будет очень болезненно. Сделайте отсюда свои выводы.

Глава 9

Дом на Марина-драйв был двухэтажный, построенный в калифорнийском стиле. Луиза Кларк открыла мне дверь, улыбнулась и провела в гостиную. Обстановка была старинная, и меня несколько не удивило, если бы по звонку серебряного колокольчика появилась официантка из английской чайной.

— Говорят, каков дом, таков и владелец,— сказал я в раздумье.— Надеюсь, вы это не серьезно?

— Я не успела обставить первый этаж современной мебелью,— ответила она,— поэтому и вид здесь такой, как в похоронном бюро. Я переоборудовала более важные для меня помещения — например, спальню и ванную. Я тебе покажу. Хочешь выпить?

— Конечно! — ответил я.

— Сейчас приготовлю два мартини.— Покачивая бедрами, она направилась к чудовищно некрасивому витражу.— Я думала, ты останешься со мной поужинать, и поэтому забежала в ближайший ресторан. Фазаны, к сожалению, кончились, но зато мне удалось получить икру, крабов. Надеюсь, у тебя нет аллергии к этим продуктам?

— Дареному коню в зубы не смотрят,— уверил я ее.

Она вернулась с рюмками, протянула мне одну и села на другой конец кушетки.

— Сегодня во второй половине дня я была у Тайлера.— Ее голос погрузнел.— И думаю, ты, возможно, прав: они его уже обработали. Он не знает, выдал ли Куттер Джо Хиллу опцион на землю, да и не хочет знать. Говорит, что доверяет им. Поскольку это самое большое дело в его жизни, то и отказываться от него не будет.—

Она пожала плечами.— Может быть, у тебя найдется совет, Денни? Что мне теперь делать?

— До срока остается два дня,— сказал я.— Ты можешь заставить Тайлера повременить?

— Наверное.— Она прикусила нижнюю губу.— Он, конечно, не будет в восторге, но, думаю, мне удастся его убедить. А к чему это?

— Чтобы выиграть два дня,— глубокомысленно проговорил я.

— Да, и еще вот что,— продолжала она,— Тайлер говорит, что вчера ему звонил Джо Хилл. И он хочет свести нас с финансистом из Невады. Мы, со своей стороны, должны захватить деньги с собой.

— А где должна состояться встреча?

— В Рено,— ответила она.— Джо заказал нам номер в отеле. А у Тайлера был жадный блеск в глазах, когда он это говорил. Видимо, Джо пообещал ему особенное развлечение.

— Тайлер — член «Бейсайд-клуба»?

— Конечно! Его жена — член правления этого ужасного клуба.

Мартини был отличный, в меру холодный и почти без запаха вермута. Я с наслаждением пил его и пытался одновременно прийти к какому-то конструктивному решению. Эта комбинация не обязательно должна была быть оптимальной.

— Ты не знаешь, как мне связаться с Куттером? — спросил я.

— Его телефон есть в справочнике.

— Найди, пожалуйста, его номер.

— Слушаюсь, мой господин и повелитель! — с пафосом произнесла она, поднялась и подошла к маленькому столику.

Я сглотнул, попытался понизить свой голос на октаву и в то же время придать ему дружеский оттенок, чтобы мой голос был похож на голос Джо Хилла:

— Но, детка, надеюсь, ты не собираешься меня обмануть? Ха-ха-ха! Неужели Куттер находится в этой толстой книге?

Луиза остановилась, словно наступила на колючку, и повернулась ко мне.

— Что значат твои «ха-ха-ха»? Санта-Клаус появится только через пять месяцев.

— Тебе кого-нибудь напоминает этот голос? — с надеждой спросил я.

— Голос сумасшедшего.— Она задумалась, а потом решительно покивала головой:— Нет, так говорить может только сумасшедший.

— А голос Джо Хилла?

— Возможно, в те минуты, когда на него нападает припадок.

— А по телефону сойти может?

— Возможно, сойдет. Но не уверена...

— Ну, хорошо,— сказал я,— терять нам все равно нечего. Хочешь быть моим Пятницей?

— Я только что убежала от тебя.

— Тогда позвони Куттеру от имени секретарши Джо Хилла и скажи, что тот на проводе. Это ведь нетрудно. Миллионы девушек делают это каждый день.

— Если бы ты хоть на минуту выкинул из головы свой секс,— холодно сказала она,— я, возможно, и попыталась бы собраться с мыслями.

Она разыскала номер, набрала его, выждала пару секунд, а потом спросила:

— Строительство Куттера? Мистер Джо Хилл хотел бы переговорить с мистером Куттером.— Она снова помолчала несколько секунд, а потом произнесла чарующим голоском:— Мистер Куттер? С вами хочет поговорить мистер Джо Хилл.— После этого она передала трубку мне.

Я снова сглотнул слюну и гаркнул в телефон:

— Хэлло, мой дорогой! Я как-то позабыл, на какой срок мы договорились! Ха-ха-ха! Вы же понимаете, как это бывает?

— О каком сроке? — Голос Куттера был злым и недовольным.

— Срок опциона, который вы мне дали на ваше маленькое болото! Ха-ха-ха! Когда он кончается?

— Вы что, не в себе, Джо Хилл? — проворчал голос на другом конце провода.— Срок опциона действует еще пять месяцев.

— Черт возьми, у меня столько дел в голове, что иногда путаешь совершенно разные вещи,— сказал я.— Огромное спасибо, мой дорогой, за то, что освежили мою память.

— Может быть, вы пересидели за карточным столом в Рено или Лас-Вегасе или еще где-нибудь? — ядовито спросил Куттер.— И тем не менее хочу вам напомнить, что, если вы хотите иметь договор, это будет стоить пятнадцать тысяч.

— О, мой дорогой, сроки я могу еще забыть, но стоимости никогда не забываю.— Предосторожности ради я

еще раз расхохотался.— Но повторите еще раз, сколько я должен выложить за новый опцион?

— Тридцать тысяч в ближайшие полгода,— кисло сказал он.— Скажите, вы случайно не пьяны?

— Ха-ха-ха! Вы изволите шутить, дорогой друг. Джо Хилл может быть иногда навеселе, но пьяным — никогда.

— Ну, конечно! — сказал Куттер.— В таком случае, позвоните мне еще раз, когда это веселье у вас закончится.— С этими словами он повесил трубку.

Я тоже положил трубку и вернулся к кушетке и мартини. Луиза выжидательно посмотрела на меня.

— Опцион кончается только через пять месяцев,— сказал я.

— Ведь это чепуха! — Луиза озабоченно посмотрела на меня.— Почему же они говорят, что срок кончается через два дня?

— А зачем вообще берут опцион и платят за него так много, тем более, что строительство невозможно без финансирования из Невады?

— Что-то не совсем понятно,— пробормотала Луиза.

— Все очень просто. Приобретают купчую за пятнадцать тысяч. Подделывают подписи невадских финансистов и ждут простачка, который клюнет на эту удочку. Так, например, поймали тебя с Тайлером Морганом.

— По-твоему, никаких денег из Невады не будет?

— Твой разум чист, как никогда, порочная Луиза,— сказал я.— Но трудно будет доказать тебе, что в Неваде нет денег для этого проекта. Могу поспорить, что у Джо Хилла есть в Неваде подставное лицо, которое соответствующим образом ответит на все запросы.

— И что же тогда из этого получается? — спросила она.

— Самое настоящее мошенничество. Забирают деньги и вдобавок шантажируют чем-то, что является сокровенной тайной этого человека, в случае, если ему захочется пойти в полицию.

Она задрожала.

— Но это ужасно, Денни!

— Многословие делает меня голодным,— сказал я.— Где же обещанные яства?

Ужин был превосходным, а напоследок она выставила бутылку французского коньяка.

Тем временем солнце начало клониться к горизонту, и океан был как зеркало. «Самое время расслабиться»,—

подумал я и украдкой взглянул на Луизу. К тому же я не знал, что мне предпринять дальше.

— Вирджиния забрала свою машину? — спросил я.

— Должна была забрать. Когда я ехала домой, ее уже не было.

— Хорошо, что ты ее узнала и увела оттуда, где была вечеринка.

— Я, собственно, и не знаю толком, на какой машине она ездит. Вирджиния меняет их чаще, чем нижнее белье. Просто Уолт сказал мне, что это ее машина.

На ней все еще была красная блузка и черные брюки и у нее был такой вид, словно она только что выскочила из сновидений созревающего подростка. А вы знаете, что когда речь идет о сексуальных фантазиях, Денни Бойд всегда на высоте.

— Ты мне так и не показала свою новую обстановку, — сказал я, полный надежд.

Секунду ее глаза внимательно смотрели на меня, а потом она сказала:

— Захвати свою рюмку.

Я последовал за ритмично покачивающимися черными брюками вверх по лестнице и пролил при этом половину своего коньяка. А она распахнула дверь в спальню и отступила в сторону.

— Ну, взгляни и оцени мой вкус, — сказала она с деланным спокойствием.

Пол был устлан розовым шерстяным ковром, причем таким толстым и мягким, что трудно было представить, что будет с твоими ногами, когда они ступят на него. Кровать была круглая, более двух метров в диаметре. На потолке, над кроватью, вмонтировано большое зеркало, а на стене висела огромная картина, изображающая фавна и нимфу, занимающихся таким делом, которое я с анатомической точки зрения просто счел бы невозможным. Рядом с дверью находился пульт с шестью кнопками. Красивая округлая рука скользнула поверх моего плеча, а длинный палец нажал на одну из кнопок. Тотчас же заиграло стереофоническое устройство. Исполнялся номер на гитарах. Луиза нажала на другую кнопку, и спальня погрузилась в темноту, за исключением картины, которая вдруг приобрела яркие тона, так что можно было видеть каждую деталь, включая и вторую пару позади первой, которую я вначале не разглядел. Когда я увидел, чем они занимались, то подумал, что вот так-то и шейные позвонки сломать недолго.

Пальчик снова нажал на кнопку — и на стене появилась маленькая цветная кинопанорама. Следующая кнопка включила прожектор, направленный на центр кровати, так что все, что там могло происходить, отражалось в зеркале на потолке. И еще одна кнопка привела кровать в плавное колебательное движение. Но венцом всех кнопок оказалась последняя: когда Луиза нажала на нее, картина с фавнами и нимфами начала поворачиваться, и вскоре вместо нее появился облик Луизы в натуральную величину, которая, естественно, была в костюме Евы.

— Ну, что ты скажешь? — тихо спросила она.

— Могу сказать только одно, — заикаясь, проговорил я. — На похоронное бюро это не похоже.

Она счастливо засмеялась.

— Ну, насмотрелся? А теперь пошли назад и выпьем еще по рюмочке!

— Назад?.. Так это что, была лишь фата-Моргана?

— Просто я подумала, что нам некуда спешить, — сказала она небрежно. — Ты же останешься здесь на ночь, не так ли?

— Нет, — сказал я. — Из этого ничего не выйдет.

— Вот как? — В ее голосе внезапно послышались ледяные нотки. — Что ж, извини, если что-то не так сделала.

— Я не совсем удачно выразился. Просто жду важного телефонного звонка из Вайоминга.

— А я надеялась, что это тебя возбудит, — фыркнула она. — Пойду приготовлю еще чего-нибудь выпить. — Она нажала на кнопку, и спальня приняла свой нормальный вид. — Думаю, ты найдешь дорогу вниз один. Иди, только не споткнись.

— Уолт был прав, — сказал я в ответ. — Я вчера не хотел этому верить.

— Что сказал Уолт? Что-нибудь обо мне?

— Он сказал, что ты никогда не закрываешь рта. — Я все больше и больше входил в раж. — И он сказал, что спать с тобой — это все равно, что спать с транзистором...

— С кем, с кем?

— С транзистором! — радостно возвестил я. — Его включают — и он больше не замолкает. — Я показал на кнопки. — Скажи, пожалуйста, какая из них тебя включает?

Она издала сдавленный звук, прошла мимо меня и направилась в ванную комнату. Но перед дверью остановилась и обернулась.

— Чуть было не забыла, — сказала она тихим голосом.

Она направилась ко мне, пока не уперлась пышными грудями в меня. Руки обвили мою шею, а губы с такой жадностью прилипли к моим, что у меня перехватило дыхание. Но это было только началом. В следующее мгновение ее рот раскрылся и ее язык начал свои исследования в моем рту. Я должен был признать, что этот поцелуй побил все рекорды как по длительности, так и по умению и страстности.

Когда она наконец оторвалась от меня, я невольно сделал шаг вперед, чтобы не упасть на колени. А она удовлетворенно усмехнулась.

— Надеюсь, это тебе понравилось, дорогой Денни? Но в следующий раз тебе придется этого долго ждать.

Создалась ситуация, о которой обычно говорят: «Эх, если бы я знал!»

Я оскорбил ее, отказавшись остаться на ночь, и она отомстила мне так, как может отомстить только чувственная женщина.

«Видишь, чего ты лишился, глупец!» — как бы говорила она.

Мне оставалось только ретироваться с хорошей миной.

— Ну, ладно, — неуверенно проговорил я, — я спущусь и выпью еще рюмочку на прощание.

— Ты будешь делать то, что я тебе скажу! — фыркнула она. — Останешься здесь и подождешь, пока я не буду готова.

Она снова прошла к ванной комнате и закрыла за собой дверь, оставив меня наедине со своими печальными мыслями. Ради скуки я начал играть с кнопками. Я убедился, что можно включать и выключать одновременно несколько кнопок. Наконец дверь в ванную открылась, и на пороге появилась Луиза.

— Выключи это! — крикнула она.

— Хорошо, — сказал я и выключил.

— Ты еще не разделся? — поинтересовалась она.

— Что?

— Даю тебе пять минут времени, — решительно произнесла она. — Иначе я все забуду.

Дверь закрылась. А я постарался скинуть с себя все за пять секунд. Конечно, молния на моих брюках не хотела расстегиваться, и я извивался, как змея, чтобы избавиться от брюк, когда в дверях снова появилась она.

— Быстро в кровати! — сказала она. — И сейчас я тебе кое-что докажу. Даю тебе еще несколько секунд! — Она исчезла в ванной.

Наконец мне удалось избавиться от брюк, и я сделал прыжок на кровать как раз в тот момент, когда дверь открылась.

— Я как раз успел! — радостно возвестил я.

Луиза не ответила. Она приближалась ко мне спиной. Конечно, вид со спины нагой Луизы был зрелищно впечатляющим. Широкие плечи, большая гладкая спина, сужающаяся к талии и опять расширяющаяся там, где нужно, и ноги, длинные и стройные. На ее зад мог молиться каждый второй мужчина. Но почему она приближается ко мне спиной?

— Луиза, дорогая,— прошептал я.

— Ууууууу!

— Что с тобой?

— Ммммммм!

Разговор был довольно странным. Я притянул ее к себе и наконец положил на кровать, но когда увидел, что у нее на лице, то спросил себя, не сошел ли я с ума. Но победное выражение ее глаз доказывало мне, что все так и есть на самом деле. Ее рот был заклеен широкой лентой лейкопластыря.

Сперва я нашел это не очень удачным и подумал, что Уолту лучше было бы попридержат язык, но потом подумал, что такой сеанс тоже имеет свои преимущества. Она не сможет выразить мне свое одобрение или неодобрение, и все свои чувства должна будет впитать в себя.

Я сладострастно ей улыбнулся.

— Луиза, дорогая,— прошептал я,— как я рад, что ты додумалась до этого.

— Ммммммм!

— Какая великолепная выдумка — этот пластырь! Я не думал, что ты успела оценить меня...

— Ммммммм!

Может быть, я немного самонадеян, но я всегда считал, что в кровати все дозволено. И должен сказать, что по причине, которой я не понимаю, большинство женщин начинают стонать и скрипеть зубами уже через десять секунд после того, как я начинаю...

Глава 10

В этот вечер я вернулся в отель около одиннадцати и быстро проскользнул в свой номер. На столе еще стояло пол-бутылки бурбона. Я налил себе рюмку, даже не позаботившись разбавить его кубиками льда.

— Сегодня у тебя был день полного успеха, Денни,— сказал я себе.— У тебя было много удачных дней в жизни, но такого, как с Луизой, редко доводилось пережить.

Не успел сделать и глотка, как зазвонил телефон. Я снял трубку и радостно сказал:

— Бюро Бойда слушает. Готов оказать все услуги, если они не противозаконны.

В ответ услышал только щелчок — звонивший повесил трубку.

«Что за шутки в такое время?» — подумал я, но довести мысли свои до конца не успел, поскольку в этот момент в дверь постучали. Я чуть было сразу не открыл дверь, но в последний момент вспомнил о револьвере.

Вошла Саламати Джейн. Она, как и прежде, была с хлыстом и в блестящих лакированных сапогах. Куртка и на этот раз была короткой, без украшений, а брюки из искусственной кожи. Широко поставленные синие глаза зло смотрели на меня.

— Вы, должно быть, здорово транжирите мои деньги, Бойд, если позволяете себе быть пьяным целый день.

— Если бы я позвонил вам по телефону, то разговор затянулся бы на такое время, что обошелся бы вам дороже.

— Я два часа сижу в этом отеле, звоню в ваш номер каждые десять минут, и в конце концов мне все это надоело.— Она прошла мимо меня и сморщила нос, когда увидела на столе бутылку с бурбоном.

— Хотите выпить? — Я закрыл дверь, сунул револьвер на место и подошел к ней.

— Я не пью,— решительно заявила она.— Пьянство погубило моего отца, поэтому я не хочу и слышать об алкоголе.— Она села на край кровати, сдвинула хлыстом шляпу и закинула ногу на ногу. Как я успел заметить, шпор и на этот раз не было.

— Вы прислали ко мне эту девчонку... Пэтти? И я спросила себя, зачем все это? Неужели вы до сих пор ничего не слышали о телефоне? Могли бы позвонить и сказать, чего успели добиться. И я смогла бы приехать сюда на сутки раньше. На целые сутки! Понимаете, Бойд?

— С Пэтти была целая проблема,— ответил я.— Она не знала, куда себя деть, и я опасался, что ее убьют, если она останется здесь.

— Она мне все рассказала.— Праймел Хилл презрительно сжала губы.— Никогда еще не встречала такую болтливую особу. Я должна была взять себя в руки, чтобы

не заткнуть ей рот чем-нибудь основательным, вроде моего сапога.

— С ногой или без оной?

— Конечно, с ногой.— Она повела плечами — Где они, Бойд?

— Они сняли на побережье домик,— ответил я.— Сегодня во второй половине дня Уолт был еще там. Где находится Вилли, я точно сказать не могу, даже не знаю, на каком свете он сейчас находится — на том или этом. Если он мертв и труп его еще не найден, то он лежит в горном домике. Фей я так и не смог разыскать.

— Расскажите мне все, что вы сделали,— попросила она.— Я знаю все о Бейли, его дочери и о Пэтти.— Она медленно вздохнула.— И причем все очень подробно. У этой Пэтти удивительная память.

Я поведал ей обо всем, что произошло. О так называемой вечеринке на побережье, о поездке в горный домик и о том, что там случилось. А также о приманке, которую они выдумали для Тайлера Моргана и Луизы. Рассказал все очень быстро, поскольку не останавливался на подробностях. Когда закончил, ее лицо было хмурое и напряженное.

— Мне говорили, что вы профессионал, Бойд,— сказала она холодно,— поэтому я и обратилась к вам. Теперь я вижу, что меня обманули.

— Обманули? — Я уставился на нее.— Я ведь их нашел?

— Двоих,— подтвердила она.— А вы помните, что я вам сказала в вашем бюро в Манхэттене? Сказала, что работа должна быть аккуратной. Я думала, у вас достаточно разума, чтобы понять, как все сделать, ничего не разглашая. А вы вели себя как слон в посудной лавке. Сказали им, что вы на кого-то работаете, и рано или поздно они узнают, кто есть кто. Возможно, вы и Вилли убили, а также выяснили, кто является одной из его жертв. Но как я получу обратно свои деньги, не знаю.

Я открыл было рот, но потом закрыл. И так проделал еще два раза, не издав ни звука. Она продолжала с той же беспощадностью:

— Неловкого человека я еще могу вынести, но глупца, выдающего себя за профессионала — это уже чересчур! Вы мне больше не нужны, Бойд! Я отказываюсь от ваших услуг, и немедленно!

Она поднялась, надвинула шляпу на лицо, сунула руки в карман брюк, оставив наружу только по одному пальцу.

— На вашем месте, Бойд, я бы села в ближайший самолет и укатила обратно.

— Вы действительно уверены в том, что сделаете все лучше? — недоверчиво спросил я. — Женщина в таком деле? Они вас изрубят на кусочки и будут использовать в качестве приманки.

— Я — дочь своего отца! — спокойно возразила она. — Со мной не так-то легко справиться! Беспокойтесь лучше о себе, Бойд, и постарайтесь впредь лучше обслуживать своих клиентов! Иначе ваши дела пойдут очень плачевно.

— Предположим, вы получите назад свои деньги, — сказал я, — что дальше?

— Вернусь в Вайоминг и позабочусь о том, чтобы на этот раз деньги были более надежно спрятаны.

— А эти три мушкетера?

— А что с ними? — Она вопросительно посмотрела на меня.

— Вы не донесете на них?

— Зачем? — Вокруг ее рта появились жесткие складки. — Вы действительно невозможны, Бойд! Ведь в этом и заключается мой козырь! Они отдадут мне деньги, если будут знать, что их выдам. А я скажу им, что все материалы на них находятся в сейфе у моего адвоката и что тот знает, как с ними поступить, если со мной что-нибудь случится. Они побоятся приехать в Вайоминг.

— Это злые насильники, — протяжно сказал я. — И если они будут продолжать в том же духе, то рано или поздно кого-нибудь убьют... А может быть, уже и убили.

Она пожала плечами.

— Это меня не касается.

— Зато меня касается, — ответил я. — И если вы не собираетесь доносить на них полиции, то это сделаю я.

Ее синие глаза потемнели. Она внимательно посмотрела на меня.

— Вы это серьезно?

Я кивнул.

— Конечно.

— И даже деньги не изменят вашего решения?

Вопрос был щекотливый, но я не хотел задумываться над ним долго, чтобы не показать свою слабость.

— Нет! — ответил я.

— Тогда давайте совершим сделку, — сказала она. — Вы даете мне два дня срока, прежде чем отправиться в полицию. Если я буду действовать быстро, за это время мне удастся получить с них деньги. — Она криво усмехну-

лась.— Вы должны дать мне этот срок, Бойд. Вам тысяча долларов была выдана на месяц, а прошло всего две недели.

— Хорошо, я согласен.

— Через два дня я дам вам весточку о себе,— сказала она.— А теперь нам говорить больше не о чем, насколько я понимаю?

— Думаю, что да... Как там Пэтти?

— Хорошо.

— Ей нравится на ранчо?

— Она сидит внизу, в баре.— Праймел рассмеялась, увидев мое глупое лицо.

А я подумал, что в присутствии Праймел лучше всего держать язык за зубами. Не знаешь, что можно услышать от нее. Кроме того, я вообще неохотно имею дело с такими клиентами, которые при каждом удобном случае пытаются показать, насколько я глуп.

— Я привезла ее с собой, как предмет для переговоров.

Стук захлопнувшейся за ней двери заставил меня закрыть рот. Я налил себе порцию бурбона, надеясь, что он утихомирит бешенство в моем желудке.

Как только коснулся подушки, тут же заснул, как убитый, а когда проснулся, почувствовал себя великолепно. Позавтракав на террасе отеля, закурил сигарету и безмятежно выпустил в воздух струйку дыма.

Стояло чудесное калифорнийское утро, солнце ярко светило с безоблачного неба, и я даже увидел птичку над морем, что доказывало, что мир наш не так уж плохо устроен. Я поехал на машине к дому, стоящему над обрывом, и несколько минут любовался великолепным видом. Позвонив, продолжал терпеливо ждать. Когда на мой четвертый звонок так никто и не ответил, я бросил взгляд на гараж и увидел, что синяя машина находится на месте. Я посмотрел на часы. Было пять минут двенадцатого. Не так уж и поздно. Снова подошел к двери и настойчиво нажал на кнопку.

Полминуты спустя дверь с шумом распахнулась, и пара глаз с ненавистью уставилась на меня.

— В чем дело? — фыркнула Вирджиния Бейли.— Вы что, страдаете бессонницей?

На ней был короткий халат, почти не прикрывающий ее бедра. Вокруг головы был повязан платок.

— Вы можете мне не верить, но я как раз принимала душ, когда вы устроили этот перезвон. Что вы хотите, Бойд?

— Сегодня такой чудесный день, вот я и подумал, а не

заглянуть ли мне к Бейли,— миролюбиво ответил я.— Вы можете принимать свой душ, а я пока выпью рюмочку-другую, если не возражаете?

Я быстро прошел мимо нее и почти добрался до гостиной, когда она начала кричать.

— Поберегите свое горло, дорогая,— великодушно сказал я.— Вы же не собираетесь выбрасывать меня за дверь. Идите лучше мыться...

Она наградила меня всеми ругательствами, которые были в ее лексиконе, а потом исчезла в том направлении, где находилась спальня. Я выждал несколько секунд и на цыпочках отправился за ней. Дверь в спальню была лишь прикрыта. Я услышал, как льется вода, осторожно открыл дверь и проскользнул в спальню. Кровать была не убрана, одеяло валялось на полу, а на комодѣ стояли баночки и горшочки с разного рода притираниями, которые создают женское лицо таким, каким мы его видим. Но то, что я надеялся найти, находилось на подставке посреди комода.

Да, чудесный был день. Я решил не испытывать больше счастья и закурил сигарету. Сделав пару затяжек, услышал, как вода в ванной перестала шуметь, и вскоре в комнате появилась Вирджиния. На голове у нее по-прежнему был белый платок, но это, собственно, и было всей ее одеждой. Ее полные груди перестали покачиваться, когда она остановилась и посмотрела на меня таким взглядом, словно не верила своим глазам.

— Какая вы все-таки свинья,— со злостью сказала она.— Если вы вздумаете хоть дотронуться до меня, я вас убью!

— Меня давно интересовал этот вопрос,— сказал я.— У нее всегда были растрепаны волосы, даже когда не было ветра.— Я подошел к комоду и провел пальцами по мягкому светлому парикѹ, который висел на подставке на комодѣ.— Фей Николс! Девушка с короткими светлыми волосами, зелеными глазами и стройной фигурой. Ваши каштановые волосы легко превратить в светлые с помощью парика, а ваши зеленые глаза вы можете получить с помощью контактных линз.

Я сорвал с ее головы тюрбан. Да, так оно и есть, ошибки быть не могло.

— Вы много путешествовали,— продолжал я как ни в чем не бывало,— и когда были вне дома, вы назывались Фей Николс и работали вместе с Джо Хиллом и его подручными. А здесь, в Санта-Бойе, вы были маленькой

Вирджинией Бейли, и все вас знали еще с тех пор, как вы маленькой девочкой учились в школе...

Она закусила нижнюю губу.

— Вам не так-то легко было до этого додуматься, — сказала она. — Видимо, вам помогло это узнать какое-то новое обстоятельство.

— Наверное, чувство мне подсказало. Слишком уж хорошо у меня все получалось, когда вы были поблизости. И еще лучше, когда вас не было поблизости. Я просто так вскользь упомянул, что вашего отца начали обрабатывать в сельском клубе, как вы сразу же предложили отправиться туда пообедать. А потом внезапно появляется Луиза и приглашает нас на вечеринку, потому что Уолт, дескать, познакомился с вашим отцом еще три месяца назад в Лас-Вегасе. Даже самая глупая рыба становится нерешительной, если видит крючок с четырьмя наживками. А дальше вы вдруг вспомнили, как вам пришлось изображать натурщицу поневоле, и вы элегантно вышли из этой аферы, сославшись на страх. А потом вы сами сказали, что Луиза любезно пригнала вашу машину, — продолжал я. — Но когда я уточнил этот момент, то выяснил, что активным лицом в этом деле был Уолт. А вчера пришлось отменить нашу встречу, потому что вам срочно нужно было ехать в горный домик, чтобы выяснить, жив ли Вилли... Кстати, как он себя чувствует?

— Ничего... — ответила она хмуро. — У него небольшое сотрясение мозга, но он чувствует себя неплохо. И ему не терпится рассчитаться с вами, Бойд!

— Мне хочется знать еще вот что! — сказал я. — Почему вы выбрали жертвой своего отца?

— Чтобы дать ему урок! — со злостью ответила она. — И причем такой, какой он не скоро забудет. Не хотела, чтобы он еще раз совершил подобную глупость.

— Вы имеете в виду Пэтти?

— Да, эту сучку, эту потаскушку Пэтти. И поделом ему, старому болвану! Надо было высосать из него больше...

— Я просто не нахожу слов, Вирджиния, — сказал я с серьезным видом. — По сравнению с вами Лукреция Борджиа, видимо, была лишь безобидной кошечкой. Где сейчас находится ваш отец?

— Он ночевал в клубе. Сейчас, когда Пэтти нет, он вернулся к своим старым привычкам. Каждую среду играет в покер со своими друзьями. Вернется только во второй половине дня.

— А вы до его возвращения исчезнете.

— О чем вы, собственно, говорите?

— Хочу дать вам шанс, Вирджиния,— сказал я,— и совсем не потому, что желаю вернуть вас на путь истинный, а потому, что считаю, ни один отец не заслужил такой дочери, как вы. Напишите ему записку, из которой было бы ясно, что вы хотите наострить лыжи, то есть уехать бродяжничать по стране. Пообещайте ему написать, скажем, недели через две, когда где-нибудь остановитесь. Но я бы писать ему не стал, потому что это может навести полицию на ваш след.

— Вы хотите идти в полицию?

— Пока нет. Я пообещал кое-кому подождать два дня. Столько же времени имеете и вы, вас начнут искать через два дня. На вашем месте я бы не стал терять времени и начал собираться в дорогу.

— Мне некуда спешить,— тихо сказала она.— Через два дня вы будете мертвы, Бойд.

— Джо Хилл тоже мертв,— сказал я,— и мертв уже почти месяц, как раз поэтому и заварилась вся эта каша. И ни неврастеник Уолт, ни богатырь Вилли не смогут расхлебать ее.

Она снова прикусила нижнюю губу, подошла к комоду, выдвинула ящик и вынула оттуда нижнее белье.

— Ну, хорошо,— сказала она,— слушаюсь вашего совета. Шансы ваши остаться живым за эти два дня очень невелики. Скажем, один к тысяче, но я не хочу рисковать. Когда-нибудь я, конечно, вернусь сюда и тогда с удовольствием оттанцую на вашем гробе, Бойд.

— Почему бы вам не отправиться в Вайоминг? — сказал я.— Говорят, что в это время года там восхитительно. Есть там и чудесное ранчо для отдыха под названием «Сухая глотка». Неподалеку от города Ларами.

— Что это опять за болтовня? — спросила она, надевая на себя верхнюю одежду.

— Это было убежище Джо Хилла,— сказал я.— Вы что, никогда там не были?

— Никогда о таком ранчо даже не слышала! — ответила она, продолжая одеваться.— Правда, Джо временами куда-то исчезал, но мы никогда не знали, куда именно. Если его кто-нибудь об этом спрашивал, тот немедленно получал пощечину. Так вы говорите ранчо в Вайоминге? — Она коротко рассмеялась.— Представляю себе Джо Хилла в широкополой шляпе и сапогах, расхаживающего между бизонами и туристами! Но вы, конечно, шутите?

— Может быть, мой вопрос покажется вам смешным, но мне хочется знать, как вы попали к этим трем гововорезам?

— Была как-то в Рено и ужасно скучала,— ответила она.— А потом пришел пожилой человек, который громко разговаривал и громко смеялся и сорил деньгами. Он был более похож на мужчину, чем все молодые люди, вместе взятые, конечно, из тех, кого я знала. Потом он представил меня своим партнерам, а те оказались такими же, как и он. Чего же девушке еще желать, имея таких мужчин? Мы чудесно с ними сработались.

Она натянула на себя пуловер и принялась за брюки.

— Однажды в Лас-Вегасе мы повстречались с малышкой, которая начала нам противоречить. Никто из парней не мог нагнать на нее страху. И тогда Джо предоставил ее мне.— В глазах Вирджинии появились зловещие огоньки.— Когда я с ней покончила, она говорила только одно, что сделает все, что от нее потребуется.

Она посмотрела на себя в зеркало и взяла светлый парик.

— Когда вы будете мертвы, Бойд,— весело сказала она,— я вернусь сюда и расскажу своему отцу всю эту историю с Джо Хиллом, Вилли и Уолтом. А напоследок расскажу ему во всех подробностях то, что я сделала в Лас-Вегасе с этой глупой гусыней...— Она облизала пересохшие губы и поправила парик.— Это будет реквием в вашу честь, мистер Бойд!

Глава 11

Я покатался какое-то время на машине, а потом отправился пообедать в отель. Сейчас я мог только выжидать и решил, что могу спокойно это сделать в горизонтальном положении. Около пяти я проснулся, принял душ, оделся, взял револьвер и вдруг почувствовал себя одиноким. Взяв машину со стоянки у отеля, поехал на Марина-драйв.

Дверь мне открыла Луиза буквально через несколько секунд после того, как я позвонил, но все, что я мог увидеть через щелку двери,— это был ее настороженный глаз.

— Денни, дорогой,— сказала она,— если ты пришел на повторный сеанс, должна тебе сказать, что повторными сеансами я занимаюсь только после захода солнца, да и то не всегда. Главное — настроение, а не правило, ты понимаешь?

— Я пришел выпить рюмочку мартини,— ответил я,—

поболтать немного и полюбоваться чудесным видом на океан, открывающимся из твоего окна. Вот и все. Ведь меня нельзя назвать ненасытным.

— Видимо, я неправильно тебя поняла,— сказала она и распахнула дверь.

На ней был легкий свитер и изящные сандалии. Судя по всему, свитер был растянут до такой степени, до какой он вообще мог растягиваться, и простирался даже на область бедер. Он обтягивал ее фигуру так плотно, что в нем она казалась более обнаженной, чем если бы на ней вообще ничего не было.

— У тебя что-нибудь есть под свитером? — нервничая, спросил я.

— Ты имеешь в виду белье? — Ее глаза заинтересованно засверкали.— Не помню даже. А разве это имеет значение?

— Я спрашиваю просто так. Для спокойствия души,— буркнул я.

— Я отношу себя к возмутителям спокойствия.— Она нагнулась и подтянула свитер до талии.— Ну как, доволен?

— Белые штанишки,— сказал я.— С маленькими волосатыми паучками! Это кто набрел на такую идею?

— Сумасшедший! — сказала она и опустила свитер.— Но я не сумасшедшая, хочу тебе это сразу сказать. Я ношу эти вещи просто как вызов обществу!

Я молча проглотил пилюлю и последовал за ней в ее похоронное бюро. Она быстро приготовила два мартини.

— Ну как, тебе звонили? — спросила она.

— Звонили?

— Но ведь ты ждал важного телефонного звонка из Вайоминга.

— Тот человек решил навестить сам, собственной персоной.

— Это очень важный гость?

— Это не он, а она,— автоматически ответил я.— И она наверняка является последней частью, которой не хватало для моего ребуса. Только пока еще не знаю, куда мне приставить эту часть.

— Она? — переспросила Луиза.— Чья-нибудь бабушка, полагаю?

— Бабушкой ей никогда не быть,— отпарировал я.— Не такой она человек.

— Ты не считаешь, что мы болтаем как-то односторонне? — спросила она сдержанно.

— Я просто пытаюсь найти путь, который помог бы мне выжить в ближайшие два дня,— сказал я.

— Это меня сна не лишит,— уверенно сказала она.— А кто собирается тебя убивать?

— Но, с другой стороны, мне хотелось бы быть под рукой того человека, который собирается меня убить,— дополнил я.

— Ты должен все привести в порядок,— заметила она.— И в том числе — сохранить свою голову.

— Если они собираются покончить со мной,— продолжал я развивать свои мысли,— то прежде всего попытаются сделать это в отеле. Не найдя меня там, они будут искать меня здесь, поскольку знают кое-что о тебе. Вот я и подумал: уж если мне придется их ждать, то ждать лучше в обществе, а не одному.

— Ты говоришь это таким романтическим тоном, что мне прямо выть хочется,— буркнула она.

— Заботит меня и кое-что другое,— сказал я.— В моем деле нужно быть одновременно катализатором.

— Ката... Кем?

— Кем-то, кто дает делу ход,— терпеливо ответил я.— Я просто не могу сидеть и ждать, пока со мной случится что-нибудь ужасное.

— Ради тебя, Денни,— сказала она голосом, сочащимся человеческой добротой,— я охотно откажусь от своих привычек. Если это действительно нужно, готова хоть сейчас идти в спальню.

— Предложение очень дельное,— согласился я,— но я имел в виду другое.

— Ты еще пожалеешь об этом!

— У тебя есть номер телефона Уолта?

— Конечно! А зачем он тебе?

— Позвони туда. Хочу знать, там ли он сейчас.

— А если там, то что сказать?

— Просто скажешь «хэлло» и повесишь трубку.

— Ты что, шутишь?

Тем не менее она встала и направилась к телефону. Я подошел к окну, захватив свой мартини, и подумал, что если бы я был умным, то сейчас же бросился в океан и поплыл бы и поплыл, пока не очутился где-нибудь на Гавайских островах или в Австралии. В гостиную вернулась Луиза.

— Его нет дома. Это плохо или хорошо?

— Может быть, плохо, а может быть, и хорошо. Не знаю.

— Я могу что-нибудь еще сделать для тебя? — спросила она, пытаясь совладать со своими чувствами.— Может быть, ударить тебя головой о стенку?

— Позвони в отель,— сказал я,— и попроси мисс Хилл. А когда она ответит, повесь трубку.

Она уже была у телефона, когда до нее дошло.

— Мисс Хилл?

— Это дочь Джо Хилла. Только что приехала из Вайоминга.

Минуты через две Луиза снова вернулась.

— Она подошла к телефону, а я повесила трубку. Что дальше?

— Будем ждать,— мрачно сказал я.

Минут через двадцать зазвонил телефон. Луиза сняла трубку, а потом передала ее мне:

— Это тебя... Судя по голосу, бабушка из Вайоминга.

Я схватил трубку и сказал:

— Говорит Денни Бойд.

— Надеюсь, я не нарушила интимность вашей встречи?

— Я забежал пропустить рюмочку мартини.

— Вообще-то не в моих привычках извиняться,— сказала она.— Не люблю извинений...

— За что?

— Я ведь вам многое наговорила... А теперь мне нужна ваша помощь.

— В чем?

— Мы пришли к договоренности,— ответила она.— Свои деньги я получу... и деньги отца. Даже все. Но они немного недоверчивы и не желают передавать их здесь, в Санта-Байе. Они хотят, чтобы я поехала в горы в этот маленький домик, о котором вы мне рассказывали. Сегодня вечером.

— Ну и дальше?

— Я немного нервничаю,— сказала она.— Мне нужен человек, который поддержал бы меня в трудную минуту и привез обратно. Кроме вас, мне некого больше просить, Бойд.

— Этот Вилли...— сказал я,— посмотрит на меня, как на самый дорогой подарок, который он когда-либо получал к Рождеству.

— Мне кажется, вы заблуждаетесь,— проговорила она.— Они просто хотят, чтобы мы оба исчезли и никогда больше не показывались им на глаза. Потерю денег они

перенесут, а я им обещала, что мы оба завтра вылетаем в Вайоминг. Я, правда, не сдержу своего обещания, но они-то сейчас этого не знают. Не думаю, чтобы Вилли держал руку на спусковом крючке.— Она сделала небольшую паузу.— Но я понимаю, что это большая услуга, Бойд, и заплачу вам пять тысяч, как только мы снова очутимся в отеле.

— Звучит соблазнительно,— сказал я.— Пять тысяч? О'кей! Через пятнадцать минут заеду за вами в отель.

— Мы ждем вас, Бойд!

— Мы?..

— Я захвачу Пэтти с собой. С нами она будет в большей безопасности, чем одна в отеле.

— Да вы, наверное, правы,— буркнул я и повесил трубку.

Луиза с любопытством смотрела на меня, когда я допивал martini.

— Ну как, будешь этим... как его, катализатором, что ли?

— Если бы мне знать! — сказал я.— Я должен ехать в горы и, к сожалению, не представляю, кто кого там побьет.

— Но ты узнаешь это достаточно быстро! — оживленно ответила она.

— У тебя есть пистолет?

Она нахмурила брови.

— Как ни странно, но есть... потому что я живу уединенно и одна вообще...

— Ты дашь мне его на время?

— Конечно.

Она вышла из комнаты и через несколько секунд вернулась с игрушкой в руке, рукоятка которой была украшена перламутром. Обойма была полная, и я подумал, что, поскольку еду охотиться не на слонов, мне этой маленькой штучки вполне хватит.

— Ты вернешься? — спросила она, когда мы подходили к двери.

— Вернусь, но точно не знаю когда,— ответил я.— Но ты можешь привести в порядок свою спальню.

— Будь осторожен, Денни... Будет действительно жаль, если тебе отстрелят какой-нибудь член.

Напутствие ее было ободряющим. Я подъехал к отелю и увидел, что обе девушки ждут меня у входа. Праймел в своем ковбойском наряде, Пэтти — в коротком платье,

в котором выглядела очень молоденькой. Праймел села в машину рядом со мной, Пэтти расположилась сзади.

— Туда долго ехать? — спросила Праймел, когда мы были уже в пути.

— Около часа, — ответил я. — Как дела, Пэтти?

— Я боюсь, — жалобно ответила она. — Если Вилли меня увидит, он меня сразу убьет.

— Можете не бояться, — уверенно заявила Праймел, — ведь рядом Бойд и я. Если хотите, можете завтра ехать вместе с нами в Вайоминг. Мне нужна еще девушка на ранчо.

Пэтти издала беспомощный звук, а потом в машине воцарилось молчание.

Револьвер находился у меня в кобуре под мышкой, а игрушку Луизы я сунул под ремень. И тем не менее чувствовал себя неуверенно.

— У вас есть револьвер, Бойд? — внезапно спросила Праймел, словно отгадав мои мысли.

— Конечно!

— Не думаю, что вам придется пускать его в ход, — доверительно сказала она, — но тем не менее приятно сознавать, что ты пришел не с голыми руками.

Какое-то время мы ехали снова молча. Я одной рукой вытряхнул сигарету из пачки и сунул в рот. Узкая дорога пошла на подъем, а низкое положение заходящего солнца затрудняло вести машину.

— Никто не хотел верить, что Джо Хилл мертв, — заметил я небрежно. — Вилли однажды позвонил мне и стал выдавать себя за Джо Хилла, чтобы убедить меня, что ваш отец еще жив.

— Вы мне это уже рассказывали, — скучающим тоном ответила Праймел. — Они считают, что вашим клиентом является Тайлер Морган.

— Вот этого не думаю, — сказал я, — и не думаю, чтобы кто-либо из них поверил, что Джо Хилл действительно мертв. Он часто до этого исчезал надолго, поэтому они и на этот раз не были обеспокоены. Они считали, что Джо Хилл ведет двойную жизнь, но не особенно тревожились об этом, поскольку он всегда появлялся вовремя, как только наклеивалось какое-нибудь дело. Не появился он только на этот раз.

— Я вообще не понимаю, о чем вы говорите, — холодно заметила Праймел.

— Если они не верят, что Джо Хилл мертв и если они не имеют понятия о вашем ранчо «Сухая глотка» в Вайо-

минге, значит, они у вас не были в гостях и не брали денег из тайника вашего папаши...

— Вы что, с ума сошли? — взвизгнула она. — Уж не думаете ли вы, что я высосала эту историю из пальца?

— Приблизительно, — ответил я.

— И вы обвиняете меня во лжи?

— Можно сказать и так.

— А зачем, черт возьми, мне это понадобилось?

— По моему разумению, ваш папаша погиб от несчастного случая. Но, возможно, перед смертью рассказал вам о своих друзьях и партнерах. Ну и о делах тоже. И эта история вам понравилась. Возможно, что после его смерти вам захотелось встать на его место. Но как вам это осуществить? У вас были лишь имена партнеров и их описание. Кроме этого вы знали только, что все они работали в основном в районе Санта-Байи. В задачу Фей входило разыскивать жертвы, а когда подходило время, эти бедняги попадали им в лапы. Предпринимались, разумеется, необходимые меры по безопасности дела и операции осуществлялись или в Рено или в Лас-Вегасе... И вот вы подумали, что дело это стоит трудов и известных издержек, приехали на побережье и наняли частного детектива. Но вам нужно было найти какое-то подходящее обоснование, поэтому вы и выдумали историю об украденных деньгах.

— Говорите, говорите! — подбодрила она меня.

— Денег у вас никто не крал, — сказал я. — Вы не хотите выдавать полиции этих троих, вы хотите только связаться с ними и продолжить дело вашего отца. Хотите заполучить дело в свои руки и стать новым боссом.

— Если вы пришли к такому заключению, — сказала она, — то зачем вы сейчас здесь?

— Потому что я поведал сегодня утром всю эту историю Фей и посоветовал ей смыться отсюда как можно быстрее. Поступил так совсем не потому, что на меня нашло великодушие, я хотел уберечь ее отца от нервного потрясения.

— Фей? — тихо спросила Пэтти с заднего сиденья. — А кто она такая?

— Третий член блестящего трио, — сказал я. — Девушка, которая выискивала жертвы в Санта-Байе. Вы знаете ее под настоящим именем. Это Вирджиния Бейли!

Пэтти испуганно вскрикнула и как-то обмякла на своем сиденье. Я успел это заметить в зеркальце заднего обзора.

— Я сделал все так, чтобы Фей отсюда исчезла, — продолжал я как ни в чем не бывало, — но тем не менее

чувствую недоброе — думаю, что она ждет нас в горном домике вместе с Уолтом и Вилли.

— Опять эта проклятая «молния», — смиренным тоном сказала Праймел. — Эти застежки всегда отказывают в самый неподходящий момент.

Она нагнулась и начала что-то поправлять, а когда выпрямилась, в руке у нее был револьвер. Его ствол твердо уперся мне меж ребер, и я увидел в ее глазах победные огоньки.

— Продолжайте ехать дальше, Бойд! — сказала она. — И не пытайтесь выкинуть какой-нибудь фортель. Мне совершенно безразлично, когда я вас прикончу, сейчас или потом.

Свободной рукой она расстегнула мою куртку и вынула револьвер из кобуры. После этого она повела себя спокойно.

Надеюсь, люди в горном домике поверят ей, что я безоружен.

Минут через десять мы уже были у домика. Начинало смеркаться, и мне казалось, что мы находимся на краю света. Перед домиком стояло две машины — «линкольн» и голубой «кабрио». Праймел ткнула меня в спину револьвером и повела в дом. Пэтти, как собачонка, бежала за нами.

Все трое ждали нас. Уолт, блондинка, с хмурым видом поглядывающая на нас, и великан Вилли с повязкой на лбу, которая частично скрывала его волосы.

— Я отобрала у него револьвер еще в машине, — самодовольно заявила Праймел. — У Бойда слишком длинный язык. Не мог не похвастаться мне в том, что он догадался обо всем. Но самое главное — он здесь. На этом мы сэкономим массу времени, не правда ли?

— И маленькая Пэтти тоже здесь, — проговорила блондинка.

— Вирджиния? — Пэтти неуверенно посмотрела на нее. — Бойд рассказал о тебе ужасные вещи. Надеюсь, все это неправда, да?

— Все правда, от первого и до последнего слова, — ответила она. — Ты не можешь представить себе, как я рада видеть твою глупую физиономию.

— А я рад видеть вас, Бойд, — проговорил Вилли, но я заметил, что у него уже не та энергия, что раньше. — Продолжим там, где мы остановились.

— Ты все сделала очень мило, — сказал он Праймел. — Действительно яблоко от яблони недалеко падает. Могу

я забрать у тебя эту штуку? — Он взял револьвер у нее из рук. — Я еще понаслаждаюсь, Бойд, прежде чем пустить пулю тебе в брюхо.

— У нее есть и свой револьвер, — сказал я. — Этот она отобрала у меня. Так что у нее два.

— Нет, револьвер Бойда я оставила в машине, а это мой собственный... Кстати, почему это вас беспокоит, Бойд?

— Не считайте меня глупее, чем я есть, — ответил я. — Неужели вы всерьез думаете, что они возьмут вас вместо вашего отца? Им хорошо и втроем. Зачем же делиться еще с кем-то! Кроме того, такая конкуренция не понравится маленькой Вирджинии. До сих пор ее обслуживали трое мужчин, и это ей очень нравилось. Теперь ей приходится довольствоваться двумя... Так неужели вы думаете, что она с вами поделится?

— У вас действительно слишком длинный язык, Бойд! — выдавила из себя Вирджиния и ударила меня по лицу.

— И все же я прав, — ответил я.

— Конечно, он прав, — весело заметил Вилли. — Наша Праймел чересчур уж самонадеянна. Но давайте лучше практическим путем разрешать наши проблемы.

— Каким образом? — спросил я.

— Можно мне это сказать, Вилли? — спросила Вирджиния робким голосом.

— Почему и нет? — ответил он великодушно.

— Это будет один из извечных треугольников, — радостно сообщила она. — Избитая тема, но газеты обрадуются, когда получат такой материал. Любовное гнездышко в горах! Эти трое: Бойд, который как дикий зверь развлекается здесь с женой старого Бейли, и его клиент, которая появляется в самый неподходящий момент, надеющаяся на взаимность. Она приходит в гнев и убивает обольстителя и его подружку. А потом... — Вирджиния хихикнула. — А потом ее начинают мучить такие сильные угрызения совести, что она приставляет револьвер к своему виску и нажимает на курок. — Она облизала губы. — Ну как, Пэтти, неплохой вариант, не так ли?

Та вымученно крикнула, прикрыла рот тыльной стороной ладони и безвольно прислонилась к стенке.

— А ты? — Вирджиния посмотрела на Праймел, которая стояла с каменным лицом. — Ты, несчастный недоносок! Жалкое подобие Джо Хилла! Тебе ясно, как все будет обставлено? Или твоя голова не может этого переварить?

Издав противный звук, Праймел перешла к действиям, и причем гораздо быстрее и решительнее, чем можно было ожидать. Схватив Вирджинию за пуловер, она приподняла ее в воздух и закружила вокруг себя. Болтающиеся ноги Вирджинии заехали Вилли в живот, тот от неожиданности выронил револьвер, а Праймел отбросила Вирджинию и схватила оружие.

— Вот так-то! — сказала она, тяжело дыша и снова выпрямляясь. — Нет худа без добра. Сейчас картина выглядит совершенно иначе. Я...

— Ты... — Вирджиния с трудом поднялась на ноги. Светлый парик сполз ей на затылок, что придало ее лицу гротескный вид. Из ее рта полился поток сквернословия, а сама она бросилась к Праймел.

— Ни с места! — резко сказала она. — Иначе пристреляю, как бешеную собаку!

Вирджиния ответила ей, что та не умеет обращаться с оружием, и успела подскочить ближе. Я вынул из-за пояса свой маленький револьвер, потому что вся эта комедия начинала мне надоедать. Женские драки смешно выглядят в кино. Но уже в следующую секунду я понял, что здесь разыгрывается не комедия, а трагедия.

Праймел дважды нажала на спуск, револьвер дрогнул в ее руке, но с такого маленького расстояния трудно было промазать. Вирджиния остановилась, и одежда ее сразу окрасилась в красный цвет. На мгновение пальцы ее скрючились, словно она хотела судорожно схватиться за воздух, а потом осела на пол. Вилли громко вскрикнул, вырвал у Праймел револьвер и направил его на нее. Наши выстрелы прозвучали одновременно. Пуля Вилли сделала во лбу Праймел маленькую дырочку, а моя пуля угодила Вилли в грудь. Я выстрелил дважды, потому что револьвер у меня был почти игрушечный, а Вилли был крупный парень...

Вот так все и кончилось. Три трупa лежало на полу. Пэтти в истерике билась головой о стену, а Уолт стоял и не шевелился. Он, видимо, еще не осознал, что же все-таки произошло.

— Пэтти! — громко позвал я.

Она вздрогнула.

— Что? — спросила она отсутствующим голосом.

— Вы возьмете машину Вирджинии, — сказал я. — Она стоит у дома, и поедете к себе...

— К себе? — прошептала она.

— Как-никак, а вы ведь замужняя женщина, и вашему супругу вас очень не хватает.

— Эдвину? — Она медленно вытерла себе рот. — А что я ему скажу?

— Наверное, вам придется рассказать ему всю правду, — заметил я. — Кем вы были и кем была Вирджиния.

— Он этого не выдержит.

— Думаю, он с этим справится... А что, собственно, вы можете сделать еще?

Она внимательно посмотрела на меня, а потом медленно кивнула. Когда она подходила к двери, походка у нее была более решительной. Я вытащил сигарету, закурил, и в этот момент услышал шум автомобильного мотора.

— Бойд!

— Что?

Я посмотрел на бледное лицо Уолта и заметил, что он трясется от страха.

— Что будет со мной? — прошептал он.

— Вам повезло, — сказал я, — что остались живы. Все получилось так, как планировала Вирджиния, только действующие лица этого банального треугольника оказались другими. Да, этот извечный треугольник! Бедняга Вилли! И зачем он только связался сразу с двумя экспансивными женщинами! Рано или поздно кто-нибудь найдет их трупы...

— Вы не будете звонить в полицию, Бойд?

— Не хочу связываться с полицией Санта-Байи. — Меня всего передернуло, когда я представил себе реакцию капитана Шелла. — Это все равно никому не поможет. И меньше всего — Эдвину Бейли. Я считаю, что он и Пэтти снова должны найти друг друга. Иногда я тоже бываю сентиментальным. Но только иногда, Уолт! И если я услышу, что вы снова оказались в Санта-Байе, вернусь и призову вас к ответу. — Для острастки я оскалил зубы. — Попросту говоря, прикончу вас!

— Я понял, я покончу с этим, — быстро ответил он.

— И быстро! Пока я не передумал...

Он в мгновение ока выскочил из домика. Я подождал, пока не затих шум мотора, а потом взял револьвер Луизы и тщательно вытер его. После этого сжал его в руке Праймел, а потом бросил на пол. На ее руке были следы пороха от другого револьвера, и я понадеялся, что Шеллу этого будет достаточно.

Подойдя к своей машине, я поднял свой револьвер с сиденья и сунул его в кобуру. После этого сел в машину и поехал в город. Праймел Хилл дала мне тысячу долларов и обещала оплатить все расходы. Но эти расходы теперь

должны пойти за мой счет. Две сотни из этой тысячи я уже отдал Пэтти, а если еще подумать о расходах на дорогу, о счете отеля, о взятой напрокат машине и прочем, то окажется, видимо, что я вернусь к себе в Манхэттен всего лишь с мелочью в кармане. За это я должен найти себе какое-нибудь утешение, подумал я. И я знал, где найду это утешение и возмещение убытков...

Я лежал, вытянувшись на круглой кровати, и осторожно балансировал стакан с мартини на своей голой груди. Луиза быстрым движением стянула с себя свитер и небрежно бросила его.

— Денни, дорогой,— хрипло сказала она,— я, конечно, ничего не имею против занятия любовью. Я очень рада, что ты вернулся, и быстрая эвакуация в спальню делает честь и мне и моей спальне, но неужели ты мне так и не расскажешь, что там было?

— Там все было довольно скучно,— ответил я.— Собственно говоря, там и не было-то ничего. Только когда тебя спросят в полиции о револьвере, скажешь, что одолжила его Вирджинии Бейли. Она была твоя старая подруга и чувствовала себя неуверенно в этом большом доме на скале, особенно, когда ее отец ночевал в клубе.

— Ты сказал «была»?

— И не печалься, Луиза,— ответил я,— она была злой девушкой.

— Я всегда это знала.

— Джо Хилл тоже мертв. И причем уже порядочное время. А Вилли и Уолт не доставят тебе больше никаких беспокойств.

— Рада это слышать. Должно быть, ты действовал очень ловко,— сказала она.— Ну а теперь займемся делом или ты будешь еще говорить?

— Немножко,— ответил я и сделал глоток мартини. Оно было достаточно холодное, но когда это делается быстро, то нечего и предъявлять претензий.— Опцион Джо Хилла на участок Куттера со временем кончится и Джо больше не сможет возобновлять договора, не правда ли?

— Да,— ответила она.

— Поэтому со временем ты сможешь получить этот участок намного дешевле, чем говорил Джо Хилл.

— А что я буду делать с этой бесполезной землей?

— У тебя же были планы насчет мотеля?

— Это Тайлер хочет построить там мотель.

— Так почему бы вам не купить сперва землю, а потом показать планы богатым людям в Санта-Байе?

— Ты думаешь, это имеет смысл?

— У тебя с твоими связями... Ведь «Старайт-отель» — конкурент несерьезный. Почему бы вам не попытаться?

— Если все так просто, то почему Джо Хилл не подумал об этом? — с сомнением спросила она.

— Потому что он был всего-навсего крупный мошенник. Ему и в голову не могло прийти, что такие же деньги можно заработать законным путем.

— Может быть, ты и гений, — пробормотала она. — И если оно выгорит, ты получишь от нас с Тайлером солидный куш за идею. Можешь быть уверен.

— Все обещания, обещания... — захныкал я. — А почему ты не забираешься в кровать.

— Я сперва хотела тебе кое-что показать, дорогой, — ответила она. — Небольшой сюрприз...

— Это недолго?

— Одно мгновение.

— О'кей! — Я пожал плечами. — Показывай!

Она взяла рюмку с моей груди и поставила ее на пол. Потом критически посмотрела на меня, словно я страдаю комплексом неполноценности, и сказала:

— Повернись немного набок.

Я повиновался.

— А теперь вытяни руки над головой.

— Я обычно выполняю более интересные упражнения в постели. — Тем не менее я поднял руки, Луиза зашла за мою голову и я услышал металлический щелчок.

— Ну, — сказала она, — разве это не чудесно?

— Что именно? — Я хотел убрать руки, но они не сдвинулись ни на сантиметр.

— Ты в наручниках, дорогой... Они вмонтированы в кровать. Достаточно нажать кнопку, и ты снова будешь свободен...

— Так нажми на эту проклятую кнопку.

— Только не сейчас, дорогой!

Она сказала это таким тоном, какой мне вообще не понравился. Выпучив глаза, я заметил, что она исчезла в ванной, а потом вернулась. В глазах ее мерцали дьявольские огоньки.

— Вчера ты забавлялся надо мной, сегодня моя очередь! — проговорила она, забираясь в постель.

— Что ты имеешь в виду?

Она ловко уперлась и уселась на мои бедра, улыбнулась ангельской улыбкой, а в следующую секунду налепила на мой рот широкую полоску пластыря.

— Уууууу! — промычал я.

— Может быть, я немножко бесцеремонна...— Она схватила меня за волосы на груди и слегка потянула.— Но я, так же как и ты, дорогой, считаю, что в постели все дозволено.

— Ммммм! — промычал я в отчаянии.

Она еще раз щипнула меня за грудь, а в следующий момент я почувствовал, что меня начинают насиловать.

— Не волнуйся, дорогой,— нежно сказала она.— Я это сделала для твоей же пользы.— Она тяжело вздохнула.— Не знаю, по какой причине, но когда я начинаю работу, большинство мужчин уже секунд через десять, принимаются стонать и скрежетать зубами! Но я тебя избавлю от этого, дорогой!..

**СТРАХ ПРИХОДИТ
НЕ СРАЗУ**

Глава 1

— Лично я считаю, что он уже убил моего брата, — твердо заявила она, — и теперь очередь моей сестры. Нужно что-нибудь сделать, мистер Бойд!

Я оглянулся. Здесь, в этом баре была приятная атмосфера: свежо и притушенный свет. За столиком сбоку акула с Медисон-авеню жаловался, что игра в любовь для него становится все дороже.

Я подумал, что зря прислушиваюсь к словам соседа, нужно хорошенько понять, что она мне сказала...

Она не захотела прийти в мое бюро, и по телефону попросила прийти в этот бар, а теперь, судя по напряженному и озабоченному виду, не замечала даже содержимого своего стакана.

— Что-то происходит за моей спиной? — спросил я. — Вы мне кажетесь обеспокоенной...

— Он нанял людей следить за мной днем и ночью, — ответила она, — я это знаю... чувствую...

У этой брюнетки с черными глазами, высокой, красивой и очень уверенной в себе, красивые ноги, которые она закинула одну на другую, обнажив колени с ямочками. Конечно, любой парень, если он нормальный человек, согласится охотно следить за ней днем и ночью. И если бы наружная температура понизилась хотя бы на десять градусов, я сделал бы то же самое.

— Держу пари, что вы получили об этом сведения, — сказал я.

— Поздравляю, — холодно проговорила она, — вы очень проникательны.

— Я также готов держать пари, что у вас белое из белой шерсти, и что вы смотрите на мужчин, как на грубых скотов.

Она поджала губы.

— Избавьте меня от своих сомнительных шуток, мистер Бойд! Если мое предложение вас не интересует?..

— Напротив, оно меня заинтересовало бы,— с жаром запротестовал я,— но при условии, что там окажется приличный куш.

— Это то, о чем мне сказали,— она улыбнулась с легким презрением.— Если у вас неприятности и есть хорошие деньги, обращайтесь к Денни Бойду.

— Судя по тому, что вы мне намекнули о своем брате и сестре, у вас действительно большие неприятности.

— Короче, вас это интересует?

— Возможно,— осторожно ответил я,— но я должен знать больше. Я правильно угадал про ваше белье?

Она посмотрела на меня, как на какую-то грязь, неведомо откуда свалившуюся ей под ноги.

— Меня зовут Марта Хозелтон,— сухо проговорила она,— у меня есть сестра Клемми и брат Филипп. Но он исчез три дня назад.

— Вы известили об этом полицию?

— Нет, так как пока мне одной известно, что он исчез. Полиция к моему заявлению не отнеслась бы серьезно.

Я закурил и спросил себя: в полном ли она уме? Бриллиантовый клипс, который украшал ее шляпку, не выглядел поддельным, на ней были замшевая курточка и шерстяная юбка, безусловно из магазина на Пятой авеню... Если она и сумасшедшая, то до сумасшествия богата. Как раз та клиентка, которая мне и была нужна.

— А кто, по вашему мнению, убил брата и покушается на жизнь сестры? — спросил я.

— Мой отец, разумеется! — она даже удивилась.— Я ведь вам уже сказала об этом.

Я допил свой джин-тоник и сделал знак парню, который, видимо, не торопился.

— Нет, вы не вспоминали о своем отце. А что с ним? Он ищет сенсационных новостей?

Она даже не дотронулась до своего рома, однако это не помешало мне заказать новый джин-тоник с ломтиком лимона, настоящим! Будем наслаждаться жизнью!

Марта Хозелтон нагнулась ко мне.

— Я не шучу, мистер Бойд! — заявила она.— Это вопрос больших денег.

— Ключевое слово в моем словаре,— согласился я.— А что дальше?

— Моя мать умерла, оставив состояние в два миллиона долларов, свободных от налогов. Мой отец назначен душе-

приказчиком и наследником на десять лет, по истечении которых капитал должен быть разделен между тремя детьми. Через два месяца истекут эти десять лет.

— И по-вашему мнению, отец не хочет выпустить этот куш?

— А что от него осталось? В этом-то и весь вопрос, мистер Бойд.

— Следовательно, ваш отец собирается уничтожить своих детей, одного за другим, чтобы помешать обнаружить горшок с розами... По-моему, он просто сумасшедший, если думает, что это у него пройдет!

Появился джин-тоник, и я занялся им.

— Сумасшедший или нет, но сделает он именно это, — заявила Марта. — Итак, вы заинтересовались, мистер Бойд?

— Зовите меня Денни.

— Об этом не может быть и речи, не забывайте, мистер Бойд, что я обращаюсь к вам, как к профессионалу.

— Не сомневайтесь в моем значке частного детектива. Но я сатир по призванию и у меня слабость к белому белью.

Она снова поджала губы.

— С меня довольно ваших шуток! Нужно действовать быстро: я уверена, что в настоящий момент за нами следят. Хотите вы или нет работать на меня?

— А что я должен делать?

— Вы должны спасти Клемми, заставить ее покинуть ферму моего отца, пока она не исчезла, как Филипп. Получите за это две тысячи долларов. Отправляйтесь на ферму и спрячьте ее до той поры, когда все прояснится по части наследства моей матери.

— А где вы хотите, чтобы я спрятал ее?

— Это зависит от вас, — недовольно ответила она. — Безразлично где, только бы она находилась в безопасности. Разумеется, я оплачу все расходы. Те две тысячи долларов — только за то, чтобы удалить ее с фермы. Это займет у вас несколько часов, мистер Бойд, и, мне кажется, две тысячи — это хорошая оплата, не так ли?

— Ну что ж, решено.

Кончиками губ она коснулась своего рома и сделала брезгливую гримасу.

— Я довольна, что мы наконец договорились, — после небольшого молчания сказала она. — Что вы хотите узнать еще?

— Название фермы и как я могу связаться с вами после того, как похищу вашу сестру?

— Ферма называется «Хиг Тор» и находится в тридцати двух километрах от Провиденс. Не пытайтесь увидеться со мной, я буду сама звонить вам в бюро.

— Согласен, — ответил я, пожав плечами. — Я поеду в Род-Исланд завтра, пораньше с утра.

— А почему не сейчас? — нетерпеливо спросила она.

— Потому что день уже закончился и сейчас слишком жарко. Завтра, может быть, будет прохладнее...

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Я задаю себе вопрос, все ли я сделала как следует... — медленно проговорила она.

Я задержался в баре еще на полчаса после ухода Марты Хозелтон, все время спрашивая себя, не с сумасшедшей ли я имею дело. Но в сущности, ведь все мои клиенты немного тронутые, в противном случае, разве они обращались бы ко мне?

Около пяти часов я вернулся в свое бюро. Прошло три месяца с тех пор, как я покинул детективное агентство Крюгер, чтобы организовать предприятие Бойд. За это время успел проделать несколько вещей: обзавелся помещением, мебелью из белого дерева, креслами из белой кожи и несколькими клиентами с деньгами. Главным моим приобретением была секретарша, и я поместил ее в комна-тушке, которую громко назвал «залом ожидания», так как по природе я оптимист.

Ее зовут Фран Джордан, это рыжая девушка с зелеными глазами и мечтательным взглядом. Она обладает довольно сильным характером и очень красивым телом.

— Салют, Фран, — сказал я, — что нового?

— Ничего, — лаконично ответила она. — Один тип ожидает вас в кабинете.

— А чего он хочет?

— Не знаю. Его зовут Хустон, но он явно не из Техаса.

— Никогда не можешь знать... Вдруг у него есть нефтяная скважина, и он хочет... Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

— Денни, — мягко сказала она, — когда я начала работать на вас, мы решили, что каждый останется на своем месте. Так вот у меня на сегодняшний вечер имеются свои планы.

— Мне все понятно... А куда ведут вас эти планы?

— Он из Мидл-Вест и теперь ищет место, куда поместить свои деньги,— с торжеством заявила она.— У меня есть для него потрясающие сведения.

— Ладно, пойду к нефтянику,— проворчал я, поворачиваясь на каблуках.

Он ждал меня, устроившись в одном из кресел.

Небольшого роста, небольшого веса, можно подумать, что он создан электронной машиной. Костюм на нем нейтрального цвета и определенно дорогой, но это не прибавляло ему веса.

Парень лет сорока, может быть, немногим меньше, вежливо улыбнулся мне. Из-за очков без оправы глядели глаза дохлой рыбы.

— Мистер Бойд? — проговорил он голосом, лишенным тембра.— Похоже, вы купаетесь в роскоши или еще не заплатили за свою мебель?

— Давно меня ждете?

— Добрых полчаса.

— В таком случае, вы должны мне за полчасовой наем помещения,— заявил я.

Он отвратительно скрестил ноги.

— Меня зовут Хустон, и я адвокат.

— Конечно, всем надо жить,— кивнул я.— По правде говоря, принял вас за судебного исполнителя.

— Я адвокат Гилберта Хозелтона,— солидно проговорил он.— Разумеется, вы слышали о нем?

— Гилберт Хозелтон, знаменитый ряженный!

— Перестаньте паясничать, Бойд, и поговорим о деле! — сухо перебил он.— Это будет лучше и для вас, и для меня.

— Только в том случае, если ваши дела станут и моими делами.

— Вы только что встречались с Мартой Хозелтон в баре на Сорок девятой улице. Она назначила вам свидание. Ваша беседа продолжалась полчаса, и она ушла первой. Верно? — Он с хитрым видом посмотрел на меня.

— Это вы говорите,— ответил я.

Хустон поморщился.

— Вы выпили два джина-тоника в компании с Мартой Хозелтон. Все это у меня отмечено, но говорить вам большее бесполезно. Я полагаю, что она наняла вас для определенных услуг.

— Все, что вы тут говорите, прелестно. Можно подумать, что я действительно знаменитость...

— Должен вас предупредить,— неожиданно резким то-

ном сказал он, — что внешность иногда бывает обманчивой. Марта Хозелтон...

— Вот как? Значит, это Гилберт Хозелтон собственной персоной выдает себя за свою дочь? — спросил я с ошеломленным видом. — Ну, старина, вы ошарашили меня. Вот это фокус! Никогда бы не подумал!..

Он поджал губы и стал серым.

— Ваша шутка — дурного вкуса, Бойд, — сухо проговорил он. — Я хочу сказать и вы меня прекрасно поняли, что мисс Хозелтон больна, душевно больна. Она страдает галлюцинациями и воображает бог знает что...

— Вас она тоже вообразила? Теперь я все понял, мистер Хустон! У вас такой вид, будто вы вышли из кошмара, и, конечно, кошмара хорошо организованного.

Хустон с трудом перевел дыхание.

— Ладно, ладно, — проскрипел он, — довольно шутить, перейдем к делу. Все, что Марта могла вам рассказать, это чистейший вымысел, и если я был бы на вашем месте, то не придал бы этому никакого значения.

— И ее деньгам тоже?

— Ах, да! Ее деньги...

Он определенно почувствовал облегчение, услышав от меня о предмете, который был ему знаком и близок.

— Деньги... Да, ее деньги... — повторил он. — Так вот, мистер Хозелтон считает, что раз его дочь заставила вас потерять свое время, он должен вам возместить потерю. Что вы скажете о пятидесяти долларах?

— Можете положить их туда, куда... вы меня понимаете?

Хустон, не моргая, смотрел на меня в течение пяти секунд, которые, видимо, использовал для упражнения своего мозга.

— Кажется, вы считаете, что ваше время очень дорого, Бойд, — наконец проговорил он. — Давайте ваше предложение.

— Две тысячи долларов.

— Вы смеетесь?

— Ну что ж, тогда больше не будем об этом. Я продолжаю работать на Марту Хозелтон.

Он, размышляя, хлопал себя по носу, потом встал и стал потирать руки, наконец принял решение:

— Больше я не хочу спорить, — заявил он. — Тысяча долларов, это — взять и бросить!

— Я брошу!

— Вы еще пожалеете! — прорычал он. — Эта история доставит вам неприятности!

— Неприятности юридического сорта?

— Среди прочих!

— Возможно, мне нужно будет запастись хорошим адвокатом, — громко размышлял я. — Вы случайно не знаете такого?

Глава 2

Когда у меня появляется желание подышать деревенским воздухом, я отправляюсь в Центральный парк, на природу, чтобы немного прийти в себя. К тому же, если хождение вас утомляет, вы всегда можете зайти в «Таверну», чтобы выпить martini... или взять такси.

Скука в этой Новой Англии, обилие природы быстро становится навязчивым. Нет, если только любоваться, то еще ничего, сносно, особенно, когда солнце освещает пурпурные листья и белые стволы деревьев. Только их всегда слишком много и это снижает впечатление, вроде апартаментов без горячей воды, или девочка Тарзана из дешевого кабаре, изображающая в танце любовь краснокожих. Говорят, краснокожие находятся на грани исчезновения. Разумеется, если они так занимаются любовью, то этим все и объясняется.

Был как раз полдень, когда я появился перед фермой Хозелтона: большая доска около портала объявляла — «Хиг Тор», так что не было возможности ошибиться.

Ворота были открыты, и я направил машину по аллее, ведущей к ферме. Она находилась метрах в двухстах от дороги.

Возле дома, как я заметил, меня ожидали. Это был тощий тип среднего роста, с внушительными плечами и бицепсами. На нем черная рубашка и галстук, рукава высоко закатаны на волосатых руках. Брюки бежевого цвета, затянутые по талии, а на ногах ярко начищенные сапоги.

Я закурил сигарету в ожидании, когда он подойдет ко мне небрежной походкой.

У него были густые черные волосы, старательно зачесанные назад, и лицо такое же выразительное, как у деревянного болванчика. Кто-то когда-то приплюснул ему нос, и маленькие белые шрамы окружали его веки.

Он облокотился на автомобильную дверцу с опущенным

стеклом и стал рассматривать меня. Вблизи он тоже не выигрывал: у него была голова и все.

— Ну, что продаешь? — спросил он.

— Ничего, я приехал с визитом.

— А ты уверен, что не ошибся адресом, друг?

— Ты довольно быстро нашел себе друга! — восхищенно улыбнулся я. — Нет, я не ошибся адресом.

— Гм... — пробурчал он, покачав головой, — тут, дружок, ошибка. Здесь не принимают.

— Ну что ж, значит, я открою новую эру. Я приехал повидать Клемми Хозелтон.

— Она не принимает, дружок, никакой возможности.

— А меня примет. Будь другом, мой дружок, пойдй объяви обо мне.

Он вздохнул.

— Ведь я же тебе сказал, что она никого не принимает! У меня есть распоряжение. Итак, дружок, не будь слишком хитрым и поворачивай назад, хорошо? Тогда мы расстанемся друзьями.

— Если она никого не принимает, то может быть, у нее имеются уши, чтобы слышать? — предположил я и нажал на клаксон. В течение нескольких секунд машина издавала хриплый вой, пока пальцы типа не сомкнулись на моих.

— Ты не должен был делать этого, дружок, — с грустью в голосе проговорил он. — Теперь придется расправиться с тобой.

Его пальцы по-прежнему были сжаты на моем левом кулаке и его голова находилась в обрамлении окошка. Я оставил ему свой левый кулак, а правой рукой защемил его нос между указательным и большим пальцами. Потом быстро стал поднимать и опускать руку, ударяя его то черепом о верх окна, то подбородком о низ. Настоящее представление! Это принесет ему пользу. После пяти-шести раз я выпустил нос, и парень исчез.

Я вышел из машины и нашел его у своих ног, он стоял на четвереньках и, глядя на него, можно было подумать, что по нему кто-то проехался. Пока вид его казался отупевшим, но видно было, что он может скоро оправиться. И поэтому я коротким ударом ботинка ткнул его над правым ухом. Перешагнув через типа, я направился ко входу в дом. Жизнь довольно жесткая штука, не правда ли? Особенно, когда приходится расправляться с другом...

Дверь отворилась, и на пороге появилась девушка. Она была молода, лет двадцати. Брюнетка с блестящими от любопытства глазами. Совсем не тип маленькой сестренки.

Это меня вполне устраивало, ибо я вовсе не нуждался в сестренке, как тот тип, валявшийся на траве, нуждался в друге.

— Я услышала клаксон, — дрожащим голосом проговорила она, — а что происходит?

— Ровным счетом ничего, — заверил я. — А вы Клемми Хозелтон?

— Да, — ответила она, энергично кивая головой. — Вы меня ищете?

— Меня зовут Денни Бойд, и я друг Марты Хозелтон. Она просила меня приехать сюда.

— Я в восторге, — радостно сказала Клемми. — Дружья моей сестры — мои друзья. А Пете не вышел, когда вы нажали на клаксон?

— Пете? — спросил я с недоумением.

— Человек на все руки... он, видимо, чем-то занят, — она внимательно посмотрела на меня и широко улыбнулась. — Хотите войти?

— Спасибо, очень хочу, у меня есть к вам поручение от Марты.

Я прошел следом за ней в обширную гостиную, обставленную деревенской мебелью.

— Садитесь, — сказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Только не сейчас, спасибо.

У нее отсутствовали элегантность и высокомерие старшей сестры, но это не мешает ей быть красивой, каким бывает бутон, который должен скоро распуститься. Если судить по тому, как тесна ей юбка, я подумал, что моя миссия будет не лишена привлекательности.

— А кто у вас есть еще из персонала, кроме Пете? — спросил я.

— О, еще есть Сильвия, но она вышла, я ее не видела уже несколько часов. Хотелось бы мне знать, чем занят Пете...

— Послушайте, Клемми, — сказал я, — вот в чем дело: я частный детектив.

— Кроме шуток? — воскликнула она с блестящими глазами. — А что сделала Марта?

— Ничего. Это она послала меня сюда за вами, чтобы спрятать вас в надежном месте.

Она смотрела на меня так, будто я телевизор, свалившийся на пол во время передачи.

— Как вы сказали? — спросила она с явным недоверием в голосе.

В этот момент у меня появилось неясное предчувствие, но раз уж начал, нужно было идти до конца. И я ответил:

— Марта утверждает, если вы останетесь здесь, то можете исчезнуть, как ваш брат.

— Филипп? — спросила она, округлив глаза. — Он исчез?

— Да, если верить Марте.

Сказанное почему-то не показалось мне убедительным даже для меня самого.

— Это ведь шутка, не так ли, мистер Бойд? — спросила она со слабой улыбкой.

— Шутки в сторону, — ответил я. — Вы здесь лишены свободы? Да или нет?

— Вы сошли с ума! Разумеется, нет! Кто это вам мог сказать подобное?

— И вы не желаете, чтобы я вас освобождал?

— Конечно нет!

Я услышал, как открылась входная дверь, послышались тяжелые шаги в холле, Пете ворвался в комнату и бросился прямо ко мне.

— Ты у меня увидишь! — заорал он. — Гнусный негодяй!

— Пете! — воскликнула Клемми. — Что с вами?

Это остановило его порыв. Мы опять стали как бы друзьями, двумя рыцарями, которым девушка предлагала скрестить шпаги в другом месте.

— Но... мисс Хозелтон... — пробормотал Пете. — Этот тип появился без всякого приглашения и...

— Мистер Бойд — друг моей сестры, — сказала Клемми. — И пришел повидать меня по ее просьбе. Что это такое? Оставьте нас в покое, Пете!

Лицо Пете покрылось отвратительными красными пятнами, он смотрел на Клемми с раскрытым ртом, не в силах произнести ни слова.

— Пете! — сухо произнесла она.

— Да, — проворчал он, — я не глухой. — И вышел, волоча ноги, в такой ярости, что вены на его шее вздулись.

Клемми тут же повернулась ко мне, краснея от смущения и негодования.

— Я огорчена, мистер Бойд. Пете иногда взрывается буквально из-за пустяка. Он считает себя моим ангелом-хранителем, и я не знаю, почему. — Она закусилла нижнюю губу и задумалась. — А это серьезно? История с похищением?

— Самое, что ни на есть серьезное.

Она снова покраснела.

— Бедная Марта! С ней случается... воображает некоторые вещи... Я очень огорчена, мистер Бойд, что вам пришлось потревожиться. Я расскажу об этом отцу и уверяю, он оплатит вам этот потерянный день.

Извлекшись из деревянного кресла, я почувствовал себя таким же деревенским простачком.

— Не будем больше говорить об этом. Я считаю, будет лучше, если я поскорее вернусь в Нью-Йорк. А исчезновение Филиппа, вы считаете, тоже выдумка Марты?

— Я его не видела в течение двух или трех дней, — не задумываясь ответила Клемми. — Но он и отец приезжают сюда только на уик-энд. Он должен находиться в Нью-Йорке, в нашей квартире на Векман Плас, и если вы хотите повидать его, то наверняка найдете там.

— Я передам Марте привет от вас и добрые пожелания.

— Мне приятно, мистер Бойд! В самом деле, вы не должны обижаться на нее, это... это не ее вина!

Я пробормотал что-то неразборчивое и вышел из комнаты.

Оказавшись снаружи, я увидел, что Пете исчез, поэтому мне оставалось лишь влезть в машину и отправиться обратно в Манхэттен. Это я и собирался сделать, но на пути к машине кое-что заставило меня изменить намерение.

Это кое-что было блондинкой в старой соломенной шляпе, белой рубашке и бутылочного цвета брюках. У нее была такая походка, которая доказывает, что женщины хитрее мужчин и умеют показать свой зад.

Я прислонился к машине и смотрел на блондинку, пока она подходила ко мне. Она совершенно не спешила, а для чего ей было спешить? Нет, не соскучишься, глядя, как она идет.

Глаза голубые, как озеро в Центральном парке, кожа красиво загорела. Высокие скулы и немного вздернутый нос, а губы, я понял, давно скучали в одиночестве. Прибавьте к этому два высоких, крепких полушария, вздымающих тонкую ткань корсажа, и вы поймете, что представляла эта особа.

— Салют! — произнесла она немного хриплым голосом. — Вы кого-нибудь ищите?

— Думаю, что нашел... но теперь я уже не уверен в этом...

— Вы представитель? — спросила она, быстро хлопая

ресницами.— Мой отец сказал мне, чтобы я опасалась типов, подобных вам.

— Если вы дочь фермера, то я сразу же отправлюсь обрабатывать землю.

Она улыбнулась, показав прекрасные белые зубы.

— Пете сказал мне про вас,— призналась она,— но я хотела убедиться собственными глазами... Ведь Пете — это лопух, знаете...

— А вы являетесь здесь частью персонала?

— Меня зовут Сильвия Вест, я гувернантка, компаньонка. Так как в течение недели Клемми здесь совершенно одна, то я остаюсь вместе с ней, чтобы девушке не было скучно.

— А что мешает ей вернуться на Векман Плас, если надоело одиночество?

— Ничего,— спокойно ответила Сильвия.— К тому же она не рискует остаться одинокой с такими красивыми парнями, как вы... Посмотрите на меня прямо! Я уже видела ваш профиль, он сенсационен!

— А правый лучше, чем левый,— скромно признался я,— но оба недурны.

— Это так,— со вздохом согласилась она,— у вас потрясающий профиль и стальные мускулы. И пока мы здесь, есть еще такое, что, по вашему мнению, мне надо знать?

— Я представляю: меня зовут Денни Бойд. Собираюсь вернуться в Нью-Йорк, но передумал.

— Почему же?

— Из-за вас! Чего мне желать лучшего!..

Она старалась подавить улыбку.

— Я могу заставить вас изменить намерение? Значит, вы собираетесь остаться здесь надолго?

— Это полностью зависит от вас. Я конечно, не нуждаюсь в гувернантках... Но очаровательная компаньонка, совсем другое дело!

— Что касается меня, то вы можете оставаться у нас, сколько пожелаете, однако Пете... у меня нет ощущения, что он носит ваш образ в своем сердце.

— Вы заставляете меня заплакать,— жалобным тоном проговорил я.— Если это зависит от Пете, не беспокойтесь, я беру его на себя.

— Может быть...— согласилась она.— Вам не кажется, что следует вернуться и сказать Клемми, что вы изменили решение?

— Всему свое время... А что, если бы вы показали мне

поместье? Я еще никогда не видел ферму вблизи. Покажите мне бифштекс на ногах!

— Мы не в Техасе, паренек,— иронически проговорила она.— Но я могу показать вам хлеб на корню или сало на лапах.

— Ну вот, наконец-то! — воскликнул я в восхищении.— Самое время возвратиться к земле и пожить на свежем воздухе! К естественной нагоде. Как жаль, что вы не голая.. Вы должны быть восхитительны среди лесов!

— Здесь нет лесов, и я не имею обыкновения разгуливать голой. Начнем с амбара или вы предпочитаете посетить свинарник?

— Не стану вас затруднять, и если хотите, можно лишь взглянуть на них. Немного упражнений перед завтраком никому не приносили вреда.

— Сейчас не сезон любви,— спокойно возразила она,— приезжайте весной, и я буду готова.

Мы отправились бросить взгляд на поле пшеницы, потом мы полюбовались озером, где плавали деревенские утки, затем мы пошли к амбару с сеновалом, трактором и механическим плугом. Осмотрели кур и коров, и ботинки мои приняли соответствующий вид.

Под конец мы пришли в свинарник. Я остановился, чтобы закурить и взглянуть на мамашу с девятью поросятами. Спектакль был скорее угнетающий, и я повернулся к Сильвии Вест.

— Сколько времени вы уже работаете гувернанткой-компаньонкой-фермершей?

— В течение двух месяцев. Почему вы спрашиваете?

— Потому что вам это совершенно не подходит. Я скорее представлю вас в оранжерее, чем в свинарнике. И никогда не поверю, что вы охотно возвращаетесь к земле. Но тем не менее вы сейчас прелестны.

— Комплимент за комплимент, вы тоже совсем не представляете себе новой Англии, но что вы шарите здесь так далеко от Таймс-сквера?

— Марта поручила мне повидать сестру. Вы знаете Марту?

— Конечно! Она уже несколько раз приезжала сюда с отцом. Последний уик-энд провела здесь.

— А Филиппа? Вы тоже видели?

— Он тоже приезжал на уик-энд.

— Они вернулись вместе?

— Марта и мистер Хозелтон уехали утром в понедельник. Я не уверена, но мне кажется, что Филипп уехал

в воскресенье, в конце вечера. Во всяком случае, его не было в понедельник утром. А к чему эти расспросы?

— О! Ничего... просто любопытство. Его никто не видел с тех пор.

Внезапно я услышал злобное ворчание, исходящее неизвестно откуда. Я бросил взгляд на соседнюю со свиноматкой клетку и констатировал, что она была занята большим боровом. Он казался огромным и судорожно рылся в черноватой глине.

— А почему он один, вот этот? — спросил я. — Он созрел для свинины и теперь находится в камере смертников?

— Это хряк, старый хряк и у него дьявольский характер, вот почему он один. Не пытайтесь войти в клетку, он опасен!

— Верю на слово.

— Его зовут Дуксвилем, — продолжала она, улыбаясь, — настоящая потеха! Но он пользуется большим успехом у самок.

— Посмотрите, как он роется в грязи, можно подумать, что там зарыто сокровище, — с отвращением проговорил я, — и у него такой мрачный и воинственный вид, который заставляет меня вспомнить о Пете.

— Не будьте жестоким с Пете. В сущности, он только делает свою работу.

— Работу потрошителя? Что же здесь происходит, если платят парню за то, чтобы он набрасывался на посетителей?

Она вздохнула.

— Вы удивляете меня! Это Пете — мрачный и воинственный? Мистер Хозелтон просто не любит навязчивых людей и поручил Пете следить за спокойствием в доме его семьи. Вот и все!

— Значит, Пете профессионал?

— Мы продолжим обход поместья или вернемся? — спросила она с безразличным видом. — Приближается время завтрака, и я с удовольствием выпью что-нибудь. А вы?

— Вы читаете мои мысли.

Сильвия направилась к дому, и я собирался последовать ее примеру, когда снова услышал яростное рычание Дуксвиля. Я подумал, что он, возможно, что-то нашел и рискнул бросить взгляд в его клетку.

Боров энергично копал в углу клетки, отбрасывая от

себя грязь и работая, как механическая лопата. Он уже вырыл длинную полосу, сантиметров пятнадцати глубиной и продолжал рыть с тем же упорством.

Я наблюдал за ним, невольно заинтересованный, когда внезапно обнаружил причину подобной экзальтации. В течение нескольких секунд я не верил своим глазам, но когда нагнулся над оградой клетки, чтобы посмотреть вблизи, полностью отдал себе отчет в увиденном.

Дуксвиль отрыл большой и указательный пальцы человеческой руки. Но вдруг он поднял на меня глаза и несколько секунд смотрел с выражением животного злорадства. Его челюсти медленно и ритмично двигались, и он издавал удовлетворенное ворчание.

Я снова посмотрел на борозду, которую он вырыл в черноватой глине и почувствовал комок в горле: на указательном пальце не хватало фаланги.

Если Филипп Хозелтон покинул ферму в конце вечера в воскресенье, то он, кажется, отправился не очень далеко.

Глава 3

Глаза Клемми радостно заблестели, когда я вошел в гостиную.

— Я рада, что вы остались, мистер Бойд,— сказала она мне.— Я очень люблю гостей.

— Что мне вам предложить? — спросила Сильвия Вест.— Вот скотч, ром, водка...

— Скотч со льдом, пожалуйста.

Я закурил сигарету, у которой теперь был вкус следующего дня Страшного суда. Сильвия занялась в баре, но Клемми не спускала с меня глаз. Она сидела в кресле, обхватив руками колени.

— Завтрак будет не очень хорошим,— с беспокойством проговорила она,— вас не пугает холодная пища, мистер Бойд?

— Совсем нет.

— У нас есть свежая запеченная ветчина,— продолжала Клемми.— Ветчина с фермы.

У меня екнуло сердце.

— Обо мне не беспокойтесь,— пробормотал я,— я не голоден.

Сильвия между тем принесла бокал, и я проглотил большую порцию скотча, стараясь не думать о ветчине и сосредоточиться на виски.

— Клемми сказала, что вы частный детектив,— заметила Сильвия.— Поэтому вы такой недоверчивый, Денни?

— Это, должно быть, страшно интересная работа,— заявила Клемми, широко раскрыв глаза.— Очень опасно?

— Нет, при условии, если не будешь близко подходить к свинарнику,— с усмешкой ответил я.

— Свинарнику? — повторила Клемми с недоумением.

— Он только что познакомился с Дуксвилем,— пояснила Сильвия и расхохоталась.— Денни ведь натуралист... с асфальта.

Мне захотелось выпить еще виски, но я решил пока воздержаться. Дела прежде удовольствия, как говорила одна актриса режиссеру, который предложил ей сперва прочесть роль, а потом лечь в постель.

— Я полагаю, что мы обойдемся без завтрака,— сказал я Клемми,— можно перекусить по дороге.

— Как это? — удивленно спросила она.

— Мы уедем отсюда,— заявил я ей.— Хорошо подумав, я пришел к выводу, что ваша старшая сестра не сумасшедшая. У вас есть десять минут, чтобы уложить свой чемодан.

— Вы шутите?

— Ни в малейшей степени. Я не на телевидении и у меня нет в кармане текста роли. И свои диалоги я импровизирую вполне серьезно.

— Денни, вы действительно говорите серьезно? — сухим тоном спросила Сильвия.— Вы в самом деле собираетесь увезти Клемми?

— Нет, просто замечательно, как вы быстро соображаете! Да, серьезно, мы уедем.

Клемми вскочила с радостным видом.

— Вот замечательно! — закричала она.— Куда мы поедем?

— Куда-нибудь, где вы сможете спрятаться на некоторое время.

— Клемми, вы сошли с ума! — воскликнула Сильвия.

— Возможно,— ответила Клемми, задумчиво глядя на нее.— Все, что я знаю, это то, что я не хочу упустить такой случай. В первый раз со мной происходит необыкновенное... — она повернулась ко мне.— Денни, я пойду и уложу свой чемодан и вернусь через десять минут.

— Решено.

Она выбежала из комнаты. Я же вертел свой стакан, полагая, что нужно выпить еще.

— Вы не можете увезти ее! — закричала Сильвия. — Это похищение! Я обращусь в полицию! Я...

— Начните с того, чтобы сделать доброе дело: дайте мне еще выпить, — перебил я, бросив ей стакан.

Она ловко поймала его и, отойдя к бару, стала манипулировать бутылками.

— Вы просто ненормальный!

— Ненормальный, которого надо запереть, — согласился я.

Она подала стакан и продолжала глядеть на меня с задумчивым видом, закусив губу.

— Послушайте, — наконец проговорила она тихо. — Я не гувернантка и не компаньонка, я — сиделка.

— Но ведь это все меняет! Свиньи могут спать спокойно.

— Это из-за Клемми меня нанял мистер Хозелтон, — прошептала Сильвия, — разумеется, она ни о чем не догадывается, но ее душевное состояние беспокоит отца. Мне поручено заботиться и наблюдать за ней. Она не задумывается над тем, сказать да или нет, вы заметили? Если вы ее увезете, с ней может случиться невесть что...

— С ней может случиться невесть что и в том случае, если она останется здесь, — возразил я.

— Боже мой, как вы не можете понять! — с отчаянием воскликнула она. — В семье были случаи сумасшествия и поэтому мистер Хозелтон так беспокоится.

— Имеются еще варианты относительно раздела наследства, — возразил я. — Хотелось бы сказать несколько слов мистеру Хозелтону. Что это за тип? Не успела Марта нанять меня, как он поспешил прислать своего поверенного с известием, что Марта сумасшедшая. И вас он нанимает под тем же предлогом, но теперь это касается его младшей дочери. Вам не кажется, что сумасшедший именно он!

Напрасный труд, Сильвия даже не слушала меня.

— Я не могу позволить вам сделать это, Денни! — бросила она мне. — Вы не уедете вместе с Клемми.

— Вам нужна драка? — спокойно спросил я. — Ну что ж, раз так, валяйте, начинайте игру.

Она пристально посмотрела на меня, потом внезапно повернулась на каблуках, умчалась из комнаты. Я слышал, как она пробежала через холл, сильно хлопнула входной дверью и завопила: «Пете! Пете!»

Не торопясь, я покончил со вторым скотчем. К дьяволу Сильвию Вест, к дьяволу Пете, пусть она ведет его, он меня не испугает.

Через несколько секунд появилась Клемми Хозелтон, держа в руке дорогой кожаный чемодан.

— Я готова, Денни,— заявила она.— А где Сильвия?

— Она отправилась искать ключ от тира. Пошли!

Мы вышли из дома и сразу же наткнулись на Сильвию и Пете, ожидавших нас.

Пете занял пост в нескольких шагах от машины, скрестив руки на груди. Под ярким солнцем его можно было принять за героя старого фильма. Сильвия держалась в стороне и казалась напряженной и испуганной.

— Что происходит? — нервно прошептала Клемми.

— Ровно ничего,— уверил я ее.— Они против вашего отъезда, вот и все. Предоставьте мне действовать. Подождите меня в машине. Согласны?

— Согласна, Денни,— ответила она, быстро кивнув.— Иду!

Мы пошли к машине, пока не оказались около Пете.

— Здесь не проходят, мой дружок! — холодно бросил он.— Только не с мисс Хозелтон.

— Пете! — возмутилась Клемми.— Вы ошиблись, я еду с мистером Бойдом по доброй воле и...

Но Пете не дал ей закончить.

— Сожалею,— сказал он,— но мисс Вест против и я тоже. Вернитесь в дом, мисс, а я займусь этим типом.

— Дай мне пройти, Пете,— вмешался я,— если ты не хочешь, чтобы тебя сожрали твои маленькие поросята.

— Нет, дружок, этого не будет! На этот раз я приготовился.

Он стал приближаться медленными шагами: одного взгляда было достаточно, чтобы увериться, что человек безусловно произошел от обезьяны.

Я подумал о маленьких белых шрамах, которые окружают его брови, когда увидел, как он сжимает кулаки и становится на кончики пальцев, будто балерина.

Вне всякого сомнения, он — бывший боксер, и я готов держать пари, что для него удар ниже пояса не новость и правила не существуют.

У меня был выбор: я тоже могу подняться на кончики пальцев, чтобы попытаться доказать, что я лучший боксер, в чем я почти уверен. Мне следовало подойти слишком близко, чтобы выдать удар в желудок, который надолго запомнился бы ему. Иная возможность — показаться ме-

нее спортивным, чем он, и избежать ударов. Это я и выбрал.

Из-под пиджака я достал свой 38-й калибр, снял его с предохранителя и наставил в желудок Пете.

— Осторожнее с движениями,— сказал я.— Дырка в животе — это неприятно!

Он на секунду замер, устремив глаза на револьвер, потом поднял их на меня. Не нужно быть мудрецом, чтобы догадаться, что творилось у него в голове.

— Это шутка! — наконец сказал он.— Ты не посмеешь воспользоваться им, дружок!

— Ты так считаешь? — ответил я.— Думаешь, я ношу его для виду? Ну что ж, подойти немного поближе, чтобы убедиться в этом.

— Ты никогда не посмеешь,— повторил он, но на этот раз без уверенности.

— Влезайте в машину, Клемми,— распорядился я, не глядя на малышку.

Я сделал несколько шагов к Пете, замершему на месте.

— Знаешь, ты меня не испугаешь,— проворчал он,— тут есть свидетели. Если ты меня убережешь, считай, готов для газовой камеры.

— Тебя убирать? А для чего? — пожал я плечами.— Мне достаточно разбить тебе колено или прострелить ладонь. Этого вполне достаточно.

Пете — тип такого сорта, который не в состоянии проследить за двумя мыслями сразу. То, что я ему сказал, для него новость, он стал размышлять, а я сделал шаг вперед и теперь мы очутились нос к носу.

— А об этом что ты скажешь? — спросил я.

Одновременно изо всех сил ударил дулом револьвера в живот, в мягкое, точно куда следует. Его легкие выпустили воздух скорее, чем об этом можно было бы сказать.

Когда он начал оседать, я треснул его по черепу, как раз над ухом. Мне было бы жалко Пете, если бы я был способен жалеть подобных типов. Пете повалился головой вперед и больше не двигался.

Краем глаза я увидел очень бледную Клемми, которая наблюдала за мной из машины. Я ободряюще улыбнулся ей. Потом подошел к Сильвии: она тоже была бледна как полотно.

— Вы не волнуйтесь о Пете. У него немного, день или два, будет болеть череп, вот и все.

— Никогда не видела ничего более отвратительного,—

проговорила она дрожащим голосом,— вы просто мерзкий грубиян.

— Я отвезу Клемми в надежное место,— продолжал я,— в ожидании того времени, когда все прояснится с наследством. Скажите об этом старому Хозелтону и добавьте, что он ее не найдет.

— Далеко не уедете! — сказала Сильвия со злобной усмешкой.— Я немедленно позвоню в полицию.

— Почему бы и нет? А когда вы будете с ними разговаривать, сообщите им, чем вы откармливаете своего Дуксвиля. Для них это будет новостью.

— Что? — округлив глаза, спросила она.

— А вы не в курсе дела? — я недоверчиво покачал головой.— В самом деле? Ну что ж, тогда пойдите в свинарник и посмотрите.

Я сделал полуоборот, направился к машине и сел за руль. Клемми с блестящими глазами наблюдала за мной.

— Это было потрясающе! — воскликнула она.— Скажите, Денни, вы его не убили? Он мертв? Да?

— Да нет, что вы! Он просто в обмороке. Успокойтесь!

Я включил мотор и стал шарить в кармане в поисках сигареты.

— Я очень боялась,— прошептала Клемми.— Ведь Пете очень крепкий, знаете! Но когда я увидела, что у вас револьвер, я поняла...

— Доверие — это все, что мне надо,— ответил я.— Спасибо.

Выехав на дорогу, я взял направление на Манхеттен и сильно нажал на газ.

— Скажите, Денни,— продолжала Клемми задумчивым голосом,— а вы не выстрелили бы в него, если бы он оказался злым?

— Вероятно,— ответил я, думая о другом.

— Я это знала! — в экстазе закричала Клемми.— Я это знала! Я все время говорила себе: «Денни его убьет, Денни его убьет...» О, как бы я хотела этого!

— Вы... Что?

— Я хотела бы, чтобы вы его убрали, Денни,— с грустью сказала она.— Я никогда не видела, как убивают человека.

— Вы считаете, что подобное зрелище для молодых девушек?

— Но это сразу бы заставило меня повзрослеть,— поняла она,— как «мгновение» правды в коридорах, но

гораздо лучше, вы понимаете, что я хочу сказать? Потому что тогда бы он был бы мертв, а не превратился в скотину.

Внезапно она стала плакать, сперва тихо, потом все громче рыдая. Ударила меня по плечу кулаком.

— Почему вы его не убили, Денни,— стонала она.— Я так хотела этого!

Полчаса спустя я остановился перед таверной, чтобы позавтракать. Клемми уже успокоилась, сидела с хмурым видом и только мое предложение заставило ее лицо проясниться. Я заказал сэндвичи и кофе, стараясь не вдыхать запах подгорелого жира.

— Денни, я счастлива, как идиотка! — громко заявила Клемми.— Я еще никогда не делала этого.

— Кроме шуток? А что необыкновенное в завтраке в ресторане?

— Да нет, глупый! Это же впервые меня похитили!

Клемми говорила так громко, что мне казалось, эхо ее слов резонировало в другом конце зала.

Бородатый водитель фургона, сидевший справа от нас, медленно повернул голову, чтобы угрожающе посмотреть на меня. В нем добрых сто килограммов, и он казался очень крепким парнем. Подобные типы одной рукой поднимут грузовик в случае необходимости.

— Бесплезно шептать,— сказал я Клемми,— мы возвращаемся в Нью-Йорк, по крайней мере сейчас, и отправимся ко мне.

— К тебе? — в экстазе взвизгнула она.— Значит, ты будешь держать меня у себя, Денни, запертой и все прочее? А ты также заставишь меня ходить нагишом, чтобы я не убежала?

Глаза шофера почти вылезли из орбит, он встал и направился к нам.

— Послушай ты, парень! — прорычал он.— Мне хочется разбить тебе...

— Спокойно,— усмехнулся я.— Это моя сестра и мы шутим!

Он переживал все это в течение нескольких секунд и повернулся к Клемми.

— Это правда, мэм, то, что он говорит?

— Абсолютно нет! — жеманно ответила она, широко раскрыв невинные глаза.— Ни одного правдивого слова... Он — друг моего брата. Понимаете, мой брат должен ему двести долларов... И так как в настоящий момент их у него

нет, Денни,— она адресовала мне приятную улыбку,— сказал брату, что если тот позволит увезти меня, то Денни простит ему долг.

Когда Клемми кончила говорить, шофер запыхтел, как паровоз. Он положил руку на мое плечо и его стальные пальцы больно впились в мою кожу.

— Так вот в чем дело, парень! — прошипел он сквозь зубы.— Ты собираешься воспользоваться этой бедной девочкой за двести долларов? Сейчас я поправлю тебе твой портрет.

Стальные пальцы выпустили мое плечо и сомкнулись в кулак, такой же толстый, как рыло Дуксвиля.

— Вынь свой револьвер, Денни! — завопила Клемми.— Скорее! Убей его, Денни, или он тебя убьет!

Кулак остался висеть в воздухе: драчун колебался.

Клемми закрыла глаза, по ее телу пробежала конвульсивная дрожь.

— Убей его, Денни,— повторяла она, стиснув зубы.— Убей его в живот, он сам этого хочет.

Шофер опустил руку и посмотрел на Клемми. Лицо его взмокло от пота, и он машинально вытирал его обшлагом рукава. Потом повернулся ко мне.

— Что с девочкой? — хрипло спросил он.— Она не в себе, или что?

Я расстегнул свой пиджак, дал ему возможность увидеть мой 38-й, и он завертел глазами.

— Оставь в покое девочку! — угрожающе ответил я.— Тебе дьявольски повезло, что я настроен миролюбиво.

Драчун по-прежнему продолжал потеть. Но быстро отступил, столкнувшись с другим парнем.

— Тут недоразумение,— бормотал он в бороду.— Прошу прощения.

И бросился к двери, не дожидаясь ответа.

Клемми расхохоталась.

— Я была уверена, что вы не будете стрелять в него,— заявила она.— Но никогда не известно...

— Вы заслужили хороших шлепков,— сердито ответил я.

В ее глазах зажегся огонек.

— Грязное животное,— возбужденно сказала она.— Знаете, я так хотела...

К чему продолжать? Нам принесли заказ, и Клемми набросилась на еду с яростью голодного человека.

— Мне необходимо позвонить по телефону,— сказал я.— Постарайтесь вести себя разумно и оставьте в покое

водителей грузовиков. Они все женаты и обожают своих жен.

— Ваше жаркое остынет,— пробормотала она с полным ртом.— Не беспокойтесь, я буду есть.

— Приятного аппетита!

Я вошел в телефонную кабину и закрыл за собой дверь. Заглянув в справочник, позвонил в Центральный комиссариат и заявил, что хочу заявить им об убийстве. Я сообщил название и адрес фермы, дал координаты свинарника и описание Дуксвиля. Добавил, что ферма принадлежит Гилберту Хозелтону и есть подозрения, что труп — его сына Филиппа.

Полицейский на другом конце провода заинтересовался моей историей.

— А кто вы такой, мистер? — спросил он, когда я собирался уже повесить трубку.

— Поверенный мистера Хозелтона,— ответил я.— Мое имя — Хустон.

Жизнь тяжела для всех и каждого. В сущности все слишком заняты тем, чтобы разбить морду своему ближнему раньше, чем он разобьет тебе. Но время от времени имеется возможность сделать доброе дело... И, выходя из кабины, я почувствовал, что я хорошо провел день. Если у Хустона возникнут неприятности, я буду рекомендовать ему хорошего адвоката.

Подойдя к столику, я увидел, что Клемми доедает последний кусок моего жаркого. Но так как запах жира по-прежнему витал в воздухе, я решил, что мне будет совершенно достаточно чашки кофе.

Глава 4

Около половины шестого мы приехали в Нью-Йорк. Я поставил машину перед своим домом, взял чемодан Клемми, и мы поднялись ко мне.

Не успели войти, как Клемми бросилась к окну, чтобы посмотреть на вид, который открывался на Центральный парк.

— Это красиво! — воскликнула она.— Мне здесь очень нравится.

— Ну что ж, тем лучше. Я пойду поищу чего-нибудь выпить.

На полдороге на кухню меня остановил телефон. Я снял трубку и услышал далекий холодный голос:

— Загул окончен? — спросила Фран.— Я, верная секретарша, ни на шаг не отлучалась из конторы. Что я могу сделать перед тем, как уйти по своим собственным делам?

— А что нового?

— Сейчас скажу, но не набрасывайтесь на меня. Сегодня утром некий Хустон пришел повидать вас. Он был в ярости, не застав вас и выяснив, что мне неизвестно, когда вы вернетесь. А в начале дня, сразу после завтрака, меня посетил некто Карл Толвар. Он сказал, что придет завтра утром.

— Толвар? — повторил я.— Не знаю такого.

— Он сказал, что вы и он занимаетесь одним бизнесом,— добавила Фран.— Глядя на него, можно подумать, что он торгует белым товаром, и если вы собираетесь продать меня какому-нибудь восточному принцу, Денни, то предупреждаю, вы получите лишь десять на сто комиссионных! Это мое последнее слово.

— И никаких телефонных звонков?

— Я сказала вам, чтобы вы были терпеливее. С этого и началось дело. Одна женщина, которая показалась мне грубой, звонила три раза в течение часа. Она отказалась сообщить свое имя, но в последний раз сказала, что будет ждать вас в том же баре, что и вчера, до половины седьмого. Вы что-нибудь понимаете?

— Скорее, да.

— Тем лучше. Надеюсь, вы проведете хороший вечер. Маленький совет: не забудьте взять с собой хлыст. Это настоящая ведьма, или я ничего не понимаю!

— Я подумаю об этом, Фран. До завтра.

— Это зависит от успеха моих предприятий... Добрый щипок незнакомой даме от моего имени, Денни.

Я повесил трубку, пошел на кухню и вскоре вернулся в гостиную с напитками. Клемми сделала глоток, ей, видимо, он понравился, и она отказалась от наблюдений за жизнью снаружи, чтобы повернуться ко мне.

— Денни,— промурлыкала она,— я чувствую, что теряю голову... Вы изнасилуете меня сейчас или когда настанет ночь?

— Я должен уйти,— быстро ответил я.— Вернусь через час или немного позже.

— А что, если я пока приготовлю обед? — с самым серьезным видом спросила она.— Или вы предпочитаете, чтобы я занялась своей внешностью?

— Это хорошая мысль, займитесь обедом. Все, что нужно, вы найдете в холодильнике, действуйте.

— Я бы так хотела обедать с шампанским, Денни.

— Хорошо, я займусь этим. И еще одна вещь, не подходите к телефону. Если мне понадобится позвонить, я позвоню три раза, потом повешу трубку и снова позвоню вам.

— Это будет очень забавно! Такого со мной не случилось с той поры, когда садовник колледжа назначал мне свидание в парке.

— И он вас поймал?

— Нет...— грустно вздохнула она.— К несчастью... Я старалась идти как можно медленнее, но случилось так, что жена профессора французского языка появилась именно в тот момент... и это она позволила себя поймать.

— Садовника выставили за дверь?

— Что вы! Он покинул колледж, чтобы перейти на работу к профессору французского языка.

Я вошел в бар в шесть пятнадцать, и мне понадобилась минута, чтобы обнаружить в толпе Марту Хозелтон. Наконец я увидел ее сидящей в углу и направился к ней.

Она была в платье для коктейля, сильно декольтированном, из черного и белого шелка. Чернобурая лисица небрежно свисала с ее плеч. Я сел рядом, отдавая должное окружающему комфорту, и сделал знак официанту.

— Я уже спрашивала себя, придете ли вы,— сказала Марта,— три раза я звонила вашей секретарше, это ведь ваша секретарша, да? Но она ничего мне не сказала или не захотела сказать.

— По той простой причине, что она не в курсе дела. Не касается ли это ультраконфиденциального дела?

— Разумеется,— ответила Марта.

Видя, что официант нетерпеливо ждет заказ, я попросил джин-тоник. Перед Мартой Хозелтон стоял стакан, к которому она не притронулась.

— Ну как? — спросила она, едва только официант ушел.

— Я привез Клемми. Она находится у меня.

Марта вздохнула.

— Тем лучше! Вы считаете, что она находится в безопасности?

— Полагаю, да. Во всяком случае, я хотел повидать вас прежде, чем отвезти ее в другое место. У вас есть предложения?

— Делайте что хотите, но поместите ее в надежное место. Это все, о чем я вас прошу.

— Найти хорошее убежище не такая уж простая вещь. По моему мнению, ей лучше оставаться в Нью-Йорке, чтобы я мог наблюдать за ней. Может быть, у моей секретарши?

— Это ваше дело. Я вам уже сказала, что оплачу все расходы. А что произошло на ферме?

Я рассказал, за исключением Дуксвиля и трупа, зарытого в глине свинарника. Она и так узнает об этом довольно скоро.

— А Пете — это головорез на жалованье у моего отца, — сказала она, когда я закончил и смог пригубить джин. — Что касается Сильвии Вест, то я никогда не верила в эту историю компаньонки-гувернантки, выдуманную моим отцом. Но что бы там ни было, Клемми отныне в безопасности и я рассчитываю на вас, мистер Бойд.

Она открыла сумочку и достала вдвое сложенный чек.

— Вот две тысячи долларов, как было условлено, — она протянула его мне. — Если вам понадобится еще, предупредите меня. Я готова возместить все расходы и оплачивать ваше время, мистер Бойд.

— Отлично, — я приветливо поглядел на нее. — Мне очень нравится ваше платье, в нем есть шик! В прошлый раз на вас была замшевая куртка и очень трудно было угадать, что под ней...

Марта Хозелтон приняла оскорбленный вид.

— Вы любите сквернословить, мистер Бойд, — сухо проговорила она. — Я бы на вашем месте занялась живописью в общественных туалетах, уверена, там вы стали бы мастером своего дела. У вас есть еще, что мне сказать? Если нет, я вас покидаю, так как опаздываю к обеду.

Я закурил, глядя на нее и недоумевая, как это Клемми и она могли родиться от одной матери.

— За вами по-прежнему следят? — спросил я.

— Я в этом не уверена... нет, я этого не думаю. А почему вы спрашиваете?

— Потому что вчера за вами действительно следили. Хустон, поверенный вашего отца, приходил ко мне после вас и был в курсе всего, вплоть до напитков в баре.

— А чего он хотел?

— Чтобы я бросил. Он дошел до тысячи долларов, лишь бы я отказался работать на вас.

— Спасибо, что поставили меня в известность! Поду-

мать только... Благодарю за честность по отношению ко мне, мистер Бойд.

— По отношению к вашим деньгам. Вы дали мне больше того, что предложил мне Хустон. А у вас есть новости о Филиппе?

— Нет, никаких. Слава богу, вы вовремя успели спасти Клемми.

Я опорожнил свой стакан и заказал другой. Марта по-прежнему не притронулась к своему.

— Вы боитесь, не случилось ли чего с Филиппом,— сказал я.— Наняли меня, чтобы спрятать Клемми в надежном месте... А вы сами... вы разве не боитесь?

— Боюсь,— ответила она после небольшого молчания.— Но в Нью-Йорке мне нечего бояться. Опасность на ферме, она уединенная, далеко от всех... Теперь, когда отец знает, что вы работаете на меня и Клемми от него ускользнула, он безусловно, не посмеет напасть на меня. А как вы думаете?

— Как разумное рассуждение, это, вероятно, так, но когда имеешь дело с убийцей, особенно властью имущим, нельзя забывать, что он не станет рассуждать так же разумно, как вы или я... У вас есть поверенный, который представляет ваши интересы в этом наследстве?

— Нет, это Хустон поверенный нашей семьи. К тому же никакой тяжбы нет, понимаете, мистер Бойд? Не может быть никакой тяжбы, если не будет доказано, что отец растратил наследство.

— В сущности, вы ведь не располагаете доказательствами, вы только подозреваете его?

Она утвердительно кивнула.

— Точно... В настоящий момент у меня нет оснований нанимать поверенного, это только разъярит отца,— она вздрогнула.— Мой отец — человек сильный, как в физическом, так и в моральном смысле. Открыто оскорблять его не стоит.

— Хочу этому верить. А Хустон? Он-то может быть замешан как-то?

— Не знаю, весьма возможно, хотя только один отец имеет право распоряжаться фондами.

— Ладно,— я пожал плечами,— следовательно, все, что нужно сделать в настоящий момент, это поместить Клемми в безопасное место?

— Таково мое мнение. Я буду звонить вам каждый день в ваше бюро. Согласны, мистер Бойд?

— Это меня устраивает.

— До свидания.

Она грациозно встала, подобрала со стола свою сумочку и ушла. По-прежнему не оставив никакой возможности проверить, носит ли она белое белье...

Открывая дверь в свою квартиру, я задавал себе вопрос: увижу я накрытый для обеда стол или раздетую Клемми, или то и другое вместе? Бутылка шампанского была у меня подмышкой и я имел настроение продолжать так же начатый день. Но, войдя в гостиную, я понял, что кто-то уже все решил по-другому.

Съездившись в комок, Клемми судорожно кусала ноготь. Она подняла на меня мокрое от слез лицо и разразилась рыданиями. Хустон замер около окна, скрестив на груди руки, в позе больного, ожидающего приема у врача. Он безразлично посмотрел на меня.

Третий, вероятно, прятался за дверью гостиной и, к сожалению, я обнаружил его слишком поздно, когда он прижал дуло револьвера к моему боку.

— Не двигайтесь, Бойд,— проговорил металлический голос у самого уха,— и не будет бобо!

Парень свободной рукой освободил меня от моего 38-го.

— Вот так-то лучше,— сказал он.— Теперь все довольны. Идите и сядьте на диван, Бойд, рядом с мисс.

Пришлось послушаться. Клемми стала жаловаться:

— Когда позвонили,— сказала она,— я открыла дверь, потому что подумала, что вы забыли ключ... О, Денни! Это моя вина!

— Ну, ну,— произнес я.— Не стоит плакать. Вот шампанское!

Я положил бутылку ей на колени.

Парень с оружием был среднего роста, с широкими плечами и кричаще одетым. Он был моего возраста, может быть, на год старше. Черные, подстриженные под щетку волосы, лицо узкое, как лезвие ножа, и вид висельника. Маленькая красная точка горела в его коричневых глазах — признак плохо сдерживаемой вспыльчивости.

— Бойд, я вам представляю мистера Карла Толвара,— сухо проговорил Хустон.— Ваш коллега, частный детектив.

— Все больше конкуренции в нашем ремесле.

— Вы, без сомнения, знаете, что похищение — это федеральное преступление? — продолжал Хустон.— И оно рассматривается как равноценное убийству.

— Клемми поехала со мной по доброй воле,— возразил

я.— Не утруждайте себя, пугая меня, Хустон. Даже взглянув на вас, начинаешь дрожать от страха.

— Полиция штата получила вызов сегодня утром,— продолжал Хустон, не обратив внимания на мои слова.— Некая персона рассказала полиции историю о том, что в свинарнике находится труп, зарытый в глине. Больше того, эта персона выдала себя за меня, чтобы информация была более убедительной. Разумеется, вы ничего не знаете об этом?

— Труп кого? — с интересом спросил я.

— На самом деле, нет никакого трупа,— пролаял Хустон,— хотя это и не избавило меня от нескольких неприятных минут, пока мне удалось убедить полицию, что я не покидал Манхеттен весь день, вследствие чего не мог вызвать полицию из Род-Исланда. А полиции известно, что вызов последовал оттуда.

— А кто убрал труп до прибытия полиции?

— Перестаньте молоть чепуху, Бойд! — злобно прокричал он.— С меня довольно! Я рассказал об этом деле мистеру Хозелтону, который решил не подавать на вас жалобу, что я считаю очень благородным с его стороны. Это наше последнее предупреждение. Если вы попытаетесь увидеть Марту или Клемми, их отец будет неумолим. Считайте себя счастливым, что не имеете дела с кем-нибудь менее покладистым.

С этими словами он подошел к дивану, помог Клемми встать на ноги и повел ее к двери. Прежде чем выйти, она обернулась и попыталась улыбнуться мне, но безрезультатно.

На пороге Хустон немного задержался.

— Мистер Толвар,— сказал он,— я предоставляю вам заботу уточнить детали. Я ухожу, так как тороплюсь.

— Понятно! — ответил Толвар.— А у меня есть время.

— Отлично! — с улыбкой сказал Хустон. Он был удовлетворен.— Завтра утром нам понадобится машина, ведомая верным человеком, чтобы отвезти мисс Хозелтон на ферму.

— Я займусь этим,— ответил Толвар.— До завтра, в девять тридцать.

Несколькими секундами позднее я услышал, как закрылась входная дверь. Толвар небрежным шагом подошел ко мне.

— Красивая у вас квартира,— сказал он.— Хорошо идут дела?

— О! Знаете, то так, то сям... Может быть, выпьем что-нибудь?

— Нет, спасибо, не сейчас. Никогда не пью на работе. Это мой принцип. К тому же Хустон попросил меня разъяснить вам кое-что перед тем, как я уйду.

— Валяйте. Я умираю от любопытства.

— Да? — нехотя сказал он. — И прежде всего...

Револьвер танцевал в воздухе в течение доли секунды, прежде чем ударить меня по правой щеке. Голова моя откинулась...

— ...ему не нравится история с трупом, которую ты взвалил на его спину,— продолжал Толвар тем же монотонным голосом. — Во-вторых...

На этот раз револьвер ударил меня по левой щеке, прежде чем я успел сделать движение для защиты.

— ...ты должен вбить себе в голову, что тебе надо оставить в покое Хозелтонов. Это серьезно. Они не нуждаются в тебе и не хотят выяснять отношения.

Мои щеки горели, и я уже был не в состоянии видеть Толвара, так как все плыло перед глазами. Его голос долетал издалека, и я плохо слышал его. Я скатился на пол и, когда он в первый раз ударил меня в бок, потерял сознание.

Придя в себя, я увидел, что остался один. Ценой огромного усилия удалось встать и, шатаясь, пройти в ванную комнату.

Часом позже благодаря некоторой доли жидкости я оказался в состоянии обследовать свои повреждения. Толвар искусно стер меня в табак, и это, надо признаться, была отличная работа. За исключением маленькой ссадины на скуле, профиль не пострадал. Кожа покрылась множеством красных пятен, но они должны были скоро пройти, как последние летние розы. Но на плечах и на груди начали появляться синяки, болел бок, однако ничего не было сломано.

Колющая боль сверлила в области левой почки, но все же, обследовав себя, я убедился, что не получил серьезных повреждений.

Угостив себя порцией коньяка и закулив сигарету, я начал поиски своего револьвера. Толвар не забрал бутылку шампанского, которую я принес Клемми, но захватил мой калибр. Если бы частные детективы были объединены в синдикат, я бы заставил вычеркнуть его из наших списков. Но дела обстояли по-другому, и мне оставалось ждать подходящего момента, чтобы свести с ним счеты.

Еще немного коньяка — и дело пошло лучше.

«Что за дьявол! — сказал я себе. — Ведь обработка под табак время от времени составляет часть и моей работы. Теперь надо действовать осторожно и, прежде всего, нужно найти того, кто вытащил труп из свинарника, вернуть Клемми и поместить ее на этот раз в верное место. Потом надо будет заняться Хустоном и этим несчастным Толваром. Итак, иди поищи себе другое оружие и в путь!»

Все-таки я был порядочным лопухом...

Глава 5

Когда возникает гениальная идея, нечто, подобное резкому дневному свету, делает ее сомнительной.

Прежде чем заснуть, я решил встать завтра с зарей, поехать к Хозелтонам, до того как Клемми увезут на ферму Род-Исланд, поиграть немного в рыцаря и вырвать реванш у неприятеля.

На следующее утро, посмотрев в окно, я представил себе, как мы с Толваром будем обмениваться выстрелами с противоположных сторон Векман Плас, в то время как Клемми станет вопить в машине, а ее отец вызывать на помощь полицию. Мои намерения уже не казались удачными при свете дня... не говоря о том, что открыл глаза я в десять часов. То есть Клемми Хозелтон уже полчаса как ехала на ферму.

Ссадины, которые были у меня на теле, за ночь превратились в синяки, лицо немного опухло, но почка не болела. К тому времени, когда я покончил со своим одеванием и прочими необходимыми вещами, была уже половина одиннадцатого, час вполне подходящий для посещения Векман Плас.

Пробил полдень, когда дверь квартиры Хозелтона открыл мне какой-то тип в темном одеянии, глядевший на меня так, будто я был выходцем с того света.

— Мистер? — проговорил он с сомнением в голосе.

— Я хочу поговорить с мистером Хозелтоном, — сказал я.

— А он вас ожидает?

— Я не ясновидающий, — недовольно ответил я. — Скажите ему обо мне. Мое имя Бойд. Денни Бойд.

Он покачал головой:

— Сожалею, но не думаю, что мистер Хозелтон вас примет, если не было назначено свидание.

— Откуда вам это известно, если вы у него этого не спросили?

В тот момент, когда он собирался закрыть дверь перед моим носом, я поймал его за отворот пиджака, приподнял и внес внутрь. Потом я деликатно поставил его на ноги, закрыл дверь и прислонился к ней.

— А теперь не угодно ли вам объявить обо мне? Вы что, должны ему платить, если осмелитесь заговорить с ним?

— Я...

Он дрожал всем телом, будто в первый раз увидел сеанс стриптиза.

— Гаррис! — раздался голос из гостиной. — Кто там?

— Мистер, — пролепетал Гаррис, — это некий мистер Бойд хочет повидать вас.

— Бойд? — повторил голос тоном, который ясно давал понять его чувства. — Какого черта?!

Через несколько секунд обладатель голоса появился в прихожей. Это был высокий человек в теле, с редкими волосами и коротко подстриженными усами.

— Уходите или я позову полицию! — закричал он.

— Начните с того, что позвоните в бюро поисков, — посоветовал я ему. — Но если исчезновение вашего сына вас совершенно не интересует?..

— Филипп? — он поднял щетинистые брови. — Что сделал Филипп?

— А вы действительно Гилберт Хозелтон?

— Ну да, — нетерпеливо ответил он. — Ответьте же на мой вопрос.

— Никто его не видел с вечера воскресенья. В последнее время им кормили свиней на вашей ферме.

Он смотрел на меня в течение нескольких секунд, которые мне показались бесконечными, потом повернулся к своему слуге.

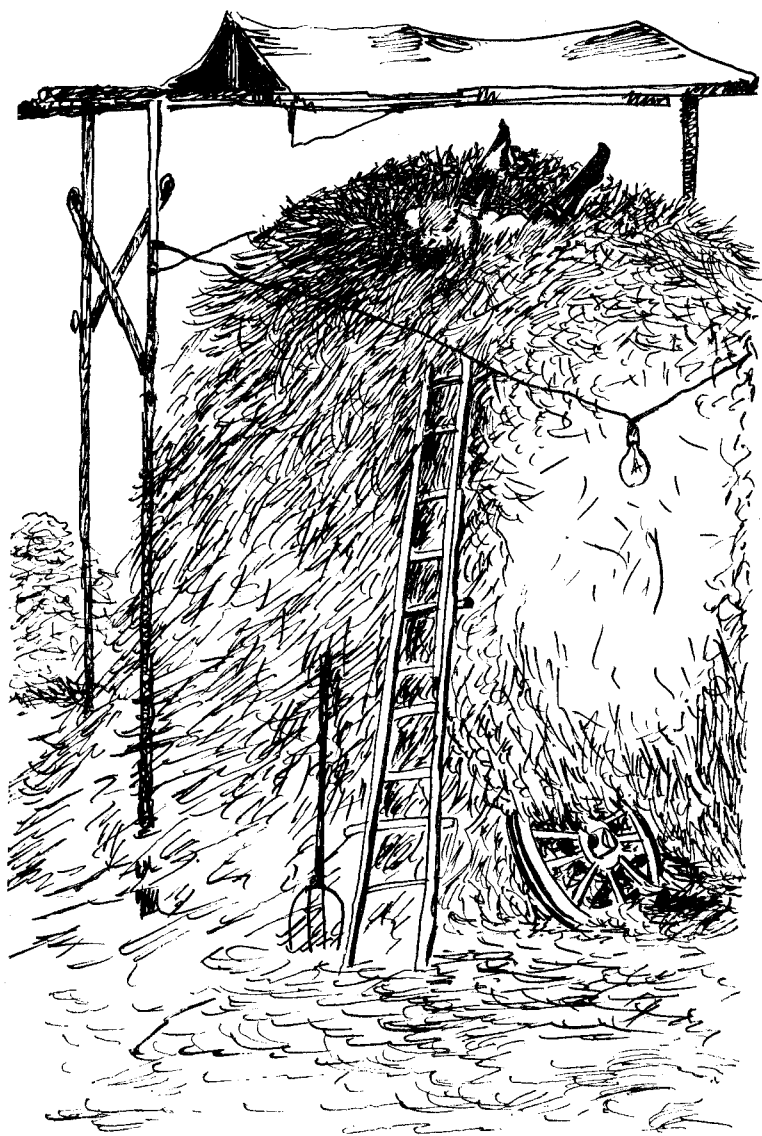
— Можете идти, Гаррис, — резко проговорил он. — Я позвоню, когда вы мне будете нужны.

— Хорошо, сэр.

— Проходите в гостиную, Бойд, — сказал Хозелтон, — и постарайтесь объяснить мне...

Я последовал за ним в гостиную, большую комнату, с большим белого мрамора камином и удобной мебелью.

— У меня немного времени, — сказал Хозелтон. — И к тому же у меня нет ни малейшего желания разговаривать с типами вашего рода. Следовательно, говорите, что вам известно о Филиппе и убирайтесь. Вы меня поняли?

Я закурил сигарету и бросил спичку в камин.

— Хорошо. Так вот, я вам только что сказал, что никто не видел Филиппа с вечера воскресенья, когда он был на ферме. Где он?

— Это его дело,— пробубнил Хозелтон.— К чему вы все это ведете, Бойд? Хустон сказал мне вчера, что я был с вами слишком мягок и мне теперь кажется, что он прав. Сперва вы принимаетесь за Марту, потом вы занимаетесь Клемми, а теперь суετε нос в дела моего сына.

— Марта наняла меня защищать интересы ее и ее сестры,— возразил я,— и это я и делаю. Кроме того, я верю, что с Филиппом что-то случилось. И глядя на вашу реакцию, мне кажется, что вам это или совершенно безразлично, или вы сами замешаны в этом.

На этот раз его усы вздыбились одновременно с бровями. Я ждал, когда он разлетится на тысячу кусков, но он сделал нечеловеческое усилие и заговорил почти нормальным тоном:

— Я постараюсь поставить себя на ваше место, Бойд,— начал он значительно.— Если я правильно вас понял, Марта наняла вас защищать ее интересы против меня? Итак, что она вам сказала? Что она жертва заговора? Что я растратил наследство ее матери? Что она сама и Клемми опасаются за свою жизнь?

— Может быть... До сих пор вы ничем не оправдали обратное.

— Масштаб наследования моей жены, учитывая сложность помещения капитала, потребует не меньше месяца проверки двумя экспертами, бухгалтерами. Приведите ко мне двух таких людей, Бойд, и я готов показать им все записи.

— Почему вы скрываете Клемми на ферме? Почему вы держите там телохранителя, который не допускает никаких посетителей, и эту гувернантку, компаньонку, которая называется сиделкой? Они что, караулят зерно, или что?

— Садитесь, Бойд,— неожиданно приказал Хозелтон.

Я послушался. Он устроился напротив, выбрал сигару из шкатулки, лежащей на одноногом столике рядом с его креслом, и закурил с меланхолическим видом.

— Бойд,— сказал он,— я буду откровенен с вами. И рассчитываю на вашу скромность.

— Я ничего не обещаю.

— Так вот,— продолжал Хозелтон, напирая на каждое слово,— в семье существует наследственное сумасшествие. Моя жена покончила с собой. Это продолжается уже

четыре или пять поколений. Иногда одно поколение эта доля минует, и я молю бога, чтобы мои дети избегли беды.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что все ваши дети сумасшедшие?

Хозелтон не спускал взгляда с горящего кончика сигары.

— Филипп абсолютно нормален и всегда был таким. С моими обеими дочерьми и в детстве, и в юности не было никаких историй, но совсем недавно они стали... эксцентричными.

— А они проходили курс лечения? Вы консультировались с психиатром?

— Нет,— ответил он, качая головой,— пока еще нет. Поймите меня: если я приведу своих дочерей к психиатру, придется не скрывать и о наследственности... Это значит, заранее приговорить их, пойти на их заключение! Я это сделаю лишь тогда, когда буду совершенно уверен и когда у меня не будет другого выхода.

— Следовательно, по-вашему, факт, что вы растратили наследство вашей жены, существует лишь в воображении Марты? Так же как и то, что вы скрываете Клемми на ферме и что Филипп исчез уже несколько дней назад? Вместе с тем, когда Марте показалось, что за ней следят, и когда она пришла в бар, где была назначена наша встреча, это вовсе не было ее воображением.

— Гаррис слышал, как она звонила вам в первый раз,— мрачно ответил Хозелтон,— и счел своим долгом сообщить мне об этом. Я просил Хустана последить за Мартой. Разве вы не понимаете, Бойд? У нее мания преследования! Она считает себя жертвой тайного заговора и не задумывается обвинить меня, своего отца!

— Да...— мрачно пробормотал я.— А Клемми? Как у нее с комплексами?

— У Клемми примерно три месяца назад появились первые симптомы: то она была совершенно подавлена, то беспричинно оживлена. То она запиралась в своей комнате, отказываясь сказать слово с кем бы то ни было, то на следующий день безумолку болтала и невозможно было ее остановить. И этот беспричинный смех. Вот почему я отправил ее на ферму. Атмосфера там спокойная, располагающая к отдыху. Я нанял Пете, чтобы отводить посторонних, и сиделку, достаточно скромную, чтобы она наблюдала за Клемми. Что я мог сделать еще?

— Это нас возвращает к Филиппу. Что с ним случилось?

— Я не знаю. Насколько мне известно, он был на ферме в понедельник утром, когда я уехал оттуда вместе с Мартой. Бог знает, где он в настоящий момент: на яхте у друзей, в любом другом месте. Мой сын взрослый и не отчитывается передо мной в своих поступках. Я предоставляю ему полную свободу. Через несколько месяцев он начнет работать вместе со мной, чтобы постичь глубину нашей техники. Он мне это обещал, и я знаю, что он сдержит слово. А до того времени он может делать все, что угодно.

— У кого возникла мысль нанять Толвара?

— Толвара? — спросил Хозелтон, видимо, не понимая.

— Частный детектив, которого Хустон привел с собой вчера вечером, когда пришел ко мне за Клемми.

— Ну, это дело Хустона, — жестко ответил Хозелтон. — Я был откровенен с вами, Бойд. Надеюсь, вы поняли, что должны оставить моих дочерей в покое... для их же блага.

— А где Марта?

— Я отправил ее на ферму сегодня утром вместе с Клемми. Итак, вы обещаете больше не заниматься ими?

Он стряхнул два сантиметра пепла своей сигары, и так как я видел, что он по-прежнему насторожен, то ничего не ответил.

— Вас заставили потерять время, Бойд, — наконец сказал он, — и будет справедливым, если я возьму вам убытки. Я отдам распоряжение, чтобы вам сегодня же отправили чек.

— Нет, не согласен, — заявил я вставая. — Вы просто лгун, Хозелтон, и глуп к тому же! Я буду продолжать заниматься этим делом до той поры, пока мне не станет ясно, чего придерживаться.

— Бойд, — сказал Хозелтон, беспомощно разводя руками, — поверьте мне, вы не понимаете того, что делаете... Вчера вечером Клемми была в очень плохом состоянии после всех переживаний дня, и если вы станете продолжать, обе мои дочери рискуют потерять разум. Я прошу вас, оставьте их в покое. Это в их интересах, не в моих!

— Ничего не поделаешь. Кстати, я могу поймать вас на слове в отношении контроля за наследованием.

— Чего вы хотите? Денег? Сколько?

— Ответил бы «да» в девяти случаях из десяти, — ответил я. — И мог бы назвать цифру довольно круглую. Но на этот раз у вас недостаточно денег, чтобы купить меня, Хозелтон, даже используя наследственные деньги.

Я был уже на пороге комнаты, когда он снова заговорил:

— Вы не хотите послушаться разумного предложения,— тихо проговорил он,— и вас нельзя купить. Тем хуже, Бойд, я буду защищать их любыми средствами. Иными словами, буду вынужден принять определенные меры, чтобы покончить с этим делом.

— У меня ощущение, что мероприятие, которое вы уже предприняли, вас приведет прямо в камеру смертников в Синг-Синге. Я буду танцевать на ваших похоронах, Хозелтон, и ваши дочери сделают то же самое.

Слуга был невидим, и я сам открыл входную дверь. Жизнь иногда бывает горькой!

Спустившись, я влез в машину и отправился в свою контору.

При моем появлении Фран Джордан выдала мне улыбку.

— Где вы были сегодня утром, о, бродяга моего сердца? — спросила она. — Было ли это в том же месте, что вчера? И кто она?

— Если я буду отрицать, вы мне не поверите,— ответил я, вернув ей улыбку. — А ваши дела идут успешно, в смысле вложения капитала в Мидл-Вест?

— Медленно, но верно. Мне пока довольно трудно заставить его понять некоторые элементарные вещи... например, что акция — это лишь клочок бумаги, а что норка — это норка!

— Настало время пожевать чего-нибудь. Не позавтракаем ли мы вместе? На этот раз я вас приглашаю. Обычно я сижу без гроша после того, как выплачиваю вам жалованье.

— О, какие приятные вещи вы говорите! Тем хуже, я принимаю приглашение. Кстати, сегодня утром некто Толвар оставил вам пакет. Я положила его в кабинете на стол.

— Я взгляну на него — и к вашим услугам.

Пакет был завернут в красивую бумагу. Можно подумать, что это подарок. Я вскрыл его и увидел свой калибр 38. Сунув его в карман, я вернулся к Фран, наводившей красоту.

Мы решили отправиться позавтракать к Шамброду. Комфортабельно расположившись перед мартини, Фран посмотрела на меня большими лучистыми глазами.

— А кто такая Сильвия? — спросила она.

— Одна девица, которая ухаживает за свиньями,—

твердым голосом ответил я.— Вот почему свиньи такие вкусные.

— Боже мой! — в ужасе прошептала Фран и закрыла глаза.

— А по какой причине вы заговорили о ней?

— Потому что она говорила со мной о вас,— ответила Фран, открыв глаза.— По междугороднему.

— И что же она хотела?

— Так вот, ей необходимо срочно повидаться с вами. Это вопрос жизни или смерти. Эта девушка говорила, как книга. К несчастью, ей невозможно приехать в Нью-Йорк. Так что если вы сможете приехать туда, она будет ждать вас сегодня вечером на Шарантон Вильмор с восьми до одиннадцати.

— И больше ничего не сказала?

— Нет, ничего. А этого вам недостаточно? Вы хотели бы, чтобы она по телефону обещала вам что-нибудь?

В половине третьего мы вернулись в контору, Фран нашла номер телефона Толвара и по моей просьбе позвонила ему. Его не оказалось на месте. Я сказал, чтобы она позвонила ему завтра и поговорила с его секретаршей. Фран должна была позвонить якобы от Хустона и выяснить, должен ли Толвар вернуться в течение дня в Род-Исланд.

Фран выполнила свое задание с обычной небрежностью. Повесив трубку, она посмотрела на меня с явным любопытством в серо-зеленых глазах.

— Его не ожидают раньше понедельника,— заявила она.— Что же происходит? Провинция кажется немного опасной.

— Сегодня вечером провинция примет Денни Бойда. Люди должны общаться.

— Хорошо, хорошо, я не настаиваю,— вздохнула она.— Если это секрет, то я не знаю, как мне вырвать его у вас...

— Попробуйте,— продолжал я полный надежды,— мы здорово позабавимся!

— Сперва норка, потом удовольствие,— возразила она.— А где вы собираетесь остановиться в провинции? Или Сильвия уже позаботилась об этом?

— Забронируйте мне комнату в Балтиморе. Возможно, я буду отсутствовать несколько дней. А сейчас отправляйтесь в банк, пока он открыт, и возьмите немного денег.

— Сколько, хозяин?

— Скажем, пятьсот. Я обожаю морские блюда и, кажется, это как раз там.

Вернувшись к себе, я уложил чемодан, 38-й оставил дома.

Толвар находится теперь в провинции, и у меня к нему большое уважение: поэтому я взял свой «Магnum-367».

Фран дожидалась меня с деньгами в бюро.

— Я вам зарезервировала комнату в Балтиморе, комнаты там, разумеется, на двоих,— объявила она.— А что мне делать во время вашего отсутствия?

— Позвоните мне по телефону в случае необходимости. Если меня будут спрашивать, вы не знаете, где я. Кажется, это все.

— Хорошо. А теперь торопитесь, если не хотите заставить Сильвию ждать.

— Ухожу. До скорого.

— До скорого,— повторила она.— Послушайте, Денни, позаботьтесь о вашем профиле, хорошо? У меня такое чувство, что кто-то вчера сильно насел на вас.

Глава 6

Точно в половине девятого я вошел в отель. После того как были проделаны все формальности, я последовал за грумом, который понес чемодан в мою комнату. Понадобилось минут двадцать, чтобы принять душ и переменить одежду. Тем хуже, если я заставлю ждать Сильвию Вест! Ее телефонный звонок, возможно, явился следствием моего профиля, но не исключена возможность, что он был инспирирован неким Карлом Толваром. Так как я не собирался рисковать напрасно, то повесил кобуру с револьвером под пиджак.

Существует множество людей, которые отказываются от магнума под тем предлогом, что если ты начнешь наклоняться, можешь оказаться на коленях. Я не принадлежал к этим людям, зная что магnum способен остановить даже слона, а ведь никогда не известно, на кого нападешь в джунглях Род-Исланда...

Немногим позднее девяти часов я спустился в холл отеля. Закурив сигарету, я направился на поиски Сильвии Вест. Она тоже занималась поисками меня, так как мы неожиданно оказались нос к носу. При виде ее глаза мои едва не вылезли из орбит.

Сильвия была затянута в ужасное платье, расшитое золотом, немного светлее ее загара, удерживаемое двумя крошечными плечиками. Квадратный вырез доходил достаточно низко, чтобы обнаружить начало ее больших грудей. Узкий золотой поясок обхватывал талию. На ногах — золотые босоножки.

Ее глаза загорелись при виде меня, и в течение секунды рот был приоткрыт.

— Денни! — воскликнула она.

— О-о-о! — слабо протянул я. — Значит, это вы...

— Кто?

— Женщина моей мечты. Я замираю, я лишь тень самого себя... Но теперь этому конец.

— Почему?

— Я могу проснуться... В сущности, я не стану тратить время на сон и смогу поесть два раза, чтобы возместить потерянные килограммы. Ну, пошли? В противном случае я вас просто изнасилую, а мне кажется, что дирекции отеля это может не понравиться.

— Дайте мне время перевести дух, — со смехом ответила она. — Где вы хотите пообедать?

— Там, где перед нами на столе будут дары моря. Я хочу поесть рыбы, омаров, креветок...

— Другими словами, хотите морской обед в Род-Исланде, — закончила она. — Мы пообедаем у Кристи в Ньюпорте, если вы не возражаете. Это недалеко.

— Мне безразлично. Кстати, по дороге мы можем осветить один из пунктов нашей программы, например, надето ли у вас что-нибудь под платьем. Если вы ответите утвердительно, я откажусь верить, и даже если вы предъявите мне доказательства, я все равно буду недоверчив, так как игра стоит свеч. У меня в этом отеле комната на двоих, и самое простое было бы конечно сразу подняться туда и заказать у Кристи дары моря на целую неделю, чтобы...

— Денни, — прервала она, слегка покраснев. — Здесь люди и они могут вас слышать...

— К дьяволу людей! И да здравствуют дары моря!

И мы поехали в Ньюпорт, который оказался совсем неподалеку. Кристи стоил беспокойства, и его дары моря были просто великолепны.

Когда мы дошли до кофе, я был уже в ладу со всем миром, за исключением, может быть, Толвара. Все же остальное было прекрасно...

— Денни, — Сильвия стала серьезной, нагнулась над

столом, чем я немедленно воспользовался, чтобы заглянуть ей за вырез.

— Никакого лифчика! А ниже? Я умираю от нетерпения.

— Да будьте же вы серьезнее! — буквально взорвалась она, покраснев.

— Боже мой! — воскликнул я с возмущением. — Вы считаете, что я могу шутить такими вещами!

— Я прошу вас!

— Хорошо, — сказал я, пожав плечами, — я буду серьезен.

— Вы очень милы, что приехали... По правде говоря, я не надеялась на это. У меня было мало надежды, но ведь и вас ничто не заставляло ехать сюда только из-за моего телефонного звонка...

— С этим не согласен. Уже одно ваше золотое платье стоит приезда. Сильвия, мой ангел, я...

Ее нос немного поднялся, и угрожающий огонек снова зажегся в глубине ее глаз.

— Денни Бойд, — сухо сказала она. — Вы обещали быть серьезнее.

— Раз вам так хочется...

Сильвия закурила, чтобы немного успокоиться.

— После вашего отъезда с Клемми вчера днем, — продолжала она тихим голосом, — произошло столько вещей, что я не знаю, как поступить и как реагировать. И мне становится страшно, Денни. Вчера я вас принимала за сумасшедшего, а сегодня я задаю себе вопрос, не единственный ли вы человек в здравом уме?

— Что же произошло?

— Вы помните, что вчера, перед тем как уехать, вы посоветовали мне бросить взгляд в свинарник.

— Ну и что вы сделали?

Она покачала головой.

— У меня было такое намерение, но Пете не дал мне его осуществить. Он сказал, что сам займется этим и будет лучше, если я вернусь в дом... Так как я была очень расстроена и взволнована после таких переживаний, я ушла домой. Но через некоторое время вернулся Пете и сказал, что вы просто посмеялись над ним и надо мной, и там ничего нет, кроме борава.

По мере рассказа было заметно, как Сильвию охватывал страх, возбудивший мое любопытство.

— Пете решил позвонить мистеру Хозелтону, чтобы известить его о вас с Клемми. Мне же посоветовал сидеть

в доме, так как сумасшедший вроде вас способен на все. Например, вернуться и... Я последовала его совету и не высовывала носа наружу.

Приблизительно час спустя к нам подъехала машина, я бросилась к окну, подумав, что это Пете или вы действительно вернулись. Но приехала полиция штата! Пете с ними поговорил, они все прошли в свинарник, пробыли там добрых четверть часа, прежде чем вернулись к дому.

Их шеф, сержант Диксон, казалось, в ярости. Он звонил по телефону, но я не слышал кому. Говорил что-то вроде мистификации. Попросил Нью-Йорк проверить Хустона... Потом захотел узнать, кто я и знаю ли Хустона. Я сказала, что работаю у мистера Хозелтона, что никогда не видела Хустона, но насколько мне известно, это поверенный мистера Хозелтона. Потом полицейские уехали.

Мне Пете сказал, что это вы позвонили в полицию, выдав себя за Хустона, и посоветовали им обследовать свинарник. Я ровно ничего не поняла... А позже привезли Клемми и Марту.

— Кто привез?

— Мистер Хустон и некий мистер Толвар. Насколько мне известно, они решили некоторое время побыть на ферме. Я боюсь Толвара. Вы его знаете?

— Мы познакомились вчера вечером... Это хороший спортсмен. Не лишен быстроты реакции...

— Я не могу сказать, что нахожу мистера Хустона симпатичным... Он — ни рыба, ни мясо, у него, безусловно, нет ни капельки горячей крови в жилах! Но что меня беспокоит, Денни, это девушки! Они обе узницы на ферме, в этом нет ни малейшего сомнения... Если одна из них хочет выйти подышать воздухом, Пете или Толвар выходят следом. Ни на секунду с них не спускают глаз.

— А как Клемми?

— Она очень подавлена, — призналась Сильвия, — и ее состояние ухудшается. Я сказала мистеру Хустону, что, по моему мнению, надо посоветоваться с врачом, но тот ответил, что я преувеличиваю. Сегодня вечером, прежде чем уехать, я уложила ее в постель и дала ей успокоительное.

— А Марта?

— Я ее мало знаю. На первый взгляд, я не вижу перемены: она всегда достаточно высокомерна и неприятна... можно сказать, живет в другом мире... Она весь день гуляла в сопровождении Пете.

— Да, вам, как я вижу, не хватает неприятностей, мой ангел. А по какой причине вы звонили мне?

— Денни, я нуждаюсь в вас, чтобы доказать себе, что я не сумасшедшая.

— Хотите, чтобы я использовал свой тест-Бойд? — предложил я. — Достаточно ответить «да» всего на один вопрос, и вы сразу же удостоверитесь в своем благоразумии в полной мере.

— Денни! Я не шучу! Вы должны пойти и снова посмотреть... там... на ферме.

— А точнее?

— Свилярник!

Вот как прекрасный вечер может закончиться фиаско... Я закурил, не переставая думать о комнате на двоих в отеле, которая теперь ни к чему.

— Я уже видел свилярник.

— Денни, это очень важно... Пойдемте, очень прошу вас.

— Почему это вам важно?

— Больше ничего не скажу, пока не увидите собственными глазами... Я не хочу влиять на вас. Это не займет много времени, а мне это очень важно, Денни!

— Забавно все же, что Толвар, Хустон и Пете не оставляют ни на шаг девушек, а вам разрешают выходить, — с безразличным видом заметил я.

— Я имею право на свободный вечер каждые два дня. Мне кажется, они даже были в восторге от того, что я не буду торчать у них перед глазами сегодня вечером...

— А как вы добрались до Шарантон Вильмора?

— Взяла на ферме старую машину.

— Неприятность в том, что если я начну болтаться у свилярника, это может не понравиться вашим господам.

— Они ничего не узнают! Нужно лишь оставить машину на дороге и пройти пешком. Можно даже к дому не подходить.

— Да, вероятно...

— Итак, вы пойдете?

— Не могу устоять против красивой девушки!

Она слегка засмеялась.

— Послушайте, Денни, вы ведь за весь вечер ни разу не посмотрели мне в глаза!

Была уже полночь, когда мы доехали до фермы. Я отвез Сильвию из Ньюпорта к отелю, где она села в свою старую машину, и поехал за ней следом.

Она остановилась на дороге в двухстах метрах от дома, я же поставил свою носом в обратном направлении.

Было свежо и ярко от луны. Я почувствовал холодную дрожь на спине, когда переходил дорогу, чтобы присоединиться к Сильвии. «Кто мог бы сказать, что это не ловушка и не затея Толвара, заманивающего меня с помощью блондинки-сиделки? Если это так, то я лезу в нее головой вперед. Свилярник достаточно велик, чтобы послужить могилой и второму труп», — так мрачно рассуждал я.

Мы прошли через ворота к аллее, ведущей к дому. Два окна были освещены, что меня совершенно не устраивало. Метрах в пятидесяти от дома Сильвия описала большую дугу по направлению к свилярнику, который был расположен в отдалении от дома.

Наконец мы подошли. Сильвия, стоявшая рядом со мной, невольно начала дрожать.

— Хорошо, — сказал я, — а что дальше?

Благодаря сверкающей луне все было видно как днем. Посреди клетки лежала огромная масса спящей свиньи, окруженной поросятами.

Я услышал легкое шуршание платья Сильвии.

— Его там нет, — сказал я, — что бы это могло означать?

— Он дальше, — ответила Сильвия.

Я прошел несколько метров и убедился, что она права, в клетке был Дуксвилль. Стоит его только раз увидеть, чтобы никогда не забывать.

— Вы видите? — тихо спросила она. — Вы ошиблись клеткой!

— Когда вы мне его показали, он был в другой клетке, я уверен в этом.

— Я рада, что вы это сказали, Денни, — проговорила она с облегчением. — Сегодня днем я пришла сюда и мне показалось, что я совсем запуталась.

— Да-а... — пробормотал я, думая совсем о другом.

— Денни, но почему?

— Что за тип этот Пете! — с восхищением заметил я. — Вот кто умеет заставить работать мозги.

— Кто?

— Вспомните, в момент отъезда с Клемми вчера утром я вам посоветовал пойти и посмотреть в клетку Дуксвиля.

— Я отлично это помню, но вы мне не сказали для чего. И что же там было?

— Труп, зарытый в глину. Я полагаю, что это был труп Филиппа.

У Сильвии вырвался легкий крик, и она затаила дыхание.

— Пете должен это знать,— продолжал я.— И он опасался, чтобы я не предупредил полицию. Следовательно, ему нужно было, не теряя времени, действовать. Самым простым способом было переменить клетку для борова, и тогда, если появится полиция, никто уже ничего не обнаружит.

— Другими словами,— сказала Сильвия дрожащим голосом,— он там по-прежнему, труп... в клетке свиньи?

— Очень возможно, что Пете удовлетворился тем, что присыпал его глиной. Ведь он не знал, сколько у него времени и не решился бы перенести труп в другое место.

— Денни,— простонала она, уцепившись за мою руку,— мне сейчас станет дурно.

Я услышал легкий шум и повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть луч света, загоревшийся около дома и тотчас же погашенный.

— Сюда идут,— сказал я Сильвии,— надо бежать.

— Вы кого-нибудь видели? — прошептала она.

— Нет,— ответил я.

— Но считаете, что идут сюда?

— Я ничего не знаю. Вижу только, что из-за этой проклятой луны мы как на ладони.

— Амбар...— сказала Сильвия.

Она побежала, я за ней. От свинарника до амбара не больше ста метров, но я не помнил, чтобы когда-нибудь бежал так быстро с той поры, как в Лас-Вегасе одна рыжая пришла ко мне на свидание вместе с пастором.

Мы с бешеной быстротой влетели в амбар, я задвинул засов и встал у двери. Позади себя слышал учащенное дыхание Сильвии, и ничего больше.

— Может быть, он вернулся домой? — предположила через минуту Сильвия.

— Может быть,— проворчал я,— но мы останемся здесь пока не удостоверимся в этом.

Прошло еще две минуты, и Сильвия начала стучать зубами.

— Мне холодно,— сказала она,— давайте уйдем отсюда.

— Подождем еще немного.

В этот момент я услышал легкий шум, будто кто-то толкнул носком ботинка камешек. Я приоткрыл на сантиметр дверь и рискнул выглянуть наружу. При лунном свете

заметил мужскую фигуру метрах в пятидесяти от нас, направляющуюся к амбару.

— Он идет сюда,— шепнул я Сильвии,— отступите немного, пожалуйста.

— Что вы будете делать?

— Ударю его, когда он сунется сюда.

— А если мы спрячемся?

— А где? Он уже близко.

— На сеновал. Он не станет искать там наверху.

— Хорошая мысль. Если я его уберу, оба других отправятся на поиски... а мы так далеко от дороги.

Мы пробрались через амбар и поднялись по лестнице на сеновал. Легли на сено, устремив глаза на дверь.

Я достал свой магнум из кобуры. Никогда ведь не знаешь...

Дверь, скрипя, отворилась и яркий луч карманного фонаря осветил порог. Чужак продвигался медленно, освещая все уголки амбара, обошел вокруг трактора и механической лопаты. Человек казался мне похожим на Пете, но я не был в этом уверен. Он продолжал свое хождение добрых три минуты, потом, видимо, удовлетворенный, вышел и закрыл за собой дверь.

Мы прислушивались до тех пор, пока шум шагов не замер вдалеке. У Сильвии вырвался облегченный вздох.

— У меня была просто жуткая дрожь,— созналась она.— Еще немного и мне понадобилась бы медицинская помощь.

— Подождем еще минут десять, прежде чем выйдем,— решил я.— У него был такой вид, будто он знал, что ищет... Вы видели, как он прочесал амбар частым гребнем?

— Может быть, он делал обход, только и всего,— предположила она.— Если они боятся, что здесь будут шарить в поисках трупа, они станут делать обходы всю ночь?

— Может быть... Надо надеяться, что это так и они не видели нас у свинарника.

— Лучше вообще остаться здесь и подождать, пока все успокоится,— предложила Сильвия.

— А я никуда не тороплюсь.

Глаза уже привыкли к темноте, к тому же свет луны просачивался сквозь щели, и я уже мог ориентироваться. Я повернулся на бок, чтобы закурить сигарету, и вдруг обнаружил вокруг сено. При одной мысли об этом у меня похолодела спина.

— Денни!

— Да?

— Здесь хорошо...

— М-м...

— Вы молодец, что приехали, чтобы доставить мне удовольствие. И согласились отправиться к свиарнику, несмотря на опасность.

— Рыцарь Круглого Стола, вот кто я! — с гордостью проговорил я. — Прилетел на помощь даме, находящейся в опасности, вот что я сделал. Знаете, что означает быть настоящим рыцарем?

— Что же?

— Когда дама сердца предлагает свою благодарность, мы первым делом снимаем доспехи. Так вот, поверите вы мне или нет, но с тех пор способ любви определенно прогрессировал.

Сильвия засмеялась горловым смехом.

— Что вы такое выдумываете, Денни, насчет дам сердца!

— Я говорю определенно, что это вопрос чести. Бывали женщины, которые предпочитали сперва защищаться перед сдачей, как боксер, который разогревается перед рингом.

Она встала на колени и стала отряхиваться от сена.

— Самое меньшее, что я могу сделать, Денни, — сказала она, — это доказать вам свою признательность.

Луч луны освещал ее от плеч до колен, оставляя в темноте голову и ноги. Знала она об этом? Я задал себе этот вопрос и ответил утвердительно.

Быстрым жестом она освободилась от платья и бросила его на сено. У меня пересохло в горле. Под платьем у нее были лишь белые трусики и кружевные черные подвязки. При свете луны высокие и крепкие ее груди казались сделанными из белого мрамора.

Она встала на колени около меня, взяла у меня из рук магнум и бросила его на платье.

— Значит, начинают с того, что снимают доспехи? — прошептала она. Ее правая рука обхватила меня за плечи и толкнула назад.

Я опрокинулся на спину, и Сильвия легла сверху и прижалась своими губами к моим. Я схватил ее за плечи, крепче прижал к себе, потом мои пальцы стали осторожно спускаться по ее спине до того места, пока не зацепились за трусики... Она задрожала всем телом, и я почувствовал, как кончик ее языка предпринял путешествие по моим губам.

Мои руки продолжали свою работу, постепенно спуская вдоль бедер шелковые трусики. Где-то в ночи послышался победный крик ночной птицы.

Глава 7

Мои часы показывали два часа пять минут. Пейзаж по-прежнему купался в лунном свете, но воздух посвежел. Сильвия в своем сверкающем платье держалась поблизости от старой машины. Она больше не дрожала.

— Дорогой, — сказала она, — я не хочу возвращаться в этот дом, во всяком случае сейчас, да еще с этой историей — с трупом в свинарнике.

— Ты не можешь поступить иначе, мой ангел, — терпеливо возразил я. — Из-за девушек. Если ты не вернешься, Толвар и компания начнут соображать и, если струсят, могут приняться за девушек. Ты должна вернуться.

— А труп? Что ты собираешься делать? Ведь нельзя же оставлять его так?

— Я уже однажды известил полицию, и они сочли это дурной шуткой. Если я стану продолжать, они задержат меня.

— Но нужно ведь что-то делать!

— Я подумую об этом, можешь не беспокоиться. Ты же постарайся сделать вид, будто ничего не случилось. Впрочем, у меня скоро проявятся мозги... Не волнуйся, мой ангел.

— Хорошо, Денни, — с улыбкой ответила она. — Как хочешь... Ты можешь меня поцеловать... знаешь, даже в твоих доспехах...

Мой поцелуй продолжался пять минут. В конце концов я пересек дорогу и влез в свою машину. Пока я закуривал сигарету, старая машина отъехала и исчезла в аллее, ведущей к дому.

Я подумал, что через полчаса вернусь в свой отель и лягу в теплую постель. Приятная перспектива. Но в тот момент, когда я протянул руку к стартеру, холодный металл револьвера прижался к моему затылку.

— Осторожнее, Бойд! Ты достаточно наговорил, — прокрипел голос возле моего уха, — не двигайся! Мой палец на спуске, и он чешется!

— А у меня все тело чешется, — ответил я. — А что один палец, знаешь...

— Это твой затылок, а не мой,— приветливо проговорил Толвар.

Свободной рукой он освободил меня от магнума. Это становилось у него просто манией.

— Боже мой! — воскликнул он.— У тебя так много оружия?

— У меня всегда его будет достаточно, если ты будешь продолжать отбирать... А ты давно уже тут засел?

— Добрых полчаса. И уже начал беспокоиться... Скажи-ка, ты что, равнодушен к сиделкам? Тебе понадобилось так много времени!

— Она славная малышка,— ответил я.

— Со мной-то она очень холодна, но у нее, должно быть, горячая кровь,— согласился он.— Впрочем, за свои деньги можно получить от нее немало... Когда ты перестанешь циркулировать, я, возможно, попытаюсь...

Это была гипотеза, как говорят в полицейских фильмах. Я вынужден был терпеть, так как ничего другого мне не оставалось.

— У тебя дубовая голова, Бойд,— продолжал он после небольшого молчания.— В последний раз, что мы виделись, я сказал тебе, чтобы ты бросил это дело, но ты не пожелал послушаться. И вот теперь ты в очень неважном положении.

— Послушай,— усталым голосом проговорил я,— уже поздно, и я знаю, кто ты, поэтому оставь болтовню для простофиль. Что будем делать? Ты снова займешься внушениями или чем-то другим?

— Ты перестанешь циркулировать, Бойд,— твердо проговорил он.

Самое скверное в этом парне то, что его невозможно рассердить: болтовня оставляет его равнодушным.

— Снова за старое,— сказал я.— А что означает перестать циркулировать? Ты за что меня принимаешь — за журнал или за пинту хорошей крови?

— Когда наступает час ухода, это значит — час ухода,— пояснил он спокойно.— Точка на линии. И прощай для мистера.

— Я счастлив, что ты не употребил еще термин: охладить. Спасибо, старина!

— Пожалуйста, а теперь, Бойд, пора в дорогу, надо же кончать с этим, правда?

— У тебя, вероятно, лицензия частного детектива, не так ли? Что ж, возможно, ты как-нибудь сможешь выкрутиться, если будут законная защита и по крайней мере

шесть свидетелей, готовых засвидетельствовать, что ты защищался. Но убийство — это ведь не то же самое?

— Поехали,— он нажал дулом револьвера на мой затылок,— не заставляй меня плакать...

— Раз так, мне придется действовать иначе,— сказал я,— объяснить тебе попросту. Мы с тобой зарабатываем на жизнь одним ремеслом. Но я еще никогда не встречал настолько богатого клиента, который заставил бы меня совершить убийство. Следовательно, тебе невозможно тоже не знать этого. Зачем же ты меня пугаешь?

— Ты отъедешь или нет? Иначе оглушу тебя и сам сяду за руль. Что предпочитаешь?

Я включил мотор и поехал по дороге.

— Вот так-то лучше,— сказал Толвар.— Это все, что от тебя сейчас требуется.

— Ну что ж, тем лучше! Потому что я очень легко схожусь с людьми. Может быть, нам устроить конференцию на высшем уровне?

— У меня от тебя болит голова. Замолчи, пожалуйста!

— Странно, а ведь я только пытаюсь найти общий язык. Слушай, ты не станешь нервничать, если я закурю?

— Я по пустякам не нервничаю. Но учти, у меня на курке палец, который сильно чешется в этот момент. Будь осторожен с дымом, понял?

Я не спеша достал из кармана пачку сигарет и закурил с помощью зажигалки на щитке прибора.

— Куда мы едем? — спросил я.— Если, конечно, не секрет?

— Сюрприз,— ответил он и резко изменил тему: — Где вы были в течение этого времени?

— В амбаре.

— Пете заходил туда,— проворчал он.— Постарайся придумать получше.

— Он осмотрел амбар, но не сеновал.

— Да? — насмешливо протянул Толвар.— И вы там долго забавлялись, наверну? А? Ты, можно сказать, не торопился!

— Мы устроили конференцию на вершине.

— Вот это мне нравится! Я воспользуюсь твоим примером. «Пойдем, куколка, устроим конференцию наверху»... Это очень благовоспитанно, ты не находишь? Изысканность! Они любят это, шлюхи! Кстати, где это она тебя подцепила, эта Вест?

— Мне просто повезло, по крайней мере, в этом... Я приехал в отель, поднялся в свою комнату, потом решил, что нужно что-нибудь поесть. Спустился в холл, и, можешь верить, можешь нет, сразу напал на маленькую Вест, у которой была та же мысль. Итак, мы покончили...

— Боже мой! Это же чепуха!

— И тем не менее правда. Ты думаешь, она бы вернулась в дом, если бы сомневалась в том, что происходит... Она, вероятно, тоже замешана в этом и поэтому именно вы послали ее, чтобы поймать меня здесь!

Мы уже порядочно отъехали, и я сбавил скорость.

— А теперь куда?

— Да-а-а... — удивленно протянул он. — Это верно! Плохо или хорошо, но теперь давай-ка вернемся...

— Ты платишь моей головой?

— Почему? Просто люблю кататься по ночам.

Я еще больше замедлил ход, развернулся и мы направились в обратный путь. Толвар по-прежнему держал револьвер прижатым к моему затылку.

В течение десяти минут я молчал, ища объяснение всему этому, но напрасно.

— Ты действительно замешан в этом? — наконец спросил я у Толвара, когда до фермы осталось всего минут десять.

— Я знаю не больше твоего, дружок.

— Ты в курсе того, что одного тут уже охладили? Представляешь себе картину? Труп, зарытый в свинарнике.

— Ошибаешься, дружок! — небрежно возразил он. — Его там уже нет, пока мы раскатывали тут.

— Надеюсь, тебе хорошо заплатили... Это долго, знаешь, пятнадцать лет в Синг-Синге.

— Я уже оплачен! — с удовлетворением в голосе ответил он. — Это выгодное дельце, Бойд, вот уже десять лет, как я его ждал... и нет опасности, что промахнусь...

— Можно сказать...

— Десять лет гнусной работы... играть честного в крысиной норе, с клиентами, которые чувствуют себя, как дома, едва переступят твой порог! Когда бывала удача, я откладывал по две сотни долларов в неделю, но в остальное время не зарабатывал даже для оплаты помещения. Не говоря о том, что плохих дней гораздо больше, чем хороших... И вот большая комбинация свалилась с неба! Говорю тебе, большая комбинация, три удара ложкой о горшок — и комбинация сыграна. Это принесет мне

столько, что я смогу прожить припеваючи остаток дней! Соображаешь? Так что не суйся ко мне со своими историями, трупами, даже полдюжины их меня не испугают...

— По твоему виду можно сказать, что тебе немного приходилось шутить в жизни... Хотел бы знать, как же удалось остаться живым?

— Проедешь через ворота,— холодно ответил он,— на поддороге к дому выключишь мотор и продолжишь езду, пока я не прикажу тебе остановиться, и не забудь выключить фары.

Я послушался. На поддороге к дому я выключил мотор и фары. Машина проехала еще пятьдесят метров, и Толвар приказал остановиться.

— А теперь ложись на сиденье.

— Послушай, ты...

— Хочешь, чтоб я тебя треснул?

Я растянулся на сиденье. Прошла минута. Я слышал, как кто-то открыл багажник, раздался глухой стук, и багажник снова с треском закрыли. Никто не коснулся дверей машины, следовательно, Толвар по-прежнему тут. Значит, открывал багажник кто-то другой.

— Все в порядке, можешь сесть. Сделай полукруг и не выключай фар.— Говоря это, Толвар снова прижал револьвер к моему затылку.— Ну, Бойд, пошевеливайся, мне хочется спать.

Я сделал то, что он мне приказал, и доехал до ворот. Задняя дверца хлопнула, и секундой позже Толвар появился около меня, наставляя на меня револьвер.

— Спасибо за прогулку, парень! — сказал он.— Я чувствую себя немного лучше.

— А что я теперь должен делать? Спеть тебе колыбельную?

— Делай то, что хочешь, парень,— любезно заявил он.— Возвращайся в Нью-Йорк, поезжай в Калифорнию, если там тебе светит, мне наплевать.

— Я-то сделаю что хочу...— медленно повторил я.— А как же твоя история о наступившем часе?

— Чепуха! Как и твоя история с трупом, зарытым в свинарнике. У тебя нет воображения, Бойд, тебе нельзя писать сценарии.

— Спасибо.

— Ну, чего ты ждешь? — нетерпеливо спросил он,— я не собираюсь провести здесь всю ночь.

— Сейчас уеду, только закурую.

— Ты что, не можешь вести машину одной рукой?

— Мне нужно только пять секунд,— настаивал я.

Не спеша я достал из кармана сигареты, не торопясь выбрал одну. Толвар раздражал меня, он считал меня слишком глупым, чтобы разглядеть его игру.

Они подождали, пока вернулась Сильвия, и Толвар заставил меня отъехать. За это время они вырыли труп и, когда мы вернулись, один из них сунул его в мой багажник. Как только я тронусь с места, Толвар прикончит меня. Он предпочитал, чтобы я немного отъехал, потому что так было бы менее рискованно. Им оставалось лишь предупредить полицию и рассказать, что, услышав шум, они вышли, увидели меня удирающим, приняли за грабителя и застрелили.

Полицейские увидят лишь основное: свежевскопанную землю в свинарнике и труп в моем багажнике. И теперь, давая мне возможность уехать, Толвар играл наверняка. Если бы он начал с убийства и потом оставил бы меня в машине, то рисковал недосмотреть некоторых деталей, которые могли бы броситься в глаза профессионалам. В то время как дав мне отъехать, дело бы стало вернее.

Я закурил свою сигарету и с наслаждением затянулся.

— Убирайся отсюда, пока я не переменял своего решения! — злобно бросил мне Толвар.— Мне очень хочется испортить тебе портрет.

Я бросил спичку через окно и включил мотор.

— До ближайших дней, утенок! — усмехнулся Толвар.

Я включил задний ход до отказа, нажав на педаль газа, и машина резко рванула назад. Одновременно я включил фары. Машина проехала метров пятьдесят, прежде чем я остановился и переключил скорость.

Толвар был ослеплен фарами, я поймал его врасплох. Он старался повернуться так, чтобы стать напротив машины. И тогда я снова нажал на акселератор и машина рванулась вперед, прямо на Толвара. Он поднял левую руку, чтобы прикрыть глаза, в то время как правой наставлял револьвер.

Я держал ногу на педали газа, отлично понимая, что мне не удастся добраться до него раньше выстрела. В течение секунды, которая продолжалась для меня целую вечность, я задавал себя вопрос: разлетится на осколки стекло, когда он выстрелит в мою голову?

Но Толвар не стрелял. Он считал меня глупее, чем

я есть. Он думал, что я только стремился лишь поскорее выехать на дорогу.

Удар, крик, глухой шум, темная масса взлетела в воздух. Я затормозил, выворачивая руль. Машина со скрежетом покрышек остановилась напротив дома. Я оставил мотор и фары включенными.

Позади я увидел бесформенную массу. И еще какое-то движение за пределами лучей фар. Я тут же выпрыгнул из машины.

Вблизи Толвар напоминал испорченную куклу, годную лишь для того, чтобы ее бросили в помойку. Помимо прочих повреждений у него была свернута шея. Вид мало приятный, но сейчас было не время предаваться эмоциям. Все, что я хотел, это вернуть свой магнум. Его собственный револьвер должен быть отброшен в момент столкновения. Я расстегнул его пиджак и нервно провел рукой вдоль тела, но напрасно. Невозможно скрыть магнум в ботинке или носках.

Раздался выстрел, и пуля ударилась в землю в пятнадцати сантиметрах от головы Толвара. Мне ничего не оставалось, как зигзагами запрыгать к машине. Я услышал еще два выстрела, и одна пуля пролетела так близко, что я покрылся гусиной кожей.

Теперь отъехать, выключить фары в надежде, что это затруднит стрельбу, повороты на двух колесах с дрожью во всем теле, наконец ворота и — дорога.

Немного позже я едва не перевернулся на крутом повороте. Когда я посмотрел на спидометр, он показывал сто тридцать. Я замедлил ход и перешел на шестьдесят как полагается законопослушному гражданину.

Без пяти пять я остановился перед отелем. Если какой-нибудь парень и заслужил спокойного сна, то этим парнем был я. Выходя из машины, я бросил взгляд на заднее сиденье и что же я увидел? Мой магнум.

По всей вероятности, когда Толвар приказал мне уехать, он был уверен, что я уеду недалеко от него. Следовательно, он мог себе позволить оставить в машине магнум, чтобы взять его позже. Я сунул свой револьвер в кобуру. Если бы я раньше подумал об этом, другими словами, если бы я знал, что Толвар оставил его в машине, мог бы избежать многих неприятностей.

Десять минут спустя я уже был в своей комнате. Упал на кровать, и мною мгновенно овладел сон. Иногда усталость бывает сильнее рассудка...

Глава 8

Я проснулся около одиннадцати часов, снял телефонную трубку и попросил принести мне кофе, два вареных яйца и двойной скотч.

Когда принесли заказ, я уже поднялся и надел халат, что потребовало определенных усилий от моих застывших мускулов.

Я разбил яйца в скотч, закрыл глаза и все проглотил. Мой желудок хотел было запротестовать, но у него не хватило на это сил.

Поспешив прогнать вкус скотча и яиц с помощью кофе и сигареты, я услышал стук в дверь.

Может быть, директор отеля хотел предложить мне что-нибудь еще? Открылась дверь, и иллюзии мои улетучились: два молодца, которые стояли передо мной, были явно из другого дома.

— Мистер Бойд? — спросил один из них.

— Да, это я, что вам угодно?

— Полиция. Разрешите войти?

— Пожалуйста, — вежливо ответил я.

Они солидно уселись и стали смотреть, как я наливаю себе вторую чашку кофе.

— Сержант Тик, — сказал блондин. — А это инспектор Карнак.

— Мне не нужно представляться, потому что похоже на то, что вы меня знаете. Чему обязан?

Тик перелистал книжку, назвал номерные знаки машины, и я узнал в них свои.

— Вы можете подробно описать, как вы провели ваше время в течение вчерашнего вечера? — спросил он печальным голосом.

— Охотно, но...

Внезапно я понял. Свет оказался ярче, чем тогда, когда Толвар ударил меня. Как я уже говорил, усталость может сделать идиотом даже такого типа, как я. Накануне вечером, покидая ферму, я забыл про небольшую деталь: о трупе в своем багажнике.

— Вы приехали в отель около восьми тридцати, — не спеша заявил Тик. — Теперь продолжайте, начиная с этого времени.

— Я отправился обедать в Ньюпорт, к Кристи, специалисту по дарам моря. Потом отвез мою подругу к ней домой и вернулся в отель. Это все, как мне кажется.

— В котором часу вы вернулись?

— Около четырех часов утра, — ответил я, потому что ночной дежурный видел меня, когда я брал свой ключ.

— И в котором часу вы покинули Ньюпорт?

— Около десяти тридцати.

— Пять с половиной часов на дорогу? — сказал он, поднимая брови. — А где она живет, ваша подруга? Где-нибудь на севере?

Я постарался улыбнуться.

— Прощание заняло у меня много времени.

— Где она живет? — повторил он, не ответив на мою улыбку.

— На одной ферме, в пятидесяти километрах отсюда. — Я сообщил название и адрес фермы.

— В котором часу вы расстались с ней, чтобы вернуться сюда?

— После трех часов.

— Вам понадобился час, чтобы проехать сорок километров?

— Я не торопился.

— После... или сперва?

— Сперва или после чего?

Лицо Тика было как из камня.

— Не играйте в несмысленша, Бойд. У нас есть очевидец.

— Очевидец чего?

— Будет лучше, если вы оденетесь, — сказал он. — Мы вас увезем. Он мертв, но вы должны его знать.

— Я ничего не понимаю из того, что вы мне рассказываете.

— Как хотите, — вздохнув, проговорил он. — Вы его раздавили и уехали. Один свидетель присутствовал при этом и записал номер вашей машины.

— Вы совершенно сошли с ума! — воскликнул я. — Я не мог раздавить труп давностью в четыре дня и который только что выкопали.

Тик широко раскрыл глаза и повернулся к Карнаку.

— Я в курсе убийства, — продолжал я. — Это я звонил по телефону полиции штата, чтобы сигнализировать и указать место, где находится труп. Только вот убийца мгновенно поменял клетку Дуксвиллю в его свинарнике.

— В свинарнике? — повторил Тик глухим голосом.

— Да, в свинарнике, — подтвердил я.

Тик снова повернулся к Карнаку, и они недоуменно переглянулись.

— Дуксвиль...— медленно проговорил Карнак.— Это просто кличка, не так ли? Это не настоящее имя?

— Дуксвиль — это боров.

— Я знаю; знаю,— вмешался Тик,— я тоже знаю множество людей, которых совершенно не выношу. Но это не мешает им иметь фамилию.

— Великий боже...— пробормотал я.— Говорю о борове, настоящем борове, на копытах, если вам это больше нравится. Существо, из которого делают ветчину. Теперь уловили?

Карнак пожал плечами и признал себя побежденным.

— Это нервный приступ,— важно констатировал Тик.— Долго выдерживает напряжение, а потом, пф!..— и теряет педали.

— Согласен,— ответил Карнак.

— Это труп некоего Филиппа Хозелтона — его вы обнаружили в багажнике моей машины.

Тик покачал головой.

— Труп Карла Толвара, нью-йоркского частного детектива, и нашли мы его на дороге, примерно в восьмидесяти метрах от фермы вашей подруги.

Теперь настала моя очередь вытаращить глаза... Я смотрел на Тика с раскрытым ртом, не находя ответа.

— Одевайтесь, Бойд,— сказал он,— и постарайтесь сделать это побыстрее. Мне хочется поскорей заглянуть в багажник вашей машины.

Тик и Карнак беспокойлись из-за простого лихачества и вдруг оказались перед убийством первой степени!

Вот тут-то и начался для меня праздник. К трем часам я полностью перестал интересоваться делами. Все, о чем я мог мечтать, это дать два месяца отдыха своей глотке. Говорил, говорил... Сначала они подумали, что я хитрю, но потом решили, что я созрел для камеры. В сущности, они, возможно, и правы... Я и сам, пожалуй, запутался...

Некий лейтенант Грир заменил Тика и Карнака. На первый взгляд его можно было принять за славного малого, как сказал бы Пете. Но, взглянув на него вблизи, я уловил холодный блеск в глубине его глаз. Внешность славного малого была лишь маской.

Наконец и Грир перестал меня допрашивать и ушел, уведя с собой Тика. Карнак продолжал допрос еще в течение часа, но так как это ничего не дало, бросил это. Он послал за кофе и предложил мне, чтобы я оплатил себе две пачки сигарет. Когда полицейский возвращал мне сдачу, я позабыл дать ему на чай десять центов.

К шести часам Грир вернулся один, и Карнак поспешил смыться, оставив меня наедине с лейтенантом. Грир сел напротив меня и усталым жестом сдвинул свою шляпу на затылок.

— Послушайте, Бойд, я вам расскажу то, что узнал, вы же со своей стороны постарайтесь дополнить, чем сможете.

— Опять! — с горечью воскликнул я. — Вы хотите моей смерти!

— Труп, который находился в багажнике вашей машины, действительно принадлежит Филиппу Хозелтону. Он был опознан Хустоном и отцом, которые приехали в полдень. По мнению врача, Филипп получил удар ножом в легкое, и после смерти труп некоторое время был зарыт в земле. Иными словами, ваши заявления совпадают с действительностью.

— Счастлив слышать это от вас!

— Хозелтон был убит между двенадцатью ночи в воскресенье и ранним утром понедельника. Врачи не смогут определить точное время смерти.

— Я находился в Нью-Йорке.

— Вы сможете это доказать?

— В воскресенье вечером я играл в покер. Партия закончилась поздно, между тремя и четырьмя утра. Я вернулся к себе и лег спать. В понедельник утром, ровно в девять часов я пришел в свою контору. Моя секретарша подтвердит вам это. В это утро у меня не было посетителей, но мне два или три раза звонили по телефону. Она должна была записать звонки, следовательно, вы можете проверить и это.

— Можете сообщить имена и адреса ваших партнеров по покеру?

— Охотно.

— Я тщательно проверю все это, и если то, что вы говорите, правда, вы окажетесь вне подозрений, я имею в виду это убийство. Поехать на ферму, убить Хозелтона и вернуться — это заняло бы у вас более пяти часов.

— Спасибо, лейтенант, — с признательностью проговорил я.

— Мы еще не вышли из леса, парень! — проворчал он. — Кровь и лоскуты материи, которые обнаружили под вашими колесами, принадлежат Толвару.

— Что еще?

— У меня есть очевидец — Петер Ринкман.

— Вы хотите сказать Пете-головорез?

— Человек на все руки. Он пешком возвращался на ферму по дороге, около половины четвертого утра, когда увидел машину, едущую в его направлении. Она остановилась в двухстах метрах от него, и один тип вышел из нее и поднял капот, притворяясь, что у него неполадки с машиной. Пете заметил другую машину, которая приближалась из глубины. Тип вышел на дорогу и поднял руку, чтобы попросить того остановиться, но напрасно. Пете сказал, что второй даже не замедлил хода. По его мнению, шофер должен был видеть Толвара, который стоял посреди дороги. Этот Пете услышал удар и видел, как Толвар взлетел в воздух. Он смог запомнить номер машины в тот момент, когда она проезжала мимо него.

— Вот хитрец этот Пете! А по его мнению, с какой скоростью ехала машина?

— Более ста в час.

— Значит, первая машина остановилась в двухстах метрах от него,— продолжал я,— он видел, как тип вышел и, подняв капот, стал копаться там. Потом этот тип увидел подъезжающую другую машину и устремился на середину шоссе, чтобы обратить внимание шофера, а тот наехал на него. По вашему мнению, лейтенант, сколько времени прошло между моментом первой остановки машины и наездом?

— Секунд пятнадцать,— ответил Грир.

— Пете тем временем продолжает продвигаться вперед все ближе и ближе к машине. После инцидента он успел увидеть Толвара, взлетающего в воздух, и запомнить номер машины. В этот момент он должен был быть по крайней мере в двадцати пяти метрах. По его словам, вторая машина ехала со скоростью ста километров в час, другими словами, прошло четыре секунды с момента гибели Толвара до того момента, когда машина проехала мимо Пете.

— Нельзя хронометрировать реакции индивидумов,— проворчал Грир.— Ему, возможно, было достаточно доли секунды, чтобы сохранить в памяти номер второй машины.

— Хорошо,— огорченно сказал я.— Что еще?

— Сильвия Вест подтвердила ваше заявление в отношении обеда в Ньюпорте и возвращения на ферму. Она сказала, что вы ее покинули после двух часов ночи.

— Отлично! Чтобы напасть на Толвара, который караулил меня позади моей машины. Я вам уже все сказал.

Он невозмутимо покачал головой.

— Действительно, вы мне уже рассказали, что она просила вас проехать с ней, чтобы удостовериться, что

боров переменял клетки и поэтому полиция штата не нашла труп.

— И что же?

— Мисс Вест ничего об этом не помнит,— осторожно проговорил он.— Она призналась, краснея, что поднималась с вами на сеновал, но насчет свинарника — ничего! Кстати, ни одна из девушек на ферме не рассматривает себя как заключенных. Они заявляют, что их отец, Хустон и Ринкман — человек на все руки.— защищали их от вас. Что вы надоедали им уже несколько дней до такой степени, что Хустон даже нанял частного детектива, чтобы защитить их от вас. Частный детектив, о котором идет речь,— это Толвар, как вы сами знаете.

Я был слишком обескуражен, чтобы продолжать спорить.

— Хорошо, согласен, я все выдумал, начиная с того, что меня наняла Марта Хозелтон за две тысячи долларов, которые я внес в банк. А к чему бы мне все это?

— В настоящий момент вы обвиняетесь лишь в наезде из-за неосторожности. Что же касается убийства, то мы проверим ваше алиби. Хотите, чтобы вам вызвали адвоката?

— Не сейчас. Уже слишком поздно, чтобы я смог застать свою секретаршу в конторе, а потом у меня не хватает мужества. Ведь мы можем подождать до завтра, а?

— Как хотите. К тому же у вас достаточно времени, чтобы не торопиться...

Я провел в камере ночь. Койка была жесткой, но я слишком хотел спать. На следующее утро мне удалось побриться перед первым завтраком. Очень бы хотелось получить зубную щетку, душ и чистую рубашку, но я сказал себе, что нужно привыкать к любым обстоятельствам.

Около половины девятого перед моей камерой появился лейтенант Грир. Он сделал знак сторожу открыть дверь и позвал меня.

— Вы отправитесь со мной, Бойд,— сказал он, спускаясь по коридору.

— Что произошло? — спросил я, когда поравнялся с ним.— Это революция? Я амнистирован?

— Замолчите! — ответил он мне, продолжая быстро идти.

Мы вышли и уселись на заднем сиденье патрульной машины. У руля сидел Карнак, рядом с ним — Тик.

Я закурил и бросил взгляд на лейтенанта.

— Итак? — спросил я.

— Вы знаете озеро, которое находится позади фермы Хозелтонов? — спросил он, почему-то покраснев.

— Да, Сильвия водила меня к нему в первый раз, когда я приезжал туда. Она мне показывала все поместье. А почему вы спрашиваете?

— Десять минут назад позвонил Хустон. Они обнаружили Клемми Хозелтон, плавающую в озере лицом вниз...

Глава 9

Карнак остановился перед фермой, и мы вышли из машины. Хустон быстрыми шагами вышел из дома и направился к нам.

— Лейтенант... — начал он.

При виде меня злобный огонь зажегся в его рыбьих глазах.

— Где труп? — спросил Грир.

— На берегу озера. Это Пете ее нашел и вытащил из озера. Когда увидел, что она мертвая, он решил, что будет лучше не приносить ее в дом. Он по-прежнему там, чтобы помешать кому-либо дотронуться до нее.

— Хорошо, — сказал Грир, — а где остальные?

— В доме... они, конечно, все совершенно подавлены... Смерть, последовавшая на следующий день после обнаружения трупа ее брата...

— Да-а-а... вы лучше оставайтесь с ними, пока не увезут тело.

— Слушаюсь, лейтенант, — сказал Хустон и медленно пошел к дому.

За нами подъехали еще две машины, и в мгновение ока поместье оказалось наводнено полицейскими. Судебный эксперт подошел к нам, раскачивая саквояж на конце пальца.

— Настоящий фестиваль, лейтенант! — с воодушевлением воскликнул он. — Я возбужден, если хотите знать. Каждый раз, когда я вижу труп, я сильно возбуждаюсь.

— А что нужно, чтобы вы заболели? — сухо проговорил Грир. — Тело там, на берегу озера.

Я пошел вместе со всеми, и по мере приближения к озеру мы выстроились в индейскую цепочку. Грир шел впереди меня с озабоченным видом, засунув руки в карманы.

Последние пятьдесят метров мы пробивали себе путь через трясины и густые заросли тростника, мокрые стебли которого оставляли темные пятна на моих брюках.

Двое сторожили труп, так как Гилберт Хозелтон явился составить компанию Пете. Оба мужчины, совершенно неподвижные, смотрели на белое тело, лежащее у их ног.

Я замедлил шаг в тот момент, когда мы подходили к ним. Это лейтенанту нужно было работать. Я же пришел сюда против своей воли.

Клемми Хозелтон лежала на спине. Под нее положили старый плащ, который, как мне кажется, принадлежал Пете. Ее широко раскрытые глаза смотрели на небо с немим укором. Белая ночная рубашка прикрывала ее словно саван, и оттого девушка казалась еще моложе.

Подняв глаза, я встретился взглядом с Хозелтоном.

— Бойд? — хриплым голосом проговорил он. — Вы здесь? Это из-за вас она мертва. Я вам говорил, я вас предупреждал, ведь ей было надо очень немного, чтобы потерять голову и решиться бог знает на что!

— Мистер Хозелтон, — сухо сказал Грир, — я...

Хозелтон был багровым, его усы вздыбились. Он сделал шаг ко мне.

— Она покончила с собой! — злобно проскрипел он. — Сегодня ночью она вышла из дома, побежала к озеру и бросилась в воду...

Он стал гримасничая плакать, как ребенок, которого только что выпороли.

— Она была одна! — продолжал он. — Вы понимаете? Она страдала... Одна, покинутая всеми, настолько одинока, что не могла выдержать!.. И она предпочла умереть, — его голос снова окреп. — Это вы, Бойд, толкнули ее на это! Вы ее убили и это так же верно, как если бы пустили ей пулю в сердце.

Он сделал еще шаг ко мне и, жестикулируя как сумасшедший, завопил:

— Убийца!

Грир сделал знак Карнаку, который поспешил к отцу, чтобы успокоить его.

— Отведите его в дом, — приказал Грир.

Карнак и Хозелтон медленно удалились. Судебный врач встал на колени около Клемми и раскрыл свой саквояж.

— Это вы ее нашли? — спросил Грир у Пете.

— Да, лейтенант, — ответил Пете, энергично кивая головой. — В семь часов утра. Мисс Вест пришла ко мне, чтобы сказать, что мисс Клемми нет в ее комнате. Я ска-

зал, что обойду все вокруг. Когда я подошел к озеру, было уже семь тридцать. Внезапно я увидел ее посередине озера, плавающей с головой в воде. Я отправился за ней и привез к берегу, а когда увидел, что она мертва и что уже ничего нельзя сделать, вернулся в дом и предупредил мистера Хустона. А он велел мне вернуться сюда и ждать. Я так и сделал.

— Это на вашем плаще она лежит?

— Да, — ответил Пете, — я снял его, когда вошел в озеро, и когда подобрал, расстелил его под ней... чтобы не замазалась она.

Молодой врач выпрямился, он был зеленым.

— Я немного могу сделать сейчас, лейтенант, — сказал он, — она утопилась, это все, что я могу сказать. Тело находилось в воде несколько часов.

— Да, — произнес Грир, качая головой. — Если вы хотите увезти ее, я не возражаю. Вот только фотографии сделают необходимые снимки, и она — ваша.

— Хорошо, — пробормотал врач, еще более позеленевший от такой перспективы.

— А мы отправимся на ферму, — заявил лейтенант, — нам здесь больше нечего делать...

— Лейтенант! — сказал я. — Ее ночная рубашка... она белая.

— Вы ничего нового мне не сказали!

— Она не запачкана, — пояснил я.

— Но врач же сказал, что тело несколько часов находилось в воде, — проворчал он, и в голосе его слышалось сомнение.

— Эти пятна не смываются водой, — настаивал я. — Попробуйте сами, когда вернетесь к себе.

Я пальцем показал ему зеленые пятна, которыми были украшены мои брюки.

Он некоторое время смотрел на них, потом опустился на колени возле трупа и стал внимательно, ни до чего не дотрагиваясь, рассматривать рубашку.

— Вспомните о душераздирающей сцене, которую устроил ее отец... — медленно продолжал я. — В середине ночи она на кончиках пальцев покидает дом, бежит к озеру и бросается в воду.

Грир встал и посмотрел вокруг себя.

— Да, чтобы приблизиться к озеру нужно пройти через камыши, — заявил он. — И она пробиралась через камыши, перед тем как попала в озеро.

— Значит, у нее были крылья?

Он покачал головой.

— Ее принесли, здесь речь идет об убийстве.

— Ну что ж, лейтенант, вам понадобилось немного времени, чтобы понять это.

Грир слегка улыбнулся.

— Осторожнее, Бойд, не воодушевляйтесь. Вы сделали дельное замечание относительно пятен, согласен, но не заставляйте меня вмиг отказываться от самоубийства, я еще не забыл версии Хозелтона. Вы оставайтесь здесь, — сказал он Тику, — а как только увезут тело, присоединитесь к нам.

— Слушаюсь, лейтенант, — ответил Тик, — я займусь этим.

— Скажите, чтобы сфотографировали рубашку со всех сторон, — продолжал Грир. — Я хочу, чтобы ее было видно такой, какой она сейчас, чистая и гладкая, без малейшего пятнышка.

— Слушаюсь, лейтенант, — повторил Тик.

Мы не спеша отправились к ферме. Глаза Грира дали мне понять, что он не намерен разговаривать. Я тоже хранил молчание.

— Следуйте за мной, Бойд, — резко проговорил он, когда мы подошли к двери, — но ни одного слова, вы меня поняли? Никаких вопросов, никаких ответов, никаких комментариев или шуток. Вы будете немые, как карп! Если же откроете рот, я отправлю вас обратно в камеру.

— Не утруждайтесь, лейтенант, — с улыбкой сказал я. — Согласен, вы заметили нечто очень важное...

Гостиная не потеряла своей деревенской простоты, но никто не обращал на нее внимания. Люди, находившиеся в ней, напоминали персонажей греческой трагедии через десять минут после развязки.

Гилберт Хозелтон, развалившись в кресле, бессмысленно глядел в камин.

Сидящие бок о бок на диване Марта и Сильвия еще находились под впечатлением ужасного известия. Хустон стоял у другого конца дивана, и взгляд его был напряженным, как обычно.

Карнак устроился возле двери. Можно было подумать, что его оставили здесь случайно. Грир остановился посреди комнаты с холодным огоньком в глубине глаз и высокомерным, презрительным видом. Я подошел к Карнаку. Любопытствовал бы себя смущенным на моем месте, но очарование моего профиля позволяло мне выходить из любых ситуаций, даже таких неприятных, как эта.

— Мисс Вест.

Грир назвал ее так неожиданно, что та подскочила на месте.

— Вы первой констатировали исчезновение мисс Хозелтон?

— Да, лейтенант,— тоненьким голосом ответила Сильвия.— Она любит по утрам кофе в постели. Так вот, я принесла ей кофе и увидела, что ее нет в комнате.

— Продолжайте!

— Ну что же, по правде сказать, я не обратила на это особого внимания, подумала, что она в ванной комнате. Поэтому поставила чашку на ночной столик и вышла. Минут двадцать спустя я вернулась и, увидев, что она не притронулась к кофе, занялась ее поисками.

Грир кивнул.

— И не найдя ее нигде, вы забили тревогу? Это Ринкман отправился на ее поиски?

— Да, лейтенант,— ответила она тихо.

Грир продолжал свой вопрос с почти механической монотонностью, но ответы, которые он получал, ничего ему не добавляли. Девушки легли спать около одиннадцати часов. Хустон и Хозелтон ушли к себе около полуночи. Никто в течение ночи не просыпался, никто не слышал посторонних шумов. Никто ничего не видел.

— Лейтенант! — под конец простонал Хозелтон.— Вы теряете время. Мы все знаем, что Клемми покончила с собой и мы также знаем, почему,— он бросил на меня злобный взгляд.— Это Бойд с его преступной необдуманностью, с его упрямством вмешиваться в то, чего он не понимает. Он пренебрег моими предупреждениями и...

— Мистер Хозелтон,— сухо прервал его Грир,— ваша дочь не покончила с собой, ее убили.

— Убили! Но это же невозможно! Как это?

Лейтенант терпеливо разъяснил ему, что стебли камыша должны были оставить следы на ее ночной рубашке, но Хозелтон его не слушал.

— Одно совершенно очевидно, мистер Хозелтон,— сказал Грир, повышая голос, чтобы старый человек услышал его.— Бойд провел всю ночь в тюрьме, следовательно, он не может быть убийцей вашей дочери.

Хозелтон стал открывать и закрывать рот, при этом не произнеся ни слова. Внезапно его глаза закрылись, и он откинулся назад.

Сильвия бросилась к нему и стала щупать пульс.

— Ничего страшного,— сказала она несколько секунд

спустя.— Переживания.. нервы не выдержали. Это обморок, сейчас ему будет лучше.

— Ну, а нам здесь больше нечего делать,— заявил Грир.— Пусть никто не покидает дом без моего разрешения, понятно?

— Одну секунду, лейтенант,— вмешался Хустон,— по какому праву?

— Никто,— сухо повторил Грир,— и вы, Хустон, не более других. Попробуйте поступить иначе и будете грызть себе пальцы.

Лейтенант направился к двери.

— Пусть один человек дежурит перед домом, около ворот, двадцать четыре часа.

— Я сделаю все необходимое, лейтенант,— ответил Карнак.

— Бойд! — закричал мне Грир, уже переступив порог.— У вас есть камера, которая протягивает к вам руки! Не заставляйте ее ждать.

Около трех часов дня я растянулся на своей койке, немного дремля, когда вошел Грир.

Я сел, зевая.

— Будьте гостем в моей скромной обители, лейтенант,— вежливо сказал я.— В настоящее время я еще здесь новичок, но вероятно, скоро достигну предела в десять лет.

Он закурил сигарету и стал смотреть на стену над моей головой.

— Ваше алиби подтвердилось,— наконец сказал он,— следовательно, вы не обвиняетесь в убийстве Филиппа Хозелтона.

— Все-таки одним меньше!

— Я думаю...— медленно проговорил Грир,— все-таки этот Пете... этот очень энергичный тип... И хитрый к тому же!

— Почему вы так решили?

— Он где-то болтается в три часа ночи и появляется как раз в то время, когда лихач сбивает парня... Отличный свидетель, делающий именно то, что надо! Потом он отправляется на поиски Клемми Хозелтон и находит ее посреди озера там, куда никто и не догадался бы посмотреть. Я нахожу его слишком ловким, чтобы быть просто честным человеком.

— Он слишком ловок — и точка,— согласился я.

Грир выпустил дым в потолок.

— Я получил также сведения и о Толваре. Он должен был уже пять или шесть раз подряд потерять свою лицензию за последние четыре года, но ни разу не удавалось получить достаточно доказательств против него. Вымогательство, подтасовка свидетелей, фальшивые разводы — он пробовал все, в том числе и шантаж. Если только пахло деньгами, он больше ни на что не смотрел.

— А еще какие хорошие новости, лейтенант?

Он смотрел на меня некоторое время, которое показалось мне бесконечным, прежде чем ответить.

— Ваша история настолько неправдоподобна, что может оказаться правильной, — медленно проговорил он. — Я заставил провести следствие относительно наследства и этим сейчас занимаются.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Продолжайте, лейтенант, и я, может быть, ограничусь только пятнадцатью годами.

Грир бросил свой окурок и старательно раздавил его.

— Вы должны мне пять долларов, — заявил он.

— Я?

— Я внес ваш залог, — лаконично ответил он.

Я смотрел на него круглыми глазами.

— Честное слово, у вас есть чувство юмора, лейтенант, — наконец сказал я.

— У меня совершенно нет чувства юмора! Я решил отпустить вас под залог, и на этот раз меня послушались. Я предложил назначить залог в один доллар, но у нас, кажется, началась инфляция.

— Вы не разыгрываете меня? — спросил я, вскочив на ноги.

— Если вы останетесь здесь, вас заставят платить за помещение!

— Я немедленно уйду!

— Секунду, Бойд, — сказал Грир. — Я хочу выяснить еще несколько пунктов.

— Слушаю вас.

— Попытайтесь только покинуть город, и я немедленно вас задержу. Я постарался для вас, но совсем не собираюсь играть роль доброго дядюшки. Не забывайте этого, Бойд. — Он постучал себе по зубам, недовольно качая головой.

— Они лгут все там, на ферме, — продолжал он, — никто не хочет говорить правды. Чем вы это объясняете?

— Одни не могут себе позволить этого, а другие боятся.

— Да-а-а... — протянул он, кивая головой, — следовательно, ни к чему их допрашивать, это будет повторением старой лжи. Я чувствую, что мы нуждаемся в катализаторе. Вы знаете, что это такое?

— Конечно! Это что-то от кошки и котенка...

— Может быть, я сумасшедший... — пробормотал он. — Бойд, катализатор — это вы! У меня есть намерение бросить вас среди этих людей и посмотреть, что произойдет?

— Иными словами, посмотреть, получу ли я пулю в лоб или меня утопят в озере?

— Но это же сэкономит вам оплату адвоката! — проворчал он. — Я получил рапорт судебного врача относительно Клемми Хозелтон. Она действительно умерла от утопления, с легкими, наполненными водой, но кроме того, у нее легкая контузия на вершине черепа. Ее, видимо, оглушили, прежде чем перенести к озеру и бросить в него... — он передернул плечами. — Весьма возможно, что ее некоторое время даже держали под водой, чтобы не получилось осечки.

— Даже подумать об этом и то страшно. А каким образом я должен стать катализатором?

— Это зависит от вас. Я лично внес за вас залог.

— А моя машина?

Грир покачал головой.

— Ничего не поделаешь. Не забывайте, что вы по-прежнему обвиняетесь в неосторожности! Единственная ваша возможность оправдаться, это доказать, что вы находились в состоянии законной защиты. Не воображайте, Бойд, что у вас будет легкая жизнь, когда вы выйдете отсюда. У вас не останется на это времени.

— Соображаю, — ответил я. — Вы — шикарный тип, лейтенант... по крайней мере, я так считаю... Мне все же хочется быть совершенно уверенным, вот и все!

— А я бы хотел объяснить оба эти убийства! — возразил он недовольным тоном. — В общем, это дело судей, я лишь стараюсь выяснить все необходимое.

— Я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы сообщить вам какие-либо новости, — пообещал я. — Скажите-ка, ведь будет неудобно играть в катализатора, если полицейские все время будут на ферме.

— Что? Что вы такое говорите? Ах, да... — он подумал, изредка издавая мычание. — Нет, вы правы. Я отзываю людей, которые сторожат ферму.

— Не забудьте и того, который охраняет ворота.

— Решено, — сказал Грир. — А что вы собираетесь выкинуть? Но нет, не говорите мне. У меня и так достаточно неприятностей!

— О'кей, до скорого, лейтенант!

В тот момент, когда я собирался переступить порог камеры, он быстро взял меня за локоть и с силой сжал.

— Значит, все это была лишь мечта, а я сомневался! — со вздохом констатировал я. — Вы просто садист, лейтенант!

— Вы забыли про маленькую деталь, — возразил он. — Урегулируйте ее и можете отправляться хоть к дьяволу!

— Какую деталь?

Он сунул мне под нос руку ладонью вверх:

— Пять долларов, — холодно произнес он. — Вы забыли?

Глава 10

Я бегом выскочил наружу и, оказавшись на улице, с наслаждением вдохнул свежий воздух свободы. По дороге я остановился у агентства по сдаче в наем машин, прошел все формальности и продолжил свой путь уже в открытой машине.

Вернувшись в отель, я позвонил из своей комнаты Фран Джордан и кратко перечислил то, что случилось со мной с минуты отъезда.

— Насколько я поняла, у вас были неприятности, Денни? — равнодушным голосом проговорила она, когда я кончил. — Вы собираетесь вернуть деньги клиентке?

— Вернуть две тысячи долларов Марте Хозелтон? — завопил я. — Почему бы это, боже мой!

— Она боялась, что убили ее брата и наняла вас для того, чтобы ее сестра не подверглась той же участи, — осторожно ответила Фран. — Но ее сестра погибла, если я правильно вас поняла?

— Если когда-нибудь я и заслужил свою оплату, то именно в этом случае! Разве вы не отдаете себе отчета, что я рискую оказаться обвиненным в неосторожном наезде со смертельным исходом?

— Денни, вы мне звоните не из Род-Исланда, чтобы поспорить со мной?

— Нет, попытайтесь связаться с Джимми Реганом

и введите его в курс дела. Если я должен быть обвинен, то я хочу, чтобы он пришел и вытащил меня.

— Джимми Реган... — повторила Фран. — Это кто? Один из ваших друзей?

— Это адвокат, — задушевным голосом ответил я. — Один из лучших адвокатов Нью-Йорка.

— Хорошо, я соединюсь с ним. Потом?

— Я ничего больше не знаю... А как ваши дела с финансами в Мидл-Весте?

— Его жена заинтересовалась, почему он подолгу задерживается в Нью-Йорке и отплыла вчера вечером, чтобы посмотреть вблизи. Теперь она сама занимается делами.

— Неудачно... А новых клиентов не было?

— Нет, но владелец дома приходил сегодня утром за уплатой. Да, я хочу сказать вам кое-что, Денни. В субботу вечером игра в покер. Если вам нужно алиби, вы всегда можете сказать, что провели эту ночь у меня. Вы можете рассчитывать на меня в таких случаях.

— Фран, вы замечательная девушка!

— Да нет, совсем нет! — совершенно спокойно возразила она. — Мне просто нужно отдать вам должное. Каждый раз, когда я кого-нибудь надуваю, я называю одну и ту же причину: что провела ночь у вас. Поэтому, не правда ли?..

Она уже повесила трубку, а я продолжал задыхаться от злости. Под конец я вспомнил о единственной возможности утешиться в подобном случае, лекарстве, которое заключалось в баре.

Полчаса спустя, переодевшись, я почувствовал себя лучше. Переменил одежду, но мой магнум по-прежнему висел под мышкой.

Я приказал принести бутылку коньяку и льда и готов был уже считать жизнь прекрасной, если бы не вспомнился некий лейтенант Грир. Не говоря уже об истории с катализатором.

Налив себе еще выпивку и устроившись в кресле, я стал думать. В течение четверти часа я составил план действий со всеми деталями. Все, что просто, то гениально! Я сяду в машину, поеду на ферму, постучу в дверь, войду и посмотрю. Подумав еще немного, я не увидел возражений против такого плана. Я не видел пока, куда этот план сможет меня завести, но ведь у меня не было и выбора.

В дверь деликатно постучали. И я встал, увидев на пороге Сильвию Вест с нерешительной улыбкой на лице.

— Денни... — проговорила она, — я узнала, что полиция вас освободила... какая прекрасная новость!

— Не правда ли? А вы, мой ангел, как у вас дела? Окончились приступы амнезии?

— Чтобы поговорить с вами, я пришла сюда, Денни. Я могу войти?

На ней были черный кашемировый пуловер и белая замшевая юбка. В волосах я не заметил соломинок, но воспоминания тем не менее были свежи.

— Ну конечно же! Какое счастье, что вы не забыли моего имени!

Она устроилась в кресле, я спросил, не хочет ли она коньяку. Ответ был утвердительный, и я налил ей. Пользуясь случаем, я налил и себе. После этого сел напротив.

— Да, я солгала лейтенанту, что не помню, как мы ходили с вами в свинарник, Денни, — начала она. — Я очень об этом сожалею, поверьте мне, но я не смела поступить иначе.

— Почему?

— Я слишком боялась.

— Боялись чего? Правды?

Сильвия покачала головой.

— Нет, того, что могло случиться, если бы я сказала правду.

— Я этого не понимаю, — честно признался я.

— Вы не можете знать, в какой атмосфере все живут на ферме последние двадцать четыре часа! Это дом страха...

— Ожидайте на следующей неделе продолжения нашего романа-фельетона, — сыронизировал я. — Но нет, вы не воспользуетесь избитой фразой, которую говорят с широко раскрытыми глазами: «Держи меня покрепче, я боюсь, дорогой!» У вас должны были иметься другие причины не сказать правды Гриру!

Она с решительным видом пожала плечами.

— Ну что ж, хорошо, Денни, ваша воля мне не верить. Я не должна была сюда приходить. — Она встала и медленно направилась к двери.

— Эй, минутку! — закричал я. — Не заводитесь. Я не собирался вас обидеть.

Я поймал ее около двери в тот момент, когда она собралась открыть ее, взял за плечи и заставил повернуться.

— А те восхитительные подвязки все еще на вас? — спросил я.

Она старалась сохранить серьезность, но это ей плохо

удавалось. Я вернул ее в кресло, взял стакан и наполнил его.

— Ну, а теперь расскажите мне все,— сказал я, когда мы снова расположились в креслах.

Сильвия снова стала озабоченной.

— Вы знаете, по какой причине меня нанял мистер Хозелтон?

— Да, чтобы заниматься с Клемми.

— И вы также знаете, почему она нуждалась в сиделке?

— Конечно! И вы мне это сказали, и Хозелтон тоже. Со стороны его жены в их семье существует семейное сумасшествие, и он боялся за разум своих дочерей.

— Совершенно верно. Но вы очень мало знаете Клемми, так что, вероятно, ничего не могли заметить.

— Чего именно?

— Перемены настроений! Она переходила из состояния сильного возбуждения к состоянию полной прострации, отказываясь сказать с кем-либо хоть слово.

— Это бывает... Но разве тут что-нибудь особенное?

— Я не покидала ее в течение двух месяцев, а я медицинская сестра, Денни. Хотите, я скажу вам кое-что? Если бы она осталась жива, ее пришлось бы менее чем через два года поместить в психиатрическую лечебницу. Я видела слишком много таких случаев. Я знаю симптомы.

— Преклоняюсь перед вашей осведомленностью профессионала. Но раз мы говорим о ней, чего же вы боитесь в настоящий момент? Ее привидения?

— Клемми меня никогда не пугала. Я ее хорошо знала, мы были друзьями и она мне доверяла. Я уверена, что даже при сильном приступе она не захотела бы причинить мне зло.

— Тогда чего же вы теперь боитесь?

Она закусила губу.

— Если я вам скажу, вы будете смеяться надо мной.

— Ангел мой, я никогда не смеюсь над людьми, которые боятся. Это было бы то же самое, что кусать руку, которая тебя кормит.

— Я боюсь Марты...

— Марты?

У Сильвии вырвался беспомощный жест.

— Вы не смейтесь надо мной, но вы зря мне не верите, уверяю вас.

— Марта вызывает у вас страх?

— Я ведь не одинока. Остальные тоже боятся ее.

— Пете, например?

— О Пете я ничего не могу сказать, я его мало знаю.

Но и он иногда смотрел на меня странно. Грег тоже боится ее...

— Грег?

— О, простите, мистер Хустон.

— Я никогда не думал, что эта счетная машина имеет еще и имя.

— Марта — параноик, — продолжала Сильвия тихим голосом. — Характерный параноик, очень коварный и очень злой. Поверьте мне, у этих больных совершенно извращено представление о людях. Если они считают, что лучший способ избавиться от людей, которые им мешают, убийство — они убивают.

— Значит, вы предполагаете, что Марта убила Клемми?

— Я в этом уверена, — убежденно ответила Сильвия. — Я также уверена, что она убила и Филиппа Хозелтона.

— Если в этой шайке и есть сумасшедшие, то это вы! Почему вы считаете, что она убила свою сестру и брата?

— Я вам повторяю, параноики не рассуждают как нормальные люди... но к чему вас убеждать. Я вижу, мне не удастся заставить вас изменить свое мнение, Денни. Вы даже не хотите меня слушать...

Досадно, когда разговариваешь с женщиной, а она настоящая женщина. Ее полная грудь, колыхавшаяся под черным пуловером, эта юбка, поднимающаяся на два сантиметра над коленом с ямочками, ее крутые бедра — все способно вывести из себя... Слушаешь, что она говорит, а думаешь о другом...

Я сделал сверхчеловеческое усилие и поднял глаза на Сильвию.

— У меня нет мнения, — сказал я, — я слушаю вас во все уши. Я знаю, что Марта высокомерна, но она, вероятно, унаследовала это от отца. И тут нет ничего необыкновенного.

— Это симптоматично, — настаивала Сильвия. — К тому же у нее была отличная причина для убийства этих двух. Мистер Хустон рассказал мне о наследстве ее матери. Трое детей должны разделить его поровну. Марта теперь осталась одна и унаследует все деньги.

— Продолжайте!

— Вчера утром, когда я обнаружила исчезновение Клемми, — продолжала Сильвия тихим голосом, — я пошла и предупредила Марту. Она была еще в постели. Этот

взгляд, который она на меня бросила, эта улыбка... я никогда не видела подобной улыбки... Денни, это было совершенно ужасно! Она знала, вот что было самое отвратительное! Она радовалась при виде моего беспокойства. Думая, что я не знаю худшего.

— А вам не кажется, что все эти истории истрепали вам нервы и что вы нуждаетесь в отдыхе?

— Денни! — с упреком воскликнула Сильвия. — Я не одна беспокоюсь, мистер Хустон и Пете тоже беспокоятся. Мы пытались поговорить с мистером Хозелтоном, но он отказался нас слушать, и мы ничего не можем сделать. Марта наблюдает за мной все время, как стервятник, и я знаю, что если скажу лишнее слово, она меня убьет, как убила других! Вот почему я ничего не сказала полиции. Если Марта будет знать, что я знаю о трупе в свинарнике и что она переместила Дуксвиля в другую клетку, и...

— Как она могла переместить этого огромного борава до прибытия полиции? Марта находилась в Нью-Йорке.

Сильвия с открытым ртом смотрела на меня несколько секунд.

— Я это забыла, — наконец проговорила она. — Значит, в таком случае, Пете переместил его.

— А если это Пете, то что он делает в истории Марты?

— Он помог ей убить Филиппа, это ее соучастник. Это ведь так, а?

— Не очень.

— Денни! — нетерпеливо воскликнула она. — Вы напомнили мне, что Марта была в Нью-Йорке и, следовательно, не могла убить, но тогда кто же мог бы это совершить, кроме Пете?

— Кто-нибудь другой...

— Кто же?

— Вы!

Вытаращив глаза, она вскочила с места и сделала три шага в моем направлении.

— Вы ведь не можете всерьез считать, что я могу быть замешана в истории с убийствами? Это же безумие — подозревать, что я... Какая причина могла быть у меня для убийства?

— Спокойно, это пока гипотеза.

Сильвия уничтожающе смотрела на меня, но села на свое место и даже слабо улыбнулась.

— Прощу прощения, Денни... Мои нервы действительно в ужасном состоянии. Как вы сказали, я и в самом деле нуждаюсь в отдыхе.

— А зачем вы приехали сюда?

— Лейтенант позвонил мистеру Хозелтону, чтобы сказать, что вы не замешаны в убийстве Филиппа и что вас освободили под залог, по обвинению в лихачестве. Мистер Хозелтон стал кричать, что это скандал, и он не скрывал своего мнения о вас... Мистер Хустон, тот потихоньку поговорил со мной и подал мысль повидать вас, — ее глаза заблестели, — признаюсь, что эта мысль мне понравилась... — добавила она вполголоса.

— А что дает Хустону основание думать, будто это хорошая мысль?

— Он думает, что вы меня выслушаете, если я вам расскажу про Марту, — призналась Сильвия. — Он не думает, что вы мне поверите, но, по крайней мере, хоть выслушаете. Он предлагает вам провести на ферме несколько дней, чтобы самому убедиться в том, что там происходит. Он мне сказал: «Передайте Бойду, что я не прошу его верить нам. Пусть придет и сам увидит».

— Это очень мило с его стороны пригласить меня, — заметил я, — но ведь не он хозяин дома. Вы знаете чувства Хозелтона ко мне... Опасаюсь, как только он увидит кончик моего носа, тут же что-нибудь произойдет.

— Мистер Хустон сказал, что у вас есть очень серьезный предлог для появления. Марта, будучи вашей клиенткой, нуждается в том, чтобы вы наблюдали за ней и ее не постигла участь других.

— Блестящее объяснение! Но говоря профессионально, тут есть только маленькое «но». Никогда еще клиент не нанимал детектива, чтобы тот обвинял его в убийстве.

— Мистер Хустон...

Я не дал ей закончить.

— Я знаю, мистер Хустон также подумал, что он будет очень счастлив вознаградить меня, если мне удастся доказать, что моя клиентка повинна в двух убийствах.

Сильвия довольствовалась утвердительным кивком головы. Она сделала несколько шагов, глаза ее заблестели, и мы тесно прижались друг к другу.

— Денни! — проговорила она умирающим голосом. — Поедемте, прошу вас, сделайте это для меня!

Она закинула мне за шею руку и ободряюще протянула губы. Мне осталось только воспользоваться этим. Можно было бы сказать, что она бросилась ко мне в объятия. С такого рода терапией она могла бы заработать капитал, продливая по крайней мере на три недели пребывание больных мужского пола в госпитале...

Когда Сильвия наконец отпустила руку, я поднял ее и понес на кровать.

— Денни,— щебетала она,— вы самый предприимчивый мужчина из всех, кого я знаю.

— Вы еще не знаете, к чему это приведет...

Я сел на кровать и забылся в созерцании Сильвии. С руками, заложенными за голову, уютно устроившись на подушке, она казалась совершенно расслабленной и находилась в состоянии, которое я назвал бы полным доверием.

Я схватил подол ее юбки, ощущая пальцами шершавость замши, задрал ее выше бедер, обнажив прекрасные ноги.

Чулки были застегнуты на те же подвязки, что и в прошлый раз. Выше я видел шелковистую кожу ее бедер и черные кружева. Одну за другой я отцепил подвязки и сунул в карман.

— Денни,— прошептала она,— что вы делаете?

— Это было коротко, но прекрасно... Я хочу иметь сувенир от вас, чтобы всегда вспоминать...

Она резко села.

— Что вы говорите?

— Мы ощутили блаженство,— ответил я,— любовь, наслаждение и безумство... Мы видели, как садилось солнце, мы слышали, как пальмы вздыхали под ветром. Мы были любовниками. Прощай, моя любовь, не плачь... Если вам известны другие куплеты песни, можете продолжить...

— Вы собираетесь предать меня?

— Это вы предали меня, мой ангел, но теперь этого уже достаточно,— ответил я, глядя на нее с печальной улыбкой.— Я никогда вас не забуду, вы самая очаровательная ведьма, какую я когда-либо встречал.

Я встал с кровати, чтобы взять сигарету.

— Денни! — позвала Сильвия.

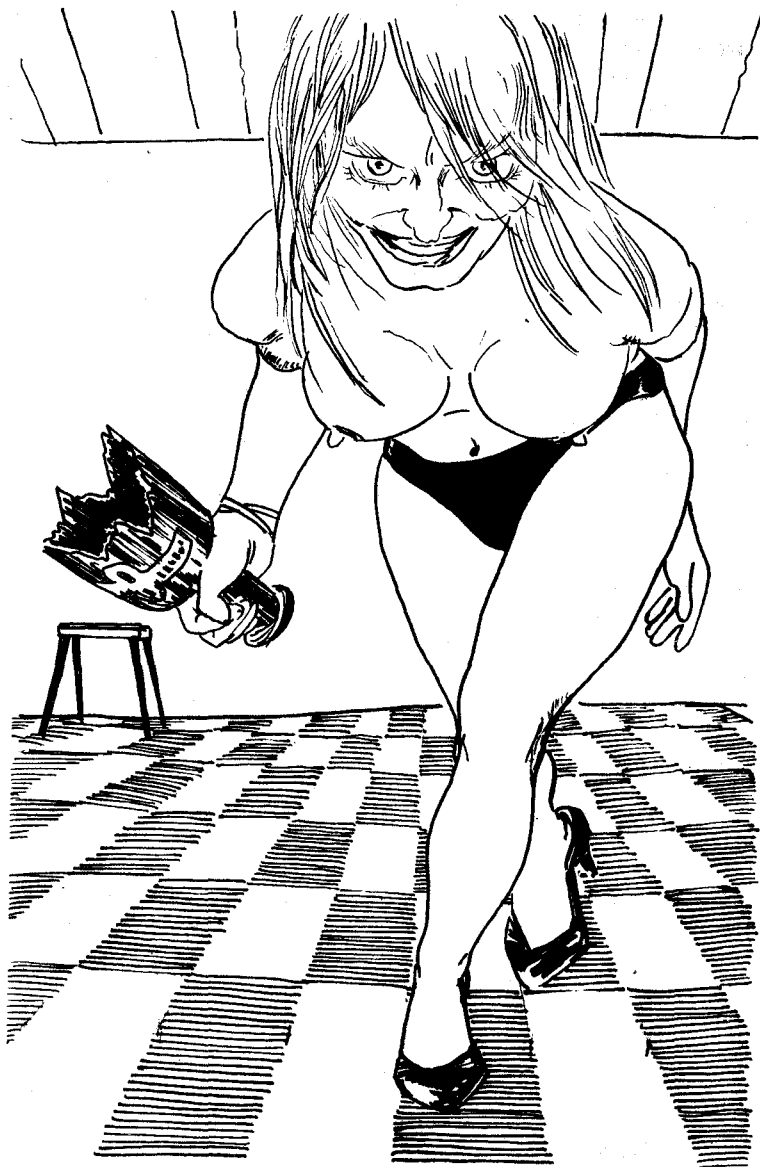
Сидя на кровати очень прямая, она ошеломленно смотрела на меня.

— Если вы хотите получить доказательство того, что мне известно,— небрежно сказал я,— то могу добавить: «Никогда мне не было так хорошо, пока я не встретил Сильвию». Что вы об этом думаете?

— Я совершенно ничего не понимаю.

— Хотите, чтобы я объяснился? Так вот: это вы переместили борова из одной клетки в другую перед появлением полиции. Вы шли рука об руку со старым Хозелтоном с самого начала!

— Вы сошли с ума, если считаете, что я...

— Это мне уже известно, мой ангел. Теперь ваша очередь выслушать.

— И не собираюсь...

Сильвия соскочила с кровати и бросилась к двери.

Я поймал ее за руку и с силой сжал.

— Минуту, у меня тоже есть что сказать! Вы были очень раздосадованы, старик и вы, получив труп Филиппа на руки. Вы могли совершить перемену один раз, но если бы я все подробно рассказал в полиции, те осмотрели бы все клетки свинарника. Тогда вы позвали меня на помощь, потом, воспользовавшись своим оружием, используя свои прелести, притянули меня к ферме. Чтобы доказать свое расположение, провели меня к свинарнику и показали, почему полицейские не нашли труп, затем последовала интермедия на сеновале, это тоже было предусмотрено как большой спектакль: «Я не хочу возвращаться»... И я, умоляющий вас вернуться, чтобы наблюдать за девушками. Сильвия Вест уходит, а Карл Толвар вступает в дело, заставляет меня болтаться на машине некоторое время, пока вы и старик откопаете труп. Что и было сделано к тому времени, когда мы вернулись.

— Вы сошли с ума! — бросила она мне. — Пустите меня!

— Минутку! Только последнее срывается... Я спасаюсь, а ваш Толвар остается на месте. Тогда один из вас начинает размышлять и ему приходит в голову гениальная мысль: несчастный случай вследствие лихачества. Это прошло бы даже еще лучше, поскольку я был настолько глуп, что забыл про труп Филиппа, находившийся в моем багажнике. — Я выпустил ее руку. — Отправляйтесь к старику и скажите ему, что я принимаю его приглашение. Да, я собираюсь приехать и остановиться на ферме! И даже больше, я приеду охранять мою клиентку, как он это и предлагал.

— Я же сказала, что это было предложение Хустона, — возразила Сильвия.

— Действительно, вы мне так сказали. Я же считаю, что это идея Хозелтона. Идите и скажите ему, что я приеду.

Сильвия потеряла онемевшую руку.

— Вы сделали мне больно... грязный драчун... дурак...

Я открыл дверь и вытолкнул Сильвию на площадку.

Поблуднев от ярости, она не двинулась с места. Ее кашемировый пуловер едва не лопался на груди, а что касается чулок, то они спустились к самым лодыжкам.

— Вы могли... — она чуть не задохнулась от ярости и вынуждена была передохнуть, чтобы иметь возможность продолжить, — вы могли бы по крайней мере вернуть мне мои подвязки!

Я покачал головой.

— Сохраню их как воспоминание мой ангел.

— Но как же я удержу свои чулки? — жалобно спросила она.

— Идите на руках, — ответил я, прежде чем закрыл дверь.

Если это и называется быть катализатором, то я, кажется, начал входить во вкус.

Глава 11

Я позаботился о том, чтобы пообедать, прежде чем покинуть отель. Вечер обещал быть долгим, и следовало хорошенько подкрепиться.

Немногим позднее восьми часов я влез в свою открытую машину, взятую напрокат. Было свежо, луна светила вовсю, и как только я выехал за пределы города, оказался в одиночестве среди деревьев, которые окаймляли дорогу и освещались моими фарами.

Я немного нервничал и, как любой житель большого города, чувствовал себя неуютно среди больших пространств, особенно в ночную пору.

Подъехав к воротам, я миновал аллею, затем доску с надписью «Хиг Тор» и остановился около дома. Выключив мотор, закурил сигарету и стал рассматривать здание. Окна были освещены, все казалось спокойным, но между тем что-то изменилось. Я это чувствовал, но не мог объяснить. Такое чувство, будто паутина опутала мое лицо и растаяла. Нервы были напряжены. Что-то, не знаю уж что, бесшумно приближалось, словно ожидая момента, чтобы наброситься на меня. О чем это говорила Сильвия? Дом Страха?

Я поторопился выйти из машины, потому что если бы остался сидеть еще немного, то, скорее всего, просто вернулся бы обратно в тюрьму, где ожидал меня Грир.

После моего стука дверь открылась, и я очутился перед Хозелтоном, уничтожающе взглянувшим на меня.казалось, он сильно постарел с того утра, когда я в последний раз видел его. Глаза глубоко запали в орбиты, а усы больше не топорщились.

— Чего вы хотите? — беззвучно спросил он.

— Видеть Марту. Она по-прежнему моя клиентка.

— Невозможно. Вы принесли слишком много горя моей семье.

— Она по-прежнему моя клиентка, — повторил я громче, — и я хочу видеть ее. Не думаю, чтобы вы, Хозелтон, могли помешать мне.

Внезапно Хозелтона словно отодвинули, и на его месте появился Пете, головорез.

— Может быть, мистер Хозелтон и не может этого сделать, дружок, зато я смогу! — сказал он.

Его внешний вид не изменился с тех пор, когда мы виделись в последний раз, разве что вместо красной рубашки на нем теперь была черная. И все так же хорошо начищены ботинки.

— Салют, Пете! — сказал я. — Тебе по-прежнему удаются несчастные случаи на дороге?

— Никто не жаждет тебя здесь видеть, дружок, сделай поворот и тогда не будет бобо.

— Кажется, я уже слышал однажды подобное предложение.

Его лицо омрачилось, а я достал свой магнум и покачал его на руке.

— Я не боюсь твоего огня! — не замедлил сказать он.

— И совершенно напрасно... Я собираюсь воспользоваться им в случае необходимости, дружок.

— Пете! — закричал голос из глубины комнаты. — Кто там?

Секундой позже появилась Марта Хозелтон.

— Мистер Бойд, — сказала она. — Входите же. — Можно было подумать, что она была рада меня видеть.

— Прости меня, дружок, — вежливо сказал я Пете и, убрав свой револьвер, вошел в холл. Успел только заметить старика Хозелтона, исчезающего из гостиной. Надо думать, у него не было привычки настаивать, когда вмешивалась дочь.

— Я очень рада, что вы приехали, — вполголоса проговорила Марта, — очень рада...

Как всегда, она очень подтянута. На ней белая блузка и черные брюки. Глаза улыбались мне, когда мы обменивались рукопожатием.

— Пете уже объявил нам о вашей новости, — продолжала она. — Не то чтобы он лично был доволен, но вы должны понять его чувства по отношению к вам.

— Да, он делает мне намеки время от времени... намеки взрывающиеся, как бомба.

— Какой добрый ветер принес вас сюда, мистер Бойд?

— Вы! Вы моя клиентка, и после того, что случилось сегодня утром, я решил, что моя обязанность охранять вас.

— Вы совершенно правы, спасибо, что приехали.

Пете прошел мимо нас, вернув себе безразличный вид.

— Итак,— проговорила Марта с немного наигранной радостью,— не пройдете ли вы в гостиную?

— Может, сыграем в игру семи семей? — предложил я.

Сидя в кресле, Хозелтон занимался раскуриванием сигары. Он бросил на меня враждебный взгляд и снова вернулся к сигаре.

— Вы знакомы с отцом, не так ли? И с мистером Хустоном тоже?

Хустон забавлялся с Сильвией игрой в джин-ром. Он поднял на меня глаза и скорчил гримасу, означавшую улыбку, но никакого выражения не получилось в его дохлых глазах.

— Рад видеть вас, Бойд,— сказал он.

— Мисс Вест,— продолжала Марта свои бесполезные представления.— Наша... э... гувернантка!

— Мы знакомы,— сказал я.— Наши отношения начались сверху, а потом спустились...

Сильвия бросила на меня укоризненный взгляд и снова занялась своим джином.

— Как вы сами видите, Бойд, мы все здесь очень сплоченная семья,— иронически продолжала Марта.— Хотите чего-нибудь выпить?

— Джин-тоник, пожалуйста!

Марта отошла к маленькому бару в углу комнаты, предварительно предложив мне сесть. Я устроился в деревенском кресле, малоудобном, неподалеку от Хозелтона, напротив игрального стола.

Марта принесла мне стакан и села в кресло рядом со мной.

— На чем остановилось следствие? — спросила она.

— Лейтенант Грир утверждает, что оно в основном закончено, но он не сообщил мне деталей.

Хустон перестал раскидывать карты, чтобы посмотреть на меня.

— Это очень интересно,— заметил он.— Кого же подозревают, Бойд? У вас есть предположения?

— Грир не удостоил меня доверием, и я знаю не больше вашего. А по вашему мнению, кто это?

Хустон пожал плечами.

— Я ничего не знаю. Все это кажется до такой степени невероятным... Но вне всякого сомнения убийца, кто бы он ни был, замечательно умный человек, это мудрец! — говоря это, он не спускал с Марты глаз. — Убийства были совершены таким образом, что показали убийцу большим стратегом. Нельзя удержаться от восхищения!

— Восхищения... — задушевым голосом сказал Хозелтон. — Вы сошли с ума, Хустон! Вы говорите о том, кто хладнокровно убил двоих моих детей!

— А по вашему мнению, мистер Хозелтон, кто убийца?

— Не знаю, — сердито ответил он, — все, что мне известно, лишь то, что и вы тут не посторонний.

— Я был нанят Мартой. Значит, по вашему мнению, она убийца?

— Нет! — завопил он. — Вы извращаете все, что я говорю, и приписываете мне мысли, которых у меня никогда не было.

— А вы уверены, отец? — спросила Марта. — Я ведь единственная, оставшаяся в живых, не так ли? Если бы меня приговорили к электрическому стулу, не осталось бы ни одного наследника... и вам никому не нужно было бы давать отчет о деньгах. Не так ли? Ведь все деньги в этом случае вернутся к вам как к единственному оставшемуся в живых?

Хозелтон мрачно посмотрел на нее.

— К чему ты ведешь? — прошипел он.

— Предположим, что не хватает... скажем, полмиллиона долларов... вас очень бы устроило стать наследником?

Хозелтон наклонился вперед, сгорбив спину и уцепившись руками в подлокотники кресла.

— Ты считаешь меня способным на такие вещи? — дрожащим голосом закричал он. — Ты считаешь меня способным убить собственных детей ради денег?

— Вы любите одно существо на свете — самого себя! — отчеканила Марта. — Вы всегда были таким! Вы сотворили из себя идеального типа, Гилберта Хозелтона, магната с Уолл-Стрит, финансового гения, человека в котелке, с воинственными усами и гордой поступью! Вы ни перед чем не отступите, чтобы сохранить эту внешность. Чтобы не помешать появлению ее на страницах «Экспресса».

Хозелтон опустил глаза на сигару, которую держал дрожащими пальцами, и бросил ее в камин.

— В настоящее время я стою больше миллиона долла-

ров, это могу сказать,— с горечью проговорил он.— Я не магнат с Уолл-Стрит, и никто меня не считает финансовым гением. Если хочешь, я обычный финансист. Агент по обмену, но не нуждаюсь в работе, чтобы существовать.

— Оставьте ваши громкие слова для лейтенанта Грира, отец,— холодно проговорила Марта.

— Что касается наследства твоей матери,— продолжал Хозелтон тем же мрачным тоном,— то я им не занимался и не занимаюсь. Я со своим собственным агентом играю на бирже. А деньги твоей матери — совсем другое дело. Я всегда считал, что не имею права их трогать. Вначале был вынужден делать это, признаю, но потом я все возместил в тройном количестве, с оговоркой, что они должны быть вложены в ценные бумаги и не терять при этом своей ценности. И никоим образом они не должны служить для спекуляции. Я контролирую книгу раз в год и это все.

— Вы все же не надейтесь, что я вам поверю,— неприязненно бросила Марта.

— С тобой я не надеюсь ни на что,— ответил Хозелтон.— Но если желаешь, можешь проверить, что я говорю. Стоит лишь обратиться к тому, кто через шесть месяцев после смерти твоей матери взял в свои руки дело о наследовании и занимается этим по сей день.

— Не говорите мне только, что его фамилия Смит и он в данный момент находится в Европе,— засмеялась Марта.

— Его зовут Хустон и он находится здесь,— отпаривал Хозелтон.— Чтобы быть точным, это — Абрам, его компаньон, занимался вашим делом первые четыре года. А после его смерти Грег Хустон взял все в свои руки.

— Хустон? — повторила Марта, широко раскрыв глаза.— Но я считала, что...

— Скажите ей сами, Хустон! — приказал Хозелтон.— Это правда или нет?

Хустон долго рассматривал ногти на своей левой руке.

— Ну да,— вежливо ответил он,— это совершенно точно.

— А почему вы мне этого никогда не говорили? — закричала Марта.

— Вы никогда меня об этом не спрашивали,— тихо проговорил он.

— Вы должны были сказать мне об этом! — возмущалась Марта.— Вместо того чтобы допустить, чтобы я считала, что это отец...

Внезапно она замолчала.

— Продолжайте, Марта,— сказал Хустон тоном светской беседы.— Так что ваш отец?

— Ничего,— отрезала она.

— ...растратил наследство? — продолжал Хустон.— Конечно, я не так богат, как ваш отец, но все же мне удалось составить себе состояние из шести цифр за последние пять лет. Я тоже, как видите, не нуждаюсь в деньгах, но если вы хотите проверить состояние наследства, то и я ничего лучшего не желаю.

Марта расплакалась, закрыв лицо руками, и стала всхлипывать, как ребенок.

Хустон посмотрел на Хозелтона: тот был бледен, лицо осунулось.

— Вам и этого недостаточно, мистер Хозелтон? — спросил Хустон.— Вы по-прежнему не хотите мне верить? Вы сознательно закрываете глаза... Да, это продолжается слишком долго! Я разбиваюсь в лепешку, говорю вам, и мисс Вест, медицинская сестра, упорно повторяет об одном и том же: когда же вы отведете ее к психиатру, чтобы узнать правду?

— Правду? — разбитым голосом спросила Марта. Она подняла к Хустону залитое слезами лицо.— Какую правду?

— Что вы сумасшедшая, Марта,— с усмешкой ответил Хустон.— Сумасшедшая, которую надо запереть. Параноик со всеми выраженными симптомами! Вас должны были запереть в камеру, чтобы помешать вам снова убивать!

— Хустон! — закричал Хозелтон.— Вы не можете...

— Сумасшедшая!..— прошептала Марта.— Значит, вот к чему вы клоните? — Она медленно поднялась из своего кресла и уставилась на Хустона.— Насколько же я могла быть глупой! Я подозревала своего отца, когда это были вы! Я не знала, что это вы — дьявол, Грег... Это вы влезли в наследство, это вы уничтожили наследников, чтобы не нужно было отчитываться перед ними.

— Марта, — сказал Хустон, стараясь говорить спокойно,— это бесполезно...

— Вы автор всех преступлений...— продолжала она свистящим голосом.— Вы убили Филиппа, вы убили Клемми, а теперь хотите заставить отца и других поверить, что я сумасшедшая. Сумасшедшая до такой степени, что способна убить? Так вот, вам этого не удастся сделать, слышите? Я не позволю вам сделать это!

Она прокричала последние слова и шагнула к игральному столу.

— Дорогая, весьма дорогая мисс Вест! — насмешливо

сказала Марта.— Псевдогувернантка, а на самом деле сиделка... Она тоже составляет часть заговора, не так ли, Грег? Вы наняли ее, чтобы подтвердить вашу ложь и чтобы никто не поверил мне, когда я говорю правду?

— Сядьте, Марта,— сухо проговорил Хустон.— И прошу вас, успокойтесь.

— Ну да, очевидно...— медленно проговорила Марта.— Нужен кто-нибудь, кто препятствовал бы посторонним... посторонним, как, например, Бойд, стать слишком любопытным. А этот кто-то — Пете Ринкман, не так ли, Грег?

— Это архиложь! Хватит фантазировать, Марта! У нас и так достаточно реальных неприятностей, чтобы еще выдумывать новые!

— Пете...— проговорила она.— Значит, это он! Вы слишком хитры для меня, мистер Хустон! — Она с усмешкой повернулась к Сильвии.— Вы и ваша подружка-сиделка! Но Пете, тот не умен и не хитер. Я сумею вырвать у него правду. Я знаю, как это сделать... Да, он...— ее голос стал затихать и перешел в бормотание, как будто она разговаривала сама с собой.— Пете, мне нужно немедленно поговорить с ним, пока еще не слишком поздно.

Она бросилась к двери и выбежала прочь.

— Пете! — слышался вдалеке ее голос.— Где вы?

Хлопнула дверь, и все стихло.

— Нельзя предоставить ей свободно действовать,— сказал Хустон с беспокойством.— Пока еще не поздно...

— Сильвия, я должен извиниться перед вами. Вы мне не солгали, когда сказали, что Хустон просил меня приехать сюда! — сказал я.

— Можете оставить при себе ваши извинения! — холодно ответила Сильвия.

Хустон пожал плечами и повернулся к Хозелтону:

— Я полагаю, что ваше решение принято. Слишком поздно, чтобы спасти Филиппа и Клемми, но, по крайней мере, можно спасти Марту. Вы сами позвоните в полицию или это сделать мне?

— На вашем месте,— вмешался я,— стоило бы подождать вызывать Грира. Осталось еще несколько пунктов, которые надо выяснить.

— Замолчите, Бойд, это вас не касается.

— Марта все же моя клиентка, насколько мне известно. Напомнив об этом, я предупреждаю вас, чтобы вы были вежливее или я разобью вам физиономию.

— Невероятно...— прошептал Хозелтон дрожащим голосом.— Такая сцена... истерика... какой ужас!

— Этого для вас достаточно, чтобы определить, что Марта потеряла педаль? — спросил я. — А я считаю подобную реакцию нормальной.

— Нормальной? — повторил Хозелтон, в первый раз подняв на меня глаза.

— Не забывайте, что именно вас она подозревала в махинациях с деньгами. Поэтому и наняла меня. По причинам, мне неизвестным, она была уверена, что вы, растратив часть наследства, теперь собираетесь уничтожить троих детей.

— Разве это не чистейшее безумие? — спросил Хустон.

Я сделал вид, что ничего не слышал и продолжал адресоваться к Хозелтону:

— Более того, когда она пришла ко мне, Филипп уже исчез, а что касается Клемми, та была здесь, на ферме, с мисс Вест, которая не спускала с нее глаз. И Пете Ринкман, создавший вокруг нее пустоту. Марта считала, что ее сестру заточили, она же знала, что душевное состояние Клемми внушало вам опасения.

— Вполне возможно, — слабым голосом пробормотал Хозелтон.

— Отведите ее к психиатру! — воскликнул Хустон. — Он быстро вам докажет, что Марта ненормальна.

— Все тот же припев! — сказал я ему. — Для вас Марта сумасшедшая. Клемми была на грани потери рассудка. Уверен, что и Пете Ринкман будет повторять то же самое. — Я повернулся к Хозелтону. — Только вот в чем дело: это говорят только они. Вы сами жили с навязчивой идеей, что ваши дочери могли унаследовать семейное сумасшествие. До сих пор вы не имели твердых доказательств потери ими разума, не так ли?

— Нет, — ответил, выпрямляясь, Хозелтон. — Нет, у меня не было никаких доказательств.

— Я их мало знал, ту и другую, но ни на одно мгновение Клемми не создавала у меня впечатления морально неуравновешенной. И я совершенно не верю в сумасшествие Марты. Скажите, кто рекомендовал вам мисс Вест?

— Хустон сказал мне, что если я беспокоюсь о своих дочерях, то нужно нанять медицинскую сестру, которая наблюдала бы за ними. Он также сказал, что излишне сообщать об этом моим дочерям, а сиделка сможет сойти за гувернантку на ферме...

— Это он порекомендовал вам мисс Вест?

— Да, он! — воскликнул Хозелтон.

— Через некоторое время после вступления в свои обязанности не говорила ли вам мисс Вест о своем беспокойстве, которое ей внушало душевное состояние Клемми? Не посоветовала ли она вам держать ваших детей на ферме, чтобы лучше наблюдать за ними?

— Да,— согласился он.

— А Ринкман? У кого возникла мысль нанять его, телохранителя и драчуна, отпугивающего людей?

Гилберт Хозелтон с явным усилием встал.

— Вы закончили, Бойд? — спросил он удивительно спокойным голосом, не спуская глаз с Хустона.

— Я оставил кое-что напоследок. Когда вы узнали, что я увез Клемми с фермы, не Хустон ли нанял Толвара, частного детектива, чтобы тот привез ее обратно? Не Хустон ли посоветовал вам, когда вы снова получили Клемми, вернуться на ферму с дочерьми и пожить здесь некоторое время под охраной Толвара?

Хозелтон медленно подошел к игральному столу с глазами по-прежнему устремленными на Хустона, который побелел как полотно.

— Грег,— вполголоса проговорил он,— мне хочется вас убить.

— Не теряйте на это время, мистер Хозелтон,— сказал я.— Этим займется правосудие.

— Вы все тут сошли с ума, честное слово! — в отчаянии закричал Хустон.— По какой причине я стал бы уничтожать ваших детей? Зачем мне было убивать Филиппа и Клемми?

— Из-за наследства,— пояснил я.— Но если оно в порядке, вам нечего опасаться.

— Я не дотрагивался до этих денег! Я повторяю вам это! Сколько еще раз надо повторить? Если вы хотите проверить бухгалтерские книги, я готов...

— Не утруждайте себя, Хустон,— сказал я.— Лейтенант Грир уже занимается этим.

— Вы можете нанять кого угодно для проверки... — Он медленно повернулся ко мне.— Что? Что вы сказали?

— Лейтенант Грир попросил полицию Нью-Йорка заняться проверкой состояния наследства,— повторил я.— Они сейчас как раз проверяют.

В первый раз его дохлые глаза выразили отчаяние. Он схватил колоду карт и стал безостановочно бить ею по столу.

— Боже мой... боже мой, кто мне поверит?

Сильвия Вест беззвучно заплакала. С лицом, залитым слезами, она смотрела на Хустона.

— Кажется, настало время позвонить лейтенанту Гриру, — сказал я Хозелтону.

— Да, я ошибался на ваш счет, Бойд, и должен извиниться перед вами. Вы доверяли моим дочерям больше, чем я, и ваша вера не подвергалась сомнению, как моя... Это горький урок, которого я никогда не забуду.

— Если бы я был на вашем месте, я бы не расстраивался. Когда Марта узнает правду, вы сравняетесь, вы оба. Некоторое время вы верили, что она убила... а она отплатила вам тем же.

— Это правда — то, что вы сказали?.. Я позвоню лейтенанту Гриру.

— А я поищу Марту. Чем раньше она это узнает, тем лучше.

Дойдя до двери, я повернулся, чтобы посмотреть на Хустона.

— Не пытайтесь удрать, — сказал я. — Грир приказал окружить ферму, и вы далеко не уйдете.

Я немного преувеличил, но тем хуже. Только вот что: Хустон слушал меня, повалившись на стул, и его руки машинально продолжали бить картами по столу. Хустон не собирался бежать... Хустон был конченным человеком.

Я никак не мог найти Марту. Искал по всему дому, но нигде ее не оказалось. Вышел из задней двери и стал звать ее, но не получил ответа.

Дом купался в лунном свете, свежая ночь была молчалива. В такую ночь любой легкий шум слышен издалека. Если Марта не покинула ферму, она должна была бы меня услышать. А если она меня слышала, то ответила бы...

Оцепенев от страха, я быстрыми шагами пошел от дома. Сильвия Вест работала в доме, а Пете — снаружи. Я не знаю, кто из них переместил Дуксвиля из его свинарника, чтобы обмануть полицию, но именно Пете рассказал Гриру историю несчастного случая, который стоил жизни Толвару. Если Марта бросила ему обвинение в лицо, возможно, его сейчас охватила паника.

По всей вероятности, существуют лишь два места, где она может быть: в амбаре или на озере. Она выбежала из дома в таком состоянии, в каком можно быть готовым ко всему — даже броситься в озеро, где утонула ее сестра.

А возможно, мое вторжение привело Пете в ярость и он уже убил ее.

На цыпочках приблизился я к двери амбара. Она была полуоткрыта и я смог проскользнуть внутрь, не трогая ее. Тяжесть магнума в моей руке вселяла уверенность. Медленно и бесшумно я проник в амбар.

Оказавшись внутри, я замер, чтобы привыкнуть к темноте. Вспомнил, что это происходит довольно быстро. Мало-помалу я начал обходить трактор и механическую лопату, приближаясь к лестнице.

Еще несколько секунд, и я уже был уверен, что в амбаре никого нет. Оставалось озеро. Я повернулся к двери и замер ошеломленный. Кто-то расхохотался так вызывающе и непристойно, что я с трудом поверил собственным ушам.

Звуки неслись с высоты. Конечно, сеновал! Я бросился к лестнице и начал осторожно подниматься, сдерживая дыхание.

Дойдя до верха, просунул голову в дыру. Они были так близко от меня, что я мог бы дотронуться до них, если бы протянул руку.

Пете стоял на четвереньках спиной ко мне. Луч луны, которым так красиво пользовалась Сильвия, падал светящимся конусом на сено, а в середине этого конуса находилась Марта.

Лежа на спине и спрятав лицо в ладонях, она тихонько стонала. Ее блузка, разорванная сверху донизу, больше не прикрывала ее небольшую грудь, крепкую и высокую, которая казалась такой беспомощной.

Пете, издав животный вопль, бросился на Марту и стал судорожно рвать пояс ее брюк. Марта длинно застонала, приподнялась на локте и вытаращила глаза, глядя мне прямо в лицо.

Она продолжала смотреть на меня, все больше расширяя глаза.

— Денни? — простонала она, все еще не веря в реальность моего присутствия. — Денни... — настойчиво повторила она. — На помощь... на помощь...

— Не двигайся, Пете! — приказал я. — Одно движение — и я всажу в тебя сливу!

Ни минуты не раздумывая, он с силой ткнул правой ногой назад, и я получил удар его сапога прямо в лицо.

Меня отбросило, я потерял равновесие, выпустил магнум и кубарем покатился по лестнице, пока не треснулся спиной.

Легкие вынули весь воздух. Я чувствовал себя так,

будто у меня сломался хребет. Не было сил ни пошевелиться, ни вздохнуть.

Я услышал злобный голос Пете:

— Гнусный мошенник! — потом он дал Марте такого шлепка, который резонировал словно выстрел. Она издала вопль от боли.

Пете начал спускаться по лестнице. Я слышал скрип его сапог, и этот шум стал для меня зловещим. Он спрыгнул на землю и секундой позже наклонился ко мне.

— Все в порядке, дружок, — густым басом сказал он. — Ты сломал себе шею? — он ударил меня ногой в бок. — Бедный старик, — он рассмеялся, — тогда мне больше нечего делать, — еще удар ногой.

Или так должно было случиться, или от того, что я получил удары в бок, но я начал дышать. Глотнул воздух и попытаться шевельнуть рукой. Сапог Пете снова ткнулся мне в бок, но на этот раз я поймал ногу за лодыжку и дернул изо всех сил. Пете потерял равновесие и упал на меня. Мы покатались по земле, прежде чем расстаться.

Я выпрямился на коленях, потом ценой больших усилий мне удалось встать на ноги. Пете тоже вскочил.

— Я это очень люблю, дружок, ты не даром ждал! — Он приблизился вразвалку.

Я подумал, что если буду играть по его правилам, он убьет меня. Следовательно, единственную вещь, которую можно было сделать, это заставить его врасплох. Я выдал ему прямой, что стоило мне разбитой нижней губы и боли в сердце. Одновременно мне удалось ударить его ногой по правой голени, как раз под коленкой.

Вопли, которые он издавал, отступая к стене, заставили меня забыть о разбитой губе. Я бросился за ним, считая, что мой удар охладил его. Пете отступал медленно, не переставая вертеться, и я пытался ударить его об стену. Но на миг забылся и тут же получил потрясающий апперкот, который заставил меня увидеть все тридцать шесть свечей. Шатаясь, я отступил, чтобы потом упасть на колени.

— Денни!

Шатаясь, я поднялся на ноги и передо мной появился тонкий силуэт.

— Денни! — настойчиво повторяла Марта. — Я нашла ваш револьвер! Я его пристукну! Я убью его!

— Не лезьте под ноги, мой цветочек, — проворчал я. — Мне начинает нравиться эта игра.

Приближаясь к Пете, я почти пришел в норму. Он не отступил от стены, опираясь на нее и сохраняя равновесие

на одной ноге. Я подумал, что теперь уже одолею его окончательно.

Пете продолжал поносить меня, повторяя одни и те же ругательства. Я бросился на него и так же быстро отскочил назад. Свинг, который разворотил бы мое лицо, пролетел в пятнадцати сантиметрах от щеки. Пете, сильно размахнувшись и не достигнув цели, упал лицом вниз.

Я бросился ему навстречу, подняв колено, и Пете, получив его прямо в желудок, сложился пополам. Я ударил его ребром ладони позади уха, где кожа очень нежная. Он повалился и остался недвижим.

В течение нескольких секунд я был не в состоянии шевельнуться. Наконец мне удалось глотнуть воздух и сейчас же Марта бросилась в мои объятия.

— Денни! — рыдала она. — Мне было так страшно! Наверху, на сеновале, он не переставал говорить мне, что он сделает... такой ужас! — она дрожала. — Потом он сказал мне, что после этого он меня убьет.

— Все кончено, — сказал я, задыхаясь, и похлопал ее по плечу. — Теперь все в порядке. Ваш отец знает правду. Это Хустон. Сильвия и Пете были с ним в заговоре. Они все сделали, чтобы вас признали за сумасшедшую, но тут они проиграли! Пошли в дом, Грир должен быть там, и дело закончено.

— Денни! — воскликнула она, прижимаясь лицом к моей груди. — Вы спасли мне жизнь! Вы спасли меня от Хустона, от Пете! Я никогда не забуду этого, никогда!

— Подумайте о моем чеке, — проворчал я. — Пора вернуться в дом. Идите вперед, а я догоню вас, как только взгляну на Пете.

— Хорошо, — прошептала Марта, — но я вас все же награжу, как вы этого заслуживаете...

Она медленно пошла к двери.

С мучительным усилием я встал на колени около Пете Ринкмана и перевернул его на спину. По всей вероятности, я не должен был сомневаться: хрящ в том месте слишком хрупкий...

Глава 12

Фран Джордан вошла в мой кабинет, держа в руке вечерние газеты.

— Вы помните дело Хозелтона? — спросила она.

— Разумеется,— ответил я.— Это старая история, ее давность что-то около трех месяцев.

— Так как я отправилась в отпуск, после вашего возвращения; то не знаю подробностей,— задумчиво проговорила она.

— Гилберт Хозелтон прислал мне чек на пять тысяч долларов на следующий же день. Шесть недель спустя с наследством было покончено, и Марта прислала чек на десять тысяч долларов. Это дало нам возможность некоторое время отдохнуть.

— Значит, Хустон растратил часть наследства?

— Около четверти миллиона,— ответил я.— Чтобы заняться бурением нефтяной скважины, в которой не оказалось нефти. Деньги упали в глубину колодца, и на том история остановилась. Но тем не менее у Марты осталось немногим более полутора миллионов.

— Я помню, читала об этом процессе в газетах. Кажется, он был приговорен за убийство первой степени.

— Точно. Сильвии Вест удалось убедить судей в своей непричастности к убийствам и что именно Пете Ринкман переместил борова в клетке и вырыл оттуда труп, который запрятал в мой багажник.

— А дело о наезде из-за неосторожности, в котором вас обвиняли? Вы ведь здорово были, когда разговаривали со мной по телефону.

— Грир сдержал слово. Когда узнал всю историю до конца, уже не было выбора: он вынужден был принять мою версию «случая» с Толваром. Так что он провел мокрой губкой по тому обвинению, и некоторое время мы с ним были лучшими друзьями.— Я бросил на нее яростный взгляд.— Но я никогда не был по телефону!

— Значит, телефон был неисправен,— равнодушно ответила Фран.

— Но что бы там ни было, откуда такой интерес к делу Хустона?

Она бросила газету на письменный стол перед моим носом. Объявление было напечатано крупными буквами:

«СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ХОРОНЯТ ХУСТОНА».

Я прочел начало статьи, в которой кратко описывался процесс. Единственная новость заключалась в том, что Хустон должен был сесть на электрический стул сегодня в полночь.

— Это не мешает мне спать,— заметил я.

— Чтобы мешать вам спать, нужна блондинка с

окружностью в девяносто шесть сантиметров,— презрительно бросила Фран.

— Вы — рыжая,— сказал я, рассматривая ее критическим взглядом.— И на вас мягкая блузка, следовательно, мне трудно решить, но я готов поклясться, что у вас окружность не более восьмидесяти сантиметров.— Я встал и обошел письменный стол, чтобы приблизиться к Фран.— Знаете, что мы сделаем? Снимем вашу блузку и измерим, только не дышите так глубоко.

Ее серо-зеленые глаза внезапно потемнели.

— Об этом не может быть и речи! — сказала она и со скоростью света унеслась к двери.

Я сел на свое место, закурил сигарету и стал просматривать другие газеты. Во всех крупными буквами сообщалось о Хустоне. Он был героем дня.

Зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Мистер Бойд? — спросил женский голос.

— Я самый. Кто говорит?

— Денни! — проворковал голос.— Это Марта Хозелтон.

— Как поживаете?

— Хочу попросить вас об одной услуге...— Она колебалась.— Большой услуге.

Я уже оказал ей две и подумал, что за десять тысяч долларов могу оказать третью.

— Слушаю вас.

— Вы очень милы, Денни. Отец в настоящее время находится в больнице.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Коронарный тромбоз... Это не очень весело... Послушайте, Денни, вот что: сегодня выходной день у слуг и я одна. Вы знаете, что должно произойти в полночь?

— Хустон,— ответил я.

— Я, безусловно, слабая личность или что-то в этом роде,— проговорила она извиняющимся тоном.— Я целый день размышляла об этом и чувствую себя совершенно подавленной. Думаю, что не смогу одна вынести этот роковой кошмар. Не составите ли вы мне компанию сегодня вечером? Пока все не будет окончено.

— Ну, разумеется! С большим удовольствием. В котором часу вы хотите, чтобы я пришел?

— Вы должны понимать, что это означает для меня, Денни,— жалобно проговорила она.— Можете ли вы прийти около десяти часов?

— Хорошо.

— Еще раз спасибо, Денни. Я буду очень рада снова увидеть вас.

Я ушел из бюро около половины шестого. Фран внимательно посмотрела на меня.

— Отдых! — бросил я ей. — Мир полон женщин, которые готовы перерезать другим горло ради бойцовского профиля. Я же страдаю из-за рыжей, у которой объем груди всего восемьдесят сантиметров.

— Девяносто четыре с половиной, — поправила она. — Я проверила.

— Ну что ж, я беру обратно свои слова. Может быть, у вас есть маленький шанс поближе познакомиться с профилем греческого бога. И не воображайте, что я преувеличиваю, я просто предъявляю факты.

— Вы увидите меня плачущей над жалкими частями жалкого профиля, — холодно отпаривала она. — Можно ли купить бриллианты с помощью профиля?

Я, может быть, многого не стою, но никогда не упускаю случая, когда надо исчезнуть. Таким образом, я исчез и отправился домой. Я угостил себя парочкой стаканов, открыл банку копченой семги. По известной причине я не был голоден. Время шло медленно. Потом внезапно наступило девять часов. Пора собираться в путь.

Точно в половине десятого я остановился перед зданием на Векман Плас. Тридцать секунд спустя Марта Хозелтон открыла мне дверь.

— Входите, входите, Денни, — сказала она, изображая радостную улыбку. — Вы не можете представить, как я рада вас видеть.

Освободившись от плаща, я прошел в гостиную. Большие поленья пылали в камине из белого мрамора, и в комнате было очень тепло. Я обнаружил, что туалет Марты подобран к температуре гостиной.

Ее кимоно из белого нейлона небрежно запахнуто на пестрой пижаме. У кимоно воротник и отвороты черные, и это было очень красиво. Брюки пижамы, обтягивающие, как вторая кожа, тоже очень красивые.

Диван стоял перед камином, а около дивана — маленький столик с приятного вида батареей бутылок.

Марта внимательно посмотрела на меня блестящими глазами.

— Идите сюда, садитесь на диван, Денни, — сказала она. — Так хорошо около огня! Нальем себе выпить, и это будет прекрасно.

Ее голос постепенно густел, пока она говорила.

— Ваша мысль кажется мне превосходной,— ответил я.— Что вы хотите пить?

— Скотч, добрый старый скотч, и никакого льда, Денни! Сейчас зима, зима моей потерянной молодости... Откуда это?

Я подошел к столику и наполнил стаканы.

— А сколько вы выпили этого доброго скотча? — спросил я.

— Не будьте придирчивы! — недовольно произнесла она.— Думаете, я считала свои стаканы? Мне двадцать семь лет... Я в таком возрасте, когда можно делать, что хочешь, и я богата для того, чтобы делать, что хочу. Так почему бы мне и не делать того, что хочется? Ответьте, Денни Бойд.

Я сел рядом с ней на диван, держа в каждой руке по стакану. Она быстро взяла тот, который был ближе к ней.

— За ваше здоровье, мистер Бойд,— сказала она, поднимая стакан.— Мы его имеем. Ведь так говорят?

— Кто так говорит?

Она недовольно поморщила нос:

— Боже мой, как вы вульгарны!

— Боже мой, какую шлюху вы изображаете,— немедленно отпарировал я.

Она фыркнула.

— Вы правы... пейте, Денни, ведь живут один раз!

— Ну да! Идите потихоньку и вы проживете дольше.

Она запрокинула голову и сразу опустошила свой стакан, словно ей страшно хотелось пить. Потом она долго смотрела на пустой стакан и швырнула его в камин. Он разбился, ударившись о мрамор, и тысячи осколков полетели в огонь.

— Мой дедушка был казаком,— сказала она заплетаясь языком.— Он насиловал женщин и убивал мужчин. Он прожил лишь девятнадцать лет. Вы поняли мораль истории, Денни?

— Я вас слушаю,— проворчал я.

— Не нужно убивать, жизнь слишком коротка, чтобы терять время на ненужные вещи.

Она начала смеяться и никак не могла остановиться. Я подумал, что мне, в сущности, совершенно ни к чему ограничивать себя и, опорожнив свой стакан, налил следующую порцию.

Внезапно Марта перестала смеяться.

— Какой час? — вполголоса спросила она.

— Десять часов пять минут.

— Вечер еще только начался,— заявила она.— А у меня нечего выпить.

— Каждому делу свое время. В настоящий момент я стараюсь наверстать упущенное.

Позже я сказал себе, что теперь все в порядке. Чувствовалась небольшая пульсация в висках и рисунок ковра перед камином начал время от времени двигаться перед глазами.

— Денни! — произнес знакомый голос, слышавшийся где-то поблизости.— Алло? Алло? Когда же вы мне дадите выпить?

— Теперь. Я должен был вас догнать, и сейчас мы на равных.

Я наполнил два стакана и протянул один ей. Она любовно взяла его обеими руками и поднесла к губам.

— Теперь лучше,— заявила она после того, как опустошила его.— Я начинаю сердиться на вас.

— Никогда бы не подумал, что вы можете сердиться на меня,— обиженным тоном проговорил я.— На меня, такого милого. Больше не говорите мне этого.

— Я была очень зла на вас в первый раз, когда мы встретились в баре,— сказала она.— Вы заявили, что уверены, будто я ношу белое белье и смотрю на мужчин, как на темных личностей или скотов.

— Я сказал это? Я?

— Безусловно! — усмехнулась она.— Я была зла, потому что вы угадали! Я не ношу другого белья, кроме белого, а что касается мужчин, то я действительно смотрю на них, как на темных скотов.

— Неправда! — возразил я.— Во всяком случае, не всегда.

— Вы опять правы. Который сейчас час? Мне трудно рассмотреть стрелки часов.

— Одиннадцать десять,— ответил я.

— Вам не кажется, что можно было бы выпить еще по стаканчику, Денни?

Мы выпили еще по стаканчику и молоточки в моем черепе интенсивно застучали.

Внезапно Марта вскочила на ноги и опять бросила свой стакан в огонь.

— Мне жарко,— сказала она.— А вам жарко, Денни?

— Задыхаюсь...

— Нужно снять что-нибудь,— заявила она.— Это единственная возможность.

Она расстегнула пояс и освободилась от своего кимоно, которое бросила на пол.

— Вот теперь лучше,— проговорила она со вздохом облегчения и упала на диван.

Я запрокинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. Все передо мной начало кружиться быстрее и быстрее, и это заставило открыть глаза.

Лицо Марты было совсем близко от моего: ее темные глаза пристально смотрели на меня.

— Денни,— прошептала она,— вы находите меня привлекательной?

— Я нахожу вас почти прекрасной, Марта,— честно признался я.— У вас очень красивое лицо и подходящее к нему тело.

— Я считаю вас искренним...— медленно произнесла она,— хотя вы и называли меня высокомерной! Но вы не ответили на мой вопрос, Денни Бойд! Желанна ли я? Желаете ли вы меня сейчас, когда я нахожусь так близко от вас...

Она прижала свой рот к моему. Я был парализован ее диким поцелуем. Молоточки еще сильнее застучали в моем черепе, но на этот раз не алкоголь был причиной тому.

Прошло много времени, прежде чем она отодвинулась от меня, совершенно задышающая, опираясь руками о мою грудь и впиваясь ногтями в мою кожу.

— Денни,— прошептала она.

— Гм!..

Она отвернула голову.

— Вы однажды сказали мне... шутя... что ваше настоящее ремесло, это... вы помните?

— Только не в данный момент.

— Вы прекрасно знаете, как мой дедушка...— Запах ее духов смешался с запахом алкоголя, все это бросилось мне в голову и призывало к действиям. Я схватил ее за плечи и опрокинул на диван. Она позволила мне сделать это и закрыла глаза.

Схватив за отвороты ее пижамы, я изо всех сил рванул их. Шелк порвался и она обнажилась до пояса. Ее груди, высокие и круглые, предлагают себя...

И тут она начала смеяться, смех был низким, животным и таким непристойным, что мои уши отказывались верить. Что-то проснулось в моей памяти, что-то прозвучавшее как колокол страшного суда. Я резко отстранился, поднялся, шатаясь, и вдруг почувствовал, как ужас заполнил меня...

ткань паутины облепила мое лицо, и нервы напряглись до предела.

Марта открыла глаза и, моргая, посмотрела на меня, в то время, как губы ее призывно улыбались.

— Почему вы не продолжаете, Денни? — прошептала она. — Вы дразните меня?

— Вы смеялись, — глухо сказал я.

Высокомерие, выражение полного презрения на мгновение появилось в ее глазах.

— Не будьте столь чувствительны, дорогой! — бросила она. — Я всегда смеюсь, я не могу удержаться от этого... Это всегда вместе с... понимаете меня?

— Я уже слышал этот смех... в амбаре. Он звучал с сеновала. Я считал, что это смеется Пете Ринкман. За всю свою жизнь я не слышал ничего более непристойного. Я карабкался по лестнице с одной мыслью, не придти слишком поздно, чтобы спасти вас... Но это смеялся не Пете, это были вы!

Одним движением она села. Ее глаза были, как два темных озера на бледном лице.

— Шлюха! — прерывисто произнес я. — Подумать только, что вы тогда просто хорошо проводили время!

Несколько секунд она смотрела на меня, ни слова не говоря. Неожиданно ее лицо перекосилось и она опять упала на спину.

— Ну вот, Денни, — проговорила она насмешливо, — теперь вы знаете мои девичьи секреты. Очень сожалею, что испортила ваши героические воспоминания... — Она посмотрела на свое обнаженное тело. — Но это была единственная возможность поймать вас.

— Вы и Пете... — пробормотал я. Мое горло сжалось от боли. — Вы пошли за ним не для того, чтобы обвинить его в сообщничестве с Хустоном. Вы вышли в психологический момент... Ведь все было уже ясно. Я только что узнал, что убийцей являлся Хустон, а не ваш отец, растративший наследство. Вы знали, что мне потребуется немного времени, чтобы догадаться об остальном, в том числе и о роли, которую сыграл Пете... Значит, только по этой причине вы поднялись с ним на сеновал. Чтобы испытать в последний раз его способности?

Как бы против воли она открыла глаза.

— Ну и что? — возмущенно проговорила она. — Что теперь все это значит?

— Вы были в курсе дел Хустона, не правда ли? Откуда вы узнали?

— Я познакомилась с клерком, — она теперь говорила вызывающе. — Он имел те же способности, что и Пете... но был более рафинированный. После ночи, проведенной со мной, он позволил бы себе отрезать голову, если бы я захотела. Я сказала ему, чтобы он бросил взгляд на бумаги, относящиеся к наследству, потому что ходили слухи о том, что Хустон стал заниматься нефтяными промыслами... Мой маленький клерк не был уверен, что Хустон растратил наследство, но это казалось ему возможным.

— Вот как вы построили свой план! С Хустоном в роли козла отпущения и Пете, который должен был оценить ваши прелести, наконец клерк... Что вы ему обещали? Часть наследства?

— Гораздо больше, — безразлично ответила она. — Я обещала выйти за него замуж!

— Вам был нужен третий, это я, чтобы все верили в вашу невиновность, чтобы сотворить вам алиби, — продолжал я, как бы рассуждая сам с собой. — А Толвар? У кого возникла мысль убрать меня, после того как труп Филиппа был помещен в мой багажник?

— Он и Хустон. Хустон хотел во что бы то ни стало избавиться от трупа из-за вашего телефонного звонка в полицию. Он был совершенно уверен, что вы хотели взвалить на него убийство. Пете же был вынужден войти в игру потому, что был на стороне Хустона и не мог признаться, что переменял планы.

— Зачем же вы убили Филиппа и Клемми?

— Я не знала, сколько осталось от наследства после манипуляций Хустона, — с гримасой пояснила Марта. — Я была уверена, что там мало на троих. Ну что же вы так смотрите на меня? Я была вынуждена так поступить!

— Вы сумасшедшая, — прошептал я. — Совершенно сумасшедшая! Сильвия Вест права, вы параноик с тенденциями к убийству!

Она встала передо мной.

— Никогда не повторяйте этого, — она пыталась улыбнуться, но снова получилась гримаса. — Дорогой! — это прозвучало фальшиво, несмотря на все ее усилия. — Не устраивайте историй... Если хотите денег, я их вам дам. Все это закончено теперь, а Хустон...

— Хустон! — вскричал я. — Боже мой! Я совершенно забыл по нему...

Я бросил безумный взгляд на свои часы и устремился к телефону.

— Что это вы делаете? — спросила Марта.

— Сейчас без четверти полночь, как раз вовремя...

Я снял трубку и набрал номер.

— Бросьте это, Денни,— резко крикнула Марта.

Я услышал шум разбиваемого стекла.

Телефонистка не торопилась отвечать. Я поднял глаза и увидел Марту, которая слегка шатаясь, держала осколок бутылки в руке.

— Повесьте трубку, Денни,— глухо сказала она.— Повесьте, или я перережу вам горло!

Она угрожающе направила на меня осколок. Зубчатый край бутылки блестел под светом.

— Не подходите ко мне, сумасшедшая! Иначе я вас убью!

Какое-то бульканье раздалось в ее голосе.

— Я запрещаю вам так говорить! — прорычала она, прежде чем броситься на меня.

Она со страшной быстротой перебежала комнату, держа осколок как копье.

В десяти шагах от меня ее ноги запутались в ворсистом ковре. Она зашаталась, потеряла равновесие, издала хриплый крик и упала. Но ее руку, которая держала осколок, подняло в тот момент, когда она падала, и шея — тонкая и хрупкая — напоролась на него. Под тяжестью тела сонная артерия оказалась сразу перерубленной.

Охваченный тошнотой, я отвернулся и услышал далекий голос, нетерпеливо повторяющий:

— Говорит междугородняя! Говорит междугородняя!

Я прижал трубку к уху.

— Вопрос жизни или смерти,— с трудом отчеканил я.— Соедините меня с начальником тюрьмы Синг-Синг.

— Вы имеете на это право? — спросил голос.

Я вывернул свое запястье, чтобы посмотреть время.

— Нет! — закричал я в бешенстве.— У меня нет времени спорить!.. Сейчас ровно без четверти двенадцать, а ровно в двенадцать будет поздно!

— Точное время сейчас — двенадцать часов три минуты, мистер,— возразил металлический голос.

— Вы уверены?

— Ноль часов три минуты и десять секунд, чтобы быть точным,— твердо заявил голос.— Не вешайте трубку, я соединю вас.

Совершенно ошеломленный, я слушал серию щелчков. Потом низкий голос прозвучал в моих ушах:

— Говорит бюро начальника тюрьмы Синг-Синг!

— Послушайте,— в отчаянии проговорил я.— Это срочно. Я...

— Ну да, ну да,— нетерпеливо ответил мужчина.— Журналисты все одинаковы! У них всегда срочно! Грегори Хустон сел на электрический стул ровно в полночь. Его смерть официально констатирована в ноль часов одну минуту. Он не делал никаких заявлений. Это все, что я могу вам сказать. О'кей!

Усталым жестом я повесил трубку. Мне осталось еще сделать массу вещей, и я проделал это не торопясь. Вытерев телефонный аппарат от отпечатков моих пальцев, я бросил свой стакан в камин, где он разбился на кусочки, как и другие до этого, забрал свой плащ и надел его. Вот, примерно, все.

В момент ухода я бросил последний взгляд на Марту Хозелтон. Все равно я ненавижу ее, она заставила меня идти до конца, а Бойд, хитрец, не увидел огня... Подобного рода удар трудно квалифицировать, что дело способностей.

Снаружи на улице шел снег. Я подумал, что до Рождества осталось десять дней, а я еще не начал отправлять свои поздравления. Я сел за руль, закурил сигарету и стал ждать, чтобы прогрелся мотор.

Воспоминания о Хустоне не слишком меня терзали. Это не тот парень, о котором проливают слезы. Марта Хозелтон переступила порог жизни в одно время с ним. Надеюсь, что они не встретятся из-за этого на своем дальнейшем пути!

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТОТ МИЛЫЙ, СТАРЫЙ БЛЮЗ	3
ПРОПАВШАЯ НИМФА	115
ЖЕНА НА ВОСКРЕСЕНЬЕ	209
КОВБОЙ ИЗ МАНХЭТТЕНА	301
СТРАХ ПРИХОДИТ НЕ СРАЗУ	391

Картер Браун

Том 5

Сдано в набор 28.08.92. Подписано к печати 24.12.92. Формат $84 \times 108^{1/32}$.
Бумага тип. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л.
26,04. Усл. кр.-отт. 27,51. Зак. 2—2407.

Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Поли-
графкнига». 252057. Киев, ул. Довженко, 3.

Уважаемый читатель!

Часть средств от реализации книг концерн «Олимп» перечисляет в фонд помощи беженцам из Армении и Нагорного Карабаха, которых за четыре года не-объявленной войны на территории Азербайджана уже насчитывается более 400 тыс. человек.

Концерн «Олимп» взял на свое обеспечение все детские дома и интернаты г. Баку.

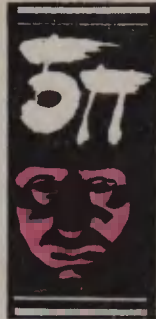
Заранее Вам благодарны, если в наше тяжелое время, когда сострадание и милосердие забыто, Вы сочтете нужным оказать посильную помощь этим людям.

*Просим Ваши пожертвования перечислять на р/с 161404 в банке «Азжелдорбанк» г. Баку
МФО 501736.*

COSY PALACE

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

БРАУН

КАРТЕР

5